РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 5(48)' 2015

включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук в соответствии с решением Президиума ВАК Минобрнауки России

Печатает статьи по истории, педагогике, психологии, биологии, филологии, философии, культурологии, политологии, праву и экономике

РНЖ входит в систему Российского Индекса Научного Цитирования (РИНЦ) и представлен на его сайте www.elibrary.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
НАГОРНОВ Валентин Павлович

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР
ЛОСЕВ Юрий Иванович

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
МАРКОВ Алексей Сергеевич

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
НОВОЖИЛОВ Александр Юрьевич

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

РОДРИГЕС-ФЕРНАНДЕС Александр Мануэльевич – Председатель Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»

ЛОСЕВ Юрий Иванович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ГОРБУНОВ Борис Владимирович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, действительный член РАЕН, зав. НИЛ теории, практики и методики краеведения в образовательных учреждениях ОБГОУ ДПО «Рязанский институт развития образования»

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени П. П. Огарёва»

ЕРШОВ Виталий Фёдорович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, директор Центра стратегии и развития Московского государственного областного университета, г. Москва

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич – член Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории науки и техники ФГБОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург

ЮРКИН Игорь Николаевич – член Совета, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН, г. Москва

РЕЕНТ Юрий Арсенович – член Совета, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Академии Федеральной службы исполнения наказаний РФ

КОЛЬЦОВА Вера Александровна – член Совета, первый зам. директора Института психологии РАН, профессор, доктор психологических наук, зав. лабораторией истории психологии и исторической психологии

ДОНЦОВ Александр Иванович – член Совета, действительный член РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

ЗАБРОДИН Юрий Михайлович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, проректор ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет», действ. гос. советник РФ, вице-президент Федерации психологов образования России

БЕЛЯЕВА Валентина Александровна – член Совета, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и менеджмента в образовании ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ГРЕБЁНКИНА Лидия Константиновна – член Совета, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и менеджмента в образовании ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ПАНОВ Виктор Иванович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования (РАО), зав. лабораторией экопсихологии развития Психологического института РАО

ВОЛОДАРСКАЯ Инна Андреевна – член Совета, доцент факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат педагогических наук, лауреат премии Президента РФ в области образования, Председатель Учебно-методического совета факультета психологии МГУ, г. Москва

НАГОРОВ Павел Сергеевич – член Совета, профессор, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник АНО «Рязанский НИИ психологии и методологии образования»

УХОВ Юрий Иванович – член Совета, профессор, доктор медицинских наук, зав. кафедрой гистологии и биологии ГБОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Фед. агенства по здравоохранению и соц. работе

ЕПИФАНОВ Алексей Герасимович – член Совета, доктор медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, заведующий отделением сосудистой хирургии с применением ПМУ «Скафандр Епифанова»

ИВАНОВ Евгений Сергеевич – член Совета, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, зав. кафедрой экологии и природопользования ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

КАЗАРЕНКОВ Вячеслав Ильич – член Совета, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (РУДН), г. Москва

Иностранные члены Редакционного Совета

Хасан Абдель Хамид Солиман – доктор, профессор геологии Университета г. Асьюта, директор Центра по развитию Южной Долины (г. Асьют, Республика Египет).
Ван Цзиньлин, 王金玲 – доктор филологических наук, профессор, директор института международного образования Чанчуньского университета (г. Чанчунь, КНР).
СМАНЦЕР Анатолий Петрович – доктор педагогических наук, профессор Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).
ФОУШИН Джордж Николас – профессор философского факультета Университета Эмори (г. Атланта, штат Джорджия, США).
ЛИСТЕР Дж. Мэттью – доктор философских и юридических наук, PhD in Philosophy, JD (г. Филадельфия, штат Пенсильвания, США).
РАНГЕЛОВА Емилия Миленкова – доктор педагогических наук, профессор факультета педагогики Софийского университета «Св. Климента Охридски» (г. София, Республика Болгария).
ЛЕВТЕРОВА Дора – доктор педагогических наук, профессор, декан педагогического факультета Пловдивского университета «Паисий Хилендарский» (г. Пловдив, Республика Болгария).
ЗАХАРУК Тамара – доктор педагогических наук, профессор, ректор Седлицкого университета естественных и гуманитарных наук (г. Седльце, Республика Польша).

Leadership (Editorial Board) of the «Russian Scientific Journal»

Editor-in-Chief: **Valentin P. Nagornov** Science Editor: **Yury I. Losev**
Deputy Editor-in-Chief: **Alexey S. Markov** Assistant Editor: **Alexander Y. Novozhylov**

Russian Members of the Editorial Council

Alexander M. Rodriguez-Fernandez – Council Chairman, Professor, Doctor of History, Head of the Department of Modern and Contemporary History, the Faculty of History, Moscow State Pedagogical University.

Yury I. Losev – member of the Council, Professor, Doctor of History, vice-rector, Head of the Department of general History, Ryazan State University named for S. Yesenin.

Boris V. Gorbunov – member of the Council, Doctor of History, full member of the Academy of Natural Sciences, Ryazan Institute of Education Development.

Nikolai M. Arsentiev – member of the Board, Professor, Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of Historical and Sociological Institute of N.P. Ogarev Mordovia State University.

Vitaly F. Ershov – member of the Council, Professor, Doctor of History, Director of the Center for Strategy and Development of Moscow State Regional University, Member of the Board of Russian Society of Historian-Archivists.

Vladimir V. Zapariy – member of the Council, Professor, Doctor of History, Dean of the Faculty of Humanities, Head of the Department of History of Science and Technology, Ural State Technical University.

Igor N. Yurkin – member of the Council, Doctor of History, Senior Research Fellow of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences

Yury A. Reent – member of the Council, Doctor of History, Professor of the Department of History and Philosophy, the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service.

Vera A. Koltzova – member of the Council, Deputy Director of Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Psychology, Head of Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.

Alexander I. Dontzov – member of the Council, full member of the Russian Authors' Society, Professor of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Psychology.

Yury M. Zabrodin – member of the Council, Professor, Doctor of Psychology, vice-rector of the Moscow State University of Psychology and Education, State Councilor of the Russian Federation, Vice-President of the Federation of educational Psychologists of Russia.

Valentina A. Belyaeva – member of the Council, Professor, Doctor of Education, Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education of Ryazan State University named for S. Yesenin.

Lydia K. Grebyonkina – member of the Council, Professor, Doctor of Education, Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education of Ryazan State University named for S. Yesenin.

Victor I. Panov – member of the Council, Professor, Doctor of Psychology, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of Laboratory of Ecopsychology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education.

Inna A. Volodarskaya – member of the Council, Assistant Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD, winner of the President of Russia in the field of education, Chairman of the Educational and Methodical Council of Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Pavel S. Nagorov – member of the Council, Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology and Human Development.

Yury I. Ukhov – member of the Council, Professor, Doctor of Medical Sciences, Head of the Department of Histology and Biology, Ryazan State Medical University named after academician I. P. Pavlov, the Federal Service on Supervision in the Area of Health Care and Social Development.

Alexey G. Epifanov – member of the Council, Doctor of Medical Sciences, Honoured Doctor of the Russian Federation, Head of the Vascular Surgery Department with Medical technology of treatment by polymagnetic device «Epifanov's diving-suit».

Eugene S. Ivanov – member of the Council, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Head of the Department of Ecology and Environmental Sciences of Ryazan State University named for S. Yesenin.

Vyacheslav I. Kazarenkov – member of the Council, Professor, Doctor of Education, Peoples' Friendship University of Russia, Departament of Social and Differential Psychology.

Foreign Members of the Editorial Council

Hassan Abdel Hamid Soliman – Prof. Dr, Geology Department, Faculty of Science, Director of South Valley Development Center, Assiut University (Assiut, Republic of Egypt).

Wang Jinling, 王金玲 – Dr. of Philology, Prof., Director of the Institute of International Education, Changchun University (Changchun, Chinese People's Republic).

Anatoly P. Smantser – Dr. of Education, Prof. of the Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus).

Nicholas G. Fotion – Prof. of the Philosophical Faculty of the Emory University (Atlanta, Georgia, USA).

Mathew J. Lister – PhD in Philosophy, JD (Philadelphia, Pennsylvania, USA).

Emilia M. Rangelova – Dr. of Sciences, Professor of Faculty of Pedagogy, Sofia University «St. Kliment Ohridski» (Sofia, Republic of Bulgaria).

Dora Levterova – D. Sc., Prof. of University of Plovdiv «Paisii Hilendarski», Director of University Center for Career Development (Plovdiv, Republic of Bulgaria).

Tamara Zacharuk – PhD, Assoc. Prof., Rector of Siedlce University of Natural sciences and humanities (Siedlce, Republic of Poland).

СОДЕРЖАНИЕ

Марков А. С., Нагорнов В. П. Видный военный ученый-педагог Олег Юрьевич Ефремов: этапы жизненного и творческого пути....6
I. ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ
Ершов В. Ф., Нагорнов В. П. Производственный персонал металлургических заводов Рязанской губернии в XVIII - первой половине XIX веков. Механизмы формирования и социально-профессиональные характеристики....9
Бармин А. В. Становление индустриального производства на Урале в 80-90-е гг. XIX в. (историографический аспект)....15
Сусло Е. А. Особенности расследования преступлений Рязанским губернским революционным трибуналом в первые годы Советской власти....24
Грошева О. А. Александр Евгеньевич Ферсман: страницы научной деятельности и творчества....30
Осколок К. В. Становление новых химических школ в советских университетах (1950-е - 1980-е годы)....35
Абдуразаков Р. А. Пан-идеи в русской геополитической мысли в первой трети XX века....44
II. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ
Кутенков П. И. Знаковость сряды невесты и молодухи в русской народной культуре....49
Кутенков П. И. Истоки знаковости печальных сряд участников славяно-русской свадьбы....52
Попов Э. Г. (Иеромонах Максим). Трансгуманизм – философско-религиозная проблема современности....56
Матраева А. Д. Аспекты формирования креативной компетенции у студентов....63
Рыбакова М. В., Кузнецова Н. В. Прогнозные модели в контексте глобализации современных экологических вызовов....68
Гоманова С. О. Возможности трансляции экологического образа жизни экопоселениями России....73
Маслова С. Ю. Профессиональная карьера как структурно-динамический феномен....78
Чернышев И. И. В особенности урбанистики и градостроительства России....82
III. ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
Беляева В. А. Проблема профессионального становления и саморазвития будущих педагогов в магистратуре «Педагогика высшей школы»....88
Ефремов О. Ю., Зверев С. Э. Психолого-педагогические аспекты подготовки военнослужащих вооруженных сил США: воспитание готовности к войне и убийству в американской воинской субкультуре в XX веке....93
Казаренков В. И., Долинина И. Г., Зернина Е. В. «Гражданственность» и «гражданская компетентность» в контексте гражданско-информационной парадигмы образования....103
Казаренков В. И., Казаренкова Т. Б. Подготовка специалиста в высшей школе: интеграция образования и самообразования....109
Марков А. С., Булатецкий С. В. Особенности гемодинамики у курсантов образовательного учреждения МО РФ при ментальном стрессе в процессе профессионального обучения....115
Широких О. Б., Марчук О. А. Формирование профессионально-личностной готовности сотрудников исправительных учреждений к взаимодействию с осужденными как аспект пенитенциарной практики....122
Тарасов Ю. Ю., Сердюк Н. В. Профессиональное взаимодействие сотрудников органов внутренних дел на основе компетентностного подхода....129
Архарова Л. И., Егорова О. Л., Плаксина О. А. Проблема развития творческого потенциала школьников в педагогических системах школы....132
Белозор Л. И., Бельгисова К. В., Шульга А. В. К вопросу о требованиях к содержанию понятия «компетенция» и о сложностях удовлетворения этих требований в системе современного профессионального профессионального образования....138
Лукашеня З. В. (*Беларусь*) Контекстный подход как методологическая основа реализации консалтинговых процедур....144
Фомашина Н. В. Педагогическое взаимодействие преподавателей и курсантов в процессе организации самостоятельной работы курсантов....150
Гусева Е. О. Определение понятия «социальная компетентность» как одной из базовых категорий компетентностного образования....156
Привалов Н. И. Повышение роли руководящего и профессорско-преподавательского состава в воспитании нравственных ценностей у курсантов военных вузов....162
Эндеберя И. В. (*Украина*) Теоретико-методологический анализ проблемы профессионального становления будущих практических психологов....168
Shan Yu (*China*). On Cultural Introduction in College English Teaching....174
Shan Yu (*China*). On the Reform of College English Teaching....181
Донцов Д. А., Поляков Е. А. Измерение отношений межличностной значимости в разнообразных учебных и других детских, подростковых и юношеских группах и коллективах....187
IV. ФИЛОЛОГИЯ
Гордова Ю. Ю. Субстратная топонимия Среднего (Рязанского) Поочья в ареальном аспекте: типы на *-га*, *-ель*, *-ля*, *-лей*, *-ляй*, *-ра*(*-ара*)....204
Горчханова Т. Х. Али Хашагульгов. Неисследованная проза....214
Долгиева М. Б. Проявление мультикультуры цвета в романе Е. Моррисон «Возлюбленная»....218
Рыжкова-Гришина Л. В. Начало натурфилософии: происхождение, связь с другими формами познания....223
Рыжкова-Гришина Л. В. Развитие натурфилософских идей в творчестве поэтов XXI века....229
У Лижу, Ма Лицзе (*Китай*). Перевод русских фразеологизмов на китайский язык с семантической точки зрения....237
V. ЭКОНОМИКА
Быстренина И. Е. Тенденции и перспективы развития информационных технологий в науке....242
Ершов В. Ф. Финансовая система стран БРИКС: институализация и интеграция в мировую экономику (2009 - 2015 гг.)....246
Моргунов А. В. Управление гостиничным продуктом....267
VI. ПРАВО
Аликумова Г. Ю. Криминологические особенности и превенция групповых преступлений, совершаемых подростками в состоянии опьянения....269
Бабкин Л. М., Лыткин Н. Н., Шкабин Г. С. Информация о подготавливаемом, совершаемом либо совершенном преступлении как основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий и использование полученных результатов в доказывании по уголовному делу....273
Кандыба Ф. С. Особенности юридического положения монастырей и монашества в Российской империи XIX века....279
Капица В. С. Понятие и сущность способа преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды....285
Куфтерин А. Н., Булатецкий С. В., Хамидова И. В., Лопатин Е. А. Возможности использования психографологии в диагностике свойств и состояний личности сотрудников правоохранительных органов....288
Никулина И. А. Специально-криминологические и индивидуально-профилактические меры предупреждения коррупционных преступлений в сфере медицины....294
Полянцева А. В. Правовое взаимодействие государства и церкви в период абсолютной монархии в России....300
Саркисян В. Г. Особенности добровольного отказа подстрекателя преступления....305
VII. БИОЛОГИЯ И МЕДИЦИНА
Котляров С. Н., Федотов И. А., Шоластер А. Н., Любавин А. В. Теории функциональных расстройств....309
Харитонов Д. Ю., Митин Н. Е., Гришин М. И. Изменения психоэмоционального статуса в период постоперационной реабилитации у стоматологических больных в аспектах двигательно-поведенческих и вегетативных реакций....314
Харитонов Д. Ю, Митин Н. Е., Царькова Т. В. Социально-психологическая реабилитация пациентов после хирургических операций в зубочелюстной системе (обзор литературы)....318

Гусейнов Н. Г. Иммуннные расстройства в организме сельскохозяйственных животных и возможные риски для здоровья человека в сфере его жизнедеятельности при техногенных патологиях паразитарной этиологии....321
Барановский А. В., Иванов Е. С., Ленков М. В. Математическая оценка случайной и зависящей от значимых факторов вариабельности гнездовой биологии птиц....325
Шитов Е. А., Филимонов А. П. Психическая травма в детстве подростков, злоупотребляющих алкоголем....333

CONTENTS

Markov A. S., Nagornov V. P. A Prominent Military Scientist-Educator Oleg Yuryevich Efremov: Stages of Life and Career....6
I. HISTORY & POLITOLOGY
Ershov V. F., Nagornov V. P. The Production Personnel of Ironworks of the Ryazan Province in XVIII – the First Half of the XIX Centuries. Mechanisms of Formation and Social and Professional Characteristics....9
Barmin A. V. Development of Industrial Production in the Urals in the 80-90s of the XIX Century (Historiographical Aspect)....15
Suslo E. A. Peculiarities of Crime Investigation Conducted by the Ryazan Provincial Revolutionary Tribunal during the Early Years of Soviet Government....24
Grosheva O. A. Alexander Evgenievich Fersman: Pages of Scientific Activity and Creativity....30
Oskolok K. V. Formation of New Chemical Schools at the Soviet Universities (the 1950th - the 1980th years)....35
Abdurazakov R. A. Pan-Ideas in Russian Geopolitics in the First Third of the XX Century....44
II. PHILOSOPHY & SOCIOLOGY & CULTUROLOGY
Kutenkov P. I. The Symbolic Meaning of Cragy the Bride and the Young Women in the Russian Folk Culture....49
Kutenkov P. I. The Origins of the Significance of the Sad Srad Participants of the Slavonic-Russian Wedding....52
Popov E. G. [Hieromonk Maxim]. Transhumanism is a Philosophical-Religious Problem of the Present....56
Matraeva A. D. Aspects of Formation of the Creative Competence of Students....63
Rybakova M. V., Kuznetsova N. V. Expected Models in the Context of Globalization of Modern Environmental Challenges....68
Gomanova S. O. Possibility of Translation of Ecological Lifestyle by Ecovillages in Russia....73
Maslova S. Y. Professional Career as a Structural Dynamic Phenomenon....78
Chernyshev I. I. In Particular, Urban Planning and Municipal Development of Russia....82
III. PEDAGOGY & PSYCHOLOGY
Belyaeva V. A. The Problem of Professional Formation and Self-Development of Future Teachers in the Master Program «Pedagogical Science of Higher School»....88
Efremov O. Yu., Zverev S. E. Psychological and Pedagogical Aspects of Training Members of the Armed Forces of the United States: Parenting Preparedness for War and Killing in American Military Subculture of the 20th Century....93
Kazarenkov V. I., Dolinina I. G., Zernina E. V. «Civic Consciousness» and «Civil Competence» in the Context of Civil and Information Paradigm of Education....103
Kazarenkov V. I., Kazarenkova T. B. Training of the Expert at the Higher School: Integration of Education and Self-Education....109
Markov A. S., Bulatetsky S. V. Features of Haemo Dynamics at Cadets of Educational Institution of the Ministry of Defence of the Russian Federation at the Mental Stress in the Course of the Vocational Education....115
Shirokikh O. B., Marchuk O. A. Formation of Professional and Personal Readiness of Correctional Staff to Interact with Prisoners as an Aspect of Penal Practice....122
Tarasov Y. Y., Serdyuk N. V. Professional Interaction of Staff of Internal Affairs Agencies on the Basis of Competence Approach....129
Arkharova L. I., Egorova O. L., Plaksina O. A. The Problem of Development of Creative Potential of Pupils in the School Pedagogical Systems....132
Belozor L. I., Belgisova K. V., Shulga A. V. To the Question about the Requirements to the Content of the Concepts «Competence» and about the Complexities of Meeting These Requirements in the System of Modern Vocational Education....138
Lukashenya Z. V. (*Belarus*) Contextual Approach as Methodological Basis of Realization of Consulting Procedures....144
Fomashina N. V. Pedagogical Interaction between Teachers and Cadets in the Process of the Cadets Self-Instruction....150
Guseva E. O. The Definition of «Social Competence» as One of the Base Categories of Competence-Based Education....156
Privalov N. I. Increase of the Role Leading and the Faculty in Education of Moral Values at Cadets of Military Higher Education Institutions....162
Endebery I. V. (*Ukraine*) Theoretical and Methodological Analysis of Problem of Professional Becoming of Future Practical Psychologists....168
Shan Yu (*China*). On Cultural Introduction in College English Teaching....174
Shan Yu (*China*). On the Reform of College English Teaching....181
Dontsov D. A., Polyakov E. A. The Dimension of Interpersonal Relations Importance in a Variety of Education and Other Children's, Teenage and Youth Groups and Teams....187
IV. PHILOLOGY
Gordova Yu. Yu. Areal Aspect of Substrate Toponymy of Middle Oka (Ryazan) Region Types with *-га, -ель, -ля, -лей, -ляй, -ра (-ара) (-ga, -el, -lya, -lej, -laj, -ra (-ara))*....204
Gorchkhanova T. Kh. Ali Khashagulgov. Unresearched Prose....214
Dolgieva M. B. Colour Multiculture Presentation in «Beloved» by T. Morrison....218
Ryzhkova-Grishina L. V. Start of Natural Philosophy: Origin, Association with Other Forms of Knowledge....223
Ryzhkova-Grishina L. V. The Development of Natural-Philosophical Ideas in the Works of Poets of the Early XXI Century....229
Wu Liru, Ma Lijie (*China*). The Chinese Translation of Russian Idioms from the Semantic Point of View....237
V. ECONOMICS
Bystrenina I. E. Tendencies and Prospects of Development of Information Technologies in Science....242
Ershov V. F. Financial System of the Countries of BRICS: Institutionalization and Integration into World Economy (2009 - 2015)....246
Morgunov A. V. The Hotel Management Product....267
VI. LAW
Alikumova G. Yu. Criminological Characteristics and Prevention of Collective Crimes Committed by Teenagers in a Drunken State....269
Babkin L. M., Lytkin N. N., Shkabin G. S. Information on the Prepared, Committed or Committed Crime as the Basis for Carrying out Operational Search Actions and Use of the Received Results in Proving of Criminal Case....273
Kandyba F. S. Features of Legal Statute of Monasteries and Monkhood Are in Russian Empire of XIX Century....279
Kapitsa V. S. The Concept and Essence of the Way Crimes against Life and Health, Committed by Reason of National, Racial or Religious Hatred or Hostility....285
Kufterin A. N., Bulatetskiy S. V., Hamidova I. V., Lopatin E. A. Potential for Use of Psychographology in Diagnosis of Personality Traits and States of Law Enforcement Officials....288
Nikulina I. A. Special-Criminological and Individual-Preventive Measures of the Prevention of Corruption Crimes in the Sphere of Medicine....294
Polyanceva A. V. Legal Interaction between the State and the Church in the Period of Absolute Monarchy in Russia....300
Sarkisyan V. G. Features Voluntary Relinquishment Inciter of Crime....305
VII. BIOLOGY & MEDICINE
Kotlyarov S.N., Fedotov I. A., Sholaster A. N., Lyubavin A. V. Theory of functional disorders....309
Kharitonov D. Yu., Mitin N. E., Grishin M. I. Changes during the Emotional Status Postoperative Recovery Have Dental Patients in the Aspect of Motor-Behavioral and Autonomic Responses....314
Kharitonov D. U., Mitin N. E., Tsar`kova T. V. Socio-Psychological Rehabilitation of Patients after Surgery in Maxillofacial Area (Review)....318
Guseynov N. G. Immune Disorders in Farm Animals, and the Possible Risks to Human Health in His Life when Man-Made Pathologies Parasitic Etiology....321
Baranowski A. V., Ivanov E. S., Lenkov M. V. The Mathematical Estimate of the Random and Independent of the Significant Factors of Variability of Nesting Biology of Birds....325
Shitov E. A., Filimonov A. P. Psychological Trauma among Adolescence with Alcohol Addiction....333

УДК 378.124.2
ББК 74.48
Педагогика

ВИДНЫЙ ВОЕННЫЙ УЧЁНЫЙ-ПЕДАГОГ ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ ЕФРЕМОВ: ЭТАПЫ ЖИЗНЕННОГО И ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

Зам. главного редактора «Российского научного журнала»
А. С. Марков
Главный редактор «Российского научного журнала»
В. П. Нагорнов

В статье кратко представлены этапы жизненного и творческого пути видного военного ученого-педагога О. Ю. Ефремова

Ключевые слова
Ефремов Олег Юрьевич, военная педагогика, военная академия связи имени С. М. Буденного

20 сентября 2015 года внезапно ушел из жизни наш большой друг, активный член Редакционного Совета «Российского научного журнала», видный российский ученый и военный педагог **Олег Юрьевич ЕФРЕМОВ**. В этом номере журнала публикуется его очередная научная статья. У нас было много совместных планов, связанных с научной и издательской деятельностью, которые придется завершать без его участия, поддержки и помощи. Но мы постараемся воплотить в жизнь все, о чем вместе мечтали.

Вместе с друзьями Олега Юрьевича вспомним о его жизненном пути, а тем, кто не знал его близко, мы расскажем – «знаете каким он парнем был?!»

Олег Юрьевич родился 22 февраля 1964 года в деревне Агалатово Всеволожского района Ленинградской области в семье военнослужащего.

В 1971 году Олег пошел в 1-й класс Строиловской начальной школы поселка Вартемяги Всеволожского района Ленинградской области. В связи со сменой места службы отцом ему пришлось поменять 5 школ.

В 1981 году Олег Ефремов поступил в Курганское высшее военно-политическое авиационное училище (КВВПАУ), которое закончил в 1985 году с дипломом с отличием и золотой медалью по специальности «Офицер с высшим военно-политическим образованием, учитель истории и обществоведения».

После окончания Курганского ВВПАУ лейтенант Ефремов был направлен для прохождения службы в ВВС Ленинградского военного округа в должности заместителя командира роты связи.

В марте-апреле 1987 года в составе оперативной группы ВВС ГО СССР участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в должности заместителя начальника авиационной комендатуры города Чернобыля по политической части. За мужество, проявленное при ликвидации последствий аварии на Черно-

Полковник, доктор педагогических наук, профессор, член Редакционного Совета «Российского научного журнала» Олег Юрьевич ЕФРЕМОВ

быльской АЭС, Ефремов Олег Юрьевич Указом Президента РФ был награжден медалью «За спасение погибавших».

После выполнения задания в Чернобыле Олег Юрьевич был назначен на должность заместителя командира учебной радиороты по политической части отдельного полка связи.

В мае 1991 года Олег Юрьевич стал заместителем командира батальона связи по военно-политической работе 76 Воздушной армии. Получив богатый опыт практической работы в подразделениях связи ВВС, Олег Юрьевич был направлен на военно-педагогический факультет Военного университета для повышения профессионального мастерства, приобретения педагогического и научного опыта.

Олег Юрьевич к любому порученному делу всегда относился с большой ответственностью и полной отдачей сил. Результат учебы проявил значительный научный потенциал и способность к самоорганизации. В 1996 году Олег Юрьевич закончил Военный университет по специальности «Психология, офицер с высшим военным образованием, преподаватель психологии» с получением диплома с отличием и золотой медали. После обучения на военно-педагогическом факультете Военного университета (1993-1996 гг.) был направлен преподавателем психологии в Санкт-Петербургское высшее военное инженерное училище связи.

В 1997-1998 годах Олег Юрьевич прошел профессиональную переподготовку по специальности «Психология, преподаватель психологии» и работал над кандидатской диссертацией в Республиканском гуманитарном институте при Санкт-Петербургском государственном университете, где в 1998 году на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук на тему «Формирование системы педагогической диагностики в высшем военном инженерном училище связи».

Успехи в научной деятельности были отмечены руководством и послужили началом для карьерного роста Олега Юрьевича: в 1999 года он – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного университета связи, а в 2000 году – старший преподаватель.

В 2001 году в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора педагогических наук на тему: «Теория и практика педагогической диагностики в высшей военной школе России».

В 2001 году Олегу Юрьевичу присвоено ученое звание «доцент» и в 2002 году он назначается на должность доцента кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

В том же 2002 году Олегу Юрьевичу присвоено воинское звание «полковник».

За большой вклад в подготовку высококвалифицированных военных специалистов в 2003 году полковник Ефремов был награжден Почетной грамотой Министерства образования.

В 2004 году Олег Юрьевич становится заместителем начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного университета связи. Уже через год он назначен на должность начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии связи и получил ученое звание «профессор» (по кафедре педагогики).

С этого времени научная деятельность Олега Юрьевича Ефремова становится еще более активной и плодотворной:

– с 2006 года – действительный член Международной академии акмеологических наук;

– с 2009 года – член-корреспондент Международной академии психологических наук.

В 2009 году в связи с организационно-штатными мероприятия (переводом кафедры на гражданские штаты) уволен из рядов Вооруженных Сил и приступил к работе в должности заведующего кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии связи.

Олег Юрьевич отмечен многими ведомственными наградами Министерства обороны, МВД России, МЧС России.

Он является автором более 200 научных и методических трудов, в том числе учебников и учебных пособий «Военная педагогика», «Психология человека», «Управление персоналом», «Управление и диагностика персонала», «Организационное поведение», «Педагогика», «Профессионально-ориентированное общение». Также является автором учебных пособий «Педагогика. Краткий курс», «Педагогика», учебника и практикума «Риторика».

Учебник «Военная педагогика», выпущенный авторским коллективом под руководством и под редакцией О. Ю. Ефремова в 2008 году, в настоящее время является базовым учебником по педагогике для вузов силовых ведомств. О. Ю. Ефремов в 2011 году за этот учебник награжден премией Министра обороны Российской Федерации.

О. Ю. Ефремову в 2013 году за цикл работ, включая учебник «Военная педагогика», присуждено звание лауреата премии Правительства РФ в области образования.

Олег Юрьевич Ефремов явился основателем серии «Учебник для военных вузов». Издательством «Питер» впервые в современной России реализуется проект выпуска учебников для военных вузов, подготовленных в соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования и допущенных Учебно-методическим объединением высших военно-учебных заведений в качестве учебников для курсантов военных вузов. Под редакцией О. Ю. Ефремова в издательстве «Питер» в серии «Учебник для военных вузов» вышли учебники: «Военная педагогика», «История Отечества», «Философия», «Экономика», «Правоведение».

Олег Юрьевич выступал одним из организаторов Первой международной Олимпиады курсантов образовательных организаций высшего образования по информатике, проводимой Министерством обороны на базе Военной академии связи.

Он организатор проведения вузовских олимпиад «История Отечества», «Философия».

Ефремов О. Ю. явился основателем научной школы «Педагогические проблемы военного образования». Под его руководством было защищено 19 кандидатских диссертаций.

Светлая память об офицере, руководителе, товарище сохранится в наших сердцах, его учебниках, научных работах его учеников.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 94(47).05/07
ББК 63.3(2)51/52
Отечественная история

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПЕРСОНАЛ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДОВ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКОВ. МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Доктор исторических наук В. Ф. Ершов
В. П. Нагорнов

В статье рассматривается специфика формирования рабочих кадров металлургических заводов Рязанского края в XVIII – первой половине XIX вв. в условиях крепостнической системы, освещается динамика количественных и качественных показателей, условия труда и жизни различных групп производственного персонала рязанских железоделательных заводов в дореформенный период.

Ключевые слова
Рязанская губерния, металлургическая промышленность, крепостная мануфактура, рабочие кадры

Актуальность темы исследования определяется существенным значением металлургической промышленности в процессе дальнейшей модернизации индустриального комплекса России. Реализация программ совершенствования инфраструктуры, технологического и кадрового обеспечения современной отечественной металлургии актуализирует задачи в сфере углубленного изучения предшествующего опыта развития отрасли в различные исторические периоды. Президент России В. В. Путин в Поздравлении работникам и ветеранам горно-металлургического комплекса России в связи с Днем металлурга 19 июля 2015 г. отметил, что российские металлурги могут по праву «гордиться славной историей отрасли, ее достижениями и успехами. И конечно, многими поколениями своих предшественников, трудом и талантом которых осваивались богатейшие природные ресурсы, создавалась мощная база для развития экономики, укрепления оборонно-промышленного потенциала страны» [1].

В данном контексте существенный научный интерес представляет исследование малоизученных аспектов становления металлургической промышленности в Рязанском крае в XVIII – XIX вв., включая специфику формирования профессиональных кадров и социальной среды рязанской металлургии.

Следует отметить, что в дореформенный период металлургическое производство оказывало значительное влияние на развитие хозяйственно-экономической и демографической инфраструктуры Рязанской губернии, стимулируя рост сел и уездных городов и появление в составе мест-

ного населения новых профессиональных групп – квалифицированных мастеровых, техников, управленческого персонала. Начиная с первой четверти XVIII века население Рязанского края в тех местностях, где велась добыча руды и создавались литейные заводы, вовлекалось в металлургическое производство, что способствовало в той или иной степени распространению в крестьянской среде новых представлений в технологической сфере. Горнозаводские мастеровые становились своего рода элитой в сельском мире рязанской провинции; они обладали профессиональными знаниями и опытом, выделявшим их из общей массы крестьянского населения, в кругу квалифицированных работников формировался повседневный уклад, также имевший некоторые отличия от сельского быта.

Обеспечение технологического процесса на горных заводах требовало взаимодействия нескольких категорий работников, каждая из которых характеризуется самостоятельной динамикой профессиональных и социально-ментальных параметров.

Рост спроса на железо в эпоху Петровских преобразований, возникновение центров металлургического производства создавали условия для формирования кадров мастеровых людей. Первые представители этой категории заводских работников принадлежали к вольным, разночинным людям, среди которых преобладали ремесленники-кузнецы и оружейники, владевшие различными навыками обработки металла, а также «рудознатцы» и представители других средневековых профессиональных групп, которые охотно откликались на призыв правительства искать и добывать железо и другие металлы. Однако уже во второй трети XVIII века на большинстве горных заводов, в том числе в Рязанской губернии, начинает доминировать крепостническая система организации труда.

В эпоху крепостного права главным фактором «кадровой политики» российских металлозаводчиков была возможность принудительного использования рабочей силы. Первенцы рязанской металлургии, Истьинский и Улусский заводы, в первые годы своего существования в силу небольших масштабов и простых технологий производства не требовали многочисленного персонала. Однако впоследствии численность работников увеличивается, преимущественно за счет покупки владельцами заводов Рюмиными земель с крестьянами «на заводском праве» (в соответствии с указом 1721 года, разрешавшего заводчикам-купцам покупать крестьян с припиской их к заводам).

Большинство посессионных крестьян, приписанных к металлургическим предприятиям, являлось уроженцами близлежащей местности. Часть лично зависимых работников являлась крепостными людьми заводчиков-дворян, владевших наследственными землями в Рязанской губернии либо специально покупавшим и деревни и крестьян для обеспечения заводов. Большинство этих поместий также располагалось недалеко от заводов. В ряде случаев крестьяне направлялись на заводы из имений заводчиков, находившихся в других уездах и губерниях – Тульской, Московской и т. п. Промышленники, владевшие несколькими предприятиями, при необходимости переводили работников с завода на завод. В частности, А. Р. Баташев после получения им дворянского звания в 1784-1785 гг. активно приобретал землю и крестьян в Касимовском уезде, в том числе 344 вновь купленных работника он перевел на Гусевский завод [10. Л. 533].

Купец Гостинной сотни Григорий Чирьев (отец А. Г. Чирьева, основателя Истьинско-Бордаковского завода) еще в 1716 г. приобрел у князя Михаила Одоевского имение с крестьянами и различными угодьями в Переславском уезде (как отмечалось позднее в документах Берг-коллегии, «по какому праву покупка такового дворянского имения была ему, Чирьеву, дозволена, о том по делу не значится» [9. Л. 6]). В последующие годы А. Г. Чирьев продолжал покупать у соседних помещиков крестьян; по 5

ревизии на Истьинско-Бордаковском заводе (тогда во владении Шуваловых) числился 271 рабочий и 39 собственных мастеровых [8. Л. 106об.-106; 9. Л. 10].

В силу узости и неразвитости рынка рабочей силы найти квалифицированных и покладистых наемных работников-мастеровых было непростой задачей [5. С. 239]. Тем не менее, на некоторых предприятиях, например, на Ибердском заводе, наемные работники преобладали и в дореформенный период. Так, по данным V ревизии (1794 г.) на Ибердском заводе работало 37 крепостных крестьян и 91 вольнонаёмный мастеровой, а в дальнейшем нанимались крестьяне из окрестных деревень. Состав крепостных работников не был однородным. Казенные (приписные) мастеровые люди (квалифицированные работники с различными специализациями) имели более высокое жалованье и лучшее жилье, их, как правило, не забирали в рекруты. (Если очередь по рекрутскому набору падала на ценного для завода мастера, владелец имел право его откупить). Нередко численность мастеровых людей превышала количество чернорабочих. Например, в середине 1790-х гг. на Истьинско-Бордаковском заводе титулярного советника Ивана Шувалова числились 271 мастеровой и 30 купленных крестьян, а на Непложском заводе капитанши Марии Мосоловой имелось 130 крепостных мастеровых и 100 крестьян, в том числе приписных к заводу 23 души, остальные покупные [8. Л. 106об.-107]. Штат игольного производства в Столпцах и Коленцах включал 500 крепостных крестьян и 272 посессионных работника, а также вольнонаемный технический персонал, в том числе, двух главных игольных мастеров. На металлургических заводах Рязанской губернии, как и на большинстве российских мануфактур XVIII – начала XIX вв., присутствовали, хотя и в небольшом количестве, такие категории рабочих, как беглые, бывшие каторжники и т. п. Имеются данные (примерно 1795 г.), что на Истьинско-Залипяжском заводе, помимо 30 покупных мастеровых и 100 крестьян, имелся 191 работник из числа «отданных от ревизии незаконнорожденных и не помнящих родства» [8. Л. 107об.-108].

Как правило, на российских металлургических заводах, в том числе в Рязанской губернии, в XVIII – XIX вв. производственное обучение осуществлялось на практике, нередко с подросткового и детского возраста; так, обучаться изготовлению иголок и проволоки начинали с 7-8 лет. В первой половине XIX века некоторые рязанские заводчики в целях модернизации предприятий вкладывали средства в повышение профессионального уровня их персонала. Так, одним из главных факторов успеха инструментальной фабрики де Броглио явилось привлечение иностранных мастеров, которые за достаточно высокую плату налаживали производство, одновременно обучая русских подмастерьев [7. Л. 41]. В последующие десятилетия численность квалифицированного персонала на предприятии постоянно увеличивалась, но иностранные специалисты уже не привлекались.

Помимо лично зависимых работников на металлургических заводах всегда имелся наемный персонал: мастера, управляющий, письмоводитель и т. п., которые в глазах крепостных крестьян и мастеровых составляли социально чуждую категорию, пользовавшуюся различными льготами и покровительством владельцев заводов. При этом многие заводчики-дворяне практически полностью устранялись от участия в руководстве предприятиями и в жизни их персонала, передавая эти функции управляющим или арендаторам. С повышением технологического уровня производства – появлением паровых котлов, различных машин и аппаратов, на литейных и механических заводах Рязанского края появились инженеры и другие работники со специальным образованием, выпускники Корпуса горных инженеров (Горного института) и других высших учебных заведений.

Условия повседневной жизни рядовых работников рязанских железоделательных заводов в XVIII – первой половине XIX

вв. были в целом типичны для данной сословной группы и для Замосковного горного округа. Горнозаводские мастеровые люди и посессионные крестьяне должны были получать за свой труд жалованье (как правило, выплачивавшееся в минимальном размере), а для владельческих крестьян работа на заводе выполняла роль барщины. Крепостным крестьянам, выполнявшим поставку на заводы дров, сена, древесного угля и т. п., работы засчитывались как натуральный оброк. Мастеровые люди и неквалифицированный персонал из крестьян, постоянно работавших на заводе, не занимались хлебопашеством, но многие держали домашний скот, в том числе, коров [3. С. 309]. Представляют интерес сведения о положении мастеровых и крестьян при Истьинско-Бордаковском заводе: по данным на 1809 г. мастеровые получают денежное содержание, а также имеют в своем распоряжении сенокосные луга и занимаются скотоводством. Крестьяне «временно бывают на заводе и упражняются при добыче руд и сжении угля», а их основное занятие составляет сельское хозяйство [9. Л. 10-11об]. Сезонные перерывы в производстве в эпоху водяных двигателей позволяли рабочим заниматься также различными кустарными промыслами.

Согласно «Справке об уплате за работу на Истьинско-Залипяжском заводе» самое высокое жалованье имели мастера-литейщики, работавшие при доменных печах, при условии выполнения ими определенной нормы выработки – 357 рублей 60 копеек в год. Заработок подмастерьев и доменных рабочих был в два-три раза меньше. Жалованье мастеров по проволочной части варьировалось в зависимости от сорта изготовляемой ими проволоки от 140 до 240 рублей в год. Неквалифицированным рабочим-поденщикам платили по 7 рублей 60 копеек в месяц или 115 рублей 20 копеек в год. В «Справке» сообщается, что по данным расценкам работают также вольнонаемные мастеровые; при этом приписным мастеровым «делаются разные пособии деньгами, хлебом, подарками и тому подобным» на сумму более 3-х тысяч рублей в год [9. Л. 24-24об.].

За период 1800 – 1861 гг. была выявлена динамика заработной платы мастеровых и других категорий работников, которая, как показал анализ источников, в целом имела тенденцию к росту, особенно на Баташевских заводах, где жалованье рабочим в первой четверти XIX в. увеличилось примерно в три раза. Следует отметить, что оплата труда не только мастеровых, но и разнорабочих (даже с учетом различных вычетов и штрафов) была в первой половине XIX в. вполне сопоставима с официальным жалованьем столичных чиновников низшего звена, которые получали 200-300 рублей в год при более высоком, чем у крестьян и заводских работников уровне необходимых расходов, диктовавшихся иным образом жизни и социальным статусом (наем квартиры, прислуги, мундир и т. п.) [11].

Производственный быт на металлургических заводах в XVIII – XIX вв. не только в России, но и странах Западной Европы был достаточно примитивным и почти не предусматривал заботы об охране труда и отдыхе рабочих. Изображения на иллюстрированных чертежах Замосковных горных заводов XVIII – начала XIX вв., опубликованные Н. М. Арсентьевым и А. М. Дубоделом, показывают, что литейщики не имели никаких средств защиты, кроме плотных суконных армяков и, вероятно, кожаных фартуков [4]. В то же время, владельцы металлургических предприятий проявляли определенную заботу о здоровье своих работников, помощи увечным и престарелым. В структуре ведущих предприятий (в частности, у Баташевых) имелись собственные небольшие лечебницы, богадельни и другие социальные объекты.

Рабочий день мастеровых людей и заводских крестьян на большинстве металлургических заводов продолжался 12-14 часов, к работникам применялась жесткая система

наказаний и штрафов. Необходимо указать, что заводские порядки, в том числе на железоделательных заводах Рязанской губернии, не являлись произвольным установлением владельцев, а регламентировались государством. Так, в предписании Горного правления владельцам заводов от 1 августа 1797 года для всех заводских мастеровых устанавливался рабочий день в летнее время – 14 часов, в зимнее – 10 часов, весной и осенью – 12 часов, с указанием конкретного часа выхода на работы и окончания рабочего дня в различные календарные периоды. Рабочий день мастеров при плавильных печах, кузнецов, столяров и исполнителей ряда других работ составлял и в зимнее время 12 часов. Нарушители дисциплины карались вычетами из жалованья: за час опоздания вычитался однодневный заработок [3. С. 279]. Формально при нарушении этих норм мастеровые могли жаловаться на заводчиков, но обычно это происходило в исключительных случаях – при длительной задержке жалованья или продовольствия, чрезмерной суровости или произволе управляющих и т. п. На практике продолжительность рабочего дня и размер оплаты труда зависел от воли заводчика и доходности предприятия. При этом заводчики имели установленные законом права достаточно жесткого дисциплинарного воздействия на рабочих. Так, по указу от 28 июля 1827 г. они получили право ссылать крепостных работников за дурное поведение в Сибирь и отдавать их в рекруты в счет текущих или будущих наборов. Следует отметить, что подобные меры использовались крайне редко, особенно в отношении мастеровых, утрата которых негативно сказывалась на производственном процессе [3. С. 102].

Практически все металлургические заводы Рязанского края на протяжении своей истории переживали периоды финансового упадка, который, как правило, сказывался на обеспечении мастеровых людей и крестьян [6. С. 778]. При этом, положение мастеровых в случае сокращения производства оказывалось порой хуже, чем у крестьян, поскольку владельцы, в соответствии с Горным положением, могли использовать их только на заводских работах и, независимо от доходности завода, должны были содержать горнозаводских мастеровых в соответствии с установленными нормами [2. С. 261].

В целях недопущения кризисных ситуаций и волнений на убыточных посессионных предприятиях, в 1835 г. было издано распоряжение Сената, разрешающее владельцам отпускать приписных крестьян на оброк, который должен был поступать в пользу мирского общества и использоваться для помощи больным, инвалидам, погорельцам и т. п. из числа фабричных рабочих. В 1835 г. был также регламентирован порядок взаимоотношений между заводчиками и наемными работниками, первоначально действовавший только в Петербурге, Москве и столичных губерниях, но вскоре распространенный и на другие промышленные центры России. Московское Горное правление осуществляло контроль за социальной ситуацией на заводах и заводских селах, реагируя на жалобы работников при длительной задержке жалованья, хлеба или дров заводскими конторами, нагрузкой крестьян сверх установленных норм работами на заводе или на земле помещика [4. С. 102-104].

Высокий уровень эксплуатации при достаточно тяжелых условиях и принудительности труда на горных заводах приводил к отсутствию какой-либо заинтересованности основной массы рабочих в количественном и качественном развитии завода и собственном профессиональном росте. В то же время, владельцы крупных заводов осуществляли обучение детей и молодежи из числа крепостных и приписных работников в заводских школах, непосредственно на производстве, а в ряде случаев – в специализированных учебных заведениях, что позволяло им обеспечивать свои металлургические предприятия и сопутствующую инфраструктуру квалифицированными рабочими-литейщиками,

делопроизводителями и т. п. Эта практика обусловила некоторую возможность социального лифта для приписных и вотчинных крестьян горных заводов, из среды которых выдвинулся ряд торгово-промышленных деятелей Рязанского края, в том числе Д. С. Барков.

Таким образом, внутренний мир металлургических и механических заводов Рязанского края в XVIII – первой половине XIX вв. представлял собой достаточно сложную и противоречивую картину, определявшуюся, с одной стороны, общей спецификой развития отрасли в рамках крепостной мануфактуры, с другой – региональными особенностями и условиями становления и функционирования конкретного предприятия. При этом такие факторы, как обеспеченность заводов рабочими кадрами и управленческим персоналом, численность и квалификация работников, условия труда и его оплата, в значительной степени являлись определяющими в развитии того или иного завода, в динамике экономических показателей его деятельности.

Во второй половине XIX века переход рязанской металлургии к новым формам организации производства и более современным технологиям осуществлялся в значительной степени благодаря наличию местных кадровых ресурсов, в течение нескольких поколений обеспечивавших заводы рабочим персоналом.

В рассматриваемый период влияние металлургических производств на социально-сословную и профессиональную динамику населения Рязанского края явилось одним из существенных аспектов процесса экономической диверсификации и социально-культурного развития региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Поздравление Президента Российской Федерации В. В. Путина работникам и ветеранам горно-металлургического комплекса России 19 июля 2015 г. // Президент России. Официальный сайт. – http://www.kremlin.ru/events/president/letters/50017

2. Арсентьев В. М., Макушев А. А. Металлургия и машиностроение в структуре Мальцовского промышленного округа в XIX - начале XX в. // Металлургическая промышленность России XVIII - XX веков. – Саранск-Екатеринбург, 2007.

3. Арсентьев Н. М. Экономическое положение рабочих Замосковного горного округа в первой половине XIX в. // Металлургическая промышленность России XVIII – XX веков. – Саранск-Екатеринбург, 2007.

4. Арсентьев Н. М., Дубодел А. М. Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковный горный округ в планах и чертежах. – М., 2004.

5. Козлова Н. В. Российское предпринимательство в эпоху абсолютной монархии // История предпринимательства в России. – Кн. 1. – М., 2000.

6. Нагорнов В. П. Крах дворянского предпринимательства Хлебниковых-Полторацких на Истьинско-Залипяжском производственном комплексе // Судьбы реформ и реформаторства в России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Научное издание / 19-20 октября 2006 года. – Коломна: КГПИ, 2006.

7. Нагорнов В. П. Стальная инструментальная фабрика А. П. де Броглио – ведущее предприятие металлообработки Рязанского края // М-лы и исследования по рязанскому краеведению. Клепиковский сборник / Отв. ред., сост. Б. В. Горбунов. – Т. 9. – Рязань, 2006.

8. Отдел письменных источников ГИМ. – Ф. 395. – Оп. 1. – Ед. хр. 24.

9. Отдел письменных источников ГИМ. – Ф. 395. – Оп. 1. – Ед. хр. 101.

10. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. – М., 1961.

11. Писарькова Л. Ф. Чиновник на службе в конце XVII – первой половине XIX века // Отечественные записки: Сетевой журнал. – 2004. – № 2(17).

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, г. ЕКАТЕРИНБУРГ
КАФЕДРА ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 94(47).082/083
ББК ББК 63.3(2)522/53+30г
Отечественная история: история фабричо-заводского производства, историография

СТАНОВЛЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА УРАЛЕ В 80-90-Е ГГ. XIX В. (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А. В. Бармин

В данной работе рассматривается историографический аспект процесса становления индустриального производства на Урале в 80-е гг. XIX – начале XX вв. В статье исследуются и раскрываются различные точки зрения и подходы в изучении истории уральской горнозаводской промышленности. Анализ различных источников по исследуемой теме позволил выявить основные направления технико-технологических преобразований на уральских заводах, что стало началом индустриализации региона в ретроспективный период.

Ключевые слова
Архивные материалы, горнозаводская промышленность, горные инженеры, заводско-окружная система, индустриализация, индустриальное производство, инженерно-техническая деятельность, историография, массовые источники, металлургия, модернизация, пореформенный период, промышленный переворот

В 1880 – 1890-е гг. в России и на Урале в процессе промышленной модернизации произошел переход от мануфактурного производства к индустриальному [30. С. 15]. Данный процесс характеризовался радикальные изменения в российской промышленности и, прежде всего, в горнозаводской (металлургической), в том числе и на Урале (на предприятиях, занятых добычей сырья, производством и переработкой материалов и энергии, изготовлением машин). Происходило развитие крупного машинного производства с использованием разных видов энергии, технических новаций и научных подходов в производственных процессах и их организации.

В тоже время темпы этих изменений имели региональную и заводскую специфику, что отражалось на уровне и качестве использования передовых технологий, особенно в энергетике. Этому способствовали развитие инвестиционной политики и формирование современной транспортной инфраструктуры промышленных регионов России. Экономическая и промышленная политика правительства Александра III привела к созданию в России относительно устойчивой модели государственно регулируемой индустриальной экономики.

Структура хозяйственно-экономической деятельности уральского региона в исследуемый период складывалась на осно-

ве предприятий фабрично-заводской промышленности, которые в большинстве случаев являлись градообразующими или находились вблизи города. Это объясняет важную роль горнозаводской промышленности в социально-экономическом развитии Урала.

В целом, стадия становления индустриального производства для Урала характеризовалась структурными изменениями в социально-экономической и производственной (технико-технологической) сферах региона, формирование которых с древнейших времен происходило под влиянием климатических, географических, хозяйственно-экономических, политических и культурно-исторических факторов.

В нашем случае индустриализация – это процесс превращения мануфактурного производства в заводское машинное, это строительство новых крупных и реконструкция старых промышленных предприятий на основе механизации, машинизации и новой системе организации и управления производством.

К наиболее явным признакам процесса становления индустриального производства относятся, как принято считать: а) укрупнение промышленного производства; б) специализация промышленного производства; в) технико-технологическое развитие промышленного производства (механизация, машинизация, внедрение новой техники и новых технологий); г) стандартизация «жизнедеятельности" промышленных предприятий (организация производства, управление производством, учет и контроль, обслуживание и обеспечение, кадры, охрана труда, экологическая безопасность и др.); д) подготовка инженерно-технических кадров для промышленных предприятий (на заводах и вне их).

Интерес к изучению истории уральской промышленности и, прежде всего металлургической, обусловлен ее значением в народном хозяйстве России и особенностями ее развития. Проблемы уральской горнозаводской промышленности поднимались в историографии XIX – начала XX вв.

В частности, особенности развития горнозаводской промышленности Урала во второй половине XIX (пореформенный период) – начале XX вв. были предметом изучения нескольких правительственных экспедиций, материалы которых легли в основу работ экономиста В. П. Безобразова (1798-1889) [7], австрийского ученого-металлурга П. фон Туннера (1809-1897) [69], писателя-публициста Д. Н. Мамина-Сибиряка (1852-1912) [46. С. 131-227], исследователя М. П. Орловского [57], ученого-естествоиспытателя, метролога и экономиста Д.И.Менделеева (1834-1907) [49. С. 89-186] и др.

В данных исследованиях были обозначены факторы, препятствующие развитию металлургии Урала и приведшие ее к кризису. В целом, были представлены две точки зрения о путях выхода из кризиса. Одни исследователи предлагали дальнейшее развитие частного сектора промышленности и проведение либеральной экономической политики, а другие – защищали казенное горнозаводское производство и ужесточение государственного регулирования промышленности [70. С. 235].

Монографические исследования представителя Генерального штаба, подполковника Х. И. Мозеля [53], геолога, горного инженера и профессора Е. Н. Барбот де Марни (1868-1939) [5] и др. ученых были посвящены характеристике основных этапов капиталистического развития Уральского края, прежде всего пореформенного периода и рубежа XIX – XX вв.

Казенные горные заводы Урала, их кризисное положение, а также особенности устройства уральской горнозаводской промышленности по принципу заводско-окружной системы хозяйства, были описаны в работах экономиста, юриста и общественного деятеля В. Д. Белова (1820-е-1910) [8-11]. Он несколько преувеличивал значение этой системы хозяйствова-

ния на развитие производственных отношений во второй половине XIX в.

Истории возникновения и развитию Уральского Горного управления в XIX в. была посвящена монография горного инженера, металлурга и изобретателя П. А. Иванова (1872-?) и «Краткая история управления горной частью на Урале» [35], изданная в 1900 г. к празднованию 200-летнего юбилея горного ведомства России.

Характеристика состояния и нужд горной и фабрично-заводской промышленности Урала в конце XIX – начале XX вв. представлена в работах П. А. Иванова [34; 35], писательницы и переводчицы Т. Л. Хитрово (1883-1967) [75], горного инженера и профессора А. И.Митинского (1875-1953) [52], экономиста, финансиста и профессора И. Х. Озерова (1869-1942) [56], ученых, составителей многотомного издания «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» А. Н. Григорьева [25. С. 234-344] и И. Н. Сырнева [67] и др.

Богатый эмпирический материал о технико-технологическом развитии уральской промышленности на примере Пермской губернии представлен в научном исследовании краеведа, публициста и статистика А. П. Голубева (1855-1915) [24]. О промышленности Перми и городов Пермской губернии писали краевед и педагог В. С. Верхоланцев (1879-1947) [14], земский и общественный деятель Д. М. Бобылев (1869-1931) [12], земский статистик и податный инспектор Е. С. Филимонов (1857-после 1902) [74. С. 82-95] и др.

Важное место в исторической литературе Урала в рассматриваемый период занимали проблемы железнодорожного строительства. В работах исследователей были затронуты вопросы описания и анализа состояния сухопутных и водных путей сообщения Урала, дискуссии о вариантах прокладки уральской железной дороги, влияния освоения железнодорожного транспорта на развитие горнозаводской промышленности и уральских городов [8, 23, 38, 39, 48, 54, 55, 60, 63].

В целом историками «дореволюционного» периода, занимавшимися исследованиями хозяйственно-экономической деятельности Уральского края в ретроспективный период, не было написано обобщающих научных трудов по горнозаводской и фабричной промышленности, как в масштабах всего Урала, так и отдельных его территорий.

С 20-х гг. XX в. в советском ураловедении поднимались такие проблемы, как ход и результаты капиталистической перестройки горнодобывающей и металлургической промышленности края после отмены крепостного права, особенности промышленного переворота, процессы централизации управления промышленностью, вопросы концентрации и специализации промышленного производства, акционирование уральской промышленности, становление рабочего класса региона и т. д. [40. С. 17]. В научный оборот был введен большой фактический материал по истории становления и развития горнозаводской промышленности Урала, промышленной политики и системы горного управления, техники и технологии производства, организации труда и т.д. [70. С. 238].

Проблема становления индустриального производства на Урале органически связана с обсуждением вопросов, во-первых, о социально-экономическом характере горнозаводской промышленности в пореформенный период и, во-вторых, о хронологии промышленного переворота. По первому вопросу существуют следующие точки зрения. Это капиталистическая горнозаводская промышленность (экономист, статистик академик АН СССР С. Г. Струмилин (1877-1974) [65; 66]). Это капиталистическая в целом, однако происходит постепенное отмирание и вытеснение крепостнических элементов (историк В. И. Бовыкин (1927-1998) [13], историк М. П. Вяткин (1895-1967) [17], историк П. Г. Рындзюнский (1909-1993)

[61], историк Д. В. Гаврилов (р. 1927) [19. С. 8-11; 21. С. 42-75]). Капиталистическая промышленность при консервации и приспособлении крепостничества к новым условиям (историк-историограф К. И. Тарновский (1921-1987) [68. С. 14-46], историк и экономист И. Ф. Гиндин (1900-1980) [22. С. 121]). Сохранение в промышленности особой «феодальной системы» (историк С. П. Сигов [62. С. 36, 124]). Оригинальный строй промышленности с «крепостническим укладом» (историк В. В. Адамов (1914-1985) [1. С. 80; 2. С. 225-226]). Капиталистический уклад в промышленности до конца XIX в. в процессе становления (историк Т. К. Гуськова (1926-2015) [27. С. 257-267]).

Исследования проблемы периодизации промышленного переворота выявили различные подходы в определении его характеризующих признаков – введение пудлингового, мартеновского или бессемеровского способов производства железа; внедрение водяной турбины и парового двигателя и др. В соответствии с подходами выделились авторские позиции по поводу времени начала промышленного переворота. Так историк В. К. Яцунский (1893-1966) считал, что промышленный переворот начался в – 1830-е гг. [77. С. 48-70], П. Г. Рындзюнский – 1850-е гг. [61]. О времени завершения переворота: С. Г. Струмилин – 1860-е гг. [65], историк-аграрник М. И. Черныш (1913-1991) [76] и историк В. Я. Кривоногов (1911-1977) [43. С. 65-74] – конец 1880-х и середина 1890-х гг.

Научные дискуссии о сущности промышленного переворота, его предпосылках, хронологических рамках, критериях оценки, особенностях протекания и исторических последствиях были продолжены в трудах уральских историков в 80 - 90-е гг. XX в. [6; 20; 26; 31; 32; 59; 64; 71; 72; 73] и по существу являются актуальными и в настоящее время. Этому способствует и возможность использования в исследованиях ученых различных методологических подходов, и новое прочтение и осмысление уже использованной фактической информации о научном и технико-технологическом развитии региона, и выявление новых источниковедческих материалов по истории горнозаводской промышленности Урала.

В частности уральским историком В. Э. Лебедевым (р. 1954) в качестве особенностей использования внутренних ресурсов промышленных преобразований в России указывается, что «из-за отставания отечественного производства, задерживалось и промышленное применение оригинальных отечественных изобретений, заменявшееся на первых порах импортом готовых изделий. До 1870-х гг., т. е. в период протоиндустриализации и начавшейся раннеиндустриальной модернизации, иностранцы, претендовавшие на получение патентов в России, чаще ее подданных действовали в новых областях – применение паровых двигателей, электричества, телеграфа и т. п.» [45. С. 7].

Задача переоснащения старого заводского производства во второй половине XIX в. особенно остро касалась уральских предприятий, в основном построенных в XVIII в.. С этой проблемой тесно связан и кадровый вопрос, т. е. были нужны руководители, инженеры и техники, которые смогли бы осуществить перевооружение старых уральских заводов, построить новые и работать на них.

Первые исторические исследования, где можно найти сведения об инженерно-технической деятельности на Урале и роли инженерных кадров в процессе индустриализации горных заводов, появились еще во второй половине XIX в. [11; 15; 29; 35; 37; 42; 47; 52; 56]. Они отличались фрагментарностью, так как касались лишь отдельных отраслей технико-технологического развития, управления экономикой отдельных предприятий. В советской историографии данная проблематика изучалась слабо и довольно схематично. В последнее время стали появляться исторические исследования деятельности инженерно-тех-

нических работников, их участия в экономическом развитии России в целом и Урала в частности во второй половине XIX – начале XX вв. [28; 44; 64].

В конце прошлого и начале нынешнего тысячелетия в нашей стране произошли грандиозные перемены. Были осуществлены серьезные изменения в исторической науке. В 90-е гг. XX в. в исторической науке стали временем освоения модернизационных теорий, в рамках которых началось переосмысление российскими исследователями особенностей развития экономики России и Урала в период ее модернизации [41. С. 3].

Как отмечает уральский историк и историограф В. Д. Камынин (р. 1950): «Анализ современной литературы по истории уральской промышленности показывает, что мобилизационная теория получила еще недостаточное использование как возможный методологический инструмент исследования. Между тем, эта теория обладает немалыми эвристическими возможностями, во-первых, для понимания условия, в которых происходило развитие уральской промышленности на протяжении трех веков ее существования, во-вторых для изучения факторов, оказывающих воздействие на это развитие» [41. С. 6]. Наука деполитизировались, наравне с крупными обобщающими работами по истории горнозаводской промышленности Уральского края произошло утверждение методологического плюрализма, расширение и обновление проблематики научных исследований.

В 2001 г. были опубликованы две исторические энциклопедии, приуроченные к 300-летию уральской металлургии. Энциклопедия «Металлургические заводы Урала. XVII – XX вв.» содержит не только исторические данные о заводах края, но и материалы о их технико-технологическом оснащении [51]. В энциклопедии «Металлурги Урала» размещена биографическая информация горных инженеров, специалистов металлургической промышленности и руководителей горнозаводской отрасли XVIII – XX вв. [50].

В 2005 г. вышла в свет книга уральского историка Д. В. Гаврилова «Горнозаводской Урал XVII – XX вв.» [18], в которую вошли работы, посвященные наиболее важным социально-экономическим проблемам истории Урала и, прежде всего, раскрывающие особенности промышленного развития края и основные этапы истории уральской металлургии, в том числе, модернизационные процессы конца XIX – начала XX вв.

В рамках реализации новых научно-исследовательских программ был организован ряд научных конференций, посвященных проблемам регионального развития и индустриального наследия [70. С. 236]. В 2006 г. была проведена международная научная конференция «Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII – XXI вв.», посвященная 350-летию Н. Д. Антуфьева-Демидова [58]. В 2012 г. прошла Всероссийская научная конференция «Индустриальная Россия. Вчера, сегодня, завтра» [36].

Усилиями кафедры истории науки и техники Уральского федерального университета и Института истории и археологии УрО РАН регулярно проводится Всероссийская научная конференция «Урал индустриальный. Бакунинские чтения» [16]. Результатом этих и других конференций является публикация сборников научных материалов, в которых рассматриваются вопросы, связанные с историей Уральского края, его индустрией, и актуальные проблемы развития России и Урала.

К современным научным работам, посвященным истории различных отраслей уральской горнозаводской промышленности и рассматривающим особенности процесса становления индустриального производства на Урале в ретроспективный период, относятся монографические исследования академика РАН В. В. Алексеева (р. 1934) и Д. В. Гаврилова [3], профессора В. В. Запария (р. 1952) [33], профессора Даш-

кевич Л. А. (р. 1954) в соавторстве с Корсуновой С. Я. (Бугаевой С. Я.) [28], историка С. А. Баканова (р. 1971) [4] и др.

Наиболее репрезентативными в изучении различных аспектов процесса становления индустриального производства на Урале являются массовые источники (периодические издания, статистические сборники, справочно-информационные материалы и т.д.) и архивные материалы.

К наиболее информативным массовым источникам, соответствующим ретроспективному периоду, относятся: «Вестник финансов, промышленности и торговли»; «Горный журнал»; «Записки Русского технического общества»; «Памятные книги»; «Сборник статистических сведений по горной части»; «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России»; «Техническое образование»; «Торгово-промышленная газета» и др.

Среди архивным материалов 80-х - 90-х гг. XIX в., раскрывающих исторический процесс индустриальных преобразований на уральских заводах, наиболее значительными источниками являются следующие: отчеты Уральского горного управления о состоянии горнозаводской промышленности; переписка Горного департамента с окружными инженерами; формулярные списки горных инженеров Управления горной частью на Урале; отчеты об изобретениях и нововведениях на заводах; о командировках горных инженеров и техников за границу и т. д.

Данные документы находятся в фондах Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА), Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Государственного архива Пермского края (ГАПК) и др. Использование разных архивных материалов по истории Урала способствует расширению фактографической информационной базы знаний о происхождении и основных этапах существования уральской горнозаводской промышленности, о процессах модернизации и индустриализации, о технико-технологических преобразованиях уральских заводов, о политико-правовых аспектах развития народного хозяйства страны и региона.

В исторической науке, в том числе и в настоящее время, происходит переосмысление истории уральской промышленности с позиций методологического плюрализма. Появились научные работы, в которых дается более взвешенная, объективная оценка событий прошлого, освещаются «белые пятна» в истории уральского региона [70. С. 240].

Изучение данной темы в настоящее время способствует более глубокому пониманию модернизационных процессов в российском обществе не только в ретроспективный период и, прежде всего, рассмотрению индустриализации не только в отношении хозяйственно-экономических, промышленных и технико-технологических преобразований фабрично-заводского производства, но и как социокультурного явления в России и на Урале.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Адамов В. В. Об оригинальном строе Урала // Научная сессия, посвященная проблемам многоукладности российской экономики в период империализма. Доклады. – М., 1969.

2. Адамов В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972.

3. Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. – М., 2008.

4. Баканов С. А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от за-

рождения до упадка. – Челябинск, 2012.

5. Барбот де Марни Е. Н. Урал и его богатство. – Екатеринбург, 1910.

6. Бармин А. В. Модернизация и индустриализация // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы VIII Всероссийской научной конференции, 27-28 апреля 2007 г. В 2-х тт. – Екатеринбург: Изд-во «АМБ», 2007. – Т. I. – С. 102-106.

7. Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. – СПб., 1869. – 373 с.

8. Белов В. Д. Железные дороги на Урале в целях развития горнозаводского дела. – Н. Новгород, 1887.

9. Белов В. Д. Записка о казенных горных заводах. – СПб., 1894.

10. Белов В. Д. Исторический очерк Уральских горных заводов. – СПб., 1896. – 177 с.

11. Белов В. Д. Кризис уральских горных заводов. – СПб., 1910.

12. Бобылев Д. М. Материалы для характеристики некоторых сторон хозяйства Пермской губернии // Сборник Пермского земства. – 1898. – № 6.

13. Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. – М., 1967. – 295 с.

14. Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь, 1913.

15. Весновский В. А. Рабочий вопрос на Урале. – Екатеринбург, 1897.

16. Всерос. научная конференция «Урал индустриальный. Бакунинские чтения».

17. Вяткин М. П. Горнозаводской Урал в 1900 - 1917 гг. – М., Л., 1965. – 400 с.

18. Гаврилов Д. В. Горнозаводской Урал XVII – XX вв.: Избранные труды. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005.

19. Гаврилов Д. В. В. И.Ленин о об оригинальном строе Урала // XXIII Герценовские чтения. Исторические науки. – Вып. 1. – Л., 1970.

20. Гаврилов Д. В. Модернизационные процессы в горнозаводской промышленности Урала в конце XIX - начале XX вв. (1890-1917) // Уральский исторический вестник. (Екатеринбург). – 2003. – № 9.

21. Гаврилов Д. В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма (1861 – 1917 гг.): Методологические аспекты проблемы // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861 - 1917 гг.): Сборник научных трудов. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991.

22. Гиндин И. Ф. Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX - начале XX вв. // Исторические записки. – Т. 82. – М., 1968.

23. Головачев А. А. История железнодорожного дела в России. – СПб., 1881.

24. Голубев А. П. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии // Русское богатство. – 1904. – № 8.

25. Григорьев А. Н. Промыслы и занятия населения // Россия. Полное географическое описание. Урал и Приуралье. – Т. 5. – СПб., 1914.

26. Гуськова Т. К. Востребовано временем // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX – XX вв. – Екатеринбург, 2004.

27. Гуськова Т. К. Эволюция горнозаводского хозяйства Урала во второй половине XIX - начале XX вв. (По материалам Нижнетагильского округа) // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972.

28. Дашкевич Л. А., Корсунова С. Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX век / Сер.: Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. – Т. II. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997.

29. Дмитриев А. А. Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. – Пермь, 1902.

30. Дмитриев А. В. Основные направления развития экономики Урала в порефор-

менный период (1861 - 1900 гг.) // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861 - 1917 гг.): Сборник научных трудов. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991.

31. Железкин В. Г. К вопросу о промышленном перевороте в уральской металлургической промышленности // Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма. – Свердловск, 1989.

32. Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Современная историография о феномене «нового направления» // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX – XX вв. – Екатеринбург, 2004.

33. Запарий В. В. Черная металлургия Урала XVIII - XX вв. – Екатеринбург, 2001.

34. Иванов П. А. Горные богатства и горнопромышленность Пермского Урала. – М., 1912.

35. Иванов П.А. Краткая история управления горной частью на Урале. – Екатеринбург, 1900.

36. Индустриальная Россия. Вчера, сегодня, завтра. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 3 декабря 2012 г. / Под ред. В. В. Запария. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ - УПИ, 2012.

37. Иоксимович Ч. М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. – М., 1915.

38. Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно. – СПб., 1898.

39. Исторический очерк разных отраслей железнодорожного дела и развития финансово-экономической стороны железных дорог в России по 1897 г. включительно. – СПб., 1900.

40. История Урала в период капитализма. – М.: Наука, 1990.

41. Камынин В. Д. Уральские исследователи о мобилизационном типе развития промышленности // Индустриальная Россия. Вчера, сегодня, завтра. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 3 декабря 2012 г. / Под ред. В. В. Запария. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ - УПИ, 2012. – С. 3-6.

42. Котлецов А. А. Русская буржуазия. – М., 1912.

43. Кривоногов В. Я. Некоторые вопросы историографии промышленного переворота в горнозаводской промышленности Урала в 40 - 90-е гг. XIX в. // Историческая наука на Урале за 50 лет. – Вып. 1. – Свердловск, 1967.

44. Крыштановская О. В. Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. – М., 1989.

45. Лебедев В. Э. Научно-технический прогресс России в контексте цивилизационной динамики // Индустриальная Россия. Вчера, сегодня, завтра. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 3 декабря 2012 г. / Под ред. В. В. Запария. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ - УПИ, 2012. С. 6-12.

46. Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы: Путевые заметки // Собр. соч.: В 12 т. – Т. 12. – Свердловск, 1951.

47. Манолов Г. И. Торговля и промышленность Российской Империи. – М., 1895.

48. Мейн В. Ф. Обзор России в дорожном отношении. – М., 1900.

49. Менделеев Д. И. Уральская железная промышленность // Сочинения. – Т. 12. – М.-Л., 1949.

50. Металлурги Урала: Энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001.

51. Металлургические заводы Урала. XVII - XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001.

52. Митинский А. И. Горнозаводской Урал. – СПб., 1909. – 224 с.

53. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России. – Ч. I, II. – СПб., 1984.

54. Нуров М. Записка о Сибирско-Уральской железной дороге. – СПб., 1870.

55. Овсянников Н. И. В защиту южного направления Урало-Сибирской железной дороги. – Н. Новгород, 1870.

56. Озеров И. Х. Горные заводы Урала. – М., 1910. – 253 с.

57. Орловский М. П. За двести лет: Очерки по истории горнозаводского Урала. – Ч. 1. – Екатеринбург, 1907. – 102 с.

58. Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII – XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 350-летию Н. Д. Антуфьева-Демидова. – Екатеринбург. Институт истории и археологии УрО РАН, 2006.

59. Путилова М. В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму. – Красноярск, 1986.

60. Романов Д. И. Сибирская Уральская железная дорога. – СПб., 1868.

61. Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. – М., 1978. – 295 с.

62. Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. – Свердловск, 1936.

63. Смышляев Д. Д. Пермско-Уральская железная дорога: Проект И. И.Любимова. – Пермь, 1869.

64. Соловьева А. М. Промышленная революция в России в XIX веке. – М., 1990.

65. Струмилин С. Г. Промышленный переворот в России. – М., 1944. – 48 с.

66. Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР: Технический прогресс за 300 лет. – М., Л., 1935. – 324 с.

67. Сырнев И.Н. Северный и Средний Урал; Южный Урал; Северо-Западное Приуралье // Россия. Полное географическое описание. Урал и Приуралье. – Т. 5. – СПб., 1914.

68. Тарновский К. Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. – Свердловск, 1972.

69. Туннер П. фон. Горнозаводская промышленность России и в особенности ее железное производство. – СПб., 1872. – 246 с.

70. Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Издательство «Екатеринбург», 1998.

71. Устьянцев С. В. Три модели промышленного переворота в металлургии (Англия, Швеция, Урал) // Проблемы истории регионального развития: население, экономика и культура Урала и сопредельных территорий в досоветский период. – Свердловск, 1990.

72. Фельдман М. А. Промышленный переворот на Урале: к вопросу о сроках завершения // Документ. Архив. История. Современность. Сб. научных трудов. – Вып. 5. – Екатеринбург, 2005.

73. Фельдман М. А. Промышленный переворот на Урале: попытка переосмысления // Отечественная история. – 2005. – № 4.

74. Филимонов Е. С. О способах определения оборотов торгово-промышленных предприятий по г. Перми // Сборник Пермского земства. – 1900. – № 5-6.

75. Хитрово Т. Л. Урал. – М., 1905.

76. Черныш М. И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. – Пермь, 1959. – 239 с.

77. Яцунский В. К. Промышленный переворот в России: (К проблеме взаимодействия производительных сил и производственных отношений) // Вопросы истории. – 1952. – № 12.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ ИМЕНИ В. Я. КИКОТЯ
РЯЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)611/612
Отечественная история

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ РЯЗАНСКИМ ГУБЕРНСКИМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРИБУНАЛОМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Е. А. Сусло

В статье рассматривается время образования и состав Рязанского губернского Революционного трибунала, анализируются методы и специфика процесса расследования контрреволюционных преступлений в первые годы Советской власти в Рязанской губернии.

Ключевые слова
Становление советской судебной и правоохранительной системы, Рязанский губернский Революционный трибунал, расследование контрреволюционных преступлений

Правовая политика государства обязательно содержит правоохранительную составляющую, которая предусматривает наличие и участие управомоченных субъектов, влияющих на процесс реализации правовой политики. В период становления советского государства произошла ломка старой правовой политики и правоохранительной системы, что обусловило образование и развитие новых органов государства, после чего данные органы на протяжении нескольких лет являлись, фактически, главенствующими следственными и судебными органами в регионах, имея огромные полномочия, а также права, касающиеся расследования преступлений и назначения наказания. Построение нового строя государства, неразрывно связано с историей создания революционных трибуналов.

Исследование отдельных региональных структурных подразделений правоохранительных органов в данном случае революционных трибуналов позволяет установить общее и особенное в ходе становления и развития советской судебной и правоохранительной системы, дает возможность детально определить основные показатели советской судебной системы, создать объективное мнение о карательной политике того времени, осуществляемой страной в 1918-1920 гг., и в целом определить региональные черты работы и создания чрезвычайных судебных органов.

Декрет Совнаркома «О суде» [1], характеризовал революционные трибуналы как органы «борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции» [2-4].

Председатель Революционного военного трибунала Республики К. Х. Данишевский теоретически обосновал их задачи, отметив, что «революционные Военные трибуналы – это в первую очередь органы уничтожения, изоляции, обезвреживания и терроризирования врагов Рабоче-Кресть-

янского отечества и только во вторую очередь – это суды, устанавливающие степень виновности данного субъекта» [5].

Рязанский губернский Революционный трибунал был образован постановлением Рязанского губернского Совета Советов от 25 апреля 1918 г. согласно Декрету Совнаркома «О суде» от 24 ноября 1917 г. для защиты завоеваний Республики и борьбы с преступностью [6]. В декабре 1918 г. Реввоентрибунал Республики разработал единую Инструкцию революционным военным трибуналам фронтов и армий, которая была введена в действие 8 января 1919 г.

Данная Инструкция действовала до принятия заменившего ее первого «Положения о революционных военных трибуналах», принятого Революционным Военным Советом Республики 4 февраля 1919 г. и введенного его приказом № 277 от 13 февраля 1919 г. [7].

«Конструкция» Революционного трибунала, присланная комиссаром Юстиции, была утверждена заседанием Совета Советов 9 апреля 1918 г. [8].

Согласно данному документу производство предварительного следствия возлагалось на следственную комиссию при трибунале.

В состав губернских революционных трибуналов входили:

– коллегия, состоящая из председателя трибунала, его заместителя, членов трибунала и одного представителя члена коллегии губернского чрезвычайного комитета;

– президиум трибунала, состоящего из председателя трибунала, председателя военного отдела и члена губернского чрезвычайного комитета;

– следственный отдел;

– секретариат.

Аппарат Рязанского губревтрибунала состоял из следующих отделов: следственного, секретариата, учетно-статистической части, архива, комендатуры. Необходимо отметить, что данная структура претерпевала постоянные изменения.

На начальных этапах своего развития революционные трибуналы столкнулись с множеством проблем как организационного так и теоретического характера, в частности, не было однозначного понятия контрреволюционного преступления, поскольку нормативные акты того времени не содержали точных признаков, определяющих специфику данной категории преступлений.

Первая попытка юридического закрепления основных признаков контрреволюционных преступлений содержалась в Постановлении кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов» от 6 ноября 1918 года. Так, Контрреволюционными деяниями признавались «всякие выступления независимо от поводов, по которым они возникли, против Советов, если они сопровождались разгромами или иными насильственными действиями или хотя бы угрозами таковых». Данным постановлением определены признаки шпионажа, выражавшиеся в «оглашении, передаче военных тайн стратегических планов, сведений о военных силах или вооружении представителям иностранных держав или контрреволюционны организациям» или в сношениях «с целью вызвать иностранное, враждебным интересам Советской Республики, вмешательство».

Обширный перечень контрреволюционных преступлений содержался в принятом декретом ВЦИК «Положении о революционных военных трибуналах» от 20 ноября 1919 г. Таковыми признавались заговоры и восстания с целью ниспровержения советского социалистического строя, измена Советской Республике, «шпионство», восстания против органов Рабоче-Крестьянского Правительства и поставленных им властей, сопротивление проведению в жизнь требований законов Республики или постановлений и распоряжений советских властей; агитации и провокации, имеющие целью вызвать со-

вершение массами или частями войск указанных преступных деяний, разглашение секретных сведений и документов; распространение ложных сведений и слухов о советской власти, войсках Красной Армии и о неприятеле, похищение или уничтожение секретных планов и других секретных документов; умышленное уничтожение или повреждение железнодорожных линий, мостов и прочих сооружений, а равно телеграфных и телефонных линий и складов казенного имущества [9].

Неоднозначность законодательства приводила к произволам на местах: сотрудники правоохранительных органов на свое усмотрение определяли, является ли то или иное деяние контрреволюционным и как за него наказывать. Так, Рязанский губернский трибунал относил к контрреволюционным следующие категории преступлений:

1. саботаж;

2. контрреволюционные выступления и восстания (участие в восстаниях и контрреволюционных выступлениях, мятежах);

4. антисоветская агитация (ложные слухи о деятельности советских органов, клевета на советских работников);

3. неподчинение советской власти (сопротивление, непризнание, дискредитация советской власти гражданами, нарушение постановлений и декретов советской власти);

4. разные виды преступлений (оскорбление советской власти и др.).

За период с 1918 по 1919 год в Государственном архиве Рязанской области хранятся материалы дел о саботаже против Советской власти, которые расследовались следователями Рязанского Революционного военного трибунала. Следует отметить, что в саботаже чаще всего обвинялись священнослужители, казначеи монастырей, а также лица, которым вверялось определенное имущество или денежные средства (бухгалтеры, кладовщики). Так, 24 октября 1918 года было возбуждено дело по обвинению казначея Рязано-Спасского монастыря иеромонаха Платона в саботаже. Дело пронумеровано и состоит из 16 листов. В нем имеются протоколы допроса свидетелей, которые утверждают, что казначей Платон скрывался от контролирующих органов, с целью сокрытия имущества монастыря. В деле имеются три протокола допроса, в том числе допроса обвиняемого, где он объясняет причины своей неявки в органы контроля. В январе (точную дату установить не удалось) 1919 года дело прекращено Постановлением Следственной комиссии РязРевВоентрибунала в связи с недостаточностью доказательств [10]. Так же имеются:

– Дело по обвинению председателя Раненбургского союза потребительских обществ Голубовича Петра Сампсоновича в саботаже против Советской власти [11].

– Дело по обвинению бухгалтера Рязанского казначейства Постникова Василия Порфирьевича в саботаже по отношению к Советской власти [12].

Дела в отношении вышеуказанных лиц были прекращены за отсутствием составов преступлений.

При изучении дел по данной категории преступлений отмечены особенности их расследования. Так, доказательства вины человека, кроме показаний свидетелей в материалах дела отсутствуют, чаще всего это были оговоры, о чем указывалось в постановлениях Следственных Комиссий РязРевтрибунала.

Большинство дел за указанный выше период возбуждалось по факту контрреволюционных выступлений и восстаний (участие в восстаниях и контрреволюционных выступлениях). К массовым выступлениям приводило недовольство крестьян реквизициями и продразверсткой, а также крестьян-дезертиров, не желавших возвращения на фронт.

Так, дело по обвинению крестьянина д. Титовское Поминовской волости Его-

рьевского уезда Анисимова Гаврила Васильевича в участии в восстании. 4 декабря 1918 года дело было направлено в Следственную Комиссию РязРевтрибунала: «Согласно постановлению своего от 4-ого декабря, Чрезвычайная комиссия при сем представляет на распоряжение Рязанскаго Губернскаго Революционного Трибунала, дело за № 225-м, по обвинению гр. Гавриила Васильевича Анисимова, в принятии деятельного участия в Поминовском восстании, вместе с копией вышеназначеннаго постановления….» [13]. Дело состоит из 15 листов: данного постановления, допроса обвиняемого, заключение следователя по дознанию, постановление от 18 декабря 1918 года Следственно комиссии при трибунале о том, что в действиях обвиняемого содержатся признаки преступления, предусмотренного п. 1 Цирк. Касс. Отд. ВЦИК., постановление СК при РязРевТрибунале об освобождении Анисимова Г.В. из под стражи в силу незначительности его вины.

В ходе исследования были так же изучены:

Дело по обвинению граждан Спасского уезда: священников г. Спасска Новикова Ивана Ивановича, Озерова Н.К., священника с. Кирицы Морозова Николая Андреевича в контрреволюционных выступлениях.

Дело по обвинению граждан Спасского уезда Гущина М.С., Обухова Ф.М., Родина И.Е., Кузнецова А.Г., Семенова М.П. и др. в количестве 175 человек в участии в контрреволюционном восстании в Ижевской, Киструсской, Ряжской и др. волостях того же уезда.

Дело по обвинению граждан д. Циквино, Шатрищинской волости Спасского уезда Серегина Кузьмы, Котлова Николая, Ефремова Василия, Федюнина Григория в контрреволюционном выступлении.

Дело по обвинению казначея Костромской Дивизии Козлова Ивана Николаевича и красноармейца Захарова Ивана в контрреволюции и др.

Все следственные действия по данной категории дел ограничивались производством допросов обвиняемых и свидетелей. Это объясняется тем, что следователи часто имели незначительный опыт работы и не владели методиками расследования преступлений, а также при расследовании не применялись научно-технические средства и методы. Указанные обстоятельства не позволяли в ходе следствия установить реальных зачинщиков восстаний, и в целом свидетельствуют о низком качестве расследования.

Специфика расследования таких контрреволюционных преступлений, как неподчинение советской власти (сопротивление, непризнание, дискредитация советской власти гражданами, нарушение постановлений и декретов советской власти) была аналогичной с вышеуказанной категорией дел. Так, Дело по обвинению гражданки г. Рязани Петровой Зинаиды Васильевны в выступлении против Советской власти было возбуждено Рязанской Губернской Чрезвычайной комиссии [14]. По данному делу было проведено дознание, в ходе которого были установлены обстоятельства произошедшего, о чем указано в заключении о дознании. Затем дело было передано в Следственную комиссию при Рязанском губернском трибунале. Данный орган проверки материалов направил дело в Рязанский губернский трибунал: «Следственная комиссия при Трибунале при сем препровождает дело по настольному реестру № 877 по обвин. Зинаиды Петровой в анти-Советском выступлении на предмет прекращения» [15].

Так же было изучено Дело по обвинению священника с. Барснево Касимовского уезда Озерского Ивана в агитации против комитетов бедноты, которое имеет ту же концепцию расследования [16].

В 1919 году Советская республика оказалась в кольце фронтов. С середины апреля 1919 года началась новая мобилизация в Красную Армию. Население Рязан-

ской губернии призывных возрастов уклонялась от нее. В губернии была активизирована борьба с дезертирством. К маю 1919 г. дезертирство в губернии стало самым большим по РСФСР. 6 мая 1919 г. из Рязани отбыли особые отряды по борьбе с дезертирством в Рязанский, Данковский, Раненбургский и Сапожковский уезды. Из милиционеров организовывались отряды для производства облав на дезертиров и предавали затем в военкоматы. Злостные дезертиры предавались суду Революционного Трибунала.

Действия чрезвычайных отрядов по борьбе с дезертирством вновь привели к восстаниям. В с. Зяшевка Данковского уезда 25 мая 1919 г. произошло восстание женщин, стариков и детей, требовавших выдачи арестованных дезертиров, многие из которых были родственниками восставших. Восстание было ликвидировано на следующий день, 12 человек арестовано.

20 июня 1919 года скрывающиеся в лесах в районе села Дединово Зарайского уезда дезертиры сделали несколько вылазок, отбирая продовольственные припасы у жителей. После проведенной операции задержанных дезертиров судили Губернским Революционным Трибуналом, выезжавшего на место и проводившего заседание на площади в присутствии населения. По приговору Трибунала большое число дезертиров было расстреляно. Показательные заседания Революционного Трибунала с вынесением расстрельных приговоров дезертирам прошли в ряде уездов [17].

Изучив материалы дел о контрреволюционных преступлениях совершаемых в первые годы Советской власти в Рязанской губернии, можно сделать следующие выводы:

1. Дела возбуждались следователями Губернских Чрезвычайных комитетов, затем передавались по подследственности в вышестоящие комитеты, например в Губернский Чрезвычайный Комитет либо РязРевтрибуналы.

2. В большинстве случаев дела прекращались за отсутствием составов преступлений. Никаких доказательств вины, кроме показаний свидетелей в материалах дел не имеется, чаще всего это были оговоры, о чем указывалось в постановлениях Следственных Комиссий РязРевтрибунала о прекращении преследования.

3. В делах имеется множество документов о ходе дела: запросы о предоставлении информации, ответы на запросы, удостоверения и т. д. После каждого допроса, следователи составляли заключения о проведенном дознании, где сообщали о результатах допроса.

4. На основании заключений следователи говорили о виновности или невиновности лица, после чего выносилось постановление по предъявлению обвинения.

5. Следствие прекращалось Постановлением Следственной Комиссии, либо выпиской из Протокола заседания РязРевтрибунала.

6. В целом сотрудники не работали по ранее задуманному шаблону, под который подгонялись показания проходивших по делу лиц, и деятельность РязРевтрибунала в этот период времени не носила ярко выраженный репрессивный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Декреты советской власти. – Т. 1.– М., 1957. – С. 124.

2. Карев Д. С. Советское судоустройство. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1966.

3. Кожевников М. В. История советского суда: 1917-1956 гг. – М., 1957.

4. Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917-1922 гг.). – М.: Наука, 1990.

5. Данишевский К. Х. Революционные Военные Трибуналы. – М., 1920.
6. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). – Ф. Р-4. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 56.
7. Собрание узаконений и распоряжений... 1919. – № 13. – Ст. 131.
8. ГАРО. – Ф. Р-4. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 16.
9. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-1235. – Оп. 21. – Д. 24. – Л. 13-19.
10. ГАРО. – Ф. 1326 Р-4. – Оп. 1. – Д. 120.
11. ГАРО. – Ф. 1326 Р-4. – Оп. 1. – Д. 114.
12. ГАРО. – Ф. 1326 Р-4. – Оп. 1. – Д. 121.
13. ГАРО. – Ф. 1326 Р-4. – Оп. 1. – Д. 102. – Л.2.
14. ГАРО. – Ф. 1326 Р-4. – Оп. 1. – Д. 119.
15. ГАРО. – Ф. 1326 Р-4. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 18.
16. ГАРО. – Ф. 1326 Р-4. – Оп. 1. – Д. 144.
17. ГАРО. – ФР-2141. – Оп. 1. – Д. 54.

ИНСТИТУТ СТЕПИ УРО РАН, г. ОРЕНБУРГ

УДК 910.3: 94(47)
ББК 63.3+20г
Отечественная история

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ ФЕРСМАН: СТРАНИЦЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА*

Кандидат географических наук О. А. Грошева

Статья посвящена научной деятельности известно геолога, путешественника и писателя, одного из основателей геохимии – Александра Ферсмана. Под его руководством проводились крупные комплексные исследования Урала. А. Е. Ферсман принимал активное участие в организации на Урале Ильменского минералогического заповедника. Ученый стал одним из основоположников геохимии, написав фундаментальный труд в этой области – четырехтомник «Геохимия».

Ключевые слова
Исследователь Урала, геолог, основатель геохимии, минералогия

Среди выдающихся исследователей природы Урала особое место принадлежит российскому ученому с мировым именем Александру Евгеньевичу Ферсману – геологу, путешественнику и писателю, одному из основателей новой науки – геохимии.

Александр Евгеньевич Ферсман родился 8 ноября (27 октября) 1883 года в Петербурге. Его отец, Евгений Александрович (1853-1937), окончил Академию Генерального штаба и занимался преимущественно военно-педагогической деятельностью. Мать, Мария Эдуардовна Кесслер (1855-1908), интересовалась естественными науками, была хорошей пианисткой и художницей. Немаловажную роль в формировании интересов Ферсмана А. Е. сыграл его дядя, химик, ученик А. М. Бутлерова, Александр Эдуардович Кесслер.

Большая часть детства Саши прошла в Крыму, в имении родителей в селении Тотайкой (ныне Ферсманово) около Симферополя. Первые шаги в минералогии и геохимии будущий ученый сделал в лаборатории своего дяди А.Э. Кесслера близ Симферополя. А. Е. Ферсман впоследствии называл Крым своим «первым университетом».

В 1901 г. Александр окончил с золотой медалью 4-ю Одесскую классическую гимназию и поступил на физико-математический факультет Новороссийского (ныне Одесского) университета. В 1904 г.

**** Работа выполнена в рамках темы НИР ИС УрО РАН «Изучение историко-географических и социально-экономических аспектов освоения и развития степного пространства России и Евразии».***

в связи с переводом отца в Москву А.Ферсман перевелся в Московский университет, где кафедрой минералогии заведовал В. И. Вернадский. Для научной школы Владимира Ивановича было характерно сочетание естественноисторического подхода к минералу с углубленным анализом химического состава и кристаллографических свойств.

Александр Ферсман оказался в самом центре новых идей и новых течений научной мысли. Под руководством В. И. Вернадского он написал первую научную работу о минералах Крыма. После окончания Московского университета в 1907 году молодой ученый был оставлен для подготовки профессорского звания. В 1907-1909 годах Александр Евгеньевич был командирован Московским университетом в научных целях в Германию, Австрию, Францию и Италию. Во Франции Александр Евгеньевич посетил лабораторию Ф.-А. А. Лакруа, после чего исследовал пегматиты острова Эльба. Эта поездка сыграла большую роль в определении его научных интересов – изучению пегматитов он посвятил многие годы своей научной деятельности во время экспедиций по Уралу, Средней Азии, Забайкалью, Украине.

По возвращении в Россию А. Е. Ферсман занял должность сверхштатного ассистента при Минералогическом кабинете Московского университета. Его научные труды привлекли к себе внимание ученых, и в 1909 году Минералогическое общество наградило его золотой медалью имени А. И. Антипова, которая присуждалась молодым ученым за работы по минералогии.

В начале 1912 года А. Е. Ферсман был избран профессором минералогии Петербургских Бестужевских женских курсов. В том же году он переезжает в Петербург, где началась его работа в должности старшего хранителя Минералогического отделения Геологического музея, директором которого был В. И. Вернадский. К этому времени относится одна из первых крупных работ Александра Евгеньевича – монография «Der Diamant» («Алмаз»), изданная в 1911 году на немецком языке (русский перевод этот книги был сделан в 1955 году).

С началом первой мировой войны в научной деятельности А. Е. Ферсмана появляется новое направление – решение проблем добычи и использования минерального сырья. В начале 1915 года при Академии наук организуется Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), ученым секретарем которой был избран А. Е. Ферсман. Позже по инициативе ученого была организована Комиссия сырья и химических материалов при Комитете военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций, в задачу которых входило изучение сырья, необходимого для разных отраслей промышленности.

1 февраля 1919 года Александр Евгеньевич был избран действительным членом Академии наук СССР по Отделению физико-математических наук (минералогия) и назначен директором Минералогического музея АН СССР. Так в 36 лет А. Е. Ферсман стал одним из самых молодых в то время действительных членов Российской академии наук.

В 1920-1930-е годы по инициативе и под руководством А. Е. Ферсмана был создан ряд новых академических и ведомственных научно-исследовательских институтов, открыты новые учебные заведения. В 1922-1926 годах Александр Евгеньевич был директором Радиевого института АН СССР, образованного из радиевого отдела КЕПС. В 1930 году при непосредственном участии ученого был создан Минералогический и геохимический институт АН СССР, реорганизованный в Институт геохимии, минералогии и кристаллографии им. М. В. Ломоносова, директором которого был назначен А. Е. Ферсман. В 1920 году при его участии

было организовано новое высшее учебное заведение – Географический институт, первым ректором которого был назначен Александр Евгеньевич. После слияния этого института с Ленинградским университетом в 1925 году А. Е. Ферсман был назначен деканом географического факультета и заведующим кафедрой кристаллографии и минералогии. При его участии в Ленинграде был организован Институт археологической технологии при Академии истории материальной культуры (1921-1928). А. Е. Ферсман организовал в Ленинграде Институт аэросъемки (1927-1934) и стал его первым директором.

Но для Александра Евгеньевича была важна и практическая деятельность – поиски месторождений важнейших полезных ископаемых в России. В нашей стране А. Е. Ферсман был, наверное, везде: от Кавказа и Кольского полуострова до Дальнего Востока. Ему принадлежит честь открытия месторождений мирового значения: Мончегорского медно-никелевого и Хибинского месторождения апатита.

Одним из самых дорогих мест на карте страны для А. Е. Ферсмана был Урал. В 1911 году на Южном Урале начала работать Радиевая экспедиция Академии наук под руководством академика В. И. Вернадского. В составе этой экспедиции в 1912 году Александр Евгеньевич Ферсман объездил ряд заводов и рудников Урала, месторождения в Верхотурье и Семенинской Яме на Адуе, изучил ископаемые Кыштыма, посетил Ильменские горы, где участвовал в сборах Радиевой экспедиции, работал в районе Кочкаря на знаменитой реке Санарке и отсюда уехал на Мурзинку. Свой приезд в Ильмены Александр Евгеньевич подробно описал в книге «Самоцветы России» [1] в отдельной главе «Ильменские горы».

По ходатайству академика В. И. Вернадского Ильменские горы на Урале в 1912 году объявили запретными для частного горного промысла. Тогда же зародилась идея о создании здесь научной станции и минералогического музея. А. Е. Ферсман принимал активное участие в организации здесь первого в мире минералогического заповедника. Он подготовил необходимые материалы, на основании которых был издан декрет об основании в 1920 году Ильменского минералогического заповедника. Александр Евгеньевич был его штатным сотрудником вплоть до 1942 года. А. Е. Ферсман очень любил Ильмены, он мечтал превратить заповедник в ведущий исследовательский институт Южного Урала.

Начиная с 1912 года, Александр Евгеньевич почти ежегодно посещал Урал. Различные районы Среднего и Южного Урала стали объектом его пристального изучения: Ильмены, Мурзинка, Качканар, Асбестовые копи, окрестности Свердловска и Челябинска, Магнитогорска и Орска... А. Е. Ферсман стал энтузиастом этого необыкновенного по своим разнообразным богатствам и величественной природе края.

В 1920 году Александр Евгеньевич заканчивает крупную монографическую работу «Драгоценные и цветные камни России» [2], посвященную изучению поделочного и драгоценного камня. В 1925 году во втором томе монографии «Драгоценные камни» А. Е. Ферсман описывает их месторождения. Ильменским горам он посвящает краткий исторический очерк от времен П. С. Палласа до периода работ Радиевой экспедиции, затем дает такую же краткую геологическую справку и более подробно рассматривает пегматитовые жилы, выделяя пять типов, для которых приводит перечень элементов и минералов.

В конце 20-х годов XX столетия были начаты крупные комплексные работы на Урале под руководством А. Е. Ферсмана.

В 1927-1932 годах на Южном Урале работала Башкирская комплексная экспедиция Академии наук, изучавшая природные ресурсы Башкирской АССР. В состав

экспедиции входило несколько научных отрядов во главе с крупными специалистами: геологом Г.В. Вахрушевым, геоморфологом А.А. Борзовым, ботаником и географом И. М. Крашенинниковым, почвоведом М. И. Рожанец, зоологом С. И. Снегиревским, антропологом С. И. Руденко. Экспедицией руководили академики А. Е. Ферсман и И. П. Бардин.

Геологический отряд изучал строение территории Башкирского Предуралья и медные руды Стерлитамакского района, геоморфологический отряд – рельеф Башкирии. Внимание гидрологического и рыбохозяйственного отряда экспедиции было нацелено на водные пути, условия лесосплава и пр. Они обследовали реку Белую с притоками Южный Узян, Кага, Нугуш и Сакмару с Большим Иком, озера Большое и Малое Миассово, Аргази, Большой Иткуль и другие. Базой зоологических исследований служил Ильменский заповедник. Почвоведы и геоботаники составляли детальные почвенно-растительные карты, которые передавали местным землеустроительным организациям. Геоботанический отряд Башкирской экспедиции, возглавляемый И. М. Крашенинниковым, исследовал горные и долинные леса республики, сельскохозяйственные районы Башкирского Предуралья, особенно детально изучалась Месягутовская лесостепь (южное продолжение Кунгурского и Красноуфимского лесостепных островов), происхождение которой И. М. Крашенинников, как и его предшественники – С. И. Коржинский и П. Н. Крылов, объяснял влиянием ксеротермической эпохи послеледникового периода.

Организованная Советом по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР в 1935-1938 годах Южно-Уральская комплексная экспедиция стала продолжением предыдущей, так как в задачи ее входило дальнейшее исследование природы Башкирии. Вместе с тем перед экспедицией стояли и новые проблемы: характеристика геологического строения обширной территории Южного Урала, выяснение сельскохозяйственных возможностей края путем обследования почв и растительного покрова.

Экспедиция работала в трех районах: Уральском (область горного Урала – водораздел и примыкающие к нему хребты с полосой Приуралья и Зауралья), Орско-Халиловском (южная часть Уральских гор с полосой Зауралья) и в Мугоджарах. В состав экспедиции входили физико-географический, почвенный, ботанический, лесной, гидрологический, геоморфологический и экономический отряды.

А. Е. Ферсман, участвующий в полевых исследованиях Южно-Уральской комплексной экспедиции, совершил в 1935 году, вместе с известным минералогом В. И. Кржижановским и сотрудниками Минералогического музея АН СССР, минералогический автопробег по маршруту: Ильменский заповедник (Миасс) – Троицк – Карталы – станция Гумбейка – Башарт – Магнитогорск – Блява – Орск – Магнитогорск – Миасс – Челябинск.

В окрестностях Орска предметом тщательных исследований стали орские яшмы (гора Полковник). Позже Ферсман писал о многообразии цветовых гамм и рисунков орских яшм: «Мне кажется, что мы попали в чудесную картинную галерею. Не всякий художник сможет передать сочетания тонов и красок, какие разбросала здесь щедрой рукой сама природа. Вот как будто бурное море; его зеленоватые волны отливают красноватым отблеском зари, вот белая каемка пены, а здесь скалистые берега… Орские яшмы являются, несомненно, национальным богатством нашей страны» [2. С. 224]. Из Орска путь отряда лежал на север – вдоль берегов реки Урала через Магнитогорск в Миасс. За две недели исследователи проехали 2500 км и собрали большое количество образцов горных пород и минералов.

Результаты полевых исследований 1935-1938 гг. обобщены в ряде работ участников экспедиции. Наибольшей глуби-

ной отличаются физико-географические труды И. М. Крашенинникова и минералогические работы А. Е. Ферсмана [3, 4]. Благодаря Башкирской и Южно-Уральской комплексным экспедициям Академии наук с карты Урала исчезло множество белых пятен.

В экспедициях проявились основные черты характера А. Е. Ферсмана: человечность, огромная работоспособность и уменье работать в тяжелейших условиях. За высокий рост и стремительную походку его называли «шаровой молнией», а в экспедициях – «солнышком», так как с ним всегда было весело и интересно. Членов экспедиции называли «ферсманята».

Научное наследие А.Е.Ферсмана велико. Он опубликовал более тысячи научных статей и книг. Став одним из основоположников геохимии, Александр Евгеньевич написал фундаментальный труд в этой области – четырехтомник «Геохимия» [3]. Лондонское геологическое общество присудило за него А. Е. Ферсману высшую награду – платиновую медаль им. Волластона.

В 1943 году А. Е. Ферсману исполнилось 60 лет. Он дождался победы. 9 мая радовался со всеми, что кончилась война, а 20 мая умер (на 62 году жизни). Похоронен Александр Евгеньевич в Москве, на Новодевичьем кладбище рядом со своим учителем – В. И. Вернадским.

В честь великого ученого названы минералы: ферсманит и ферсмит, улица в Москве, поселок Ферсманово в Крыму, ущелье в Хибинах, мыс на Курилах, гора в Мурманской области, Минералогический музей РАН. Памятью о плодотворной научной деятельности ученого на Урале навсегда останется созданный с его участием Ильменский заповедник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ферсман А. Е. Самоцветы России: Цикл лекций, читанных в Комиссии производительных сил Российской Академии Наук в 1919 г. – Пг.: 2-я Государственная типография, 1921. – 212 с.

2. Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни СССР / Избр. труды. – Т. 7. – М., 1962. – С. 224.

3. Ферсман А. Е. Геохимия. – Л.: ОНТИ Химтеорет. – Т. 1. – 1933. – 328 с.; Т. 2. – 1934. – 354 с.; Т. 3. – 1937. – 503 с.; Т. 4. – 1939. – 355 с.

4. Ферсман А. Е., Крыжановский В. И. Наш автопробег по Южному Уралу. – Ленинград, 1936. – 120 с.

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ХИМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

УДК 378(075.8): 94(47).084.9
ББК 63.3(2)632/633
Отечественная история

СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ХИМИЧЕСКИХ ШКОЛ В СОВЕТСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ (1950-е – 1980-е ГОДЫ)

Кандидат химических наук К. В. Осколок

Статья посвящена проблемам формирования университетских школ в области химической науки. В ней рассматривается процесс становления новых химических научных школ в советских университетах в 1950-е – 1980-е гг. Особое внимание уделено передовому опыту работы химического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Показан личный вклад ведущих советских ученых и профессорско-преподавательского состава в развитие ряда университетских химических школ. Показана роль международных связей советских университетов в формировании новых химических школ. Автор статьи делает вывод о преемственности в научно-педагогической деятельности советских и современных российских ученых-химиков по формированию новых университетских научных школ.

Ключевые слова
Университетское химическое образование и наука, химические научные школы, ведущие советские ученые-химики, международные связи

Наука – это особая форма жизни значительного числа людей. В современном понимании наука представляет собой деятельность, включающую особые цели и методы их достижения; совокупность знаний, объединяющих различные концепции, теории, категориальный аппарат; социальный институт, сформированный из отдельных ученых и их организаций.

Эффективность науки всегда определялась перспективами ведущих научных школ. Особенно это характерно для XXI столетия, когда многие отрасли мировой науки достигли выдающихся высот, а главные научные проблемы требуют объединения усилий ученых, создания их коллективов. В этих условиях возрастают роль и значение научных школ. Их наличие свидетельствует о высоком уровне развития образования и науки в стране.

Наука и научные школы создают предпосылки для развития общества. Формирование научных школ – хорошая российская традиция, которая явилась следствием особенностей культурно-исторического развития нашей страны. Некоторые из них академик АН СССР В. И. Вернадский охарактеризовал следующим образом: «В России начало научной работе было положено правительством Петра, исходившего из глубокого понимания государственной пользы. Но эта работа быстро нашла себе почву в общественном

сознании и не прерывалась в те долгие десятилетия, когда иссякла государственная поддержка научного творчества <…>. Она создавалась при этом интеллигенцией страны <…> создавалась их личным усилием, по личной инициативе или путем образуемых ими организаций…» [1, с. 65].

Академик В. А. Садовничий пишет: «Первым российским химиком по праву считается М. В. Ломоносов, но становление крупных научных школ по химии в Московском университете фактически приходится на конец XIX века. Создателем первой такой школы был В. В. Марковников, которому принадлежат важнейшие работы в области органической химии и первые систематические работы по химии нефти. Эти направления научных исследований были продолжены выдающимся ученым Н. Д. Зелинским, сформировавшим новое направление – органический катализ. Н. Д. Зелинский создал в Московском университете знаменитые школы химиков-органиков, нефтехимиков и каталитиков, яркими представителями которых являются академики АН СССР А. Н. Несмеянов, С. С. Намёткин, Б. А. Казанский, А. А. Баландин, профессор А. Ф. Платэ.

Академику А. Н. Несмеянову, в годы ректорства которого был построен комплекс зданий Московского университета на Ленинских горах, принадлежат основополагающие исследования в области элементоорганической химии, а также важные и оригинальные серии работ по органической и теоретической химии и по созданию синтетических пищевых продуктов. Среди его учеников – академики АН СССР О. А. Реутов и Н. К. Кочетков.

На рубеже XIX-XX веков в университете были сформированы первые физико-химические школы академика И. А. Каблукова и профессора В. Ф. Лугинина, основавшего первую в России термохимическую лабораторию и создавшего своего рода научную династию: А. В. Раковский, Я. И. Герасимов.

Крупные научные школы в области неорганической химии создали академики Н. С. Курнаков, В. И. Спицын и А. В. Новоселова, в области аналитической химии – академик И. П. Алимарин, в химии полимеров – академик В. А. Каргин, в химии белка и нуклеиновых кислот – М. А. Прокофьев. Годы его работы в должности министра были временем взлёта нашей системы образования.

Гордостью Московского университета и отечественного естествознания являются работы академика АН СССР Н. Н. Семёнова – создателя теории цепных разветвленных реакций, горения и взрывов, единственного в нашей стране лауреата Нобелевской премии по химии» [2, с. 11-12].

Период 1950-х гг. стал временем подъёма университетского образования и науки в СССР. Выдающиеся достижения советских ученых, работавших в университетах, получили широкое признание в мире в последующие десятилетия. Одно из ведущих мест по темпам, масштабам и качественным показателям развития в этот период занимала университетская химия. Особое место в этой сфере науки и образования занимал МГУ имени М. В. Ломоносова, получивший великолепную учебно-научную материальную базу в новом многофункциональном корпусе на Ленинских горах. Новое помещение получил и Казанский государственный университет, что также способствовало развитию в нем химического образования и науки.

Особую роль этот фактор сыграл в жизни химфака МГУ, став началом качественно нового этапа в его научно-исследовательской и образовательной деятельности. Положительные изменения касались всех сторон деятельности химического факультета. Число публикаций сотрудников факультета за 25 лет увеличилось в 7 раз при росте их общей информационной насыщенности. Утвердилась роль кафедр как научно-методических подразделений, что создало условия для дальнейшего по-

вышения качества подготовки химиков-исследователей. В том числе, хорошие результаты дало распространение индивидуального подхода преподавателей к будущим специалистам в ходе подготовки ими дипломных работ и диссертаций [3, с. 11-12].

В течение периода 1950-х – начала 1970-х гг. происходило изменение и расширение спектра специальностей химических факультетов, в том числе, развитие межкафедральных и межфакультетских образовательных программ. Неоднократно осуществлялось обновление учебных планов, в которых была увеличена доля практической подготовки студентов в лабораториях и НИИ, расширено привлечение студентов к научно-исследовательской работе. Вводились новые лекционные курсы и лабораторные практикумы, началось внедрение в учебный процесс методов математического анализа с применением ЭВМ, укреплялась материально-техническая база факультетов и кафедр.

С 1950-х гг. в МГУ имени М. В. Ломоносова начала формироваться новая научная школа химиков-аналитиков. В 1953 г. заведующим кафедрой аналитической химии химфака МГУ стал И. П. Алимарин, член-корреспондент АН СССР. Долгое время он был признанным главой аналитической химии в России, внёс большой вклад в постановку и развитие фундаментальных и прикладных исследований в этой области науки. Его научная деятельность охватывала широкий круг проблем и на протяжении многих лет была тесно связана с решением крупных научно-технических задач, встававших перед аналитической химией в разные периоды. Он разработал методы анализа полезных ископаемых, обеспечивающих сырьевую базу страны, создал макро-, микро- и ультрамикрометоды анализа, развил и применил метод нейтроно-активационного определения примесей в полупроводниках. Академик АН СССР И. П. Алимарин подготовил плеяду своих учеников [4, с. 191-200].

По данным на 1961 г. педагогическую и научно-исследовательскую работу на химфаке МГУ вели 163 профессора, доцента и ассистента, научной работой занимались 187 старших и младших научных сотрудников. В профессорско-преподавательский состав входили 9 академиков и 5 членов-корреспондентов АН СССР. Послевузовскую подготовку проходили 163 аспиранта. Химический факультет готовил специалистов-химиков широкого профиля. Его выпускник представлял собой химика-исследователя и лабораторного работника, владеющего теоретическими основами химической науки, методами химического и физико-химического исследования, основами технологии ряда отраслей химической и металлургической промышленности и знакомый с организацией производства [5, л. 5].

О проблемах, которые привлекали к себе внимание научного коллектива химического факультета Московского университета, свидетельствуют материалы ректорского совещания 21 сентября 1960 г. по вопросу о научной работе МГУ за 15 лет, посвященного химическому факультету. В этот период определялись новые направления исследовательской и образовательной работы химфака, в том числе, создание межфакультетских специальностей в области биохимии, расширение подготовки кадров со специализацией по электрохимии и радиационной химии. Обсуждалась также тема внедрения достижений университетской химической науки в производство. На совещании академик АН СССР А. Н. Несмеянов отмечал, что главным условием успеха в этом деле является ускоренное развитие химической промышленности и повышение ее технологического уровня [6, л. 7, 15-16, 49-50].

В середине 1970-х гг. контингент студентов химфака Московского универси-

тета составлял 1300 человек. На факультете действовало 15 кафедр, 5 проблемных и 60 кафедральных лабораторий. 1960-е – 1970-е гг. ознаменовались дальнейшим развитием научно-исследовательской работы на факультете, активной работой аспирантуры и докторантуры. Например, только в 1972 г. на факультете было защищено 11 докторских диссертаций. За период с 1972 по 1976 гг. в общей сложности в МГУ было подготовлено около 100 кандидатов и свыше 50 докторов химических наук [7, с. 26].

В рассматриваемый период продолжали развиваться химические школы ряда региональных университетов. Например, в 1962 г. в Воронежском государственном университете была организована первая в СССР кафедра химии полупроводников, которую возглавил Я. А. Угай. НИИ и предприятия электронной промышленности остро нуждались в специалистах-теоретиках этого профиля. Я. А. Угай (1921-2007) – доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии СССР. Он был основателем и руководителем воронежской научной школы химиков-неоргаников, развивающих исследования в области химии твердого тела и полупроводников. В 1962 г. Я. А. Угай создал и по 1965 г. заведовал единственной в СССР кафедрой химии полупроводников. В числе воспитанников его научной школы более 70 кандидатов и 9 докторов химических наук. Я. А. Угай – автор свыше 500 научных и методических работ. Одним из направлений научно-педагогической работы кафедры стала подготовка учебных пособий – «Введение в химию полупроводников» (1977) и учебников. Профессор Я. А. Угай написал оригинальные учебники «Общая химия» (1977) и «Неорганическая химия» (1989) [8, с. 74-75].

Химические факультеты Московского, Казанского, Ленинградского, Киевского и других ведущих университетов СССР продолжали творчески развивать направления научно-исследовательской работы, сложившиеся в предшествующие десятилетия. Широкое признание, в том числе, международное, получили исследования специалистов Горьковского государственного университета в области химической термодинамики [9, с. 11-19]. В 1950-е – 1960-е гг. в Томском государственном университете развивалась научная школа. Здесь активно работали молодые химики-неорганики, воспитанники профессоров А. П. Бунтина и В. В. Серебренникова.

Высокий авторитет в научном и педагогическом сообществе советской высшей школы завоевал химический факультет Саратовского государственного университета (СГУ), где сложился творческий коллектив. Душой его был профессор И. С. Мустафин – ученый-энциклопедист. Он успешно работал в аналитической, органической, физической, неорганической химии, био- и геохимии, в философии и истории науки. Во всех этих направлениях его интересовали коренные вопросы: если органическая химия – то синтез новых и важнейших соединений; если био- и геохимия – то вопрос о происхождения топливных материалов, угля и нефти; если аналитическая химия – то поиск закономерностей в применении аналитических реактивов, построение системы оценки чувствительности и избирательности аналитических реакций, создание теории действия органических реагентов в анализе. С конца 1950-х гг. в СГУ начали работу проблемная лаборатория гидрирования и катализа, лаборатория по физике и химии высокополимеров и полупродуктов, расширяются исследования в области коллоидной химии и электрохимии [10, с. 60].

В то же время, в деятельности химических факультетов фиксировались и определенные недостатки. Например, в приказе Минвуза РСФСР от 6 июня 1963 г. «О работе Казанского государственного университета и о перспективах его дальнейшего развития», было отмечено отста-

вание уровня учебной и научно-исследовательской работы университета от его реальных возможностей, отсутствие в штате университета докторов наук моложе 45 лет, слабая работа аспирантуры и другие недостатки. В частности, работа ряда кафедр химического факультета характеризовалась многотемностью и искусственной раздробленностью, а также недостаточным развитием самостоятельной работы студентов. Перед коллективом Казанского университета была поставлена задача по обеспечению более эффективного развития сложившихся научных школ по математике, физике, химии. В ближайшие 5-10 лет предполагалось уделить основное внимание проблемам биохимии, химии и физики полимеров, химии и физики полупроводников, а также расширить применение метода парамагнитного резонанса в различных областях науки [11, с. 109].

Со второй половины 1960-х гг. в Казанском государственном университете (КГУ) получила развитие научная школа «Электроанализ в биологии и медицине», ярким представителем которой стал доктор химических наук, профессор, заведующий кафедрой аналитической химии Г. К. Будников. Он является признанным специалистом в области органического электрохимического анализа, электроаналитической химии, химии координационных соединений, электрохимических сенсоров и биосенсоров. Учёный разработал оригинальную программу и ведет занятия с аспирантами Химического института КГУ по истории и философии химической науки. Он автор более 1000 научных и учебно-методических работ, из которых 560 статей в реферируемых журналах, 23 книги и 5 патентов. Профессор Г. К. Будников подготовил 16 кандидатов и 9 докторов химических наук [12].

На более высокий уровень в 1950-е – 1960-е гг. вышли научно-исследовательская работа и преподавание химии в университетах республик Средней Азии и Закавказья. Например, с конца 1950-х гг. в Азербайджанском государственном университете в Баку (АзГУ) начали работать лаборатория химии нефти и лаборатория каталитических превращений углеводородов нефти, в 1964 г. были созданы кафедры высокомолекулярных соединений и химической технологии. Среди ученых-химиков АзГУ своими научными трудами выделялся профессор Х. О. Алимирзоев, который пользовался большим авторитетом в вузе. Он являлся основателем крупной научной химической школы, которая стимулировала развитие всего факультета. Если в 1940-е гг. научно-педагогический коллектив химического факультета Азербайджанского университета насчитывал 27 человек, включая двух докторов наук, то к 1969 г. на химфаке АзГУ работало 6 докторов и 40 кандидатов наук [13, с. 162-163, 167].

Профессор, доктор химических наук Л. Д. Юшина является одной из ведущих представителей Уральской научной школы высокотемпературной электрохимии. Эта школа создавалась на протяжении послевоенных десятилетий научным трудом многих крупных ученых – академика АН СССР А. Н. Барабошкина, члена-корреспондента АН СССР С. В. Карпачёва, докторов химических наук О. А. Есина, М. В. Смирнова, С. Ф. Пальгуева, В. П. Кочергина, В. С. Кузнецова и их многих учеников.

Экспериментальные и теоретические исследования Л. Д. Юшиной, а также полученные результаты – относятся к физической химии и электрохимии расплавов, твердых электролитов и суперионных проводников. При её участии в 1958 г. впервые в мировой практике были начаты целенаправленные, систематические исследования по изысканию нового класса твердотельных материалов, обладающих ионной проводимостью, и созданию на их основе электрохимических устройств. Л. Д. Юшина являлась руководителем производственной практики студен-

тов Уральского госуниверситета и Уральского политехнического института (УГТУ-УПИ). Закономерно большой интерес преподавателей и студентов вызвала монография Л. Д. Юшиной «Твердотельная хемотроника», поскольку аналогичных научных изданий и книг нет. Под её руководством подготовлено четыре кандидата химических наук и доктор химических наук А. Я. Тарасов [14].

В 1957 г. руководством СССР было принято решение о создании Сибирского отделения Академии наук СССР (СО АН СССР), деятельность которого в последующие десятилетия сыграла неоценимую роль в развитии высшей школы в Сибири, в том числе, Новосибирского государственного университета. В структуру СО АН СССР было включено несколько научно-исследовательских институтов, перспективные направления химических и смежных наук. Их коллективы на начальном этапе деятельности формировались при участии ученых из ведущих академических и университетских центров Москвы, Ленинграда и ряда других городов страны.

Так, на работу в Институт неорганической химии СО АН СССР были направлены молодые специалисты из Института общей и неорганической химии имени Н. С. Курнакова, а также выпускники Московского, Ленинградского и Горьковского университетов, Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева. В 1960-е – 1980-е гг. одним из базовых принципов деятельности структур СО АН СССР являлась интеграция передовой науки и образования. Кадровый потенциал и материальная база институтов СО АН СССР успешно использовались в образовательном процессе в вузах региона. В период становления Новосибирского государственного университета (НГУ) свыше 35 ведущих ученых, академиков и членов-корреспондентов АН СССР, читали лекции и вели занятия на различных его факультетах.

При открытии в 1959 г. НГУ в нем имелось одно учебное подразделение – факультет естественных наук, готовивший специалистов в области химии и биологии. В становление и последующее развитие факультета внесли свой вклад выдающиеся ученые, основоположники научных школ в области химии – академики АН СССР В. В. Воеводский, Д. Г. Кнорре, Н. Н. Ворожцов, А. В. Николаев, Г. К. Боресков, В. А. Коптюг, К. И. Замараев и другие. Одной из особенностей Новосибирского университета стала разработка учебных программ и лекционных курсов, предусматривавших углубленную подготовку по математике и физике, в том числе, для химиков [15, с. 136].

Процесс институционализации академических центров химического профиля оказывал положительное влияние на эволюцию учебных программ и структурную динамику химического образования в университетах Сибири и соседних регионов Советского Союза. Например, создание в 1970 г. Института химии нефти Сибирского отделения РАН в Томске стало основанием для открытия на химическом факультете Томского государственного университета (ТомГУ) кафедры высокомолекулярных соединений и нефтехимии. Тогда же специалистами факультета начато преподавание новых учебных курсов – «Физико-химические методы исследования органических соединений», «Ядерно-химический резонанс». В 1975 г. при кафедре аналитической химии ТомГУ была создана научно-исследовательская лаборатория химии редкоземельных элементов [16, с. 3, 49].

Одним из важнейших факторов быстрого развития научно-теоретической и методической базы университетского химического образования, а также складывания новых научных школ стали международные связи советской химической науки и высшей школы. Представители химических факультетов ведущих университетов ежегодно направлялись на стажи-

ровки в различные страны мира, где советские ученые-химики участвовали в авторитетных международных форумах и организациях химиков. Так, советские ученые-химики принимали участие в деятельности Международного союза по чистой и прикладной химии (ИЮПАК), в издании ряда международных химических журналов. Между ведущими химическими факультетами советских и зарубежных университетов происходил регулярный информационный обмен справочными материалами, учебными программами, учебными пособиями, учебниками, научными журналами и монографиями.

В начале сентября 1965 г. в Абердине (Шотландия) на I Международной конференции по термическому анализу, академик АН СССР Л. Г. Берг был избран президентом Международного сообщества по термическому анализу (ICTA). Профессор химического факультета МГУ Н. А. Фигуровский являлся членом Международной академии по истории науки в Париже, Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина», участвовал во многих международных конференциях по истории науки [17, с. 80].

Неоднократно выезжали в зарубежные научные командировки доцент И. Н. Аверко-Антонович и другие сотрудники химического факультета Казанского государственного университета [18, с. 37]. Так, в 1960-х гг. преподаватель Э. М. Файзуллин был направлен на стажировку во Францию, где работал в Высшей национальной школе химии и Тулузском университете под руководством ведущих французских ученых-химиков. Доктор химических наук Г. Х. Камай был делегирован на собрание Немецкого химического общества в связи с 20-летием ГДР 4 ноября 1969 г. Эти поездки способствовали развитию казанской научной химической школы, поскольку молодые преподаватели знакомились с трудами ведущих зарубежных учёных-химиков.

Представители других советских научных химических школ, находясь в зарубежных командировках, сочетали научно-исследовательскую работу с преподаванием химических курсов. Например, профессор химического факультета МГУ Н. А. Бах читал лекции по радиационной химии в Китае. Выдающийся советский ученый-химик профессор химфака НГУ К. И. Замараев (будущий академик РАН) в 1974-1975 гг. читал лекции и занимался научно-исследовательской работой в США (в Корнельском, Стенфордском и Чикагском университетах) по программе научного обмена в области химии между двумя странами. С конца 1970-х гг. он сочетал руководящую работу в Новосибирском Институте катализа Сибирского Отделения АН СССР и на кафедре физической химии НГУ [19, с. 3].

В целом учебно-научные командировки советских ученых и преподавателей способствовали развитию университетской химии и научных школ. В ходе зарубежных стажировок сотрудники химических факультетов университетов СССР не только расширяли научный кругозор, но и получали представления об организации и программах химического образования ведущих европейских и американских университетов. Так, в 1967-1968 гг. старший преподаватель кафедры высокомолекулярных соединений Иркутского университета Д. Е. Степанов был направлен в командировку в ФРГ «в целях освоения современных методов контроля за скоростями химических реакций и знакомства с организацией учебного процесса, научной деятельностью студентов Мюнхенского университета» [20, с. 157].

Многие иностранные и советские университетские химические школы демонстрировали взаимное признание и уважение друг к другу. Например, академик АН СССР А. Н. Несмеянов был избран почетным членом Французского химического общества. В свою очередь, в письме ректора МГУ, академика АН СССР И. Г. Петровского в Минвуз СССР о связях уни-

верситета с высшей школой Франции от 2 апреля 1960 г. предлагалось избрать почетным профессором Московского университета крупного французского ученого-химика, директора Института высокомолекулярных соединений Страсбургского университета Садрона Шарля [21, л. 7].

Таким образом, в 1950-е – 1980-е гг. университетское химическое образование и наука переживали период бурного развития. Это было связано с большим вниманием государства к развитию химии и химизации народного хозяйства СССР. Одним из реальных следствий достаточного финансирования и материально-технического обеспечения советских университетов стало формирование новых научных химических школ. Большое значение для развития научных химических школ имели международные связи советских университетов, которые из года в год расширялись и углублялись. Изучение положительного отечественного опыта, особенно научно-педагогической деятельности выдающихся ученых-химиков, должно способствовать большей преемственности советских научных университетских химических школ с современными российскими научными школами.

Эта мысль находит свое подтверждение в деятельности химического факультета Московского университета, который в 2014 году отметил свой 85-летний юбилей. Сегодня на химическом факультете МГУ успешно развиваются научные школы И. П. Белецкой, А. А. Богданова, С. М. Аваевой, С. Д. Варфоламеева, Н. С. Зефирова, Ю. А. Золотова, В. А. Кабанова, А. Л. Бучаченко, В. В. Лунина, Ю. Д. Третьякова и др. Научные исследования ведутся более чем по 20 направлениям. В настоящее время на химическом факультете работают свыше 1800 сотрудников (из них около 200 докторов и 800 кандидатов наук), в том числе свыше 300 профессоров и преподавателей. Важным направлением деятельности факультета является участие сотрудников в научной работе по конкурсным российским международным проектам. Ранее химфак МГУ сотрудничал в рамках целевых программ ГКНТ, Минвуза и других организаций, а теперь – приоритетных программ и грантов Российского фонда фундаментальных исследований, Европейского научного фонда, Фонда Сороса, Немецкого научного общества, Немецкого института экологической химии (Мюнхен) и др. [22, с. 256-258].

Международное сотрудничество химического факультета МГУ ярко проявляется в деятельности его отдельных кафедр. Заведующий кафедрой аналитической химии, академик Ю. А. Золотов пишет: «Совместные научные работы проводят с зарубежными коллегами М. А. Проскурин – Токийский университет, Арканзасский университет медицинских наук, университет штата Вашингтон в Сиэтле (США), университет Новы Горицы (Словения); А. А. Карякин – университеты городов Ульм и Бохум (Германия), Гренобль и Бордо (Франция), Лунд и Линчёпинг (Швеция), Сан-Диего штата Мичиган (США).

Многообразные контакты кафедра имела и имеет с транснациональными компаниями, отдельными фирмами, выпускающими аналитические приборы. Были созданы совместные лаборатории с фирмами Carlo Erba, Shimadzu, LG Electronics, Agilent Technologies (в последних трёх случаях – на базе соглашений между фирмами и химическим факультетом МГУ). Выпускники кафедры являются сотрудниками в московских представительствах многих зарубежных приборостроительных компаний» [23, с. 388-389].

На этих и многих других примерах видно, что в отечественной науке советское прошлое и российское настоящее тесно взаимосвязаны, их разорвать нельзя. Научные школы, в том числе химические, не могут и не должны прерываться. В этом проявляется замечательная отечественная университетская традиция, которую необходимо изучать и развивать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. – М., 1988. – С. 65.

2. Садовничий В. А. Научные школы Московского университета // О научных исследованиях и научных школах. Евразийское пространство. Сборник научных трудов. – М., 2010. – С. 7-8.

3. Березин И. В. К 50-летию химического факультета Московского государственного университета // История и методология естественных наук. – М., 1982. – Вып. 28. Химия. – С. 11-12.

4. Золотов Ю. А. Иван Алимарин // Российская наука в лицах / Под общ. ред. Н. А. Платэ; сост.: Т. В. Маврина, В. А. Попов. – Кн. 4. – М., 2004. – С. 191-200.

5. Центральный государственный архив Москвы (ЦАГМ) // МГУ. Химический факультет. Отчеты. 1961 г. / Ф. 1609. – Оп. 2. – Д. 412. – Л. 5.

6. ЦАГМ // МГУ. Дела Совета. 1960 г. / Ф. 1609. – Оп. 2. Д. 542. Л. 7, 15-16, 49-50.

7. Березин И. В. – Указ. соч. – С. 26.

8. Химический факультет Воронежского государственного университета (1933 - 2008) / Под ред. Ю. П. Афиногенова. – 2-е изд. – Воронеж, 2008. – С. 74-75.

9. Карякин Н. В. Кафедра физической химии Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (К 70-летию). – Нижний Новгород, 2004. – С. 11-19.

10. Саратовский университет. 1909-1959. – Саратов, 1959. – С. 60.

11. Химический факультет Казанского университета. Хронология основных событий. – Т. 2. 1953-2008. – Казань, 2008. – С. 109.

12. Будников Герман Константинович // Известные ученые. Энциклопедия. – http://www.famous-scientists.ru/195/. (Дата обращения: 12.09.2015 г.)

13. Алимирзоев Х. О. Азербайджанский государственный университет за 50 лет: Исторический очерк. – Баку, 1969. – С. 162-163, 167.

14. Юшина Людмила Петровна // Известные ученые. Энциклопедия. – http://www.famous-scientists.ru/195/. Дата обращения: 17.09.2015 г.

15. Всесоюзное совещание работников высшей школы в Кремле, 4-7 июля 1961 г.: Сокращенный стенографический отчет. – М., 1961. – С. 136.

16. Химический факультет Томского государственного университета (К 70-летию образования). – Томск, 2002. – С. 3, 49.

17. Соловьев Ю. И. Вспоминая Николая Александровича Фигуровского и его историко-научные труды // Вестник Московского университета. Серия 2. Химия. – 2002. – Т. 43. – № 2. – С. 80.

18. Химический факультет Казанского университета: Хронология основных событий. – Т. 2. 1953-2008. – Казань, 2008. – С. 37.

19. Пармон В. П. Кирилл Ильич Замараев // Каталитический бюллетень / Институт катализа имени Г. К. Борескова СО РАН. – Новосибирск, 2004. – № 2(30). – С. 3.

20. Иркутский государственный университет: Хроника событий. 1918-1998 гг. – Иркутск, 1998. – С. 157.

21. ЦАГМ // МГУ. Дела Совета. Письмо ректора И. П. Петровского в Минвуз СССР от 2.04.1960 г. / Ф. 1609. – Оп. 2. – Д. 553. – Л. 7.

22. Зайцева (Баум) Е. А., Лунин В. В. Химическому факультету МГУ 85 лет // Вестник Московского университета. Серия 2. Химия. – 2014. – Т. 55. – № 5. – С. 256-258.

23. Золотов Ю. А. Зарубежные связи кафедры // Химический анализ: на пути к совершенству. Кафедра аналитической химии Московского университета / Под ред. Ю. А. Золотова. – М., 2015. – С. 388-389.

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН, г. МАХАЧКАЛА

УДК 327.51
ББК 66.4(0),03
Геополитика, политология

политология

ПАН-ИДЕИ В РУССКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Кандидат исторических наук Р. А. Абдуразаков

В статье проанализирован вклад русских учёных первой трети XX века в развитии концепции панрегионального развития. Сравнительный анализ работ М. Ф. фон Таубе, И. И. Дусинского, К. А. Чхеидзе и классика немецкой геополитики К. Хаусхофера позволил поставить под сомнение утверждение, что К. Хаусхофер являлся первым в XX веке автором, сформулировавшим рассматриваемую концепцию. В статье также выделены этнический и географический факторы в формировании панрегионов в интерпретации отечественных учёных.

Ключевые слова
Геополитика, пан-идеи, пан-регионы, Таубе, Дусинский, Чхеидзе

Геополитика как наука дала социальной области человеческого знания немало оригинальных и интересных концепций, одной из которых является доктрина пан-идей. Одним из видных авторов этого направления в геополитике был известный немецкий учёный Карл Хаусхофер, который в 1931 году опубликовал свою известную работу «Пан-идеи в геополитике» [8. С. 251-350].

Карл Хаусхофер понимал под пан-идеями концепции, охватывающие целые народы и провозглашающие широкие цели, которые становятся формами организации земного пространства [8. С. 251]. Таким образом, пан-идея – это идеология и форма объединения больших пространств. Следует особо подчеркнуть, что учёные признают пан-идеями только те идеи-концепции, которые сумели подняться над неприкрытым захватническим мышлением и выступить носителями культурных миссий, обращаясь ко всем без исключения. Так, например, К. Шмитт, развивая данную проблему, выделил два варианта создания «больших пространств», основанных на пан-идеях: «волевой», то есть захватнический, и «плюралистский» – основанный на культурном и этническом плюрализме, на широкой автономии входящих в пан-регионы территориальных или государственных единиц [10].

Новый мировой порядок, по мысли К. Хаусхофера, должен быть основан на следующих пан-идеях: панамериканской, паназитской, панрусской, пантихоокеанской, панисламской и панъевропейской. Пан-идеи Хаусхофера носили меридианальный характер и были основаны на представлении о больших экономических

и политических пространствах. То есть, государства должны были объединяться, исходя из тесной взаимозависимости экономического и политического развития, хотя на практике это сопровождалось господством одних стран над другими. В 1941 году Хаусхофер отредактировал свою схему, оставив три больших пространства со своими пан-идеями: панамериканская во главе с США, паназиатская во главе с Японией, и панъевропейская во главе с Германией [8. С. 64]. Нашей стране, как видно, уже не было места в ряду великих держав.

Геополитическая схема К. Хаусхофера была интересной, сразу привлекла к себе широкий круг исследователей, однако, не могла претендовать на абсолютную новизну. Ещё в 1795 году Э. Кант поднимал вопрос о создании в Европе добровольного союза государств [1. С. 235], а в 1923 году появилась книга Р. Н. Куденхове-Калерги «Пан-Европа», в которой он обосновал необходимость европейского панрегионального объединения [4. С. 27-30]. Мировая практика реализации идеи создания «больших пространств», как известно, была начата уже в 1926 году, когда были проведены Панъевропейский и Паназиатский конгрессы. Заслугой немецких учёных первой трети XX века явилось то, что они смогли подняться над собственно европейской проблематикой панрегионального развития, придав картине образования «больших пространств» универсальный характер, в то же время обозначив особые права своей родины на статус лидера в объединённой Европе [5. С. 183-193].

Сегодня обращение к наследию отечественных учёных начала XX века позволяет утверждать, что немецкие классики не были пионерами в создании и развитии концепции пан-идей. Отечественная геополитическая мысль активно развивалась в этом направлении и была незаслуженно обделена вниманием в пользу зарубежных авторов. Сегодня можно выделить как минимум три произведения русских учёных, которые появились в первой трети XX века до известного произведения К. Хаусхофера, и в которых в той или иной степени была затронута проблема пан-регионализма. Это работы М. Ф. фон Таубе (1855-1924) – «Образование великодержавных единиц» (1906 год), И. И. Дусинского (1879 - 1919) – «Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики» (1910 год)и Чхеидзе К. А. (1897 - 1974) – «Лига Наций и государствматерики» (1927 год) [3, 7, 9].

Долгие десятилетия исследователи проходили мимо фигуры Михаил Фердинандович фон Таубе, отечественного мыслителя и ученого, публициста и общественного деятеля. И лишь последнее время отмечено появлением интереса к его жизнедеятельности и творческому наследию [6. С. 140-147].

К проблеме пан-регионов М. Ф. фон Таубе подходит через критическое переосмысление концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского. Он метко заметил: «Народная жизнь выдвигает более сложные исторические тела... Подобная особь, по сути своей, сверхнародна и сверхгосударственна. Это историческая сверхличность должна обладать всеми свойствами собирательной единицы, прообразом которой служит семья и патриархальное государство, и образовать, так сказать, семью народов и племён – союзное государство или союз государств…» [7. С. 5-6].

В основе пан-регионального деления мира, по мнению русского учёного, не должен лежать этнический фактор. Он говорит о существовании и неестественном характере пангерманизма и панроманизма, выделяя на пространстве Евразии лишь две пан-идеи – панъевропеизм и всеславянство, которые должны стать идейной основой «больших пространств»: «Пангерманизм, по существу бессилен, а всеславянство законно и естественно, как

богатейшая земельная единица… С точки зрения материкового начала окажется искусственным и панроманизм… Скорее можно допустить многочленный паневропеизм». По его мнению, задачу «образования миродержавства» на пространстве Евразии предначертано не Германии, а «собирательной и соборной Руси» [7. С. 37].

М. Ф. фон Таубе подчёркивал «трёхсоставной характер» русской пан-идеи, что наталкивает на мысль о её не этнической, а евразийской сущности: «Медленно образуется вновь нарождающийся славяно-руссомонгольский тип или цельная и полная историко-просветительная миродержава трёхосновного свойства. Москва вместила в свои концы и немецкую слободу, и Китай – город, и замоскворецкую сторону. Эти концы как бы прообразы развития трёх направлений великорусской силы… Кремль же со своими соборами – есть прообраз внутренней вершающей связи, то есть силы собора запада, востока и юга. Образовательная сила московского сосредоточия и её рост не прекращаются». Причём прочный выход к трём океанам – Атлантическому, Индийскому и Тихому – мыслится как естественное и необходимое условие безопасного существования российской континентальной «миродержавы» [7. С. 37].

Таким образом, нетрудно заметить, что пан-региональная картина русского учёного строится исходя из материковой локализации: «Образуются три средоточия грядущего сплочения человечества: Евразия, Америка и Австралия. Надвигаются времена развития материковых держав… Образование междуматерикового мира – смысл грядущих времён» [7. С. 38]. В основе пан-регионального деления мира в данном случае предстаёт географическая схема, согласно которой грядущая дифференциация социума по материковому признаку объясняется ростом внутриматериковых экономических связей. Кроме того, принципиальным отличием идеи М. Ф. фон Таубе от концепции К. Хаусхофера является статус Германии и России в рамках сформулированных обоими учёными вариантов континентальной евразийской системы: то в чём Хаусхофер отказал России (интегрирующее начало, ось пан-идеи), М. Ф. фон Таубе считает отсутствующим у Германии.

Другой выдающийся русский учёный-геополитик – И. И. Дусинский – интерпретировал пан-региональную картину мира несколько в ином ключе, беря за основу общность этнического происхождения: «Племенное родство – конкретный, осязаемый факт... Это естественное влечение, совершенно непроизвольное и почти бессознательное, стихийно прорывающееся из глубины души родственных народов, еще более упрочивается при наличности сознания об угрожающих извне, со стороны других племен, опасностях и об обоюдной выгоде взаимного сближения. У русского народа и его славянских братьев такое сознание частью уже возникло, частью может и даже должно возникнуть…» [2. С. 54].

Пан-идеи у И. И. Дусинского образуются благодаря стремлению «великих мировых народов, для которых не угасло будущее, избавиться от нынешнего чрезмерного дробления и подняться на более высокую историческую ступень государственного бытия… к государственному типу высшего порядка». Русский учёный выделил следующие пан-идеи: панбританскую, панамериканскую, панисламистскую (во главе с Турцией), панамериканскую (во главе с США), паназиатскую (во главе с Японией), панславистскую (во главе с Россией). Причём паназиатская идея у него звучит как «панмонголизм» [2. С. 58], видимо, исходя из общности расовых признаков.

Причина, почему объединение славянства должно совершиться именно вокруг русского народа: «Из всего славянского племени только один русский народ достиг великодержавного мирового значения

и вырос в могучую по силе и численности нацию» [2. С. 56]. Однако в панславистском проекте И. И. Дусинского Россия выступает как старший брат по отношению к другим славянским народам, как русский удел равноправной конфедерации, действующий в интересах всех «младших братьев» [2. С. 57].

Пангерманизм и панроманизм у И. И. Дусинского, как и у М. Ф. фон Таубе не имеют шансов на существование. И если у М. Ф. фон Таубе эти две пан-идеи носят неестественный характер, то И. И. Дусинской отмечает их нежизнеспособность в первую очередь в силу слабых межэтнических связей внутри предполагаемых «больших пространств»: «Уже в несколько худших для этого условиях оказывается германское племя, которое хотя и имеет крепкое ядро в лице немецкого народа и германского государства, однако во всех своих мелких частях, каковы голландцы, датчане, шведы, норвежцы, искони пользуется всеми благами политической самостоятельности и весьма мало проникнуто жаждой объединения вокруг Германии. Но в наихудших условиях находятся в отношении видов на племенное государственное объединение народы романские, у которых совершенно нет объединяющего национального ядра и государственное слияние которых на сколько-нибудь глубоких основаниях представляется поэтому совершенно безнадежным» [2. С. 61].

Таким образом, можно выделить следующие условия формирования пан-идей и пан-регионов по И. И. Дусинскому: общностью этнического происхождения, наличие сильного «национального ядра», наличие общих внешних угроз, и, наконец, как бы мы сегодня сказали, пассионарностиобразующих пан-идею этносов, пытающихся «подняться на более высокую историческую ступень государственного бытия».

Небольшая работа «Лига Наций и государства-материки» одного из лидеров евразийского движения Чхеидзе Константина Фёдоровича появилась спустя в 1927 году – спустя год после того, как в 1926 году прошли первые панъевропейский и паназиатский конгрессы. В то же время она появилась в любом случае раньше известного произведения К. Хаусхофера и знаменовала развитие отечественной точки зрения на геополитику пан-идей.

К. А. Чхеидзе отмечает два важных основания в развитии мирового пан-регионального движения. Первое отражает формирование «больших пространств» по принципу экономической взаимозависимости, географической близостии совместимости транспортной инфраструктуры. Второе основание – духовное и отражает «признаки расовой психики, культурного наследия, общности предстоящих исторических заданий». Процессы формирования пан-идей, по его мнению, основаны, в целом, на «совпадении месторазвития и единства исторической судьбы» [9. С. 33].

Мы находим определённое совпадение перечня пан-идей у И. И. Дусинского и у К. А. Чхеидзе. У второго они следующие: «Наряду с панъевропейским и панамериканским, можно назвать намечающиеся миры: паназиатский и исламистский». Однако будущее в развитии геополитики пан-идей К. А. Чхеидзе видит в «новой, высшей интеграции – объединении наций в государства-материки», и вот здесь Россия выступает, как становой хребет нового панъевразийского «большого пространства», вступая в естественную конкуренцию с паназиатской и панъевропейской идеями. Русский учёный не видит Британскую империю в качестве носительницы собственной пан-идеи, подчёркивая, что она «не является «государством-материком» [9. С.34-35].

В целом же, К. И. Чхеидзе, формулируя своё видение перспектив мирового пан-регионального развития и роли в нём России, на наш взгляд, оказывается гораздо ближе к проевразийски настроенному М. Ф. фон Таубе, чем к идущему по пути «романтической генеалогии» всеславян-

ства И. И. Дусинскому.

Таким образом, отечественные исследователи начали разработку геополитики пан-идей в XX веке раньше своих немецких коллег. И если немецкая школа классической геополитики, несмотря на свой солидный состав, в рамках исследуемой проблемы не отличалась большим разнообразием научных подходов, всецело опираясь на довольно основательно разработанную пан-региональную концепцию К. Хаусхофера, то российская геополитическая школа в этом вопросе, впрочем, как и в большинстве других, отличалась оригинальностью взглядов её представителей, обосновавших несколько возможных сценариев пан-регионального развития.

Концепция пан-идей является одной из «базовых» в геополитике; представляется, что интерес к отечественной геополитической науке, особенно к заново открываемым сегодня русским учёным начала XX века, позволит по-новому посмотреть на их вклад в развитие других геополитических основополагающих концепций, законов и категорий, а также поможет полнее сформировать адекватное российским национально-государственным интересам видение мировой политической картины и выработать соответствующую геополитическую стратегию нашего государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гулыга А. В. Кант / А. В. Гулыга. – М.: Молодая гвардия, 1980. – 304 с.

2. Дусинский И. И. Геополитика России / Составление, вступ. статья и примечания М. Б. Смолина. – М.: Москва, 2003. – 320 с.

3. Дусинский И. И. Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. – Одесса, 1910. [Электронный ресурс]. – URL: http://dugward.ru/library/dusinskiy/dusinskiy_osnovnye_voprosy.html (дата обращения: 20.08.2015).

4. Куденхове-Калерги Р. Н. Пан-Европа / Отв. ред. Е. Айзпурвит. – М.: Вита Планетаре, 2006. – 120 с.

5. Рукавицын, П. М. Становление и развитие немецкой классической геополитики: Дис. ... д-ра политич. наук: 23.00.01 / Рукавицын Петр Михайлович; [Место защиты: Воен. ун-т]. – Москва, 2009. – 367 с.

6. Рябцев В. Н. М. Ф. фон Таубе и его геополитические прозрения / В. Н. Рябцев // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1. – С. 140-147.

7. Таубе М. Ф. Образование великодержавных единиц / М. Ф. Таубе. – СПб.: Отечественная типография, 1910. – 42 с.

8. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет / Перевод с нем. И. Г. Усачёва. Составление и примечания И. Г. Калашникова. – М.: Мысль, 2001. – 426 с.

9. Чхеидзе К. А. Лига Наций и государства-материки / К.И. Чхеидзе // Евразийская хроника. – Вып. VIII. – Париж, 1927. – С. 32-35.

10. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов / Перевод Ю. Ю. Коринца. – Берлин, 1941. [Электронный ресурс]. – URL: http://fiercest.ru/lection/poryadok-bol-shih-prostranstv-v-prave-narodov/ (дата обращения: 04.09.2015).

СМОЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ
г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 003
ББК 71.0
Культурология

ЗНАКОВОСТЬ СРЯДЫ НЕВЕСТЫ И МОЛОДУХИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Кандидат культурологии П. И. Кутенков

В статье представлены многочисленные свадебные сряды невесты/молодухи и показаны подходы по обоснованию их знаковости на основе Концепции знакового изучения русской народной одежды.

Ключевые слова
Невеста, знаковость, закон русского духа, молодуха, обряд, народная одежда, повивание, понёва, покромка, пояс, рубаха, свадебная печаль, сряда, шушка

Прошедшее время (19 – 20 вв.) научного изучения русской народной сряды (одежды) в основном было связано с рассмотрением её в качестве исторического источника. Такой подход не предполагает исследовать знаковость одежды. Это в полной мере касалось убора невесты и молодухи. В литературе, в лучшем случае, пишут о двух различных срядах невесты: печальной и родославной (детородной). Вместе с тем, сегодня мы встречаемся с уходящей, но ещё живой русской исконью, когда невесте на свадьбу, не в приданое, готовилось около 15-ти знаково различных сряд. Чем обусловлено столь значительное количество уборов? Каково основное содержание их знаковости? Эти вопросы рассмотрим на примере сряд невесты Секиринской крестьянской родовой культуры Рязанской земли.

В ходе полевых исследований СКРК в 2003 – 2015 гг. было установлено бытование здесь с конца 19 по 20 вв. большего количества сряд невесты/молодухи. Их изучение осуществлено на основе «Концепции знакового исследования русской народной одежды», с опорой на закономерности Закона русского духа, позволившее понять не только необходимость громадных материальных и временных затрат на подготовку этих уборов, но истоки их знаковости [1]. Учитывалось новое знание о строении русской народной свадьбы [2].

Секиринский строй сряд в основе имеет понёву с кичкой, т. е. это средне- или южновеликорусская сруза. Каждая единичная сряда включает свыше двух десятков вещей. Изменения знаковости, содержания сряд невесты проследим по отдельным знакам единичных вещей, представляющим и обладающим в том или ином переходе знаковой матрицы, в каком-либо малом времени или части свадебного родокона, наибольшей значимостью и глубиной смыслов [2]. В СКРК очевидны два пласта вещей: исконной культуры и позднего времени. Наше внимание, в основном,

приковано к вещам исконного пласта.

Отсчёт количества свадебных уборов невесты будем вести с обряда Запоя, где на основе обычного права два рода решали главный вопрос: будет свадьба или нет. Здесь её показывали в девичьем годовом родославном уборе: рубахе *красными половинками*, шушке, зана́веске красной (передник), ленке *головной*, кушаке *уложенном*[1]. В последующее время, до вхождения в состояние порогового перехода (умирания), она находилась в состоянии свадебной печали и носила кручинные одежды: *белую* рубаху, шушку, зана́веску, покромку, ленку головную, светлый платок и др.

Непосредственно перед собственно свадьбой невеста входила в пороговое (лиминальное) состояние, что отмечалось обрядом расчёсывания волос, где она была одета в печальную *белую* рубаху, но без шушки, зана́вески и головного убора.

В первый день собственно свадьбы невеста в печальном девичьем наряде появляется на Посаде. Вестницы, которые сегодня носят понёву, так его описывают: «На Посаде печаляца, замуж; родители её оплакивают. Я в печальной зана́веске, в шушке …*Поясок* тканый цветной, *с бахморчиками от основы*. Шушка им подпоясана», или: «Выходила я замуж в 1952 г. Зана́веска печальная, *тёмная* ягодками», или: «Закрыта я, на голове *полотнище белая* альняная, волосы распущены, *в белой рубахе тремя строками*». Все вещи посадской сряды невесты печальные. Обратим внимание, что «*поясок… с бахморчиками от основы*». Имя опояски – *поясок* (не *покромка* и не *кушак*) – указывает на высшую девичью печальную знаковость. Важна вещная характеристика опояски – «бахморчики от основы», конец пояса заканчивается махрами нитей основы, а не узлом бабьего пояса. В нити судьбы невесты, означиваемой *пояском*, ещё не завязан «узел жизни» – свадьба, его нет и на *пояске* [3, с. 240; 4; 5, с. 65]. Посадская печальная наряда невесты наделена смыслом переходности-движения.

Убор невест-сирот ещё печальнее. Секиринская старуха: «Невесту-сироту на Посад одевают в зана́веску *чёрненькую*, более печальную, чем для полной невесты. Сряда невесты обсуждается соседями. Не так уберёшь её, люди обсудють. Скажуть: «Не так убрана»». Культура посредством многих знаков показывает существование трёх различных посадских печальных сряд, зависящих от степени свадебной печали невесты, её родителей: а) родители живые – *полная* невеста, б) нет отца или матери – невеста *сирота*, в) родители умерли – невеста *круглая сирота*.

Рождение молодухи и последующее её становление в этом статусе, осуществлялось по трёхлетним закономерностям течения времени Закона русского духа. Оно сопровождалось *повиванием* в бабью годовую родославную сряду, – по общему счёту это седьмой убор. В культуре три *годовых* сряды молодой бабы – *первая*, *вторая*, *третья* и *четвёртая* не годовая. Первоначально невесту повивают в годовую сряду не высшей степени – *вторую*. Главными вещами бабьей наряды считается в культуре понёва, кичка с сорокой (платок), закрывавшие волосы. Повивание в СКРК включало и обряд первого надевания понёвы. Молодую и сегодня на свадьбе продолжают наряжать в понёву и всю бабью сряду. С невесты снимают девичьи одежды и *повивают* в бабью наряду *особые молодые бабы* и крёстные невесты и жениха: волосы чешут и заплетают в две косы; надевают *красную* рубаху, понёву *с зелёной изуложкой*, *красную атласную* зана́веску с *зелёной ленкой*, *синюшку* под рубаху (для придания бабьей статности), два *длинных* бисерных пояса *хрястами*, кичку с сорокой, бисерные украшения, *наспинную* ленку и «вводили в дом, и пошёл *княжой пир*».

[1] Курсивом выделены ключевые знаковые значимости.

Убор невесты на ночь: рубаха «*посадская*, платок и чопки (бусы) *в три прута*» – всё печальное.

Утром, для участия в первой семейной трапезе, обряде *завтракать*, молодую убирали в новую родославную сряду: рубаху *красные половинки*, два пояса *малые ясные в три розницы* – каждый, понёва с *бурдовой изуложкой* и др. После завтрака приходили родичи невесты, искать *ярку*. *Молодую* прятали в ином бабьем уборе. Затем следовал обряд посещения *матри* – молодые посещали мать и отца невесты. *Праздничный* убор молодой здесь включал пояса *ясные малые в четыре розницы*, понёва *вторая годовая*, *красная атласная* зана́веска и др. Во второй половине дня начинался пир в доме жениха. Здесь молодая представала перед гостями в высшей годовой сряде с золотой мишурой – *мишурной*: рубаха красная *затканая с полным узорочьем*, подставка узорная, понёва *с малиновой изуложкой* с мишурой, *мишурная* шёлковая зана́веска, годовая кичка с сорокой, *ясные длинные пояса в четыре розницы*, бисерные украшения – размётки, чопки, поджерелье – все годовые, серёжки, *заказные* ботинки; по общему счёту это двенадцатая сруза. По окончании пира, вечером шла пляска; невеста, как и другие участники свадьбы, переодевалась *в праздничный* убор с *малыми поясами в четыре розницы хрястами*.

На третий день собственно свадьбы надевалась *третья годовая* сряда, в ней понёва с *тёмно-бурдовой изуложкой*. На четвёртый день в сряду невесты входила понёва *с голубой изуложкой*, *малые ясные пояса в четыре розницы*, *красная сатиновая* зана́веска; на пятый день: понёва без изуложки, в русскую клетку *с красью*, *красная* зана́веска *петнышками*, два пояса – бисерный *малый* и простой *перевитый* – это сряда *малого праздника*. В последующее время невеста одевалась во всё *красное*, *повседневное*.

Общий состав единичных сряд секиринской невесты/молодухи, со дня Запоя по пятый день свадьбы, включал не менее семнадцати сряд, разных по своей знаковости. Постоянное изменение знаковости сряд невесты вызвано необходимостью соответствия внешнего облика невесты/молодухи её внутренним духовным изменениям, а также перемене общинного статуса и положения в роду.

Сокращения

СКРК – Секиринская крестьянская родовая культура

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кутенков П. И. Закон русского духа в обрядах и срядах восточных славян. – СПб., 2014. – 306 с.

2. Кутенков П. И. Русская свадьба. Строение собственно свадебных переходов // Российский научный журнал. – 2012. – № 4(29). – С. 94-100.

3. Жигулёва В. М. Женский народный костюм Пензенской области и некоторые вопросы его эволюции // Сергиево-Посадский музей заповедник. Сообщения 1995. – М., 1995. – С. 232-257.

4. Лысенко О. В., Комарова С. В. Ткань. Ритуал. Человек. Традиция ткачества славян восточный Европы. – СПб., 1992. – 48 с.

5. Кутенков П. И. Пояс и поясной убор великорусов. – СПб., 2013. – 120 с.

СМОЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ
г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 003
ББК 71.0
Культурология

ИСТОКИ ЗНАКОВОСТИ ПЕЧАЛЬНЫХ СРЯД УЧАСТНИКОВ СЛАВЯНО-РУССКОЙ СВАДЬБЫ

Кандидат культурологии П. И. Кутенков

В статье сделана попытка показать различие истоков знаковости печальных и недетородных сряд многочисленных участников славяно-русской народной свадьбы на основе Концепции знакового изучения русской народной одежды.

Ключевые слова
Вдова, войниха, знаковость, мать невесты, мать жениха, одежда, отец, понёва, пояс, печальная праздничность, печаль матери невесты, рубаха, сряда.

Слабое знание знаковости свадебной сряды славяно-русов порождено, прежде всего, отсутствием внимание к ней на протяжении всего 20 в. Академическая наука не имела самостоятельных программ её поземельного, краевого изучения у восточных славян, как это принято на уровне государственных исследований. Сегодня в изучении свадебной сряды открылись большие возможности, связанные с «Концепцией знакового исследования русской народной одежды» (КЗИРНО) [1, 2], позволяющие увидеть неизвестное. Наше внимание обратим на совершенно не изученное явление у славянорусов: на знаковость сряд родителей молодых, а также других участников свадьбы, находящихся в печальных состояниях (уборы невесты исключаем). Явления рассмотрим на примере свадебных сряд Секиринского строя Секиринской крестьянской родовой культуры Рязанской земли.

Свадебные сряды по своему содержанию есть годовые уборы; они наделяются высшей знаковостью, выражающей в культуре внутреннее и внешнее природы и божественного, общины и человека.

Подвергая очень краткому разбору обозначенные вопросы заметим, что ключевые знаки-вещи, линейные знаки, языковые и другие знаки Секринского строя мы не будем описывать так, как того требует знаковая матрица КЗИРНО. Это выходит за рамки статьи. Например, чтобы наглядно показать знаковость какой-либо бабьей рубахи Секиринского строя СКРК, нужно перечислить все 96 разнознаковых рубах лиц женского пола этой культуры; для раскрытия знаковости какого-либо кушака необходимо описать около ста различных поясов и поясных уборов секиринской бабы-богини [3]; чтобы показать знаковость какой-либо понёвы необходимо описать календарь жизни бабы рожаницы, включающий около двух десятков

понёв, и т. д. Поэтому мы будем опираться на понятия КЗИРНО и пояснения вестниц из Секирино.

О многообразии свадебных наряд (в Секиринском строе всего около 200-х различных уборов) жители рассказывают так: «У нас много нарядов. Все они по возрасту, по дням свадьбы. Это на *первый день*[1] свадьбы, это на *второй*... У кого печаль (свои наряды – *П. И.*) …Если ня так оденешься, это у нас позор» [4].

В культуроведении известно, что матери, оженившие своих первенцев, переставали носить родославные одежды. В СКРК мы встречаемся с редчайшими подробностями такого явления, выраженного в знаках праздничных уборов. Секиринская старуха: «Мать первых жанила, она шш малодая, и *в коричвом* ходила. Сноху приводили в дом, и тут уж *красную* наряду они, свекровья и мать невесты, не надевали. Носили *коричвую*, *голубую* и вот *тёмную*[2] , но *красную* не носили. *Тёмную* носили, это кто помаложе свякровья и мать невесты. Носили на гулянья, в город ходить». *Коричвое*, *голубое* – ключевые знаки цвета одежд, означивающих степени *малой печали* или пожилые возраста баб; красные одежды здесь носят девицы и бабы родославных возрастов.

Мать невесты, в возрасте 35 лет, на первый день свадьбы надевала: *белую* рубаху *в две затыки*; понёву *неизуложенную*; поясной убор – только один *короткий* бисерный пояс *в две розницы*; два платка *почёрному*; зана́веску с *удавичками чёрную цвяточками*, с *синей ленкой* на красоте и белыми кружевами; украшения: *жерелье* и *чопки*. Знаковость каждой единичной вещи этой наряды указывает на печальное и ограниченное недетородное состояние их хозяйки. На второй день она наряжалась: рубаха *белыми половинками* (или *с лянтами*); понёва *неизуложенная*; зана́веска *кубовая мелкими*; *короткий бисерный пояс в две розницы*; платок *почёрный*; украшения – *жерелье* и *чопки*. Знаковость этой наряды веселее убора первого дня, что созвучно общему характеру времени свадьбы, но остаётся печальной и ограниченно недетородной. На третий день: рубаха *красные половинки*; понёва *неизуложенная*; поясной убор – два *малых* бисерных пояса по *три розницы* каждый; платок *красный с ухами*, зана́веска *кубовая крупными*; украшения – *чопки*, *жерелье*. Третья сряда (годового уровня) матери невесты разнородна по содержанию: кроме печальных недетородных единичных одежд, в неё включены детородные рубаха и платок. О соединении в единичной сряде вещей, со знаками нарушающими её знаковую целостность, стало известно недавно. Но как показали исследования, явление это широко распространено в культуре славянорусов. Оно получило название знакового шума [5]. В описываемом случае шумит сряда, потому что в неё одновременно входят печальные праздничные недетородные одежды и родославные; в то же время уборы содержат другой «шум»: детородный возраст хозяйки и её недетородные одежды.

Изучение показало, что общий характер знаковости сряд матери невесты коренным образом отличается от одежд всех участниц свадьбы, такого же возраста. В течение некоторого времени свадьбы[3] мать невесты находится в состоянии кручины – **белосветной свадебной** печали.

О знаковости одежд отца невесты секиринцы говорят так: «Отцы невесты одеваюца как придёца». Такого знакового различия в уборе, как у материнского начала, у отца не обнаружено. Вместе с тем, определение «одеваюца как придёца» – указывает на повседневный характер отцовских свадебных уборов; в Секиринской культуре такой подход к наряде рав-

[1] Курсивом выделены народные понятия и категории.

[2] *Тёмная*: понятие обозначает преобладание в сряде вещей тёмно-красного цвета, соотносимого для молодых возрастов с печалью и различными видами недетородности.

[3] Русская свадьба длится три года и сорок дней.

нозначен печальному убору.

Молодая мать жениха, в возрасте 35 лет, на каждый день свадьбы имела свою сряду. Первый день: рубаха сатиновая *тёмная без палет*; понёва *неизуложенная*; зана́веска *с грудинкой*; платок *стариняй почёрный*; поясной убор – два *малых* бисерных пояса *в две* (три) *розницы* каждый; украшения: *чопки*, *жерелье*. На второй день у неё сряда веселей: рубаха – *палеты зелёные*; понёва *неизуложенная*; зан?веска *кубовая мелкими*; поясной убор – два пояса, из них один *в две розницы короткий*, второй – тканый *перевитый*; украшения: *чопки*, *жерелье*, *размётки*; третий день – характеризуется *неизуложенной* понёвой. Содержание знаковости сряд матери – праздничное, с знаками ограниченной недетородности; характер изменения знаковости её уборов по дням свадьбы, в целом соответствует изменению напряжённости свадьбы.

В целом, свадебные сряды матерей невесты и жениха различны. У первой она **печальная праздничная**, **ограниченно недетородная**; у второй сряда праздничная, ограниченно недетородная. Проявляется это и в знаках ткани. Так, мать невесты убрана в сряду с вещами из домотканей исконного пласта культуры, мать жениха – в сряду с одеждами из покупных тканей, т. е. преимущественно позднего слоя.

О срядах женского пола находящегося в различных видах печали.

Лица женского пола, находящиеся в состоянии иносветной *большой печали* не участвовали в свадебных обрядах. Запрет очевиден. Люди, погружённые в пороговое состояние не должны соприкасаться друг с другом в обрядах высокого уровня, в противном случае им угрожает уход из жизни. Бабы и женщины, вышедшие из состояния *большой печали* и перешедшие в состояние иносветной *малой печали*, – участвуют в свадьбе и наряжаются в печальные сряды годового уровня своего возраста и статуса.

Свадебная сряда вдовы. В первые годы кручины вдова не посещала родославных празднеств. В последующее время жизни она на свадьбу убиралась во вдовьи свадебные сряды, наделённых знаками вечной недетородности. А. П. Ерошина: «Вдова она наряжаеца в *белую* рубаху. Есть рубахи с многими *затыками*, а есть с маленькой *затычькой* (её наденет – *П. И.*)». *Первая* свадебная сряда молодой вдовы включает рубаху *белый корень*, *простую* понёву (без изуложки), два *коротких* пояса, чопки. Отсутствие в составе украс бисерных украшений (ожерелья и размёток) подчёркивает состояние её **вдовьей** печали и вечной недетородности.

Свадебная сряда войнихи. Войниха погружена в состояние **белосветной** *печали*; разрешено участвовать в свадьбе. Секиринская баба в 2006 г. пояснила: «*Солдатка* наденя *белую* рубаху альняную *с затыками*, понёву *простую*, зана́веску *кубовую крупными* цветами и вот эти *маленькие* бисерные пояса *по три розницы* (показывает – *П. И.*)». Белая рубаха с затыками и другие одежды молодой бабы указывают на кручинное состояние и временное ограничение детородных возможностей войнихи.

Роженица. Культура воспрещает роженицам, находящимся в **родинной** *печали*, участвовать в каких-либо прилюдных действиях. До истечения года она не участвует в свадьбе, а стало быть и нет нарядов таких состояний.

Секиринский строй обнаруживает очень тонкие оттенки состояний участников свадьбы, представленных знаковостью их сряд. Вычленяются свадебные сряды со знаковостью многих видов печали. Различная знаковость сряд участниц свадьбы обусловлена их начальными духовными состояниями, и выражением в них годового уровня семейной праздничности – свадьбы. Для матерей *молодых* свадьба порождает одинаковые статусы, но различные духовные состояния. Секиринская культура обнаруживает существо-

вание совершенно нового подвида белосветной печали: **свадебная печаль родителей невесты**, означиваемой многочисленными знаками уборов годового уровня. В срядах матери невесты выявляется новый подвид знакового шума [5].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кутенков П. И. Об основных положениях концепции знакового исследования русской народной женской одежды // Российский научный журнал. – 2012. – № 3(28). – С. 59-66.

2. Кутенков П. И. Русская свадьба. Строение собственно свадебных переходов // Российский научный журнал. – 2012. – № 4(29). – С. 94-100.

3. Кутенков П. И. Пояс и поясной убор великорусов. – СПб.: Мир русского слова, 2013. – 120 с.

4. Гилярова Н. Н. и др. Свадьба на Рязанщине. Село Секирино. Ч. 1. (короткометражный фильм). – 1990.

5. Кутенков П. И. Знаковые шумы в русской народной сряде (одежде) // Российский научный журнал. – 2012. – № 6(31). – С. 84-90.

СОКРАЩЕНИЯ

КЗИРНО – Концепция знакового исследования русской народной одежды

СКРК – Секиринская крестьянская родовая культура

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
г. МОСКВА

УДК 141.1
ББК 87.520
Философия религии

ТРАНСГУМАНИЗМ – ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Кандидат богословия Э. Г. Попов (Иеромонах Максим)

Статья посвящена проблеме формирования и развития нового направления современной науки – трансгуманизма, которое начало формироваться во второй половине XX века. В статье рассматриваются характеристика и особенности этого направления с позиций философии науки и духовности. Особое внимание уделяется исследованию вопросов влияния трансгуманизма на сознание человека.

Ключевые слова
Трансгуманизм, религия, духовность, философия, наука

Во второй половине XX века происходят кардинальные изменения в процессе научно-технического развития человеческой цивилизации, среди которых особенно выделяется *явление* под названием *трансгуманизм*. Привлекательное на первый взгляд направление науки при более тщательном рассмотрении оказывается сложным и противоречивым, имеющим духовную составляющую.

Следует отметить, что идеология человека-творца, строящего Regnum hominis [11] на Земле, по аналогии с Царством Божиим на Небе, вдохновляла человека уже с Возрождения. Со времени Просвещения в обществе утвердился пафос разума, знания и основанной на них идеологии прогресса. В дальнейшем этот подход к оценке общественного развития выразился в «прогрессистскую» концепцию с представлением о науке (а затем и технике) как единственном и всесильном средстве разрешения любых человеческих проблем и достижения социальной гармонии [1. С. 49].

Тема развития научно-технического прогресса продолжала волновать умы европейцев и в начале XX в. Прп. Иустин (Попович) в 1924 г. написал работу «О духе времени», в которой дает характеристику современным ему науке и прогрессу через термин «дух времени». Он подчеркивает, что дух времени весьма сложен, составлен из самых разнородных элементов и содержит весь трагизм и комизм жизни. Самое страшное в этом – систематически организованное восстание против человеческой личности. Он дает следующую характеристику термину: «Дух времени нашего – тонкий соблазн нынешних дней; под этой маркой продается фальсификат прогресса, просвещения, цивилизации, культуры» [4]. В противоположность духовному анализу прп. Иустина в одном из документов Конвента «Великого Востока» 1929 г. (Франция) явно виден антихристианский подход: «Только протестуя против закона и христианской морали, мы расчистим место для **новой морали, которую во что бы ни стало не-**

обходимо кодифицировать» [12. С. 36].

С начала попытки построения глобальной цивилизации «была осознана ключевая проблема, стоящая перед человеком-творцом: он может многое создать, но может ли он создать самого себя? Не естественным путем, данным ему Богом, а искусственно, технологически?» [6].

В настоящее время научной среде признано, что «трансгуманизм – это рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека» [9].

Этот термин был предложен основателем ЮНЕСКО Джулианом Хаксли в 1957г. Д. Хаксли активно выступал за поддержку и распространение гуманистических ценностей и был одним из идеологов Международного гуманистического и этического союза (International Humanist and Ethical Union), который был создан в 1952 г. В. Н. Катасонов считает, что программная деятельность этого союза «посвящена пропаганде идей гуманизма, атеизма, рационализма, свободомыслия и поддержке моральных учений, не связанных с религией» [6].

Программу и политику ЮНЕСКО Хаксли конкретизировал в работе «ЮНЕСКО: её цели и философия», в которой утверждалось, что она «должна будет освободиться от всякого исключительного или сверхземного видения», основываться на всемирном гуманизме и исходить *из эволюционного подхода*. Особое внимание в работе автор уделяет «изучению и применению психоанализа и психологии «глубинного» <...>, чтобы сделать так, чтобы мир стал более счастливым и эффективным», и евгенике, в которой он видел науку о сохранения человечества в единстве с биосферой [12. С. 41].

Одним из важных достижений второй половины XX века является создание трансперсональной психологии (ТП), оказавшей значительное влияние на формирование процесса глобализации во всём мире. Ключевой момент успешного проведения глобализации – трансформация сознания человечества. При разработке научной парадигмы ТП акцент был сделан на сознание, как на особую категорию реальности [7. С. 39]. Такой подход к обработке сознания способствовал развитию новаторских идей современности, в том числе и трансгуманизма.

Д. Хаксли отвергал абсолютную истину и абсолютную мораль. Он считал, что «нужно избавиться от ложных верований, что существует что-то вроде как истина или добродетель». Поэтому «**некоторые типы человека должны быть исключены из выполнения функций**: христианизированный астеник, чересчур рьяные фанатики, напуганные сверхстрогой моралью – подобные люди должны быть отстранены от выполнения таких должностей, как судьи, преподаватели, магистры, управленцы» [12. С. 41].

Эволюционизм, на который ссылается Д. Хаксли, «**стал крупнейшей фальсификацией в истории науки**, большой ложью, запущенной масонством для утверждения так называемого «научного мировоззрения» как системы жёстких постулатов, отвергающих идею Бога Творца и не допускавших никаких возражений («наука есть высший источник истины», «наука – сила, преобразующая мир», «что не познаётся наукой, то не существует» и пр.)» [12. С. 22].

О. Н. Четверикова отмечает: «Карл Поппер также заявил, что эволюционизм – это не доказательная научная теория, а **метафизическая программа** исследований» [12. С. 22]. По словам преп. Иустина (Поповича), растворив антропологию в зоологии, эволюционизм породил ещё одно чудовищное «научное» детище – евгенику, которая возникла одновременно с социальным дарвинизмом [12. С. 23].

Очевиден **вывод**: «Дарвинизм *совершил радикальный переворот в сознании западного человека*, заставив его смотреть на мир сквозь призму эволюционизма и прогресса, что глубоко противоречит христианскому миропониманию» [12. С. 24].

В процесс обработки сознания человечества включается и движение «Нью Эйдж». В качестве его программы выступила книга сотрудницы Стэнфордского института Мэрилин Фергюсон с интригующим названием «*Заговор Водолея*», опубликованная в 1980 г. Фергюсон провозглашает начало «смены парадигм», осуществив синтез стремлений к революционному изменению сознания (очень сходно с идеями ТП) с желанием радикальных социальных перемен. «Смена парадигм» должна произойти путём **освобождения от старых запретов** [12. С. 45]. Происходит дальнейшая популяризация трансгуманизма: философы Ник Бостром и Девид Пирс в 1998 г. создают Всемирную ассоциацию трансгуманистов (Humanity+).

Трансгуманизм презирает ограниченность эмпиризма. Пол Куртц ввел специальный термин – «eupraxsophy» (эупраксофия), чтобы отличать гуманистические взгляды от системы религиозных убеждений. Признаком *эупраксофии* является не просто отрицание внешнего божественного влияния на человека, но и возможность для самого человека стать богом, путем доведения нанотехнологии и нейрофармакологии до совершенства. Это означает, что у экстрапианистов вообще отсутствует потребность в боге [10].

На современном этапе научно-технического прогресса некоторые достижения трансгуманистической мысли открывают немыслимые ранее возможности с помощью нанотехнологий решать следующие задачи:

1. В ближайшем будущем «можно будет исправить все повреждения сохранённого человеческого организма, устранить причины смерти, омолодить и вылечить тело и вернуть человека к жизни в новом теле и новом мире» [9].

2. Человеку будет дана возможность осуществлять «почти полный контроль над материей на атомарном уровне, создавать любые материальные объекты быстро, практически бесплатно, без загрязнения окружающей среды» [9].

Э. Девис подчеркивает, что «информационные технологии преодолевают предметный статус просто потому, что они позволяют кодировать и передавать такие бестелесные реальности, как разум и смысл» [3. С. 16].

В 2011 г. начато финансирование проекта, который американское агентство по научным исследованиям DARPA называет «Биодизайном». Данный проект предполагает заменить случайность природных факторов эволюционного развития на использование прогрессивных идей генной инженерии и молекулярной биологии для достижения приемлемого биологического результата. Конечной целью этого проекта можно считать бессмертие человека [10].

В концепцию трансгуманизма входит «**научный иммортализм**», то есть достижение бессмертия, для чего предлагаются два метода. Первый предусматривает применение биотехнологий (стволовые клетки, клонирование, крионика и пр.). Второй – использование информационных и нанотехнологий. Это так называемая «загрузка сознания», при которой происходит полное копирование человеческого мозга на компьютере для создания запасных копий человека. Как указывает Ник Бостром, «**биологический метод достижения бессмертия является временным, а цифровой – главным**» [12. С. 76].

Бессмертие невозможно достичь путем применения *биотехнологий*, так как их использование не исследовано в плане научной корректности и негативных последствий этих процессов как таковых.

Бостром откровенно заявляет: «Трансгуманизм – это нечто большее, чем простая абстрактная вера в то, что мы находимся в процессе перехода наших биоло-

гических границ с помощью технологий. Это также попытка **переоценить полностью определение человеческого существа** так, как его обычно представляют ... Технологии помогут нам выйти за пределы того, что большинство считает человеческим» [12. С. 77]. Помраченное сознание человека не дает ему покоя от эпохи Возрождения до настоящего времени.

В. Н. Катасонов пишет: «**Главный же вопрос все еще остается нерешенным**. Будет ли Трансчеловек обладать душой в качестве дополнения к существованию в киберпространстве матрицы? Может ли душа быть созданной *экстрапианистами* [13], или души просто станут лишним багажом, если этика светского трансгуманизма превратится в доминирующую концепцию бытия?» [10].

Он предлагает рассматривать критику трансгуманизма с двух позиций:

1. Что нам не нравится в проекте трансгуманизма?

Ответ: «При всей претензии на научную фундированность трансгуманистической перспективы, принципиальные вопросы о возможности самоорганизующихся программ или о подобии сознания электрической машинерии искусственной нейронной сети остаются гипотезами» [6].

2. Почему реализация его невозможна?

Ответ: «Сразу возникает вопрос: кто доказал, что сознание отделимо от мозга? Конечно, здесь имеется в виду, что сознание будет смоделировано в виде некоторой программы, но кто доказал, что это возможно». [6]. Положение о том, что сознание сводится к некоторым электро-химическим процессам в мозгу – это чистая гипотеза. Философская антропология и феноменология говорят о том, что сознание теснейшим образом связано с телесностью человека, и как отделить его от тела, вопрос этот кажется даже абсурдным [6].

С позиции философии науки следуют следующие выводы:

1. В науке нет четкой концепции о происхождении материального мира.
2. Наука не достигла фундаментальных законов, управляющих живой природой.
3. Непредсказуемы последствия в результате нарушения человеком законов функционирования материального мира.
4. Предположение о том, что сознание будет смоделировано в виде некоторой программы, находится на уровне фантазии.
5. Идея замены человека «высокообразованной» машиной является утопической.
6. Наука не рассматривает понятие души – бессмертной субстанции.

Представители современной науки признают факт существования духовной реальности. Поэтому закономерным является рассмотрение **духовной составляющей области** научного знания, **называющей себя трансгуманизмом.**

О. Н. Четверикова пишет, что «из всех синкретических учений **гностицизм** представляет наибольшую опасность, так как, выдавая себя за эзотерическую форму христианства, в корне искажает его» [12. С. 9]. Хотя гностицизм [2] и был побеждён, но его идеи и образы не исчезли из западного мышления. Они сохранились в ересях манихейского дуализма, у богомилов, катаров и тамплиеров, уйдя в итоге в эзотерическое и алхимическое подполье, стремившееся к достижению человеком «божественного сознания» путём алхимической трансмутации. Оно исходило из веры в то, что посредством правильного использования «полезных искусств» или технологий люди и всё общество в целом могут быть возвращены к райскому совершенству [12. С. 11].

О. Н. Четверикова говорит о так называемом «*Герметическом корпусе*», который приписывают мифической личности Гермесу Трисмегисту. Этот корпус представлял собой мистическую смесь между гностической психологий и оккультной механикой. «Он служил своеобразной «духовной инструкцией» по эксплуатации миров» [12. С. 11].

Новая вспышка интереса к Гермесу Трисмегисту была связана с деятельностью гуманистов итальянского Возрожде-

ния, рассматривавших человека как «меру всех вещей». Они считали, что человек может достичь богоподобия своими собственными силами. «Гуманизм основывался на этике Марсилио Фичино и Пико делла Мирандолы. Первый воплотил в христианстве неоплатонические и герметические идеи, а второй соединил герметику с каббалой и открыто сформулировал новый для Европы статус **учёного-мага**, пытавшегося раскрыть тайны человека и космоса, воспринимаемого как живую душу, с помощью магических инструментов» [12. С. 11].

Герметизм предвосхитил современную науку с её страстью к материальным преобразованиям. Исследовательница Френсис Йейтс, показавшая в своих работах оккультные корни науки Нового времени, отмечает: «Ренессансная концепция анимистической вселенной, управляемой магией, подготовила приход концепции механистической вселенной, управляемой математикой» [3. С. 45].

Заслуживает внимания высказывание о гнозисе масонского автора Бернара Шейкельбауэра: «Прямая цель Франкмасонства – привести своих членов к «Гносису», представляющему собой единственную возможность стать Божественным существом и преодолеть противоречие между верой и наукой» [12. С. 19].

В свою очередь, Ф. Бэкон закрепил статус «научного мага», приписав науке явно религиозные измерения. Рассматривая прикладную науку как преемницу древней магии (алхимия и астрология им были названы «царственными науками»), он ратовал за «научно-техническую магию», представлявшую собой фактически **магический материализм**. Гнозис мог уже действовать под видом науки [12. С. 12].

Поставив цель упразднить и заменить собой христианство, масонство взяло на вооружение гибкие методы, соответствующие известной формуле 33 градуса шотландского обряда «*порядок через хаос*» (*ordo ab chao*). Значение её выразил один из «посвящённых» Уго оэль Порсиати: «Девиз «порядок через хаос» представляет синтез масонской доктрины и её главную тайну. Она означает, что Великое Делание может происходить через состояние **разложения и растворения** (диссолюции) и учит, к новому порядку можно прийти только через искусно организованный беспорядок» [12. С. 17].

В мировоззрении масонов главным инструментом организации беспорядка и хаоса стал **принцип «терпимости»**, направленный на размывание, растворение христианства в других религиях. Они нужны только для подрыва веры в Бога Творца и в воплощение Бога Слова, а в будущем **подлежат упразднению** [12. С. 17].

Компьютерные технологии используются современными гностиками против человеческого естества, против его естественного состояния, которое представляется как ложная реальность, от которой следует избавляться. В современных условиях погружение человека в киберпространство «космического разума» достигается с помощью компьютера. Оно более длительно и эффективно, нежели «ЛСД-погружения» и шаманские «перемещения». «Электронный наркотик» входит в каждый дом, он не имеет тех запретительных предписаний, которые ограничивают использование классических наркотиков. Тимоти Лири заявил по данному поводу: «То, чего нам не хватало в 60-е годы, наконец, доступно» [12. С. 54].

Прп. Иустин (Попович) делает акцент на духовный подход в определении сознания: «Человеческое сознание имеет в себе нечто божественное. Оно настолько таинственно и загадочно в своей непосредственной данности, что его никто, меньший Бога, не мог дать человеку. В своей самой внутренней сути человеческое самосознание – это Богосознание. Ибо сознание, в сущности, – это дар Божий человеку» [5. С. 343-344]. В результате воздействия компьютерных технологий у человека происходит помрачение сознания, он

приобретает болезнь – киберзависимость.

Когда теория информации перешла в сферу биологии, социологии, психологии и когнитивных наук, она изменила представление о личности человека. Личность стали рассматривать как носителя информации, машину по обработке данных [12. С. 78]. О. Н. Четверикова пишет, что «сверхзадачей трансгуманистов является создание искусственного интеллекта или «сверхразума», который должен настолько превзойти человеческий мозг, что это нанесёт серьёзный удар по любому антропоцентрическому мировоззрению» [12. С. 79].

Сама реальность стала дегуманизирующей. В ней господствует «Воля к власти», как наивысшая ценность. Она вытравила все универсальные гуманистические ценности и гипертрофировавшись, превратилась в патологию власти, став хронической болезнью эпохи [8.С.77]. Поэтому не удивительно, что трансгуманистам свойственно не только иррациональное презрение к человеческой природе, но и абсолютная убеждённость в том, **что сами они будут этими «сверхразумными» постлюдьми** [12. С. 80].

С религиозной позиции вопрос замены человека на машино-человека является утопией: 1. науке не известен ни алгоритм работы человеческого мозга, ни механизм его мыслительного процесса; 2. происходит потеря понятия и бытия человеческой личности в философском и богословском аспектах; 3. замена человеческого мозга на искусственную механическую конструкцию не обеспечивает сохранение человеческого сознания, которое является даром Божьим; 4. механические (неживые) конструкции не обладают свойствами религиозности, духовности и нравственности; 5. в свящ. писании нигде не говорится о возможности замены человека как творения Божьего на искусственную куклу-конструкцию.

В. Н. Катасонов подчеркивает: «Трансгуманизм – не просто какая-то новая идеология в ряду других, а проект, который ставит перед человеком фундаментальные вопросы его бытия и требует от него глубочайшей духовной честности и ответственности в ответе на них» [6]. Для человека дружба, любовь, семья, самопожертвование, вера имеют абсолютное духовное значение. «Именно в этом проявляется жизнь личности, именно это и есть главное содержание жизни, без них человек духовно мертв и, нередко, потеряв их, сам отказывается от жизни физической. Все эти сферы человеческого бытия, так или иначе, соотносятся с Абсолютом, с Богом» [6].

В. Н. Катасонов указывает на то, что «трансгуманизм как идеология уже сегодня хочет отнять у нас эти духовные ценности и приучить нас к «чечевичной похлебке» чисто сциентистских радостей» [6]. Не следует забывать то, что наукой доказаны и признанны многие события библейской истории. С другой стороны – наука не может объяснить многих явлений духовного мира, поэтому для них придумано название паранормальные.

Очевидно, что перспектива трансгуманизма несовместима с христианской перспективой истории: Вторым пришествием Христовым и Страшным судом. Но данный аргумент значим только для верующих. В процесс обсуждения идеологии трансгуманизма вовлечено множество и неверующих людей. Они, тем не менее, уважают традиционные гуманистические ценности европейской цивилизации, поэтому для них возможность сценария трансгуманизма является скандалом [6].

Выводы:

1. Трансгуманизм – это пример фальсификата науки, один из плодов деятельности «духа времени», связанный с помрачением сознания его изобретателей.

2. Трансгуманизм – это псевдонаучное движение (отсутствие научной парадигмы), имеющее духовную составляющую.

3. Трансгуманизм – метод обработки сознания человека для последующего его подчинения системе глобальной сети и антихристу.

4. Цели трансгуманизма и методы их реализации предполагают уничтожение человека как творения Божьего и как биологического вида.

5. С позиции богословия и психологии очевиден тот факт, что ставится задача по упразднению понятия человеческая личность.

6. Идеи, цели и задачи трансгуманизма имеют в своей основе утопические принципы, позволяющие вводить человечество в состояние духовно-нравственного прельщения.

7. Стать настоящими трансгуманистами смогут только **«просвещённые»** – представители элиты, чем подтверждается апокалиптический характер **оправдания их богоизбранности.**

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бессонов Б. Н. Гуманизм и духовное развитие общество. – М.: РАГС, 2006. – 275 с.

2. Гнозис (Электронный ресурс). – URL:http://vslovare.ru/slovo/filosofskiij-slovar/gnozis/274600 (дата обращения: 15 июля 2015). (*греч.* gnosis – познание, знание) – центральная категория гностицизма – эклектического религиозно-философского течения поздней античности, выступившего одной из культурных форм связи оформившегося христианства с мифофилософским эллинистическим фоном и вероучениями иудаизма, зороастризма, вавилонских мистериальных культов.

3. Дэвис Э. Техногнозис: мир, магия и мистицизм в информационную эпоху / Пер. с англ. С. Кормильцева. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. – 480 с.

4. Иустин (Попович), прп. О духе времени. (Электронный ресурс). – URL:http://www.golden-ship.ru/knigi/9/iustin_popovich_ODV.htm (дата обращения 25.08.2013).

5. Иустин (Попович), прп. Собрание творений. – Т. 1. Перевод с серб. С. Фонова. – М.: Паломник, 2004. – 430 с.

6. Катасонов В. Н. Новая эволюционная утопия: трансгуманизм (Электронный ресурс). – URL:http://spbda.ru/digest/novaya-evolyucionnaya-utopiya-transgumanizm/

7. Максим (Попов Э. Г.), иеромонах. Анализ и критика внеконфессионального мистицизма как методологической основы трансперсональной психологии. Богословский аспект: монография / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2012. – 138 с.

8. Наука и гуманизм – планетарные ценности третьего тысячелетия. Тезисы международной научной конференции. СПб., 14-18 июня 2000 г. – М.: Российское гуманистическое общество, 2000. – 159 с.

9. Трансгуманизм: идеи, философия, культура (Электронный ресурс). – URL:http://www.bessmertie.org/content/view/219/224/ (дата обращения: 24 января 2015).

10. Трансгуманизм и сверхчеловек Нового мирового порядка (Электронный ресурс). – URL:http://forum.ourterra.com/topic/2214-трансгуманизм-и-сверхчеловек-нового-мирового/ (дата обращения: 24 января 2015).

11. Царство человека (лат.). Так Ф. Бэкон, по аналогии с Царством Божиим, называл свой проект овладения природой на основе новой науки. См.: Сапрыкин Д. Л. Regnum hominis. Имперский проект Ф. Бэкона. – М., 2001.

12. Четверикова О. Н. Диктатура «просвещенных». Дух и цели трансгуманизма. (Электронный ресурс). – URL: http://www.3rm.info/mainnews/56351-diktatura-prosveschennyh-duh-i-celi-transgumanizma-chetverikova-on-skachat-broshyuru.html (14 июля 2015).

13. Экстропианство – ранняя школа в трансгуманизме, характеризующаяся рядом принципов, защищающих превентивный подход к человеческой эволюции. Основные идеи экстропианства разработаны Максом Мором и Томом Морроу и изложены в «Принципах экстропианства». (Электронный ресурс). – URL: http://t-human.com/wiki/Экстропианство (дата обращения 23.08.2015).

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

УДК 316.37
ББК 60.543.172
Социология

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КРЕАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ

А. Д. Матраева

В статье рассматриваются аспекты формирования креативной компетенции у студентов. Обсуждается роль креативной компетенции в различных видах деятельности человека. Автор считает, что креативную компетенцию необходимо формировать в процессе обучения в ВУЗе, так как она является интегральной характеристикой личности.

Ключевые слова
Креативность, креативная компетенция, общекультурные компетенции, студенческая молодежь

Современный этап развития общества и в России, и за рубежом рассматривается как время активного поиска новых путей развития личности, ее творческой инициативы, человеческого потенциала в целом. Рост международных связей, изменение роли людей в системе производственных и общественных отношений актуализируют требования к уровню подготовки квалифицированного специалиста, в том числе к уровню сформированности его творческих способностей, умению самостоятельно продуцировать принципиально новые оригинальные идеи для решения разнообразных задач, возникающих в процессе профессиональной деятельности. Сегодня только творчески относящийся к своей деятельности человек способен справиться с практическими и теоретическими задачами, которые ставят перед ним социально-экономические преобразования и научно-технический прогресс. В современных условиях личностный рост, карьера во многом определяются уровнем творческих способностей, способностью применять новые разнообразные стратегии при решении повседневных и стратегических проблем.

Процесс модернизации общества, важнейшим фактором успешности которого является успешность личности, ориентированной на инновационную деятельность и способной к саморазвитию, обусловил необходимость реформ в сфере образования. В XX веке в качестве пути решения данной проблемы был выбран Болонский процесс – процесс сближения и гармонизации систем высшего образования стран Европы с целью создания единого пространства высшего образования. С темой Болонского процесса тесно связана тема компетентностного подхода в образовании. Понятие компетенции по-

явилось, как следствие предпринятой на общеевропейском уровне попытки привести в соответствие образовательные стандарты разных стран Европы. В связи со сложностью введения новой технологии оценки результатов образования и выработки их универсальных для всех стран Европы критериев в 2001 году был запущен проект TUNING («Tuning Educational Structures»), целью которого стало установление сопоставимого образовательного стандарта с сохранением культурного многообразия, которое не должно исчезнуть в связи с ростом образовательной мобильности и унификации требований к освоению дисциплин. В России данный проект проходил с 2006 года под названием ТЕМПУС «Создание сети центров Tuning в Российских университетах». Термин «компетенция» в ЕКР (Европейской квалификационной рамке, позволяющей соотносить квалификации, принятые в разных национальных системах образования) определяется как интегрированное понятие, выражающее способность индивида самостоятельно применять в определенном контексте различные элементы знаний и умений. Современное понимание компетенции связано со всесторонним развитием личности, которое не сводится к узко профессиональным компетенциям, но предполагает получение необходимых «общекультурных» навыков, которые традиционной моделью образования предполагались, но не имели закрепленного, формализованного характера. Общекультурные компетенции определяют активную жизнедеятельность человека, его способность ориентироваться в различных сферах социальной и профессиональной жизни, гармонизируют внутренний мир и отношения с социумом. Значимость данных качеств личности повышается и в связи с переходом от традиционной к личностно-ориентированной парадигме, когда обществу нужны активные, творческие специалисты, способные самостоятельно принимать решения и готовые взять на себя ответственность за их осуществление, умеющие ставить цели и конструировать новые пути их достижения.

С внедрением в образовательную практику компетентностного подхода, проблема формирования креативной компетенции становится еще более актуальной. Если ранее исследование креативности связывалось в первую очередь с идентификацией талантливых и одаренных учащихся и студентов, то сейчас креативность рассматривается более широко.

Существует множество определений понятия «креативность». К наиболее распространенным можно отнести такие представления креативности, как:

• продуцирование принципиально новых идей;

• способность применять разнообразные новые стратегии при решении проблем;

• способность продуцировать необычные, нестандартные идеи;

• способность не следовать стереотипам, «оставаться открытым» для разнообразной поступающей информации при поиске путей решения проблем;

• оригинальность и быстрота мышления;

• готовность работать в необычном контексте, склонность к символическому, ассоциативному мышлению.

Креативность проявляется в способности продуцирования, на основе полученных знаний и накопленного опыта, новых идей и способов, оптимизирующих рабочий процесс или помогающих в создании принципиально нового продукта. Как отмечает М. И. Данилова, «креативностью называется способность человека к нестандартному, оригинальному мышлению и поведению. При этом необходимо отметить созидательный, конструктивный характер такого мышления и поведения» [1].

По мнению Р. Флориды, креативность включает в себя не только интеллект человека или его творческих способности.

Креативность обязательно включает в себя способность к синтезу, результатом которого может быть что угодно – изобретение устройства, разработка теории, понимание проблемы, ведущее к ее решению, или создание произведения искусства [2]. Следовательно, обязательными компонентами креативности являются, с одной стороны, новизна, а с другой – эффективность в поиске решений существующих проблем. Трактуемая таким образом креативность может быть обнаружена в различных сферах человеческого опыта.

Креативность является одним из главнейших факторов развития высокотехнологичных, наукоемких отраслей производства, новых технологий и индустрий. В эпоху постиндустриального общества креативность является фактором конкурентного преимущества, высоко ценится, поощряется, используется различными способами и становится источником социально-экономического развития общества.

Впервые термин «креативная компетенция» встречается в работах американского ученого Д. Ч. Пирса, изучавшего вопросы воспитания [3]. Он полагал, что активная образная игра имеет большое значение в воспитании, так как способствует творческому освоению окружающего мира, которое он назвал «креативной компетенцией».

А. В. Хуторской анализирует в своих трудах компетентностный подход и проблемы формирования компетенций, рассматривая их как критерий подготовленности специалиста к различным видам деятельности в условиях нестабильности и плюрализма. Он выделяет способность, которая позволяет личности действовать результативно и творчески, актуализируя и мобилизуя знания в ситуации неопределенности для решения задач – креативную компетенцию [4].

Рассматривая задачи современного образования, Р. Эпштейн говорит о понятии «креативная компетенция» как о готовности адаптивно применять полученные знания, дополнять систему знаний самостоятельно, стремиться к самосовершенствованию [5].

М. Зауер и Д. Эрпенбек определяют структуру креативной компетенции, представляя ее как соотношение следующих элементов [6]:

• методический – абстрактное мышление, риторика, способность к анализу и т. д.;

• процессуальный – методы и принципы, которые охватывают не только производство идей, но и весь ход развития решения проблемы;

• личностный – креативность, общительность, мотивация и т. д.;

• панорамный – условия формирования компетенции и взаимодействие всех участников этого процесса.

На основании имеющихся научных исследований, можно утверждать, что креативная компетенция способствует повышению результативности и эффективности деятельности. В первую очередь, это объясняется тем, что человек заинтересован не только в качественном выполнении своей работы, но также в поиске новых путей и оригинальных стратегий решения проблемы; он способен быстро принимать нестандартные решения в любой ситуации и подходить к организации и выполнению задач с большей энергией и энтузиазмом. Следует особенно отметить, что креативность влияет не только на деятельность человека, но и на развитие личностного потенциала. Креативность является средством самоактуализации, самореализации и самосовершенствования личности.

В социокультурном взаимодействии креативность выступает как необходимая составляющая. Чем выше уровень сформированности креативной компетенции у личности, тем эффективнее и результативнее будет деятельность человека. Данные аспекты актуализируют потребность в

совершенствовании профессиональной подготовки будущих специалистов, а особенно ее креативной составляющей, что усиливается в условиях модернизации образования в рамках компетентностного подхода. Каким же образом происходит формирование креативной компетенции в рамках получения высшего образования? Для ответа на этот вопрос приведем результаты недавнего исследования.

С целью определения факторов формирования креативной компетенции у студентов, в январе-марте 2014 года было проведено пилотажное исследование (опрошено 300 студентов третьего и четвёртого курсов) [7]. В опросе участвовали студенты естественно-научных факультетов РХТУ им. Д. И. Менделеева, МГУ им. М. В. Ломоносова, Московского Физико-технического института (технический университет). Поскольку креативная компетенция неразрывно связана с общекультурными компетенциями, основное внимание в исследовании было уделено социально-гуманитарной составляющей процесса получения высшего образования.

В первую очередь, необходимо отметить тот факт, что подавляющее большинство студентов (91,7 %) полагают, что в независимости от получаемой специальности, необходимо развивать креативную компетенцию, так как она является неотъемлемым компонентом развития человека, как в личностном, так и в профессиональном плане. В то же время студенты не полагают, что данная компетенция не является самой востребованной. Больше студентов волнует недостаток практических и теоретических знаний по специальности, компетенций организационного взаимодействия. С одной стороны, полученные результаты можно объяснить спецификой вузов и факультетов, на которых обучаются студенты, с другой стороны, нельзя забывать о том, что университет как высшее учебное заведение должен ориентировать студентов на всестороннюю подготовку человека к профессиональной деятельности.

Говоря о том, каким образом возможно формирование креативной компетенции в рамках обучения в ВУЗе, студенты (7,8 % опрошенных) ответили, что это гуманитарные дисциплины, преподавательский коллектив (5,1 %), участие в студенческих организациях (1,7 %). Как видно из показателей, катастрофически малое количество студентов полагают, что обучение в ВУЗе качественно влияет на формирование креативной компетенции. Такие показатели могут быть объяснены преобладанием технических дисциплин над гуманитарными в силу специфики рассматриваемых ВУЗов. Рассмотренный аспект также коррелируется с тем, что большинство студентов полагают, что необходимо увеличить объем гуманитарных дисциплин, преподаваемых в процессе обучения. Однако недооценка роли ВУЗа в формировании креативной компетенции заслуживает пристального внимания, так как данная ситуация ставит под вопрос получение качественного образования и появления всесторонне развитых профессионалов в различных областях.

Дисциплинами, оказывающими наибольшее влияние на формирование креативной компетенции, студенты назвали культуру речи, иностранный язык, философию, историю, социологию, политологию, культурологию. Также данные гуманитарные дисциплины в большей степени оказывают влияние на формирование компетенций социального взаимодействия, компетенции самоорганизации и самоуправления.

По результатам исследования представляется возможным дать следующие рекомендации по различным аспектам формирования креативной компетенции у студентов.

Во время учебного процесса следует проводить мониторинг качества получаемого образования по степени сформированности креативной компетенции, по-

стоянно выявлять проблемы, связанные с содержанием и организацией учебного процесса. Должны анализироваться ответы на такие вопросы, как: «Какова степень сформированности у Вас креативной компетенции?», «Как Вы считаете, являются ли креативная компетенция настолько же необходимой для специалиста, как и профессиональные компетенции?». Обращать внимание на данные вопросы следует, поскольку ответы на них показывают, как идет учебный процесс, к какой цели движутся студенты.

Для улучшения подготовки по гуманитарным дисциплинам стоит увеличить количество часов их преподавания, ввести гуманитарные дисциплины по выбору, если в программе обучения их нет либо объем недостаточен.

Следует проводить больше практикумов, семинаров, дискуссий, таким образом, переходя к интенсивным занятиям, использовать как можно больше интерактивных технологий.

Таким образом, на уровне высшего образования представляется целесообразным сделать особый акцент на формировании креативной компетентности. Высшее образование представляет собой этап в подготовке профессионалов, которые должны быть способны к производству инноваций во время модернизации общества. В процессе обучения в ВУЗе студенты специализируются в определенном виде деятельности, приобретают специальные профессиональные компетенции и опыт по практическому применению этих знаний (на практике, стажировке), в связи с чем на основе «общей» креативности развивается «специализированная» (профессиональная) креативность: способность к творчеству в определенной сфере человеческой деятельности. Креативная компетенция становится интегральной характеристикой личности, отражающей способность и готовность к результативной профессиональной творческой деятельности в условиях инновационной экономики. Именно поэтому креативную компетенцию необходимо формировать в процессе обучения в ВУЗе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данилова М. И. Образование в глобальном мире // Общество и право. – 2012. – № 4(41). – С. 287-291.

2. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2005. – 421 с.

3. Rosemond John. New Parent Power. – Kassel, 2001.

4. Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / под ред. А. В. Хуторского. – М.: Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2007. – 327 с.

5. Epstein, R. Generativity theory and creativity // M. A. Runco & R. S. Albert (Eds.), Theories of creativity (Rev. ed.). – Cresskill, NJ: Hampton Press, 2005.

6. Erpenbeck J., Sauer M. Das Forschungs-und Entwicklungsprogramm «Lernkultur Kompetenzentwicklung» // Arbeitsgemeinschaft Qualifikations-Entwicklungs-Management (Hrsg.): Kompetenzentwicklung 2000: Lernen im Wandel - Wandel durch Lernen. – Münster, 2000.

7. Зернова Л. П., Рыбакова М. В., Матраева А. Д. Гуманитарные дисциплины как средство формирования общекультурных компетенций студентов // Актуальные вопросы общественных наук: Социология, Политология, Философия, История / Сб. ст. по материалам XXXVII междунар. науч.-практ. конф. – № 5(37). – Новосибирск: СибАК, 2014.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА[1]
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ФИЛИАЛ В г. ЛЮБЕРЦЫ[2]

УДК 316.37
ББК 60.522
Социология

ПРОГНОЗНЫЕ МОДЕЛИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Доктор социологических наук М. В. Рыбакова[1]
Кандидат философских наук Н. В. Кузнецова[2]

В статье анализируются модели прогнозирования в экологической сфере, разработанные отечественными и зарубежными исследователями, в условиях глобализации современных экологических проблем; акцентируется внимание на проблеме прогнозирования экологических рисков в решения экологических конфликтов.

Ключевые слова
Глобализация экологических проблем, прогнозные модели, экологическая сфера, российские экологические практики, экологические конфликты, экологический риск

В процессе глобализации возникают новые противоречия, которые в ближайшем будущем станут оказывать глобальное влияние на мировую и региональную дестабилизацию: геополитические (атлантизм – Евразия) социально-экономические (США, ЕС – Китай, Россия, другие страны), этноконфессиональные, культурные, экологические.

Глобализация экологических проблем, считают российские ученые (Е. М. Заславский, Т. Т. Тимофеева, М. В. Рыбакова и др.), это вызванное производственной деятельностью человека загрязнение окружающей среды химическими веществами, физическими воздействиями, отходами производства и потребления, переходящее в общепланетарное загрязнение атмосферного воздуха, почв, недр, вод, донных отложений водоемов и Мирового океана, угрожающее самому существованию человека [1, с. 54].

Констатация существования экологических конфликтов в середине 1970-х гг. вызвала необходимость правового вмешательства со стороны заинтересованных сил (государственных структур, неправительственных организаций, групп граждан) в экологическую ситуацию в мире. Большой общественный резонанс получила опасность глобального потепления климата. Выброс углерода в атмосферу уже сейчас достигает 6 млрд. тонн в год. При таком развитии событий температура воздуха в ближайшие годы может подняться на 1,5-4,5 градуса для всей планеты. Эти процессы «затронут» североамериканские равнины, Западную Европу, Сибирь, в том числе зоны активного земледелия, что в свою очередь приведет к нарушению экологического баланса в мире.

Углубление экологического кризиса потребовало, в свою очередь, формиро-

вания нового вида деятельности – создания прогнозных моделей в экологической сфере.

Неслучайно сегодня политики, военные, математики, экономисты обращаются к теоретическим проблемам безопасности вообще, и к прогнозированию экологической ситуации в мире, в частности. Для этого, как показывает практика, имеются веские основания.

Римский клуб – организация, объединяющая более 100 специалистов из 57 стран мира – известен своими прогностическими сценариями перспектив развития мировой цивилизации. Проанализируем две ключевые проблемы.

В сочетании с демографическим взрывом и экологической угрозой возникает острая проблема энергетического дефицита: нефть подорожает как минимум на 50 %, энергетические затраты на разведку и добычу за пределами Ближнего Востока станут превышать количество энергии, извлекаемой из добываемой нефти. Это означает, что нефтедобывающие страны получат козырные карты в споре с индустриальными государствами. Конфликт в Персидском заливе – одно из свидетельств обострения отношений, связанных с энергетическими ресурсами. Это первая проблема.

Вторая проблема состоит в том, что в перспективе мировая экономика должна будет регулироваться энергетическими, а не денежными величинами. Главным выводом, логично вытекающим из данного противоречия, является наблюдаемый ныне процесс естественного ужесточения борьбы государств за самосохранение, а также процесс фактического вступления государств на путь бескомпромиссной борьбы за не возобновляемые природные ресурсы. Столь же очевидно, что на острие грядущего «передела» мира окажется Россия, имеющая большие запасы нефти и газа в Сибири. После предполагаемого экспертами Римского клуба потепления климата, Россия, являющаяся «житницей планеты» станет еще более привлекательной для интервенции мощных иностранных держав. На территории России сосредоточено 34 % мировых запасов природного газа, 13,7 % нефти, 23,9 % железных руд, 20 % пресных вод, 22 % лесных угодий.

Прогнозируемая в будущем экологическая угроза такова, что «парниковый эффект» из одного только Египта «изгонит» 18 млн. человек, поскольку Нил выйдет из берегов и затопит плодородные почвы. Проблемы ожидают такие житницы планеты, как Канада или США. Перспектива, по мнению ученых такова, что «парниковый эффект» за 10-15 лет сократит зерновые запасы США. Значительная часть Среднего Запада превратится в степь, плодородная зона откатится к северу. Большинству бедных стран продукты питания станут недоступны. Предложенные сценарии экспертами Римского клуба, как и знаменитый доклад «Пределы роста», основанный на модели Форрестера-Медоуза (1972 г.) «За пределами роста»(1987), «2052: Глобальный прогноз на ближайшие сорок лет» (2012) – доказательство того, что все взаимосвязано – проблемы демографические, продовольственные, социальные, геополитические и экологические.

Заметим, что исследования отечественных ученых, проведенные под руководством академика Н. Моисеева, также показали, что глобальный ядерный конфликт приведет к изменению среды обитания человека, включая биосферу. Компьютерный атлас климатических ресурсов ряда государств показал, что в странах с наличием «белых зон» и климатически благополучных (Азиатско-Тихоокеанское побережье США, частично Европа, значительная часть Китая) удастся обеспечить высокую степень выживания человека в ядерном конфликте за счет климатических условий.

По мнению экспертов «белые зоны» способствуют быстрому очищению тер-

ритории поражения за счет физических свойств климатической среды. Очевидно, что в локальных конфликтах с применением тактического ядерного оружия климатический фактор может быть существенен для военных операций.

Экологические конфликты – одна из наиболее часто встречающихся разновидностей конфликтов в глобальном мире. Основной признак экологического конфликта – его предмет, в качестве которого выступает воздействие субъекта на природу, на окружающую среду в целом. К числу наиболее известных экологических конфликтов относятся споры относительно судеб существующих и строительства новых АЭС, допустимости генной инженерии, захоронения радиоактивных отходов. Заметную роль в современном мире стали играть неправительственные организации (Друзья Земли, ВВФ, Greenpeace и др.), которые проводят независимый экологический мониторинг, дают оценку проектам в области гидростроительства, нефти- и газодобычи, транспортировки ресурсов в разных странах мира, информируют общественность и прессу.

Многие экологические организации правомерно ставят вопрос о недопустимости финансирования банками энергетических проектов, способствующих потеплению климата – шахты, нефте- и газопроводы. Известны международные осложнения в случае реализации проекта «Сахалин – 2». По оценкам демографов, численность населения на территории от Урала до Сахалина в течение 20 лет может сократиться с 32 млн. человек до 8-10 млн. Такой демографический вакуум, вероятнее всего, будет заполнен волнами мигрантов из Китая, Японии и других стран, приведет к войнам за природные ресурсы.

Констатация существования экологических конфликтов порождает необходимость специфического правового вмешательства со стороны заинтересованных сторон (государственных структур, общества, групп граждан, экологических организаций). Правовой способ предполагает:

а) определение объекта охраны;

б) установления мер юридической ответственности за экологические правонарушения и возмещение причиненного вреда;

в) определение мер и средств осуществления экологического контроля.

По ряду причин проблемы прогнозирования экологического риска не разрабатывались в зарубежной литературе до середины 70-х гг., а в российской науке – до середины 80-х гг. Под риском в узком смысле слова в американской научной литературе предусматривается возможность значимых финансовых потерь для транснациональных корпораций, инвесторов в результате воздействия неблагополучных политических факторов (путчи, революции и т. п.), в странах, где предполагается размещение инвестиций [2, с. 108].

По нашему мнению, «риск» – это рабочее понятие в экономике, политике, экологии и других сферах, в которых применяется и другое понятие «экологическая безопасность». Особенно широко используется сегодня категория «приемлемый риск», «рыночный риск», «экологический риск». В ряде правовых актов Российской Федерации сегодня введены сходные понятия «обеспечение экологической безопасности», «защита и сохранение ресурсов».

Действительно, в политике, экономике, экологии чаще всего имеет место осознанный риск (прогнозирование), когда рассчитывается ожидаемая выгода (планируемый результат), цена, которую допустимо заплатить за его достижение. Пренебрежение экологическим риском – одна из причин экологических конфликтов и в России и в мире.

Процесс моделирования экологических систем включает в себя два уровня. Во-первых, оценку экологического риска, анализ причин его появления; во-вторых,

управление риском, предполагающее анализ рисковой ситуации и выработку оптимальных вариантов ее разрешения.

В этой связи обратим внимание на концептуальный труд российских ученых В. А. Коптюга, В. М. Матросова, В. К. Левашова и Ю. Г. Юдина «Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблема формирования национальной стратегии» (Владивосток, 1997), в котором представлена системная модель построения национальной стратегии России. Новая модель развития, по мнению авторов, должна внести коррективы в обозначившееся нарушение паритета в экономических отношениях Запада и России. В ней предполагается переориентация на социальные критерии, на оценку любых изменений в экономике с учетом их социальной цены и экологических последствий для российского общества. Модель представляет собой принятую обществом систему целей, ресурсов, методов решения перспективных и текущих задач, включая прогнозирование в экологической сфере.

Эксперты выделяют два подхода к проблеме уменьшения экологического риска и обеспечения экологической безопасности.

Первый, все еще более распространенный подход – борьба не с причинами возникновения экологического риска, а с его последствиями. Это занятие необходимое, но и не устраняющее источник неустойчивости экологических систем.

Второй подход – анализ и устранение причин экологического риска – формируется на наших глазах. Основывается на формировании международного экологического права и эффективного управления в экологической сфере и в целом управлении обществом.

Важной основой сотрудничества государств в области охраны окружающей природной среды является его международно-правовое регулирование. Объектами международного экологического права являются: Антарктида, космос, мировой океан, мировые реки и др. Активное участие России в международном правоохранительном сотрудничестве является составным элементом ее экологической политики. Россия активно участвует в реализации международных конвенций о сохранении биологического разнообразия, о предотвращении опасностей техногенного характера в области климатических изменений.

Необходимым представляется совершенствование систем локального (объектного), регионального (внутригосударственных) и межгосударственных систем экологического мониторинга.

Одним из примеров может служить функционирующая в Российской Федерации Единая государственная система экологического мониторинга (ЕГСЭМ), которая предусматривает сбор, систематизацию, анализ информации о состоянии окружающей среды, и обеспечивающая государственные структуры необходимой информацией для составления экологических карт, моделирования и прогноза экологических ситуаций в различных областях и регионах России и картографирования.

Преодоление экологического кризиса техническими и правовыми средствами, как нам представляется, сегодня явно недостаточно. Особую актуальность представляют исследования мотивации принятия (или непринятия) политиками и управленческими структурами экологических решений. Наиболее остро эти вопросы встают при анализе причин и диагностике возникновения и ликвидации последствий различного рода катастроф (радиационных, техногенных, военных). В связи с этим возникает острая потребность продолжить разработки в области прогнозных моделей и включать в них как можно больше индикаторов.

А так же совершенствование системы экологического менеджмента и государственного регулирования, которые задействованы в преодолении экологических

вызовов и уже на практике показали свою эффективность во многих странах мира. Объединяя в себе три компонента – научно-технологический, управленческий и нравственно-культурный, – экологический менеджмент представляет собой целенаправленную систему. Методики экоменеджмента позволяют связать снижение отходов и загрязнений с экологическими и другими выгодами компаний и предприятий. Показателем социальной экологической практики, осуществляемым экологическим менеджментом, является наличие «чистого производства», то есть стремление сотрудников компаний работать по правилам ненанесения вреда природе или его минимизации. Особенно широко используются за рубежом «зеленые налоги» [3, с. 179]. Сегодня и в России многие сферы общества так же «позеленели» – это и зеленая химия, и зеленая экономика.

Одним из видов экологического зеленого бизнеса как проявления коллективной социальной экологической практики в России сегодня становится экологический туризм. Экологический туризм способствует стимулированию социально-экологического развития регионов, биосферных заповедников, созданию национальных парков, национальных памятников природы, рекреационных зон. В Арктическом регионе в 1993 году был открыт Большой Арктический заповедник, площадь которого составляет 4 169 222 гектаров (площадь 33 национальных парков России 731 376 гектаров). Включаются в экологические практики и процессы сохранения и развития национальной культуры, социальный контроль над территорией, которые обеспечивает сельское население. В этой связи экологические поселения можно рассматривать как примеры изменения образа жизни с целью решения проблем окружающей среды личными практиками [4, с. 151].

Создание эффективной экологически корректной системы государственного и муниципального управления, формирование экологически безопасной экономики возможно при использовании прогнозных моделей с учетом экологических рисков и существующих социальных экологических практик. Система экологически корректного управления должна стать приоритетной в геополитических доктринах для большинства цивилизованных государств. А так же для решения глобальных экологических вызовов следует регулировать мировые экономические, политические, экологические процессы, требовать больше ответственности от финансового капитала и ТНК, контролировать Всемирный Банк и ВМФ, используя в первую очередь авторитет ООН.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Заславский Е. М. Глобализация экологических проблем и экологическая политика России // Ученые записки РГСУ. – 2004. – № 2. – С. 54.

2. Кузнецова Н. В. Технологии политического анализа // IV Международная научно-практическая конференция «Научные исследования в сфере общественных наук, вызовы нового времени. Россия, город Екатеринбург, 24-25 октября 2014» // Ежемесячный научный журнал. – 2014. – № 4. – С. 106-109.

3. Рыбакова М. В. Современная социальная экологическая практика. – М.: КДУ, 2006.

4. Рыбакова М. В. Социальные экологические практики: состояние и механизмы управления: [монография] / М. В. Рыбакова. – М.: КДУ, 2012.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

УДК 316.35
ББК 60.522
Социология

ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСЛЯЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ЭКОПОСЕЛЕНИЯМИ РОССИИ

С. О. Гоманова

В статье рассматриваются основные возможности и анализируются проблемы трансляции экологического образа жизни экопоселений России во внешнюю среду.

Ключевые слова
Экопоселения, экологический образ жизни, экологическая культура, структура экологического образа жизни, трансляция экологического образа жизни.

Высокий уровень антропогенного воздействия на окружающую среду является одной из главных причин негативной экологической ситуации в нашей стране (здоровье населения, увеличение объемов твердых бытовых отходов, загрязнение атмосферного воздуха, водных и земельных ресурсов и т. д.), что, в свою очередь, приводит к увеличению рисков для здоровья и жизни людей, формированию инфантилизма и гедонизма. В основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [1] отмечена необходимость формирования экологической культуры, а также развития экологического образования и воспитания. Образ жизни населения является одним из показателей культурного развития.

В связи с отсутствием комплексного научного подхода к рассмотрению экологического образа жизни (ЭОЖ), происходит искажение, либо подмена понятия. Так, часто ЭОЖ отождествляется с термином здоровый образ жизни, хотя первое – понятие более широкое, которое включает в себя систему элементов. ЭОЖ включает в себя следующие основные структурные элементы:

• ценностный (природа как ценность) и культурный компонент,

• поведение: экологические практики – энерго- и ресурсосбережение, а также природоохранные мероприятия (поведенческий аспект),

• образование (экологическое образование),

• здоровье,

• состояние окружающей среды,

• развитая инфраструктура,

• социально-экономические характеристики населения,

• социально-демографические характеристики.

Таким образом, ЭОЖ – это система жизнедеятельности индивида, которая проявляется в повседневных социально-

экологических практиках, направленных на минимизацию вредного антропогенного воздействия на окружающую среду и самого себя, обусловленная системой ценностей, уровнем доходов и экологических знаний.

Одним из наиболее интересных и успешных примеров реализации социально-экологических практик [2] являются экопоселения и экоинициативы России, где существует положительный опыт формирования ЭОЖ [3, 4, 5]. В связи с этим целесообразно рассмотреть возможности актуализации и продвижения ЭОЖ в современном российском обществе посредством экопоселений.

На основе анализа сайтов экопоселений и экоинициатив, а также глубинных интервью, проведенных в пяти поселениях Центрального региона России, были выделены основные каналы внешних связей и определен основной потенциал каждого из них в продвижении ЭОЖ.

На основе непосредственного *личного примера* выделены следующие внешние каналы взаимодействия:

1) дружеские и родственные связи;

2) организованные поездки в город;

3) творческая деятельность за пределами поселения: концерты творческих коллективов, ансамблей, театральных трупп (например, театр-студия «Малахит» Олега Малахова в экопоселении «Ковчег», которая выступает в ближайших поселениях как городских, так и сельских);

4) дети, которые учатся на очной форме обучения в школе: во всех поселениях, которые принимали участие в исследовании (кроме «Китежа», так как там своя аккредитованная государственная школа), родители отмечают положительное влияние их детей на деревенских одноклассников – «*многие отказываются от вредных привычек, интересуются и некоторые даже начинают регулярно посещать занятия в поселении*» (*И.* «*Родное*»);

5) дни открытых дверей, организация экскурсий для тех, кому интересна жизнь в экопоселении.

Эффективность представленных 5 каналов продвижения ЭОЖ на основе личного примера достаточно сложно измерить и оценить, так как некоторые из них являются гипотетическими. На сегодняшний день, как показывает опыт исследования, наиболее успешной является практика организации дней открытых дверей в экопоселении, так как члены сообществ ответственно относятся к их подготовке, организуют краткие экскурсионные программы, подробно описывают жизнь в экопоселении.

На основании образовательной, научной и научно-практической деятельности экопоселенцев можно выделить 3 основных канала распространения ЭОЖ.

1. Образовательные семинары, программы, мастер-классы. Один из наиболее эффективных каналов передачи информации, но недостаточно развит: некоторые поселения являются закрытыми для посещения вообще (около 20 экопоселений), а некоторые – не развивают данное направление по разным причинам (либо нет желания, либо пока находятся еще на стадии оформления, строительства и т.д., то есть не решили первостепенные насущные проблемы). Несмотря на это, можно отметить определенную потребность в развитии данного канала передачи информации, потому что, как уже было сказано, во многих поселениях существует проблема с получением дохода, а занятия такого рода могут стать одним из основных источников его получения. Таким образом, данный канал продвижения ЭОЖ становится полезным, как для жителей поселений, так и для широкой общественности.

2. Участие в конференциях и их организация. На базе Санкт-Петербургского Лесотехнического университета имени С. М. Кирова прошло 2 международных конференции, в которых принимали участие не только жители экопоселений, но и

представители научного сообщества, международных организаций и просто заинтересованные люди. Первая конференция проходила в марте 2012 года и была посвящена привлечению внимания общественности к экопоселениям как вектору устойчивого развития, а также сотрудничеству с представителями местной и региональной власти, а также другими НКО и научным сообществом [6]. Вторая Международная научно-практическая конференция «Устойчивые сообщества города и деревни: опыт самоорганизации» [7] проходила в апреле 2014 года и включала, в том числе, анализ опыта и продвижение создания городских эко-сообществ. Данная конференция, также как и предыдущая была направлена на расширение форм сотрудничества экопоселений и инициатив между собой, а также привлечение внимания молодежи, ученых и СМИ к самоорганизующимся сообществам России. Это позволяет сделать вывод, что проблема создания комплекса внешних связей экопоселений в России до сих пор до конца не решена, а, следовательно, является камнем преткновения для продвижения ЭОЖ во внешнюю среду. Важно отметить, что, несмотря на это, именно благодаря реализации этих двух масштабных конференций, произошли значительные качественные изменения в таких организациях как экопоселения – были определены основные проблемы и возможные пути их решения.

3. Участие в масштабных экологических научных и научно-практических проектах может позволить экопоселениям заявить о себе как об инновационных экспериментальных площадках развития безопасных для человека и окружающей среды технологий. Некоторые поселенцы занимаются активной научной деятельностью, участвуя в научных проектах.

Отдельным является *экономический канал*, который включает продажу и распространение экотоваров и услуг в города и деревни. Данный канал сможет сформировать культуру экономного потребления и внимания к качеству приобретаемой продукции населения. На многих сайтах экопоселений в принципе нет раздела «Продукция поселения». Основными товарами, которые представлены на Интернет-страницах экопоселений, у которых есть специализированный раздел, являются: одежда из натуральных тканей (хлопок, шелк, лен); игрушки для детей (кубики, куклы); товары для дома из природных материалов (коврики, прихватки, горшки, вазы, мебель и т. д.); продукты питания (мед, бальзамы, варенья, соления, бездрожжевой хлеб, травяные и фруктово-ягодные чаи, молочные продукты, вегетарианскую кулинарию и т. д.) есть почти во всех поселениях, которые отметили на сайте раздел товаров поселения; семена различных растений (некоторые жители обустраивают питомники).

Также на сайтах можно найти спектр услуг, которые можно получить в поселении либо за его пределами: детские экологические лагеря (участвуют минимум 5 экопоселений), а также школьные курсы, мастер-классы, кружки, курсы (целью которых является расширение общего кругозора детей и формирование у них ЭОЖ); обучающие семинары различных направлений: экологическое строительство, энерго- и ресурсоэффективность, органическое земледелие, творческие мастерские, пчеловодство, образование и многое другое; услуги экологического туризма и возможность самостоятельного посещения экопоселения, анализ сайтов показал, что только в 12 поселениях организованы специальные гостевые домики для туристических целей, еще в 31 можно приезжать к местным жителям, в основном предлагается приезжать с палаткой (больше 60 % экопоселений), а в 22 вообще запрещено приезжать.

Сайты экопоселений относятся к каналу общего типа: информационно-просветительский, экономический, образовательный т. д. Многие поселения недоста-

точно внимательно относятся к своим сайтам. Некоторые сайты не несут практически никакой информационной нагрузки как, например, сайт экопоселения «Салозерье» [8] Вологодской области, который состоит только из 3 разделов: 1) подробнее (официальные данные, статус, стоимость земли, контакты и т. д.), 2) местонахождение (карта местности), 3) план участка.

Только 137 поселений из 307, зарегистрированных на портале «Поселения.ру» [9] создали сайты своих экопоселений, 13 ссылок – являются недействительными (реклама, либо повторы). Важно, что поселения, которые идентифицируют себя как развитые, не все создали свой сайт (только 30 из 41 экопоселения), а из тех, кто создал – половина не уделяет им должного внимания: информация часто устаревшая, нет удобной структуры сайта, не все доступные в поселении услуги отражены на страницах поселений в Интернете.

Таким образом, существуют положительные примеры ведения ЭОЖ в рамках экопоселений, которые, в свою очередь, могут стать организациями, которые будет популяризировать ЭОЖ во внешней среде.

Одним из наиболее важных каналов внешней связи экопоселений, который необходимо развивать – это Интернет, так как большая часть целевой аудитории (дети и молодежь), в которой необходимо продвигать ЭОЖ проводит большую часть времени в сети, получая оттуда основную долю информационного потока.

Вместе с тем, можно сделать вывод, что на сегодняшний день для эффективного внедрения и распространения ЭОЖ в современном обществе, экопоселения не прикладывают всех возможных усилий и не всегда эффективно используют обозначенные внешние связи для реализации цели, которая обозначена Сетью экопоселений и экоинициатив России, а именно: поддерживать деятельность своих участников, которая способствует распространению их опыта в широких кругах общества для возрождения устойчивой жизни на земле, сохранения и восстановления живой природной среды Земли для будущих поколений [10].

На данном этапе в основном развивается сотрудничество экопоселений между собой, что так же дает ощутимый результат – обмен положительным опытом позволяет членам данных организаций развиваться в правильном направлении и эффективно решать проблемы, которые появляются на разных этапах создания экопоселений.

На основе анализа экологического образа жизни и выделенных проблем в его продвижении во внешнюю среду, целесообразно предложить следующие рекомендации для экопоселений:

1) актуализировать единую базу данных экопоселений на основе имеющихся порталов, либо создать новый, информация на котором будет обновляться и проверяться администрацией сайта не реже, чем раз в несколько месяцев;

2) создавать собственные сайты, где будут отражены общие сведения (история создания, статистическая информация, местоположения, обратная связь и др.) основные принципы жизни в экопоселении, указан спектр товаров и услуг, предоставляемых для жителей городов и деревень;

3) создать общий проект, направленный на изучение лучших экологических практик экопоселений России и мира и их продвижение во внешнюю среду;

4) наладить взаимодействие с представителями СМИ для формирования положительного образа экопоселений во внешней среде с целью обеспечения доверительного отношения к деятельности жителей послений;

5) расширить каналы взаимодействия с представителями государственной власти за счет выполнения социально и экономически значимых задач области или региона (например, социализация детей, оставшихся без попечения родителей –

«Китеж»), для расширения возможностей участия в программах и проектах, а также местном самоуправлении.

Вместе с тем, большая часть развитых и зимующих экопоселений уже успешно реализуют проекты по экологическому воспитанию и просвещению населения, участвуют в научной и общественной жизни общества, успешно взаимодействуют с местными и региональными представителями власти и средств массовой информации (СМИ), что позволяет говорить о большом потенциале экопоселений как фактора формирования ЭОЖ населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ от 30 апреля 2012 г.). – URL: http://base.garant.ru/70169264/ (дата обращения 10.04.2015).

2. Рыбакова М. В. Социальные экологические практики: состояние и механизмы управления: монография. – М.: КДУ, 2012.

3. Рыбакова М. В. Потенциал экопоселений в социально-экологической модернизации современной России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Пивоваров Ю. С. (отв. ред.). Выпуск 10. Часть 2. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – С. 366-371.

4. Рыбакова М. В., Щукина М. Ю. Экопоселения как социальная экологическая практика общества // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – №4. – С. 316-324.

5. Рыбакова М. В., Гоманова С. О., Щукина М. Ю. Экопоселения: опыт исследования // Третья международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 28 февраля - 1 марта 2013 г.: Материалы конференции. – М: ВЦИОМ, 2013. – С. 491- 493.

6. Программа Международной социально-экологической конференции «Экопоселения как новый вектор устойчивого развития» . 22-23 марта 2012 г., Санкт-Петербург. – URL: http://spbgau.ru/files/nid/1527/konferenciya_ekoposeleniya_s-pb_22_23_marta_2012_programma.pdf (дата обращения 10.04.2015).

7. Конференция: «Устойчивые сообщества города и деревни: опыт самоорганизации» // Сеть экопоселений и экоинициатив России / События. – URL: http://gen-russia.ru/conference_14/ (дата обращения 10.04.2015).

8. «Салозерье». – URL: www.salozero.narod.ru (дата обращения 5.05.2015).

9. Поселения.ру // Экопоселения, родовые поселения, родовые поместья. – URL: http://poselenia.ru/poselenie (дата обращения 11.05.2015).

10. Цели и задачи // Сеть экопоселений и экоинициатив России. – URL: http://gen-russia.ru/цели-задачи-миссия / (дата обращения 11.05.2015).

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
г. ВЛАДИВОСТОК, КАМПУС ДВФУ о. РУССКИЙ

УДК 316.477
ББК 60.83246.21
Социология

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА КАК СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

С. Ю. Маслова

Организации в современном обществе выступают одними из ключевых субъектов экономической деятельности, соответственно, исследование социальных аспектов и механизмов их функционирования позволяет по-новому взглянуть на причины, порождающие проблемы экономического развития, как отдельных компаний, так и общества в целом. С этой точки зрения, изучение карьеры в российских бизнес-организациях как социального явления является актуальной темой для экономической социологии.

Ключевые слова
Особенности карьеры, научное исследование, карьерный успех, продвижение в организации, интегративность карьеры, подходы карьеры, карьерные процессы, формальные иерархические организации, успех индивида, реализация карьеры, базовые подходы и направления теоретического и эмпирического изучения карьеры, факторы развития карьеры, модели карьеры, профессиональная карьера в разных аспектах

На основании изучения литературы и ее критического анализа можно выделить те особенности карьеры, которые, как показала проделанная работа, наиболее важны с точки зрения ее научного исследования как социального явления. Во-первых, карьера является интегративным понятием, охватывающим развитие индивида в системе социальной стратификации посредством трудовой деятельности (в широком смысле слова), локализованной в институализированных условиях. Указанное развитие может быть связанным с изменением его позиций в различных измерениях: экономическом (рост благосостояния), профессиональном (повышение квалификации), социальном (увеличение престижа, признания). Таким образом, изучение карьерных траекторий поможет дать ответ об основных принципах социальных перемещений в данном обществе, например, укажет на их меритократический или же, напротив, традиционалистский характер. Назову этот признак карьеры как социальный феномен социальной укорененностью. На основании проделанной работы разработано авторское рабочее определение карьеры: Карьера – это интегративный социально укорененный процесс индивидуальной вертикальной мобильности на основе трудовой деятельности (в широком смысле слова, включая производственную, экономическую, политическую) в рамках институализированных иерархически организованных структур,

в существенной степени обуславливающий индивидуальный социальный статус, а на макроуровне (в обществах современного типа) – систему социальной стратификации и механизмы социальной мобильности в целом. Теперь, опираясь на современную отечественную и зарубежную литературу, рассмотрю более детально базовые подходы и направления теоретического и эмпирического изучения карьеры. Все же проведенный анализ литературы позволил выделить два основных подхода к изучению карьеры как социального феномена в рамках социологической дисциплины [2].

Модели карьеры П. Вайтлоу классифицировала по трем группам: Нормативно-качественная модель развития карьеры: Суть нормативно-качественной модели заключается во взаимодействии характеристик присущих человеку с рождения с внешними факторами: экономическими, социальными, социетальными. Следующий подход в рамках нормативной модели развития карьеры сотрудника основывается на наличии новых информационных технологий в качестве элемента конкурентного преимущества. Так, Р. В. Самсон отмечает, что технологические инновации автоматизировали многие виды работы, особенно монотонные (повторяющиеся). Обобщая факторы развития карьеры в рамках нормативно-качественной модели, можно выделить следующие:навыки и компетенции в контексте стратегического подхода. Схема: «постановка задачи – видение потенциала организации». Работник должен уметь ставить оперативные задачи для достижения стратегического потенциала компании. Когнитивно-прикладная концепция. Схема: «причина – объект – инструмент» [3].

Одномерная позитивистская модель карьерного развития: Одномерная позитивистская модель развития карьеры сфокусирована на выявлении одной переменной, которая влияет на карьерное развитие. Согласно данной модели возраст и образование коррелируют с карьерным развитием. Эмоциональный интеллект в карьерном развитии включает: коммуникативные навыки, умение анализировать обстановку в целом и принимать разумные решения на благо организации, умение управлять стрессом. Стиль руководства также рассматривается в качестве важного параметра, влияющего на успешную карьеру. Множественная позитивистская модель карьерного развития. Множественная модель сформулирована П. Вайтлоу на основе нескольких исследований и представляет собой функцию влияния нескольких переменных на карьерное развитие, включая социально-демографические факторы и личностные характеристики. Такая многомерная модель дает более широкое понимание факторов карьерного развития. Таким образом, факторы карьерного развития, предложенные М. Мак-Махоном и М. Е. Паттоном, – это пол, ценности; способности; интересы; талант; возраст; кругозор; физические способности; склонности (предрасположенность к чему-либо); внешние данные; самооценка; особенности характера; надежды, мечты, ожидания; нетрудоспособность; здоровье; образование; семья; медиа; коммуникационная группа; рабочее место; окружающая среда, географическое положение; политическая обстановка; исторические предпосылки, тренды; глобализация; социально-экономический статус; рынок труда (условия). Следующая модель в рамках многомерной позитивистской модели развития карьеры – модель Х. Дж. Радди, которая построена в контексте индустрии гостеприимства для генерального менеджера. Количество лет работы в индустрии гостеприимства, квалификация: для того, чтобы достигнуть позиции генерального менеджера необходимо проработать в индустрии гостеприимства около 15 лет (с чередой сменяющихся линейных позиций и сопутствующего опыта). И около пяти лет в позиции ассистента менеджера [4].

Выделю следующие группы классификации факторов развития карьеры: социально-демографическиефакторы, субъективные (индивидуально-личностные), которые в свою очередь делятся на врожденные характеристики и приобретенные навыки и компетенции, мотивационные факторы, факторы окружающей среды: микроуровень, макроуровень, социетальные. Далее раскрою детерминанты развития карьеры более содержательно. Социально-демографические факторы карьерного развития: возраст, пол, государство, где осуществляется профессиональная деятельность, семейное положение (семья, структура семьи), расовая принадлежность. Мотивационные факторы карьерного продвижения: личный интерес к профессиональной сфере, страсть к отрасли, индустрии, индивидуальная гибкость. Работник должен знать не только свои перспективы на краткосрочный и долгосрочный период, но и то, каких показателей он должен добиться, чтобы рассчитывать на продвижение по службе. Преимущество пожизненного найма в том, что каждый сотрудник в мыслях напрямую связывает себя с компанией, на которую он работает, понимает, что его личное процветание зависит от процветания его компании [5].

Переход к рыночной экономике России, который включил ее в мировую экономическую систему, ранее сложившиеся представления об управлении и планировании профессиональной карьерой изменил. Согласно лежащей в основе Гарвардской школы модели управления для решения многих проблем необходима более широкая, стратегическая и всеобъемлющая перспектива в отношении человеческих ресурсов организации. Персонал уравнен в правах с основным капиталом в рамках концепции управления человеческими ресурсами, и рассматриваются расходы на него как долгосрочные инвестиции; с производственным переплетается кадровое планирование, и сотрудники становятся объектом корпоративной стратегии; групповая организация труда активно внедряется, а поэтому акцент делается на развитии у людей способностей, создании команды и формировании корпоративной культуры. Профессиональной карьерой является успешное движение вверх по профессиональной или должностной лестнице индивида в каком-либо виде деятельности. Данное понимание профессиональной карьеры позволяет говорить об индивидуально-психологическом подходе к ее исследованию, что подтверждают научные работы социологов, психологов и акмеологов. Профессиональную карьеру социологическая наука представляет в качестве элемента процесса социально-профессиональной мобильности, т. е. в качестве продвижения по ступеням социальной, профессиональной, производственной иерархии индивидов. Карьера в управленческом аспекте представляет собой профессиональный рост, профессиональное продвижение, этапы восхождения к профессионализму специалиста, переход от одних ступеней профессионализма, этапов, уровней к другим в качестве процесса профессионализации [6].

Профессиональная карьера с точки зрения менеджмента является процессом накопления человеческого капитала, происходящего на протяжении трудовой жизни работника. В современном деловом мире ясным становится то, что от кадров зависит, насколько успешно в целом работает предприятие и насколько эффективно на предприятии используются средства производства. Таким образом, эффективность производства определяется квалификацией работников, их использованием и расстановкой, что оказывает влияние на использование материально-технических средств, темпы прироста и объем вырабатываемой продукции. У каждого молодого человека рано или поздно наступает день, от которого в жизни очень многое зависит – день выбора профессии, первого самоопределения в трудовой сфере лич-

ности. Важно помнить, что профессия не является пожизненным пристанищем человека. Речь должна идти о поиске детерминат (факторов, механизмов, условий) особого рода профессионального развития саморазвития субъекта. Другими словами, активная профессиональная позиция требуется от высококвалифицированного работника. Представителями этого подхода критикуется тенденция недооценивать роль знаний в профессиональной практической и теоретической подготовке высококвалифицированных работников о функциях и структуре системы [7].

Можно выделить в рамках системно-динамического подхода два разных направления. Первое предполагает, что высококвалифицированным работником понимается системное положение, в котором его профессиональная деятельность находится и ее продукт, и на разрушение этого положения его профессиональная активность не направлена. Вторым направлением является контрастный структурно-динамический подход, назвать его можно профессиональной радикальной активностью. Важная роль высококвалифицированного работника здесь состоит в обращении внимания коллег и проявления очевидности феноменов деструктурирования профессиональной деятельности. Таким образом, можно сделать следующие выводы. С одной стороны, карьера – самореализация индивида, проявляющаяся в продвижении или достижении престижного или перспективного уровня в социуме. А с другой стороны, это социальная технология, направленная на решение индивидуальных и организационных проблем в современных условиях трансформирующейся социально-экономической среды. Обобщая вышеизложенное, мы определили карьеру, как сознательно выбираемый и реализуемый человеком процесс становления его социального, должностного и квалификационного статуса, обеспечивающий профессионально-личностное и социальное самоутверждение человека [8].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Армстронг М. Стратегическое управление человеческими ресурсами / Пер. с англ. – М: ИНФРА-М, 2002. – 328 с.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

3. Десслер Г. Управление карьерой / Управление персоналом. – М.: Издательство БИНОМ, 1997. – С. 226-241.

4. Егоршин А. П. Модель рабочего места и карьеры // Кадры. – 1996. – № 12. – С. 21-22.

5. Кравченко А. И. Социология: Хрестоматия для вузов. – М.; Екатеринбург: Академический проект: Деловая книга, 2010. – 734 с.

6. Лукашевич Н. П. Социология труда: Учеб. пособие. – К.: МАУП, 2001. – 320 с.

7. Манхейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состязательность, экономические амбиции. – М., 2000.

8. Маркова А. К. Психология профессионализма. – М.: Знание, 1996. – 308 с.

9. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2009. – С. 36.

10. Сотникова С. И. Управление деловой карьерой: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 408 с.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

УДК 316.4
ББК 60.546.21
Социология

В ОСОБЕННОСТИ УРБАНИСТИКИ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА РОССИИ

И. И. Чернышев

Статья посвящена проблеме понимания урбанистики, как трансдисциплинарной науке о городе, фундаментом которой служит социология. Необходимость высококвалифицированных специалистов-урбанистов диктуется современными реалиями: ростом городов и городского населения, а также проблемами отставания российской школы урбанистики.

Ключевые слова
Градостроительство, урбанистика, урбанист, город

Процессы глобализации и экономической реструктуризации привели к неожиданному росту городов по всему миру. В XIX веке рост промышленных городов стал массовым, однако именно XX век считается веком урбанизации. Об этом свидетельствуют нижеследующие данные: в 1900 году в городах проживало 220 млн. жителей города (13 % от общего населения планеты), в 1950 году 736,796 млн. (29,1%), в 2005 году – уже (47 %). В настоящее время в городах проживает уже более половины жителей планеты [1]. В России на 1 января 2015 года городское население составило 108,5 млн человек (146 млн. человек – население России), или 73 % всего населения [2]. По различным прогнозам, к 2050 году горожанами станут уже 75 % жителей всей планеты. Несомненно, XXI век – эра урбанизма. Современные города являются не только двигателями инноваций и экономического роста, но и привлекательным местом для работы и проживания. Однако, несмотря на то, что город дарует бесконечные возможности, он также является катализатором многочисленных проблем, среди которых можно выделить следующие: миграция, культурные различия, социальная сегрегация общества, безопасность, экологические вызовы, транспорт (резкое увеличение личного автотранспорта), перенаселение и бездушие городов – все они становятся на первый план при планировании и управлении городом. Для решения этих проблем возникла необходимость в научном осмыслении и формировании науки, которая получила название: урбанистика.

Урбанистика – это наука о городах, их свойствах и превращениях Урбанистика позволяет лучше понять динамику, ресурсы и потенциал города. Развитие городов, увеличение городских жителей и как следствие возникновение новых социальных взаимосвязей и отношений формируют

множество теорий и научных исследований философов-социологов. К классикам урбанистики относят: Макса Вебера, продемонстрировавшего в работе «Город» (1921 год) связь урбанизации с возникновением союза бюрократии и капитала; Георга Зиммеля (1858-1918 гг), показавшего каким образом в «метрополисе» возникают новые формы социализации; авторы чикагской школы (1929 год) (лидер школы Роберт Парк, тезис которого состоял в том, что «естественные ареалы, отличавшиеся довольно высокой культурной однородностью, эффективно определяли пространственное структурирование города в том числе и потому, что люди предрасположены к кооперации с близкими себе) одними из первых заявили, что эволюция и организация городов не могут быть объяснены только на основе экономических или культурных факторов, но проходят на «биотическом» уровне, не попадающем в поле человеческой рефлексивности; Анри Лефевра (1901-1991гг), автора концепции «право на город».

Рассматривая город с разных сторон, можно увидеть его потенциал и скрытые возможности – от бизнес-идей до изменений в социальных структурах. Урбанистическая грамотность – это способность и навык «прочитать» город и, изучив урбанистику, понять, как город работает и развивается. Урбанистика может стать «метаурбанистической дисциплиной», а урбанистическая грамотность – общим навыком деятельности. Урбанистический взгляд появляется, только если смотреть на город под различными углами. Подлинное понимание городской жизни и умение толковать её проявление возникают в результате трансформации и синтеза различных дисциплин. Однако, по традиции, проблемы урбанистики обсуждают в основном только архитекторы и городские дизайнеры. Урбанистика, как наука, анализирует проблемы и даёт возможность грамотного создания стратегий города и принятия решений. Она требует комплексного, критического и интегрированного мышления, так же как и специализированных знаний. Урбанистика – трансдисциплинарная наука, которая объединяет знания социологии города, истории, географии и экономики, антропологии, эстетики, архитектуры, экологии, культурологии и политологии. Каждая дисциплина вносит в урбанистику свой вклад: уникальные подходы, идеи, убеждения, ценности и традиции, необходимые для понимания сложностей городской действительности. Дополнением к этому служит понимание знаков и символов в их физической, языковой и визуальной форме, а также способность расшифровывать их значения. Социология помогает раскрыть групповую динамику и процессы социального и общественного развития [3].

В нашей стране в XX веке о развитии урбанистики, как таковой говорить не приходится, но возможно рассмотреть эволюцию градостроительной политики. Политические процессы в стране оказали существенное влияние на подход к изучению города и социальных процессов, происходящих в нем. Если царское правительство считало города рассадниками нестабильности и революционного нигилизма, то новая власть (большевики, пришедшие к власти после революции 1917 года, наоборот, надеялась использовать их как инструмент внедрения передовой пролетарской культуры и идеологии. Индивидуализм и порочная тяга к собственности должны были быть вытеснены пролетарским коллективизмом. Но хаос гражданской войны и последующая реконструкция национальной экономики препятствовали практическим экспериментам в этой области, и долгое время единственным начинанием новых властей была всеобщая муниципализация жилья, породившая пресловутые «коммуналки». С реформами не было нужды торопиться еще и потому, что миграция из голодающих городов в более благополучные села на время ликвидировала застарелый жилищный

кризис. Но уже в начале 1920-х годов, когда стали заметны первые симптомы городского возрождения, в архитектурной среде развернулись острые дискуссии об оптимальной форме социалистического города. Они опирались на два тезиса – о необходимости преодоления фундаментального противоречия между городом и селом и об отмирании нуклеарной семьи, которая неизбежно будет вытеснена «новыми формами социалистического общежития». В 1935 году был выполнен проект плана реконструкции и развития Москвы под руководством В. Семенова. Основные принципы плана сразу же стали неоспоримым руководством для городского планирования по всей стране: ограниченные размеры города, символическая и идеологическая роль городского центра, государственный контроль над жилищным строительством, деконцентрация потребления, равный доступ всех жителей города к товарам и услугам, доступность рабочих мест. Государство и горожане в сталинскую эпоху с усилением командно-административной системы меняли социальную структуру советского общества и вместе с ней – лицо города [4]. Массовое жилищное строительство, начавшееся в 60-х гг., проектирование сотен новых городов и поселков на Севере, в Сибири и дальнем Востоке на фоне некоторой либерализации политического режима стимулировали прикладные исследования, направленные на обслуживание жилищной и градостроительной политики. В 1958-1962 гг. были сделаны первые попытки использования бюджетов времени для решения отдельных городских проблем – определения планировочной структуры города, расчета и размещения учреждений обслуживания и др. В 1974 г. Ленинградскими социологами был поставлен вопрос о необходимости разработки критериев определения качества городской среды. Одномоментного решения проблемы найти не удалось, но прошедшая дискуссия стимулировала работу социологов в двух направлениях: междисциплинарных исследованиях города и разработки планов социального развития. С 70-х годов осуществлялись переводы (чаще несанкционированные) и пересказы ограниченного круга зарубежных авторов, ради того, чтобы попытаться каким-то образом приспособить чужой опыт к советской действительности, не забывая при этом произнести положенные ритуальные формулы порицания "всеобщего кризиса капитализма». Ю. П. Бочаров, А. С. Кривов, И. М. Смоляр и ряд других профессионалов делали все возможное, чтобы наполнить практику знанием, но практика в знании не нуждалась, так как государственному заказчику было довольно собственных представлений. Нет нужды доказывать, что до конца 90-х годов заказа на развитие урбанистики не было, и едва ли не единственным жанром разработки этой темы остались немногочисленные диссертации и дипломные работы.[5] В России сформировалось понятие – «градостроительство», которое формирует материально-пространственную среду жилой застройки, города, села и пространственно организует ландшафт обширных систем расселения. Объектами градостроительного проектирования и исследования являются развивающиеся градостроительные системы разного масштаба и функционального содержания, пространственная организация, которых направлена на создание среды общественных процессов [6]. В. Н. Семенов назвал эту деятельность «благоустройством городов».

Итак, в России сформировалось понятие «градостроительство» отличное от понятия «урбанистика». В этом кроется смысл раскрытия и важность понимания проблематики подхода к изучению и работы с городом в целом. Несмотря на иллюзорную синонимичность этих терминов и тесную взаимосвязь, даже из определения следует принципиальное отличие, которое и определяет актуальность

современного исследования, его необходимость и важность: «город» прежде всего это социальная организованность граждан. Город – это ведь не просто скопление домов и людей, в основном оторванных от сельского труда. Это еще и сосредоточение всех форм активности множества людей, составляющих самоуправляемое общество [7]. Качественно спроектированный город – это единственная устойчивая форма сообщества, как сказал Лорд Ричард Роджерс, барон Риверсайдский. Разрушить мифы и стереотипы о городе как враждебной среде «по определению», сформировавшиеся из-за накопленных проблем и пессимистических взглядов – о невозможности найти решения. Для эффективного управления городом необходимы специалисты и отлаженная система их подготовки. В мировой практике осуществляется подготовка этих специалистов в высших учебных заведениях таких как: Oxford (UK) Оксфордский университет; London School of Economics and Political Science (UK) Лондонская Школа Экономики и Политических Наук; University of California (US) Калифорнийский университет в Беркли; Durham University (UK) Даремский университет; University of British Columbia (Канада) Университет Британской Колумбии; University of Toronto (Канада) Торонтский Университет; University of Amsterdam (Нидерланды) Амстердамский университет; Lund University (Швеция) Лундский университет; University of Helsinki (Финляндия) Хельсинский Университет; University of Oslo (Норвегия) Университет Осло; The Chinese University of Hong Kong (Китай) Гонконгский Университет.

Все эти учебные заведения объединяет похожая структура образования в сфере урбанистики: факультет Географии включает различные отделения по подготовке городских специалистов (урбанистов): Урбанистика; Мировая Урбанистика; Геоурбанистика; Городское Развитие; Городское и Региональное Развитие. Специфика образовательных программ даёт понять квалификацию и специализацию выпускников.

Цель урбанистического исследования заключается в стремлении понять возникающие направления, в которых урбанизированный мир появляется, управляется, конкурирует и трансформируется [8].

Обучение урбанистике – это междисциплинарная попытка ответить на данный вопрос, а также изучить парадоксальное свойство очевидного и неочевидного влияния городов на человеческую жизнь. В Университете урбанистику начали преподавать в 1971, при поддержке факультета Географии, Истории искусства, Социологии, Истории, исследования Ближнего Востока и религиоведения, Архитектурной школы и Школы Общественного и Регионального Планирования [9].

Урбанистика: жизнь городов в глобальной и локальной перспективе. Степень магистра по программе «Урбанистика» дает учащимся возможность глубокого изучения глобальных и локальных изменений, которые в настоящее время происходят внутри городов [10].

В программе «Урбанистика и Экономическая География» изучаются: промышленная локализация, теория столичных городов и технические изменения в региональном развитии, региональная динамика, рынки труда, индустриальное развитие Канады, влияние технологических изменений, рост и изменение городов, урбанистические системы, застройка и строительная политика, внутриквартальные изменения, расположение офисов, ландшафтная урбанистика, развитие городов в Канаде, транспорт, городская среда, центральные районы города, города третьего мира [11].

Высшие учебные заведения России: Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана: (Социально-гуманитарные науки: история, социология, политология, философия). Московский государственный универси-

тет им. М.В. Ломоносова: (Социологический факультет; Факультет государственного управления; Высшая школа государственного администрирования). Санкт-Петербургский государственный университет: (Факультет социологии). Московский Государственный Институт Международных Отношений: (Кафедра социологии; Кафедра социология массовых коммуникаций). Московский Физико-Технический Институт: (Факультет гуманитарных наук); Российский Университет Дружбы Народов: (Факультет гуманитарных и социальных наук); Высшая Школа Экономики: Высшая школа урбанистики (ВШУ) – самостоятельное научно-образовательное подразделение Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Подразделение основано решением Ученого совета НИУ ВШЭ 25 марта 2011 года. Используя преимущество всего комплекса социально-экономических и гуманитарных знаний, одного из ведущих университетов России, ВШУ реализует междисциплинарный подход к исследованию и планированию городов. ВШУ является на данный момент единственным научно-исследовательским и образовательным центром в России, имеющим своей основной целью комплексную подготовку специалистов в области пространственного развития городов и регионов (урбанистики), и осуществление фундаментальных и прикладных городских исследований. Московский Государственный Строительный Университет: Градостроительство – область профессиональной деятельности по пространственной и планировочной организации территории, осуществляемая в виде территориального планирования, градостроительного зонирования, планировки территорий, архитектурно-строительного проектирования и строительства. Область профессиональной деятельности бакалавров по направлению «Градостроительство» включает: градостроительное планирование; градостроительное проектирование; градостроительное управление развитием территории. Санкт-Петербургский Государственный Архитектурно-Строительный Университет: (Кафедры: Строительство; Землеустройство и кадастры). Московский Архитектурный Институт: Кафедра «Градостроительство» основана в 1943 г. Первоначальное название кафедры – «Планировка населенных мест и садово-паркового строительства». Направлением кафедры «Градостроительство» является высшее образование в области градостроительства, его теоретического и практического, в том числе социально-экономического, инженерно-технического и художественно-композиционного аспектов.

Анализируя ведущие высшие учебные заведения России, наглядно прослеживается «градостроительный подход» к подготовке профессионалов города, либо специалистов-архитекторов различных направлений, либо строителей. Так же есть заведения, готовящие социологов, но не урбанистов (социологов города). Просмотрев ряд не многочисленных диссертационных работ, по теме «Город», выполненных социологами, очевидно рассмотрение социальных процессов города по схеме «власть – общество», то есть принимается управление городом через муниципальную власть, законодательно правовые акты. Но важнее понять процессы и взаимодействия всех социальных институтов городской среды. Город со всем материальным, как он есть – среда человека, а не наоборот: жители – составляющая городского пространства. И только высшая Школа Урбанистики, созданная не более 5 лет назад, призвана подготовить первых профессионалов города. И, конечно, преждевременно говорить о наличии необходимого количества специалистов в ближайшие год-два, но это первые шаги в правильном направлении. В области, которая сейчас востребована как никогда, так как мы потеряли время, особенно важное постольку, поскольку идет

пространственное обустройство России. Города – ее скелет, и современное знание кодов развития городов, процедур регуляции стало острой государственной необходимостью. Не думаю, что нам надо начинать с нуля, у России огромный опыт градостроительства – но мы должны модернизировать и постоянно развивать собственную школу городского планирования, иначе мы будем обречены на импорт решений, формируемых профессионалами, которым глубоко чужды и непонятны особенности российской истории и российской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данные – World Urbanization Prospects: The 2005 Revision. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat.

2. Росстат. – 17 марта 2015 г.

3. Лэндри Чарльз. Креативный город. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. – С. 343.

4. Советский социалистический город. – http://istgeo.narod.ru/19.html

5. Глазычев В. Урбанистика. – Ч. 1: Европа. – М., 2008. – С. 7.

6. Яргина З. Н. и др. Основы теории градостроительства: Учеб. для вузов. Спец. «Архитектура» / З. Н. Яргина, Я. В. Косицкий, В. В. Владимиров, А. Э. Гутнов, Е. М. Микулина, В. А. Сосновский. – М.: Стройиздат, 1986. – 326 с.

7. https://www.dur.ac.uk/geography/urban_worlds/research_themes/

8. http://ibis.geog.ubc.ca/~ewyly/urban/index.html

9. http://gsss.uva.nl/programmes/programmes/content4/urban-geography.html

10. http://geography.utoronto.ca/graduate-geography/programs-of-study/

УДК 378
ББК 74.48
Педагогика высшей школы

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И САМОРАЗВИТИЯ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В МАГИСТРАТУРЕ «ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»

Доктор педагогических наук В. А. Беляева

В настоящей статье рассматриваются проблемы формирования профессиональной компетентности выпускников высших учебных заведений; задача становления и развития у магистрантов готовности к профессиональному самообразованию и саморазвитию; инновационные педагогические технологии организации самостоятельной работы магистрантов как средства и фактора самовоспитания и саморазвития личности.

Ключевые слова
Магистратура, профессиональная компетентность, готовность к саморазвитию, инновационные технологии, самостоятельная деятельность, ценностно-смысловые ориентиры образования, педагогические и личностные ценности, этапы развития и саморазвития магистрантов

В связи с социально-экономическими изменениями в жизни современного российского общества и системе высшего образования возникают новые требования к подготовке выпускников вузов: «Одна из универсальных целей и ценностей человеческой жизни – в возможности творческого саморазвития и творческой самореализации в различных видах и формах жизнедеятельности человека» [5, 93]. Поскольку стратегическая задача образования предусматривает активацию и развитие самоопределения и самореализации человека в окружающем образовательном пространстве, то и решение данной задачи требует создания инновационных педагогических условий и технологий организации целостного образовательного процесса в вузе.

Одна из ведущих закономерностей профессионального становления и развития личности будущего педагога состоит в том, что его эффективность предопределяется активностью взаимосвязи и взаимодействия в целостном образовательном процессе преподавателей и магистрантов и активностью обучающихся в работе над собой на уровне фактора саморазвития профессиональной компетентности. Если активность взаимодействия обучающих и обучающихся в значительной мере определяется личностной мотивацией и профессиональным мастерством преподавателя, то в организации саморазвития способностей профессионализма приоритет принадлежит самим магистрантам. Жизненная практика и научные исследования проблем становления и раз-

вития личности (Е. П. Белозерцев, В. А. Беляева, Е. В. Бондаревская, В. А. Андреев, А. Г. Козлова, В. И. Слободчиков, и другие) выделяют самостоятельную деятельность как мощный фактор и средство процесса возрастания всех жизненно важных сфер человека (биологической, духовной, психической, социальной).

Магистратура «Педагогика высшей школы» как более высокий уровень высшего образования по направлению Педагогическое образование – шифр 44.04.01 в своем содержании выделяет следующие виды деятельности преподавателей: педагогическая; научно-исследовательская; проектная; методическая, управленческая, культурно-просветительская. Среди профессиональных задач, которые предстоит решать в процессе обучения, в Федеральном государственном образовательном стандарте нового поколения (ФГОС 3+) поставлена задача формирования у магистрантов готовности: «осуществление профессионального самообразования и личностного роста» без каких-либо ориентиров, лишь в одной позиции, скорее в виде желаемого и состоянии неопределенности [1, 4], поскольку в ключевых компетенциях – общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных – решение этой задачи явно не выражено.

Вместе с тем известно, что существующая практика непрерывного образования в России на всех ее ступенях актуализирует максимальную заботу о формировании интеллектуальных креативных способностей обучающихся путем внедрения в образовательный процесс инновационных проектных технологий. При этом включение обучающихся в самовоспитание и саморазвитие своей профессиональной компетентности и личностных свойств подразумевается как сопутствующий процесс, полностью зависящий от наличных ценностных ориентаций личности. Внедряемые ориентиры практико ориентированного обучения снижают значимость научного поиска и обоснования теоретических концепций дальнейшего развития всей системы непрерывного образования, в том числе и высшего магистерского. В результате наблюдается снижение возможностей полноценной активации всех внутренних и внешних факторов становления и развития профессиональной компетентности выпускников магистратуры, а, следовательно, достижения подготовки специалистов нового качества: профессионала-исследователя, способного к полноценному научному творческому поиску новых концептуальных ценностно-смысловых ориентиров развития образовательной системы в государстве. Особенно это становится заметным, когда магистрант поступает в аспирантуру. С самого начала аспиранты испытывают трудности в принятии самостоятельного решения относительно выбора проблемы и формулирования темы научного исследования, выстраивания замысла научного поиска. У подавляющего большинства проявляется иждивенческая позиция, ожидание и надежда на научного руководителя, который и тему диссертации сформулирует, и соответствующую литературу предложит, а потом еще и правкой текста будет заниматься. Как известно, в аспирантуру приходят наиболее подготовленные выпускники магистратуры, какой же тогда ожидать самостоятельности и готовности к саморазвитию у других, менее подготовленных.

Анализ сложившейся ситуации выявляет необходимость инновационных педагогических технологий организации самостоятельной работы магистрантов с целью ее использования как средства и фактора побуждения личности к самовоспитанию и активации способностей к саморазвитию. В данном отношении Е. В. Бондаревская замечает: «Обращенность к общечеловеческим ценностям означает возвращение педагогического образования в лоно культуры, его гуманизацию, гуманитаризацию, создание экологически чистой культурно-образовательной среды,

отношение к студенту как свободному суверенному субъекту профессиональной подготовки. Основная педагогическая задача вуза: ввести студента в мир педагогических ценностей, оказать помощь в овладении базовыми основами педагогической культуры и развитии субъектных свойств личности педагога как …созидателя своего профессионального мастерства… Самовоспитание и профессиональное саморазвитие должны при этом стать основными факторами и психолого-педагогическим инструментарием становления профессионально компетентной личности» [2, 95-96]. Для этого необходимо создание соответствующих условий инновационного образовательного процесса: «Связать воедино процессы развития, обучения, воспитания и социализации личности, обеспечив их переход в саморазвитие, через становление субъектных характеристик личности во взаимодействии со специально организованной средой» [3, 20]. Создание такой среды, которая представляла бы совокупность условий и средств целенаправленного воздействия на личность, способствующего включению обучающегося в самопознание и саморазвитие своего профессионального потенциала есть системная педагогическая задача.

Анализ личного опыта педагогической деятельности и опубликованных материалов исследований (В. И. Андреев, Е. В. Бондаревская, Н. М. Борытко, А. А. Корольков, В. И. Слободчиков, И. А. Соловцова и др.) выявил необходимость поэтапного формирования у магистрантов педагогических и личностных ценностей. Первый этап (5-ый курс, 9-й семестр) – школа самопознания и научно-педагогического поиска. На этом этапе формируются следующие педагогические и личностные ценности: творческое осмысление парадигм и концептуальных идей воспитания и обучения в теории и практике высшего образования; определение личных интересов и предпочтений в области высшего образования; выявление особенностей своего педагогического потенциала и ориентиров его самосовершенствования; выбор проблемы и формулирование темы будущей магистерской диссертации; определение личностного образовательного маршрута, ориентиров самовоспитания, самообразования и саморазвития. На втором этапе (5-ый курс, 10-й семестр) – школа саморазвития и развития интеллектуальных творческих способностей – педагогическими и личностными ценностями выступают: овладение научно-методологическими основами и логикой самопознания и научного поиска; освоение методов научно-педагогического исследования; системное взаимодействие магистрант – научный руководитель; овладение технологиями самовоспитания, самообразования и саморазвития собственной профессиональной компетентности и личностной культуры педагога высшей школы. Третий этап (6-й курс, 11-й семестр) – школа самостоятельного научно-педагогического исследования и саморазвития ценностно-смысловых ориентиров профессиональной компетентности – формируются ценности: творческая интеграция методов моделирования и проектирования в реализации технологии научного исследования; самоуправление и самостимулирование процессов самовоспитания и саморазвития творческих способностей; самостоятельная профессиональная деятельность преподавателя вуза; субъект-субъектные отношения преподаватель-магистрант. На четвертом этапе (6-ой курс, 12-й семестр) – школа творческого взаимодействия с субъектами образовательного и муниципального окружающего пространства. На данном этапе систематизируются следующие педагогические ценности: интеграция теории и авторского опыта профессиональной компетентности педагога высшей школы в процессе подготовки магистерской диссертации; внедрение материалов своего научно-педагогическо-

го исследования в теорию и практику высшего образования (публикация 2-х научных статей; оформление и защита магистерской диссертации); прогнозирование своего профессионального и личностного самовоспитания и саморазвития в области высшего образования (аспирантура, дополнительное образование в сфере управления развитием образовательных структур, педагогическая деятельность преподавателя в вузе и другое); самостимулирование процессов самовоспитания и саморазвития в контексте ценностных ориентаций профессиональной деятельности, духовных и нравственных смыслов личностного бытия.

Согласно учебному плану магистратуры пятьдесят процентов времени в обучении отводится самостоятельной работе студентов. При этом можно предположить, что в случае четко конкретизированных требований к освоению обучающимися не только дидактических единиц содержания учебной дисциплины, но и представляемых возможностей самостоятельного поиска способов добывания инноваций в условиях смежных профессиональных знаний, магистрант сам будет выстраивать свою образовательную среду. Формат самостоятельной работы, ее содержание, многообразие технологий, интеграция с аудиторными занятиями, практические рекомендации, стимулирующие творческий научно организованный поиск в достижении прогнозируемых и проектируемых результатов, требования к самооценке и внешнему оцениванию – все это будет определять педагогические условия, побуждающие магистрантов к выстраиванию своей индивидуальной образовательной среды. Одним из примеров использования самостоятельной работы как фактора и средства включения магистрантов в формирование индивидуальной образовательной среды по изучению темы «Тенденции и проблемы развития образования в современной России» может быть задание: заполнить соответствующим содержанием таблицу «Концепции, проблемы, тенденции и перспективы модернизации высшего педагогического образования в России начала XXI века». В первой графе следует сгруппировать и раскрыть концептуальные идеи развития образования, во второй – сформулировать проблемы развития образования, в третьей – охарактеризовать тенденции модернизации образования, в четвертой – прогнозировать перспективы развития образования в современной России.

Не менее важной проблемой профессионального становления педагога высшей школы является проблема определения цели воспитания, которая в существенной мере осложняется провозглашаемой идеей свободного воспитания. Вера современных педагогов в творческие силы личности и внутренний фактор ее саморазвития полагает обеспечение свободного воспитания посредством создания педагогических условий для самоопределения и самореализации личности. К сожалению, внимание здесь акцентируется на саморазвитии тех способностей, которые обеспечивают, прежде всего, личностный успех человека в обществе, мерилом которого выступают материальные ценности. За пределами внимания остаются душа человека, средоточие его внутренней жизни. Воспитание, таким образом, сосредотачивается в основном на периферии содержательной сущности личности, ее эмпирике. В то же время, как уже отмечалось, подготовить человека к самоопределению, дать свободу его творчеству в своем саморазвитии становится в современной педагогике главной задачей.

Духовная ценность – «самоценность личности» является системообразующей для нравственных критериев выпускника вуза. Производными от нее будут нравственные ценности, определяющие заботу о другом человеке, готовность помочь ему, служение своей семье и другие. Здесь возникает еще вопрос о том, что понимать о сущности духовного и нравственного

бытия человека. В философии, психологии и педагогике наблюдаются различные подходы к их определению. В то же время отмечается, что феномен духовности может и должен быть признан как высшее начало в человеке, ориентированное относительно высших ценностей человеческого бытия, как творческая сила и источник созидания ценностей совместной жизни людей и самосозидания в стремлении к духовной сущности бытия. «Духовность – метафизическое ядро человека…. попытки сказать нечто о духовности, исключая достижения религиозной антропологии, опустошают человеческое бытие, изымают самое существенное в человеке» [6, 7]. Все это требует серьезной научной разработки в области отечественной аксиологии и привнесении иерархии духовных и нравственных ценностей в теорию и практику целенаправленного воспитания гражданина своей страны.

Анализ проблем магистерского образования по направлению «Педагогика высшей школы» позволяет сделать вывод о том, что в подготовке выпускников, наряду с акцентированием интеллектуальной подготовки обучающихся, нужно на пути становления профессиональной компетентности актуализировать аспект становления личностных свойств и способностей самовоспитания и саморазвития как основных движущих сил профессионального становления магистра. Здесь очень важным является органическое включение в целостный образовательный процесс самостоятельной работы магистрантов как фактора и средства, побуждающих обучающихся к самовоспитанию и саморазвитию своего профессионального становления педагога высшей школы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 3+ по направлению Педагогическое образование 44. 04.01

2. Бондаревская Е. В., Мареев В. И. Требования к качеству профессионально-педагогической подготовки бакалавров и магистров образования // Целостный учебно-воспитательный процесс: исследование продолжается. Методологический семинар памяти профессора В. С. Ильина. – Волгоград: Перемена, 1992. – С. 95-98.

3. Кочетова А. А. Модульное проектирование культурно-образовательной среды как совместная инновационная деятельность субъектов образования: Монография. – СПб., 2009. – 257 с.

4. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология человека. Введение в психологию субъективности: Учебное пособие для вузов. – М.: Школа-пресс, 1995.

5. Андреев В. И. Концепция, законы и идеология гарантированного качества образования на основе творческого саморазвития человека (акмеоквалитология образования). – Казань: Центр инновационных технологий, 2013. – 296 с.

6. Корольков А. А. Духовная антропология. – СПб.: Ун-т, 2005. – С. 7.

7. Беляева В. А., Петренко А. А. Компетентностный подход в образовательной системе: моделирование и проектирование: монография. – Рязань: Ряз. гос. ун-т, 2014. – 206 с.

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ СВЯЗИ ИМЕНИ С. М. БУДЕННОГО
г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 378
ББК 74.48
Педагогика

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США: ВОСПИТАНИЕ ГОТОВНОСТИ К ВОЙНЕ И УБИЙСТВУ В АМЕРИКАНСКОЙ ВОИНСКОЙ СУБКУЛЬТУРЕ XX ВЕКА

Доктор педагогических наук О. Ю. Ефремов
Кандидат педагогических наук С. Э. Зверев

Статья посвящена анализу взглядов американских военачальников и военных психологов на проблему готовности и способности военнослужащего к убийству врага. Рассматривается трансформация отношения к войне и убийству в американской воинской субкультуре в XX веке. Делается вывод, что психолого-педагогические аспекты формирования у американских военнослужащих готовности к войне и способности убивать должны учитываться в процессе подготовки и воспитания российских войск.

Ключевые слова
Подготовка военнослужащих вооруженных сил США, воспитание, готовность к войне, способность убивать

На протяжении XX века человечество прошло через две не только самые разрушительные, но и самые кровопролитные войны за свою историю. И одним из важных, но недостаточно изученных аспектов опыта прошедших войн и подготовки к ним войск является проблема готовности и способности военнослужащего к убийству врага. В этой связи, для развития отечественной военной психологии и педагогики представляется весьма значимым исследование положений теории и практики подготовки военнослужащих иностранных армий к войнам и убийству, и, соответственно, учет указанных положений в подготовке, воспитании российских военнослужащих и в целом в решении задач обеспечения военной безопасности Российской Федерации [1, 2, 3].

Проведенный авторами анализ позволяет определить, что на протяжении XX века в американской воинской субкультуре сложились и проявились три основные парадигмы в отношении к войне и убийству: 1) романтико-героическая парадигма (начало XX века – первая половина 1960-х гг.); 2) утилитарно-технологическая парадигма (вторая половина 1960-х гг. – первая половина 1980-х гг.); 3) духовно-практическая парадигма (вторая половина 1980-х гг. – по настоящее время). В основу предложенной классификации положены господствующие в обществе и

армейской среде взгляды на цели, содержание и способы исполнения воинского долга и о характере их влияния на военнослужащих и общество в целом. Если абстрагироваться от эвфемизмов, становится очевидным, что эти взгляды во многом определяются отношением к убийству, которое на государственном и институциональном уровне воспитывается у солдат и офицеров, непосредственно занятых подготовкой и ведением боевых действий. Рассмотрим в рамках трех выделенных парадигм, как складывалось и трансформировалось отношение к войне и убийству в подготовке военнослужащих вооруженных сил США на протяжении XX века.

1. Романтико-героическая парадигма (начало XX века – первая половина 1960-х гг.). Традиционное, идущее из глубины веков представление о военной службе, как о достойном мужчины-защитника занятии, наделяющим его благородством, в целом не изменили даже миллионы жертв Первой мировой войны, тем более в США, которые практически не успели почувствовать на себе ее тяжесть. Поэтому аргумента в пользу необходимости наказать «гуннов» после инцидента с «Лузитанией» было вполне достаточно для вступления США в Первую мировую войну и пробуждения патриотического пыла в американских гражданах, надевших военную форму и отправившихся за океан спасать «старушку-Европу». Однако в условиях значительно более масштабного участия Америки во Второй мировой войне потребовалось найти более значимые ценности, которые предстояло защитить «джиай», особенно принимая во внимание их личностные качества, про которые генерал Д. Эйзенхауэр писал, что его подопечные очень склонны к *саркастическим высказываниям* и *циничным речам*, по сути признавая, что чрезмерно развитые у американской военной публики деловая сметка и критический ум – плохое подспорье, когда надо пробудить в солдате «упоение в бою» [4. С. 84]. Воевать было предложено за привилегии, свободу и демократию американского общества. Для этого Эйзенхауэр приказал своим командирам довести до сведения каждого солдата, что «та привилегированная жизнь, которую он вел ... его право заниматься любым делом по своему усмотрению, исповедовать любую религию, жить в любом месте, в котором он мог прокормить себя и свою семью, и быть уверенным в справедливом суде, если его вдруг обвинили в каком-либо преступлении, – все это сгинет, если немцы выиграют войну» [5. С. 68].

Однако некоторые американские полководцы использовали и другие приемы, чтобы разжечь боевой дух, стремясь высвободить в солдатах самые грубые, почти первобытные инстинкты уничтожения. В частности, знаменитый генерал Дж. Паттон, еще находясь в Америке, выступая перед солдатами своей 9-й дивизии, вещал, низводя на немцев казни египетские: «Мы изнасилуем их женщин, разграбим их города и сбросим трусливых сукиных сынов в море» [5. С. 362]. Неудивительно, что Паттона в дальнейшем на фронте сопровождала кличка «Кровь с Потрохами». Сам Паттон, конечно, лично никого насиловать не собирался, как не стал бы резать глотки неприятелю, но, судя по всему, он полагал, что военное ремесло предполагает сознательное огрубление души.

Была у Паттона и более прагматичная причина для таких призывов, нежели только стремление психологически подготовить войска к суровым реалиям боя. Кредо генерала передают воспоминания капитана Г. Края из состава 45-й дивизии: «Генерал Паттон совершенно четко дал нам понять, что мы должны уничтожать врага всюду, где он нам встретится… Он велел уничтожать и уничтожать, потому что чем больше врага мы уничтожим сегодня, тем меньше его останется на потом и тем лучше в долгосрочной перспективе будет для самой дивизии… Еще он

сказал, что чем больше пленных мы захватим, тем больше народу нам придется кормить и содержать, ломая голову, чтобы не допускать по отношению к ним злоупотреблений. Он сказал, что самый хороший немец – мертвый немец» [6. С. 426-427]. В итоге солдаты этой дивизии перестреляли в Бизерте несколько десятков сдавшихся в плен итальянцев и немцев. Следует признать, что тот позорный сицилийский «инцидент» не прошел для Паттона зря. В дальнейшем в операциях в Европе моральный дух войск генерал стремился формировать, не столько разжигая кровожадные страсти, сколько превознося боевые качества своих солдат, закладывая основы воспитания воинской чести и авансируя их на проявление доблести и совершение подвигов в будущих сражениях. В этом находило выражение его убеждение, что «любой офицер должен создавать культ героев» [6. С. 467].

Романтико-героическая парадигма, как показывает изучение военной риторики, просуществовала в воинской субкультуре США еще довольно долго. Например, в программной для американской армии речи генерала Д. Макартура, произнесенной им перед слушателями академии в Вест-Пойнте в 1962 г., утверждались высокие патриотические ценности: «Долг, Честь, Страна», – эти три священных слова благоговейно диктуют вам то, кем вы хотите быть, то, кто вы есть и то, кем вы будете. Они – ваша отправная точка для воспитания мужества, когда мужество, кажется, утрачено, обретения веры, когда, кажется, мало причин для веры, созидания надежды, когда надежды кажутся пустыми… Они учат вас быть офицером и джентльменом» [7. С. 377-380].

2. Утилитарно-технологическая парадигма (вторая половина 1960-х гг. – первая половина 1980-х гг.). Семена разложения романтико-героической парадигмы в западной воинской субкультуре, положившего конец благородству воина и давшего начало трансформации его в солдата и даже в зомбированного убийцу, были посеяны сразу же после окончания Второй мировой войны. И посеяны они были, по иронии судьбы, соотечественником вдохновенного оратора генерала Макартура – военным историком генералом Маршаллом в получившем широкую известность труде «Men Against Fire: The Problem of Command in Future War", вышедшем в 1947 году. Генерал S. L. A. Marshall в результате проведенных на Европейском и Тихоокеанском ТВД опросов военнослужащих армии США пришел к парадоксальному выводу, что в бою прицельный огонь по противнику из личного оружия ведут всего около 15-25% пехотинцев. Остальные «нестреляющие» солдаты готовы заниматься чем угодно: доставлять донесения, помогать транспортировать раненых, подносить боеприпасы и т. п., но только не вести огонь по врагу, даже в случае явной угрозы собственной жизни.

Причину этого явления Маршалл и затем позднейший исследователь феномена убийства на войне – основатель своеобразного научного направления в американской военной психологии «killology» – Д. Гроссман вполне в духе ортодоксально-религиозной Америки 1950-х видели в органически присущем человеку отвращению к убийству себе подобных. В подтверждение этой точки зрения в своем вышедшем в 1995 г. исследовании Д. Гроссман приводит такой пример: «Автор «Энциклопедии Гражданской войны» Ф. А. Лорд говорит нам, что после битвы при Геттисберге на поле сражения было собрано 27 574 мушкетов [8]. Из них почти 90 процентов (двадцать четыре тысячи) были заряжены. Двенадцать тысяч из этих заряженных мушкетов оказались заряжены больше чем один раз, и шесть тысяч из этих многократно заряженных ружей имели от трех до десяти пуль в стволе. Одно ружье было заряжено двадцать три раза... Очевидный вывод заключается в том, что большинство солдат даже не пытались

убить врага. Большинство из них, похоже, даже не хотели стрелять в противника… Имеющиеся данные указывают на то, что по крайней мере половина солдат в эпоху сражений черного пороха не стреляли, и лишь ничтожный процент из тех, кто стрелял, ставил целью убить врага» [8]. Вывод, надо сказать, не столь очевиден – цифры можно интерпретировать как угодно. В частности, самое простое объяснение может заключаться в том, что подобранные ружья могли принадлежать убитым или бежавшим с поля боя – в первом случае из них просто не успели выстрелить, во втором – и не собирались стрелять. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что упомянутое сражение относится к периоду гражданской войны между Севером и Югом; вряд ли американские солдаты так уж горели желанием истреблять соотечественников. Другой факт – уже из истории индейских войн: «Люди генерала Крука сделали 25 000 выстрелов на Роузбад-крик 16 июня 1876 г., что привело к 99 жертвам у индейцев, или добились одного попадания на 252 выстрела» – трактуется автором в пользу того, что, не желая смерти ближнему, солдаты стреляли поверх голов [8]. Если вспомнить о неоднократных случаях резни индейцев армией США как-то трудно поверить в такой альтруизм. Скорее, бешено мчавшийся всадник, совершавший разнообразные маневры уклонения, чтобы не служить янки живой мишенью, был довольно-таки трудной целью.

Мы привели примеры аргументации позиции Маршалла-Гроссмана для того, чтобы показать, что они допускают очень вольную интерпретацию. Как отмечают современные исследователи, например, Р. Энген [9], опросы Маршалла грешили недостаточной научной чистотой: сохранилось, например, только 2 блокнота с записями, несмотря на то что, по заявлению самого генерала, он опросил солдат и сержантов более 600 (!) рот, да к тому же «многие ветераны, действия которых [Маршалл] описывал «документально» в своих книгах, горько жаловались на его неточность или откровенную предвзятость» [9]. Ко всему прочему, Маршалл и Гроссман за свою военную карьеру сами лично никогда никого не убили, что позволило одному из участников военно-исторического форума заметить: «Я не пытаюсь рассказать, беременным женщинам, каково это – быть беременной, я не ожидаю, что непосвященные расскажут мне, каково это – убивать» [9]. Как бы то ни было, но идеи генерала-историка производили впечатление на его коллег в Пентагоне. Игнорировать тревожные предупреждения о недостаточной агрессивности американского солдата стало невозможно в условиях эскалации вмешательства США в войну во Вьетнаме в 1965 году. Мириться с таким нерациональным использованием ресурса «человечьей силы» американские генералы не собирались; по верному замечанию Д. Гроссмана, «уровень 15-20 % стреляющих солдат подобен 15-20 % уровню грамотных среди корректоров» [8]. Забота о рентабельности «производства смерти» также, очевидно, имела место. Например, было подсчитано, что с 7 января по 24 июля 1969 года, снайперы армии США во Вьетнаме имели 1245 подтвержденных убийств, в среднем затрачивая 1,39 пули на убийство. Этот показатель выгодно отличался от 50 000 патронов, тратившихся в среднем на каждого убитого вьетнамца на протяжении этой войны [8]. И тут уж за дело взялись с американской деловитостью и основательностью, решившись с опорой на теорию условного рефлекса И. П. Павлова и оперантное обусловливание Б. Ф. Скиннера помочь американскому солдату превозмочь страх убийства, тем более что страх убивать и страх быть убитым, по мнению американских психологов, находились в тесной диалектической взаимосвязи. «Средняя солдатская психика не только сопротивляется убийству и обязанности убивать, – пишет Гроссман, – но

солдата одинаково ужасает тот неоспоримый факт, что кто-то его ненавидит и отрицает его человеческую сущность достаточно, чтобы убить его. Солдатским ответом на откровенно враждебные действия противника, как правило, является глубокий шок, удивление и возмущение» [8]. В результате родилась технология подготовки солдата, в равной степени способного убивать и привычного к мысли, что и его могут убить, слагавшаяся из трех последовательных этапов. «Триадой методов, используемых для достижения замечательного (sic!) увеличения убийств – пишет Гроссман, – являются: десенсибилизация (думать о немыслимом), кондиционирование (делать немыслимое), и отключение защитных механизмов (отрицание немыслимого)» [8].

Десенсибилизация – или «обесчувствливание» – достигалась примерно теми же средствами, что показаны в повести Р. Флэнагана «Черви» (1971) и в фильме С. Кубрика «Цельнометаллическая оболочка» (1987). А вот как описывает это некто Джек – ветеран войны во Вьетнаме: «Я орал «убей, убей», пока не охрип. Мы орали, пока занимались штыковым и рукопашным боем. Когда мы маршировали, мы пели: «Я хочу быть десантником,.. я хочу убить вьетконга». Я оставил охоту, когда мне было шестнадцать. Я ранил белку. Она смотрела на меня своими большими, мягкими карими глазами, пока я не положил конец ее страданиям. Я чистил свое оружие, но никогда не брал его в руки с тех пор. В 1969 году я был призван, имея очень неопределенное представление о войне. Я не имел ничего против вьетконга. Но по окончании базовой подготовки, я был готов убить их» [8]. Впечатления Д. Гроссмана более красочны: «В 1974 году, когда я был в учебке, мы исполняли много таких песнопений. В том, которое было только немного более экстремальным, чем большинство, повторялось (выкрикивалось под шаг левой ногой): «Я хочу НАСИЛОВАТЬ, УБИВАТЬ, ГРАБИТЬ ЖЕЧЬ, ЖЕЧЬ, ПОЕДАТЬ мертвых ДЕ-Е-Е-ТЕЙ» [8].

Американским солдатам внушали, что их долг заключается не в том, чтобы быть храбрым или хорошо сражаться, а в том, чтобы просто убивать как можно больше людей. Технология была достаточно эффективна: как видим, она позволяла даже в мягких и чувствительных людях пробудить жажду убийства.

Если, по утверждению Д. Гроссмана, такие грубые формы десенсибилизации отошли в прошлое в американской армии, то следующие два технологических этапа подготовки к убийству используются в силовых структурах США до сих пор. Кондиционирование заключается в стрелковой подготовке, условия которой максимально приближены к реалиям боя: солдат ведет огонь в полной выкладке по антропоморфной мишени. И, следуя теории Б. Ф. Скиннера, нужный навык подкрепляется похвалой инструктора, значком за меткую стрельбу или добавлением трех суток к отпуску. Этот этап тесно связан с последующим: отключению защитных механизмов психики способствует самоубеждение солдата в результате многократного поражения мишеней в форме фигуры человека в том, что в момент убийства он всего лишь поражает очередную мишень. Такой подход приносит плоды. Один британский ветеран Фолклендской кампании (1982), обученный современным методом, рассказывал Д. Гроссману, что он «думал, что враг нечто более или менее похожее на цель на рисунке II (человек-в-форме)» [8]. Таким же образом, американский солдат может убедить себя, что он стреляет по силуэту Е-типа (человека-в-форме, оливково-серой мишени), а не по человеческому существу.

Также в подготовке американских военнослужащих к убийству учитывалось, что отключению защитных механизмов способствует соблюдение по крайней мере одной из четырех типов дистанции между убийцей от жертвой:

культурной дистанции, опирающейся

на расовые и этнические различия, которые позволяют убийце дегуманизировать жертву («низшие формы жизни»). Например, 44 % американских солдат во время Второй мировой войны говорили, что они очень хотели бы убить японского солдата, но только 6 % выказывали такую же степень энтузиазма по поводу убийства немцев;

моральной дистанции, принимающей вид уверенности в моральном превосходстве и необходимости мщения по типу суда Линча (такой подход особенно характерен для гражданских войн). Враг еще человек, и его убийство является актом правосудия, а не истребления («они все преступники»);

социальной дистанции, заключающейся в мировоззренческом или сформированном представлении о конкретном классе, как стоящем ниже человеческого уровня в социально стратифицированной среде («социальные жертвы»);

механической дистанции, которая обеспечивает «стерильную нереальность убийства, подобную игре в «нинтендо» [8] – убийства посредством поражения метки на телеэкране, радаре, через тепловизор, снайперский прицел или некоторый другой вид механического буфера, что позволяет убийце отказать в человеческой сущности своей жертве («я не вижу людей...»).

Американские психологи называют это «процессом выработки искусственного презрения к человеку-мишени». Так, у полицейских преобладает отрицание и презрение к роли социальной жертвы преступника или подозреваемого; у военных – отрицание и презрение к человеческому достоинству и человеческой сущности противника. «Они все трусы… Они просто трусы, – твердил, например, капрал морской пехоты У. Уолд после того как убил 6 иракцев в бою 12 ноября 2004 года. – Если они подонки – их всех надо прикончить» [10. С. 23-29]. Это умственный процесс, которому весьма способствует распространение технологических новинок на поле боя, закрепляется и усиливается каждый раз, когда стрелок посылает пулю в цель.

Несмотря на прокламируемые достоинства утилитарно-технологической парадигмы, выражавшиеся прежде всего в росте «показателя стреляющих» солдат, она, как очень скоро стало очевидным для американцев, имела и существенные издержки. Издержки эти заключаются в катастрофическом росте числа военнослужащих, принимавших участие в войне во Вьетнаме, страдающих посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Количество ветеранов, страдающих от ПТСР, простирается до 54 процентов военнослужащих. Все причины этого явления не могут быть отражены в рамках данной статьи. Укажем только, что одной из причин, непосредственно связанной с внедрением в подготовку американских военнослужащих технологии формирования способности к убийству, является то, что многократное проигрывание факта убийства в уме порождает ощущение реального участия в убийстве и как следствие – способствует развитию психологической травмы даже у лично не убивавших. Зомбирование солдата приводило к сужению его сознания и фактически ограничивало адаптационные возможности психики. Об этом свидетельствует отсутствие значимых различий в статистике страдающих от ПТСР среди «боевых солдат», непосредственно принимавших участие в боевых действиях, и «нонкомбатантов» – военнослужащих тыловых и обеспечивающих подразделений.

3. Духовно-практическая парадигма (вторая половина 1980-х гг. – по настоящее время). В результате многочисленных исследований (в том числе на основе событий Англо-аргентинской (Фолклендской) войны) американские военные пришли к выводу, что люди в бою обычно мотивированы на поединок не идеологией, или ненавистью, или страхом, но

«групповым давлением и процессами, связанными (1) с уважением их товарищей, (2) с уважением их руководителей, (3) с беспокойством за собственную репутацию у тех и других, и (4) побуждением внести свой вклад в успех группы» [8]. Видимо, не в последнюю очередь благодаря этому, а также в связи с постепенным осознанием руководством вооруженных сил США недостаточной достоверности данных и ненаучности ряда выводов генерала Маршалла, в 1985 году была инициирована экспериментальная программа подготовки войск специального назначения «Троянский воин», имевшая целью повышение боевых возможностей «зеленых беретов» на основе развития их личностного потенциала. Основные элементы программы, разработанной Р. Строцци-Хеклером, были впоследствии усовершенствованы и внедрены в подготовку воздушных десантников и морских пехотинцев – элиты американских вооруженных сил; в настоящее время ее положения нашли отражение в ряде официальных документов, в частности, в полевом уставе армии США FM 22-100 «Army Leadership» [11] и в перспективной доктрине развития вооруженных сил «Joint Vision'2020» [3].

Ричард Строцци-Хеклер, с детства увлекавшийся восточными единоборствами, имевший черный пояс по айкидо, исходил из того, что «наемник (читай, солдат-убийца) никогда не бывает хорошим воином – и платит за это собственной совестью» [12. С. 23]. В своей книге он ссылается на историка Дж. Гилби, отмечавшего, что «Вьетконг оказался сильнее и мужественнее нас. Возле тел их мертвых, что оставались лежать на полях и дорогах, не было почти ничего, кроме самих тел, да иногда еще и книжек со стихами, в то время как от наших оставались окурки и презервативы» [12. С. 37]. Целью программы «Троянский воин» было воспитание бойцов как *воинов*, одухотворенных высокой моралью служения нации, а не подготовка серийных убийц, которые по возвращении с войны продолжают сеять смерть и порождать деструкцию в обществе, среди родных и близких. Тем более что количество психологических потерь в окружении страдающих от ПТСР в геометрической прогрессии пре-восходит количество самих пострадавших.

Уже в самом начале занятий Хеклер с удивлением обнаружил, что многие из его подопечных, пользующихся славой отпетых головорезов и внешне стремящихся демонстрировать соответствие заданному имиджу, на деле оказались серьезно и глубоко мыслящими и в массе верующими людьми. Когда их просили определить идеального воина, в ответах содержался неизменный набор качеств: честность, сила, сострадание, преданность своему делу, выдержка, терпение, сила воли. «Мой отец, дед, прадед и все мои дядьки служили, – говорил, например, один из них. – И я всегда знал, что тоже пойду служить. Мой отец воевал во время Второй мировой… Мне с детства говорили, что армия – это настоящее мужское дело. Не то чтобы это было место, где можно заработать большие «бабки» или стать знаменитым героем – все это чепуха. А просто служить и защищать» [12. С. 42]. Казалось бы, что такое заявление сделало бы честь современному российскому солдату, но уж никак не американцу, на которого мы долгое время смотрели (и часто смотрим до сих пор) через призму утилитарно-технологической парадигмы американской воинской субкультуры.

Система Хеклера строится на обучении военнослужащих технике управления сознанием в ходе ознакомления с духом и техникой айкидо, – в основе которого лежит неотделение себя от противника, энергетическое слияние с ним, с целью обращения агрессии против него, а не простое физическое сокрушение человека. Параллельно военнослужащие проходят курс медитации, изучают психологию и физиологию человеческого тела (для

того, чтобы уметь «читать» мышечные сигналы соперника), слушают лекции по правильному питанию и образу жизни, участвуют в многочасовых семинарах, где в ходе общения уясняют моральные и этические принципы и качества, которым должен соответствовать настоящий воин. Последние включают в себя: высокую сознательность, внимательность, решимость, уравновешенность, ответственность, благородство, смелость, преданность, прямоту, честность, веру, достоинство, уважение, сострадание, владение собой, спокойствие. Нетрудно заметить, что перед нами перечень качеств, которые украшают любого человека, не только воина. Интересно, что над Хеклером и его коллегами в свое время довлел подспудный страх: а не превратятся ли бравые «зеленые береты» в результате их экспериментов в неких овечек, а то и, чего доброго, пацифистов; не утратят ли они способность убивать. Однако подобного не произошло. Полученные в ходе медитации навыки самоуглубления, самоизучения помогли военнослужащим осознать свои реальные возможности, в противовес стремлению любой ценой соответствовать имиджу, в котором всегда кроется опасность нервного срыва и развития психической травмы. Расширение возможностей человеческой психики, ознакомление со способами саморегуляции помогли повысить почти в два раза показатели физической и специальной подготовки, в частности, способности выжидать, долгое время находясь в засаде или ведя наблюдение за противником (заметим, что указанное качество не менее важно и для командиров подразделений, поскольку, по наблюдению генерала Маршалла, «выдержка – 60 % искусства командования» [13]). А осознание того, что на войне убийца и жертва в равной степени вовлечены в обстоятельства, неподвластные их воле, помогло лучше справляться с неконтролируемой агрессией, вводить ее в строго необходимые рамки исполнения воинского долга, а значит, снизить риск получения психической травмы и последующего развития ПТСР.

Актуальность перехода в подготовке американских военнослужащих к новой духовно-практической парадигме также можно объяснить тем, что на рубеже 1990-х гг. армию США захлестнул поток новобранцев, воспитывавшихся в неполных семьях второго, а то и третьего поколения, не имеющих строгих этических и моральных принципов, которые обычно закладываются в семье, а также проявившемся в этот период в казарме глубоким расовым, религиозным и социальным расслоением солдат. Введение в этой связи в 2000 году в курс подготовки морских пехотинцев программы «Морской воин», аналогичной ранее рассматривавшейся, позволило, по отзывам американского командования, сократить число драк, употребление табака, алкоголя и наркотиков, количество преступлений и нарушений устава. «Балансируя на грани жизни и смерти, – справедливо отмечает Хеклер, – мы отчаянно нуждаемся в герое, который действует с позиции высоких нравственных принципов, а не с позиции силы и агрессии» [12]. Вот подтверждающий его позицию отрывок из речи командира 1-йдивизии морской пехоты генерала Дж. Н. Маттиса, обращенной к его солдатам перед переброской в Кувейт в 1990 году: «На ваши молодые плечи ложатся надежды человечества… Наша борьба не с иракским народом и не с солдатами иракской армии, которые решат сдаться. В то время как мы будем действовать быстро и агрессивно против тех, кто окажет сопротивление, мы будем обращаться со всеми прочими благородно, демонстрируя рыцарство и солдатское сострадание к людям, которые жили под гнетом Саддама… Используйте мозги перед тем как пустить в ход оружие. Поделитесь мужеством друг с другом, когда мы вступим на неизведанную землю к северу от линии отправки. Имейте веру в товарищей слева и справа

и в дух морпеха над головой. Сражайтесь со счастливым сердцем и сильным духом» [7. С. 382]. А вот слова командира 1-го батальона 12-го кавалерийского полка полковника М. Гоинса, молившегося перед строем своих солдат после первых потерь, понесенных его подразделением в Ираке в 2006 году: «Я просил Господа, чтобы Он не дал злу поселиться в наших сердцах. Чтобы Он удержал нас от мести. Убивать людей несложно. С этим и обезьяна справится. Сложно поступать правильно» [10. С. 214]. Заметим, что это не значит, что в армии США чувствительные командиры так уж склонны подменять собой капелланов – важно понимать, что американские солдаты и офицеры легко совмещают исполнение воинского долга с открытостью и человечностью, – адресованной, конечно, в первую очередь товарищам и подчиненным, – помогающей им сохранить собственную идентичность и коммуникабельность. Тот же полковник Гоинс не поколебался навести вертолеты на дом, в котором, как ему было известно, находилось два ребенка, когда там укрылся вооруженный боевик.

Подобные коррективы подходов к воспитанию солдат, конечно, не гарантировали от эксцессов, неизбежных на войне, примеры чему наблюдались в Ираке и Афганистане, однако в целом отразили трансформацию направленности воспитания военнослужащих США в русле духовно-практической парадигмы на современном этапе.

Перейдем к выводам. Издавна отмечалось, что люди меча обладают массой общих черт, которыми их наделяет право ношения оружия и неразрывно связанное с этим право самостоятельно разрешать вопросы жизни и смерти (право убивать). Как можно заметить, самоощущение американских солдат и направленность воинского воспитания в рамках современной парадигмы американской воинской субкультуры во многом отличаются от сложившихся у нас стереотипов восприятия процесса подготовки американских военнослужащих. Опасность такого положения заключается в том, что, с одной стороны, это порождает в нашем обществе и армии необоснованные шапкозакидательные настроения, по типу «в коленках-то они без своей техники слабоваты», с другой – не способствует формированию у военно-политического руководства адекватного представления о состоянии и особенностях воспитания, подготовки военнослужащих вооруженных сил США к ведению боевых действий.

Вместе с тем полезно принимать во внимание, что американская военная политика до сих пор во многом определяется доктриной К. Уэйнбергера (1985), в которой был учтен печальный для США вьетнамский опыт. Шесть пунктов доктрины, которые на русском языке полностью публикуются впервые, гласят:

Соединенные Штаты не должны применять вооруженные силы, за исключением того, если наши жизненно важные интересы находятся под угрозой;

мы должны выделять их в достаточном количестве и с достаточной поддержкой, для того чтобы победить;

мы должны иметь четко определенные политические и военные цели;

мы никогда не должны снова применять вооруженные силы в войне, если не намерены победить;

прежде чем Соединенные Штаты обязуются применить вооруженные силы за рубежом, правительство США должно иметь некоторую разумную уверенность в поддержке американского народа и их избранных представителей в Конгрессе... Американские войска не должны отвечать за борьбу с Конгрессом дома, пытаясь выиграть войну за рубежом. Никогда больше американский народ не будет сидеть и наблюдать, как американские войска становятся пешками на какой-нибудь грандиозной дипломатической шахматной доске;

наконец, американские войска должны

привлекаться только в крайнем случае [8].

При таком подходе надо всегда быть готовым к тому, что военные кампании США будут преследовать только решительные цели, будут всесторонне подготовлены и обеспечены. Применению вооруженных сил всегда будет предшествовать массированная пропагандистская кампания, призванная консолидировать американское общество (и разобщить социум противника), укрепить единство армии и народа. Можно утверждать, что армия США является весомой силой не только в техническом и технологическом плане, но и в плане готовности проводить политику своего правительства, способности убивать противника с полной уверенностью в справедливости целей своей борьбы, с достаточным мужеством и высокой самоотдачей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Марков А. С. Психолого-педагогическая модель профессионального становления курсанта военного вуза // Российский научный журнал. – 2013. – № 1(32). – С. 160-165.

2. Марков А. С. Психодидактическое моделирование подготовки специалиста на основе анализа успешности профессиональной деятельности // Российский научный журнал. – 2013. – № 1(32). – С. 160-165.

3. Костарев С. В., Ефремов О. Ю., Зверев С. Э. Концепция сетецентрических войн в свете доктрины «Единый взгляд 2020» // Военная мысль. – 2014. – № 1. – С. 58-64.

4. Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. – Смоленск, 2000.

5. Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. – М.: Книга, лтд., 1993.

6. Хиршсон С. Генерал Паттон. Жизнь солдата. – М.: Изографус, ЭКСМО, 2004.

7. Зверев С. Э. Речевое воспитание военнослужащих. – СПб.: Алетейя, 2013.

8. Grossman D. On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society. Little, Brown and Co, 1995. [Электронный ресурс]. – http:// www. bookzz.org›book/ 1988729/18a978. Дата обращения: 12.07.2015.

9. Engen, R. S. L. A. Marshall and the Ratio of Fire History, Interpretation, and the Canadian Experience. [Электронный ресурс]. – http:// www.canadianmilitaryhistory.ca/... Дата обращения: 31.07.2015.

10. Сайтс К. Синдром войны: О чем не говорят солдаты. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013.

11. Современная военная риторика: Полевой устав армии США: Речевое воспитание военнослужащих США / Сост. О. Ю. Ефремов, С. Э. Зверев. – СПб.: Алетейя, 2013. – 224 с.

12. Строцци-Хеклер Р. В поисках духа воина. – М.: АСТ: Астрель, 2006.

13. Marshall, S. L. A. Men Against Fire: The Problem of Command in Future War. – Washington, The Infantry Jornal& William Morrow & Company, New York, 1947. – С. 187.

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ – РУДН
г. МОСКВА

УДК 159.9: 378
ББК 88.6+74.48
Психология и педагогика

ПСИХОЛОГИЯ

«ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ» И «ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Доктор педагогических наук В. И. Казаренков
Доктор педагогических наук И. Г. Долинина
Е. В. Зернина

В статье раскрываются перспективы формирования гражданской компетентности как результата обучения в высшей школе, составными компонентами ее являются нравственность, толерантность, ориентация на социальную справедливость и соблюдение прав. Проведенное авторами исследование оценки общечеловеческих и гражданских ценностей на основе анкетирования педагогов технического вуза подтверждает, что их позиция способна обогатить гражданское самосознание обучающихся и способствовать их личностному и профессиональному развитию.

Ключевые слова
Гражданственность, гражданская компетентность, общечеловеческие и гражданские ценности, высшая школа

Высшее образование является приоритетной областью, обеспечивающей развитие и независимость государства. Социальный статус высшей школы ориентирует науку и практику на поиск инновационных стратегий обновления содержания и технологий подготовки специалистов. Высшее образование должно быть ориентировано не только на профессионализацию (подготовку профессионально компетентных людей, обладающих фундаментальными и прикладными знаниями и высокой культурой организации и осуществления профессиональной деятельности) специалистов, но и на их целевую социализацию (гармонизацию отношений человека с природно-социальным миром через освоение современной картины мира, развитие национального самосознания человека, обеспечение условий для приобретения им широкого базового образования, позволяющего достаточно быстро адаптироваться в социуме), формирование у них опыта самосовершенствования и самореализации (освоении человеком творческого стиля жизнедеятельности). Триединая стратегия высшей школы закладывает основание для фундаментальной подготовки специалиста, обеспечивая универсальность получаемых знаний, умение использовать приобретенные знания в профессиональной деятельности, а также, вырабатывая у него творческий подход к решению профессиональных задач [6. С. 73], стимулируя у него активную гражданскую пози-

цию и потребность в творческом стиле жизнедеятельности.

«Проблема профессионализации студенческой молодежи тесно связана с проблемой ее социализации. Качественное овладение профессией является необходимым, но еще недостаточным условием для успешной жизнедеятельности человека. Производственная сфера в современном обществе представляет собой уже не технократическое, а гуманитарное поле человеческого взаимодействия» [5. С. 89-90]. «Эта сфера, претерпев существенные изменения, уже не может быть местом для специалистов, которые не реализуют духовно-нравственные основания гуманистических отношений между людьми. Современный профессионал обязан исходить, прежде всего, из знаний человеческой природы, быть способным так организовать производственный процесс, чтобы сохранить, но не уничтожить человеческую индивидуальность, уметь быть толерантным, поощряя проявление национального сознания, но не националистические устремления молодежи» [7. С. 108]. Здесь мы сталкиваемся с реальной проблемой высшей школы – формированием у студенческой молодежи социального опыта, в том числе опыта гражданской активности и компетентности.

В последние годы вследствие пролонгированного методологического поиска российскими учеными разрабатывается гражданско-информационная парадигма образования – процесс, в котором происходит экспликация гражданственности и информационности. Гражданственность выступает как цель образования, информационность – путь для самореализации студента в предстоящей профессиональной и социальной жизни.

В данной статье представлено исследование гражданственности как целеполагающего компонента гражданско-информационной парадигмы образования.

Важность переосмысления гражданского образования в современной высшей школе связана с необходимостью подготовить выпускника, не только владеющего набором ключевых профессиональных компетенций, но и обладающего «высоким уровнем гражданской культуры, уважающего права и свободы личности, историческое прошлое своей страны, ее культурное наследие и традиции, … имеющего опыт участия в общественно-полезной и общественно-политической деятельности» [9. С. 142].

Формирование гражданственности как составной части общей культуры и нравственности студентов развивает социальный критицизм и способность к интерпретации и пониманию, формирует политическую культуру, способствует интеграции интеллектуальных и социальных умений и навыков [2, 3, 8]. Более того, «обучение, исключающее духовно-нравственную составляющую и ориентированное лишь на передачу максимального объема знаний и освоение технологий, не обеспечивает профессиональную успешность специалиста и неизбежно влечет кризис социально-культурной и личностной идентичности» [4. С. 46].

Среди ключевых направлений гражданского образования в вузе современные педагоги и исследователи (Запесоцкий А. С., Долинина И. Г., Андреев А. В., Черникова И. В., Казаренков В. И.) считают наиболее целесообразными «формирование навыков и развитие способностей, необходимых в жизни в демократическом обществе, включая навыки поиска, получения, преобразования информации; воспитание демократического мировоззрения, формирование целостной гражданской демократической позиции через освоение опыта гражданской жизни в вузе» [11. С. 38] или «через социально значимую, практико-ориентированную деятельность» [1. С. 45].

Навыки гражданской компетентности касаются способности эффективно сотрудничать с другими в общественной сфере деятельности, демонстрировать

сплоченность и интерес к решению проблем, затрагивающих вопросы местного и государственного уровня, что означает критическое и творческое отражение и конструктивное участие в деятельности местного, регионального сообществе, а также участие в принятии решений на всех уровнях, от местного до национального и европейского уровня, в особенности посредством голосования. Полное уважение прав человека, включая равенство как основание для демократии, оценки и понимания различий между системами ценностей различных религиозных или этнических групп, закладывает основу гражданской компетенции.

Для формирования гражданской компетентности европейские исследователи CRELL (Centre for Research on Lifelong Learning – Центр исследования обучения на протяжении всей жизни) предложили перечень знаний, навыков, отношений и ценностей, характеризующих активную гражданскую позицию. Среди них ключевыми являются следующие:

– знания: права и обязанности человека, политическая грамотность, исторические знания, текущие события, многообразие, культурное наследие, правовые вопросы и пути влияния на политику и общество;

– навыки: урегулирование конфликтов, межкультурная компетентность, готовность к принятию решений на основе информированности, креативность, способность влиять на общество и политику, исследовательская способность, автономность, критическое мышление, коммуникативность, навыки проведения переговоров, активное слушание, решение проблемных задач;

– отношения: политические интересы, автономия и независимость, гибкость, уважение других культур, открытость к расхождениям во мнениях, ответственность и открытость к участию в качестве активного гражданина, способность оказывать влияние на общество и политику;

– ценности: права человека, демократия, гендерное равенство, ненасилие, справедливость и равенство;

– идентичность: самоидентификация, коллективная и глобальная идентичность, национальное самосознание.

Российские исследователи (Долинина И. Г., Черникова И. В.), поддерживая эту концепцию, делают акцент на поведенческий компонент гражданской компетентности, который, наряду со знаниевым (знания системы ценностей российской и мировой культуры) и ценностным (обладание национальными традициями и общечеловеческими ценностями, толерантность и уважение прав и свобод личности) демонстрирует умение мыслить критически, готовность к самореализации и самопознанию. Опираясь на понимание гражданственности как «нравственного качества личности, основными элементами которого являются гармонически сочетающиеся патриотизм, интернациональные чувства, нравственность, толерантность, ориентация на соблюдение прав человека, равенство перед законом, социальную справедливость и общественное благо», авторы считают необходимым формировать в аудиторной и внеаудиторной работе студентов высшей школы нравственную гражданскую позицию, гражданскую и информационную компетентность, способствующую приобретению опыта гражданской и информационно-коммуникационной деятельности.

Говоря о воспитании гражданских качеств личности, следует подчеркнуть, что вместе с народностью, толерантностью, духовностью и патриотизмом, существенное значение имеет принцип конкурентноспособности, который означает «способность к социальной и профессиональной мобильности, готовность к смене деятельности и поиску эффективных решений в условиях конкурентной борьбы» [1. С. 46], характерной для современной рыночной экономики.

Насколько активно поддерживают со-

временные педагоги подобный подход? Готовы ли преподаватели высшей школы воспитывать гражданственность? Насколько важны для них общечеловеческие и гражданские ценности, которые специалисты высшей школы будут формировать в будущих инженерах?

«Студенчество рассматривает преподавателя прежде всего, как человека, проявляющего высокую компетентность в профессиональной деятельности. самостоятельного, имеющего собственное мировидение и гражданскую позицию, хорошо ориентирующегося в изменяющемся социуме не уклоняющегося от оказания помощи молодым людям в решении их проблем личного и общественного характера. Именно такого педагога признает студенческая молодежь в качестве своего наставника и партнера в формальном и неформальном взаимодействии» [5. С. 88].

Проведенное нами исследование делает попытку оценить гражданское самосознание взрослых, работающих в системе высшего профессионального образования. В анкетировании, построенном на основе теста «Шкала ценностей» (по методике И. Г. Долининой), приняли участие преподаватели и сотрудники политехнического университета. Основная часть принявших участие в анкетировании имеет высшее образование (26 человек из 30, что составляет 86,7 %). Все респонденты участвуют в аудиторной и/или внеаудиторной работе со студентами, т.е. осуществляют обучающую, развивающую и воспитательную деятельность, составной частью которой является гражданское воспитание. Преподавателей просили определить значение ценностей, расставив баллы от 1 до 10 (1 – абсолютно не ценно, 10 – очень ценно).

Среди общечеловеческих ценностей наивысшими баллами характеризуются такие, как «жизнь, здоровье», «честность», «любовь», «совесть», «справедливость», что закономерно и свидетельствует о том, что педагоги отдают приоритеты самым важным семейным и личностным качествам и готовы работать со студентами в рамках «школы» добра и взаимопонимания.

Наименьшие показатели этой шкалы – у критериев «идеал» и «мода», что указывает на их готовность критически относиться к субъективным, временным приоритетам, переосмыслять образцы, считающиеся совершенством. Средние баллы критериев «предприимчивость», «божественный закон, вера» демонстрируют неготовность педагогических кадров к самостоятельной активной деятельности, а рамках рыночной экономики и отсутствие жесткой приверженности религиозным убеждениям (максимальный балл по этой шкале поставили всего 3 респондента из 30, что составляет 10 % от общего числа опрошенных).

Оценивая гражданские ценности, респонденты выше всего (9,2 из 10) проиндексировали «права человека», что, по нашему мнению, свидетельствует в пользу действующей политики демократизации общества, стремления каждого гражданина знать и воплощать свои права, а также готовности работать (в данном случае обучать и воспитывать) в рамках конституционных прав человека.

Высокие баллы присвоены категориям «мирное разрешение конфликтов», «законность», «свобода», «ненасилие», «порядок» – все эти ценности связаны с соблюдением правопорядка и безопасным сосуществованием в обществе и коллективе и, как нам кажется, характеризуют стремление большинства российских граждан к мирной жизни в этот сложный период конфликтогенный период.

Низкие баллы по шкале «соблюдение прав меньшинств», вероятно, связаны с неправильным пониманием термина, который в последнее время всё чаще связывается с сексуальными меньшинствами (а не с национальными, как раньше) и вызывает негативное отношение среди ос-

новной массы россиян. Наименьший балл по данной шкале присвоен критерию «участие в политике», отношение к которой остается неизменно отрицательным на протяжении веков: согласно мнению Льва Толстого русский человек всегда воспринимал власть как зло и стремился избежать ее. Подобное гражданское поведение, характеризующееся абсентеизмом, очевидно свойственно респондентам-сотрудникам высшего учебного заведения, большинство из которых очень низко оценили своё участие в политической жизни, поставив от 3 до 5 баллов (из 10 максимальных) по этому критерию.

Проанализировав возрастные различия в отношении к общечеловеческим и гражданским ценностям, были выявлены две группы: группа респондентов старше 50 и группа респондентов в возрасте 30-39 лет (17 % от общего количества опрошенных), имеющая самые низкие результаты.

Можно интерпретировать эти различия с позиции результатов образования: старшее поколение (респонденты старше 50 лет) получили образование в советское время, когда, наряду с марксистко-ленинской идеологией, воспитывались идеалы и ценности. Россияне данной возрастной категории продолжают демонстрировать патерналистские отношения с государством, воспитывая в студентах уважение к гражданским ценностям, социуму, индивиду.

Неожиданно для исследователей крайнюю позицию занимает группа 2 – это респонденты, рожденные в годы перестройки и получившие образование в 90-е годы. Мы видим относительное отстранение от общечеловеческих и гражданских ценностей. Налицо влияние общественно-политической ситуации и поиск личной системы ценностей, свойственной россиянам в данный период, когда прежняя идеология ушла в прошлое, а новая еще не сформировалась.

Интерес вызывает и различие в оценивании групп ценностей: в обеих группах (старше 50, и в возрасте от 30-39) гражданские ценности доминируют над общечеловеческими, т. е. осознание важности гражданского участия и уважение демократических прав для многих из этих опрошенных более важно, чем личные качества. В остальных группах, наоборот, шкала общечеловеческих ценностей получила немного более высокие оценки, что может означать стремление к более, комфортной жизни и стабильной работе для молодых сотрудников вуза (20-29 лет) и работников среднего возраста (40-49 лет).

Полученные результаты демонстрируют готовность коллектива образовательного учреждения формировать гражданскую компетентность, причем как преподаватели старшего, так и молодого поколения осознают, что подготовка инженера – выпускника политехнического вуза – означает воспитание законопослушного, информированного и критически мыслящего, коммуникативного, предприимчивого, трудолюбивого и честного гражданина, готового трудиться и развиваться «в условиях усложнения и изменения общественно-политической обстановки, появления новых реалий в жизни общества и государства напрямую касаются человека, выступающего участником преобразований в производственной, экологической, политической и информационной сферах» [11. С. 42].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреев А. В. Модель развития гражданских качеств у студентов вуза в поликультурной среде // Alma Mater. – 2011. – № 6. – С. 45-48.

2. Гагарин А. В. Деятельность личности в информационно-образовательной среде: теоретико-методологические аспекты // Акмеология. – 2012. – № 3. – С. 31-35.

3. Долинина И. Г. Методология конструирования образовательного пространства формирования политической культуры гражданского типа [Текст]: Дис. … д-ра пед. наук. – Ижевск, 2011. – С. 366.

4. Запесоцкий А. С. Какого человека должна сформировать сегодня система образования? // Высшее образование в России. – 2003. – № 3. – С. 46-60.

5. Казаренков В. И. Миссия педагога высшей школы как ученого, наставника, человека // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». (М.: Изд-во РУДН). – 2008. – № 3. – С. 87-91.

6. Казаренков В. И. Целостность университетской подготовки специалиста // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». (М.: Изд-во РУДН). – 2009. – № 2. – С. 73-77.

7. Казаренков В. И., Казаренкова Т. Б. Формирование у будущего специалиста готовности к межкультурному взаимодействию // Российский научный журнал. – 2015. – № 1(44). – С. 108-113.

8. Кудинов С. И., Кудинов С. С., Авдеев Н. П. Особенности самореализации студентов с высоким уровнем настойчивости // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». (М.: Изд-во РУДН). – 2014. – № 3. – С. 45-53.

9. Липская Л. А., Киуру К. В. Гражданская компетенция студентов вуза: проблемы и особенности формирования [Электронный ресурс] // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 2. – С.141-147. – URL: http://elibrary.ru/download/86399972.pdf (дата обращения 20.04.2015)

10. Марков А. С. Моделирование процесса формирования гражданина и профессионала в военном вузе // XIII МНПК «Формирование гражданина и профессионала в условиях университетского образования» 2-6 сентября 2013 года, г. Китен. – Кн. 2. Т. 1. – С. 156-160.

11. Черникова И. В. Развитие гражданственности будущих специалистов в вузе и компетентностный подход в условиях информатизации общества [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2007. – № 4. – С. 38-43. – URL: http://elibrary.ru/download/63553903.pdf (дата обращения 20.04.2015)

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ – РУДН
г. МОСКВА

УДК 159.9: 378
ББК 88.6+74.48
Психология и педагогика

ПСИХОЛОГИЯ

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И САМООБРАЗОВАНИЯ

Доктор педагогических наук В. И. Казаренков
Кандидат социологических наук Т. Б. Казаренкова

В статье представлен материал, характеризующий значимость интеграции университетского образования и самообразования в подготовке специалистов. Выделены различия самообразования и самостоятельной работы студентов; определена взаимосвязь университетского образования и самообразования в системе подготовки специалиста; выявлены резервы авторских курсов для эффективной реализации процесса самообразования в университетской системе подготовки специалиста; определены причины, снижающие уровень развития самообразования как компонента целостной университетской подготовки специалиста; представлены направления интеграции университетского образования и самообразования студентов.

Ключевые слова
Подготовка специалиста, интеграция, университетское образование, самообразование студентов

Устойчивое развитие современного общества ориентирует социальные институты на поиск инновационных способов деятельности. Высшая школа занимает центральное место среди всех социальных институтов, воспроизводящих интеллектуальный потенциал для сохранения и развития человеческой цивилизации, используя уникальные резервы интеграции образования и науки [2, 4, 11-15].

Современная российская высшая школа ориентирована «не только на профессионализацию (подготовку профессионально компетентных людей, обладающих фундаментальными и прикладными знаниями и высокой культурой организации и осуществления профессиональной деятельности, приобретением ими широкого базового образования) специалистов, но и на их социализацию (гармонизацию отношений человека с природно-социальным миром через освоение современной картины мира, развитие национального самосознания человека, обеспечение условий для приобретения им широкого базового образования, позволяющего достаточно быстро адаптироваться в социуме), на формирование у них опыта самосовершенствования и самореализации (освоении человеком творческого стиля жизнедеятельности)» [4. С. 73]. Реализация данных задач становится возможной только при включении студентов в систематическую самостоятельную деятельность, процесс самообразования.

В высшей школе всегда существовала взаимосвязь образования и самообразования, но на данном этапе развития социума самообразовательная деятельность студентов становится важнейшим компонентом системы университетской подготовки специалистов [1, 4, 6, 11-14]. В современных условиях развития общества актуальным является развитие личности, способной к самопознанию, самоорганизации, самоконтролю и самореализации; личности которые умеют управлять собой и своей жизнедеятельностью [4, 9-15]. Самообразование выступает средством самосовершенствования молодого человека, поскольку способствует развитию различных сфер личности – интеллектуальной, волевой, эмоциональной, мотивационной.

Проблема самообразования студенческой молодежи ведется в разных областях науки (философии, социологии, педагогике, психологии). Изучение состояния практики развития самообразования студентов современной высшей школы выявляет как позитивные, так и негативные стороны осуществления данного процесса будущими специалистами.

В высшей школе существует тенденция к автономизации самостоятельной деятельности студентов, когда преподаватель рассматривает ее не как компонент системы подготовки специалиста, а как одну из форм или видов обучения студентов, часто ориентируясь не на развитие у студентов интереса к самообразованию, потребности в самообразовании, а на выполнение студентами отдельных самостоятельных заданий. Однако, самостоятельная работа является лишь составляющей самообразования, но преподаватель высшей школы нередко подменяет самообразование эпизодической самостоятельной деятельностью будущих специалистов по учебным дисциплинам. В университетской практике обнаруживается, также, факт рассмотрения оценки самообразования только с позиции интеллектуального труда (как занятия «интеллектуалов»), подчас ориентируясь на самообразование студентов как средство развития только интеллектуальной сферы [6]. Однако, в самообразовании и через самообразование формируется личность, развиваются как интеллектуальная, так и волевая, и эмоциональная, и и мотивационная сферы личности, и моральные качества человека. Это весьма значимая деятельность для современного специалиста, который должен обладать не только знаниями, умениями в своей профессиональной области, но иметь опыт творческой работы, а также, опыт эмоционально-ценностного отношения к окружающему природно-социальному миру, знания и опыт управления собой.

Наряду с качественной передачей студентам знаний и умений по учебной дисциплине, преподавателю высшей школы целесообразно систематически развивать у будущих специалистов потребность в самообразовании и готовность к самообразованию. Для этого необходимо обучать студенческую молодежь основам научной организации умственного труда, включая вопросы планирования и организации самообразования, контроля самообразовательной деятельности. Освоение студентами, учебных знаний и умений в совокупности со знаниями и умениями по управлению самообразовательной деятельностью с развитием у них опыта самообразования стимулирует у будущих специалистов творческую активность, социальную инициативу и ответственность, то есть те качества которые необходимы для успешной профессиональной работы и жизнедеятельности человека.

Осознанием молодежью значимости самообразования для личностного развития и профессионального роста позволяет повышать качество подготовки специалистов любого профиля. В системе учебной работы по нормативным учебным программам, а также, по программам авторских спецкурсов (курсов по выбору студентов) преподавателю целесообразно осуществлять различные виды и формы

интеграции процессов образования и самообразования. В условиях плановой интеграции данных компонентов университетской подготовки специалистов, становится возможным показать студентам ценность самообразовательной деятельности, позволяющей расширять и углублять профессиональные и общеобразовательные знания и умения. При этом педагог имеет возможность обнаружить и использовать в подготовке специалистов новые функции и свойства интегрируемых компонентов – образования и самообразования.

Среди всего многообразия средств, стимулирующих у студента интереса к самообразованию и потребности в самообразовании, можно выделить интеграцию аудиторной и внеаудиторной деятельности студентов. В условиях системной модернизации высшего образования актуализируется внеаудиторная деятельность студентов, ориентированная на развитие у будущих специалистов потребности к самообразованию, готовности к осуществлению самообразовательной деятельности [5, 7, 8]. Интеграция аудиторной и внеаудиторной работы позволяя сохранить ядро содержания, форм и методов учебно-познавательных занятий студентов в высшей школе, расширяет и углубляет содержание, формы, методы учебной деятельности и позволяет активно заниматься самообразованием и научной работой вне вуза. При интеграции аудиторной и внеаудиторной деятельности удается создать условия для творческой активности студенческой молодежи, стимулировать ответственность, а также, интенсифицировать неформальное взаимодействие студентов и преподавателей.

К аудиторным видам учебно-познавательной деятельности студентов традиционно относятся лекционные, семинарские занятия и часть практических занятий. К внеаудиторным видам деятельности, относят практические занятия, а также различные виды практик. Научно-исследовательская деятельность и различные виды самостоятельных творческих заданий, как правило, рассматривают автономно, не включая их в основные виды внеаудиторных занятий студентов или используя их вне связи с аудиторной деятельностью. Практика высшей школы показывает, что не во всех университетах осуществляется целенаправленная систематическая интеграция внеаудиторной деятельности с аудиторной. Не все преподаватели высшей школы осуществляют реальную интеграцию научно-исследовательской, учебной и производственной деятельности студенческой молодежи, у будущих специалистов слабо развивается потребность в целостном восприятии научного знания, возможностей использования в практической деятельности не только знаний, полученных ими на учебных занятиях, но также приобретенных в процессе научного поиска и экспериментальной работы. Особое место и роль в интеграции аудиторной и внеаудиторной деятельности отводится авторским курсам преподавателей высшей школы, которые обеспечивают студентов новейшими знаниями в изучаемых областях науки.

Введение в учебные планы вузов авторских курсов необходимо для целостного, а не мозаичного восприятия молодыми людьми картины современной науки (передаваемая студентам информация по различным социальным, гуманитарным и естественнонаучным дисциплинам не только не формирует таковую, но подчас ограничивает возможности обнаружить указанную целостность). Оперативное применение нового научного материала по профилю специализации, позволяет студентам использовать новый материал в учебной и научной работе. Авторские курсы, читаемые профессорами и преподавателями, через новизну содержания и способов деятельности, а также творческую атмосферу, эффективное взаимодействие педагога и студентов, стимулируют у молодежи интерес к самообразованию, потребность в самообразовании, развивают

навыки самообразовательной деятельности [3].

Авторами данной публикации разработаны и успешно внедрены в педагогический процесс ряда российских университетов учебные курсы: «Искусство человеческого взаимодействия», «Технологии эффективного межкультурного взаимодействия», «Саморегуляция эмоциональных состояний», а также, курс «Основы стресс-менеджмента», который студенты изучают на внеаудиторных занятиях по психологии.

Большое значение имеет чтение авторских курсов на факультетах непрофильных специальностей. Курс «Искусство человеческого взаимодействия» успешно осваивается студентами экономического факультета Российского университета дружбы народов. Данный учебный курс (по выбору студентов) ориентирован на раскрытие будущим специалистам теоретико-методологических и технологических основ проблемы человеческого взаимодействия. Курс интегрирует отдельные значимые для понимания данной проблематики философские, социологические, управленческие, культурологические, педагогические, психологические и психотерапевтические теоретические и прикладные знания. Курс может рассматриваться, также, как практико-ориентированный; он направлен на усиление социальной и профессиональной адаптации будущих специалистов посредством стимулирования у них потребности в творческом стиле жизнедеятельности, обеспечивающем самореализацию человека через взаимодействие. Курс предполагает актуализацию знаний и способов деятельности, полученных студентами на занятиях по основным дисциплинам, включенным в учебные программы высшей школы, направлен на освоение будущими специалистами базовых положений по самопознанию, саморегуляции, самореализации личности и эффективному взаимодействию человека в социальной и профессиональной деятельности. Содержание курса включает три базовых блока тем: «Мир человеческих взаимодействий», «Эффективное взаимодействие», «Самосовершенствование человека – путь к эффективному взаимодействию». Содержание каждого обеспечивает целевое освоение студентами различных уровней социокультурного феномена, составляющего ядро человеческой жизнедеятельности и ориентирует будущих специалистов на интенсивную самообразовательную деятельность. Регулярная самообразовательная деятельность студентов и выполнение ими творческих заданий служат основой для успешного освоения ими интегративного содержания курса и развития у них потребности в самообразовании [3, 6].

Актуальным для студентов является курс «Основы стресс-менеджмента». Программа курса включает тематику, ориентированную на профилактику отрицательных психических состояний человека, в частности, занимающегося интенсивной умственной деятельностью. Содержание курса содержит теоретическую и практическую части. Теоретическая часть включает следующие темы: Стресс. Моделирование стрессовой ситуации. Позитивный и негативный стресс. Физиологический механизм стресса. Индивидуальные и организационные причины стресса. Коммуникация как причина стресса Нехватка времени как причина стресса. Нереализованные цели как причина стресса. Последствия стресса. Практическая часть включает следующие темы: Мониторинг стресса. Эмоциональные, интеллектуальные и физические симптомы дистресса. Техники саморегуляции и самовосстановления (прогрессивная мышечная релаксация, имагготерапия, аутогенная тренировка). Музыкальная терапия. Техники изменения отношения к ситуации. Преодоление барьеров и поиск резервов и возможностей.

Самообразование представляет процесс работы над собой, процесс самосо-

вершенствования. Будущий специалист может осознать самообразовательную деятельность как личностную и социальную ценность в процессе взаимодействия с педагогами, предоставляющими ему такие виды деятельности, которые обеспечивают оценку результатов его самообразовательной работы. Осознанность студентом ценности этой работы активизирует его духовные силы, стимулирует потребность в приобретении необходимых для самообразования знания и умений, развивает интерес к познавательной и исследовательской работе, готовность к творчеству и самотворчеству.

Деятельность педагога, направленная на интеграцию университетского образования и самообразования студентов по нормативным и авторским учебным курсам целесообразно осуществлять следующим образом: определить степень готовности студентов к самообразовательной деятельности, выявить уровень развития у него общих и специальных методов и приемов научной организации умственного труда; выявить возможности содержания учебного курса читаемого преподавателем в контексте развития у студентов интереса к самообразованию, потребности в самообразовании; составить программу включения студентов в систематическую самообразовательную деятельность в аудиторной и внеаудиторной работе с учетом степени готовности студента к самообразовательной деятельности и уровня развития у него навыков научной организации умственного труда; предоставить возможность будущим специалистам изложить результаты самообразовательной деятельности в различных формах аудиторной и внеаудиторной работы; определить способы оценки и контроля самообразовательной деятельности студентов в системе аудиторных и внеаудиторных занятий.

Постижение студентом опыта самообразования в системе университетской подготовки специалистов связано со способностью преподавателя организовать систематическое консультирование молодого человека, которое обеспечивает последнего реальными знаниями и способами работы в библиотеках, в Интернет-пространстве. Обучение будущих специалистов поиску необходимой информации позволяет успешно интегрировать образовательную деятельность студента в высшей школе с самообразовательною деятельностью, которая может осуществляться как в аудиторной, так и во внеаудиторной работе. Вне стен университета у студента появляется возможность не только осуществлять самообразование (дома, на работе), но и применять результаты самообразования, оценивая таковые в практической деятельности.

На основе анализа научной литературы и состояния практики подготовки специалистов в высшей школе, нами выделены причины, тормозящие развитие самообразовательной деятельности студентов в системе университетской подготовки специалиста. К таковым можно отнести: социальные – большая занятость преподавателей высшей школы, в том числе, в работе по совместительству для достойной жизнедеятельности; перегрузка студентов, включая студентов очного отделения, работами, обеспечивающими минимальный или нормальный прожиточный минимум, а также, для многих, оплату обучения в университете, жизнь молодой семьи, помощь престарелым родителям; педагогические – отсутствие научно обоснованных концепций и технологий реализации и развития самообразовательной деятельности будущих специалистов в высшей школе; недостаточная взаимосвязь образования и самообразования, аудиторной и внеаудиторной деятельности студентов; психологические – слабое развитие у студентов интереса к самообразованию, потребности в самообразовании; недостаточная мотивация у педагогов к осуществлению целенаправленной подготовки студентов к самообразованию;

управленческие – отсутствие качественных стратегий управления самообразовательной деятельностью на всех уровнях управления в высшей школе.

Рассматривая университетское образование и самообразование студентов как подсистемы системы подготовки специалистов, можно развивать стратегию инновационного управления данной системой на всех его уровнях. Целенаправленная интеграция образования и самообразования в системе университетской подготовки специалистов позволяет качественно изменить стратегию и тактику управления системой аудиторной и внеаудиторной деятельности студентов для эффективной реализации основных задач высшей школы – профессионализации, социализации студенческой молодежи, развития у нее опыта самореализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреев В. И. Педагогика высшей школы. Инновационно-прогностический курс – Казань: Центр инновационных технологий, 2006.

2. Гагарин А. В. Деятельность личности в информационно-образовательной среде: теоретико-методологические аспекты // Акмеология. – 2012. – № 3. – С. 31-35.

3. Казаренков, В. И. Интегративный курс «Искусство человеческого взаимодействия» в практике подготовки специалистов в высшей школе // Вестник РУДН. – 2006. – № 2(4). – С. 142-145.

4. Казаренков В. И. Целостность университетской подготовки специалиста //Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». – 2009. – № 2. – С.73-77.

5. Казаренков В. И., Казаренкова Т. Б. Внеаудиторные занятия студентов по учебным предметам: монография. – М.: Изд-во РУДН, 2014.

6. Казаренков В. И., Казаренкова Т. Б. Самообразование в системе подготовки специалистов в высшей школе Вестник РУДН. – 2012. – № 2. – С. 106-111.

7. Казаренков В. И., Казаренкова Т. Б. Университетская подготовка специалиста: единство самоорганизации и управления // Вестник РУДН. – 2007. – № 3-4. – С. 157-161.

8. Казаренков В. И., Жарылгапова Д. М., Есаян Р. С. Формирование у студентов и школьников интереса к самообразованию. – М.: Изд-во РУДН, 2011.

9. Кудинов С. И., Крупнов А. И. Системная модель самореализации личности // Вестник РУДН. – 2008. – № 1. – С. 28-37

10. Кудинов С. И., Кудинов С. С., Авдеев Н. П. Особенности самореализации студентов с высоким уровнем настойчивости // Вестник РУДН. – 2014. – № 3. – С. 45-53.

11. Марков А. С. Психодидактический подход в военном образовании // Российский научный журнал. – 2013. – № 2(33). – С. 144-155.

12. Марков А. С., Хисамбеев Ш. Р. Изменение самосознания курсанта в ходе развития субъектности // Вестник РУДН. – 2015. – № 1. – С. 31-37.

13. Садовничий В. А. Наука в университетах сегодня // Университеты и общество. Сотрудничество и развитие университетов в XXI веке: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, МГУ им. М. В. Ломоносова, 23-24 апреля 2010 г. / Ред. кол.: В. А.Садовничий и др. – М.: Издательство Московского университета. 2011. – С. 37-46.

14. Фрумин И. Д., Салми Д. Российские вузы в конкуренции университетов мирового класса // Российское образование: тенденции и вызовы. – М., 2009. – С. 155-189.

15. Шуклина Е. А. Самообразование как социологическая проблема: Дис. … канд. филос. наук. – Екатеринбург, 1995.

РЯЗАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ В. Ф. МАРГЕЛОВА[1]
МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РФ ИМЕНИ В. Я. КИКОТЯ[2]
РЯЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

УДК 612.821
ББК 88.23
Психофизиология

ПСИХОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ ГЕМОДИНАМИКИ У КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ МО РФ ПРИ МЕНТАЛЬНОМ СТРЕССЕ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Кандидат психологических наук А. С. Марков[1]
Доктор медицинских наук С. В. Булатецкий[2]

В статье анализируются данные, полученные при оценке изменения показателей гемодинамики курсантов образовательного учреждения МО РФ при ментальном стрессе в процессе профессионального обучения.

Ключевые слова
Адаптация, адаптационный потенциал сердечно-сосудистой системы, гемодинамика, ментальный стресс, профессиональное обучение

В последнее время все более актуальными становятся исследования, направленные на изучение ответных реакций организма на различные стрессовые воздействия, возникающие у курсантов образовательных учреждений в процессе профессионального обучения [3, 4, 5, 6], и у военнослужащих в процессе профессиональной подготовки и служебной деятельности [8].

Целью настоящего исследования было выявление различий в вегетативном и миокардиально-гемодинамическом гомеостазе у курсантов с разными фенотипическими особенностями и функциональным состоянием при ментальном стрессе в процессе профессионального обучения.

Материалы и методы. В исследовании участвовал 21 курсант образовательного учреждения МО РФ. Статистические показатели испытуемых: возраст – 20,1±0,4 лет; масса тела – 75,3±6,1 кг; рост – 178,8±5,1 см. Моделирование ментального стресса – зачет по учебной дисциплине. Для оценки изменений вегетативной регуляции и состояния сердечно-сосудистой системы при ментальном стрессе (до и сразу после зачета) использовались следующие показатели: частота сердечных сокращений (ЧСС); артериальное давление (АД) – систолическое давление (СД), диастолическое давление (ДД), пульсовое давление (ПД), среднединамическое давление (СДД); минутный объем крови (МО); индекс Кердо, коэффициент экономичности кровообращения (КЭК); тип саморегуляции кровообращения (ТСК); индекс адаптационного потенциала сердечно-сосудистой системы (АП) [1]. Для их определения были использованы традиционные общепринятые методы функциональной диагностики сердечно-сосудистой системы. Математическая обработка полученных результатов включала исследование внутригрупповых статистических свойств.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования были получены следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1

Изменение показателей системы кровообращения при ментальном стрессе

Показатели сердечно-сосудистой системы	Перед зачетом	После зачета	Δ (%)
ЧСС, уд/мин	69,5±8,5	64,0±8,4	92,7±11,9
СД, мм рт. ст.	127,8±14,8	124,0±13,6	97,4±8,7
ДД, мм рт. ст.	68,8±8,1	65,9±9,7	96,2±13,2
ПД, мм рт. ст.	60,4±13,9	57,3±13,3	96,5±20,9
СДД, мм рт. ст.	93,5±9,3	90,3±10,3	96,7±9,4
МО, л	4,18±1,1	3,89±0,60	96,6±22,5
КЭК, у. е.	4145±1357	3683±658	93,2±21,3
ТСК, у. е.	100,1±14,9	104,0±16,3	105,4±19,6
АП, баллы	2,19±0,32	2,05±0,27	94,3±10,4

Анализ полученных результатов показывает, что у курсантов динамика изменений показателей сердечно-сосудистой системы при ментальном стрессе не очень выражена и в целом характеризуется повышением активности парасимпатического отдела автономной нервной системы (АНС) в механизмах регуляции кровообращения (↓ЧСС, ↓АД, ↑ТСК), снижением и энергетических потребностей организма (↓МО), и общего утомления (↓ КЭК), возрастанием функциональных резервов (↑ТСК), улучшением функционального состояния (↓АП). Следует отметить, что изменение значения индекса Кердо, отражающего степень влияния отделов АНС на сердечно-сосудистую систему, у испытуемых было различным: у 8 человек ментальный стресс вызвал увеличение индекса Кердо (повышение активности симпатического отдела АНС), а у 12 – снижение (усиление активности парасимпатического отдела АНС).

Дальнейший сравнительный анализ был проведен между группами курсантов с разным вегетативным статусом (по значениям индекса Кердо) перед зачетом (таблицы 2 и 3).

Динамика исследуемых показателей в сравниваемых группах при ментальном стрессе (диаграмма 1) показывает, что на фоне общего улучшением функционального состояния (↓АП) в каждой группе, у курсантов с преобладанием активности симпатического отдела АНС умственная нагрузка вызвала более выраженные из-

Таблица 2

Изменение показателей системы кровообращения при ментальном стрессе в группе (n=9) с преобладанием активности симпатического отдела АНС (положительное значение индекса Кердо – 13,7±7,8)

Показатели сердечно-сосудистой системы	Перед зачетом	После зачета	Δ (%)
ЧСС, уд/мин	74,4±9,4	65,3±9,9	88,0±9,9
СД, мм рт. ст.	128,9±18,7	125,3±14,1	98,1±11,8
ДД, мм рт. ст.	63,9±6,8	64,4±11,6	101,0±16,6
ПД, мм рт. ст.	66,1±17,7	57,0±16,6	88,1±24,1
СДД, мм рт. ст.	91,2±9,6	90,0±11,2	99,2±12,9
МО, л	4,96±1,17	4,16±0,68	86,1±17,4
КЭК, у. е.	4865±1721	3923±691	85,0±18,3
ТСК, у. е.	86,4±7,8	99,7±18,4	115,8±20,7
АП, баллы	2,21±0,39	2,07±0,29	94,6±14,0

Таблица 3

Изменение показателей системы кровообращения при ментальном стрессе в группе (n=12) с преобладанием активности парасимпатического отдела АНС (отрицательное значение индекса Кердо – -10,4±9,7)

Показатели сердечно-сосудистой системы	Перед зачетом	После зачета	Δ (%)
ЧСС, уд/мин	65,8±5,8	63,0±7,3	96,2±12,6
СД, мм рт. ст.	127,0±12,0	123,0±13,7	96,8±5,9
ДД, мм рт. ст.	72,5±7,2	67,0±8,5	92,6±9,2
ПД, мм рт. ст.	56,3±8,8	57,6±11,0	102,9±16,6
СДД, мм рт. ст.	95,4±9,0	90,5±10,0	94,9±5,8
МО, л	3,60±0,41	3,69±0,47	104,5±23,3
КЭК, у. е.	3606±671	3505±600	99,3±22,0
ТСК, у. е.	110,4±9,7	107,1±14,6	97,6±15,1
АП, баллы	2,16±0,27	2,03±0,27	94,1±7,4

менения – уменьшение суммарного эффекта регуляции ритма сердца (↓ЧСС), энергетических потребностей организма (↓МО) и общего утомления (↓КЭК), повышение функциональных резервов (↑ТСК).

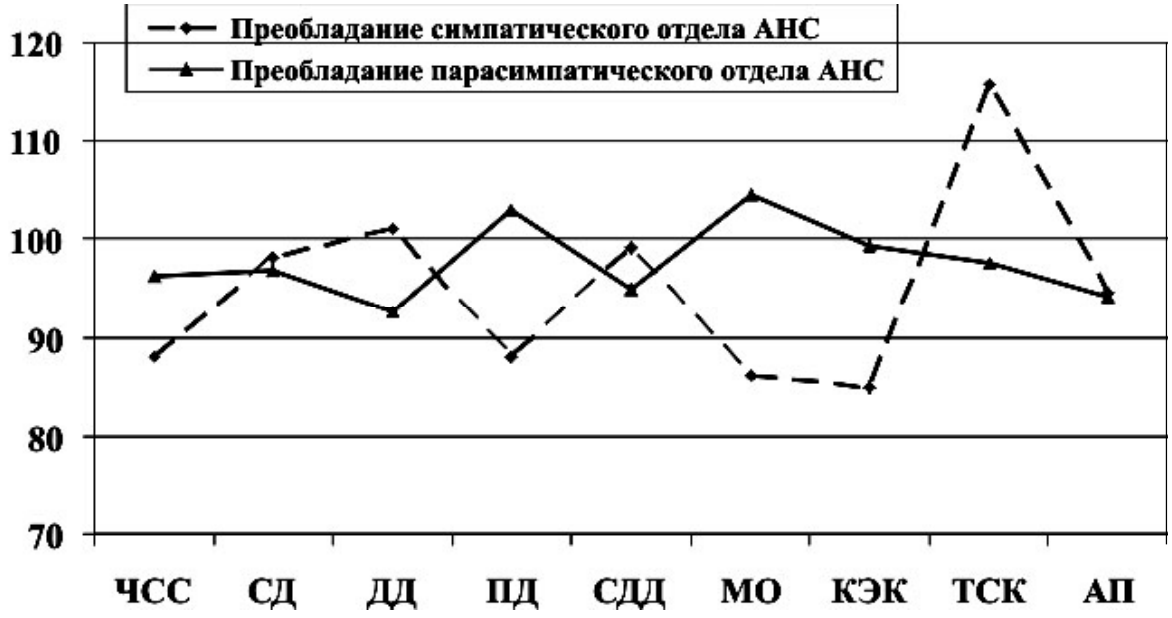


Диаграмма 1. Динамика показателей при ментальном стрессе в группах с разной активностью отделов АНС (в %)

Для изучения влияния ментального стресса на показатели гемодинамики в группах с разным типом саморегуляции кровообращения, испытуемые были разделены на группы с сердечным ТСК (менее 90 у. е.), сердечно-сосудистым ТСК (от 90 до 110 у. е.) и сосудистым ТСК (более 110 у. е.). Результаты представлены в таблицах 4, 5, 6.

Особенности динамики показателей сердечно-сосудистой системы в группах с разным ТСК, отражающего фенотипические особенности организма (диаграмма 2), свидетельствуют об определенной тенденции изменения функционального состояния при ментальном стрессе. При изначально более низких значения ТСК ментальный стресс вызывает более выраженные изменения, происходящие в плоскости снижения активности симпатичес-

Таблица 4

Изменение показателей системы кровообращения при ментальном стрессе в группе (n=6) с сердечным типом саморегуляции кровообращения

Показатели сердечно-сосудистой системы	Перед зачетом	После зачета	Δ (%)
ЧСС, уд/мин	77,0±7,7	66,0±7,6	86,2±10,8
СД, мм рт. ст.	126,2±22,3	124,5±16,9	99,9±14,1
ДД, мм рт. ст.	63,2±4,0	63,7±13,0	100,8±20,6
ПД, мм рт. ст.	64,7±21,2	55,0±18,7	88,1±29,6
СДД, мм рт. ст.	89,6±10,0	89,2±13,5	100,1±15,9
МО, л	5,07±1,46	4,28±0,81	87,9±21,8
КЭК, у. е.	4937±2151	3996±827	87,4±22,4
ТСК, у. е.	82,4±6,1	97,3±22,1	118,2±24,9
АП, баллы	2,18±0,46	2,04±0,34	95,2±17,4

Таблица 5

Изменение показателей системы кровообращения при ментальном стрессе в группе (n=9) с сердечно-сосудистым типом саморегуляции кровообращения

Показатели сердечно-сосудистой системы	Перед зачетом	После зачета	Δ (%)
ЧСС, уд/мин	67,2±6,7	63,2±11,2	94,0±13,6
СД, мм рт. ст.	126,0±11,6	118,9±12,2	94,3±4,2
ДД, мм рт. ст.	67,6±7,0	64,9±7,7	96,1±6,9
ПД, мм рт. ст.	58,6±10,7	54,0±10,8	92,7±12,9
СДД, мм рт. ст.	92,1±7,5	87,6±8,3	95,0±3,8
МО, л	4,03±0,60	3,63±0,35	91,5±14,3
КЭК, у. е.	3930±798	3340±463	86,6±11,7
ТСК, у. е.	100,6±5,2	104,3±15,2	103,9±15,2
АП, баллы	2,13±0,25	1,96±0,24	92,3±4,1

Таблица 6

Изменение показателей системы кровообращения при ментальном стрессе в группе (n=6) с сосудистым типом саморегуляции кровообращения

Показатели сердечно-сосудистой системы	Перед зачетом	После зачета	Δ (%)
ЧСС, уд/мин	65,5±7,9	63,2±3,8	97,2±9,0
СД, мм рт. ст.	132,2±11,8	131,2±10,2	99,5±6,7
ДД, мм рт. ст.	76,3±7,9	69,7±9,5	91,7±12,2
ПД, мм рт. ст.	59,2±10,3	64,7±9,0	110,7±16,3
СДД, мм рт. ст.	99,8±9,2	95,5±9,0	96,0±7,9
МО, л	3,51±0,47	3,88±0,53	113,1±27,6
КЭК, у. е.	3679±788	3888±571	108,9±26,1
ТСК, у. е.	117,0±9,9	110,1±10,8	94,9±14,4
АП, баллы	2,28±0,30	2,19±0,24	96,5±9,4

кого отдела АНС и увеличения парасимпатической (трофотропной) активности АНС. При изначально более высоких значения ТСК изменения происходят в плоскости увеличения «физиологической цены» деятельности – возрастание напряжения регуляторных систем, повышение энергетических потребностей организма, снижение функциональных резервов [2, 4, 5, 7].

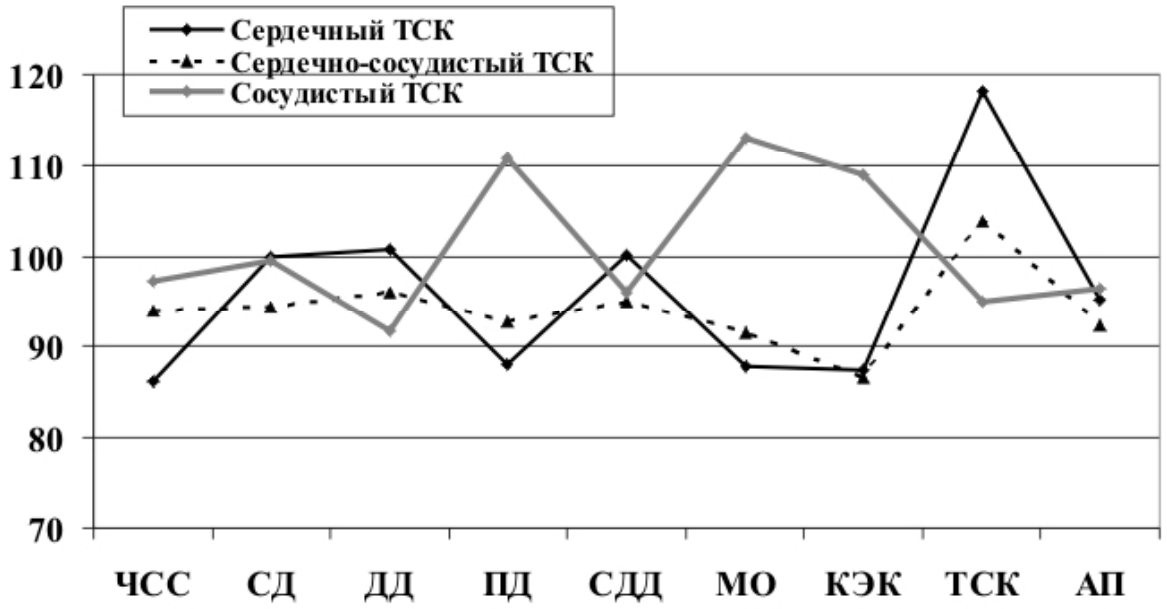


Диаграмма 2. Динамика показателей в группах с разными типами саморегуляции кровообращения (в %)

По значениям АП перед зачетом у курсантов было определено функциональное состояние, с учетом которого они были сформированы 2 группы – с удовлетворительной адаптацией и напряжением механизмов адаптации. Полученные данные приведены в таблицах 7 и 8, на диаграмме 3.

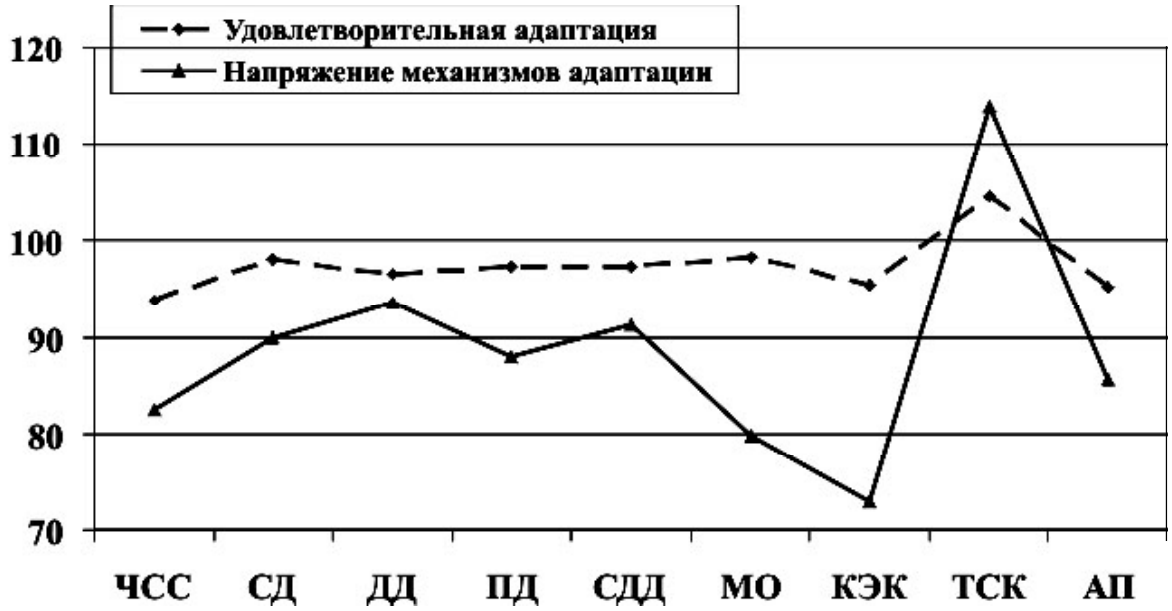


Диаграмма 3. Динамика показателей системы кровообращения при ментальном стрессе в группах с разным функциональным состоянием (в %)

Таблица 7

Изменение показателей системы кровообращения при ментальном стрессе в группе (n=19) с удовлетворительной адаптацией

Показатели сердечно-сосудистой системы	Перед зачетом	После зачета	Δ (%)
ЧСС, уд/мин	68,3±7,8	63,7±8,8	93,8±12,0
СД, мм рт. ст.	124,4±10,4	121,9±12,5	98,2±8,5
ДД, мм рт. ст.	68,2±7,4	65,5±9,4	96,5±13,9
ПД, мм рт. ст.	57,8±9,7	55,6±12,4	97,4±21,7
СДД, мм рт. ст.	91,8±7,7	89,2±9,8	97,3±9,7
МО, л	3,98±0,68	3,80±0,48	98,4±22,8
КЭК, у. е.	3835±749	3550±492	95,3±21,0
ТСК, у. е.	100,9±14,2	103,9±16,2	104,5±20,4
АП, баллы	2,11±0,22	2,00±0,24	95,2±10,3

Таблица 8

Изменение показателей системы кровообращения при ментальном стрессе в группе (n=2) с напряжением механизмов адаптации

Показатели сердечно-сосудистой системы	Перед зачетом	После зачета	Δ (%)
ЧСС, уд/мин	81,5±6,4	67,0±0,0	82,5±6,4
СД, мм рт. ст.	160,5±10,6	144,0±4,2	90,0±8,6
ДД, мм рт. ст.	74,5±16,3	70,0±17,0	93,7±2,3
ПД, мм рт. ст.	86,0±26,9	74,0±12,7	88,0±12,7
СДД, мм рт. ст.	110,6±5,0	101,1±11,6	91,2±6,4
МО, л	6,07±2,48	4,70±1,26	79,8±11,7
КЭК, у. е.	7095±2737	4958±853	73,0±16,1
ТСК, у. е.	92,5±27,2	104,5±25,3	113,9±6,1
АП, баллы	2,92±0,14	2,49±0,14	85,6±9,0

Из диаграммы 3 видно, что ментальный стресс в группе с напряжением механизмов адаптации вызвал значительно более выраженные изменения во всех исследуемых показателях в направлении снижения напряжения регуляторных систем, улучшения функционирования системы кровообращения и функционального состояния.

Выводы: 1. Ментальный стресс вызывает изменения уровня функционирования системы кровообращения, активности регуляторных систем и суммарного эффекта вегетативной регуляции кровообращения.

2. Предложенная курсантам умственная нагрузка не вызвала значимых изменений в регуляторных система, что обусловлено их хорошим функциональным состоянием.

3. Перед зачетом испытуемые находились с разным уровнем напряжения регуляторных систем, что проявилось разным смещением показателей миокардиально-гемодинамического гомеостаза при ментальном стрессе.

4. У курсантов с преобладанием симпатической активации в регуляции системы кровообращения ментальный стресс вызвал более выраженные изменения, направленные на восстановление нарушенного вегетативного баланса, повышение функциональных резервов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Баевский, Р. М. Оценка адаптационных возможностей организма и риск развития заболеваний [Текст] / Р. М. Баевский, А. П. Берсенева. – М : Медицина, 1997. – 235 с.

2. Булатецкий, С. В. Влияние типа вегетативной регуляции сердечного ритма на физическую выносливость организма [Текст] / С. В. Булатецкий, Ю. Ю. Бяловский // Вестник новых медицинских технологий. – 2001. – Т. VIII. – № 2. – С. 58-61.

3. Булатецкий, С. В. Психофизиологические механизмы системной организации биосоциальной адаптации курсантов образовательного учреждения МВД России к профессиональному обучению [Текст] / С. В. Булатецкий // Российский научный журнал. – 2013. – № 1(32). – С. 101-107.

4. Булатецкий, С. В. Физиологические механизмы успешности профессиональной подготовки курсантов образовательных учреждений МВД России [Текст]: Дис. ... д-ра медицинских наук / Булатецкий Сергей Владиславович. – Рязань, 2008. – 260 с.

5. Воронин, Р. М. Физиологические аспекты оценки здоровья и адаптации к военной службе лиц призывного возраста [Текст]: Дис. ... д-ра медицинских наук / Воронин Роман Михайлович. – Рязань, 2012. – 287 с.

6. Глушкова, Е. П. К вопросу о методах оценки и прогнозирования функциональных резервов организма по результатам математического анализа ритма сердца [Текст] / Е. П. Глушкова, С. В. Булатецкий // Российский научный журнал. – 2015. – № 3(46). – С. 299-304.

7. Меделяновский, А. Н. Функциональные системы, обеспечивающие гомеостаз [Текст] / А. Н. Меделяновский // Функциональные системы организма / под ред. К. В. Судакова. – М., 1987. – С. 77-103.

8. Чернышёва, О. В. Психофизиология стресса и посттравматического стрессового расстройства у военнослужащих [Текст]: учебное пособие / О. В. Чернышёва, С. В. Булатецкий; под ред. О. В. Чернышёвой. – Рязань, 2015. – 148 с.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ[1]
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, г. КОЛОМНА
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР УФСИН РОССИИ ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ[2]
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, НОГИНСКИЙ РАЙОН, п. НОВЫЕ ДОМА

УДК 37.013: 343.8
ББК 74.00
Педагогика

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО--ЛИЧНОСТНОЙ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ОСУЖДЕННЫМИ КАК АСПЕКТ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРАКТИКИ

Доктор педагогических наук О. Б. Широких[1]
О. А. Марчук[2]

В статье рассматривается понятие профессионально-личностной готовности сотрудников, формирование данной готовности сотрудников исправительных учреждений к взаимодействию с осужденными в рамках процесса исправления и ресоциализации осужденных, а также выявление условий, при которых возможно формировать готовность сотрудников.

Ключевые слова
Профессионально-личностная готовность, сотрудники, осужденные, процесс исправления, эксперимент, формирование, тренинг.

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы и в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года одной из задач является изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы с усилением психолого-педагогической работы с личностью осужденного и подготовки ее к жизни в обществе [1].

Исправление осужденных происходит в процессе воспитательной работы при непосредственном взаимодействии с сотрудниками, а также в других видах деятельности. Чтобы исправление было эффективным, его участники должны быть к нему готовы. Мы считаем, что одной из причин повышения качества процесса исправления и ресоциализации осужденных является сформированная профессионально-личностная готовность сотрудников исправительных учреждений (ИУ) к взаимодействию с осужденными.

С этим утверждением связано проведенное нами исследование по изучению уровня готовности сотрудников к процессу взаимодействия с точки зрения его эффективности, в ходе которого создана и апробирована модель формирования профессионально-личностной готовности сотрудников к взаимодействию, включающая целевой, содержательный, процессуальный и результативный компоненты, схематично представленная на Рис. 1.

На основании проведенного теоретического анализа проблемы исследования можно сформулировать рабочее определе-

ние **профессионально-личностной готовности как** интегративного качества личности сотрудника ИУ, выражающегося в наличии профессионально-значимых знаний, умений, навыков в сфере взаимодействия и профессиональной деятельности (когнитивный компонент); профессионально значимых качеств личности, способностей (личностный компонент); общечеловеческих идеалов, смыслов, ценностей (ценностный компонент); реализация готовности к взаимодействию на практике (праксиологический компонент) [4].

Как показало проведенное исследование, формирование готовности к взаимодействию не происходит автоматически, а требует специальной работы с сотрудниками. Практика деятельности ИУ, личный опыт, анализ результатов исследования демонстрируют несовершенную компетентность сотрудников в области взаимодействия с осужденными, даже не смотря на формально имеющееся у сотрудников профессиональное образование. В связи с этим, на наш взгляд, нужна специальная работа по подготовке сотрудников к такому взаимодействию и достижению определенного уровня сформированности их профессионально-личностной готовности.

Необходимо отметить, что деятельность сотрудников данных отделов в соответствии с должностными обязанностями является зоной их постоянного и ближайшего взаимодействия с осужденными. Во многом именно от их профессионализма, внутренней ориентации, «установки на целеустремленное активно преобразующее воздействие на осужденных» [3], зависит процесс исправления и ресоциализации последних. Поэтому, именно у данных категорий сотрудников необходимо формировать профессионально-личностную готовность к взаимодействию с осужденными.

Формирование профессионально-личностной готовности сотрудников к взаимодействию с осужденными в нашем эксперименте происходило в соответствии с разработанной теоретической моделью (рис. 1).

Первый этап исследования – *психодиагностический*. На данном этапе проводилась диагностика исходного уровня сформированности готовности к взаимодействию. В нашем исследовании приняли участие сотрудники отделов воспитательной работы с осужденными и сотрудники отделов безопасности ИУ общего режима, где содержатся осужденные мужского пола, в количестве 100 человек.

К показателям, определяющим структурные компоненты готовности сотрудников к взаимодействию, мы относим: индивидуально-типологические особенности личности сотрудников, уровень коммуникативных и организаторских способностей, невербальная коммуникация, ценностные ориентации личности, стратегии поведения в конфликтных ситуациях. Анализ результатов данного этапа показал, что уровень профессионально-личностной готовности сотрудников недостаточный для того, чтобы процесс исправления и ресоциализации осужденных был максимально эффективным.

Это можно проиллюстрировать на примере одного из показателей, – уровень коммуникативных и организаторских способностей (рис. 2), – диаграмма на Рис. 2 отражает опыт и навыки сотрудников в сфере взаимодействия и руководства другими людьми.

Коммуникативные и организаторские способности представляют собой важный компонент и предпосылку развития личности в тех видах деятельности, которые связаны с общением с людьми, с организацией коллективной работы.

Они являются важным звеном в развитии профессиональных способностей. Желание заниматься организаторской деятельностью и общаться с людьми зависит и от содержания соответствующих форм активности, и от типологических особенностей личности. Во многом они определяются субъективной ценностью и значимостью для человека будущих результатов

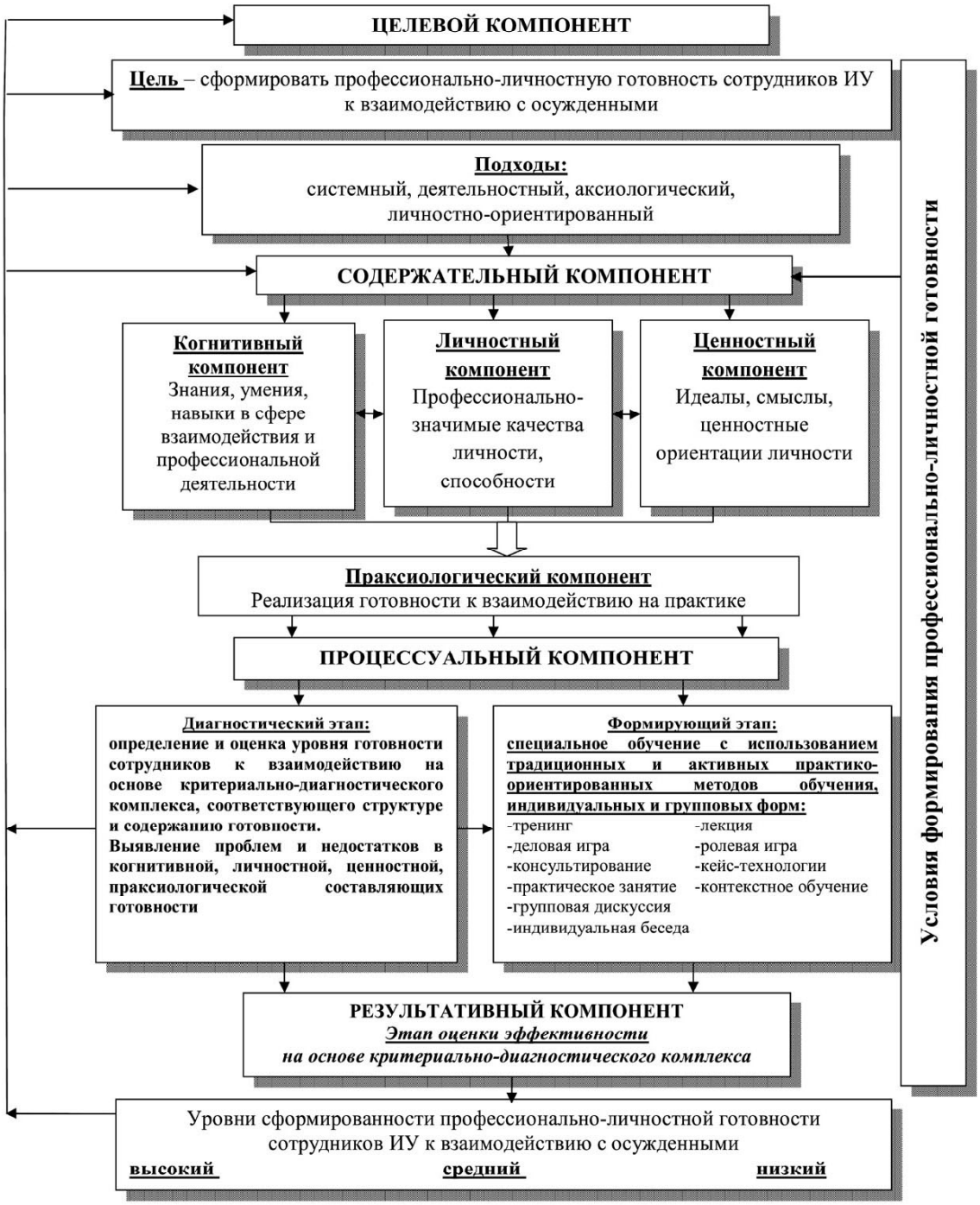


Рис. 1. Теоретическая модель формирования профессионально-личностной готовности сотрудника ИУ к взаимодействию с осужденными

его активности и отношением к лицам, с которыми он взаимодействует [2].

При анализе результатов диагностики мы обратили внимание на то, что уровень организаторских способностей у сотрудников кардинально различается, причем сотрудники воспитательного отдела, которые непосредственно проводят всю работу коммуникативного характера с осужденными, умеют на уровне ниже среднего (13,4) организовывать свою работу, в то время как у сотрудников отдела безопасности уровень организаторских способностей достаточно высокий (18,4).

На наш взгляд, этот факт является очень интересным, потому что у сотруд-

Рис. 2. Средние показатели коммуникативных и организаторских способностей в разных группах испытуемых

ников воспитательного отдела – начальников отрядов – одной из основных функций является воспитательная работа с осужденными, а также ее организация, при этом уровень проявления данных показателей является недостаточным. Интересным является еще и тот факт, что именно и как делает в ситуации взаимодействия сотрудник отдела безопасности, у которого, исходя из полученных нами данных, достаточно высокий уровень организаторских способностей? Мы пришли к выводу, что высокая склонность к организаторским способностям проявляется в связи с умением сотрудника отдела безопасности – младшего инспектора, общаться «на одном языке» с осужденными, что последним, безусловно, не может не нравиться, так сотрудник просто доступнее для взаимодействия, им можно манипулировать в личных целях. Также это можно объяснить тем, что сотрудник отдела безопасности легче может себе позволить общаться неформально, т. е. обращается к осужденному на «ты», что и сами осужденные нередко себе позволяют делать, они между собой могут обмениваться какими-либо жестами, взглядами, понятными только им, т. е. используют невербальное взаимодействие. Есть еще один интересный факт из практики деятельности исправительных учреждений в отношении сотрудников отдела безопасности - сотрудников именно этого отдела чаще всего уличают в неслужебных связях с осужденными, а именно: проносе наркотиков, денег и др.

Аналогичные результаты (недостаточный уровень) проявления когнитивного, ценностного, личностного, праксиологического компонентов профессионально-личностной готовности сотрудников к взаимодействию с осужденными зафиксирован нами и по всем остальным показателям, перечисленным выше.

На втором этапе эксперимента – *формирующем* – основной задачей являлось непосредственно формирование профессионально-личностной готовности сотрудников ИУ к взаимодействию с осужденными.

Для проведения формирующего эксперимента были определены эксперимен-

тальные и контрольные группы. Центральным звеном формирования профессионально-личностной готовности к взаимодействию у испытуемых экспериментальной группы стал разработанная нами программа теоретических и практических занятий, в ходе которой осуществлялось развитие всех компонентов готовности – когнитивного, ценностного, личностного, праксиологического.

Смысл программы состоит в том, что все упражнения отражают реально существующие ситуации взаимодействия сотрудников и осужденных, где сотрудники учились такому взаимодействию, результатов которого они ожидали, а не получали в реальности. Практические занятия выстроены таким образом, что в них работа строится в определенной последовательности, то есть по блокам, их предусмотрено пять. Каждый блок направлен на развитие и формирование коммуникативной сферы личности, а именно: овладение вербальным и невербальным способами общения, формирование коммуникативных и организаторских способностей, умений устанавливать контакт, понимать, слушать и слышать (смысл высказывания) других людей, располагать собеседника к ситуации общения, стремления к выполнению профессиональной деятельности; стремления к профессиональному, результативному с точки зрения исправления и ресоциализации взаимодействию с осужденными с учетом их индивидуальных различий, умения прогнозировать поведение осужденных в ситуациях взаимодействия, умений применять различные стратегии поведения в конфликтных ситуациях в зависимости от самих ситуаций, как показатель гибкости поведения сотрудника при осуществлении взаимодействия, отвечающего целям исправления и ресоциализации осужденных.

Программа охватывает всю коммуникативную сферу, т. е. данная последовательность занятий предложена на основе системного подхода.

Чтобы понять, как проходило практическое обучение, разберем конкретное занятие, целью которого являлось проанализировать свои способы взаимодействия в различных ситуациях, в том числе конфликтных, потренироваться завершить взаимодействие конструктивным способом.

Все участники садятся в круг, приветствуют друг друга. Ведущий всех приветствует, сообщает тему занятия, цель, и спрашивает с каким настроением и ожиданиями они пришли, просит каждого высказаться вслух. Пока все высказываются, ведущий старается запомнить актуальность занятия для каждого участника, в этом заключается сущность индивидуальной работы ведущего с участниками. Таким образом, на занятии проходят два вида работы с каждым сотрудником одновременно, это групповая и индивидуальная. Далее ведущий предлагает конкретную ситуацию, которая соответствует цели занятия.

Ситуация: осужденный приносит начальнику отряда заявление в суд с просьбой пересмотра дела, начальник отряда его принимает. Через некоторое время он подходит к начальнику отряда и спрашивает, не пришел ли ответ, начальник отряда сообщает, что ответа не было, осужденный начинает в ответ ему грубить. Каковы действия начальника отряда?

Участники делятся на тройки, где один сначала выступает в роли сотрудника, второй – в роли осужденного, третий – наблюдатель. Сотрудники по кругу проигрывают ситуацию, затем меняются ролями, пока каждый не побудет во всех трех ролях. Затем они в тройках обсуждают поведение, внутренне состояние из каждой роли, что понравилось, что не понравилось, какие способы выхода из ситуации они видят. Затем каждый выбирает из предложенных решений то, которое ему больше подходит, либо которое больше подходит к ситуации, и проигрывают эту ситуацию еще раз, но уже с готовым решением. Потом происходит обмен мнениями.

Другой способ работы с ситуацией: участник проигрывает свою сложную ситуацию, которая произошла в ближайшее время или которая может произойти, с помощью другого участника группы. Проигрывается тот исход ситуации, который предполагает участник, затем остальные участники группы дают обратную связь о том, какие у них возникли внутренние ощущения на проигранную ситуацию.

По такому алгоритму можно работать с любыми ситуациями, которые требуют поиска наиболее оптимального решения.

Следует отметить, что в ходе только практических занятий потенциал сотрудников обоих отделов только нарастал, у них появилось много интереса к тому, что есть возможность каждому предложить свою проблемную ситуацию во взаимодействии, причем не только с осужденными, но и сотрудниками, другими людьми, проанализировать и получить профессиональные рекомендации от своих коллег, так как «со стороны виднее». Более того, они стали на последующих занятиях говорить о том, какие ситуации у них получается разрешить при взаимодействии с осужденными, а какие нет. Для нас такое поведение сотрудников являлось показателем того, что тренинговые занятия для них имеют определенный смысл, пользу, помощь в работе. В ходе занятий происходило обогащение знаниями о способах взаимодействия, как в обычных, так и конфликтных ситуациях, тренировались коммуникативные способности, умение выходить из ситуации взаимодействия без конфликта, если вторая сторона пытается его провоцировать, формировалась эмоциональная устойчивость, организованность, справедливость, повышалась уверенность в себе.

Завершением опытно-экспериментальной работы был третий этап эксперимента – *контрольный*. Он заключался в сравнении результатов, полученных на констатирующем этапе, с результатами контрольного этапа эксперимента, пример которого применительно к коммуникативным и организаторским способностям приведен на Рис 3.

Рис. 3. Средние показатели коммуникативных и организаторских способностей в разных группах испытуемых

Сравнение диаграмм, представленных на Рис. 3, дает нам возможность говорить не просто об улучшении показателей, а о некоторой устойчивой тенденции их повышения, которая прослеживается по всем результатам контрольного этапа эксперимента.

Таким образом, мы можем констатировать, что формирование профессионально-личностной готовности сотрудников к взаимодействию с осужденными возможно в ходе специальной работы, которая носит длительный системный характер. Не всегда готовность определяется формальным уровнем образования, во многом зависит от жизненного опыта, направленности и ценностей, развитых качеств и способностей личности.

Для эффективного осуществления процесса исправления, воспитания и ресоциализации осужденных сотрудники должны быть подготовлены к осуществлению взаимодействия с ними, однако практика деятельности ИУ показывает, что они далеко не все обладают готовностью к такого рода взаимодействию.

Особую роль в ходе педагогической работы играет диагностика и тщательный анализ всех компонентов готовности как фактор индивидуализации процесса подготовки сотрудников к взаимодействию.

Специальная педагогическая работа по формированию профессионально-личностной готовности к взаимодействию с осужденными должна проводиться в соответствии с разработанной моделью и программой поэтапно на основе, системного, деятельностного, аксиологического и личностно-ориентированного подходов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: Распоряжение Правительства Рос. Федерации [от 14 окт. 2010 г. № 1772-р].

2. Батаршев А. В. Психодиагностика в управлении: практическое руководство. – М.: Дело, 2005. – 496 с.

3. Лузгин С. А. Профессиональное самовоспитание сотрудников органов, исполняющих наказания. – Рязань: РВШ МВД РФ. 1993. – С. 2.

4. Марчук О. А. Модель профессионально-личностной готовности сотрудника исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний / О. А. Марчук // Социальные риски и управление ими в современном обществе: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, 05 декабря 2014 года / отв. ред. Е. Н. Шовина. – Мурманск: МГГУ, 2015. – С. 187-191.

АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, г. МОСКВА

УДК 37.013
ББК 74.00
Педагогика

педагогика

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Ю. Ю. Тарасов
Доктор педагогических наук Н. В. Сердюк

Статья посвящена профессиональному взаимодействию сотрудников органов внутренних дел с опорой на компетентностный подход.

Ключевые слова
Профессиональное взаимодействие, компетентностный подход, сотрудник органов внутренних дел

Профессиональное взаимодействие – возможность осуществления личности в профессиональной культуре. Чтобы эта возможность стала реальностью, необходимо определить стратегию профессионального взаимодействия сотрудников органов внутренних дел. Такой стратегической линией развития взаимодействия в системе «человек-человек» выступает гуманизация профессиональной деятельности, в том числе и прежде всего на основе компетентностного подхода.

Компетентностный подход в профессиональном взаимодействии – один из путей построения и развития кадрового потенциала органов внутренних дел. Эффективное педагогическое взаимодействие рассматривается и как способ самопонимания сотрудника в современной профессиональной культуре и как средство достижения взаимопонимания между сотрудниками, ведущие к формированию духа «единой команды», корпоративной солидарности (не подменяемой круговой порукой), достижению высоких профессиональных результатов оперативно-служебной деятельности. В этом профессиональном взаимодействии сотрудник органов внутренних дел не только «потребляет» профессиональную культуру, но и созидает ее, осваивая и идентифицируя себя с ней, взаимоуподобляется с другими, профессионально успешными сотрудниками.

Эта деятельность включает в себя и работу сотрудника органа внутренних дел как практического педагога. Действительно, профессиональная деятельность сотрудника органа внутренних дел осуществляется в ходе взаимодействия различных участников педагогического процесса (другие сотрудники, коллеги, представители городской и областной администрации, граждане, представители религиозный конфессий и др.) со своими целями, мотивами, опытом, знаниям взаимодействия их позиций, их действий, их

возможностей. Общение – коммуникативное пространство, в котором участники педагогического процесса проявляют свою индивидуальность, в котором реализуют процессы личностного развития. Оно же является и мощным резервом становления профессиональной компетентности сотрудника органов внутренних дел. Это профессиональное становление сотрудника органов внутренних дел важно не только для полноценного осуществления педагогических функций, обнаружения и решения профессиональных задач, но и для «проживания» им собственной профессиональной деятельности, «вызревания» его профессиональных компетенций.

Профессиональные компетенции сотрудников органов внутренних дел, по нашему мнению, – основные профессиональные способности, получающие свое развитие в осуществлении полноценной профессиональной деятельности с опорой на глубокое и всестороннее понимание и корректную интерпретацию условий, обстоятельств и особенностей, в которой она протекает, а также взаимопонимание (взаимоуподобление) с ее субъектами [1; 74].

Педагогическая компетентность сотрудников органов внутренних дел представляется нам характеристикой личности, отражающей уровень развития его способностей к педагогическому проектированию и реализации профессионального замысла, отвечающего запросам общества, его граждан, коллег-сотрудников и своим собственным в области саморазвития и самосовершенствования.

В последнее время стало общепринятым включать в профессиональную компетентность два основных блока: правовой (в области непосредственного предмета профессиональной деятельности) и приоритетный – психолого-педагогический [2].

Эти блоки определяют вектор профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел. Проведенный в этом направлении анализ социального престижа и профессионального статуса современного сотрудника органов внутренних дел [3] показывает, что основными компонентами его профессионально-педагогической компетентности являются:

– этические установки;

– система психолого-педагогических знаний;

– система знаний в области теории управления;

– общая и профессиональная эрудиция;

– способы умственных и практических действий (в том числе сформированных общепедагогических умений);

– профессионально-личностные качества, такие как гностические, конструктивные, коммуникативные, организаторские.

Задачный подход (если профессиональная деятельность сотрудника органов внутренних дел рассматривается как решение педагогических задач) предполагает развитие следующих ключевых компетенций:

– распознание педагогических проблем в правоохранительной практике;

– их формулировка;

– перевод проблемы в форму педагогической задачи;

– соотношение с контекстом полученной системы знаний;

– анализ и оценка результата [4].

Таким образом, в настоящее время насущно необходимо развитие профессионального взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с опорой на компетентностный подход как в профессиональном обучении кадров, так и в повседневной оперативно-служебной деятельности. Такой подход реализуется, в частности, в Академии управления МВД России в дополнительном профессиональном образовании управленческих кадров органов внутренних дел. Общекультурные и профессиональные компетенции формируются посредством как «классических» форм и методов обучения (лекция,

семинар, практическое занятие), так и инновационных – семинар-видеоконференция, штабная тренировка, командно-оперативное учение и пр. Значительное место в актуальной дидактике занимают созданные при каждой кафедре Академии управления МВД России виртуальные полигоны, деятельность которых направлена на формирование комплекса компетенций, а также развитие профессионального взаимодействия сотрудников органов внутренних дел.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сердюк Н. В. Развитие герменевтического подхода в профессиональном взаимодействии сотрудников и педагогической деятельности руководителя органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. – 2013. – № 2(26).

2. О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 11 февраля 2010 г. № 80.

3. Педагогика в деятельности руководителя органа внутренних дел: учебник / под общ. ред. проф. А. В. Буданова. – М.: АУ МВД России, 2013.

4. Сердюк Н. В. Педагогика понимания: учеб. пособие. – М.: АУ МВД России, 2013.

УДК 37.013
ББК 74.00
Педагогика

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ШКОЛЬНИКОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ШКОЛЫ

Кандидат педагогических наук Л. И. Архарова
О. Л. Егорова
Кандидат педагогических наук О. А. Плаксина

Статья посвящена проблемам развития творческого потенциала школьников. Рассматривается опыт работы школы по развитию творчества обучающихся в процессе внеурочной деятельности.

Ключевые слова
Творчество, развитие, одаренность, потенциал, обучающиеся, педагогические системы, творческая деятельность.

Важнейшим приоритетом обновления современного образования является творческая индивидуальность обучающегося, ее способность творить и создавать окружающий мир. Творчество предполагает новое видение действительности, преодоление штампов и стереотипов, готовность к отказу от привычных схем и способов работы, стандартов поведения и мышления, способность к самоизменению. В этих условиях необычайно актуализируется построение педагогических систем, создающих необходимые предпосылки для раскрытия и развития креативности каждого школьника.

Проблеме формирования творчества на разных этапах развития общества посвящались исследования философов, психологов, педагогов. Философия рассматривала вопросы сущности творчества с методологических позиций (Н. А. Бердяев, В. С. Библер, Э. В. Ильенков), психология исследует механизмы творческой деятельности (Д. Б. Богоявленская, А. В. Брушлинский, Л. А. Венгер, Л. С. Выготский, П. Я. Галперин, В. Н. Дружинин, А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, Л. В. Обухова, Я. А. Пономарев, С. Л. Рубинштейн, В. Д. Щадриков, Д. Б. Эльконин).

В психолого-педагогической литературе детское творчество рассматривается в связи с рядом проблем психического развития ребенка, таких, как детское воображение и мышление, детская деятельность, детская одаренность, творческий потенциал.

Проблема развития творческого потенциала актуальна в свете гуманистической парадигмы в современном отечественном образовании. Истоками ее является гуманистическая традиция в российском образовании и воспитании, представление об идеях творчества, гуманизма творчества, отраженных в истории педагогической мысли России.

Основой и целью гуманистически ори-

ентированной парадигмы отечественного образования является полноценное развитие человека, самореализация его творческого потенциала.

В. А. Сластенин и Е. Н. Шиянов подчеркивают, «что по своим целевым функциям гуманизация образования является условием гармоничного развития личности, обогащения ее творческого потенциала, роста сущностных сил и способностей» [4. С. 24]. Она представляет по их оценке, процесс, направленный на развитие личности как субъекта творческой деятельности.

Вопрос о сущности и специфике творческого потенциала личности в методологическом плане целесообразно выяснить на основе анализа существенных признаков творчества вообще, в русле идеи развития человека и его деятельности, культуры и наук о человеке и творчестве, а главное – через призму осмысления идей о творчестве и творческом потенциале личности в отечественной гуманистической психологии и педагогике.

В. П. Ушачев отмечает, что аксиологическая функция творческой деятельности проявляется в оценке целесообразности использования и накопления продуктов творчества (духовных и материальных), те из них, которые признаются в данном обществе, становятся его национальным достоянием [1. С. 24]

Поэтому, без философских оснований невозможно раскрыть аксиологическую гуманистическую сущность понятия феномена «творческий потенциал личности», рассматриваемом в ключе национальной приоритетности отечественного образования.

Специфика философского подхода к анализу проблемы творчества заключается в том, что сущность феномена творчества рассматривается вообще, а не только через анализ его отдельных видов и проявлений, выясняются для этого наиболее существенные черты человека творца как сложной и целостной системы и другие аспекты. Творчество осознается философами с позиций понимания сущности человека как активного субъекта творческой деятельности и его мировоззрения. Представители специальных дисциплин, изучая отдельные виды творчества, оперируют не только понятием об этих видах, но и понятием творчества как таковым безотносительно к его разновидностям.

С точки зрения философского подхода, существенно выявить отношение всех видов творчества к объективному миру и раскрыть общую диалектику творческой деятельности человека, несмотря на бесконечное разнообразие форм и видов этой деятельности. В этом смысле философия может помочь постановке проблемы творчества, развитию конкретных исследований в этой области. Как утверждает Я. А. Пономарев, решающее значение в эффективном развитии проблемы творчества личности принадлежит педагогике творчества, выступающей в форме фундаментальной науки [3, С. 92].

В отечественной науке накоплен обширный опыт изучения теоретических вопросов творчества. Существует множество подходов в определении творчества.

В своем первом понимании творчество выступает как деятельность человека, создающая новые духовные и материальные ценности. О. В. Дыбина [2. С. 46], опираясь на результаты педагогических, философских и психологических исследований, рассматривающих творческую деятельность, определяет творчество человека через такие его характеристики, как наличие определенного уровня знаний и умений, живое творческое мышление, воображение, активность, самостоятельность принятия решений, отражающихся в созданных преобразованных продуктах, отличающихся новизной, оригинальностью, неповторимостью, значимостью для себя и других.

Творчество (деятельность) имеет многофункциональный характер. С одной стороны, творчество является характери-

стикой деятельности: особого ее вида (творческая деятельность – искусство, литература, наука) или любой деятельности, если речь идет о ее развитии, самосовершенствовании, переходе на новый уровень. С другой стороны, проблема связана с психологическими характеристиками творчества и, следовательно, сопряжена с проблемой способностей. Понятие творчества как механизма развития деятельности в значительной степени увязывает две эти стороны проблемы. Выделяются основные компоненты креативности, такие как перцептивный компонент (наблюдательность, особая концентрация внимания); интеллектуальный (интуиция, воображение, обширность знаний, гибкость, самостоятельность, быстрота мышления); характерологический (стремление к открытиям, к обладанию фактами, способность удивляться, непосредственность).

Во-вторых, очевидно, что компоненты творчества в рассматриваемый нами период жизни будут носить особый характер и иметь специфическую структуру. Кроме того, важнейшим для творчества ребенка является интенсивно развивающееся в период дошкольного детства мышление, способность ребенка к выбору неординарных решений. И, наконец, третий показатель креативности в детском возрасте, стремление ребенка к открытию нового эмоционально-положительного фона его деятельности. Понятие «творческий потенциал личности» – прежде всего психологическое, связано с зарождением замысла деятельности креативного свойства. Только человек, обладающий им, может реализовать тот или иной вид творческой деятельности. Оптимально развитый «внутренний план действий» наиболее существенный показатель интеллектуально-мотивационного развития человека, без чего в свою очередь невозможно сформировать свои убеждения, мотивы, интересы, притязания, ценностные ориентации.

«Предметом педагогики творчества, полагает В. С. Шубинский, должна стать творческая личность как педагогическая цель» [5. С. 11]. Таким образом, специфика гуманистических педагогических целей состоит в том, что творческое развитие учащихся составляет конечную цель обучения и воспитания. Раскрытие сущности творческого потенциала в психологии творчества связывается с понятием креативных способностей. Креативность изучается как фактор, способствующий жизненной активной позиции личности, стимулирующий творческий потенциал. Являясь одной из ведущих составных сторон творческого потенциала, креативность обеспечивает его качественное содержание, функционирование специальных способностей.

Учителя в изучении и воспитании учащихся призваны учитывать фактор креативности как проявление одной из кардинальных потребностей, реализующихся в их поисково-преобразовательной деятельности.

Для формирования человека с высоким творческим потенциалом нужны адекватные педагогические действия, при этом необходимо учитывать механизмы творческой деятельности.

Творчество, как одно из важнейших направлений в процессе воспитания, обладает огромной силой воздействия на формирование лучших черт характера человека, влияет на рост его социального сознания и профессиональной подготовки. Известно, что для творческой деятельности требуется определенный комплекс личностных качеств, среди которых – чувство нового, любознательность, самостоятельность, критичность мышления, чувство юмора, трудность приспособления.

Педагог должен помнить, что выявлять и развивать творческие способности необходимо с раннего детства. Если ребенок обладает творческим потенциальными возможностями, то специальное обучение будет активизировать его творчес-

кое развитие.

Достижение творческого уровня развития личности может считаться наивысшим результатом в любой педагогической системе, технологии.

Но существуют технологии, в которых развитие творческих способностей является приоритетной целью, это:

– выявление и развитие творческих способностей И. П. Волкова;

– технология технического творчества (теория решения изобретательских задач) Г. С. Альтшуллера;

– технология воспитания общественного творчества И. П. Иванова;

– технология совместного творчества С. А. Смирнова;

– система музыкально- творческого образования Д. Б. Кабалевского;

– система художественного воспитания Б. М. Неменского;

– система формирования литературного творчества В. А. Левина;

– система театрального творчества Е. Ю. Сазонова [3].

Всё большую популярность приобретает воспитание, основанное на сотрудничестве, творчестве и партнёрстве. В этих условиях ребенок оказывается полноправным участником педагогического процесса. Между детьми и взрослыми возникают доверительные отношения. Непринуждённые отношения детей и взрослых реализуют коллективные педагогические формы и приёмы. Кроме того, осуществляется совместная деятельность учеников, учителей и родителей, рождается атмосфера радости и творчества.

Рассмотрим воспитательную систему «Школа-театр», созданную в «Частной школе «Рюминский лицей» г. Рязани, для обучающихся в начальной школе, учителем Федоровой Л. В. Ведущая идея, реализуемая педагогом, – создание школы-театра как территории добра, творчества, любви, свободного самовыражения личности. Театр объединил педагогов, родителей, обучающихся.

Театральная деятельность дает возможность для проявления индивидуальности каждого ребенка, развивает духовные возможности детей, расширяет их познавательный кругозор, развивает внутреннюю свободу, способность к самооценке.

В приобщении школьников к самостоятельной и творческой деятельности используются занятия в «Школе-театре» по различным направлениям: сценическое мастерство, риторика, дизайн костюмов, оформительские работы, творческие мастерские, «творческие комнаты», «творческие гостиные». Работа в «Школе-театре» должна быть направлена на создание конкретного продукта, (эскиз костюма для спектакля, сценарии, сочинения, литературные и музыкальные произведения, рецензии).

В школе работает «Театральная гостиная», в которую хозяева приглашают гостей. На роль хозяев назначаются семьи, в обязанности которых входит: накрывание стола, встреча и угощение гостей, уборка и мытье посуды, приведение в порядок комнаты. Дети наравне с родителями выполняют установленные обязанности. Это не только приобщает ребенка к труду и самообслуживанию, но и способствует сплочению семьи. Также студия организует коллективные походы в детские театры, на выставки детского творчества.

Работа в группе идет от простого к сложному. С детьми используют кукол биба-бо, пальчиковый театр (все куклы изготавливаются в мастерских центра), затем осуществляется переход к настольному театру и небольшим инсценировкам русских народных сказок, некоторые техники театра теней для создания мотивации, развития мелкой моторики к активизации звукоподражаний и лепетных слов. С этой же целью используются и небольшие музыкальные сценки. С этого момента малыши уже начинают свои выступления перед публикой вместе со старшими товарищами. Следующим этапом работы

является подготовка спектаклей по детским мюзиклам, таким, как «Бременские музыканты», «Маша и Витя против диких гитар»; «Буратино». Дети выезжают со своими спектаклями на различные выставки, фестивали и мероприятия.

В театре работает студия «Развития творческого мышления» дети работают с рисунками контуров и различными природными объектами. В работе с ассоциациями является связка между собой в «природную» сказку, легенду, притчу. Здесь начинается проявляться тонкий эффект конкретной привязки сказки к природному объекту (это одно из существенных отличий от сочинений сказок по методикам Дж. Родари).

Для создания интересных сказок есть только один путь – творческий. Он предполагает развитие творческого мышления и восприятия окружающего мира, а также овладение творческими инструментами.

В литературной творческой комнате школьники обучаются правилам написания литературных произведений, сценариев различных жанров для «школы – театра».

«Творческая комната» не только место, где дети могут трудиться. Это, прежде всего средство организации их общения на основе творчества.

Размышляя над результатами продуктивного творчества ребенка, педагог постоянно вызывает его на диалог. Создается впечатление, что разговаривают два абсолютно равных человека, только один из них опытнее. Но, хорошо понимая психику ребенка, он сознает, что творческий труд школьника должен быть оценен, появляется «творческая книжка», в которой оцениваются продукты творчества детей. И она тоже стимулирует творческую деятельность ребенка, создает атмосферу здорового соперничества, формирует интерес к собственной личности, к познанию своих возможностей, к самовоспитанию.

В процессе работы в «творческой комнате» выявляются разнообразные способности ученика. Творческое общение создает возможности для развития способностей детей. Школьника, занимающего одним видом творчества, часто начинает интересовать творчество товарища.

Но мало только привлечь детей и включить их в определенную деятельность необходимо так организовать эту деятельность, чтобы она стимулировала творческие формы общения детей.

Условия этого продуктивного общения – свобода выбора, организация форм сотрудничества детей, которые выявляют их творческую индивидуальность, разработка программы творческого самовоспитания для каждого ребенка, выполнение педагогом роли консультанта, который подсказывает, поддерживает.

Гуманистическая воспитательная система открывает интересные возможности для творчества педагога и ребенка в условиях образовательного учреждения. Творческие возможности педагога зависят от его установки на себя в позиции воспитателя. Совместная деятельность предполагает способность ее участников делать что-то важное для них вместе. Когда они делают что-то новое, то возникает ситуация совместного творчества. В совместной деятельности педагога и ребенка ребенку важно почувствовать себя субъектом творчества. Творчество ребенка направлено на изменение мира вокруг себя, творчество педагога – на формирование и развитие творческого потенциала ребенка.

Субъект-субъектное взаимодействие, когда за каждым участником творческого процесса признается право и способность на собственное решение, все больше проникает в дидактическую подсистему воспитательной системы школы, в преподавательскую деятельность педагога и подталкивает педагогов к актуализации воспитательного потенциала процесса обучения.

Совместная деятельность детей и

взрослых, детей друг с другом, внедеятельностное, свободное общение – основа для складывания отношений в границах воспитательной системы. Педагогу необходимо осознавать, что формированием и развитием отношений можно управлять. Важно не просто создавать, а культивировать гуманистические отношения, если их не хватает в детской среде.

Педагог-воспитатель в условиях воспитательной системы школы является носителем гуманистической культуры отношений мира взрослых и мира детства, основанной на принципах равенства, диалогизма, свободы, сосуществования, принятия, соразвития, единства. Педагогическую основу этой культуры составляет принятие и освоение учителем личностного подхода к воспитанию. Личностный подход в воспитании является базой ценностной ориентации педагога-воспитателя, включающий в себя совокупность взаимосвязанных социальных установок на отношения к ученику, к самому себе и к организационно-педагогическому воздействию.

Следовательно, решать вопросы творчества учащихся в различных воспитательных системах можно только при развитии творческого потенциала учителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Воспитательная система школы. Проблемы и поиски / Сост. Н. Л. Селиванова. – М., 1989.

2. Караковский В. А., Новикова Л. И., Селиванова Н. Л. Воспитание? Воспитание! Воспитание… Теория и практика школьных воспитательных систем. – М., 1996. – 238 с.

3. Пономарев Я. А. Психология творчества и педагогика. – М., 1976.

4. Учебно-воспитательные комплексы – новый тип школы для XXI века / Под ред. И. Ф. Исаева. – Белгород,2001.

5. Шубинский В. С. Педагогика творчества учащихся. – М., 1988.

УДК 378.1
ББК 74.48
Педагогика

К ВОПРОСУ О ТРЕБОВАНИЯХ К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ «КОМПЕТЕНЦИЯ» И О СЛОЖНОСТЯХ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЭТИХ ТРЕБОВАНИЙ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л. И. Белозор
Кандидат экономических наук К. В. Бельгисова
А. В. Шульга

В статье рассматривается вопрос о необходимости изменения существующих подходов к определению понятия «компетенция» и к порядку формирования ее содержания в процессе подготовки специалистов образовательными учреждениями высшего образования.

Ключевые слова
Компетенция, профессиональное образование, специалист

Сегодня понятие «компетенция» относится к одним из самых актуальных и вместе с тем сложных понятий в системе профессионального образования. Актуальность понятия связана с тем, что с помощью определения «компетенция» в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования заданы требования к результатам образовательной деятельности, т. е. с помощью этого понятия закрепляются характеристики выпускника образовательного учреждения высшего образования.

Сложность этого понятия связана с тем, что единый ответ на вопрос «что это такое?» не просто отсутствует, но, напротив, как показало исследование, проведенное группой психологов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова[1], сегодня в профессиональной среде используется порядка шестнадцати оригинальных определений «компетенция», ни одно из которых не имеет явных терминологических преимуществ.

На наш взгляд термин «компетенция» введен в систему образования не как понятие, задающее форму результата образовательного процесса, а как понятие, указывающее на проблему некомпетентности выпускников образовательных учреждений, где под «некомпетентностью» понимается несоответствие выпускника как «продукта» профессионального образования требованиям, выдвигаемым к нему современными способами организации деятельности.

И понятие «компетенция» произведено формально логически из фиксации ситуации некомпетентности по форме суждения вида «раз некомпетентен – значит нет компетенций, а, следовательно, если задать требования к результатам образо-

вания в форме компетенций, то будет произведен компетентный выпускник».

Другими словами, формулирование требований к выпускникам образовательных учреждений высшего образования в терминах компетенций есть требование к устранению разрыва между системой образования и системой производства, находящихся в кооперативной связи, так что продукты одной системы предполагаются к использованию в другой системе. Но необходимо отметить, что в настоящий момент их использование в силу наличия разрыва напрямую затруднено[2].

Поэтому для того, чтобы ответить на вопрос о содержании понятия «компетенция» необходимо провести содержательный анализ того, что делает выпускника образовательного учреждения высшего образования принципиально некомпетентным по отношению к способу организации современной системы производства.

Можно выделить пять ключевых изменений этой системы, которые «не заметила» система профессионального образования и которые привели к разрыву в кооперации между ней и системой производства. Рассмотрим эти изменения.

Понятие успеха как принцип организации деятельности. Первое изменение в системе деятельности, которое «не заметила» система профессионального образования – это распространение понятие «успеха» как принципа организации деятельности, который реализует себя в требовании: и лю-ди и организации должны быть успешными.

В каком смысле система образования этого «не заметила»?

Во-первых, в системе оценивания. Если деятельность организована на принципах успеха, то если один получает «пять», то другой всегда получает «два», потому что всегда есть победивший и проигравший. И оценок в ситуации успеха не четыре типовых 2-3-4-5, а ровно столько, сколько участников состязания и эти оценки называются местом, рейтингом и т.п., которые как метод оценивания всегда предполагают, что есть первый, второй, третий, … десятый, … предпоследний, последний. Причем если кто-то на протяжении ряда состязаний последний, последний, последний, то он «вылетает» не зависимо от знаний, умений и навыков, потому что последний.

Кому нужен юрист, который все знает, но проигрывает дела в суде? В деятельности организованной на принципах успеха такие юристы теряют заказы, разоряются и меняют профессию. При этом вполне возможна ситуация, что просто «рынок очень конкурентный», так что решение о переезде в другой регион с менее сильными соперниками, может помочь такому юристу сохранить работу и профессию[3]. Нередко именно неспособность конкурировать порождает феномен «выпускник, работающий не по профессии», а не отсутствие умений или вакансий на рынке труда.

Есть профессии, в которые «зашито» понятие успеха – это востребованные менеджеры по продажам и управленцы, умеющие побеждать конкурентов на уровне организации. Их дефицит обусловлен тем, что в системе высшего и среднего профессионального образования они подготовлены быть не могут, а необходимые качества приобретают либо «в жизни», либо на некоторых видах тренингов, которые в силу краткосрочности не учитываются официальной системой профессионального образования.

Между тем, ввести в организацию образовательного процесса принцип успеха довольно просто. Необходимо, во-первых, отказаться от идеи одинаковых оценок за самостоятельные задания, например, за написание реферата, а вводить рейтинг, из которого ясно, кто написал в этой группе самый лучший и самый худший реферат. А, во-вторых, ввести правило, что тот, кто по всем предметам чаще всех оказывался на последнем месте в рейтинге, отчисляется или в более мягком варианте, оста-

ется на второй год на том же самом курсе, пока не пройдет его не самым последним.

Идею абсолютного оценивания по системе 2-3-4-5 сохранить можно, но ее так же можно перестроить на принцип успеха. Студентов по итогам некоторой первичной оценки уровня подготовки можно разбить на три группы: «отличники», «хорошисты» и «троечники». А далее, в каждой группе вести рейтинг по результатам работы. При этом, если студент остается определенное количество раз последним в группе «отличники», он переходит в группу «хорошисты» и наоборот, если студент занимает первые места в группе «хорошисты», он переводится в группу «отличники». Естественно уровень заданий для этих групп может быть разным. При этом, студент, определенное количество раз оставшийся последним в группе «троечники» отчисляется или остается на второй год. При таком способе организации обучения степень имитации реальных конкурентных отношений заложенных в современную организацию деятельности будет выше, потому что люди конкурируют не только за успех внутри группы, но и за право перейти в группу с более высоким статусом.

При таком подходе появятся объективные основания и для оценки уровня обучения в вузах. Если «троечник», отчисленный из одного вуза, в другом вузе становится «хорошистом» или даже «отличником», то очевидно, что уровень конкурентной среды в первом вузе явно выше, чем во втором. Таким образом, будет объективирован давно очевидный всем факт: наши единообразные «тройки» и «пятерки» в действительности разные в разных вузах, так что «тройка» в одном вузе может означать «пятерку» в другом и наоборот. Тем самым еще одно «загадочное» понятие «качество образова-ния» получит свой объективный смысл: если при смене вуза студент показывает более высокий рейтинг, то он перешел вуз с более низким качеством обучения из-за слабости конкурентной среды.

Во-вторых, в способе организации процесса проверки умений и знаний. Сегодня процесс проверки, во-первых, индивидуализирован, т. е. проходит у каждого студента изолировано от других, так что об успехах друг друга они узнают постфактум, а, во-вторых, предельно объективирован, так что образцовым средством проверки считается компьютерный тест.

Можно ли ввести в способ организации процесса проверки умений и знаний принцип успеха? Да, причем он давно известен – это игровая форма организации образовательного процесса. При этом распространенное понимание преимуществ игровой формы образовательного процесса состоит в том, что игра делает процесс обучения более развлекательным, а, следовательно, обеспечивает поддержание непроизвольного внимания студента к образовательному процессу. С нашей точки зрения так понимаемое преимущество игровой формы организации образовательного процесса свидетельствует скорее о ее вреде для целей образования, потому что в ней формируются люди, не способные к произвольному вниманию.

Другое дело, если в качестве основного преимущества игры как формы организации образовательного процесса, выделить не ее развлекательную функцию, а именно функцию организации цепочки ситуаций конкуренции, в результате прохождения которых участники разделяются на победителей и побежденных. В этом случае, способность игры приводит студента в состояние максимальной концентрации внимания, ума и сил, обуславливается актуализацией и развитием у них мотива достижения успеха, что, безусловно, отвечает целям образования, потому что на его основе возникает мотивация к тренировке.

Понятие организации. Второе изменение системы производства, которое «не заметила» система образования – это тотальное распространение организован-

ных форм деятельности, которое приводит к депрофессионализации индивидуального труда.

К депрофессионализации приводят две причины. Во-первых, сама идея организации делает возможным следующее явление: низко квалифицированные работники способны производить высокотехнологичные вещи, и таким образом за счет технологической организации, снижается требование к квалификации отдельного работника. От современного работника требуется не профессионализм, т. е. владение всей полнотой определенной деятельности, а грамотность в отношении устройства современного производства, которая, например, для работника интеллектуального труда, определяется перечнем компьютерных программ, которыми он должен владеть.

Во-вторых, в организованных формах деятельности способность к кооперации важнее квалификации, т. е. менее квалифицированные, но более ориентированные на кооперацию работники, более полезны и имеют больше шансов удержаться в организации, чем более квалифицированные, но не умеющие работать в структуре, коллективе или команде.

В каком смысле система образования не заметила этого изменения – тотального распространения организованных форм деятельности?

Во-первых, потому, что не выделен комплекс умений, определяющих уровень грамотности современного человека. По-прежнему считается, что грамотный – это тот, кто умеет читать, считать и писать. Важно, что умения, определяющие уровень грамотности – это умения другого типа, чем профессиональные умения, потому что читать, писать и считать человек умеет «что угодно», а не что-то конкретное.

Требования к современной грамотности включают в себя, например, умение вслепую печатать десятью пальцами, умение осваивать любые компьютерные программы (знание языка «интуитивно-понятного» интерфейса-программного обеспечения), умение находить нужные сведения в интернете, умение организовывать жизнь с помощью определенного набора стандартных гаджетов (календаря, напоминателя, заметок и т. п.), умение работать в стандартном пакете офисных программ и ряд других.

Отсутствие этого перечня и самого представления о современном грамотном человеке приводит к тому, что огромное число преподавателей – люди в современном смысле безграмотные как с точки зрения обучающихся, так и по сути дела. Это напоминает положение дел, когда производственный мастер мог обучать молодых рабочих ремеслу, но при этом не уметь читать и писать[4].

Во-вторых, система образования «не заметила» тотального распространение организованных форм деятельности, поскольку при построении программ обучения по прежнему главная роль отводится собственно профессиональным навыкам, а на навыки, ориентированные на кооперацию, время выделяется по остаточному принципу.

Рассмотрим для примера такую профессию как сантехник. Пример выбран не случайно, поскольку кажется очевидным, что главное, чему нужно учить сантехника – это производить монтаж, ремонт и демонтаж сантехнического оборудования. Вместе с тем, если мы рассмотрим основные разрывы между подготовкой сантехника и требованиям той сферы, где используются результаты его труда, то выяснится, что его несоответствие требованиям к компетенции, связанной с собственно работой с оборудованием, окажется не самым критическим.

Представим себе гипотетический учебный план программы профессиональной переподготовки слесаря-сантехника, в котором необходимо распределить часы между следующими дисциплинами:

1) «Монтаж и демонтаж сантехничес-

кого оборудования»;

2) «Экономика труда сантехника»;

3) «Тайм-менеджмент сантехника»;

4) «Управление отношениями с клиентами».

И если не обратить внимание на тотальность организованных форм деятельности, «главной» является дисциплина «Монтаж и демонтаж сантехнического оборудования» и на нее можно выделить большее количество часов, а остальные дисциплины вообще не особенно нужны и их можно отнести к дисциплинам по выбору.

На практике картина будет совершенно обратной. Дело в том, что поскольку современный сантехник есть часть системы организации деятельности, в которой еще при проектировании сантехнического оборудования в него закладывается требование простоты монтажа и демонтажа, собственно операции по монтажу и демонтажу сантехнического оборудования достаточно просты и легки в освоении. Кроме того, в виду хронического отставания оснащения учебных организаций оборудованием, то оборудование, с которым студент имел дело на занятиях, скорее всего, не встретится ему в реальной деятельности, где он будет иметь дело с более современным оборудованием. Поэтому осваивать его он будет уже «на месте» и, в силу спроектированной простоты монтажа и демонтажа, нареканий к его деятельности в этой части, скорее всего, не будет.

А разрывы будут совсем в другом. Во-первых, сантехник, в силу отсутствия навыков тайм-менеджмента вместо 10 утра придет к 12 часам, что будет довольно чувствительно для заказчика – хозяина квартиры, который специально для этих целей (приема сантехника) отпросился с работы.

Во-вторых, в силу отсутствия знаний об экономике сантехнического труда, сантехник просто назовет конечную стоимость работ и не сможет дать заказчику пояснений по поводу механизма ценообразования, что вызовет недовольство со стороны последнего.

Наконец, в-третьих, не знакомый с дисциплиной управления отношениями с клиентом сантехник оставит после себя кучу мусора, затоптанный пол и грязь, так что после него придется приводить квартиру в порядок.

Пусть даже этот сантехник – мастер своего дела и все отремонтирует качественно за 1 час. Он гарантированно проиграет в повторных заказах сантехнику, который: а) придет вовремя, б) заранее предупредит о времени, необходимом для работы, в) объяснит как оцениваются по стоимости все виды выполненных работ и почему, г) при входе наденет бахилы, уберет за собой всю воду, подметет пол и вынесет мусор. Даже если при этом он сделает работу не за один час, а за два часа в силу более низкой сноровки.

А основное различие между этими двумя сантехниками в плане образования состоит в том, что одного готовили чисто профессионально, а другого – с ориентацией на кооперацию с другими сотрудниками организации: клиентами, экономистами, менеджерами по планированию заказов и т. д.

Требование «ориентации на кооперацию» распространяется на любые профессии. Успешность юриста как работника организации напрямую зависит, во-первых, от его способности построить взаимоотношения с руководством и сотрудниками, чью деятельность он сопровождает, а, во-вторых, от того, как сложатся его отношения с «внешними» коллегами – судьями, прокурорами, полицейскими и т. д.

Встраивание в систему организации, в которой функционирует его профессия, есть важнейшая профессиональная задача современного специалиста, но компетенции для решения этой задачи формируются не в системе современного образования.

Можно ли ввести в образовательную

систему принцип организации и кооперации? Можно, если отказаться от индивидуального характера обучения, т. е. от постановки индивидуальных учебных задач и индивидуальной оценке их выполнения. Вместо этого необходимо ставить задачи групповые и оценивать достижения команд, а не отдельных людей.

В технологию организации образовательного процесса необходимо ввести три принципа: 1) учебная задача всегда не соразмерна отдельному студенту – только скооперировавшись и объединившись в группы по 3 – 5 человек они смогут решить поставленную задачу; 2) оценки за выполненное задание ставятся группе, а не отдельному студенту, поэтому успешность, в том числе зависит, от того, в какой группе находится студент; 3) внутри группы оценки могут корректироваться с учетом оценки самими членами группы индивидуального вклада каждого.

В результате студенты, во-первых, научатся кооперироваться, разбивать задачу на части и разделять функции внутри группы. Во-вторых, им станет понятна ценность кооперации и разовьется умение включаться в кооперативную цепочку. А студенты, не способные ни с кем кооперироваться будут вынуждены хоть как-то скооперироваться с другими такими же индивидуалистами, пусть даже формально. Наконец, в третьих, можно будет донести до них смысл организации, в которой группа людей с правильно распределенными функциями достигает эффекта, который никогда не достигнет то же количество людей, действующих поодиночке (и поэтому группа формально объединенных индивидуалистов практически всегда будет показывать худший результат, чем другие группы).

В итоге образовательное учреждение должно выпускать не отдельных специалистов, а готовые к работе команды, что особенно важно для развития сфер, в которых для страны важно увеличить количество предпринимательских «стартапов».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Базаров Т. Ю., Ерофеев А. К., Шмелев А. Г. Коллективное определение понятия «компетенции»: попытка извлечения смысловых тенденций из размытого экспертного знания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 1.

[2] Бельгисова К. В., Шульга А. В. Структура компетенции «Планирование собственной деятельности» // Российский научный журнал. – 2014. – № 4(42). – С. 139-151.

[3] Петров И. В., Петрова Т. И. Методические аспекты создания службы управления персоналом в организациях сферы услуг // Механизм экономико-правового обеспечения национальной безопасности: опыт, проблемы, перспективы. Материалы VII-й международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2014. – С. 148-156.

[4] Бельгисова К. В. Понятие «недостатки образовательных услуг» в соответствии с действующим законодательством // Теоретические и практические аспекты развития современной цивилистической науки: Сборник научных трудов. – Краснодар, 2013. – С. 19-20.

БАРАНОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ, г. БАРАНОВИЧИ

УДК 378: 37.018.46
ББК 74.48
Педагогика высшей школы

КОНТЕКСТНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСАЛТИНГОВЫХ ПРОЦЕДУР

Кандидат педагогических наук З. В. Лукашеня

Консалтинг, как форма осуществления непрерывного образования специалиста высшего учебного заведения, реализует функцию сбора проблемных ситуаций, которые вызваны необходимостью модернизации его профессиональной деятельности. При реализации консалтинговых процедур категориями для анализа выступают конкретная ситуация и ее результаты, имеющиеся ресурсы для коррекции, которые представляют контекст профессиональной деятельности специалиста. Контекстный подход при реализации консалтинговых процедур способствует формированию компетенций и личности специалиста по типу, оптимальному для данной социокультурной общности.

Ключевые слова
Консалтинг профессиональной деятельности, контекстный подход, предметный контекст, социальный контекст

Реформирование современной системы образования, в качестве основы которого заявлен компетентностный подход, безусловно, предполагает опору на комплекс наук о человеке, учет в данном процессе психологических, социологические, культурологические и т. д. закономерностей развития его личности и индивидуальности.

Как свидетельствует педагогическая практика, личностному и профессиональному развитию специалиста высшего учебного заведения препятствует нередко встречающееся явление закрытости и невосприимчивости его к новому, тенденция полагаться на уже сложившиеся у него стереотипы осуществления своей профессиональной деятельности.

Вызванная реформированием образовательной системы необходимость постоянной модернизации собственной профессиональной деятельности приводит специалиста вуза к состоянию непрерывности повышения компетенций, требующему саморазвития и самореализации его как профессионала и как человека.

Консалтинг профессиональной деятельности специалиста высшего учебного заведения призван обеспечить психолого-педагогические условия его личностного включения в непрерывный образовательный процесс. Консалтинг профессиональной деятельности предполагает оказание экспертной помощи конкретным педагогам (специалистам) при внесении изменений в профессиональную

деятельность через управленческое консультирование в составе коллективного субъекта «консалтинговая служба вуза» [7, с. 332].

Общие закономерности развития человека через образование нашли свое отражение в появившейся в начале 80-х гг. прошлого столетия отрасли педагогической науки андрагогике, которая сегодня достаточно интенсивно развивается. В образовании взрослого основной акцент переносится на развитие личности обучающихся, которое осуществляется с помощью их общекультурного и профессионального совершенствования. Динамическое моделирование предметного и социального содержания профессионального труда предусмотрено в рамках контекстного подхода.

Понятие «контекст» пришло в педагогику из логики и лингвистики. В психологии контекст связан с понятием «ситуация», которая трактуется как система условий, побуждающих субъекта и опосредуюших его активность. То есть в ситуацию включаются и внешние условия, и сам субъект, и те люди, с которыми он контактирует [6, с. 114].

Контекстный подход к обучению развивается в научной школе А. А. Вербицкого с начала 1980-х гг. и предполагает формирование профессиональных компетенций в сфере образования в двух контекстах – предметном (относящимся к содержанию профессиональной деятельности) и социальном (относящимся к сфере социальных профессиональных взаимодействий) [3, с. 92].

Концептуальными предпосылками теории и технологий контекстного обучения являются:

– деятельностная теория усвоения знаний и социального опыта;

– теоретическое обобщение многообразного опыта инновационного обучения;

– смыслообразующая категория «контекст», отражающая влияние предметных и социальных условий профессиональной деятельности на смысл учебной деятельности, его процесс и результаты [4, с. 41].

Опыт личного участия в реализации консалтинговых процедур подтверждает мнение психологов о том, что контекст способствует активизации мышление субъекта, так как вводит его в состояние проблемной или творческой ситуации [2, с. 147].

В рамках нашего исследования правомерно говорить о профессиональном контексте. Именно он обеспечивает при реализации консалтинговых процедур систему перехода от профессиональной деятельности к обучению и от обучения к профессиональной деятельности. В данном случае мы руководствуемся выведенным исследователями определением данного понятия, под которым они понимают совокупность предметных задач, организационных, технологических форм и методов деятельности, ситуаций социально-психологического взаимодействия, характерных для определенной сферы профессионального труда [6, с. 118].

В силу того, что взрослый прагматически относится к знаниям, организация консалтинга, как формы обучения специалиста вуза непосредственно на рабочем месте, должна стимулировать в структуре его мотивации рост удельного веса познавательных мотивов. Согласно мнению ученых (Д. В. Вилькеева, Т. В. Кудрявцева, И. Я. Лернера, М. И. Махмутова, М. Н. Скаткина и др.), познавательная мотивация как важный психологический фактор, определяющий тип и уровень активности обучающегося первично порождается в проблемной ситуации.

Именно проблемная ситуация во всей своей предметной и социальной неоднозначности и противоречивости выступает основной единицей задания содержания образования в контекстном обучении. Содержанием (предметом консультирования) консалтинговых процедур профессиональной деятельности специалистов вуза также является проблемная ситуация. Ре-

ализация принципа проблемности при осуществлении консалтинговых процедур предполагает использование контекстного подхода, что обусловлено включением в консалтинг специалистом вуза своего предшествующего опыта.

Основной единицей деятельности обучающегося в контекстном обучении является поступок, посредством которого будущий специалист не только выполняет предметные действия в соответствии с профессиональными требованиями и нормами, но и получает нравственный опыт, поскольку действует в соответствии с нормами, принятыми в данном обществе и в данном профессиональном сообществе.

При реализации консалтинговых процедур, самоопределившиеся в данном процессе участники, изначально подчиняются согласованным общепринятым нормам и правилам их осуществления. Благодаря воздействию энергии окружения, которая при реализации консалтинга достаточно специфична, его самоопределившийся участник вынужден перестраивать организацию своего поведения, что соответственно отражается и на процессе реализации им собственной профессиональной деятельности. Эта перестройка начинается с самопознания, формами проявления которого могут выступать самоанализ, самонаблюдение и другие рефлексивные процедуры консалтинга. Необходимость взаимодействия с другими участниками консалтинга по процедурно предписанным нормам и правилам вынуждает специалиста вуза корректировать привычные рамки собственной профессиональной деятельности.

Структура игромодельного события может быть представлена совокупностью следующих процедур:

– установка на игру (соответствует целевым ориентирам внедряемой инновации);

– непосредственное игродействие, предполагающей решение конкретной проблемы, реально возникшей при внедрении инновации, через демонстрацию профессионального действия;

– игрокоммуникация (дискуссии в групповой или межгрупповой форме);

– игрорефлексия (внутригрупповая, межгрупповая и организационная).

Консалтинг профессиональной деятельности специалиста вуза обеспечивает:

– субъектное участие в нем на равных консультанта и консультируемого; природосообразность реализуемых в непрерывном режиме образовательных процедур (психологический контекст);

– субъективную осмысленность содержания образования в рамках текущей жизненной ситуации субъекта образования (смысловой контекст);

– самореализацию субъекта образования посредством процесса и содержания консалтинговых процедур, предполагающих выработку проекта модернизации осуществляемой профессиональной деятельности и принятию решения по его реализации (экзистенциальный контекст).

Таким образом, в процессе консалтинга происходит осознание специалистом места и роли новых компетенций и приобретенного опыта социальных отношений в контексте модернизированной профессиональной деятельности, где они будут выступать ее ориентировочной основой.

Консалтинг увеличивает вероятность рефлексивного осознания и накопления приобретенных в его процессе компетенций и компетентностей. Данное обстоятельство содействует сохранению и накоплению прежних способностей специалиста и переходу их количества в качественное развитие, соответствующее требованиям модернизации. Процессуальные цепочки проектирования инновационной деятельности имеют акцентировку не на абстракции, а на квазиисторические реальности.

Предмет деятельности обучающегося в контекстном обучении трансформируется от учебной информации (в собственно учебной деятельности) к моделируемым ситуациям (в квазипрофессиональной де-

ятельности) и, далее, к реальным производственным ситуациям (в учебно-профессиональной деятельности) [8]. Это подтверждает правомерность реализации консалтинговых процедур на основе контекстного подхода.

Инструментами реализации консалтинговых процедур являются схемотехника и игромоделирование. Схема, будучи нарисованной, не только связывает рефлексию с непосредственным восприятием знаковых изображений, но и выполняет функции «игрового поля» для мышления и мыслительной имитации. Она позволяет создать на общепринятом участниками консалтинга научном языке схематическую модель условий, содержания и динамики осуществления профессиональной деятельности специалиста вуза с учетом взаимоотношений занятых в ней участников.

В рамках нашего исследования мы рассматриваем игромодельное взаимодействие как процесс театрального типа, для которого характерно моделирование «жизни», человеческого существования. Он представляет собой взаимозависимость между взаимоотносящимися актером и зрителем, режиссером, реализующим организационно-управленческим образом замысел сценариста.

Предполагается, что участник игромодельного взаимодействия рассматривает свое действие, направленное на самоизменение, как «дополнительное» существование за другого, подчиненное понимаемым и принимаемым требованиям нормы. Социальная оправданность смены персонажей идентификации предопределена нормами игромодельного взаимодействия и конкретными условиями изучаемой ситуации практики [1].

Информация реализации консалтингового процесса представляется в двух видах – как наблюдаемая (видеозапись) и расчетная (схематизированная). Факты расхождения расчетной и наблюдаемой информации являются предметом групповой рефлексии. Для консультантов крайне важно найти причины расхождений: за ними могут скрываться факторы, определяющие профессиональную деятельность специалиста вуза, которые до сих пор не выступали на первый план в аспекте его профессиональной подготовки.

В игротехническом моделировании явно проявляются траектории, по которым каждый субъект двигается в профессиональном пространстве реальной жизни. Данная информация может быть зафиксирована в форме теоретической модели профессиональной деятельности консультируемого специалиста и существенно помогает ему в самопознании.

При реализации консалтинговых процедур с помощью имитационной и игровой моделей воссоздается предметное, социальное и психологическое содержание совместного профессионального труда специалиста вуза со своими коллегами, задается целостный контекст его профессиональной деятельности.

Вышеуказанные тезисы позволяют нам утверждать, что консалтинговые процедуры реализуются в рамках контекстного подхода. Следовательно, в состав основополагающих принципов их реализации могут быть включены руководящие идеи и основные требования контекстного подхода [5, с. 35-36]. В частности:

– принцип педагогического обеспечения личностного включения обучающегося в учебную деятельность (через самоопределение к участию в консалтинге);

– принцип последовательного моделирования в учебной деятельности целостного содержания, форм и условий профессиональной деятельности специалистов (через реконструкцию профессионального опыта и моделирование модернизированной профессиональной деятельности);

– принцип проблемности содержания обучения и процесса его развертывания в образовательном процессе (через включение реальных проблем профессиональной практики);

– принцип адекватности форм организации учебной деятельности целям и содержанию образования (через использование методов активного обучения, признанных продуктивными андрагогикой);

– принцип ведущей роли совместной деятельности, межличностного взаимодействия и диалогического общения субъектов образовательного процесса (через взаимосвязанные личностные, статусно-ролевые и профессионально-деятельностные коммуникативные взаимодействия участников консалтинга, способствующие формированию не предметных действий, а социальных поступков);

– принцип единства обучения и воспитания личности профессионала (через работу в интерактивных группах как социальных моделях профессиональной среды).

Консалтинг, реализуемый на основании представленных выше принципов, способствует не только формированию актуальных компетенций специалиста вуза, но и приобретению опыта по согласованию интересов представителей разных звеньев образовательной системы, принятия индивидуальных и совместных решений, усвоения норм нравственных отношений между специалистами. При реализации консалтинговых процедур профессиональной деятельности специалиста вуза в полной мере задается предметно-технологический и социокультурный контексты его реальной деятельности. При этом, личностные смыслы преобразуются в социальные ценности, в систему отношений специалиста к обществу и к самому себе, к своей профессии как части культуры. Содержанием реализуемого в процессе консалтинговых процедур образования является уровень развития личности, предметной и социальной компетентности.

Усвоение профессиональных и управленческих компетенций в контексте разрешения моделируемых профессиональных ситуаций обусловливает развитие познавательной и профессиональной мотивации консультируемых специалистов, личностный смысл процесса консалтинга. Обоснованное контекстом профессиональной деятельности сочетание индивидуальных и коллективных форм работы позволяет каждому специалисту в процессе реализации консалтинга делиться своим интеллектуальным и личностным содержанием с другими, что приводит к развитию не только деловых, но и нравственных качеств личности.

Ценность консалтинга, осуществляемого в рамках контекстного подхода в том, что формирование компетенций специалиста в его процессе детерминировано будущим; он готовит специалиста к завтрашнему дню. Использование системы проблемных ситуаций, сформулированных в контексте профессиональной деятельности специалиста вуза, позволяет при реализации консалтинговых процедур развертывать содержание образования в динамике перспективного осуществления. Включение в содержание консалтинга сюжетной канвы моделируемой профессиональной деятельности создает возможности интеграции компетенций разных дисциплин, необходимых для разрешения этих ситуаций.

Консалтинг, осуществляемый на основе принципов контекстного обучения, обеспечивает личностное включение специалиста высшего учебного заведения в модернизацию собственной профессиональной деятельности как части человеческой культуры. Это предполагает не только воспроизводство уже известного социального опыта, но и его обогащение за счет повышения управленческих компетенций и творческого развития личности специалиста. Считаем необходимым указать на значительный потенциал в сфере повышения качества профессионального образования (особенно образования взрослых) консалтинговых процедур, реализуемых на методологических основаниях консалтингового подхода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анисимов О. С. Педагогическая деятельность: игротехническая парадигма. В 2-х томах. – Т. 1. – М., 2009. – 485 с.

2. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. В 2-х т. – Т. 1. – М.: Академия, 2006. – 448 с.

3. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М., 1991. – 207 с.

4. Вербицкий А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. – М.: ИЦ ПКПС, 2004. – 84 с.

5. Вербицкий А. А. Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования // Высшее образование России. – 2010. – № 5. – С. 32- 37.

6. Лаврентьев Г. В., Лаврентьева Н. Б. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – 156 с.

7. Лукашеня З. В. Консалтинг как форма сопровождения инновационной деятельности педагога // В мире научных открытий: Гуманитарные и общественные науки. Научный журнал (Красноярск: Научно-инновационный центр). – 2012. – № 7.1(31). – С. 332-351.

8. Тенищева В. Ф. Интегративно-контекстная модель формирования профессиональной компетенции: Автореф. дис. … д-ра пед. наук. – М., 2008. – 46 с.

РЯЗАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ В. Ф. МАРГЕЛОВА

УДК 378
ББК 74.48
Педагогика

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И КУРСАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ КУРСАНТОВ

Кандидат педагогических наук Н. В. Фомашина

В данной статье рассматриваются основные вопросы организации педагогического взаимодействия преподавателей и курсантов в процессе самостоятельной работы. Самостоятельная работа обучающихся под руководством преподавателя является одним из видов учебных занятий, проводимых с целью приобретения навыков работы с источниками по данной учебной дисциплине и тем учебных программ, написания рефератов, выполнения индивидуальных работ и т. п.

Ключевые слова
Курсант, педагогические условия, самообразовательная деятельность курсантов, учебное занятие

Плодотворная самостоятельная познавательная деятельность в студенческие годы – необходимое условие формирования потребности в самоорганизации будущего специалиста, способности к постоянному обновлению своих знаний в течение всей трудовой деятельности. Самостоятельный учебный труд – это сфера личностной самореализации, проявление творческого потенциала. Вместе с тем в процессе целенаправленной самообразовательной деятельности формируются основополагающие гражданские качества специалиста – чувство общественного долга, осознание личной ответственности.

Мы разделяем точку зрения С. И. Змеева [1, с. 90-91], согласно которой эффективная организация самообразования во многом предопределяется знанием принципов, на которых строится процесс самообразования. К ним исследователь относит: приоритет самостоятельного обучения, совместную деятельность, опору на опыт обучающегося, индивидуализацию обучения, системность обучения, контекстность обучения (термин А. А. Вербицкого), актуализацию результатов обучения, элективность обучения, развитие образовательных потребностей, осознанность обучения.

Направленность учебно-воспитательного процесса на формирование у обучаемых самообразовательных умений и навыков предъявляет новые требования к уровню сформированности этих навыков у самого преподавателя. Преподаватель может научить своих учеников учиться, если сам свободно владеет методикой самообразовательной деятельности.

Успешное решение проблем, связанных с организацией самообразовательной деятельности, во многом зависит от преподавателя, организующего, направляющего и контролирующего этот процесс.

Самообразовательная деятельность курсантов предусматривает подготовку рефератов, докладов, разработку творческих заданий в соответствии с учебной программой (тематическим планом изучения дисциплины). Основная цель данного вида занятий состоит в обучении курсантов и слушателей методам самостоятельной работы с учебным материалом.

Самостоятельная работа обучающихся под руководством преподавателя является одним из видов учебных занятий. Она проводится с целью приобретения навыков работы с источниками по данной учебной дисциплине, фундаментального изучения теоретических положений, отдельных вопросов и тем учебных программ, написания рефератов, выполнения индивидуальных работ и т. п. [3]. Самостоятельная работа курсантов под руководством преподавателя логически взаимосвязана с другими видами учебных занятий. Изучение сложной темы следует начинать с подготовки к выполнению разных по сложности самостоятельных работ. Это помогает избежать трудности в изучении учебного материала, большого количества вопросов и в результате приводит к достижению цели занятия.

Самостоятельную работу под руководством преподавателя целесообразно строить из трех основных частей: вводной (установочной); собственно самостоятельной работы курсантов по выполнению предложенного задания (исполнительской); подведения итогов.

Занятие начинается кратким вступительным словом преподавателя. Вводная (установочная) часть должна ориентировать курсантов на прочное освоение знаний, отработку умений и, если это предусматривается заданием, навыков, которые необходимы для его выполнения. На этом этапе выясняется и уточняется, к каким источникам следует обратиться при возникновении затруднений, как проверить результаты самостоятельной работы. Вводную часть занятия преподавателю следует ограничить до 5-10 минут [2].

На следующем этапе курсантам предоставляется возможность выполнить рекомендуемые задания самостоятельно. При этом способы самостоятельной работы они выбирают индивидуально, но методика достижения конечной цели определятся преподавателем и включает последовательность изучения и усвоения учебно-методического материала (пособий, руководств, наставлений и т. д.); определение главного в изучаемом материале, сведения, которые необходимо проработать и законспектировать; просмотр учебных кинофильмов на иностранном языке и их обсуждение; работу обучающихся по индивидуальным заданиям.

При возникновении затруднений у обучающихся в разрешении вопросов задания преподаватель проводит оперативную консультацию по любому вопросу. Для контроля усвоения учебного материала в конце каждого занятия проводится групповое собеседование или обсуждение изучаемого материала, контрольная работа, тест. Такие занятия при должной их организации позволяют не только оценить знание материала, но углубить и закрепить его у курсантов.

Другой формой проведения самостоятельной работы может быть изучение учебного материала по поставленным вопросам с последующим коротким обсуждением каждого из них. Контроль усвоения материала в данном случае будет более действенным.

В заключительной части самостоятельной работы преподаватель подводит итоги, сообщает, как работали курсанты, дает оценку, возможен отчет отдельных обучающихся, их заслушивание по результатам самостоятельной работы. Основная дидактическая цель подведения итогов –

научить курсантов анализировать ход и результаты работы, аргументировать свои выводы, оценивать содержание, рационально планировать свою учебную деятельность.[3]

Новые широкие возможности в самостоятельной работе над учебным материалом открываются с появлением на рабочих местах курсантов персональных ЭВМ и автоматизированных обучающих систем. Их использование на самостоятельных занятиях под руководством преподавателя позволяет:

– расширить информационную базу учебных занятий («Изобретатели», «История наземного транспорта», «Знаки отличия военнослужащих иностранных армий», «Русские лауреаты Нобелевской премии»);

– повысить активность курсантов, из пассивных получателей информации они превращаются в ее «добытчиков» («Тенденция развития автомобиля», «Компьютер»);

– развивать способности к анализу и обобщению, улучшать связанность, широту и глубину мышления;

– облегчить усвоение абстрактного материала, представляя его в виде конкретных образов («Сложносочиненное предложение в английском языке»);

– приучить курсантов к точности, аккуратности, последовательности действий;

– развивать самостоятельность.

Выход на новое качество подготовки будущих военных специалистов в военном вузе происходит путем широкого использования самостоятельной работы курсантов, в том числе на младших курсах; перевода наиболее «продвинутых» обучающихся на индивидуальные планы обучения, вовлечение их в научную работу курсантов.

В целом, ориентация учебного процесса в военном вузе на самостоятельную работу и повышение ее эффективности предполагает:

– увеличение часов на самообразование курсантов;

– организацию еженедельных консультаций, выдачу комплектов заданий на самостоятельную работу заранее или поэтапно;

– создание учебно-методической и материально-технической базы военного вуза (учебники, учебные и учебно-методические пособия в электронном виде, компьютерные классы и т. п.), позволяющие самостоятельно осваивать дисциплину;

– доступность лабораторий и специальных аудиторий для самостоятельной работы курсантов и др.

Консультации являются одной из форм руководства самостоятельной работой курсантов и оказания им помощи в освоении учебного материала по иностранному языку. Это одна из важнейших форм учебной работы в высших военно-учебных заведениях. Она проводится в часы самостоятельной подготовки и носит в основном индивидуальный характер. При необходимости, в том числе перед проведением зачетов, учебных игр, экзаменов, проводятся групповые консультации.

Наиболее ценными являются консультации, не связанные с учебными занятиями, касающиеся интересующей курсанта научной области. Формы проведения консультаций в военном вузе разнообразны. Педагогический опыт показывает, что наилучшие результаты дает консультация, которая начинается с вопросов курсантов, затем переходит в своеобразную беседу-дискуссию с преподавателем по наиболее важным проблемным вопросам, поднимаемым обучаемыми или же тактично выдвигаемым самим преподавателем.

При организации самостоятельной познавательной деятельности необходимо учитывать поэтапность и конкретные задачи обучения тому или иному виду деятельности.

Например, поскольку чтение – это вид речевой деятельности, в котором можно

практиковаться самостоятельно, формирование и развитие отдельных навыков и умений, как признают многие методисты, после сравнительно небольшой практики с преподавателем в основном может и должно осуществляться в режиме самостоятельной работы.

Для того чтобы курсант мог самостоятельно извлекать смысловую информацию при чтении, необходима определенная подготовительная работа при непосредственном руководстве со стороны преподавателя. Поэтому, хотя и очевидно, что основная часть работы по достижению программных целей в обучении чтению может осуществляться в режиме самостоятельной работы, представляется необходимым найти оптимальное соотношение разных видов заданий, заданий, выполняемых самостоятельно при обучении чтению, и заданий, осуществляемых при непосредственном контакте с преподавателем.

Курс обучения чтению на иностранном языке в военном вузе делится на три этапа. Задачей первого этапа обучения чтению является формирование базовых умений и развитие технических навыков чтения. В задачу второго этапа входит развитие и совершенствование специфических умений ознакомительного и изучающего видов чтения. На третьем этапе осуществляется дальнейшее развитие основных видов чтения, которыми должен владеть выпускник неязыкового вуза, включая просмотровое и поисковое чтение.

В ходе самостоятельной работы вне аудитории на первом этапе обучения рекомендуется формировать, прежде всего, технические навыки чтения. Выполнение этой задачи представляется наиболее рациональным преимущественно во внеаудиторное время с использованием технических средств обучения, прежде всего аудиовизуальных учебных материалов: печатный текст + магнитофонная запись. Обеспечивая одновременно зрительное и слуховое восприятие, упражнения с магнитофоном тренируют не только произношение слов и словосочетаний, но и правильное членение предложений на логико-семантические группы и их правильное интонационное оформление, а значит, ритм, темп и скорость чтения вслух, что является первым шагом в совершенствовании скорости чтения про себя.

В режиме самоконтроля возможно также усвоение языкового материала с использованием различного рода тестовых заданий (в основном множественного выбора). Для этого рекомендуется использовать как печатные тесты, программы безмашинного типа, реализуемые с помощью матричных устройств, так и обучающие машины. Использование контрольно-тестовых программ позволяет значительно увеличить долю текущего контроля в общем объеме времени, отводимом на проведение проверки.

К базовым умениям, которые следует формировать на первом этапе обучения в режиме самостоятельной работы, относятся умения смысловой обработки извлекаемой в ходе чтения информации, а именно: умение выделять основные и второстепенные факты, содержащиеся в тексте, соотносить отдельные части текста и обобщать излагаемую в нем информацию.

При этом для самостоятельного выполнения, как в аудитории, так и вне ее, могут быть рекомендованы задания, не требующие вербального воспроизведения текста. В этом случае от курсантов требуется только понимание информации, содержащейся в тексте, а контроль в этих упражнениях должен быть направлен на понимание прочитанного, его качественную и количественную оценку.

Задания для формирования умений смысловой обработки извлекаемой при чтении информации, которые рекомендуется выполнять самостоятельно в аудитории, должны быть ограничены во времени. Такими заданиями могут быть:

– прочитать текст и ответить (по-русски) на вопрос по содержанию текста;

– прочитать текст и определить значе-

ние выделенных слов по контексту и знакомым компонентам;

– просмотреть предложенную схему и прокомментировать ее.

Рекомендуемые задания способствуют развитию не только базовых умений чтения, но и навыков ознакомительного чтения, что имеет особое значение, поскольку ознакомительное чтение является одним из основных видов чтения, которым пользуется специалист в работе с научной литературой. Поэтому обучение чтению литературы по специальности и рекомендуется начинать с обучения данному виду чтения.

Второй этап обучения иностранному языку характеризуется становлением специфических умений ознакомительного и изучающего видов чтения. На этом этапе курсанты выполняют соответствующие задания, работая с текстами профориентированного характера и статьями по специальности. Причем работа с профориентированными материалами ведется коллективно в аудитории, в то время как работа с текстами по специальности проводится как коллективно, так и индивидуально, в ходе самостоятельного выполнения аудиторных и домашних заданий.

Работу над текстами и статьями по специальности на данном этапе рекомендуется начинать в аудитории. При этом для самостоятельной работы в аудитории целесообразно давать курсантам задания, которые способствовали бы созданию у них общего представления о содержании текста (статьи).

Продолжением работы над статьей будут задания на поиск заданной информации: нахождение конкретных фактов и положений. Эти задания на извлечение более полной информации рекомендуется выполнять самостоятельно во внеаудиторных условиях. В качестве примера таких заданий можно привести следующие упражнения:

– отметить в статье абзацы, в которых передана главная мысль (изложены основные мысли);

– изложить основные мысли в виде пунктов плана;

– озаглавить каждый раздел статьи;

– кратко (в объеме 8-10 предложений) изложить содержание статьи.

Задача третьего этапа профессионально ориентированного обучения иностранному языку заключается в том, чтобы научить курсантов самостоятельно читать тексты по специальности с варьируемой целью (ознакомления, поиска определенной информации, просмотра и углубленного изучения), а также выполнять различные виды работ (переводы, доклады, реферативные сообщения, аннотирование и т. п.) с оригинальной литературой по специальности

Особенностью самостоятельной работы на заключительном этапе обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе является то, что она осуществляется с целью извлечения, оценки, переработки и последующего использования содержащейся в тексте информации. Ядро самостоятельной работы на данном этапе составляют познавательно-информативные задания, в которых иностранный язык используется именно как средство получения информации для реальных задач учебной и научно-исследовательской работы курсантов. Такими познавательно-информативными заданиями, направленными на развитие умений самостоятельной работы с текстом на иностранном языке для извлечения информации, являются реферирование, аннотирование, конспектирование, тезирование, рецензирование, перевод оригинальных текстов по специальности.

Определенную профессиональную значимость для курсанта старшего курса представляет выполнение им профориентированных учебных заданий: отбор информации по теме заданной работы; отбор текстового материала и написание доклада на иностранном (русском) языке для выступления на конференции; пись-

менное изложение основного содержания или перевод статьи по заданию ведущей кафедры (цикла). Завершением работы в плане информативно-познавательных заданий является проведение конкурсов на лучший реферат (аннотацию, рецензию, тезисы, доклад, конспект, перевод).

Задания для самостоятельного чтения, используемые на третьем этапе, носят в основном творческий характер.

Все виды заданий последнего этапа обучения чтению выполняются в режиме самостоятельной работы. На консультацию с преподавателем при обучении чтению выносятся: инструктаж со стороны преподавателя; первичное выполнение новых видов заданий; консультации в связи с «расшифровкой» особо трудных для понимания отрезков текстов; задания, имеющие целью вербальное воспроизведение полученной при чтении информации; итоговый контроль.

Правильная организация самообразовательной деятельности курсантов способствует практической реализации концепции и модели организации самообразования курсантов при изучении иностранного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Змеев, С. И. Андрагогика: основы теории и технологии обучения взрослых. – М., 2003. – 208 с.

2. Образцов, П. И. Дидактика высшей военной школы [Текст]: учебное пособие / П. И. Образцов, В. М. Косухин; Академия спецсвязи России. – Орел, 2004. – 317 с.

3. Сластенин, В. А., Исаев, И. Ф., Шиянов, Е. Н. Педагогика. – М., 2002. – 568 с.

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (МГППУ)
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159.9
ББК 88.6
Педагогическая психология, социальная психология

ПСИХОЛОГИЯ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ» КАК ОДНОЙ ИЗ БАЗОВЫХ КАТЕГОРИЙ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Е. О. Гусева

В статье выделены основные этапы становления понятия «социальная компетенция» как одной из базовых категорий компетентностного образования; проведен анализ теоретических аспектов сущности понятия «социальные компетенции», дано его определение и выделены образующие компоненты.

Ключевые слова
Компетенция/компетентность, компетентностное образование, ключевые компетенции, социальные компетенции, компоненты социальной компетентности, самореализация личности

Современный этап развития отечественной системы образования определяется как этап модернизации, когда на смену традиционному подходу к организации образовательного процесса, как лишь передаче молодому поколению знаний, умений, навыков и ценностей прошлого, приходит компетентностная парадигма, целью и результатом которой, согласно утвержденным ФГОС, становится «воспитание успешного поколения граждан страны, владеющих адекватными времени знаниями, навыками и компетенциями…» [13]. Такой подход усиливает практическую направленность образования, поскольку теперь оно ориентировано на воспитание и развитие взрослеющего человека, готового к успешной профессиональной деятельности и дальнейшему саморазвитию, как составляющей процесса самореализации личности.

На основе анализа работ зарубежных и отечественных исследователей, занимавшихся проблемой компетенций с середины прошлого века, мы выделили три этапа выделения сущностных характеристик понятия «социальная компетенция» как одной из базовых категорий парадигмы компетентностного подхода в образовании:

Этап 1. 1950-1970 годы – появление в научной литературе термина «компетенция» (White, 1959); использование категории компетенция / компетентность в двух направлениях исследований: в сфере менеджмента и управления (White R.W., Argyris Ch., Boyatzis R.E., Spencer L., Spencer S.) и в теории и практике обучения языку (Chomsky N.); разработка и определение понятия «коммуникативная компетентность» (Hymes, Spivac G.,

Shure M.B., Oppenheimer).

Этап 2. 1980-2000 годы – развитие компетентностного подхода в образовании; определение содержания и структуры «ключевых компетенций» как желаемого результата образования (К. Прахалад, Г. Хэмел, Г. Халаж, Э. Ф. Зеер, А. М. Кондаков, Н. В. Кузьмина и др.); выделение категории «социальные компетенции» как составляющей ключевых компетенций (Ж. Делор, В. Хутмахер, А. В. Хуротской, В. И. Байденко, И.А. Зимняя, Т. В. Иванова и др.); разработка понятия «социальные компетенции» (М. Шуре, Г. Э. Белицкая, Ю. Мель, А. К. Маркова, В. Н. Куницына, И. А. Зимняя и др.).

Этап 3. С конца 90-х годов XX века категория «социальная компетентность» определяется как сложное многокомпонентное явление и становится предметом междисциплинарного рассмотрения, уделяется внимание вопросу формирования и развития социальных компетенций (М. И. Лукьянова, Г. Селевко, С. З. Гончаров, Н. В. Калинина, Т. И. Самсонова, А. А. Демчук, А. М. Прихожан и др.).

Многие исследователи (Э. Ф. Зеер, А. В. Хуротской, А. К. Маркова, А. А. Деркач, Ю. Мель и др.) определяя понятие «социальная компетентность», связывают его, в первую очередь, с профессиональной деятельностью и считают, что ее формирование происходит в основном в студенческие годы. Другие авторы (Е. В. Коблянская, В. Н. Куницына, Н. В. Калинина, Т. И. Самсонова, А. М. Прихожан), наоборот, относят формирование социальных компетенций к школьному возрасту, связывая их с процессом социализации и адаптации в социальной среде.

Важно отметить социальную природу происхождения социальной компетентности личности. Так И. А. Зимняя считает, что «все компетентности социальны в широком смысле этого слова, ибо они вырабатываются, формируются в социуме; они социальны по своему содержанию, они и проявляются в этом социуме», а социальные компетентности в узком смысле слова характеризуют взаимодействие человека с обществом, социумом, другими людьми [4, 26-41]. Центральным образованием в понятии «социальная компетенция», согласно Н. В. Калининой, выступает способность к успешной реализации социально-значимой деятельности, взаимодействию и разрешению проблем, что невозможно вне процесса превращения индивида в человека культуры конкретного социума [5].

По мнению Д. Майхенбаума, социальная компетенция – это, прежде всего, восприятие себя и другого в процессе общения, установление эффективного общения и выполнение социальной роли, а структуру социальной компетентности составляет взаимодействие системы смыслов и интересов индивида, его когнитивных процессов и поведения человека, которые связаны с его социальным окружением [17].

В специализированных психолого-педагогических словарях социальная компетенция определяется как социальные навыки (обязанности), позволяющие личности адекватно выполнять нормы и правила жизни в обществе [10, 318]. В социологии, как указывает Баранова Л. А., понятие социальной компетентности, помимо отношений между людьми, охватывает и другие сферы жизни социально-активного субъекта: экономическое, правовое, политическое, профессиональное, экологическое, антикриминальное поведение и т. д. [6].

Если проследить хронологическое развитие взглядов на определение сущностной характеристики и структуры социальной компетентности в психолого-педагогическом контексте (таблица 1), становится понятно, что с течением времени социальная компетентность представляется как все более сложный и многомерный феномен.

Таблица 1

Белицкая Г.Э. [1]	Уровень сформированности у личности внутренней соотнесенности процессов *осознания социальной действительности и ценностных ориентаций* на социальные явления	Мотивационный, когнитивный, поведенческий компоненты
Коблянскя Е.В. [7, 8]	*Умение выбрать социальные ориентиры* и умение организовать свою деятельность в соответствии с этими ориентирами	
Гончаров С.З.	*интегративное социальное качество личности*, которое соединяет в себе ценностные установки, ценностное понимание социальной действительности, категориальные конкретные социальные знания, необходимые для успешного осуществления человеком социальных технологий, субъективные качества и личные умения реализовывать социальные технологии в главных сферах жизнедеятельности человека» [16, 41-42]	Аксиологический, гносеологический, субъектный, праксиологический (технологический) компоненты [2]
Куницына В.Н. [11]	*Система знаний о социальной действительности и себе, система сложных социальных умений и навыков взаимодействия*, сценариев поведения в типичных социальных ситуациях, позволяющих быстро и адекватно адаптироваться, принимать решения со знанием дела, учитывая сложившуюся конъюнктуру; действуя по принципу "здесь, сейчас и наилучшим образом", извлекать максимум возможного из сложившихся обстоятельств	Оперативная социальная, вербальная, коммуникативная, социально-психологическая и эго-компетентность
Лукьянова М.И. [12]	Личностное формирование, представляющее собой *сознательное выражение личности*, проявляющееся в ее убеждениях, взглядах, отношениях,	Мотивационно-ценностный, операционно-содержательный, эмоционально-волевой

	мотивах, установках на определенное поведение, в сформированности личностных качеств, способствующих конструктивному взаимодействию	компоненты
Селевко Г.К. [15, 141]	Умение жить и работать вместе с другими людьми как мера способности человека включаться в деятельность	Когнитивная, операционально-технологическая, мотивационная, этическая, социальная и поведенческая составляющие
Калинина Н.В. [5; 7]	*Интегративное личностное образование*, представляющее собой систему знаний об обществе, умений, навыков поведения в обществе, систему отношений, проявляемых через личностные качества человека, его мотивации, ценностные ориентации, позволяющие интегрировать внешние и внутренние ресурсы для достижения социально-значимых целей и решения жизненных проблем	Когнитивно-поведенческая и мотивационно-личностная сущностные образующие
Самсонова Т.И. [14, 10]	*Интегративное личностное образование*, включающее знания, умения, навыки и способности, формирующееся в процессе социализации и позволяющее человеку адекватно адаптироваться в социальной среде и эффективно взаимодействовать с социальным окружением	Рефлексивный, ценностный и исполнительно-деятельностный компоненты
Демчук А.А. [3, 11]	Интегративная характеристика личности, включающя знания о социальных сетях, нормах реципрокности (взаимности),	Когнитивный, аксиологический (ценностно-смысловой),

Опираясь на вышеизложенные подходы к определению социальной компетентности, мы даем следующую трактовку этого термина: *социальная компетентность – это интегративное образование личности, представляющее собой сочетание ЗУН, способностей (формируемых в процессе социализации и обучения в пределах конкретного социума) и личностных качеств, обеспечивающее быструю адаптацию в изменяющихся условиях социальной среды, решение жизненных задач и эффективное взаимодействие с обществом.*

Большинство авторов, представляющих структуру социальной компетентности не в виде суммы отдельных компетенций, а раскладывающих ее на компоненты (М. И. Лукьянова, Г. Е. Белицкая, А. А. Демчук и др.), так или иначе, выделяют когнитивную, ценностную, мотивационную и деятельностную составляющие. Некоторые авторы вводят дополнительные компоненты: личностный (С. З. Гончаров, Н. В. Калинина), рефлексивный (Т. И. Самсонова), эмоционально-волевой (М. И. Лукьянова). Однако ни одна из предложенных ранее структур не кажется нам законченной, в полной мере описывающей суть социальной компетентности, поскольку авторы уделяют особое внимание одним компонентам, игнорируя при этом другие. Так Калинина отводит ведущую роль мотивационно-личностной образующей и упускает волевую составляющую, в структуре Самсоновой отсутствует когнитивный компонент, а в структуре Демчука – мотивационный.

Проанализировав имеющиеся подходы к описанию структуры социальной компетентности, мы определяем ее как систему взаимосвязанных компонентов:

– *когнитивный* – система знаний о себе и социуме; социальный интеллект;

– *перцептивно-рефлексивный*: восприятие себя и другого, восприятие социальной ситуации, анализ ситуации на основе восприятия и знаний, а также способность предвидеть последствия;

– *мотивационно-ценностный*: социальные нормы и правила, ценностные ориентации и жизненные цели личности, мотивы самореализации и принятие ответственности;

– *эмоционально-волевой*: самоконтроль, саморегуляция, принятие решений, готовность к действию;

– *личностный* – свойства и качества личности, необходимые в социальном взаимодействии: адекватно высокая самооценка, социальная ответственность, эмпатия, коммуникативность, целеустремленность и др.;

– *операционально-поведенческий*: умения и навыки в сфере социального взаимодействия.

Предложенную модель социальной компетентности мы соотносим с моделью самореализации личности (Ковров, 1996), где самореализация понимается как целостный процесс самосовершенствования, диалектически сочетающий в себе самоизменение и самостановление на протяжении всего жизненного пути личности [8, 134]. Каждый элемент «само» структуры личности [9, 17-18] находит свое выражение в компонентах социальной компетентности. Так когнитивный компонент социальной компетентности является результатом самоподготовки и самообразования личности; перцептивно-рефлексивный – самоощущения, самонаблюдения, самоанализа; мотивационно-ценностный – самовоспитания, самооценки, самоопределения; эмоционально-волевой – саморегуляции, самокоррекции, самоконтроля и самодисциплины; личностный – самопознания, самосознания; операционно-поведенческий – саморазвития и самовыражения.

С нашей точки зрения, данная модель наиболее полно и развернуто отражает сущностные характеристики социальной компетентности личности как одной из базовых категорий компетентностного образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белицкая Г. Э. Социальная компетенция личности // Сознание личности в кризисном обществе. – М., 1995.

2. Гончаров С. З. Социальная компетентность личности: сущность, структура, критерии и значение // Образование и наука. – 2004. – № 2(26). – С. 3-18.

3. Демчук А. А. Развитие социальной компетентности студентов в поликультурной образовательной среде вуза: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2010. – 23 с.

4. Зимняя И. А. Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. – М., 2004.

5. Калинина Н. В. Психологическое сопровождение развития социальной компетентности школьников: Автореф. дис. … д-ра психол. наук. – Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2006. – 42 с.

6. Калинина Н. В. Формирование социальной компетентности как механизм укрепления психического здоровья подрастающего поколения // Психологическая наука и образование. – 2001. – № 4. – С. 16-19.

7. Коблянская Е. В. Психологические аспекты социальной компетентности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 1995. – 16 с.

8. Ковров В. В. Психолого-педагогический анализ сущности феномена самореализации человека // Вестник ВятГГУ. – 2006. – № 14. – С. 127-135.

9. Ковров В. В. Самореализация подростка в общественном объединении: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – М.: Институт развития личности, 1996. – 22 с.

10. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике. – Москва: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. – 448 с.

11. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.

12. Лукьянова И. И. Базовые потребности возраста как основа развития социальной компетентности у подростков // Психологическая наука и образование. – 2001. – № 4. – С. 41-47.

13. Пояснительная записка к Федеральному Государственному Образовательному Стандарту основного общего образования.

14. Самсонова Т. И. Социальная компетентность подростков и технологии ее формирования: Автореф. дис. … канд. соц. наук. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – 24 с.

15. Селевко Г. К. Компетентности и их классификация // Народное образование. – 2004. – № 4. – С. 136-144.

16. Шабатура Л. Н., Стожко К. П., Гончаров С. З. Социальная компетентность личности // Вестник Учебно-методического объединения высших и средних профессиональных учебных заведений Российской Федерации по профессионально-педагогическому образованию / Урал. гос. проф.-пед. ун-т. (Екатеринбург). – 1997. – Вып. 2(20). – С. 40-43.

17. Meichenbaum, D. Components of the Model / D. Meichenbaum, L. Butler, L. Gruson // Social competence/ edited by Jeri Dawn Wine & Marti Diane Smye. – New York, London : The Guilford Press, 1981. – P. 37-60.

---

* – Выражаю искреннюю благодарность за всестороннюю помощь и консультации научному руководителю Коврову Владимиру Викентьевичу, кандидату педагогических наук, доценту, профессору кафедры педагогической психологии факультета психологии образования МГППУ

РЯЗАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ В. Ф. МАРГЕЛОВА

УДК 378
ББК 74.48
Педагогика

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ РУКОВОДЯЩЕГО И ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА В ВОСПИТАНИИ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ

Н. И. Привалов

В статье рассматривается роль руководящего и профессорско-преподавательского состава в воспитании нравственных ценностей у курсантов военных вузов.

Ключевые слова
Профессиональная компетентность, нравственные ценности, качества личности преподавателя

Управление и воспитание издавна относилось к разряду самых трудных и важных дел. Не случайно И. Кант писал: «Два человеческих изобретения можно считать самыми трудными: искусство управлять и искусство воспитывать …» [2, с. 195].

Руководящий состав осуществляет управление и руководство военным вузом, которое представляет сознательное регулирование сложных процессов и отношений – учебных, воспитательных, организационных, научных, методических, профессиональных, хозяйственных. Суть управления заключается в целенаправленном воздействии на структурные подразделения вуза, на профессорско-преподавательский состав, на курсантов с целью получения оптимальных результатов в учебно-воспитательном процессе, подготовке военных специалистов.

Управление образовательной организацией осуществляется на основе сочетания принципов единоначалия и коллегиальности.

Нормативно-правовой основой, регулирующей общие вопросы организации управления военными вузами является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», иные федеральные законы, нормативно-правовые акты Российской Федерации и Министерства обороны, уставы высших военно-учебных заведений.

В соответствии с приказом МО РФ к руководящему составу военно-учебного заведения относятся офицеры и лица гражданского персонала Вооруженных Сил, занимающие должности начальника военно-учебного заведения, заместителей (помощников) начальника военно-учебного заведения, начальников (заместителей начальников) центров (отделов) (учебно-методического, организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров).

Начальник вуза непосредственно организует и осуществляет управление воен-

но-учебным заведением и отвечает за состояние и деятельность вуза и всех его структурных подразделений.

Коллегиальным органом военного вуза является ученый совет, в компетенции которого входит решениевопросов учебно-воспитательного процесса и научно-исследовательской деятельности.

Воспитательная работа в военном вузе планируется, организуется и проводится под руководством начальника военно-учебного заведения, а непосредственную организацию и ее проведение осуществляет заместитель начальника по работе с личным составом и отдел (отделение) по работе с личным составом.

К преподавательскому составу военно-учебного заведения относятся офицеры, занимающие воинские должности начальников институтов, начальников факультетов, начальников кафедр, заместителей начальников кафедр, профессоров, доцентов, старших преподавателей, преподавателей и лица гражданского персонала Вооруженных Сил, занимающие должности заведующих кафедрами, профессоров, доцентов, старших преподавателей, преподавателей и ассистентов [5].

Преподаватель является ключевой фигурой учебно-воспитательного процесса. В процессе обучения преподаватель не только организует познавательную деятельность курсантов, но и выполняет важнейшую воспитательную роль, формирует личность курсанта, курсантский коллектив.

Роль руководящего и профессорско-преподавательского состава по воспитанию нравственных ценностей у курсантов военных вузов определяется официальным статусом и выполняемыми функциями.

Статус руководящего и профессорско-преподавательского состава определяется должностными обязанностями и правами, которые закреплены руководящими документами МО РФ и общевоинскими уставами.

Руководящий и профессорско-преподавательский состав военного вуза выполняет разнообразные функции. Это – руководящая, информирующая, ориентирующая, обучающая, развивающая, педагогической поддержки, воспитательная, контролирующая, обеспечения социальных потребностей и другие функции.

На выполнение функциональных обязанностей руководящим и преподавательским составом оказывают влияние разнообразные факторы, среди которых, основополагающими, на наш взгляд, являются – уровень профессиональной компетентности и ответственности руководящего и профессорско-преподавательского состава, государственный заказ на подготовку специалистов и имидж военного вуза.

Реализация факторов происходит через создание необходимых условий, формирующих среду, в которой возможно эффективное и динамичное развитие процесса.

От профессиональной компетентности руководящего и профессорско-преподавательского состава зависит четкая организация не только педагогического процесса, но всей жизнедеятельности военного вуза.

Общетеоретические вопросы формирования личности и профессиональной-компетентности исследовались Е. В. Бондаревской, Э. Ф. Зеером, Н. В. Кузьминой, А. К. Марковой, Дж. Равеном, В. В. Сериковым, В. А. Сластениным и др.

Различные аспекты формирования профессиональной компетентности нашли отражение в работах военных педагогов и психологов – И. А. Алехина, А. В. Барабанщикова, А. Т. Иваницкого, В. Я. Слепова, О. Б. Суханова, Н. Ф. Феденко, Г. И. Шпак, Я. Я. Юрченко и других.

В. А. Сластенин, считает, что профессиональная компетентность выражает единство теоретической и практической готовности к осуществлению какой-либо деятельности, характеризуя профессионализм личности [6, с. 40].

В исследовании О. Б. Суханова профессиональная компетентность представляет интегральную характеристику деловых и личностных качеств специалиста, отражающую уровень знаний, умений, опыт, достаточные для достижения цели данного рода деятельности, а также его нравственную позицию [7, с.13].

Анализ работ В. А. Козырева, Н. Ф. Радионовой, А. Л. Тряпицыной, позволяет определить профессиональную компетентность как интегральную характеристику, определяющую способности специалиста решать профессиональные проблемы и типичные задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной деятельности с использованием знаний, профессионального и жизненного опыта, ценностей и наклонностей [3].

Важнейшими условиями повышения профессиональной компетентности и ответственности руководящего и профессорско-преподавательского состава являются:

– осуществление грамотной кадровой политики;

– повышение квалификации руководящего и преподавательского состава;

– осуществление психолого-педагогической подготовки и переподготовки офицеров, вновь назначенных на должности преподавательского состава из войск;

– совершенствование профессионального и педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава;

– оптимизация комплексного планирования и руководства учебно-воспитательной деятельностью;

– ориентация на развитие творчества и инициативы профессорско-преподавательского состава и другие.

Изучение профессиональных, психологических и нравственных качеств офицерского и преподавательского состава, создание условий для карьерного роста, расстановка офицерского состава на соответствующие должности с учетом их личного желания и результатов конкурсного обора и последующее обучение составляют основу кадровой политики военного вуза.

Подбор кадров преподавательского состава, командиров подразделений должен осуществляться при всестороннем изучении индивидуальных качеств и квалификации претендентов.

Важными критериями являются: социальный статус и возраст кандидата, его профессиональный опыт, уровень военно-педагогических и организаторских способностей, нравственных качеств, таких как – скромность, честность, ответственность и другие. Важнейшим условием грамотной кадровой политики является ее открытость, гласность.

Главным критерием преподавательского состава лиц гражданского персонала, при назначении на должность является наличие ученой степени. К сожалению, такой подход не всегда оправдан, поскольку нередко упускаются из вида личностные качества и профессиональная компетентность претендента. Действенным средством для проверки профессиональных и нравственных качеств стало бы назначение испытательного срока при приеме на работу.

Важнейшим направлением работы руководящего состава военного вуза является отбор лучших офицеров для подготовки в адъюнктурах, с последующим назначением на преподавательские должности, организация ротации офицеров из войск в военные вузы и обратно.

Необходимо преодолеть формализм в подготовке офицеров из войск, вновь назначенных на преподавательские должности, как и переподготовку преподавателей из числа лиц гражданского персонала. В этих целях необходимо широко использовать возможности кафедр вузов, а такжефакультетов переподготовки и повышения квалификации ВУ и ВУНЦ МО РФ.

Руководство учебно-воспитательной деятельностью профессорско-преподавательского состава, а также повышение

педагогического мастерства осуществляется в ходе проведения учебно-методических сборов, методических совещаний, научно-методических конференций, семинаров, проведении всех видов учебных занятий, распространения передового опыта лучших преподавателей, контроля учебных занятий, стажировок и других мероприятий.

По мнению В. Медведева компетентность преподавателя должна быть представлена тремя компонентами: гностическим, функциональным и этическим. При отсутствии первого компонента преподавателя можно считать ремесленником, второго компонента – функционально-безграмотным, третьего – социально опасным человеком [4].

Группа ученых Военного университета И. А. Алехин, Т. С. Сливин, С. В. Тенитилов выделяют следующие группы качеств, которыми должен обладать преподаватель:

1. профессионально-нравственных – педагогическое призвание и направленность, профессиональный патриотизм и педагогический долг, интеллигентность, гуманность и оптимизм.

2. интеллектуально-стимулирующих – педагогические убеждения, право преподавателя на творческую индивидуальность, а в критических ситуациях – смелую защиту своих идей.

3. организационно-коммуникативных-личная организованность и педагогическая общительность.

4. деятельностно-новаторских – профессиональная и педагогическая компетентность, сочетаемая с обостренным чувством нового и устремленностью к инновациям.

5. личностно-педагогических – информационная и компьютерная подготовленность, предвидения и творческой перспективы.

6. воспитательно-мобилизующих – опора на эмоциональную сферу в обучении и воспитании.

7. саморазвития преподавателя:

– способность к эмпатии, сензитивность к интересам и потребностям воспитанников;

– умение придать личностную окраску преподаванию;

– установка на создание позитивных подкреплений для развития положительной Я-концепции у обучаемых;

– умение управлять собой и обучаемыми;

– владение разными стилями формального и неформального общения с воспитанниками;

– эмоциональная уравновешенность, самообладание, уверенность в себе, жизнерадостность;

– умение регулировать конфликты ненасильственным путём;

– уважительное отношение к чужим традициям и верованиям;

– креативность;

– способность к рефлексии [1].

Эффективность формирования нравственных ценностей у курсантов военных вузов может быть оценена с помощью интегративного критерия – успешности их обучения и воспитания.

Важным условием качественного исполнения преподавателем функциональных обязанностей является освобождение его от исполнения несвойственных функций, бумаготворчества, различных отчетов, которыми изобилует современная практика.

Руководящему и профессорско-преподавательскому составу военного вуза присущ не только специфический набор знаний и умений, но определенное мировоззрение, жизненные ценности и установки, особенности профессионального поведения, которые оказывают влияние на формирование у курсантов общей и военной культуры.

Нравственная атмосфера в военном вузе, соблюдение этики взаимоотношений создают особое нравственное пространство, в котором формируются и утверж-

даются нравственные ценности курсантов военных вузов.

Важным условием повышения профессиональной компетенции руководящего и профессорско-преподавательского состава является оптимизация комплексного планирования и руководства учебно-воспитательной деятельностью.

Необходимо заметить, что объем учебной нагрузки между преподавательским составом разный в силу различных причин. Было бы справедливым разницу в учебной нагрузке среди преподавателей «заполнять» проведением воспитательной работы в курсантских подразделениях. Более того, считаем, что воспитательную работу необходимо учитывать в общей нагрузке профессорско-преподавательского состава. Это позволило бы преподавательскому составу активно участвовать в воспитательной работе, повысить ее эффективность и качество, укрепить свой авторитет в курсантской среде.

По нашему мнению, при планировании образовательного процесса военного вуза необходимо включать участие руководящего состава в проведении учебных занятий и проведении мероприятий воспитательной работы в подразделениях. Это повысит их авторитет у курсантов.

Важным фактором повышения роли руководящего и профессорско-преподавательского состава в воспитании нравственных ценностей у курсантов военных вузов является государственный заказ на подготовку специалистов.

Условиями реализации этого фактора являются:

– научно-обоснованное определение состава учебных дисциплин и количество часов на их изучение;

– подготовка или подбор преподавательского состава необходимой квалификации в соответствии с государственным заказом на подготовку специалистов;

– организация и подготовка учебно-методических комплексов учебных дисциплин;

– развитие учебно-материальной базы.

В соответствии с «Законом об образовании в РФ» вузам предоставлена самостоятельность в определении содержания образования. К сожалению, в отдельных случаях состав изучаемых дисциплин и количество часов, определяемых на их изучение определяется не научно обоснованным подходом, а особым отношением к кафедрам в военных вузах.

Имидж военного вуза накладывает особую ответственность в деятельности руководящего и преподавательского состава за качество подготовки курсантов к профессиональной деятельности, нравственном воспитании. Степень подготовленности военного специалиста и доверие к нему, развитие его личностных качеств нередко определяет название военного вуза, оконченного специалистом. Каждый военный вуз имеет свой стиль в обучении и воспитании будущих офицеров. Особое значение придается воспитанию таких нравственных ценностей как – честность и порядочность, мужество, отвага, чувство ответственности, дисциплинированность, боевое (десантное) братство, достоинство, взаимовыручка, решительность, воинский долг, офицерская честь, единоначалие, дружба и войсковое товарищество, командирская воля и другие.

Таким образом, ведущая роль руководящего и профессорско-преподавательского состава в воспитании нравственных ценностей у курсантов военных вузов осуществляется под воздействием ряда факторов, среди которых особую роль играют – уровень профессиональной компетентности и ответственности руководящего и профессорско-преподавательского состава, государственный заказ на подготовку специалистов, имидж военного вуза.

Условиями реализации названных факторов являются:

– осуществление грамотной кадровой политики;

– повышение квалификации руководя-

щего и преподавательского состава;

– осуществление психолого-педагогической подготовки и переподготовки офицеров, вновь назначенных на должности преподавательского состава из войск;

– совершенствование профессионального и педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава;

– оптимизация комплексного планирования и руководства учебно-воспитательной деятельностью;

– ориентация на развитие творчества и инициативы профессорско-преподавательского состава;

– научно-обоснованное определение состава учебных дисциплин и количество часов на их изучение;

– подготовка или подбор преподавательского состава необходимой квалификации в соответствии с государственным заказом на подготовку специалистов;

– развитие учебно-материальной базы;

– качество подготовки специалистов и другие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алехин И. А., Сливин Т. С., Тенитилов С. В. Теоретические основы педагогики высшей военной школы в логических схемах и таблицах. – М.: ВУ, 2003.

2. Кант И. О педагогике / И. Кант. Хрестоматия по истории педагогики: В 3 т. / Под ред. А. И. Пискунова. – Т. 2. – М.: Новое время, 2006. – 464 с.

3. Компетентностный подход в педагогическом образовании / Под ред. В. А. Козырева, Н. Ф. Радионовой, А. П. Тряпицыной. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 392 с.

4. Медведев В. Подготовка преподавателя высшей школы: компетентностный подход // Высшее образование в России. – 2007. – № 11. – С. 46-56.

5. О мерах по реализации отдельных положений ст. 81 ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»: Приказ Министра обороны Российской Федерации от 15 сентября 2014 № 670 // Российская газета. – 2014. – 30 декабря.

6. Сластенин, В. А. и др. Педагогика: Учеб. пособие / В. А. Сластенин. – М.: Школа-Пресс, 1998. – 512 с.

7. Суханов О. Б. Профессиональная компетентность командиров военных вузов как фактор развития культуры межнационального общения: Автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Суханов Олег Борисович. – М., 2013. – 23 с.

ДОНБАССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКА УКРАИНА, г. СЛАВЯНСК

УДК 159.9: 378
ББК 88.6+74.48
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ БУДУЩИХ ПРАКТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ

И. В. Эндеберя

В статье проанализированы концептуальные теоретические подходы к изучению проблемы профессионального становления личности, предпринято продуктивную попытку раскрыть специфику профессиональной подготовки будущих специалистов в отрасли практической психологии в рамках современной системы высшего образования.

Ключевые слова
Профессиональное становление личности, профессиональная подготовка, будущий практический психолог

Постановка проблемы. Одной из актуальных проблем современного образования является профессиональная подготовка специалиста-психолога, профессиональные умения которого отвечали бы актуальным потребностям общества. А для этого в рамках процесса профессионального становления в ВУЗЕ будущий специалист должен овладеть целой системой умений для осуществления психодиагностической, психокоррекционной, консультационной, психотерапевтической, тренинговой, психопрофилактической работы. Именно поэтому на первый план выходит вопрос не просто повышение уровня теоретической профессиональной подготовки студентов-психологов, а прежде всего создание условий для практической насыщенности педагогического процесса профессионального становления будущих специалистов.

В Национальной доктрине развития образования в Украине определено: «Главная задача высшей школы – профессиональная подготовка студентов, формирование специалистов с высшим образованием, способных к творчеству, принятию оптимальных решений, таких, что владеют навыками самообразования и самовоспитания, умеют согласовывать свои действия с действиями других участников совместной деятельности» [3]. Ведущей деятельностью в высшей школе является учебно-профессиональная, которая требует от студента значительной академической активности, усвоение новых психологических норм и критериев социокультурного развития (Л. Подоляк, В. Юрченко). Именно она наиболее интенсивно влияет на личностный рост и профессиональное становление студентов, приобретения ими важных профессиональных знаний, умений и навыков.

В процессе учебно-профессиональной

деятельности завершается профессиональное самоопределение субъекта, трансформируется структура его самосознания, формируется социально-профессиональный аспект «Я-концепции», возникают такие новообразования, как профессиональная идентичность, профессиональная рефлексия, профессиональное мышление, готовность к профессиональной деятельности.

Цель статьи – рассмотреть существующие теоретические подходы к проблеме профессионального становления личности, проанализировать особенности современной профессиональной подготовки студентов-психологов и выделить основные детерминанты успешного профессионального становления будущих специалистов в период обучения в ВУЗЕ.

Анализ последних исследований и публикаций. Анализ литературных источников показал, что в современной отечественной психологии есть немало исследований, посвященных различным психологическим аспектам профессиональной деятельности и профессионализации личности в целом (А. Ермолаева, Л. Захарова, Е. Зеер, Е. Климов, Т. Кудрявцев, С. Максименко, С. Марков, А. Маркова, Л. Митина, Ю. Поваренков, Н. Пряжников, В. Рыбалка, Д. Сьюпер, Т. Титаренко, В. Шадриков, С. Шандрук и др.) и профессионального становления будущих психологов в частности (Г. Абрамова, И. Андрийчук, Н. Бадалова, А. Бондаренко, Ж. Верная, Л. Долинская, И. Зязюн, Т. Ильина, А. Кондрашихина, Н. Коломинський, И. Мартынюк, В. Панок, Н. Повьякель, Н. Пророк, В. Семиченко, Л. Уманец, Н. Чепелева, Н. Шевченко, Л. Шнейдер и др.) В трудах данных ученых находим мысль о том, что профессиональная подготовка будущих психологов должна осуществляться в новой личностно-ориентированной парадигме, предусматривать актуализацию профессионально важных личностных качеств, ориентироваться на формирование профессиональной компетентности психолога, а также создание системы профессиональных навыков, которые позволяют достигать профессионального успеха, самореализации, обретения профессиональной культуры общения, профессиональной интуиции, рефлексии. Рассматривая подготовку будущих практических психологов как период профессионального становления, можно предположить, что этот процесс развития профессионально значимых качеств и способностей, профессиональных знаний и умений, сопровождается активным качественным преобразованием личностью своего внутреннего мира, приводящее к принципиально новому способу жизнедеятельности – творческой самореализации в профессии.

Поскольку в психолого-педагогической литературе широко используется термин «профессиональное становление» личности, а современные исследователи рассматривают его с различных позиций и подходов, уместно подробнее остановиться на отдельных из них. Например, Т. Кудрявцев рассматривает «профессиональное становление» как длительный процесс развития личности с начала формирования профессиональных намерений до полной реализации себя в профессиональной деятельности. Центральным звеном этого процесса выступает профессиональное самоопределение [2]. Ученый также считает, что профессиональное становление не является кратковременным актом, охватывающий лишь период обучения в ВУЗЕ. Оно является длительным, динамическим, многоуровневым процессом, который состоит из четырех основных стадий (возникновения профессиональных намерений; непосредственное профессиональное обучение; процесс активного вхождения в профессию; полная реализация личности в профессии). Переход к каждой последующей стадии закладывается в ходе предыдущей и сопровождается возникновением у субъекта ряда противоречий и кризисов.

По мнению Е. Зеєра, профессиональное становление, будучи «формообразованием» личности, адекватной требованиям профессиональной деятельности, предполагает использование совокупности развернутых во времени приемов социального взаимодействия личности, включение ее в разнообразные профессионально значимые виды деятельности [2]. Такой подход к пониманию процесса социализации позволяет говорить о том, что личность в этом процессе должна измениться так, чтобы соответствовать требованиям профессиональной деятельности. С нашей точки зрения, профессиональное становление, кроме необходимости соответствовать требованиям конкретной профессиональной деятельности, должно рассматриваться в контексте решения профессионально важных задач, которые постепенно усложняются и способствуют овладению специалистом необходимым комплексом профессионально значимых деловых, личностных, коммуникативных, моральных качеств и тому подобное.

Попытки охарактеризовать процесс профессионального становления и его стадии находим также в работах В. Бодрова, А. Деркача, В. Зазикина, Е. Климова, С. Максименко, А. Марковой, Л. Митиной, Н. Самоукиной, Д. Сьюпера, В. Шадрикова, Т. Щербан и др.

Е. Климов [1] предлагает следующую последовательность стадий профессионального становления: оптация – период выбора профессии в учебно-профессиональном заведении; адаптация - вхождение в профессию и привыкание к ней; фаза интернала - приобретение профессионального опыта; мастерство – квалифицированное выполнение трудовой деятельности; фаза авторитета – достижение профессионально высокой квалификации; наставничество – передача профессионалом своего опыта. В концепции Л. Митиной отсутствует взаимосвязь между возрастом личности и ее профессиональным развитием. В данной модели профессионал характеризуется способностью увидеть собственную профессиональную деятельность целостной [2].

В акмеологической концепции профессионального развития А. Деркача и В. Зазикина развитие субъекта труда до уровня профессионала рассматривается в контексте общего расширения субъектного пространства личности, ее профессионального и нравственного «обогащения», в связи с изменениями и развитием подсистем профессионализма личности и деятельности, нормативной регуляции, мотивации на саморазвитие и профессиональные достижения [2].

Стадии профессионального развития, за Д. Сьюпером, соотносятся с этапами жизненного пути человека. Предлагая понятие профессиональной зрелости, автор акцентирует внимание на соответствии поведения задачей профессионального развития, характерным для данного возраста [6]. В общем, весь процесс профессионального развития можно разделить на три больших этапа: 1) профессиональное самоопределение и выбор профессии – здесь происходит зарождение того, что выступает затем как профессиональная компетентность и эффективность; 2) профессиональное становление – в этот период происходит непосредственное формирование профессиональной компетентности; 3) профессиональное совершенствование. Здесь большинство проблем рассматривается в рамках конкретных профессиональных дисциплин или же в акмеологии [6].

В последнее время, при анализе проблемы динамики профессионального становления и развития, ученые фокусируют внимание на исследовании такого явления, как «кризиса профессионализации» (Е. Зеер, Е. Климов, Е. Симанюк). Под кризисами профессионального становления понимаются непродолжительные по времени периоды (до года) кардинальной перестройки личности, изменения вектора ее профессионализации. Эти

кризисы проходят, как правило, без ярко выраженных изменений профессионального поведения. Однако перестройка смысловых структур профессионального сознания, переориентация на новые цели, коррекция и ревизия социально-профессиональной позиции подготавливают смену способов выполнения деятельности, ведут к изменению взаимоотношений с окружающими людьми, а в отдельных случаях – к смене профессии.

Существуют также работы, где предпринята попытка выделить типы подобных кризисов и описать их в соответствии с логикой профессионального становления личности. Возвращаясь к вопросу профессионального становления будущих психологов, отметим, что последнее происходит в рамках профессиональной подготовки в ВУЗЕ и является достаточно сложным процессом, который требует учета специфики студенческого возраста как важной стадии личностного развития, выявления сущности этапов и детерминирующих факторов становления профессионала в области психологии, определения роли и места способностей, интересов, мотивов и индивидуально-личностных особенностей в формировании профессионально важных качеств специалиста, а также оптимизации условий успешного профессионального развития. В работах О. Бондаренко, Н. Коломинського, В. Панка, Н. Повьякель раскрываются идеи внедрения «уровневого» подхода в контексте решения проблемы подготовки и дальнейшего профессионального становления психологов, что предполагает наличие четкой структуры умений и качеств будущего специалиста.

По мнению А. Бондаренко, проблема профессионально-личностной подготовки психолога-практика включает четыре взаимосвязанных аспекта: 1) построение теоретической модели специалиста, которая предполагает разработку стандартов (норм и нормативов), требований к личности и деятельности практического психолога; 2) первичный отбор профессионально пригодных кандидатов; 3) разработку содержания обучения и развития психологов-практиков; 4) решение проблем собственного профессионального самоопределения специалистов, ведущей из которых является проблема профессиональной идентификации [6].

В. Панок [4] указывает на значимость процесса профессиональной подготовки в рамках обучения в ВУЗЕ и предлагает трехуровневую структуру получения профессиональных психологических знаний. Основу первого, общенаучного уровня должны составлять теории, гипотезы и факты, установленные в исследованиях. Второй уровень – это практическая психология, третий – приемы и опыт работы в конкретной технике (техниках), или так называемый индивидуально-типологический уровень, призван учитывать особенности каждой личности учащегося.

По мнению Н. Чепелєвой, система организации подготовки практического психолога должна включать мировоззренческий, профессиональный и личностный уровни, направленные как на формирование профессионального сознания, психологической культуры и профессионально значимых личностных качеств, так и на овладение соответствующей системой знаний, технологии практической деятельности будущего психолога [6].

И. Зязюн, анализируя специфику профессионального становления психологов, указывает на необходимость формирования способности к рефлексии, которая способствует профессиональному самоопределению и формирует способность эффективно решать внутренние проблемы. Ученый отмечает, что в подготовке психологов важным является поиск новых методов работы, поскольку требования к личности психолога-практика отличаются от требований к личности студентов других специальностей [6].

В целом, в отечественной психологической литературе вопросы подготовки

практических психологов освещается также за следующими аспектами: компоненты профессионализма психолога (Д. Богоявленская, А. Бондаренко), специальные способности и профессионально важные качества будущих психологов (Н. Аминов, Н. Бачманова, И. Мартынюк, Н. Молоканов, Н. Обозов, Г. Овчарова, Н. Пророк), формирования личностных конструктов будущих специалистов (Г. Абрамова, И. Дубровина, Ю. Емельянов, Л. Язык, Н. Повьякель, Л. Уманец, Н. Шевченко), методологические и теоретические аспекты их подготовки (Г. Балл, А. Бондаренко, Л. Бурлачук, Г. Мэй и др).

По нашему мнению, учебный процесс в ВУЗЕ должен ориентироваться на использование ряда психологических средств активизации профессионального становления студентов в формах как целенаправленного применения психодиагностики профессионально важных качеств, консультирования, социально-психологических тренингов (СПТ) профессионального и личностного роста, направленных на активизацию соответствующих структур в личности будущего специалиста. Участие в тренинговых группах позволит студентам овладеть системой соответствующих психологических знаний, способствовать росту самопознания участников и способности позитивного отношения к себе и жизни, будет стимулировать развитие способности анализировать собственное поведение с целью помощи себе и другим в достижении более эффективных межличностных взаимоотношений. Современные исследователи используют различные методы и виды СПТ, однако руководствуются в своей работе общими позициями. Прежде всего, это ориентация на широкое использование обучающего эффекта группового воздействия; реализация принципа активности субъекта через включение в обучение, выполнение специальных упражнений; создание в процессе работы группы ситуаций, в которых членам группы необходимо самим найти решение проблемы; сочетание интеллектуальных и эмоциональных аспектов психики. Оптимизация процесса личностно-профессионального развития также должна включать необходимость формирования профессиональных установок, умений и навыков.

Среди детерминант успешного профессионального становления будущих психологов в период обучения в ВУЗЕ также можно выделить морально-этическое совершенствование их личности, содействие самореализации и решении личных психологических проблем, активизации профессиональной мотивации, единство содержания, форм, методов обучения, субъектные отношения между преподавателями и студентами. Кроме того, важной предпосылкой эффективной профессиональной деятельности практического психолога выступает процесс гармонизации личности, что обеспечивает уровень его мастерства. Одним из ведущих методов формирования гармоничной личности специалиста-психолога выступает принцип личностного подхода, о необходимости разработки и введения которого в обучающе-воспитательную систему говорят немало зарубежных и отечественных ученых.

Выводы. Процесс профессионального становления – сложный и многогранный. Он требует как от преподавателя ВУЗА, так и от студента сложной работы над формированием системы профессионально важных знаний, умений, навыков, соответствующего научно-культурного кругозора. Важной задачей выступает также развитие целостной, гармоничной личности, ориентированной на самопознание и самоизменения.

Именно поэтому профессиональное становление современного квалифицированного специалиста, в том числе и в области практической психологии, должно строиться на использовании личностного подхода, психолого-педагогического принципа организации профильной и

профессиональной подготовки.

Проблема же профессиональной подготовки неразрывно связана с необходимостью формирования тех или иных профессиональных качеств, способностей и индивидуально-личностных особенностей, необходимых специалисту соответствующего профиля. В этом контексте учебно-воспитательный процесс должен обеспечивать условия для формирования у студентов таких групп интересов, потребностей, убеждений, которые бы направляли их на личностную и профессиональную самореализацию и самосовершенствование.

Перспективным мы считаем фундаментальные исследования механизмов профессионального становления и профессионального развития будущего психолога, что поможет оптимизировать процессы профессионализации и личностного роста в ходе освоения профессии с учетом реформирования системы образования и потребностями. Кроме того, считаем актуальной работу над внедрением в учебно-воспитательный процесс программ психологического сопровождения профессионального становления будущих специалистов, что обеспечит сбалансированность процесса профессионализации, эффективность процесса личностно-профессионального совершенствования молодого поколения и успешность в выбранной профессиональной сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения / Е. А. Климов. – М.: 1996.

2. Навчальний процес у вищій педагогічній школі: Навч. посібник / За заг. ред. О. Г. Мороза. – К.: НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2001. – 337 с.

3. Національна доктрина розвитку освіти (Україна у XXI ст.): Затв. Указом Президента України 17 квітня 2002 р. № 347 // Освіта. – 2002. – № 26. – С. 2-4.

4. Панок В. Реформування змісту, форм і методів підготовки практикуючих психологів як нагальна вимога суспільної практики / В. Панок // Проблеми підготовки і підвищення кваліфікації практичних психологів у вищих навчальних закладах. – К.: Ніка-Центр, 2002. – С. 18-28.

5. Шевченко Н. Ф. Актуальні питання професійної підготовки психологів у системі вищої освіти // Психологічній службі системи освіти України 10 років: здобутки, проблеми і перспективи. – К.: Ніка-Центр, 2002. – С. 186-189.

6. Шинкаренко О. Про деякі мотиви вибору професії практичного психолога//Проблеми підготовки і підвищення кваліфікації практичних психологів у вищих навчальних закладах. – К.: Ніка-Центр, 2002. – С. 54-56.

7. Чепелєва Н. В. Теоретичне обґрунтування моделі особистості практичного психолога / Н. В. Чепелєва, Н. І. Пов'якель // Психологія: Збірник наукових праць. – Вип. 3. – К.: НПУ ім. М. П. Драгоманова, 1998. – С. 35-41.

CHANGCHUN UNIVERSITY
CHINESE PEOPLE'S REPUBLIC

УДК 378
ББК 74.48
Педагогика, методика иностранного языка

ON CULTURAL INTRODUCTION IN COLLEGE ENGLISH TEACHING

Shan Yu [Шань Юй]

At present, English has become an important tool for international communication. It is not only in line with the requirements of the times, but also the development of society. In recent years, with the continuous development of social linguistics and teaching research, the relationship between language research and cultural studies, language teaching and culture teaching is becoming more and more important. The ultimate goal of English teaching is to enable learners to use the language to communicate. In order to have the successful communication, the cultural factors and the background knowledge cannot be ignored except for the good knowledge of the structure of the language. Because of the natural relationship between language and culture, they are closely related to college English teaching. The connotation of cultural awareness in college English teaching plays a very important role.College English teaching should pay attention to the input of culture while teaching students language and put the integration of language teaching and culture teaching into a complete teaching category.

Key words
College English teaching, culture input, teaching methods

The objective of College English teaching is to cultivate students' comprehensive ability of using English, at the same time, strengthen the ability of independent learning, improve the comprehensive cultural quality in order to adapt to the needs of social development and international exchange. Over the years, for deepening the reform of teaching and mentioning high teaching quality, teaching and research staff continue to explore and learn from many domestic and foreign teaching theories, trying to improve students' communicative competence.

Linguists believe that communicative competence includes grammatical competence, social language competence, discourse competence and strategic competence. To further enrich the teaching of college English connotation is not only the requirement of language teaching itself, but also the need of a reality.

I. The Relationship between Language and Culture

Language and culture are closely related to each other. Language is the carrier of culture and the main part of it.

To define «what is language?» is really difficult even for the linguists and the

scholars. Here, I just cite a few for discussion.

Language is a system whose parts can and must be considered in their synchronic solidarity[1].

Language is a set (finite or infinite) of sentences, each finite in length and constructed out of a finite set of elements[2].

Language is a purely human and non-instinctive method of communicating ideas, emotions and desires by means of voluntarily produced symbols[3].

In broad terms, linguists agree to define language as a system of arbitrary vocal symbols used for human communication[4].

Culture, in a broad sense, refers to what has been created spiritually and substantially in social activities of human beings, namely all the achievements of civilization made by human beings such as art, literature, philosophy, religion, science and technology. It is the compound unit of the human beings and their achievements[5].

All activities, which the human beings apply consciously onto nature and society, and which are not done out of their instincts, belong to the category of culture[6].

Culture … is not observable behavior of a group of people, but an abstraction derived from it. Culture is a set of rules or standards which, when acted upon by members of asociety,produce behavior that falls within the range of variance that members consider proper and acceptable[7].

Kluekhohn's interpretation of culture states this point of views: «Culture is a way of thinking, feeling, believing. It is the group' sknowledge stored up (inmemories of men; in books and objects) for future use»[8].

The definition of language and culture is different, each according to their lights. The relationship between culture and language, which is closely related, is also different from each other. According to Brown, the relationship of language and culture are inseparable. «Culture andlanguage are so intricately interwoven that one cannot separate the two without losing the significance of either language or culture. The acquisition of a second language, except forspecialized, instrumental acquisition, is also the acquisition of a second culture»[9]. Language is the most initial culture, is a part of culture. Human beings have the language, the individual can put their knowledge, ideas, and other aspects of the creation of the act to let others know, spread in the community, so that it becomes part of the social culture. Human language is the medium of human culture, and it is the cornerstone of the progress of human culture. Language stores the experience of the labor and the life of the people, which reflects the people's understanding and attitude to the objective world, the development of the nation and the society. People must learn the language before they can master the accumulation of its culture. When people are learning a language, at the same time they are understanding the culture of this nation. But the language cannot transcend the culture and exist independently, cannot be separated from a nation and spread. Cultural development can promote the development of language, while the development of language and abundance is also the necessary prerequisite for the development of the whole culture.

Although different experts put forward the relationship between language and culture from different perspectives, the point of view is that: language and culture are inseparable. Language is the carrier of culture, the manifestation of culture. Language is a part of culture, and the spread and development of culture is bound to the use of language. Language is influenced by culture, which in turn has a certain influence on the culture. Language is developed with the development of the nation, and the development of culture is rich and expanded. Language is a new change with the development of culture. The essence of language is cultural differences. English teaching is a language teaching, so English teaching cannot be separated from the culture. Along with our country opening to the outside world, the international communication is becoming more and more

frequent, the national contact is increasing. Because of the difference of culture, the obstacle and misunderstanding are also reflected in the communication. This decides that learning foreign language is bound to learn the culture of the language. The ultimate aim of English communication is to cultivate students' communicative competence. But if you do not understand the culture of English speaking countries, customs and habits, youcould not experience the culture of the country, also will not be very good with the communication.

II. The Culture Input in College English Teaching

As a result of the close relationship between language and culture, it is very necessary for the experts in English linguistics to import the culture into English language teaching to improve students' communicative competence. Professor Deng Yanchang in Beijing foreign language college, according to his own experience in English teaching and learning, reference to contemporary linguistics, wrote the book «Language and Culture». By comparing the differences between Chinese culture and Western culture, the author discusses the important cultural factors involved in the use of English. And in a large number of examples, we must master the rules ofEnglish, which can be used to express the right words, and the appropriate language. ChenZhonghua and Han Xiaoling in the bookthe Linguistics and Cultural Anthropology of Marginalization and Overlapping Field, point out that linguistic and cultural anthropology in theories and research methods are intercross and penetration, produce a large overlapping areas, its core is «language and culture and their relationship». This more strengthens the framework of the subject system of human cultural linguistics, enriches and deepens the theoretical understanding of language, culture and their relationship.

Compared with the traditional foreign language teaching, the modern foreign language teaching pays more attention to the communicative function of language, which advocates the main task of teaching is to cultivate students' ability to use language, and how to use the language to communicate. In modern foreign language teaching, it emphasizes the students as the center and the social significance of the language. Students in the teaching activities should be lively and vivid to acquire knowledge and improve skills; it also emphasizes the factors of culture and society in the language, and puts the communicative function of language in the first place. Overall, these features reflect the basic features in language learning and teaching. It represents the development trend of foreign language teaching.

With the continuous development of China's opening to the outside world, intercultural communication is increasing day by day. Therefore, language teaching should be related to the culture teaching. Language learning should be understood through the understanding of its culture. Only in a clear understanding of the common character and personality of the national culture and target language culture, it can be effectively communicated. Language is the carrier of culture and culture is restricted by language. If only master the language itself, and not to learn its cultural heritage, people not only cannot clearly express their ideas, but sometimes let the other side have a misunderstanding. Therefore, in the process of college English teaching, teachers should not only cultivate the students' language ability, but also pay attention to their cultural input. In addition, cultural input can stimulate students' learning interest, so as to achieve the purpose of English teaching, and also it has a positive impact in language learning.

III. Teaching Connotation of Cultural Consciousness

1. open culture and concealed culture

Public culture mainly refers to the material culture, such as clothing, road, building, food, furniture, transportation, streets, villages, etc. The standard of public culture is the thing

that can be seen with the naked eye. Concealed culture mainly refers to soft culture, that is, the spiritual culture, including the hidden deep soft culture and the relatively shallow depth soft culture hidden in the material culture.

Therefore, college English teaching should be divided into two levels, which are the open culture and the concealed culture. At this time, the public culture mainly refers to the words culture and knowledge culture. And the concealed culture mainly refers to the culture of the idea. The former is visible and can be described. The latter is not visible and difficult to feel.

2. to reveal the key and difficult point of concealed culture

The most importance and difficulty is to reveal the concept of concealed culture. The core of the concept is the value idea, any other ideas are changing with the change of the value concept. To explore the value concept as the core of the research of concealed culture in our country is not that much, but in the west, it has been carried out for many years. The concept of value is divided into the traditional concept and the contemporary concept. But the idea is various, including the human rights view, the marriage view, the labor view, the development view, the religious view, the legal system view, the morals view, the individual view and the community view. And value is the core of all kinds of ideas.

In College English teaching, English teachers should strengthen the cultural awareness of the concealed culture. As to explain the Christmas in the west, the teacher should pay attention to the culture behind the Christmas, such as the origin of Christmas, the status and significance of Christmas in western countries, the ways people celebrate it, the typical food for Christmas,the legend of Santa Claus and chimney, the special meaningof stocking, etc. Only by understanding the background knowledge, students can realize the cultural characteristics of the western countries, and then more understanding the author's thought and the feeling. Also to be able to understand the content of the article, rule out obstaclesin the communication with the people in the Westin the future, and communicate better.

3. the importance of revealing the concealed culture in College English Teaching

In the process of college English teaching, the teacher should not only involve the public culture, but also should pay attention to excavate the concealed culture. This will not only enable students to have a strong interest in learning, but also to expand the knowledge, so that they can really go to experience the exotic culture, ideas, and exotic customs, etc. and to encourage them to pay attention to the cultural background, social customs, social relations and other aspects of knowledge, which will be very beneficial to the cultivation of students' intercultural communication awareness and intercultural communication skills. Only revealing the deep structure of the national culture, students in cross-cultural communication can dispel the layers of fog, to get the communication effect. In addition, revealing the hidden part of the deep structure of the East and west culture, we can know the differences of the cultures, and choose a better communication strategyin the process of communication.

4. the main content of cultural input

In the basic stage of college English learning and teaching, the content of culture input should mainly include the following aspects:

• cultural elements of daily communication, including the greetings, thanks and apologies, farewell, call, request, invitation, the topic of choice, taboo, euphemism, social customs and etiquette.

• forms of nonverbal communication, such as gesture, posture, dress, different ideas of time and space, etc.

• the cultural connotation of the words, including the meaning of the words, the emotional and the associative meaning, the application of some proverbs and idioms

which have some cultural background.

• through the study of the text, students should contact and understand the politics, economy, history, literature of the relevant English speaking countries and the general situation of modern society.

• understanding and experiencing the differences in the values and thinking of Chinese and Western people, including the outlook on life, the universe, the interpersonal relationship, the moral standard and the expression way of the language.

5. methods of cultural input

• vocabulary substitution method

Many words have special cultural information, cultural differences in vocabulary is very obvious. If the students do not understand the specific meaning behind the specific words, they will not achieve the desired results in the communication.

• comparison of Chinese and Western culture

Contrast method is one of the most important methods in language teaching. Through the comparisonbetween native language and target language, students may find out the similarities and differences of the language structure and culture, and achieve a better understanding of the culture, such as the important festivals can be compared with the Chinese festivals. So students can notonly better understand the differences between Chinese and Western culture, but also express their ideas in a more accurate way.

• allusion introduction method

Most people cite historical references when they speak and write. Only a clearly understanding behind the story, students can better understand its culture anduse the story into the language well. For example, the Biblical allusion in the western culture is highly representative. In order to better understand western culture, students need to read and understandthe Bible.

• test method

Test method is an essential method in English teaching. Teachers can knowthe shortcomings of the students. Through the test of the cultural background knowledge and foreign language ability of the students, teachers can find out the cultural mistakes in the process of English learning.

6. ways of cultural input

• Teachers should develop the cross-cultural awareness of the students and strengthen the sensitivity of cultural differences. In the teaching process, teachers may develop the students' cultural ideas and introduce British and American cultural background knowledge, customs, etc., so that they will have a certain interest in the culture.

• College English department should set up English culture course. They may have the form of elective courses, such as the general situation,the history and the culture of the English speaking countries so as to make students better understand the local conditions, customs and habits of English speaking countries.

• Teachers should encourage students to contact the original English version, recommend them to watch the original English movies, TV, newspapers, magazines, listen to English radio, etc.

• Teachers should make full use of the assistant teaching method to carry out cultural teaching. Teachers may help students in English language and cultural communication in the forms of opening the «English corner» or let the students use English to perform plays.

• Teachers may guide students to actively carry out language practice. They should encourage students to talk with foreigners.

7. principles of the cultivation of cultural consciousness

• matching principle

The matching principle is that in the process of college English teaching, the language contents of the classroom teaching should match its related culture. The content of English teaching should be targeted, it is closely related to the language content, and it is closely related to the main aspects of daily life communication. At the same time,

it should also take into account the different majors of the students, and it should also be different in the emphasis on their cultural penetration.

• gradual principle

The gradual principle is that in the course of college English teaching, the students' cultural awareness should be layered. It should take a gradual approach and strategy from the shallower to the deeper. First, teachers should mention the public culture of the contents, such as the western country's buildings, diet, clothing, transportation, etc. This may let the students have a more intuitive understanding by looking at pictures, video, etc. After the experience of the public culture, teachers then gradually penetrate the concealed culture, such as, people's moral, marriage, etc.in the western countries. At this point, teachers can use the method of comparison of Chinese and western culture to compare the cultural differences, so that students experience the deep differences between Chinese and Western culture. This can improve the cultural awareness of studentsgradually.

• moderate principle

The moderate principle is that in the course of college English teaching, there is a certain degree to cultural awareness. Teachers should not blindly ignore the language teaching in order to increase the input of the culture, and also should not to increase the students' learning burden in order to let them understand the cultural knowledge. Teachers should take the language knowledge as the center, and appropriately integrate with the related culture, and correctly understand and expand the teaching contents.

• the principle of objectivity

The objective principle is that in the process of college English teaching, the teacher should be objective in the attitude of native and western culture. Teachers should notimposetheir own thoughts on the students. Teacher's task is to analyze and explain the language and its culture through their own professional knowledge. As for the understanding of the culture and the attitude followed by, different people have different ideas. Students should judge by themselves whether it is right or wrong.

• variability principle

Variability principle refers to the process of college English teaching, teachers should pay attention to the variability ofthe value in the cultural awareness. What we should dig in the concealed culture is the idea. Value concept as the core of all kinds of ideas influences the existence and development of all kinds of ideas. If values change, then other ideas will change.

IV. Conclusion

Language is one of the important media for people to communicate.Language is the carrier of national culture.It is an important means of cultural expression and communication. Because of the cultural differences, users of different languages in communication are often limited. Cultural input through English teaching is an effective way to combine the teaching of language knowledge and cultural knowledge in foreign language teaching practice. In teaching, if students get a good practice, it will improve their language ability and cultural ability and improve their ability to use English for communication. English teachers must have the cultural consciousnessfirst, combining with the content, to carry out cultural input, so that students learn the language with learning the culture, and language teaching will be so interesting. This can not only help students improve the cultural accomplishment, understand the external world, but also effectively improve the students'enthusiasm of learning English knowledge, change passive learning to active learning. Therefore, in English teaching, we should pay attention to the input of the culture, so that students understand the customs of different cultures, cultural connotations, effectively carry out ideological and cultural communications, and better use of language and cultural knowledge in real life.

REFERENCES

[1] Saussure, F. de. Course in General Linguistics [M].Bally, C. and Sechehaye, A. (eds.) Revised English ed. 1974. Collins, 1916. – P. 25-105.

[2] Chomsky, N. Syntactic Structures[M]. – The Hague: Mouton, 1957. – P. 64-137.

[3] Sapir, E. Language: An Introduction to the Study of Speech [M]. – New York: Harcourt, Brace &World, Inc, 1921. – P. 11-75.

[4] Wardhaugh, R. Introduction to Linguistics. – 2nd ed. – [M]. – New York: McGraw-Hill, 1977. – P. 33-158.

[5] Gudykunst, W. B. Bridging Differences: Effective Intergroup Communication [M]. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1998. – P. 37-154.

[6] Lustig and Koester J. Intercultural competence: Interpersonal Communication across Cultures [M]. – New York: Longman, 1999. – P. 79-178.

[7] Haviland,W. A. Anthropology. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1974. – P. 264.

[8] Kluekhohn, C. Mirror for man. – New York: McGraw-Hill, 1994. – P. 24.

[9] Brown, H. D. Requiem for Methods [J] // Journal of Intensive English Studies. – 1993. – V. 7. – P. 165.

CHANGCHUN UNIVERSITY
CHINESE PEOPLE'S REPUBLIC

УДК 378
ББК 74.48
Педагогика, методика иностранного языка

ON THE REFORM OF COLLEGE ENGLISH TEACHING

Shan Yu [Шань Юй]

College English should not be an ordinary public basic course. Its teaching objectives should be set up for professional international training services. Regardless of liberal arts or science and engineering, international vision and knowledge must be integrated into every major training program. In addition, the university English curriculum should consider the different major training plans, according to the specific characteristics of the various majors, to implement different training programs. For the same major students at different stages, they should be provided different types of College English courses. Teaching and learning supported by modern information technology, especially the network technologyshould play a very important role in the development of students' autonomous learning ability and the formation of personalized learning method.

Key words
College English, teaching reform, curriculum reform, multimedia teaching

College English is a kind of curriculum that changes language content into specific behavioral competencies. It subconsciously combines language learning and language use on the integrity of the language.It is the combination of a special behavior and ability, and it is a course with very strong practicality. In recent years, the level of English Teaching in Colleges and universities has been greatly developed, compared with the last century seventy or eighty's, and the progress is evident. However, with the rapid development of China's economy and the promotion of the global knowledge, and the increasing international communications and cooperation, the country's modernization needs more and more person with high foreign language abilities. As an international language, English has become an important tool for people to work and live in the world, and to enter the international arena. However, due to some reasons, there are still many problems to be solved and needforeign language workers to think and explore.

I. An Analysis of the Current Situation of College English Teaching Reform

After the Second World War, with the growing and development of international scientific, technological, economic and cultural communications, foreign countries have developed a special purpose English course. In the late 1960s, there were some

works on the special purpose English. For example, Hallidayin the book, the Linguistic Sciences and Language Teaching, referred to the concept of a special purpose English. In 1969, Ewer and Laterre published the Basic English Science and Technology Course, which was considered the beginning of a special purpose English. In 1980s, more and more people studied the special English use, and appeared a large number of papers and monographs. Strewens put forward four distinguishing features of Special English use: meeting the needs of specific needs; the content is related to a specific career and professional; vocabulary, grammar and discourse should be used in the language of a specific professional or the professional related activities; compared with common English. After more than half a century of practice, foreign teaching institutions at all levels have accumulated a lot of research results, have formed a more mature curriculum system, and have provided a rich curriculum content in a variety of teaching methods for students. Therefore, the research of foreign language teaching has important reference for the reform of College English Teaching in China. From the 1990s, there were a lot of scholars who have paid special attention to the teaching of foreign culture in foreign language teaching, such as Chen Shen's Cultural Components in the Teaching of Asian Languages[1].

Since the Ministry of education began the reform of College English in November 1996 in the eight universities in the country, College English reform has been extended to all higher institutions. In 2002 it began a new round of College English teaching reform. In 2003, the Ministry of Education officially launched the «higher education quality and teaching reform project», in which the second of the four works is the reform of College English teaching. In 2004 «College English curriculum teaching requirements (Trial)» was published and issued (2004).

In July 2010, the Party Central Committee and the State Council promulgated the implementation of the «national long-term education reform and development planning outline (2010-2020)», and made a full deployment including higher education at all levels of education reform and development, in which special emphasis to deepen the teaching reform, improve the personnel training quality. On April 24, 2011, President Hu Jintao in Tsinghua University Centennial Celebration made the important speech, and clearly pointed out that continuously improving the quality is the lifeline of higher education. Colleges and universities in Chinashould put the quality of education reform and development as the core, the most urgent task. To improve the quality of higher education, the most fundamental is to improve the quality of personnel training. From this we can see that the reform of College English teaching is a lasting and meaningful work.

II. ThePurpose of College English Teaching Reform

The National Foreign Language Education Conference in 1978 made it clear that to achieve the national goal of modernization, our graduates should be «both specialized in various fields and in good command of one or more foreign language»[2]. Since China's implementation of the system of class teaching, teaching reform is carried out in two basic orientation: one is to improve the quality of teaching, namely to change the unsuitable teaching approach to students' comprehensive development, make the basic quality of every student to be developed; the second is to improve the teaching efficiency, i.e., to reduce or decrease per unit of time, to develop the students' ineffective or inefficient teaching elements and their functions, optimize the teaching conditions and teaching process so that they can promote the development of students in the stipulated time. Therefore, teaching reform is to improve the quality and efficiency of teaching for the purpose, to change the teaching method that is not suitable for the de-

velopment of students, and to influence the development of students in new and more effective teaching methods.

Teaching method is a complex system composed of many elements, which is in all the possible combinations. In this system, the various factors are interrelated and restricted, and any change of the factors will make teaching in the whole way to show a new way of activities. The connotation of the teaching reform, from the general sense of «what to change», is to change the old method to a new one. Whether the reform is teaching content, teaching method, teaching target, teaching structure, teaching management, teaching system as a whole, it can be regarded as the reform of teaching mode.

The Higher Education Department of the Ministry of education in 2007 promulgated the «College English curriculum teaching requirements» is a programmatic document for our implementation of teaching reform. It is clear that the teaching objective of College English is to cultivate students' comprehensive application ability, especially listening and speaking ability, so that they can communicate effectively in the future, work and communicate appropriately. The teaching objective is also to enhance their ability of independent learning, improve the comprehensive cultural quality, in order to meet the needs of social development and international communication. Thus, it is the first place to cultivate students' comprehensive ability to use language, in particular, to strengthen the teaching of listening and speaking, and implement effective communication in English. College English is not only a language training, but also to broaden the knowledge, to understand the world's cultural education courses, both instrumental and humanistic. It can help students to understand the life style and the thinking mode of the western countries more widely and deeply. Therefore, the orientation of College English curriculum must be centered round the above several purposes, and therefore, the arrangement of teaching contents and the teaching methods should be determined.

III. Contents of College English Teaching Reform

1. the Implementation of Hierarchical Teaching Reform, TeachingStudents in Accordance with Their Aptitude

In recent years, due to different levels of institutions enrollment, the quality of the number of candidates decline in many colleges.Students in the skills of English listening, speaking, reading, writing and translating have great individual differences.English level is uneven. At this time, it is suggested that all the colleges and universities can adopt the method of stratified teaching according to the actual situation of their own schools. Namely, colleges and universities may implement different teaching requirements, teaching methods and teaching mode according to the individual differences of their language ability, cognitive style, motivation, attitude and personality. At the same time, this is also consistent with the concept of teaching students in accordance with their aptitude. At first, the hierarchical teaching can refer to the students' college entrance examination scores, the students are divided into A, B, C three levels of classroom teaching, the corresponding level of students are about 20 %, 70 % and 10 % of the total number of students. After that, teaching goal should be setaccording to different levels of students, and organize teaching activities. At the same time the students of different levels should beassessed, according to their usual evaluation and final evaluation results, be managed to the higher or lower classes according to the proportion of 5 % level.The purpose is to strive to teach the students in accordance with their aptitude, and at the same time, to make excellent students come out as soon as possible, so as to create a good competitive environment.

2. Curriculum Reform

Yang Huizhong pointed out that «the main purpose of college students learning English in our country is to use English as a communication tool, and to get the information and

express themselves in English. Therefore, College English teaching is a special purpose in nature»[3]. Liu Runqing said, «I expected that, within a few years, the career development of College English teachers is the road to a special purpose»[4].

Hu Wenzhong pointed out that «with the improvement of the English level of the non-English major college students, it can be predicted that the process of general English teaching is bound to be shortened, and College English will enter the ESP (English as special purpose) earlier. Many scholars believe that the general English languagewill be gradually reduced, the university English teaching will be more and more tend to the ESP teaching, this is very correct»[5].

Therefore, College English teaching is a special purpose in nature «In order to help students achieve the purpose of understanding English Teaching in a short period of time, we can consider adopting the mode of «concentrated teaching», which will focus on the teaching of English in two years. All courses can be divided into three sections: Academic English skills training (listening, speaking, reading and writing), English and Chinese humanities courses, professional learning and research methods courses (such as management, finance, etc. in English or Chinese). The first two kinds of courses may be offered by Public English teachers in the first year. The last one may be taught by the teachers who teach major students or by PublicEnglish teachers, or both in the second year. In the second year, the students may start comprehensive professional courses that are taught in English, or at least parts of the coursesare in English, combine the students' basic skills in English and their majors.

The cultivation of students' practical ability in English, the university should be based on the specification of each school, according to the actual needs of the students in the future, scientifically and realistically determine the target of English teaching. For example, students of business class should have the ability to communicate with the international counterparts, and the students should have the ability to use English in the financial field. Therefore, this kind of school's English teaching goal should be formed according to their English ability and specialized knowledge so that the students may have the specialized activity and the international exchange ability. According to this goal, for most universities, College English teaching should be in the training of students' listening, speaking, reading and writing skills, at the same time, pay special attention to the students' ability to use English in the professional field. English courses should be combined with professional courses to develop students' ability to use English in their professional field.

3. Reform of College English Teaching Mode

1) Needless to say, the traditional teacher centered teaching mode has a single date. The new model is characterized by the modern information technology, especially the network technology to support the teaching and learning, and thus promote the development of students' autonomous learning ability and the formation of personalized learning method. As «curriculum requirements» goes, the change of teaching mode means the change of teaching idea, especially the main role of students in the teaching process. Many colleges and universities have already tried to carry on the training on the local area network or the campus network, which can make the teaching to some extent not limited by time and place. Some universitieshave provided students with online teaching system.In addition,some pressesalso have provided the network learning resources to the students. It can better meet the needs of students' autonomous learning and personalized learning.

For a long time, there are a lot of universal problems in College English Teaching. For example, a teacher-centered English teaching model actually makes teachers become the main role in the classroom, the students' subjective initiative and independent learning

ability has not been actively guided. Many teachers just emphasize on vocabulary and grammar knowledge. They neglect the cultivation of the students' actual ability of language output, the students' practical ability is generally weak[6]. College English teachers should design and use diversified video and audio materials in teaching English. These materials can be more direct, more sense for the students to learn foreign language knowledge, language background, the western culture, and may cultivate students' thinking ability, practical ability, imitate ability and communicative ability, that will be conducive to students'Autonomous learning. In the production of courseware, electronic lesson plans, teachers should try to become a planner and guide. In the classroom teaching, College English teachers can guide students in the classroom, through network language learning platform, or in the multimedia language laboratory for autonomous learning. Teachers play a key role in the process of autonomous learning to the students. Teachers should not only explain the role that teachers and students take on, teaching tasks and learning objectives, but also give students sufficient time to prepare learning materials and adjust learningstrategies. While teachers should give full play to their media role, to further stimulate students' autonomous learning.

2) To create a good foreign language learning atmosphere, foreign English teachers should be employedevery academic year, and at the same time, the school teachers should carry out oral English training, oral interpretation and other training regularly for the young teachers in order to improve teachers' English level. For the students who major in business, finance, international trade and other fields related to foreign communication, besides listening, speaking, reading, writing and translation courses, they should have foreign teachers as an English speaking course.

3) Regular English activities should be hold, such as the weekly English corner activities. A theme should be set by the Chinese and foreign teachers, in whichteachers should inspire the students and guide themin the interactive language communication so that to create enough language practice and communication opportunities for students. Every western major holiday, such as Christmas, the campus should be decorated in festival scene, and created a strong atmosphere of festival. Students may hold a series of theme activities so as to take effective incentives. Regular English lecture should also be hold. Teachers and students should be encouraged to actively participate in the national, provincial and college level English skills competition.

4. Reform Testing Form

The new testing form should improve the evaluation system and highlight the true level of students. Curriculum evaluation is an important part of English curriculum. The evaluation system of English curriculum should reflect the multi-levels of evaluation. Before the reform, many English teachers pay much attention to the end of the evaluation. The main way is the final exam. Evaluation is only in the end of the semester. This kind of assessment only focuses on the students' ability to master the language knowledge, and the exam is usually focused on the written test section. This is obviously not comprehensive assessment of the students' English level. It makes the students lostthe learning interest, and also it is contrary to the requirements of the syllabus. After many years of teaching reform, English test form has gradually increased the listening and speaking tests, but the effect is not that obvious and it cannot form a real testing system so that teachers and students still cannot consider listening and speaking tests as the important ones. If teachers and students have not paid enough attention to oral English and listening tests, there is no substantial improvement in oral English and listening ability. Thelanguage testing should be a comprehensive one including listening, speaking, reading and writing. Oral English test should be in the form of reading,

dialogue, group performance and teacher-student dialogue. Through the oral test, the students may form the awareness of the process of autonomous learning. It can further stimulate their learning enthusiasm and interest in English, therefore, to learn English more actively. At the same time, teachers should pay more attention to the students' learning process and make the students know that learning process is more important than learning results.

The students' performance, learning effect, activity report, normal test and learning stage should be integrated into the formative assessment of students. The evaluation system of the students should be the process evaluation and the final evaluation. Using the combination of the process evaluation and the final evaluation, it can reveal the true level of the students, and make students' learning process and learning effect to achieve the harmonious unity.

IV. Conclusion

Higher education is an important carrier of outstanding cultural heritage and an important source of ideological and cultural innovation, and has a special and important mission in promoting the cultural heritage and innovation. All of these have put forward new and higher requirements for College English teaching reform. In this important context, we study the important theoretical and practical problems in College English teaching reform, and promote the implementation of the education plan, it is very necessary and timely.

REFERENCES

[1] Chen, S. Cultural Components in the Teaching of Asian Languages [J] // Australian Review of Applied Linguistics. – 1995. – V. 12. – P. 67-70.

[2] Ministry of Education, P. R. China, 1979.

[3] 杨惠中. EAP在中国：回顾、现状与展望. [R]. // 中国ESP研究高端论坛. 北京外国语大学, 2010. 年 7. 月 22日.

[4] 刘润清. 论一堂课的五个境界[J]. 外研之声. 2010. V. 2. P. 10-15.

[5] 胡文仲. 中国外语教学研究会专门用途英语专业委员会成立大会上致辞[R]. 北京：外语教学与研究出版社. 2011. 年 5.月 7日.

[6] .蔡基刚. 转型时期的大学英语教学特征和对策研究 [J]. 外语教学与研究 . – 2007. – V. 1.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
г. МОСКВА

УДК 159.9.072
ББК 88.6
Психология, социальная психология

ПСИХОЛОГИЯ

ИЗМЕРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ЗНАЧИМОСТИ В РАЗНООБРАЗНЫХ УЧЕБНЫХ И ДРУГИХ ДЕТСКИХ, ПОДРОСТКОВЫХ И ЮНОШЕСКИХ ГРУППАХ И КОЛЛЕКТИВАХ

Кандидат психологических наук Д. А. Донцов
Кандидат психологических наук Е. А. Поляков

В данной работе предметно анализируются базовые социально-психологические методы и методики исследования и диагностики детских, подростковых и юношеских коллективов и групп. В рамках детального рассмотрения научных основ и современных разработок в сфере диагностики отношений межличностной значимости, мы проанализировали социометрию, референтометрию и ещё целый ряд социально-психологических методик «измеряющих» взаимодействие и общение в области внутригрупповых отношений в реальных контактных учебных и иных группах и коллективах.

Ключевые слова
Методика, социальная психология, учебная группа, группа, коллектив, социометрия, референтометрия, школьники, студенты, дети, подростки, юношество

Посвящение от авторов: ***светлой памяти нашего учителя социально-психологической науки и практики Михаила Юрьевича Кондратьева.***

Эпиграф

Александр Иванович Донцов, в книге «Феномен зависти: Homo invidens», задаётся, в частности, следующим вопросом:

«... Слово «человек» – из наиболее употребимых в русском и любом ином языке. Какими же отличительными свойствами должно обладать некое существо, чтобы его по праву причислили к группе людей?» [2. С. 9]

В данной работе предметно анализируются базовые социально-психологические методы и методики исследования и диагностики детских, подростковых и юношеских коллективов и групп: классов, курсов, других учебных групп, а также творческих, спортивных, по интересам и иных групп и коллективов, объединяющих детей, подростков и юношество [1, 3, 4].

Настоящая статья «опредмечена» в контексте исследований одного из классиков современной российской социальной психологической науки и практики – М. Ю. Кондратьева [8-14]. Отмечаем то, что мы предметно рассмотрели в сфере внутри-

групповых взаимоотношений именно основополагающие, и, одновременно, актуальные на текущем этапе практических социально-психологических разработок тестовые психодиагностические методики «измерения» отношений межличностной значимости [1, 3, 4].

Подчеркнём то, что в социальной психологии исследуется и диагностируется специфика социально-психологических характеристик групп, понимаемых в качестве игровых, учебных, трудовых (производственных) и иных разных объединений людей. Наряду с этим и при этом, в социальной психологии исследуется специфика социально-психологических характеристик групп как микро, мезо- и макро- общностей людей в рамках общества (социума) в целом. Таким образом, социально-психологическое исследование – это вид научного исследования, осуществляющийся с целью установления в поведении и деятельности людей определённых психологических и социальных закономерностей, обусловленных фактом вхождения этих людей в социальные группы (малые, средние и большие) [1-25].

Объект и предмет социально-психологического исследования – это различные социальные явления и феномены: причины и следствия различного рода контактов между людьми проявляемые в виде мыслей, чувств и действий отдельных индивидов и/или социальных групп. Эти социальные контакты могут быть как непосредственными (лицом к лицу), так и опосредованными (например, путём использования средств массовых коммуникаций).

Совокупным предметом социально-психологического исследования являются отношения: личность – личность, личность – микрогруппа (в рамках какой-либо малой группы), личность – малая группа, личность – средняя группа, личность – большая группа, личность – общество, а так же внутригрупповые и межгрупповые отношения на всех указанных уровнях.

Итак, комплексный объект и предмет социально-психологического исследования охватывает социально-психологическую проблематику, обусловленную общественной природой человека, включённостью его в различные социальные группы и общество в целом, а также психологические стороны групповых явлений и процессов.

Специфика социально-психологического исследования, по сравнению с другими социальными науками (например, социологией), характеризуется: **1.** использованием в качестве полноправных информационных данных как фактов, свидетельствующих об открытом поведении и деятельности индивидов в группах, так и характеристик сознания (представлений, мнений, установок, ценностей и т. п.) этих индивидов; **2.** социальным контекстом исследования, влияющим на отбор, интерпретацию и изложение фактов; **3.** неустойчивостью и постоянным изменением социально-психологических явлений; **4.** культурно обусловленной относительностью социально-психологических закономерностей; **5.** работой с реальными конкретными объектами исследования (индивидами и группами).

Эмпирическая база (социальная выборка) социально-психологического исследования – это группы людей и общество в целом.

Это, во-первых, малые группы: совокупность индивидов, непосредственно взаимодействующих друг с другом для достижения общих целей и осознающих свою принадлежность к данной общности, – от 2 до 40 человек.

Во-вторых, это средние группы: от 40 до 150 человек, – рабочие коллективы, учебные коллективы, жители одного микрорайона, одного небольшого села и т. д.

В-третьих, это большие группы: значительные по своим размерам совокупности людей, занятых какой-либо совместной деятельностью; это общности людей, существующие в масштабах общества, не

предполагающие обязательных личных контактов. В больших группах, как правило, вырабатываются общепринятые нормы поведения, культурные ценности и традиции, общественное мнение и массовые движения. К большим группам относятся классы, социальные слои, этносы (нации и народности), религиозные конфессии, партии и общественные организации, возрастные группы (демографические прослойки общества), социально-профессиональные группы и объединения, национально-этнические макрогруппы и т. д., – от 150 человек и до социальной «бесконечности». Под этим более или менее удачным выражением мы понимаем макросоциальный уровень, имеющий так же свои градации, – начиная от всего общества, составляющего население конкретной страны, и заканчивая человечеством в целом.

Основной эмпирической базой социально-психологических исследований и социальной выборкой социально-психологической диагностики являются малые и средние группы людей.

Итак, эмпирическая база (социальная выборка) социально-психологического исследования – это, как правило, малые группы, понимаемые как совокупность индивидов, непосредственно взаимодействующих друг с другом для достижения общих целей, осуществляющих какую-либо совместную деятельность и осознающих свою принадлежность к данной совместной общности.

Подчеркнём, что типичные малые группы и коллективы составляют собою сообщества людей, приблизительно, от 2-х (диада) – 3-х (триада) до 40-ка – 50-ти человек.

Что касается учебных коллективов и групп школьников и студентов, то это, как правило, так называемые, малые группы, организованные, первично, по формальному признаку обучения в таком-то классе, на таком-то курсе (формализованные группы) и объединённые общей учебной деятельностью и общими учебными (образовательными) целями и задачами. При этом, учебные группы и коллективы повсеместно являются реальными контактными группами, – по мнению Михаила Юрьевича Кондратьева и многих других исследователей [8-17, 19, 23-25].

Наряду с этим, отметим, что типовые учебные группы (классы, курсы) и иные детско-подростково-юношеские группы и коллективы имеют, как правило, состав от 10-15 до 25-30 человек. Хотя, здесь есть и определённая специфика. Например, т. н. поточный курс (или поток) студентов может представлять собой группу порядка 40-50 человек (состоящую из двух-трёх подгрупп), типовой состав учебного класса составляет, примерно, 25-35 человек, типичный по численному составу творческий коллектив представляет собой группу приблизительно из 10-20 человек.

При этом, мотивационно-ценностное единство учебных и других коллективов и групп как социальных образований (группа – это социальный субъект), – является несомненным причинным фактором, безусловно характеризующим их качественное развитие, – согласно всем классическим научным трудам Александра Ивановича Донцова, Михаила Юрьевича Кондратьева, Галины Михайловны Андреевой и ряду других отечественных и зарубежных учёных – социальных психологов [2, 5-14, 17, 20].

Методы социально-психологического исследования – это способы познания и установления психологических закономерностей в поведении и деятельности людей. Весь набор методов социально-психологического исследования можно подразделить на две большие группы методов: методы исследования и методы воздействия.

Методы воздействия относятся к специфической области социальной психологии, – к «психологии воздействия». Типичным методом подобного рода в социальной психологии является социально-

психологический тренинг.

В качестве методов исследования выделяют методы сбора информации и методы её обработки. При этом, методы обработки данных часто не выделяются в специальный блок, поскольку большинство из них не являются специфичными для социально психологического исследования.

Методы сбора информации: 1) эксперимент (лабораторный, естественный и др.); 2) изучение (анализ) разнообразных документов (например, – учебных документов); 3) контент-анализ (исследование разных информационных источников (текстов) количественно-качественным образом)); 4) наблюдение; 5) интервью; 6) опросы; 7) анкеты; 8) тесты (наиболее распространён в социальной психологии социометрический тест).

Кратко проанализируем метод тестов в социальной психологии.

Тест – стандартизированное, обычно ограниченное во времени испытание (тест-задание или тест-опросник). С помощью тестов в социальной психологии определяются межличностные, внутригрупповые и межгрупповые различия.

Области применения тестов в социальной психологии: диагностика групп, изучение межличностных и межгрупповых отношений и социальной перцепции, социально-психологических свойств личности (социальный интеллект, социальная компетентность, стиль лидерства и др.).

Процедура тестирования предполагает выполнение испытуемым (группой испытуемых) специального задания или получение ответов на ряд вопросов, носящих в тестах косвенный характер.

Смысл последующей обработки состоит в том, чтобы при помощи «ключа» соотнести полученные данные с определёнными параметрами оценки, например с характеристиками личности.

Итоговый результат измерения выражается в тестовом показателе. Тестовые показатели относительны. Их диагностическое значение обычно определяют через соотнесение с нормативным показателем, полученным статистически на значительном числе испытуемых.

Классификация тестов в социальной психологии может быть проведена по нескольким основаниям: по основному объекту исследования (межгрупповые, межличностные, личностные); по предмету исследования (тесты совместимости, групповой сплочённости и т.д.); по структурным особенностям методик (опросники, аппаратурные, проективные тесты); по исходной точке отсчёта оценки (методики экспертной оценки, оценки предпочтений, оценки субъективного отражения межличностных отношений и пр.).

Имеют место известные и популярные социально-психологические тесты-опросники, например, тест-опросник КОС или КОС 2 (определение коммуникативно-организаторских склонностей личности). Также нередко применяются тесты-опросники, направленные на выявление эмоционального социально-психологического отношения обучающихся к школе, например, – «Чувства к школе» («Мои чувства в школе») С. В. Левченко. Имеются проективные социально-психологические методики, например, тест-задание «Дерево» или «Дерево с человечками», активно применяющийся для исследования учебных групп школьников и студентов. Используются также т. н. поведенческие социально-психологические тесты-задания, интенсивно применяющиеся в изучении различных групп обучающихся, – «Выбор в действии», «Выбор товарища по парте» и пр. Есть достаточно большое количество методик, применяющихся как в социально-психологических исследованиях в целом, так и в изучении учебных групп школьников и студентов в частности. Это, ещё, например, такие методики как: «Удовлетворённость учащихся школьной жизнью» А. А. Андреева, «Исследование психологического климата классного коллектива» В. С. Ивашкина, «Социометри-

ческий тест» М. Р. Битяновой и др. Все эти и многие другие методики имеют свою качественную специфику, и особенности данных методик и специфика их применения является самостоятельной серьёзной темой для подробного аналитического рассмотрения.

Подчеркнём, что наиболее распространён и специфичен в социальной психологии, в контексте изучения групп и коллективов, социометрический метод и тест (информативная по своему качеству методика социометрии).

Социометрия. Метод социометрии является абсолютно специфическим именно для социальной психологии. Социометрия позволяет выявить особенности систем неформальных отношений в группе; степень психологической совместимости конкретных людей; внутригрупповые статусы участников процедуры; качество социально-психологической атмосферы группы в целом и т. д.

Метод социометрии относится к инструментарию социально-психологического исследования структуры малых групп, а также исследования личности как члена группы. Методика социометрии, позволяющая изучать эмоциональные связи в группе людей, давно стала классическим инструментом профессионального психолога.

Социометрия – теория и целостный практический метод психодиагностического социально-психологического измерения межличностных и внутригрупповых отношений, автором которой является австрийско-американский психолог и социолог Джекоб (Якоб) Леви Морено (1892-1974 г.г.). По его мнению, психическое состояние и адекватность поведения человека во многом зависят от занимаемого им положения в неформальной структуре малой группы. Недостаток межличностных симпатий становится одновременно и следствием межличностных проблем, и их источником. Согласно Дж. Морено, социометрия, – это способ первичной диагностики наличия проблем в межличностных внутригрупповых взаимоотношениях [18].

Несомненное достоинство данного метода в том, что внутригрупповые отношения получают конкретное выражение в виде таблиц, схем, графиков, числовых величин и т. д.

Отметим и подчеркнём, что метод социометрии был разработан Дж. Морено как способ исследования эмоционально непосредственных отношений внутри малой группы. [18]

Особо заметим, что измерение социально-психологических параметров группы (коллектива) предполагает опрос каждого члена этой, как правило, малой контактной реальной группы, – с целью установления тех членов группы, с которыми он предпочел бы (выбрал) или, напротив, не захотел бы (не выбрал) участвовать в определённом виде деятельности и/или взаимодействовать в какой-либо ситуации (в каких-то условиях).

Методика «Социометрия» используется для измерения групповых свойств, фиксирует определённые свойства группы как целостного образования. Методологически оправданное использование арсенала социометрического метода позволяет получить серьёзные теоретические выводы о процессах функционирования, развития группы, а также, в итоге, достигать практических психосоциальных результатов. Повторные измерения, проведённые в той же группе, позволяют исследовать динамику социальных отношений в данной группе. Наряду с этим, базовая область измерения социометрической техники – диагностика межличностных и внутригрупповых отношений. С помощью социометрического метода изучают типологию социального поведения в условиях групповой деятельности, оценивают сплочённость, совместимость членов группы.

Процедура социометрического измерения включает следующие элементы: оп-

ределение варианта (числа) выборов (отклонений); выбор критериев (вопросов) опроса; организация и проведение опроса; обработка и интерпретация результатов с использованием количественных (социометрические индексы) и графических (социограммы) методов анализа. После осуществления этих этапов производится качественный интерпретационный анализ данных.

Социометрическая процедура проводится (производится) в двух основополагающих формах. Непараметрическая процедура предполагает ответы на вопросы социометрического опроса без ограничения числа выборов или отклонений. Их максимальное число равно «N – 1» (социометрическая константа), где N – число членов группы. Преимущество этого варианта связано с выявлением так называемой эмоциональной экспансивности у каждого члена группы. При увеличении размеров группы до 12-16 человек возрастает вероятность получения случайного выбора. Параметрическая процедура предполагает ограничение числа выборов, что, как правило, и имеет место на практике. Испытуемым предлагается выбрать строго фиксированное число лиц из всех членов группы, т. е. вводится так называемое социометрическое ограничение (d). Данная форма повышает надёжность измерения, позволяет стандартизировать условия выборов в группах различной численности. Её недостаток связан с невозможностью раскрытия всей полноты отношений в группе.

Выделяют разные виды социометрических критериев: коммуникативные (выявляют реальные отношения, гностические (определяют степень осознанности реальных отношений), двойные и одинарные, ролевые и др. С выбором критериев связана проблема определения их числа и специализации в социометрическом опроснике.

В данном контексте Михаил Юрьевич Кондратьев и Юрий Михайлович Кондратьев в книге «Психология отношений межличностной значимости пишут следующее: «Задаваемые вопросы могут быть отнесены к любой сфере жизнедеятельности группы. Как правило, этот выбор диктуется задачами и целями конкретного исследования. В то же время, как показывает реальная исследовательская практика, все многообразие подобных вопросов может быть условно отнесено к двум основным сферам групповой и личной жизни – «эмоциональной» и «деловой». Указывая на это, еще раз подчеркнем, что подобная дифференциация допустима лишь условно, хотя в научном лексиконе и утвердились (достаточно прочно) такие термины, как «эмоциональный социометрический критерий» и «деловой социометрический критерий». На то, что такое жёсткое различение задаваемых при социометрическом обследовании вопросов по «эмоционально-деловому» признаку нередко является попросту смысловой «натяжкой», указывает, в частности, и тот факт, что в исследовательской практике довольно часто используется «смешанный» социометрический критерий. Более того, есть все основания считать, что один из таких «смешанных» критериев (проективная ситуация необходимости межличностного выбора в условиях вынужденного переформирования группы) оказывается чуть ли не самым мощным. В качестве примера приведём один из возможных вариантов соответствующего данной ситуации вопроса: «В случае расформирования или переформирования Вашей группы с кем из её членов Вы хотели бы оказаться вместе в новом сообществе»? [14. С. 193]

Таким образом, признанными учёными-исследователями рекомендуется производить специализацию социометрии и выбор её критериев исходя из предварительного анализа жизнедеятельности группы, выделяя ситуации, особо значимые для группы, т.е. опосредованные задачами и целями, стоящими перед груп-

пой, использовать общий, фундаментальный критерий для выявления «глубинной» связи членов группы. Последнее предполагает использование вопросов, касающихся оценки общего эмоционального состояния испытуемых при непременном условии распада группы в будущем, например, в случае реорганизации группы или коллектива, его перемещения, переформирования и т. п., – «С кем из числа членов Вашего коллектива Вы обязательно хотели бы остаться вместе в том случае, если он будет реорганизован»?

Результаты исследования могут быть представлены в виде социометрической матрицы (таблицы), куда включены все выборы и (или) отклонения, сделанные или предполагаемые членами группы, а также в виде социограммы, графически изображающей полученные результаты.

Графический анализ социально-психологических данных осуществляется путём построения социограмм. Именно в этой связи заявим, что одной из самых значимых научно-практических инноваций Дж. Морено и является так называемая **социограмма** [18]. Это определённая рисуночная схема, которая представляет собой несколько концентрических кругов разного диаметра, содержащих графические аспекты социометрического статуса членов группы. Каждый из кругов соответствует количеству предпочтений определённых лиц в данной группе: чем ближе к центру схемы «лицо» – тем больше предпочтений у данного лица.

Предпочтения всех членов группы выявляются путём опросов (см. далее, ниже) и/или других исследований. В центр (внутрь самого малого круга) помещается наиболее популярный в данной группе член группы (или несколько таких членов), далее – менее популярные, по мере убывания, вплоть до самых непопулярных (самый крайний круг).

Социограмма позволяет наглядно выделить в составе исследуемого коллектива подгруппы (группировки), положительные, конфликтные или напряжённые «участки» внутри групповых отношений, «популярных» его членов (индивиды, имеющие максимальное количество выборов) либо «отвергаемых» субъектов (индивиды, получившие максимальное количество отклонений или минимальное число выборов), определить лидера группы.

Различают два основных вида социограмм: коллективную и индивидуальную.

Наиболее часто для отображения структуры отношений в группе применяют так называемую социограмму-мишень. Она представляет собой несколько концентрических кругов (см. рисунок здесь, ниже), в центр которых помещают «популярных» индивидов, во внутреннее кольцо – «средне популярных», в наружное кольцо – «совсем не популярных».

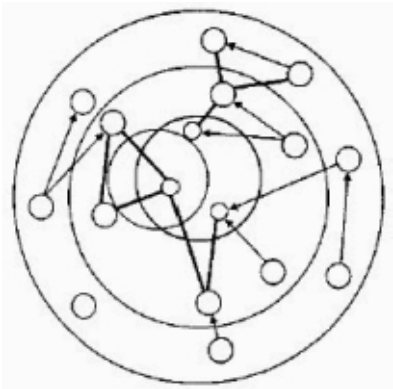


Рис. 1. Стандартный пример «социограммы-мишени»

Как правило, составляют несколько коллективных социограмм для одной группы: взаимных выборов, взаимных отклонений, первых двух (пяти) выборов и некоторые другие. Индивидуальные социограммы позволяют произвести более тонкий анализ положения конкретного члена в группе – отличить позицию лидера от позиции «популярных» членов группы. Чёткая лидерская позиция часто определяется по следующему аспекту, – кому именно из состава группы преимущественно отдают предпочтения в своих выборах «популярные» её члены.

Итак, наиболее часто, «социометрией» называют комплексную, допускающую модификации общего тестового задания, методику изучения внутригрупповых связей и иерархии в малых группах (при условии обязательного сохранения принципа выделения рангов респондентом в процессе выбора и в научном анализе полученных данных).

Далее во всех деталях предметно рассмотрим практическое применение социометрической методики для социально-психологической диагностики детских, подростковых и юношеских групп и коллективов.

Методика «Социометрия» Дж. Морено, в адаптации Я. Л. Коломинского [5-7, 18]

При проведении методики «Социометрия» в учебных группах и коллективах учащихся (школьных классах, студенческих курсах и т. д.) обучающимся предъявляются так называемые социометрические вопросы, ответами на которые являются фамилии членов данной конкретной учебной группы. Обычно (как правило, наиболее распространено), на каждый вопрос ответом являются 3-ри фамилии одногруппников (одноклассников, однокурсников и др.), кроме, конечно, собственной фамилии.

Приведём здесь несколько модифицированную и дополненную нами социометрическую методику известнейшего исследователя-практика в рассматриваемой области, – Якова Львовича Коломинского [1, 3-7, 11].

Инструкция. «Ответьте на поставленные вопросы, записав под каждым из них три фамилии и имени своих одноклассников с учётом отсутствующих сегодня учеников».

1. С кем бы ты хотел(а) обязательно продолжить совместно учиться в следующем классе?

2. Кого бы ты из класса обязательно пригласил(а) на свой день рождения?

3. С кем из своего класса ты с удовольствием пошел бы в кино?

4. С кем бы из класса ты очень хотел(а) бы поддерживать дружеские отношения в средних и старших классах школы?

5. Если бы тебе дали довольно большую сумму денег и сказали поделиться ею с тремя одноклассниками, кто бы это был?

6. Кому из класса ты дашь списать контрольную работу в первую очередь?

7. Кому из класса ты доверил(а) бы свой самый сокровенный секрет?

8. Без кого ты вообще не представляешь свой класс?

9. С кем из класса ты хотел(а) бы как можно чаще видеться в свободное время?

10. С кем из класса ты бы хотел(а) дружить всю жизнь?

11. С кем из класса ты хотел(а) бы сделать какую-либо совместную поделку на художественную выставку?

12. Кого из своего класса ты хотел(а) бы взять в свою команду для участия в каких-либо подвижных играх?

13. С кем из своего класса ты очень хотел(а) бы очень посещать группу продлённого дня?

14. С кем из твоего класса ты хотел(а) бы делать вместе домашние задания?

В контексте принципиального определения высоко, средне и низко статусных в социометрическом плане членов группы, Михаил Юрьевич Кондратьев и Юрий Михайлович Кондратьев в научно-практическом труде «Психология отношений межличностной значимости» заявляют следующее: «... По сути дела, речь идёт об уже выявленных на практике нормах распределения социометрических выборов, позволяющих без дополнительных вычислений определить социометрический статус того или иного конкретного испытуемого. Правда, такие нормы обоснованы далеко не для всех видов групп. Наиболее выверенными на сегодняшний день они являются для школьных классов. Так, например, Я. Л. Коломинский на вполне репрезентативной выборке показал, что в условиях практически любого класса наиболее правомерно выделять как

минимум четыре статусные категории школьников: социометрические звезды (шесть и более выборов), принятые, или предпочитаемые (три-пять выборов), непринятые (один-два выбора) и пренебрегаемые, или изолированные (ни одного выбора). Учитывая тот факт, что эти учебные группы, как правило, не превышают по своей численности 30 членов, именно этот количественный «формат» и рассматривается как определяющий эти нормы, что верно и тогда, когда речь идёт о группах с иной деятельностной направленностью» [14. С. 199].

Отметим, что по результатам проведения социометрии должна быть составлена т. н. социограмма, отображающая полученные данные. То, что собою представляет социограмма в графическом и «техническом» планах мы подробно описали выше, и ещё приведём наш пример ниже, далее.

Итоги социометрического исследования могут иметь место в форме разнообразных социометрических индексов, дающих количественное представление о положении индивида в группе, а также оценку группы в целом. Социометрические индексы делят на две группы: индивидуальные и групповые. К индивидуальным показателям относят: социометрический статус – величину позитивности или негативности отношения группы к отдельному её члену, которая определяется отношением количества выборов и отклонений, которые получил индивид, к их максимально возможному числу. Индекс эмоциональной (психологической) экспансивности – степень активности индивида во взаимодействии с другими членами группы, потребность в осуществлении контактов с ними. Он рассчитывается как отношение количества сделанных индивидом выборов и отклонений относительно членов группы к их максимально возможному числу. Для характеристики позиции индивида в группе вычисляют и другие индексы, например, «предписанная роль», приемлемость индивида группой и др. Однако главная сложность состоит в предметной и смысловой интерпретации всех этих социометрических индексов, сопоставлении их с известными и содержательно и методологически более обоснованными социально-психологическими понятиями и феноменами.

К наиболее популярным групповым индексам относят следующие параметры: показатели групповой экспансивности (интенсивность группового взаимодействия), показатели интегрированности группы (степень включённости в общение членов группы в конкретном виде деятельности или ситуации), показатели групповой сплочённости и ряд других.

По научному взгляду Якова Львовича Коломинского, имеются нижеследующие специфические социометрические параметры (коэффициенты, индексы), характеризующие собою определённые вторичные социально-психологические параметры учебных групп и коллективов. Коэффициент благополучия взаимоотношений (КБО). КБО = (С1 + С2) : N x 100 %, где С1 – количество лидеров, С2 – количество предпочитаемых, N – число учеников в классе. Например, – КБО = (4 + 10) : 20 x 100 % = 70 %. В этом случае КБО (70 %) исследуемого учебного коллектива определяется как высокий. Коэффициент оптимальности отношений (КОО). КОО = (С2 + С3) : N x 100 %, где С2 – количество предпочитаемых, С3 – количество пренебрегаемых, N – число учеников в классе. Например, – КОО = (С2 + С3) : 20 x 100 % = (10 + 6) : 20 x 100 % = 80 %. В данном случае КОО (80 %) исследуемого учебного курса студентов определяется как высокий. Коэффициент «звёздности» (КЗ). КЗ = С1 : N x 100 %, где С1 – количество предпочитаемых, N – число учеников в классе. Например, – КЗ = С1 : N x 100 % = 4 : 20 x 100 % = 20 %. В настоящем случае КЗ (20 %) исследуемого учебного класса школьников определяется как высокий [5-7].

В заключение анализа социометрии учебных и иных групп отметим, что Я. Л. Коломинский подчёркивает в своих трудах то, что социометрия выявляет, всё-таки, не лидеров, а социометрически (эмоционально) привлекательных высокостатусных членов группы, – т. н. «звёзд», или «эмоциональных звёзд» [5-7].

Далее проанализируем **метод и методику референтометрии**, ***понимаемые нами в качестве неотъемлемой стороны метода социометрии и научно-практически оцениваемые нами, в частности, в качестве аутосоциометрии и аутореферентометрии***.

Референтность – это социальное отношение личностной значимости, связывающее субъекта с другим человеком или группой лиц. Имеет место научное мнение всем известного классика отечественной социальной психологии Артура Владимировича Петровского о том, что референтность – это «... зависимость субъекта от других лиц, выступающая как избирательное отношение к ним в условиях, когда необходимо понять, оценить объект, вообще как-то отнестись к нему». (Краткий психологический словарь. Под ред. А. В. Петровского. – М.: Политиздат, 1985. – С. 301).

Основываясь на данном подходе, Михаил Юрьевич Кондратьев и Юрий Михайлович Кондратьев в книге «Психология отношений межличностной значимости» утверждают, что «... В любой реально функционирующей группе постоянно возникают проблемные ситуации, когда членам группы для принятия того или иного решения необходимо соотнести свои взгляды, мнения, позиции. Отдельный член группы обычно не стремиться «перебрать» мнения всех своих партнёров по сообществу, чтобы сориентироваться в обстановке, проверить справедливость своих взглядов и утвердиться в правильности выбранных им стратегии и тактики поведения. Для решения этой задачи он, как правило, обращается к мнению лишь одного или нескольких людей, наиболее значимых в этом плане для него. Именно они и выступают для него в качестве референтных лиц в данной сфере взаимодействия» [14. С. 33].

Метод референтометрии. При социометрическом подходе к группе основным фактором выбора в системе межличностных отношений являются симпатии-антипатии. Качественная социально-психологическая модификация метода социометрии, – референтометрия. **Референтометрия** – это социально-психологический методический приём выявления факта референтной (личностной) предпочтительности (значимости).

Люди, к которым конкретный индивид очень внимательно прислушивается, являющиеся авторитетными для него, – это его референтная группа, – группа особо значимых для данного субъекта лиц, могущих и не входить в какую-то одну группу (что и бывает наиболее часто), а являющихся представителями нескольких реальных контактных групп, в которые входит (членом которых является) данных конкретный субъект. Тем не менее, практически в каждой реально функционирующей группе и/или в контактном, объединённом совместной деятельностью, сообществе имеются референтные для конкретного отдельного субъекта лица.

В этой связи отметим, что Михаил Юрьевич Кондратьев и Юрий Михайлович Кондратьев в книге «Психология отношений межличностной значимости» заявляют следующее: «... Референтное лицо, или объект референтных отношений – человек, на мнение которого ориентирован субъект этих отношений, чьи взгляды и позиции последний принимает во внимание в первую очередь, с чьими нормами и ценностями он соотносит своё поведение. Как правило, наиболее референтными в группе лицами являются лидер и руководитель, но в ряде случаев эту позицию в рамках какой-то отдельной сферы жизнедеятельности группы может

занимать лицо, не имеющее высокий интрагрупповой статус. Порой это совершенно не означает, что тот человек, для которого эти люди референтны, относится к ним позитивно. Имеется ввиду сам факт их значимости для индивида, возможно не основанной на их личных достоинствах, а отражающий важность той роли, которую играет в группе каждый из них» [14. С. 33].

Поэтому заметим, что референтность в социальных отношениях – это микросоциальное (а, в ряде случаев, и мезосоциальное) значение для субъекта окружающих его людей как уникальных персон. В контексте социально-психологических «измерений» подчёркиваем, что референтная процедура по её результатам нередко весьма информативна, она даёт точность представления о статусной структуре, взаимности предпочтений в почти любой группе.

Принцип референтометрической процедуры схематически таков же, как и социометрической процедуры. Диалектической противоположностью здесь является то, что выбирающий субъект указывает не его прямые предпочтения кого-то (как в социометрии), а косвенную авторитетность для него определённых (референтных) лиц. Основанием референтного выбора является ценностный фактор значимости для конкретной личности каких либо других лиц. Всё это вынуждает испытуемого проявлять высокую избирательность в отношении тех лиц в группе, чья позиция для него наиболее актуальна. Мера референтности какого-либо члена группы, – это «удельный вес» предпочтительности этого субъекта для другого лица, для других лиц. Таким образом, принципиального отличия в социометрическом и в референтометрическом принципе выбора респондентом «значимых других» нет, – и в том и в другом случае субъект технически приводит, как правило, три фамилии членов своей группы. Однако, в первом случае он сам выбирает кого-либо (социометрический выбор), а во втором случае он уповает на то, что его самого выберет значимое для него лицо (лица), которое (которых) он и указывает в своём респондентском выборе (референтометрический выбор).

На наш взгляд разница здесь может быть существенной, что и показывает практика. Подчеркнём, что не всегда те люди, которых субъект выбирает социометрически, являются теми же людьми, чьего внимания он хочет референтометрически. Например, при исследовании учебных групп школьников и студентов нами была выявлена закономерность, заключающаяся в том, что социометрически респондентами выбирались одногруппники, как правило, своего статусного внутригруппового круга, а референтометрически этими же самыми респондентами могли быть выбраны лица из более принятых, признанных и, даже, лидерских кругов данной конкретной группы [1, 3, 4, 11].

Далее мы рассмотрим референтометрическую методику согласно выдающемуся представителю отечественной социальной психологии Артуру Александровичу Реану [20-22].

Методика «Референтометрия» по А. А. Реану [20-22]

Артур Александрович Реан полагает, в некотором упрощении, что референтометрия как методика заключается, прежде всего, в ранжировании субъектом уже сделанных им самим его же социометрических выборов, т. е., – заключается в определённой аутосоциометрии [20-22].

Отметим и подчеркнём, что, как правило, в подобного рода диагностических исследованиях на каждый вопрос ответом являются три ФИО одногруппников, за исключением, разумеется, своего собственного ФИО.

По нашему авторскому мнению, при определённой модификации референтометрической (аутосоциометрической) методики А. А. Реана, могут быть составле-

ны и применены, например, следующие референтометрические (аутосоциометрические) вопросы [1, 3, 4, 11, 20-22].

1. Если Ваш класс (курс) будут расформировывать, как Вы думаете, кто из Ваших одноклассников обязательно захотел бы продолжить совместно учиться с Вами в новом учебном коллективе?

2. Кто из Вашего класса (курса) пригласил бы Вас на свой день рождения?

3. Кто из Вашего класса (курса) пошёл бы с Вами в многодневный туристический поход?

4. Кто из класса (курса) захочет поддерживать с Вами дружеские отношения после окончания школы (ВУЗа)?

5. Кто из класса (курса) согласился бы пользоваться вместе с Вами одним спортивным инвентарём?

6. Если бы кому то из Вашего класса (курса) дали большую сумму денег и сказали поделиться ею с Вами, кто из одноклассников (однокурсников) поделился бы с Вами в первую очередь?

7. Кто из класса (курса) даст Вам списать контрольную в первую очередь?

8. Кто бы Вам из класса (курса) доверил свой самый сокровенный секрет?

9. Кто из Ваших одногруппников именно без Вас совсем не представляет (не видит) класс (курс) как учебную группу?

10. Кто из Вашего класса (курса) хотел бы с Вами чаще видеться в свободное время?

11. Кто из Вашего класса (курса) хотел бы с Вами дружить всю жизнь?

Отметим, что по результатам проведения референтометрии, также как и по результатам проведения социометрии, может быть и, наверное, должна быть составлена предметная графическая схема. В случае отображения результатов референтометрии эта схема может быть названа референтограммой (по аналогии с социограммой) определённой группы.

Подчёркиваем, что с целью системной и оперативной социально-психологической диагностики коллективов и групп может быть применена и комплексная социо-референто-метрическая методика, – приводим далее, ниже, пример реально используемой нами и нашими коллегами нашей авторской комплексной социо-референто-метрической модификации [1, 3, 4].

Инструкция. Ребята! На каждый вопрос ответом вам должны служить фамилии и имена трёх ваших одноклассников! Отвечая на каждый вопрос по порядку, обязательно имейте ввиду следующее:

– по каждому вопросу сверяйтесь со списком класса, имеющимся у вас;

– заполняйте свой опросный лист самостоятельно, не советуясь с соседом (соседями) по парте;

– учитывайте всех членов класса, а не только присутствующих в данный момент;

– избегайте ответов типа: «выбираю всех», «выбираю любого», «не выбираю никого»;

– пишите в ответ на каждый из вопросов фамилии (имена и фамилии) трёх одноклассников.

ФИО_____класс_____дата_____

Авторская комплексная модификационная анкета-опросник по методикам «Социометрия» и «Референтометрия»

[1, 3, 4]

1. С кем ты больше всего хотел бы **дружить** из твоего класса?

2. Про кого из твоего класса ты очень хотел бы узнать то, с кем он очень хочет дружить?

3. Кого из класса ты обязательно пригласил бы на свой **день рождения**?

4. Про кого из класса ты обязательно хотел бы узнать, стремится ли он на твой день рождения?

5. С кем больше всего тебе **нравится учиться** в твоем классе?

6. Чьё мнение о том, с кем ему нравится учиться в одном классе ты очень хотел бы узнать?

7. С кем бы ты хотел **сидеть за одной**

партой больше всего?

8. Чей ответ на вопрос, с кем бы ему хотелось сидеть за одной партой, ты хотел бы обязательно узнать?

9. Чьим **мнением** из всех ребят твоего класса ты **дорожишь** больше всего?

10. Про кого из одноклассников ты хотел бы узнать, чьё мнение для них дороже всего?

11. С кем ты обязательно хотел бы **продолжить учиться** в следующем классе?

12. Чьё мнение о том, с кем бы он хотел учиться в следующем классе, ты бы обязательно хотел узнать?

13. С кем из одноклассников ты бы хотел вместе **выполнять домашние задания**?

14. Про кого из твоего класса ты хотел бы узнать, с кем ему бы хотелось совместно выполнять домашние задания?

15. С кем из одноклассников, в первую очередь, ты бы хотел вместе **участвовать в школьном спектакле**?

16. Чьё мнение о том, с кем ему хочется участвовать в школьном спектакле, ты хотел бы узнать?

17. С кем из одноклассников ты бы хотел вместе **участвовать в спортивных соревнованиях**?

18. Чьё мнение о том, с кем бы он хотел участвовать в спортивных соревнованиях, ты бы обязательно хотел узнать?

19. С кем из одноклассников ты бы хотел участвовать в **подготовке** какого-либо **школьного проекта**?

20. Чьё мнение о том, с кем ему хочется участвовать в подготовке какого-то школьного проекта, ты хотел бы узнать?

21. С кем из твоего класса тебе нравится посещать **спортивную секцию**, **танцевальный кружок**?

22. Чьё мнение о том, с кем ему нравится посещать спортивную секцию, танцевальный кружок, ты бы хотел узнать?

23. С кем из своего класса ты бы отправился в **туристический поход**?

24. Про кого ты хотел бы узнать, с кем бы он обязательно пошёл в туристический поход?

25. С кем из класса ты бы очень хотел жить **по соседству** в твоем доме?

26. Чей ответ из ребят твоего класса на вопрос о том, с кем бы он очень хотел жить **по соседству** своем доме, ты очень хотел бы узнать?

27. Кому из класса ты бы **доверил** свой самый важный **секрет**?

28. Чьё мнение из твоих одноклассников о том, кому бы он доверил свой самый важный секрет для тебя самое интересное и значимое?

29. Если бы ты выиграл в качестве **приза огромный вкусный** торт, то **с кем** из **троих** твоих одноклассников ты бы **поделился** в первую очередь?

30. Как ты думаешь, кто из твоих одноклассников точно поделился бы с тобой призом-тортом, если бы он выиграл его?

31. Без кого из одноклассников ты вообще **не представляешь себе свой класс**?

32. Чьё мнение из твоих одноклассников о том, без кого именно он совсем не представляет себе ваш класс, для тебя самое важное и интересное?

33. С кем из твоих одноклассников ты бы отправился в **кругосветное путешествие**?

34. О ком из одноклассников ты очень хотел бы узнать то, с кем из вашего класса ему хотелось бы отправиться в кругосветное путешествие?

35. Кто из одноклассников, при встрече с хулиганом, не раздумывая, точно п**ришел бы тебе на помощь**?

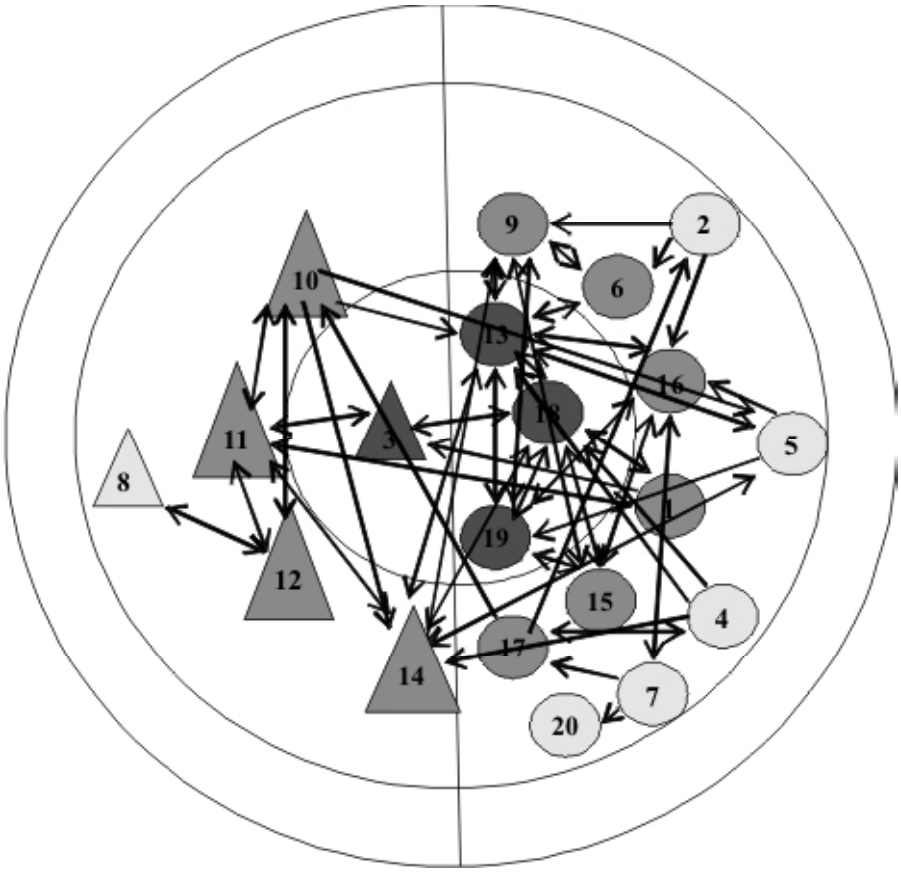
36. О ком из одноклассников ты больше всего хотел бы узнать про то, что он бы обязательно пришёл тебе на помощь при встрече с хулиганом?

Типовая сводная социометрическая и референтометрическая матрица выступает в качестве т. н. таблицы выборов и взаимных выборов.

Отметим, что, несмотря на графическую сложность, может быть составлена

сводная схема по результатам применения методик «Социометрия» и «Референтометрия», или же по результатам проведения комплексной социореферентометрической методики, описанной нами выше. Предлагаем вниманию коллег сводную социореферентограмму, являющуюся отражением одного из наших социореферентометрических исследований учебных классов (продиагностирован 3-й класс общеобразовательной школы). Исследование проведено по вышеописанной модификационной комплексной методике (см. графический пример далее, ниже) [1, 3, 4].

Между индивидами, обозначенными кружками (девочки, женщины) и треугольниками (мальчики, мужчины), прочерчиваются линии со стрелками, обозначающие обоюдную, либо одностороннюю, симпатию или антипатию.



Рисуночная (рисованная) социореферентограмма учебного класса

В заключение, приводим нашу авторскую проективную психосоциальную тестовую методику ***«Круг группы».***

Авторский социально-психологический проективный тест «Круг группы»

Методика «Круг группы» предназначена для выявления взаимоотношений в группе и коллективе (классе, курсе, творческом коллективе, спортивном коллективе, группе по интересам и т. д.), – путём изучения эмоциональных предпочтений детьми, подростками, юношами и девушками друг друга. Методика заодно выявляет также межличностные внутригрупповые отношения в любом небольшом сообществе людей, – от триады до средней группы, хотя предназначена, прежде всего, для типичной малой группы, составляющей, примерно, 10-15 – 25-30 человек. Относительно содержательной графической стимульной составляющей представляемой методики отметим и под-

черкнём, что в нарисованном круге группы обязательно должно быть ровно и именно столько равных долей, сколько реально состоит в этой группе (в этом коллективе) человек!

Стимульный материал: индивидуальный бланк с нарисованным кругом, поделённым на равные по размеру доли, полный список класса, курса (учебной группы, творческого коллектива, спортивной команды), разноцветные карандаши (фломастеры). В качестве бумажного носителя используется лист формата А4, представленный не в книжном, а в альбомном формате (повёрнутый горизонтально).

Процедура проведения

Респондент (ребёнок, подросток, юноша) должен сначала найти для себя место (выбрать какую-либо долю) в нарисованном круге на индивидуальном бланке, а затем респондент должен надписать (подписать внутри) и раскрасить это место (свою долю в круге). Потом испытуемый должен определиться с тем же самым и сделать то же самое относительно (для) всех своих одноклассников или однокурсников (одногруппников, членов коллектива). Испытуемый обязан найти каждому члену своего коллектива его отдельное место (самостоятельную долю) в круге группы, надписать эту долю круга (сделать надпись внутри этой доли) и раскрасить её. Отметим, из нашей практики проведения «круга группы», что наиболее простым вариантом проведения этого теста является предложение респондентам о том, чтобы они указывали в долях круга именно номера членов группы, соответствующие из фамилии в алфавитном списке группы. Однако, наименования, называние респондентами долей посредством ФИО, имени, фамилии или прозвища члена группы является существенно более информативным с позиций социально-психологического и психосоциального анализа группы и личности.

В качестве предварительного обоснования анализа результатов нашей методики «Круг группы» и их интерпретации приведём один из практических примеров пилотажного, предварительного использования нами данного теста в социально-психологической диагностике реальной контактной учебной группы.

С помощью ряда методик нами было произведено исследование группы обучающихся музыкальной школы в составе 15-ти человек. Авторский проективный социально-психологический тест «Круг группы» по данной группе выборки показал те же самые внутригрупповые взаимосвязи, что и методика «Социометрия» Дж. Морено. Укажем результаты социометрии: 15 положительных взаимных связей в группе учащихся 7-го класса музыкальной школы. Это говорит о том, что в данной группе происходит достаточно конструктивное общение. Подчеркнём, что тест «Круг группы» выявил то же количество позитивных взаимных связей в данной группе обучающихся. 15 обучающихся при выполнении теста независимо указали друг друга на соседних долях расчерченного круга, что свидетельствует о взаимности межличностных предпочтений этих учеников. Отметим, что это «идеальный» пример, что бывает достаточно редко, но, тем не менее, описанный выше пример весьма показателен.

Заметим и подчеркнём, что наряду с устойчивостью аутосоциометрических и взаимностью/различностью референтометрических выборов (отмечание испытуемым всех других членов данного коллектива), должно анализироваться положение (доля) каждого члена группы на всех бланках других респондентов (социометрическая составляющая первичности-вторичности-третичности выбора), – относительно расположения доли каждого конкретного респондента, выполняющего тест.

Отметим, что помимо этого нужно анализировать наименования долей каждого члена группы, сделанные каждым конк-

ретным испытуемым (как, конечно, и название им своей собственной доли), а также и цвета, которыми испытуемый раскрасил доли остальных членов коллектива (как, разумеется, и свою собственную долю). Всё это можно делать как исходя из здравого смысла и общепсихологических знаний, так и используя валидизированные, надёжные и репрезентативные методики. Например, используя методику «Фантастическое (несуществующее) животное», – относительно анализа возможных шуточных наименований, данных респондентом своим товарищам (по аналогии с анализом названий фантастических животных), а также, разумеется, производя анализ по цветовой методике М. Люшера.

Постскриптум

Александр Иванович Донцов, в книге «Феномен зависти: Homo invidens», полагает, в частности, следующее: «... Разумеется, слегка поднатужившись, каждый назовёт несколько разумных, деятельных, творчески одарённых, социально адаптированных и по-своему свободных современников, хотя эти дары чаще встречаются не оптом, а в розницу» [2. С. 11].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Базаркина И. Н., Донцов Д. А., Донцова М. В. Научная методология, эмпирические методы и методики социальной психологии // Вестник практической психологии образования (М.). – 2013. – № 1(34). – С. 36-48.

2. Донцов, Александр Иванович. Феномен зависти: Homo invidens? / Александр Донцов. – М.: ЭКСМО, 2014. – 512 с.

3. Донцов Д. А., Драчёва Н. Ю., Власова С. В. Методы и методики социально-психологического исследования учебных групп // Школьные технологии, рубрика «Экспертиза» (М.). – 2013. – № 1. – С. 156-172.

4. Донцов Д. А., Драчёва Н. Ю., Власова С. В. Методики социально-психологического исследования учебных групп школьников и студентов // Образовательные технологии, рубрика «Технология и практика обучения» (М.). – 2012. – № 4. – С. 108-125.

5. Коломинский Я. Л. Социальная психология взаимоотношений в малых группах. Учебное пособие для психологов, педагогов, социологов. – М.: АСТ, 2010.

6. Коломинский Я. Л. Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности). – Изд-е 2-е, доп. – Минск: Харвест, 2008.

7. Коломинский Я. Л. Социальная психология школьного класса. – Минск: ООО «ФУ Аинформ», 2003.

8. Кондратьев М. Ю., Кондратьев Ю. М., Кочетков Н. В., Крушельницкая О. Б., Сачкова М. Е. Социально-психологический диагностико-коррекционный комплекс для современных российских интернатных учреждений: Учебно-методическое пособие. – М.: МГППУ, 2010. – 72 с.

9. Кондратьев М. Ю. Социальная психология в образовании. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 384 с.

10. Кондратьев М. Ю. Социальный психолог в общеобразовательном учреждении. – М.: ПЕР СЭ, 2007.

11. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. Справочно-энциклопедическое издание. – М.: ПЕР СЭ, 2007. – 464 с.

12. Кондратьев М. Ю. Социальная психология / Под ред. М. Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах. Под общ. ред. А. В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005.

13. Кондратьев М. Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. – СПб.: Питер, 2005.

14. Кондратьев М. Ю., Кондратьев Ю. М. Психология отношений межличностной значимости. – М.: Пер Сэ, 2006. – 272 с.

15. Кондратьев Ю. М., Сачкова М. Е. Специфика отношений межличностной значимости в студенческой группе на разных этапах обучения // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 1.

16. Кондратьев Ю. М. Социальная психология студенчества. – М.: МПСИ, 2006. – 160 с.

17. Крушельницкая О. Е., Орлов В. А., Сачкова М. Е. Социальная психология образования как отрасль научного знания // Психологическая наука и образование. – 2013. – № 2. – С. 1-14.

18. Морено, Дж. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. А. Боковикова. – М.: Академический Проект, 2001.

19. Никулин С. А., Сачкова М. Е. Особенности позиции среднестатусного подростка в системе отношений школьного класса // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 5.

20. Реан А. А. Психология личности. Социализация, поведение, общение. – М.: АСТ; СПБ.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.

21. Реан А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.

22. Реан А. А. Психология и психодиагностика личности. Теория, методы исследования, практикум. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2006.

23. Сачкова М. Е., Тимошина И. Н. Особенности представлений подростков о себе и лидере в школьном классе: гендерный аспект // Психологическая наука и образование. – 2013. – № 2. – С. 48-61.

24. Сачкова М. Е., Васькова О. В. Взаимосвязь статусной дифференциации и сплочённости в ученических группах старших подростков // Социальная психология и общество. – 2013. – № 1. – С. 92-102.

25. Сачкова М. Е., Новожилова Н. И. Современная детско-юношеская организация: особенности интрагруппового структурирования и статусных отношений // Социальная психология и общество. – 2011. – № 2. – С. 52-62.

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, г. МОСКВА

УДК 81,373.21
ББК 81.2-3
Языкознание, ономастика, археология

филология

СУБСТРАТНАЯ ТОПОНИМИЯ СРЕДНЕГО (РЯЗАНСКОГО) ПООЧЬЯ В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ: ТИПЫ НА -ГА, -ЕЛЬ, -ЛЯ,-ЛЕЙ, -ЛЯЙ,-РА (-АРА)

Кандидат филологических наук Ю. Ю. Гордова

В статье рассматриваются субстратные (дославянские) топонимы Среднего Поочья шести типов: с формантами** -га, -ель, -ля, -лей, -ляй, -ра (-ара)**. Целью исследования является описание каждого типа посредством выявления и характеристики его ареала, лингвистической интерпретации данных, совмещение выявленных топонимических ареалов с ареалами археологических культур. Особое внимание уделено топонимическому окружению каждой группы. Установлено, что топонимы на** -га, -ля, -лей, -ляй **образуют компактные ареалы, приуроченные (преимущественно) к восточной части области и тяготеющие к течениям рек Цна и Мокша. Топонимы с исходом** -ель, -ра (-ара) **рассредоточены по территории области, не образуя ареалов. Лингвистические данные подтверждают принадлежность типов на** -га, -лей, -ляй **народам финно-угорской языковой семьи. В составе названий на** -ель, -ля, -ра (-ара) **обнаружены балтийские элементы, однако в целом данные типы остаются малоизученными, этимология многих названий не раскрыта.

Ключевые слова
Топонимика, топонимический тип, топонимический ареал, субстратная топонимия, происхождение географических названий, сопоставление топонимических и археологических данных

Исследование субстратной топонимии Среднего Поочья в ареальном аспекте, начатое нами в предыдущей статье [2], продолжает описание топонимов с регулярными финальными элементами (формантами) *-га, -ель, -ля, -лей, -ляй, -ра (-ара)*. Эти типы так же, как и рассмотренные ранее типы на *ур, -ор, -ар (-мар), -ер, -ма*, известны на территории Рязанской области. Часть из них являются традиционными типами топонимии Рязанской, Пензенской, Нижегородской областей, республики Мордовии, другая часть представлена малочисленными примерами. Как показывают подсчеты, малочисленные и многочисленные типы топонимов находятся в соотношении 14 : 26, или 35 % : 65 %. Такая пропорция представляется закономерной с учетом того, что к малочисленным относятся, с одной стороны, непродуктивные типы, с другой – наиболее древние типы, часть названий которых подверглась серьезным изменениям или была утрачена.

Все структурные группы топонимов отмечены на специальных картах. Топони-

мическая карта наглядно показывает различный характер зон распространения (ареалов) каждой группы. В частности, топонимы с формантами *-лей, -ляй, -ерга, -орга, -ерха (-ерхи)* образуют в Рязанской области небольшие, но компактные ареалы. Типы на *-ель, -ра (-ара)* строго не районированы: представляющие их топонимы одиночно или небольшими островками рассеяны по картографируемой территории.

При рассмотрении каждой группы приводятся следующие данные: корпус топонимов с общей финальной частью, характеристика ареала, наиболее вероятные версии происхождения названий, результаты совмещения выявленных топонимических ареалов с ареалами археологических культур.

В рамках типа топонимов с исходом *-га* отдельно рассмотрены группы названий на *-ерга, -орга, -ерха (-ерхи)* (первая группа), *-зга, -жга* (вторая группа), *-ыга, -ега* (третья группа).

Топонимы на *-ерга, -орга, -ерха(-ерхи)*

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Ниверга*** (протока), ***Пищерга*** (оз.), ***Шаморга***, ***Шатерга*** (оз.), ? ***Кочерга*** (оз.); ***Нерхи*** (оз.), ***Перехи*** (оз.), ***Тюмерха*** (оз.), ***Усерхи*** (оз.), ***Ушерхи*** (оз.), ***Шиверхи*** (оз.),? ***Васильхи*** (оз.), ***Урхо***; (ойконимы) ***Арга***, ***Выдерга***, ***Шаморга***; (микротопоним) ***Сорха*** (уроч.) (Карта 1).

Территориально разграничены топонимы на *-ерга* (***Пищерга, Шатерга, Ниверга, Выдерга***) и *-ерха (-ерхи)* (***Тюмерха, Ушерхи, Шиверхи*** и т. д.). Первые локализуются справа и слева от течения Оки близ устья Тырницы, накладываясь на южную окраину ареала топонимов на *-ур* и соседствуя с типом на *-ор*, вторые – справа и слева от Оки близ устья Мокши, частично совпадая с ареалом на *-ер* (Карта 2). «Брызги» ареала (***Шаморга, Арга***) обнаруживаются в бассейне Цны, в периферийном ареале названий балтийского типа.

В северных областях Европейской части России (их южная и юго-восточная часть) известны топонимы на *-егра, -огра*. Они образуют свой компактный ареал (***Копагра, Мачегра, Онегра, Суегра, Чавегра*** и др.). Этот ареал местами пересекается с зоной распространения (озерных) названий на *-ар, -ер, -ор, -яр*, особенно в направлении к низовьям Северной Двины [4. С. 36], что в общих чертах повторяет картину в Поочье.

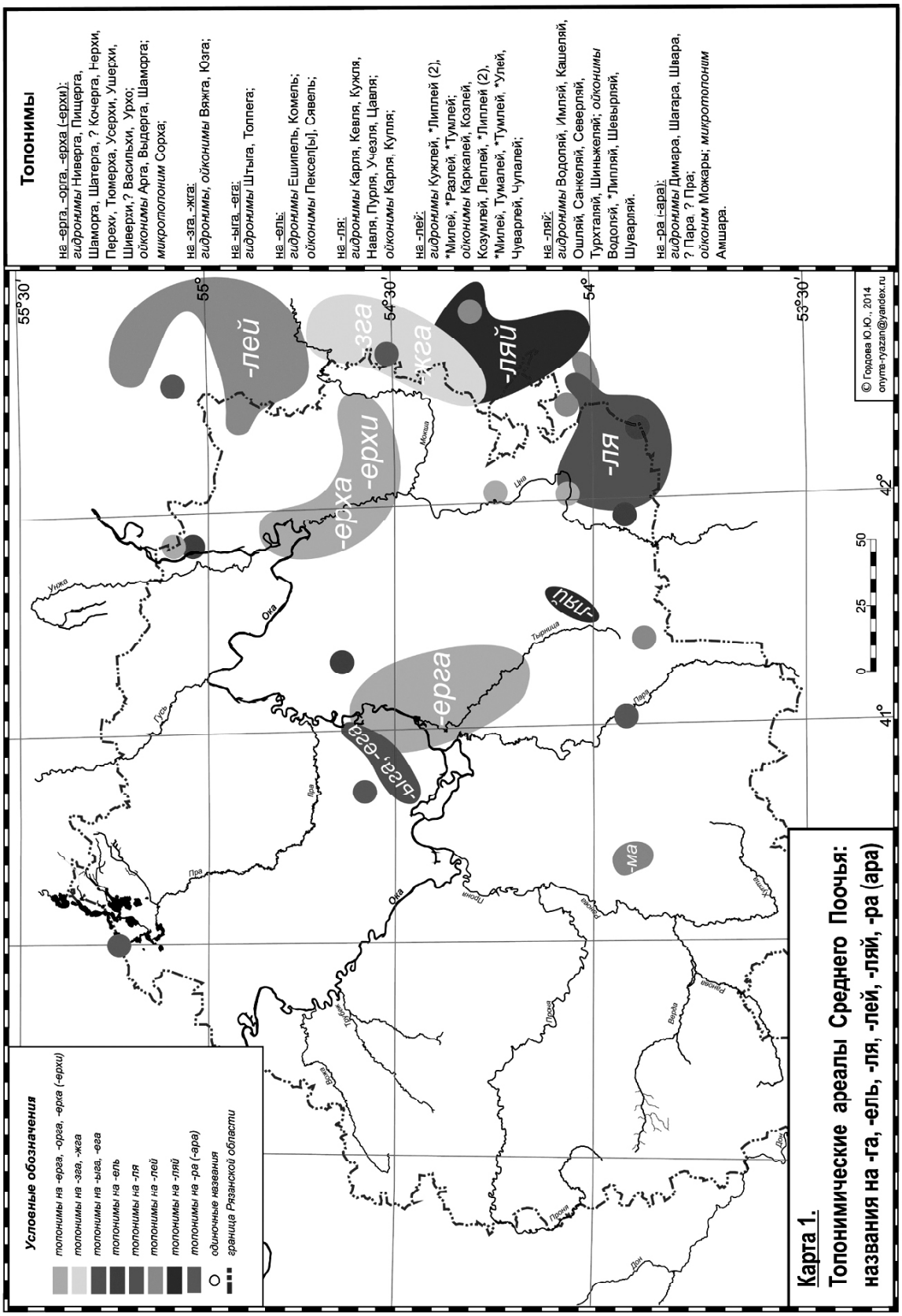
Интерпретация данных. Финно-угорский элемент *-ерга, -ерха* и под. (передача в русском языке вариативна) – традиционный формант озерных названий, восходящий к апеллятиву со значением «озеро» (ср. морд. *эрьхке*, эрз. *эрьке* «озеро»). А. К. Матвеев реконструирует его праформу как **jagr(a)* [4. С. 37].

Многие названия данной группы находят объяснения на базе мокшанского и эрзянского языков [12. С. 91-92]. Это дает основание относить тип к финно-угорскому, считая обособленные ареалы вариантов – на *-ерга* и *-ерха (-ерхи)* – отражением территориального распределения в Среднем Поочье двух близких и синхронных этнокультурных групп. С теми же группами могут быть связаны и ареалы типов на *-ор, -ар* (тяготеющих к варианту *-ерга*) и на *-ер* (тяготеющего к варианту *-ерха/-ерхи*).

Топонимы на *-зга, -жга*

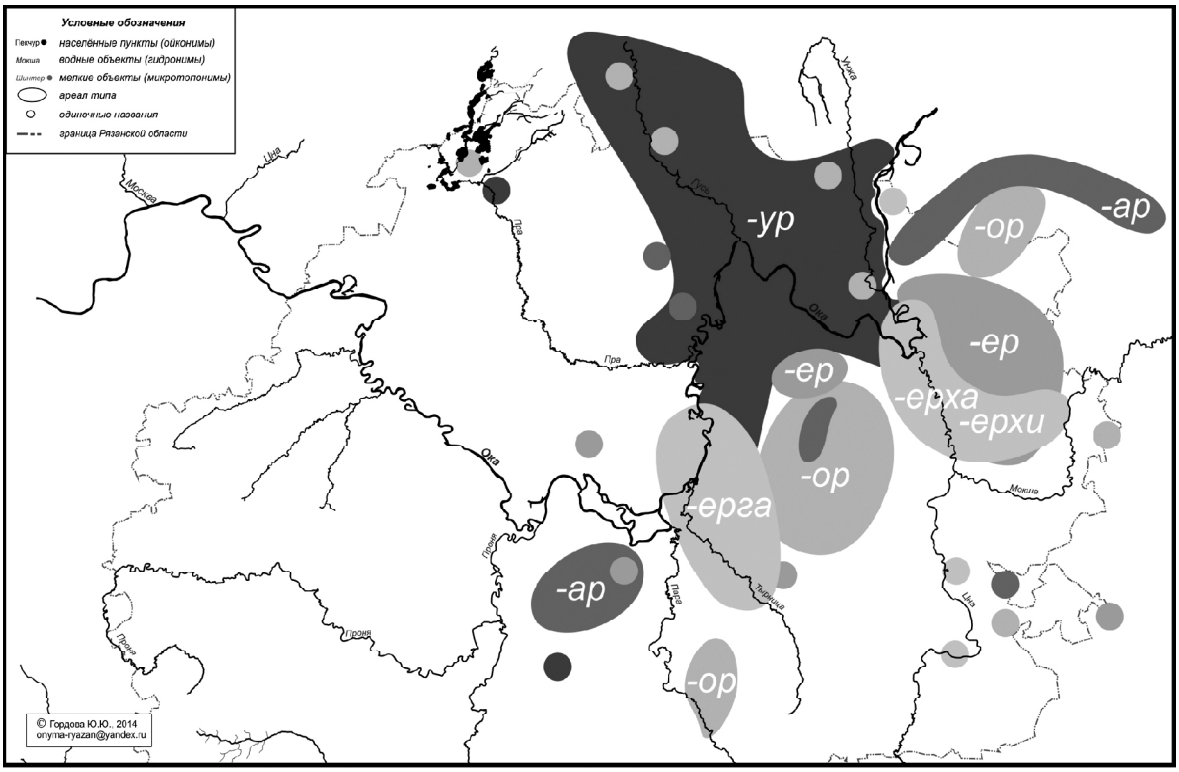
Характеристика ареала. Эта немногочисленная группа представлена названиями рек и смежных поселений: ***Вяжга*** (2), ***Юзга*** (2) (Карта 1). Все они локализуются на восточной окраине картографируемой территории, в окружении типов: на *-ца, -ва, -кша, -ляй, -ас (-яс)*.

Интерпретация данных. ***Вяжга*** – корневая часть допускает сопоставление с лит. *vezỹs* «рак», ср. лит. гидроним *Vẽzĩus* [5. С. 86], ср. также ***Вяж***, река в верховьях Мокши. Нельзя исключать, что формант *-га* имеет вторичное происхождение. Он мог быть привнесён в субстратное название одним из финно-угорских народов. В этом случае топоним может быть рассмотрен в связи с типом на *-яж, -еж* и



под. (*Ведяжа, Инкаш, Ковяжи*), ареал которого находится рядом. Топонимы данного типа также допускают балтийское объяснение.

Совмещение с ареалами археологических культур. В. В. Седов сопоставлял топонимию на *-га* с культурами текстильной керамики РЖВ и более раннего времени



Карта 2. Топонимы на -ерга, -орга, -ерха (-ерхи) и -ур, -ор, -ар, -ер

[9. С. 3]. При вторичном характере форманта ареал корневой части названий ***Юзга*** и ***Вяжга*** совместим с ареалом фатьяновской культуры эпохи бронзы, один из отделов которого находится в районе Мокши, на участке от устья Цны до устья притока Вад, см.: Рис. 4 [2. С. 189].

Топонимы на *-ыга, -ега*

Характеристика ареала. Данная группа включает два гидронима: ***Штыга***, ***Толпега*** (оз.) (Карта 1). В непосредственной близости находится ареал топонимов на *-ерга*, что может говорить о родстве типов.

Аналогичные топонимы известны в северных областях России (*Кузега, Кузеньга, Андога, Мустюга* и т. д.). Все они, по всей видимости, представляют обширный ареал, южную границу которого очерчивают рязанские названия.

Интерпретация данных. Топонимы на *-га (-ега, -ога, -юга, -ньга)* трактуются как финские. Я. Калима считает их мерянскими, А. К. Матвеев предлагает использовать более корректный термин – севернофинские. Для региональных гидронимов ***Кузега, Мустюга*** исследователь находит апеллятивные соответствия в финском: (соответственно) *kuusi* «ель», *musta* «чёрный» («чёрная речка») [4. С. 34, 38]. Этимология рязанских названий не установлена.

Топонимы на *-ель*

Характеристика типа. Данный тип представлен в Поочье немногочисленными гидронимами ***Ешипель*** (оз.), ***Комель***, ойконимами ***Пексел[ы]***, ***Сявель*** (Карта 1). Среди денотатов – небольшие водные объекты (в том числе озеро) и сельские поселения. Названия не образуют определенного ареала, но известны только в правобережной части Среднего Поочья.

Топонимы юго-восточной окраины этой территории находятся в зоне активности типов на *-ля*, на *-ша*, соседствуя с одиночными названиями на *-ас, -ис* и периферийным ареалом балтийской топонимии (Карта 3). Находящаяся здесь река Комель показана на современных географических картах как приток реки Пурля, что, судя по конфигурации объектов, весьма спорно (скорее всего, *Комель* – более

раннее или синхронное имя реки, вытесненное позднее названием на *-ля*; имя *Комель* сохранилось в качестве названия притока, который географически является верховьями главной реки). Топоним *Сявель* того же района находится на границе ареала на *-ля*.

Топонимы ***Пексел[ы], Ешипель*** находятся в точках соприкосновения ареала названий на *-ур* с ареалами названий на *-ер, -ор, -ар* (Карта 4).

Топонимы других регионов России: моск. ***Гжель*** (л. п. Москвы-реки), пенз. ***Отвель*** (басс. Суры).

Интерпретация данных. Данный тип остаётся малоизученным. Немногочисленные исследования по названиям с исходом *-ель* противоречивы и не позволяют сделать вывод о языковой принадлежности типа. Так, в гидрониме *Гжель* (*Гжелка*) видят балтизм. В. Н. Топоров восстанавливает его форму как **Gud-(j)-el* и находит для него апеллятивные соответствия в прусском и литовском языках [10. С. 73]. Пензенский гидроним ***Отвель*** объясняют через морд. *од вель* «новое село» [6. С. 102]. Рязанские топонимы не находят надежных соответствий в балтийских или финно-угорских языках.

Топонимы на *-ля*

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Карля, Кевля, Кужля, Навля, Пурля, Учезля, Цавля***; (ойконимы) ***Карля, Купля*** (Карта 1).

Названия данного типа занимают компактную территорию в низовьях реки Выша (п. п. Цны), захватывая на востоке левые притоки соседней реки Вад и продолжаясь далее на юго-востоке, в среднем течении Выши (территория Пензенской обл.). На картографируемой территории вне данного ареала топонимы не обнаружены. Названия относятся к небольшим водным объектам, притокам четвертого и пятого порядка.

Ареал накладывается на зону распространения названий с исходом *-ша* и частично на периферийный ареал балтийской топонимии. Рядом находятся: ареал типа на *-ляй*, одиночно разбросанные топонимы на *-ас (-яс)*. Внутри ареала обнаруживаются единичные представители типов на *-ель, -ис* (Карты 1, 3).

Интерпретация данных. Данный тип остается малоизученным. Тем не менее для двух топонимов группы предложены балтийские этимологии. Так, гидроним ***Пурля*** Ю. В. Откупщиков соотносит с лит. *Pur̃le* и объясняет через ботанический термин *pur̃le* «калужница»; гидроним ***Кевля*** – через литовский апеллятив *kiaũle* «свинья» [5. С. 86, 102].

Топонимы Пензенской области, где продолжается рязанский ареал типа на *-ля*, М. С. Полубояров объясняет по-иному. В частности, гидроним *Кутля* (л. п. Суры) он сопоставляет с антропонимом *Кутля*, известным из источников XVII в. как имя служилого татарина, однако больше склоняется к версии о происхождении названия из морд. *кудоляй* «домашняя речка (речка с жилищем)», то есть видит в форманте *-ля* видоизмененное *-ляй* [7. С. 114].

Возможно, с типом на *-ля* соотносится тип на *-ель*: несколько названий этого ряда находится в ареале топонимии на *-ля*.

Совмещение с ареалами археологических культур. Ареал топонимов на *-ля*, а вместе с ним на *-ель*, в бассейне Цны и Выши сопоставим с ареалом городецкой культуры, но всё же более вероятно, что названия связаны с потомками городецкого населения данного района (мордвой), см.: Рис. 1, 3 [2. С. 184, 186].

Топонимы на *-лей*

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Кужлей***, ****Липлей*** (совр. ф. ***Липейка***) (2), ****Милей*** (совр. ф. ***Милейка***), ****Разлей*** (совр. ф. ***Разлейка***), ****Тумлей*** (совр. ф. ***Тумлейка***); (ойконимы) ***Каркалей, Козлей, Козумлей, Леплей, *Липлей*** (совр. ф. ***Липейка***) (2), ****Милей*** (совр. ф. ***Милейка***), ***Тумалей***, ****Тумлей*** (совр. ф. ***Тумлейка***), ****Улей*** (совр. ф. ***Улейка***), ***Чуварлей, Чупалей*** (Карта 1).

Топонимы на *-ляй*

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Водоляй, Имляй, Кашеляй, Ошляй, Санкеляй, Северляй, Турхталяй, Шиньжеляй***; (ойконимы) ***Водоляй, *Липляй*** (совр. ф. ***Липляйка***), ***Шевырляй, Шуварляй*** (Карта 1).

В научной литературе топонимы на *-лей* и *-ляй* обычно рассматривают как один тип (*-лей / -ляй*). Однако в Среднем Поочье они имеют самостоятельные ареалы, что дает основание считать их двумя отдельными типами, хоть и родственными. Оба ареала локализуются в восточной части картографируемой территории, только в бассейне реки Мокша, преимущественно за пределами современной Рязанской области.

Ареал типа на *-лей* приурочен к течению реки Шокша (п. п. р. Юзга, п. п. р. Мокша), он захватывает северо-восточные районы Мордовии и Нижегородской области и продолжается далее на территории Нижегородской области. Одиночные названия встречаются в районе рек Пара и Вад, в последнем случае в границах ареала типа на *-ляй* или рядом с ним.

Названия относятся преимущественно к поселениям, реже к небольшим или совсем незначительным водным объектам.

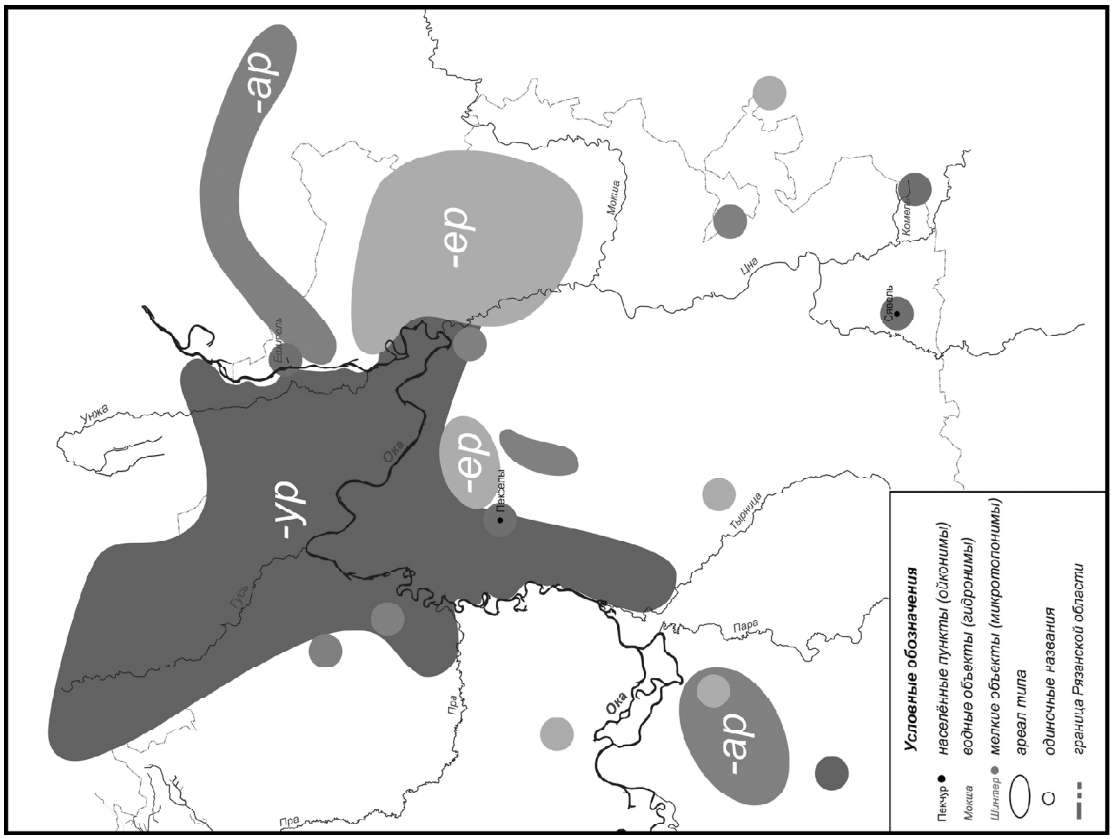
Топонимы на *-ляй* сконцентрированы в районе реки Вад (л. п. р. Мокша) и его притоков, в пограничных (с Рязанской областью) районах республики Мордовия и Пензенской области. Небольшой островок типа на *-ляй* обнаруживается на левобережье Цны (п. п. Мокши). На рязанской территории вне выявленных зон топонимы не встречаются, ни в виде островков, ни в виде одиночных названий. Такая строгая территориальная приуроченность топонимов данного типа говорит о локальных условиях их формирования.

Названия на *-ляй* относятся как к небольшим рекам, так и поселениям.

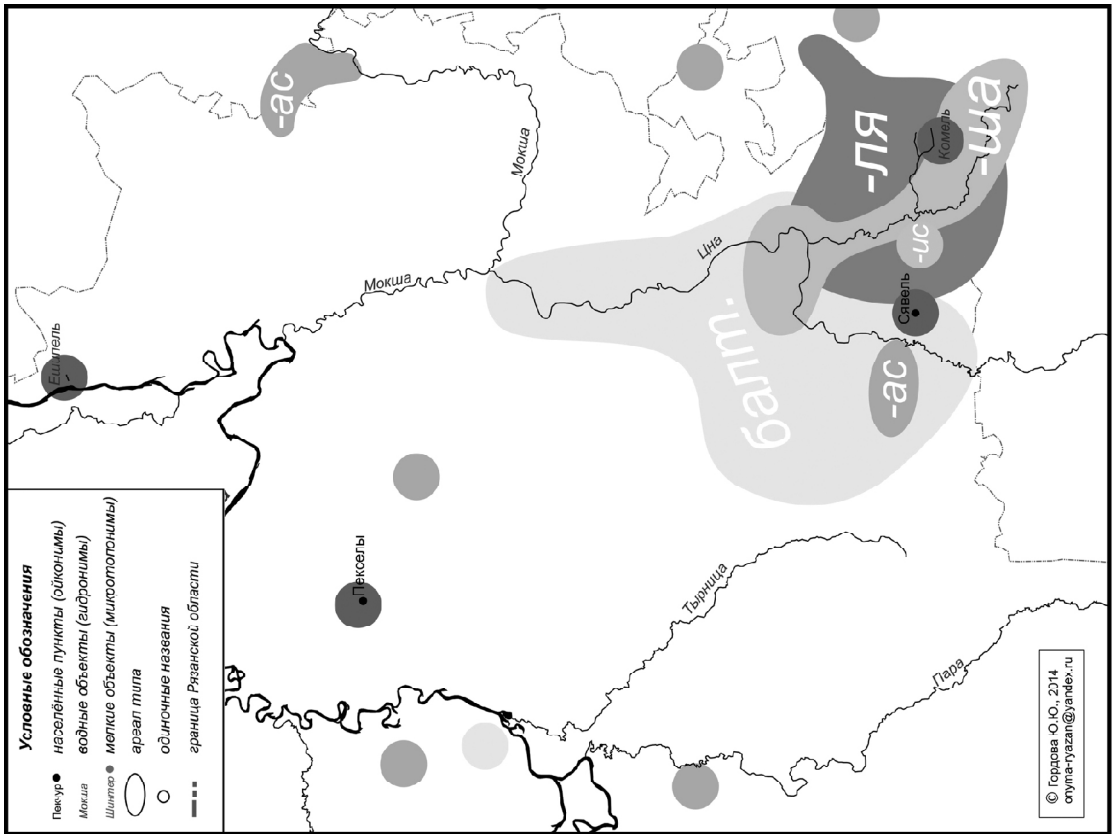
Интерпретация данных. Форманты *-лей, -ляй* признаются типичными гидронимическими формантами мордовской топонимии со значениями «речка», «овраг». Судя по тому, что денотаты имён – небольшие и совсем мелкие объекты, топонимия на *-лей, -ляй* носит сравнительно поздний характер. Её появление можно связать с периодом формирования и существования мордвы как самостоятельной этнической группы, имеющей исторически сложившуюся территорию проживания (бассейны рек Мокши, Суры).

Рязано-мордовские, рязано-нижегородские и рязано-пензенские ареалы, очевидно, являются пограничными очагами распространения топонимии данного типа, основные ареалы которой находятся в Мордовии, Пензенской и Нижегородской областях (там концентрация названий намного выше). По подсчетам М. С. Полубоярова, только в Верхнем Посурье известно около 90 гидронимов с *-лей, -ляй*, в Верхнем Примокшанье таковых 21 (Рис. 1) [7. С. 22, 31]. Рязанские ареалы объединяют 18 топонимов на *-лей* и 12 на *-ляй*.

Несмотря на устоявшееся представление о языковой принадлежности элементов *-лей, -ляй*, в последнее время предпринимаются попытки пересмотреть эту точку зрения и взглянуть на гидронимы данного типа в балтийском аспекте. В частности, Ю. В. Откупщиков видит в элементе *-лей* продолжение балтийской апеллятивной лексики: лтш. *leja* и *lejs* «долина, низина», этимологически связанные с и.-е. корнем **lei-* (лтш. *liet* «лить», русск. «лить»); возможный путь семантического развития: «лить, течь» – «река» – «заливной луг»; не исключено, что латышские апеллятивы имели более древнее значение «река»: лтш. *Abras-leja* в сравнении с *Abr-upe* [5. С. 103]. По мнению исследователя, и корневая часть отдельных «мордовских» гидронимов на *-лей, -ляй* может быть объяснена на материале балтийских языков: ***Ошляй***, обычно трактуемая как «городская речка» (морд. *ош* «город»), сопоставима с балтийским гидронимом *Oš-upis* (лит. *õšti* «шуметь»); ***Липлей, Липляй*** (совр. ***Липляйка***), трактуемые как



Карта 4. Топонимы на -ель: топонимическое окружение



Карта 3. Топонимы на -ель: топонимическое окружение

«ольховая речка» (морд. *лепе* «ольха»), сопоставимы с лит. гидронимом *Liep-up* (лит. *liepa* «липа») [5. С. 104, 105]. Вывод, к которому приходит исследователь: «…Морд. *лей, ляй* «река, овраг» было заимствовано из древнего балтийского ди-

алекта, в котором слово *lejs, leja* в качестве второго компонента гидронима имело очень широкое распространение, причем преимущественно с этимологически более древним значением «река»» [5. С. 104].

Если принять эту точку зрения, то небольшие и компактные ареалы *-лей, -ляй* в Среднем Поочье должны быть исторически связаны с районами проживания балтов, лексические и ономастические элементы которых и были восприняты позднее мордовским населением. Как показывает топонимическая карта, оба ареала накладываются на ареалы топонимии балтийского типа: тип *-лей* – на типы *-ос, -еж, -яж* и под., тип *-ляй* – на типы *-ва, -ца.*

Совмещение с ареалами неязыковых явлений. Если принимать во внимание топонимические, археологические и этнографические данные по соседним регионам, то основной ареал топонимии с *-лей, -ляй* совпадает с ареалом археологических памятников мордвы VI – XV вв. (см.: Рис. 3 [2. С. 186]) и основной территорией современной мордвы. Два компактных ареала Среднего Поочья показывают районы проживания носителей двух языков или диалектов внутри мордовского языка. Ареал лей-топонимии частично совпадает с районом проживания так называемой *теньгушевской мордвы*, или *шокши*. Название этнической группы связано с гидронимом ***Шокша***, а второй вариант этнонима – *теньгушевская мордва* – с названием населенного пункта ***Теньгушево***, который располагается здесь же, у истока соседней с Шокшей реки Ведяжи.

Топонимы на *-ра (-ара)*

Характеристика типа. Группу образуют: (гидронимы) ***Димара, Шагара*** (оз.), ***Швара***, ? ***Пара***, ? ***Пра***; (ойконим) ***Можары***; (микротопоним) ***Амшара*** (уроч.) (Карта 1).

Названия одиночно рассредоточены по территории, не образуя ареала. Не сопоставимы с ареалом топонимов на *-ар*, хотя можно было бы видеть тот же элемент в составе названий на *-ара*.

Интерпретация данных. Названия на *-ра (-ара)* пока не получили надёжного объяснения.

В топониме ***Можары*** можно видеть балтийский корень: ср. лит. *mazŏja* «малая», моск. гидроним ***Можай / Можая / Мжая***, от которого образовано название города ***Можайск*** (форма XVI в. **Можаеск**) [8. С. 272].

Условно отнесены к данному типу гидронимы ***Пара*** (п. п. Оки) и ***Пра*** (л. п. Оки). В «Топонимическом словаре Рязанской области» названия рассматриваются как финно-угорские и в связи с мордовскими апеллятивами; отмечается, что гидроним ***Пра*** мог быть связан с племенем мещеры [11. С. 187-188], однако такое предположение, очевидно, основано только на географических реалиях (гидроним локализуется в Мещере). Близкие названия известны в нижегородской микротопонимии: овраги *Пара, Парка*, их объясняют через морд. диал. пара «овраг» [3. С. 87]. Однако рязанские гидронимы ***Пара*** и ***Пра*** являются значительными водными объектами – притоками Оки первого порядка, что делает сомнительной их связь с племенами мордвы или мещеры, сформировавшимися относительно поздно – во второй половине I тысячелетия н. э.

Близкие по типу названия других регионов: ***Мера*** (л. п. Волги) [1. С. 53], моск. ***Отра***, ****Вохра*** (совр. ф. ***Вохринка***).

Совмещение с ареалами археологических культур. Сопоставление с археологическими ареалами районов локализации рассматриваемых гидронимов указывает возможное направление лингвистического поиска. Не может быть оставлен без внимания факт приуроченности к долине реки Пары памятников фатьяновской культуры (по данным на 2015 год около 25). Их равномерное распределение вдоль русла (см.: Рис. 4 [2. С. 189]) свидетельствует о том, что район был хорошо обжит уже в эпоху фатьяновцев, то есть до

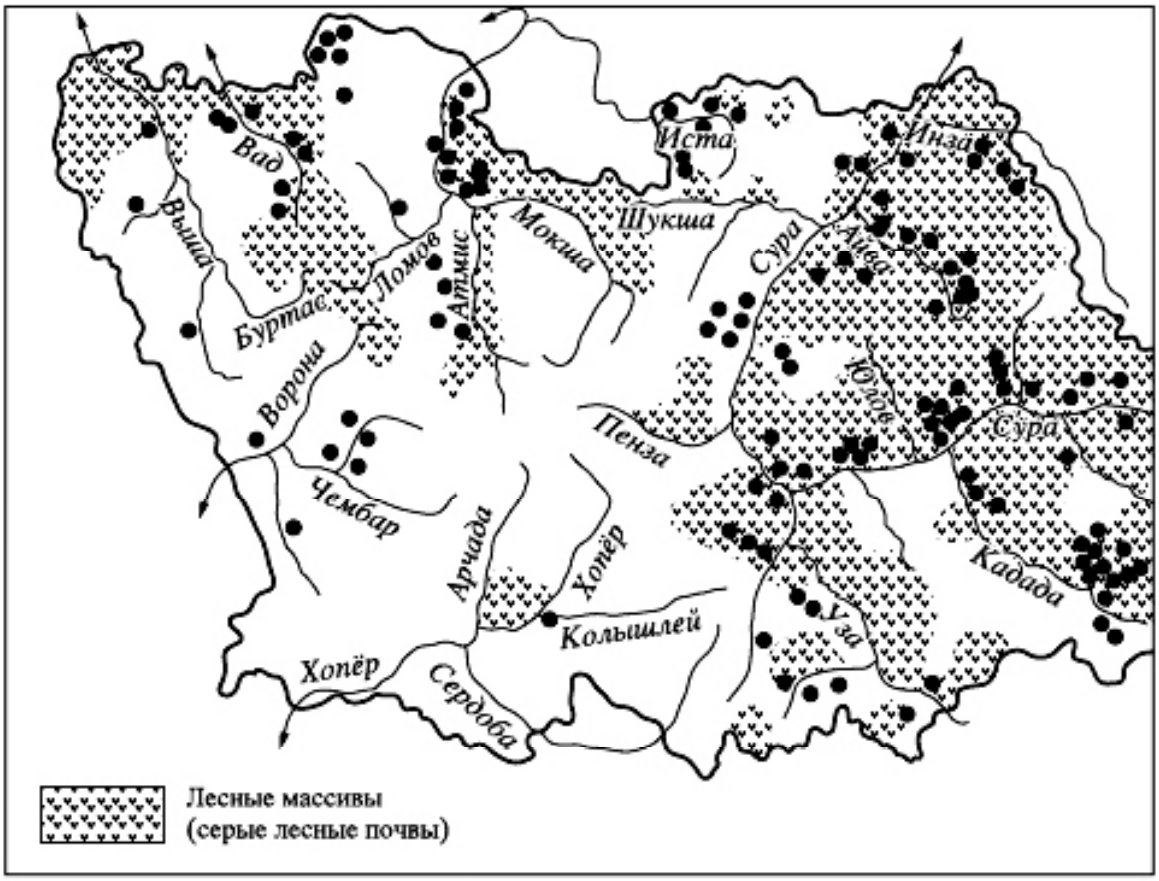


Рис. 1. **Гидронимы на *-лей / -ляй* в Пензенской области (сост. М.С. Полубояров)**

появления финно-угорского населения. Фатьяновские памятники известны и близ мест локализации топонимов ***Шагара, Можары, Пра*** (у истока).

При всей сложности интерпретации отдельных типов субстратной топонимии Поочья, неясности в вопросах языковой принадлежности и происхождения многих названий рассмотренных формантных групп, неполноты археологических сведений по некоторым районам области работа по изучению топонимических ареалов и их совмещению с ареалами материальных культур древности должна быть продолжена, так как именно ареальный аспект проблемы топонимического субстрата Среднего Поочья с корреляцией данными археологии дает возможность увидеть распределение различных этноязыковых групп по территории региона, предоставляя новые материалы для восстановления неизвестных эпизодов прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Атлас Рязанской области. Масштаб 1:100 000. – М.: Фирма «Арболет», АСТ-Пресс «Картография», 2002.

2. Гордова Ю. Ю. Субстратная топонимия Среднего (рязанского) Поочья в ареальном аспекте: типы на *-ур*, *-ор*, *-ар* (*-мар*), *-ер*, *-ма* // Российский научный журнал. – 2015. – № 4(47). – С. 243-254.

3. Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ: Монография. – Арзамас: АГПИ, 2008.

4. Матвеев А. К. К лингвоэтнической идентификации финно-угорской субстратной

топонимии // Балто-славянские исследования 1988-1996. – М.: Индрик, 1997. – С. 30-39.

5. Откупщиков Ю. В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования. XVI. – М., 2004. – С. 83-114.

6. Полубояров М. С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. – М.: Издательство МГОУ, 2003.

7. Полубояров М. С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. – М.: Издательство ЗАО «ФОН», 2010.

8. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь. – М.: Астрель, 2002.

9. Седов В. В. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Топонимия Центра (Тезисы докладов) / Отв. ред. Е. М. Поспелов. – М.: Географическое общество СССР (Московский филиал), 1972. – С. 3-4.

10. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. – М.: Армада-пресс, 2002.

11. Топонимический словарь Рязанской области / Под ред. А. А. Никольского; Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Еенина. – Рязань, 2004.

12. Хрусталёв И. Н. Названия озёр и болот Рязанской области // Рязанский этнографический вестник / Гл. ред. В. В. Коростылёв. – Рязань, 2009. – Вып. 41.

ИНГУШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКА ИНГУШЕТИЯ, г. МАГАС

УДК 82-32
ББК 83.3(2=603.1)6
Филология

филология

АЛИ ХАШАГУЛЬГОВ. НЕИССЛЕДОВАННАЯ ПРОЗА

Т. Х. Горчханова

В статье впервые рассматривается проза ингушского поэта, писателя и живописца Али Хашагульгова, представленная в жанре короткого рассказа. Произведения представляют собой большой научный интерес не только в связи с неисследованностью, но также и неординарностью художественного решения многих проблем национальной жизни. А. Хашагульгов, достигший в своей прозе глубокого психологизма и философичности, внес значительный вклад в развитие жанра рассказа в ингушской литературе.

Ключевые слова
Ингушская литература, малая проза, короткий рассказ, психологический рассказ, философский рассказ, внутренний монолог, диалог

Ингушская проза в лице Али Хашагульгова представляет собой особую страницу в национальной литературе. Вернувшийся из ссылки на родную землю ингушский народ, трудится с особым энтузиазмом. Поэтому о достижении успехов в сельском хозяйстве и других областях пишут такие писатели как Хамзат Осмиев, А. Боков и др. Можно сказать, что в 60-70-х годах XX столетия в литературе превалирует тема героического трудового энтузиазма. Это можно объяснить не столько всеобщей идеологизированностью литературы, сколько особенными обстоятельствами, связанными с возвращением из депортации ингушей и чеченцев и восстановлением республики.

Однако в это же время появлялись и другие писатели с произведениями, в которых отражено другое видение происходящего. В обществе, в основном среди интеллигенции, назревали совершенно противоположные настроения. Ингушский народ, реабилитированный лишь частично, был не согласен с существующим положением дела, что вылилось в январский митинг 1973 года в городе Грозном, тогдашней столице Чечено-Ингушетии. В литературе появляется другой герой, отличающийся от героя-энтузиаста, счастливого строителя «светлого будущего». Таковы герои рассказов Али Хашагульгова, внесшего значительный вклад в развитие жанра рассказа в ингушской литературе.

Али Татриевич Хашагульгов (1943-1999) и Иса Кодзоев в 60-х годах становятся первыми писателями-диссидентами, которые по политическим мотивам вместе отбывают срок заключения в мордовских лагерях. Первая публикация Хашагульгова состоялась 4 июня 1963 года в альманахе «Лоаман Іуйре» («Утро гор»),

в тот же день он был арестован.

Четырнадцатилетний Хашагульгов, возвращаясь на родину из ссылки, в поезде пишет поэму «На Родину». «Позже, в 1963 году, в деле «особо опасного государственного преступника Хашагульгова» детская поэма будет фигурировать как основное доказательство его «преступной деятельности»»», – пишет Х. Хазбиева [1. С. 5]. Но и после отбывания срока он долгие годы был под запретом, его произведения, главным образом, поэтические, не печатались. К сожалению, мы сегодня не располагаем полными сведениями о его литературном наследии: часть его произведений (поэма и другие рукописи, накопленные к этому времени) была изъята при аресте, часть потеряна по причине неустроенности быта и при гонениях. По свидетельству самого А. Т. Хашагульгова, в 1962 году он сдал в издательство две книги – сборник стихов и сборник переводов Лермонтова, которые потом конфисковали. Копии некоторых сохранившихся литературных произведений А. Хашагульгова были переданы сравнительно недавно вдове Хашагульгова из Центрального архива ФСБ России.

Кроме литературного таланта Хашагульгов обладал еще даром живописца и с 1995 года являлся членом Союза писателей и Союза художников РФ.

Хашагульгов больше всего известен как поэт, как прозаик он проявил себя в жанре короткого рассказа. Глубокое знание народного творчества, обостренное чувство справедливости, горячая любовь к родине, боль за нее, позволили ему создать в поэзии и прозе глубокие и интересные образы. Во всех героях Хашагульгова живет частица самого автора. Его герой – интеллигент, глубоко порядочный человек, который не может прийти к согласию с действительностью, он не понят и не принят, он не может вписаться в окружающую его действительность, приспособиться к ней.

Поэтические и прозаические произведения Хашагульгова проникнуты любовью ко всему: к женщине, родине, маленькому селу, к каждому камню, дереву, листку, сорвавшемуся с ветки. Эта всеохватная Любовь чувствуется во всем. «Али Хашагульгов создает разнообразный мир Целого, где все в Единстве» [2. С. 17]. Поэтому лирику поэта трудно делить на любовную, пейзажную, патриотическую. Лирична и проза Хашагульгова, его рассказы можно воспринимать как стихи в прозе.

Произведения Хашагульгова начинают печатать лишь в конце 80-х годов. Его проза – уникальное явление в ингушской литературе. Рассказы А. Хашагульгова «Деньги» (1970), «Работа» (1970), «Письмо к любимой» (1971), «Зачем учиться» (1973), «Ты не пришла» (1973) глубоко психологичны, в них чувствуется, в то же время, глубокое философское содержание, хотя посвящены они современной писателю действительности. В своей прозе, как и в поэзии, Хашагульгов творит подлинный национальный мир, который, по выражению Султанова К. К., «не только магия непознаваемого своеобразия, не только почва и голос крови, но и путь, духовный выбор, самопознание, свобода от национальных предрассудков» [3. С. 26].

Уделяя большое внимание Хашагульгову-поэту, исследователи его творчества, обходят стороной Хашагульгова-прозаика. Самобытная и неординарная проза писателя остается неисследованной.

Во многих своих рассказах писатель затрагивает тему калыма. На первый взгляд может показаться, что она главная, но это было бы поверхностное решение проблемы. Автор «высвечивает» через эту тему-социально-экономические проблемы: безработица, низкий уровень жизни, низкая оплата труда. Неординарный подход к решению этой проблемы, мы обнаруживаем еще в литературе 20-30-х гг., в творчестве Ш. Ахушкова.[4. С. 25-31] Герои Хашагульгова в большинстве своем интеллигентные, образованные молодые люди, не имеющие возможности честным трудом обеспечить себе достойную жизнь в так называемой «стране развитого социализма».

Особенно эта проблема остро встает перед героем, когда он замышляет завести семью.

В небольшом рассказе «Ахча» («Деньги») сюжета как такового нет: герои просто едут в автомобиле. Их двое: водитель и случайная попутчица. Диалоги и размышления героев – не только способы раскрытия образов, психологии героев, их внутреннего мира, но «это, прежде всего, обращение к диалогу, к разговорности, как таковой, к непосредственному ощущению слушателя, к усилению момента общения, коммуникативности» [5. С. 210]. Посредством диалогов читатель узнает некоторые подробности из жизни героев. Два финальных предложения, которые выносятся автором в начало рассказа, создают ощущение неминуемой трагедии: «Вскрикнув, Сона медленно сползла на землю. Зайпал кинулся к машине». Герои рассказа Рашид, молодой человек, возвращающийся из Сибири на своем автомобиле, и Сона – совсем молодая женщина восемнадцати лет, которая ездила в городскую больницу, чтобы проведать родственницу. Рассказ полностью построен на диалоге героев и внутренних монологах.

«– Куда едете? – притормозив, водитель правой рукой открыл изнутри дверь.

– В Слепцовскую. Я сяду сзади.

– Сзади нет места…

Машина тронулась. За рулем был человек лет тридцати, среднего роста» [6. С. 39].

Есть и третий герой, который до конца рассказа, на протяжении всего пути находится рядом с Соной и Рашидом. Это труп молодого парня Салмана, умершего на чужбине, причина смерти неизвестна, скорее всего, убит. Рашид взялся отвезти труп земляка на родину. Он ничего не знает о покойнике – известно только то, что он ингуш, а также имя по документам. Сона не подозревает, что в салоне на заднем сидении труп, более того, что это труп ее мужа, а Рашид не знает, что Сона – жена покойника.

Сона и Салман поженились вопреки воле отца девушки. Отец Соны оказался корыстным человеком: в обмен на примирение он потребовал от зятя слишком большую сумму в качестве калыма. Салман задолжал много денег, и чтобы расплатиться с долгами ему пришлось вскоре после свадьбы уехать в Сибирь, на заработки. Свою героиню Хашагульгов показывает через восприятие другого героя, а внутренний мир обоих героев, подробности жизни и даже то, что происходит за стеклами автомобиля, читатель узнает через их мысли.

В рассказе отражена одна из самых острых проблем, которая обрела в то время национальный масштаб: массовая нетрудоустроенность населения и низкая оплата труда, которые вынуждали мужскую часть населения выезжать в другие регионы в поисках заработка на сезонные работы. Эта же тема, как основная причина неустроенности жизни звучит в рассказе «Работа». Как правило, герой Хашагульгова – бедный поэт, интеллигент или студент. Он всегда глубоко порядочный, нравственный человек, который не может поступиться своими принципами, и оттого не вписывается в социальную среду, в которой он живет, чувствует себя в ней неуютно. Неустроенность быта, всегдашняя нехватка денег мешают ему достичь простого человеческого счастья: соединиться с любимой, создать семью.

Рассказы Хашагульгова глубоко психологичны, в них часто отсутствует сюжет.

Короткий рассказ «Янзархьо» («Ты не пришла») – лирический монолог поэта, один день его жизни, который он проживает в ожидании возлюбленной. Нет ни сюжета, ни действия. Весь рассказ состоит из мысленной беседы героя с любимой, которая так и не пришла. Он за день готовится к свиданию с ней, на свои скудные средства как мог, обставил убогий угол, который снимает у старушки. Он и предвкушает встречу и боится, что она не приедет: «Мы с тобой посидим у меня, попьем-поедим, а потом пойдем прогуляться в лес. Ладно? Посмотри, какой лес красивый! Желтый ковер из листьев стелется под но-

гами… а что еще нам надо! И гроздья калины нарвем, красной, как твои губы… Автобус!!! Остановился… Нет ли тебя? Ты должна быть. Не может быть, чтобы тебя не было… Десять часов… Тебя нет. Почему тебя нет?.. Наверное, ты не успела на этот автобус. Вдруг ты не приедешь и в одиннадцать часов. У тебя ведь нет причин не приехать? Правда?» [7. С. 58].

Рассказы А. Хашагульгова выделяются в ингушской прозе 70-х – начала 80-х годов своей тематикой, способом изображения реальной действительности, создания образов. «Особняком стоит проза Хашагульгова, – пишет Х. Ш. Точиева. – На первый взгляд, это рассказ-зарисовка, незамысловатая сценка, но внутренняя насыщенность образа, его психологическая емкость разворачивают перед нами целые человеческие драмы, характеры, за которыми чувствуется большая жизненная сила» [8. С. 3].

Произведения Хашагульгова, написанные в разгар так называемого «застоя», недвусмысленно намекают на то, что в стране «развитого социализма» не так все было благополучно, как это пытались внушить народу, они не вписываются в канву «советской» ингушской литературы, которая творилась по канонам соцреализма. Естественно, что такая проза не приветствовалась цензурой и в печати смогла появиться только в «перестроечные» годы. Хашагульговский герой – безработный агроном или интеллигент, получающий за свой труд мизерную плату, на которую трудно содержать семью, создает контраст с героями Х. Осмиева, А. Бокова и М.-С. Плиева – колхозниками и тружениками земли, бодро шагающими к «светлому будущему». За «оптимизмом», которым было наполнено это время, Хашагульгов сумел разглядеть трагизм человека, непонятого, непринятого, не сумевшего приспособиться к тем условиям жизни. Особенности создания образов, повествования, философичность, психологизм, тонкий лиризм сближают его прозу с поэзией. Хашагульгов обогатил ингушскую прозу психологическим, философским рассказом. Лирический герой Хашагульгова, тонкий и чувствительный, переселяется в прозу. Говоря о поэтическом творчестве Хашагульгова М. Дж. Яндиева очень точно определяет взаимоотношения художника и времени: «Али Хашагульгов не навязывает себя современности, не выясняет с ней отношений, а одиноко отстоя от всех, ждет, когда эта современность сама обратится к нему, томимая духовной жаждой» [9. С. 72]. В этих словах выражена и суть личности Хашагульгова и суть его творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хазбиева Х. Правда духа // Слово об Али Хашагульгове. – Назрань, 2007. – 102 с.

2. Точиева Х. Ш. Концепт пространства и времени в поэзии Али Хашагульгова // Научный вестник ИнгГУ (Магас). – 2014. – №1-2. – С. 17-22.

3. Султанов К. К. Национальная идея и национальная литература // Нация. Личность. Литература. – Вып. I. – М.: Наследие, 1996. – С. 24-33.

4. См.: Горчханова Т. Х. Малоизученные рассказы 20-30-х годов XX века в ингушской литературе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Хетагурова (Владикавказ). – 2014. – № 4. – С. 449-453.

5. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. – Т. 5. – М., 1996. – 731 с.

6. Хашагульгов А. Ахча // Лоаман Іуйре. – 1989. – № 4. – С. 39-42.

7. Хашагульгов А. Янзархьо // Лоаман Іуйре. – 1989. – № 4. – С. 58-61.

8. Точиева Х. Ш. Национальный поэт // Сердало. – 1999. – № 46. – С. 3-4.

9. Яндиева М. Д. Духовное мужество (Поэзия Али Хашагульгова) // Слово об Али Хашагульгове. – Назрань, 2007. – 102 с.

ИНГУШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКА ИНГУШЕТИЯ, г. МАГАС

УДК 82-31
ББК 83.3(7)
Филология

ПРОЯВЛЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРЫ ЦВЕТА В РОМАНЕ Т. МОРРИСОН «ВОЗЛЮБЛЕННАЯ»

М. Б. Долгиева

Статья посвящена изучению цвета в художественном произведении Т. Моррисон «Возлюбленная» («Beloved») с мультикультурной позиции, основанной на сопоставлении представлений различных этносов о цвете. В статье подтверждается мысль Т. Моррисон о единой мультикультуре, к которой должны стремиться этносы, достигая мирного сосуществования. В анализируемом произведении автором проводится параллель между мультикультурой и политическим режимом современной Америки, оказывающим влияние на жизнь всех этносов, населяющих ее. У Т. Моррисон мультикультура становится воплощением цветов радуги, лоскутного одеяла и карнавала. Радуга представляет единое, гармоничное, природное сосуществование этносов. Лоскутное одеяло становится созданным руками человека единством. Карнавал отождествляется с радостью жизни, где все этносы равны. На основе сочетания цветов радуги, одеяла и карнавала делается вывод о том, что Т. Моррисон утверждает идею единства культур.

Ключевые слова
Цвет, культура, мультикультура, лоскутное одеяло, радуга, карнавал

Цвет как объект изучения рассматривается в филологии с различных позиций: сопоставления языков, эволюции обозначений цвета, психолингвистических, когнитивных исследований, лингвокультурологического анализа, номинационно-терминообразующих аспектов и др. Для учёных наиболее актуальным представляется рассмотрение цвета с точки зрения сопоставления различных культур и этносов. В настоящей статье такая позиция обозначается как мультикультурная, поскольку позволяет изучать представления о цвете в рамках взаимодействия этносов.

Мультикультурная позиция основывается на изучении изменений социальных отношений, верований, представлений, культурных проявлений в условиях увеличивающейся неоднородности человеческих сообществ, что отражается, прежде всего, в характере цветового обозначения. В связи с этим, целью статьи становится анализ мультикультуры цвета в художественных произведениях американских авторов.

Мультикультура на основе заложенного в ней смысла проявляется в обозначениях цвета. По мнению А. Т. Хроленко, она представляет собой «смыслонесущий

и смыслопередающий аспекты человеческой практики и ее результатов, символическое измерение социальных событий, позволяющее индивидам жить в особом жизненном мире, который они все более или менее понимают, и совершать поступки, характер которых понят всеми остальными» [8: 57]. На основе данного высказывания можно сделать вывод о том, что именно смысл становится той платформой, которая позволяет связать проявления культур и, соответственно, обозначений цвета. Цвет имеет определенное значение, а особенности интерпретации цвета у различных этносов обладают как схожими, так и различными характеристиками. Это порождает так называемое «цветовое сознание» (в терминологии В. В. Налимова [6]), которое связывает единой нитью разные поколения и национальные культуры.

Мультикультура цвета характеризуется воплощением сложившихся традиций народа на основе неосознаваемых, давно устоявшихся соответствий между отдельными цветами и воплощающими их образами. Она также отражает укоренившиеся стереотипы и особенности этнопсихологии. В подобных этно-стереотипах цвета могут присутствовать не только как относительно универсальные элементы, но и как ассоциации, характеризующие только отдельно взятую языковую общность [7: 5].

Рассмотрим подробнее, каким образом мультикультура цвета проявляется в художественном произведении. С этой целью был проанализирован роман Тони Моррисон «Возлюбленная» («Beloved»), поскольку в нем, по мнению большинства критиков, с невероятной точностью, противоречивостью и жизненностью не только проявилась культурная жизнь современной Америки, но и нашло отражение большинство тенденций афроамериканской литературной традиции конца прошлого века.

В романе «Возлюбленная» воплощением мультикультуры цвета является радуга. В радужном сочетании цветов удивительным образом переплетаются ассоциации с чудом, очищением, возрождением. В культуре любого народа она является символом природного совершенства и единения человека с природой.

Символизируя начало новой жизни, радуга соотносится с проявлением мультикультурализма в США. Это явление многогранно, оно начало появляться на страницах исследований в конце XX в. и понималось тогда, как характеристика мер социальной политики американского государства в условиях межэтнического, этнокультурного и религиозного разнообразия страны. Постепенно за мультикультурализмом закрепился статус государственной политической идеологии, направленной на ассимиляцию различных народов на уровне демографии (сосуществование этнокультурных национальных обществ), идеологии (взаимодействие идейно-политических и мировоззренческих позиций различных этносов), политики (принятие политики мультикультурализма существующими этническими группами) [3].

Мультикультурализм, являясь, прежде всего, социально-культурным феноменом, отражает существующую разобщенность и разнородность в национальной идеологии социума. Затрагивая сферы общественной и политической жизни каждого этноса, мультикультурализм разрознен и крайне противоречив.

Переосмысливая явление мультикультурализма в США, Т. Моррисон воссоздает в художественном произведении его идеальную модель – радугу, которая воплощает эволюцию общественного мнения в отношении других народностей, обозначенных суммой радужных цветов, символизирующих оттенки внешних характеристик представителей разных этносов. В этом отношении радугу можно назвать «культурной», «этнической», «межнациональной».

Современное американское общество далеко от идей такой радуги – воплощения мультикультуры, однако «радужные» тенденции в ней все равно присутствуют, несмотря на неприятие общей культурной идентичности другими этносами.

Однако можно утверждать, что гармоничное сосуществования людей с разными оттенками кожи возможно. Так, в романе «Возлюбленная» описывается семья, в которой мнение окружающих не является первостепенным. Это семья Леди Джонс. Ее муж – человек с самым тёмным оттенком кожи, у самой героини серые глаза и рыжие вьющиеся волосы, а их дети – «всех цветов радуги»: «Lady Jones was mixed. Gray eyes and yellow woolly hair, every strand of which she hated-though whether it was the color or the texture even she didn't know. She had married the blackest man she could find, had five rain-bow-colored children and sent them all to Wilberforce, after teaching them all she knew right along with the others who sat in her parlor», [9: 176]. (Леди Джонс была мулаткой. У нее были серые глаза и какие-то желтоватые, шерстистые волосы, которые она ненавидела – хоть и не знала, за что больше: за цвет или за курчавость. Когда-то она специально вышла замуж за самого чернокожего человека, какого только сумела отыскать, и родила от него пятерых детей всех цветов радуги; всех их она отослала в школу Уилберфорса, прежде научив всему тому, что знала сама, а заодно с ними – и остальных детишек, что приходили к ней в дом [5: 273]. (Перевод И. Тогоевой).

В данном примере мультикультура цвета проявляется в поколении, основу которого составили представители разных этносов. Разнообразие оттенков кожи подчеркивается эпитетами «gray», «yellow», «blackest» («серый», «желтоватые», «самого чернокожего» в переводе И. Тогоевой) и сложносоставным прилагательным с числительным «five rainbow-colored» («пятерых детей всех цветов радуги» в переводе И. Тогоевой). В представлении автора эта семья счастлива, в ней царят взаимопонимание и любовь.

Радуга как воплощение мультикультуры встречается в художественной литературе, отражая мифологические воззрения афроамериканцев. Так, в романе «Возлюбленная» Бэби Сагз постоянно думает о цветах радуги. Она представляет бесконечную совокупность цветов, их яркость, их гармоничное сосуществование. В ее представлении они всегда вместе и не разделяются на плохие или хорошие. Позволить и людям сосуществовать в такой же гармонии становится истинным желанием и героини романа, и его автора.

Другим символическим примером проявления мультикультуры цвета следует назвать лоскутное одеяло. Однако данный пример имеет несколько иное межкультурное значение в романах Т. Моррисон. Лоскутное одеяло – это мультикультурное пространство, созданное человеком, где каждый элемент «скован», «сшит», «подогнан» под общую идею. В этом смысле мультикультура цвета в лоскутном одеяле несколько противоположна значению цветов радуги, поскольку радуга основана на естественной гармонии, а лоскутное одеяло намеренно создано человеческими руками. Но, несмотря на это видимое различие, есть в таких примерах и нечто общее. И радуга, и лоскутное одеяло становятся ярчайшими воплощениями единства этносов.

В романе Т. Моррисон «Возлюбленная» главная героиня Сети постоянно обращается к лоскутному стеганому одеялу, которое является преобразованной метафорическим способом идеей национального единства, взаимного существования культур современной Америки. Оно предстаёт не только одушевленным, но и самым заметным предметом в доме Сети, постоянно выделяясь на фоне других вещей. На живое и постоянно меняющееся

одеяло указывают такие тропеические средства, как сравнения, эпитеты, олицетворение. Например: «a quilt of merry colors», [9: 194] («одеялом из пестрых лоскутков» – перевод И. Тогоевой); «made the absence shout», [9: 30] («говорившие» – перевод И. Тогоевой); «in the darkness of the quilt», [9: 42] («на темном фоне лоскутного одеяла» – перевод И. Тогоевой) и др.

В этом одеяле каждый кусочек одновременно отражает и жизнь, и смерть, и отдельного человека с тем или иным цветом кожи. Оно образует нечто цельное и нерушимое, гармонично созданное руками человека, систему, где каждый элемент, выполняя определённую роль, находится в единстве целого и неделимого. В этом небольшом предмете бытового назначения «разрозненные кусочки» способны «обрести единство и смысл» [1: 135]. Анализируя мифосемантическое пространство романа «Возлюбленная», литературовед Л. А. Агрба выделяет множество смыслов употребления символа лоскутного одеяла, среди которых следует назвать женское (материнское, семейное) начало в миропонимании, связь времен и поколений (передачи накопленной мудрости) [1: 134-136].

Мультикультура цвета проявляется также на примере карнавала, который присутствует в произведении Т. Моррисон, постоянно находясь во взаимосвязи то с радугой, то с лоскутным одеялом (например: «examines the quilt patched in carnival colors» [9: 198] («рассматривает стеганое лоскутное одеяло, пестрые карнавальные лоскутки» в переводе И. Тогоевой); «her carnival dress sunfaded to a quieter rainbow» [9: 184] («ее карнавальное платье выгорело на солнце и стало цветов радуги» – перевод М. Д.). Карнавал, как и лоскутное одеяло, создано человеком и для человека. Сущность этого явления в произведении декларирует право любого человека принять участие в празднике жизни вне зависимости от типа и цвета кожи.

Однако в романе Т. Моррисон карнавал организуется исключительно для «цветных» («for coloreds» [9: 37]), которым предоставлено отдельное место празднования. Но постоянные сочетания карнавала, радуги и лоскутного одеяла ассоциируют его с местом, где этносы не разделяются по типу или цвету кожи, между ними отсутствуют какие-либо границы, отменяются иерархии. Более того, в таком карнавале, по мнению Л. А. Агрбы, «белые развлекают черных, черные потешаются над белыми, и уже непонятно кто над кем смеется, и кто кого развлекает» [1: 65-66].

Итак, в романе Т. Моррисон присутствует, выраженная определенным образом, мультикультура цвета, которая придаёт конкретному произведению неповторимую наглядную и символическую форму. Резко контрастирующие элементы становятся отражением трансформаций, при которых разрозненные и скрытно вою-ющие этносы предстают мультикультурным единством радуги или лоскутного одеяла, где цвет кожи и тип волос не имеют значения, поскольку все люди образуют некое единство. Эти образы отражают также индивидуальное восприятие и использование обозначений цвета у Т. Моррисон с точки зрения мультикультуры. Так раскрывается истинный замысел ее художественного творчества – гармоничное и мирное сосуществование различных народов. Радуга, лоскутное одеяло, карнавал предстают как символы «вживления» афроамериканского этноса в современный социальный и политический контекст, где традиционно многие века на превосходящих позициях находилась «белая» культура. Таким образом, мультикультура цвета в произведениях Т. Моррисон не декларирует преимущества одного цвета над другим. Автор воспринимает их как единое, нерушимое целое, где все оттенки, тона находятся в гармоничном единстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Агрба Л. А. Мифосемиотическое пространство романов Тони Моррисон: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – Нальчик, 2004. – 177 с.

2. Дэвид Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь / пер. с англ. [Электронный ресурс]. – М., 2015. – URL: http://voluntary.ru/dictionary/567/word/multikulturalizm

3. Куропятник А. И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2000. – 205 с.

4. Кирабаев, Н. С. Культурная идентичность, плюрализм и глобализация в современном философском дискурсе: доклады и выступления // Пятый междунар. филос. симп. «Диалог цивилизаций: Восток – Запад». – М, 2002. – С. 15-20.

5. Моррисон, Т. Возлюбленная / Т. Моррисон; пер. И. Тогоева. – М.: Иностранка, 2005. – 448 с.

6. Налимов В. В. В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993. – 280 с.

7. Рогулина Е. Э. Национально-культурная семантика цвета в испанской фразеологии (на материале пиренейского национального варианта испанского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: РУДН, 2006. – 19 с.

8. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта, Наука, 2004. – 220 с.

9. Morrison, T. Beloved / T. Morrison. – New York: Random House, 2009. – 276 p.

10. Bernstein, R. Dictatorship of Virtue: Multiculturalism and the Battle for the America's Future / R. Bernstein. – N. Y., 1995. – 396 p.

МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЯЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

УДК 80: 82.0
ББК 82.3+87.3(0)321
Филология

филология

НАЧАЛО НАТУРФИЛОСОФИИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СВЯЗЬ С ДРУГИМИ ФОРМАМИ ПОЗНАНИЯ

Кандидат педагогических наук Л. В. Рыжкова-Гришина

Возникновение натурфилософии имело свое начало и определенные предпосылки, поскольку человеку всегда было свойственно желание познать мир, самого себя и свое место в мире этом мире. Поиски истины приводили его, с одной стороны, к великим открытиям, дающим толчок развитию человеческой цивилизации, с другой стороны, к самым трагическим заблуждениям, останавливающим его. Однако осмысление мира природы, вопросов космического масштаба способствовало появлению все новых и новых учений и направлений общественной мысли.

Первоначальное мифологизированное сознание, построенное на условно-культовых представлениях, со временем уступило место иному – научному познанию мира, накоплению фактов, систематизации знаний, но история и культура сохранили эти вечные поиски истины в виде различных учений и течений, а то и просто – неких отголосков, которые обнаруживаются до сих пор. Одним из таких учений, поднимающих фундаментальные, базовые вопросы природы и бытия, является натурфилософия

Ключевые слова
Натурфилософия, определение натурфилософии, истоки происхождения, связь с другими формами познания, с космогонией, мифологией, религией, фольклором. Родоначальники натурфилософии

Поиски первооснов, первопричин бытия уже на заре человеческой цивилизации побуждали творческие умы к неутомимой деятельности и осмыслению сложнейших понятий – пространства и времени, бесконечности и вечности, смерти и бессмертия и т.д., вследствие чего рождались самые различные идеи – субстрата, квинтэссенции, мировой души. Результаты этой деятельности находили выражение сначала в устном слове, фольклоре, мифах, затем – в первых философских сочинениях космогонического характера.

Истоки происхождения. Принято считать, что натурфилософия возникла в античную эпоху, и время ее появления связывают с философией Семи мудрецов Древней Греции, учением Платона, стоицизмом, трудами Сенеки в Древнем Риме и датируют VII – VI веками до н.э. Натурфилософия представляет собой попытку найти причины, закономерности природных явлений, так называемые первичные

(«конечные») причины или причины самих причин. Античная натурфилософия возникла из космогонии до появления собственно философии и имела выраженный мифологический характер. Космогония (греч. *космос* – мир, вселенная и *гоне* – рождение) – учение о сотворении (зарождении), происхождении мира, так космогонические взгляды обнаруживаются уже у Гесиода. Следует отличать космогонию от космологии, хотя специалисты утверждают, что существует некая неопределенность с использованием этих терминов. В настоящее время космогония – область науки астрофизики, изучающая происхождение, образование, развитие космических тел: звезд, галактик, туманностей, Солнечной системы, планет, спутников, комет, метеоритов, астероидов. Космология отличается от космогонии тем, что изучает структуру Вселенной и ее развитие на современном этапе.

Связь с мифологией и религией. Миф как древнейшее сказание о мире, происхождении Вселенной и человека, о богах и героях, которое сохранило народное предание, лег в основу античной натурфилософии. Общепризнано, что именно мифология стала основой религий, искусства, литературы и науки, но есть у мифологии и литературы свойство, которое их наиболее сближает и ставит на одну ступень: мифологии, так же, как и художественной литературе, характерно образное, а не естественнонаучное описание мира. Примечательно, что художественная литература всегда продуктивно осваивала мифы, продолжая их использовать на всем протяжении своего развития, вплоть до настоящего времени. Именно древнегреческая мифология явилась предшественницей греческого искусства, литературы («Илиада», «Одиссея» Гомера). Древнеиндийский эпос («Веды», «Махабхарата», «Рамаяна»), несущий в себе отголоски более древних мифов, также являются почвой, на которой выросло искусство и литература Индии. Такую же роль сыграли «Авеста» для иранского и «Эдда» – для германо-скандинавских народов.

Натурфилософия древнеиндийских и древнеегипетских текстов. Вместе с тем зачатки натурфилософии обнаруживаются в более древних временах, идеи которого донесли до нас предания в виде четырех «Вед» индуизма – «Риг», «Яджур», «Сама», «Атхарва», а также таких ведийских источников, как «Веданта», «Упанишады», «Махабхарата», датировка которых относится к XVII - XVI вв. до н.э. Здесь мы находим учение о Брахмане как высшей реальности, абсолюте, «золотом зародыше», из которого рождается явленный мир. Противопоставляется брахману (абсолютной душе) атман – душа индивидуальная. Здесь же изложены основные понятия: рита, карма, мокша, мировая душа и т.д. При этом в индуизме принято считать, что сами «Веды» существовали до начала мира и возникли из дыхания самого Брахмана.

Следует вспомнить, что еще до буддизма и Будды жил такой древний индийский мыслитель, как *Капила Риши*, который говорил о существовании первоначальных реальностей – *пракрити* (первоначальная субстанция, первооснова) и *пуруша* (первочеловек). Время его жизни осталось неизвестным, но считается, что даже по отношению к Будде он был его древнейшим предшественником, условно называют VII до н. э. В V в. до н.э. жил и работал другой древнеиндийский ученый – *Панини*, автор уникальной «Грамматики» – труда , который значим не только для лингвистики. В IV в. до н. э. проблемами мироздания интересовался древнеиндийский мыслитель и философ *Канада*. В IX в. индийский поэт, ученый *Анандавардхана* (820 - 890) создал труд о сущности поэзии «Дхваньялока» («Свет дхвани»), в котором он утверждал, что поэтическая речь отличается от прочей тем, что в ней присутствует душа.

Можно сказать, что индуизм целиком

и полностью покоится на натурфилософских истинах. Например, одно из его направлений – вайшнавизм (вишнуизм) уходит в глубокую древность, исследователи полагают, что он существовал в Индии в середине I тысячелетия до н.э.

Идеи индуизма в России. Одним из наиболее почитаемых текстов являются «Махабхарата» и «Бхагават-Гита». Впервые «Бхагават-Гиту» («Песнь Бога») в России узнали в конце XVIII в., а именно – в 1788 г., когда ее издал Н. И. Новиков. Изучением этого памятника древности в разное время были заняты мировые выдающиеся деятели, среди которых И. Гете, Р. Роллан, Л. Н. Толстой. В 1956 г. русский ученый из г. Ашхабада Б. Л. Смирнов перевел текст «Бхагават-Гиты» на русский язык. Переводы древних индийских текстов осуществили также В. С. Семенцов и В. Г. Эрман. В России исследованием вайшнавизма была также занята Н. М. Сазанова (1931 - 2006), оставившая многочисленные труды.

Истоки натурфилософии можно обнаружить в египетской мифологии. Именно из нее нам известно о существовании так называемой *Огдоады* – восьмерки первоначальных богов города Гермополя, куда входили боги Нун и Нуанет, олицетворяющие стихию воды и первозданного океана; андрогин Хух (Хех) и его женская половина Хаухет как символ времени и вечности; андрогин Кук и Каукет как символ тьмы и мрака; боги Амон и Амаунет, воплощающие воздух, пространство, невидимые силы и т.д.

Натурфилософский характер часто имеют произведения устного народного творчества, это научно обосновали исследователи народной культуры, в числе которых М. К. Азадовский, А. Н. Афанасьев, А. Ф. Гильфердинг, Г. А. Глинка, В. И. Даль, А. С. Кайсаров, А. А. Коринфский, М. В. Ломоносов, а также современные ученые. Например, Е. М. Неёлов подчеркивает важность натурфилософского компонента в фольклоре, поскольку отношения человека и природы здесь находятся в неразрывной связи. Он утверждает, что «в волшебной сказке не менее важен и второй, натурфилософский, аспект, связанный с отношениями человека и природы» [2, с. 55].

«Натурфилософские поиски наиболее ярко отразились в литературе, особенно в поэзии, поскольку именно поэтическое слово максимально приближает нас к внутреннему миру человека, а стихотворение есть, с одной стороны, «картина запечатленного мига», модель мира, сосредоточенная в рифмованных строках, с другой стороны, это проекция внутреннего мира человека, отражение в деталях самых сокровенных мыслей и чувств. То, что не может быть выражено прозой, находит воплощение в стихах, а потаенные мысли о таинстве природы как нельзя лучше находят выражение в философской лирике, полной размышлений о природе, ее ипостасях, сложности и противоречивости, нетленности и изменчивости, гармонии, цикличности и вечном круговороте» [4, с. 355]. Кроме того, по верному замечанию Л. Н. Малюковой, «поэзия все чаще смыкается с другими формами познания» [1], на наш взгляд, лирику вообще можно рассматривать как одну из форм познания мира (в этом ее несомненная близость с философией), где доминирует образно-чувственное восприятие.

Натурфилософия, как трактует толковый словарь С.И. Ожегова, «Общее название существовавших вплоть до XIX в. философских учений о природе, не опиравшихся на строгие естественнонаучные знания» [3]. Философский энциклопедический словарь дает свое определение: "Натурфилософия (от лат. *natura* – природа), философия природы, умозрительное истолкование природы, рассматриваемое в ее целостности» [7]. Следует признать, что до сих пор нет четкого определения натурфилософии, границы ее исследований достаточно условны, мы можем только признать, что это все, что связано

с осмыслением природного мира. Одним из первых об этом заявил В. Оствальд, признавший, что сфера деятельности натурфилософии слишком широка и охватывает все вопросы, связанные с философией природы.

Можно высказать, что натурфилософия находится где-то между философией и естествознанием, поскольку ее интересует все, что связано с жизнью природного мира. Но при этом натурфилософия дает еще и нравственную оценку природным явлениям, и потому можно сказать, что натурфилософия – это философское и нравственно-этическое осмысление природного мира. Таким образом, *натурфилософия – это преднаука, базовое учение о природе в совокупности с философским и нравственно-этическим осмыслением природных явлений.*

Определение натурфилософии дать трудно и в настоящее время, ее этапы и положения видятся неустойчивыми в силу того, что она давно преобразовалась в науку, вернее, комплекс естественнонаучных дисциплин – физику, химию, физиологию, астрономию и т.д.

На ранних этапах натурфилософии можно было найти специфические признаки научной деятельности (теоретические исследования, систематизация полученных объективных знаний о мире, проведение экспериментально-опытных исследований и др.). Кроме того, у нее появился свой комплекс понятий (предшествующий понятийному аппарату), поскольку она стремилась придать знаниям о природе целостный и системный характер, находила для этого логические доказательства, по-своему исходя из интерпретирования результатов, что, собственно, сближает ее с наукой.

Вместе с тем натурфилософия, наряду с доводами рассудка, часто прибегала к ненаучным доводам, например, вере в сверхъестественные силы, что сближает ее с религией и теологией. Однако следует сказать, что философия при этом основана на естествознании, теология – на Божественном откровении, то есть на сверхъестественном; философии базируется на знании, теология – на вере. Но постепенно по мере накопления научных знаний о мире, религиозная составляющая уступила место строгой научности, соответствия критериям разума.

Знания о мире и природе накапливались, суммировались, интегрировались и одновременно дифференцировались, и натурфилософия со временем вместо единой науке о природе появилась ботаника, зоология, микробиология, фармакология, астрофизика и т.д. И все же можно говорить о натурфилософии как *едином базовом учении о природе, предшественнице естественнонаучных дисциплин, имеющей гуманитарное значение*. Необходимо отметить, что концепции современного естествознания сближаются с другими формами духовного освоения мира и приобретают все более гуманитарный характер и морально-этическое значение. Натурфилософия в любом случае приобретает нравственно-этическую окраску.

Родоначальники натурфилософии. Родоначальниками натурфилософии принято считать ионийских философов, представителей Милетской школы (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Ферекид Сиросский, Диоген Аполлонийский и др.). Античные авторы указывали, что начало философии положили легендарные *Семь мудрецов*, которые были известны с самой глубокой древности. И. М. Тронский писал о древней культуре, «превосходившей по своему богатству культуру ранних периодов исторической Греции» [6, с. 22]. Современный исследователь Г.В. Синило, автор фундаментального труда «Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета)» также отмечает: «... за относительно хорошо изученным классическим Древним миром скрывается мир еще более древний, который известный исследователь Древнего мира Н.И. Конрад назвал Прологом ко всей последую-

щей культуре. Этот архаичный Пролог стал по-настоящему доступен для исследования лишь в XX веке...» [5, с. 8].

Принято считать, что те, кого называют Семью мудрецами, были видными историческими деятелями VI в. до н. э., однако их количество разные источники указывают по-разному: семь, семнадцать, двадцать один, двадцать четыре. В их число входят: *Биант* из Превы, *Клеобул* из Линда, *Периандр* из Коринфа, *Питтак* из Митилены, *Солон* из Афин, *Фалес* из Милета, *Хилон* из Спарты (Лакедемона). Кроме них называют также следующих деятелей: Акусилай, Анаксагор, Анахарсис Скиф, Ариотодем, Лас, Леофант, Лин, Орфей, Памфил, Периандр, Ферекид, Эпименид, Эпихарм, Эфор. Творчество этих деятелей дошло лишь в виде кратких фраз, лаконичных изречений, при этом авторство их весьма условно.

В числе легендарных личностей древности называют также *Пифагора*, идеи которого развили пифагорейцы, затем оно стало основой учения Сократа, Платона, платоников, неоплатоников, Аристотеля и многих других позднейших авторов. Пифагор родился около 570 г. до н.э. на острове Самос, учился у Гермодамаса и Ферекида, подлинные сочинения его также не сохранились, возможно, по той причине, что их не было, впоследствии были собраны лишь отдельные фрагменты, касающиеся системы его взглядов. Среди сохранившихся жизнеописаний Пифагора – сочинения Диогена Лаэртия, Ямвлиха и др.

Уникальной была вся жизнь Пифагора. Овеянная легендами, она не переставала (и не перестает) волновать мыслителей, поскольку о нем ходила слава как о чудотворце, мудреце, владеющем тайными знаниями. Он разработал собственную систему взглядов, куда входило: учение о мировой гармонии (единство во множестве и множество в единстве); учение о бессмертии души; учение о реинкарнации (сам он, якобы, помнил четыре предыдущих жизни); родство всех живых существ; учение о катарсисе как очищении; вегетарианство; учение о музыкально-числовой структуре Космоса, так называемой Гармонии Сфер.

Милетская школа, другое название – *ионийская натурфилософская школа*, была основана *Фалесом* (1-ая пол. VI в. до н. э.). Купец Фалес (VII - VI вв. до н. э.) прославился не столько своими торговыми делами, сколько научными трудами в области астрономии, геометрии и др. Труды его не сохранились, об их содержании известно от других авторов («О солнцеворотах», «О равноденствиях»). Известно, что его познания имели определенный источник – Египет и Финикию. В своих натурфилософских поисках Фалес дошел до идеи *первовещества*, таковым он называл воду, из которой, по его мнению, произошла вся природа. Вселенная, по его мысли, населена богами и все в ней одухотворено.

Анаксимандр (ок. 610 - 547 до н. э.) также говорил о первовеществе, но в качестве такового не называл ничего конкретного, по его мнению, это было абстрактное первоначало всего сущего, которое он назвал термином «беспредельное» или «апейрон». Натурфилософские взгляды Анаксимандра были связаны не только с космологией, но и космогонией, так как он давал свое объяснение происхождения Вселенной. При этом Землю он считал неподвижной, а появление человека связывал с процессом высыхания отложений морского дна, то есть именно воду он считал важным компонентом в мироустройстве. Философ полагал, что мир и человек не вечны, и все существующее должно вернуться к истокам и вновь обрести изначальный образ беспредельного. В то же время на свет вновь появляется новый человек и новый мир, и конца этому нет. Принято считать, что «Анаксимандров» вопрос до сих пор не имеет ответа.

Анаксимен (2-я пол. VI в. до н. э.) в качестве первовещества выделял воздух,

полагая, что дыхание есть свойство души, и что Земля поддерживается именно воздухом.

Таким образом, ионийцы поднимали вопросы, которые можно назвать натурфилософскими – о строении и происхождении мира, первопричинах бытия и т. д., но они не решали проблем, а только обозначали их. По сути, они стояли у истоков таких естественнонаучных дисциплин, как астрономия, география, физика, математика; космогония и космология иоников в будущем стала основой теологии. Можно сказать, что натурфилософы милетской школы стояли у истоков науки как таковой. Более того, литература, по всей видимости, в определенной степени также восходит к их трудам, так как именно они первыми стали писать свои сочинения прозой. Известно, что Анаксимандру принадлежит первое философское сочинение, написанное прозой («О природе»).

Представляется, что традиционно начало распространения натурфилософии в том виде, как ее привыкли понимать, относят к XVI веку, которое, по сути, завершается в XIX веке во время формирования современного естествознания, так как наука в этот период начинает опираться не на догадки, домыслы и некие трансцендентальные представления, а на опытно-экспериментальные и системные исследования. Тем не менее натурфилософия играла большую роль в древности, являясь, по сути, первой исторической формой философии, в дальнейшем развитии она стала называться физикой (или физиологией).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Малюкова Л. Н. Русская философская лирика: генезис, проблематика, поэтика: 1950 - 1990 гг.: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – 2001.

2. Неёлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 188 с.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985. – 797 с.

4. Рыжкова-Гришина Л. В. О возникновении и истоках происхождения натурфилософии // Перспективы развития гуманитарного образования: материалы Международной научно-практической конференции. 25 апреля 2013 г. / Науч. ред. Н. В. Асташкина, М. А. Быкова; Мин. обр. НО, Нижегородский филиал Гуманитарного института (г. Москва), НГТУ, ННИЦ. – Нижний Новгород-Арзамас, 2013. – 359 с.

5. Синило Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета): учеб. пособие. – М.: Флинта: МПСИ, 2008. – 848 с.

6 .Тронский Н. М. История античной литературы: Учебник для ун-тов и пед. ин-тов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 464 с.

7. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, Г. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЯЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

УДК 80: 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)6
Филология

филология

РАЗВИТИЕ НАТУРФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Кандидат педагогических наук Л. В. Рыжкова-Гришина

Поэты XXI века не утратили интерес к натурфилософской и пейзажной лирике, но пейзаж в современной поэзии приобретает созвучные своему времени черты: с одной стороны, он все реже бывает самодостаточным, и его изобразительно-повествовательная и художественно-эстетическая функции становятся менее значимыми; с другой стороны, он приобретает ярко выраженное социальное звучание и становится предметом острых полемических дискуссий. У лирического пейзажа появляется ярко выраженная социально-публицистическая функция

Ключевые слова
Натурфилософия и литература, российская поэзия XXI века, пейзажная лирика, первородство природы, социально-публицистическая функция пейзажа, тема села и города

Некоторые исследователи и сами поэты считают, что сегодня пейзажная лирика, если не исчезает из литературы, то по крайней мере, отходит на задний план, уступая место другим жанрам. Так поэт *Д. Коломенский* пишет: «Сейчас очень немного встречается интересной пейзажной лирики. Пейзаж как чистый жанр сдает позиции. Чаще всего в описательных стихах природа становится далеко не единственной темой, переплетаясь с эмоциями лирического героя, с его философией или (в самом печальном случае) идеологией» [11, с. 139]. Возможно, это происходит в силу консервативности пейзажа, его традиционности и, может быть, некоторой его статичности, современным поэтам хочется идти в ногу со временем, они не желают прослыть устаревшими и словно сознательно избегают описательного пейзажа. Но это не так, и пейзажная лирика вовсе не исчезла из современной поэзии, но она находится на новом этапе своего развития, претерпевая естественные изменения, пытаясь отвечать запросам времени, соответствовать его духу и находя все новые грани и оттенки, в том числе и натурфилософские. Поэты, несмотря ни на какие технические новшества, понимают, что есть темы, которые приходят и уходят, а есть вечные понятия и ценности, в том числе и природный мир.

Для того чтобы получить наиболее целостное представление о современной российской пейзажной лирике, нами рассмотрены стихотворения из поэтических сборников, изданных в Москве, Нижнем Новгороде, Старом Осколе, Калуге и др., проанализированы сочинения поэтов из самых различных российских городов и сел: Москва, Санкт-Петербург, Ржев, Белгород, Киев, Касимов, Муром, Кострома,

Саратов, Сочи, Красноярск, Орел, Калуга, Петрозаводск, Краснодар, Ставрополь, Череповец, Чернянка, Гороховец, Дзержинск и многих других.

Примечательно, что современные поэты прибегают к реминисценции, явно соотнося и сверяя свои возможности с проверенной временем классикой. Так в стихотворении *Раисы Степаненко* (с. Палатово Белгородской обл.) «Что ж ты плачешь, Февраль?» в качестве эпиграфа использована известная строка Б. Л. Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать...», и эта тема – «плачущего» февраля, по-своему, индивидуально обыгрывается поэтессой: «Что ж ты плачешь, Февраль? / Эти слезы мужские – несносны!» [6, с. 17]. Перед нами – *традиционное одушевление природы, обращение к природным явлениям, стихиям и т.д. как к живым существам*; обращает на себя внимание, что даже само слово Февраль поэтесса пишет с прописной буквы, словно это имя собственное. Отметим, что согласно народной мифологии и фольклору, времена и месяцы календарного года издавна воспринимались именно так, как наделенный душою живые существа, что нашло отражение даже в советской литературе (сказка С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев»).

В данном случае перед нами – лишь кажущаяся скупой пейзажная зарисовка, имеющая серьезный психологический подтекст и определенную стилистическую цель, так как это – не собственно картина студеного зимнего месяца, а драматического женского одиночества, когда в воздухе «из тумана вуаль» и «ни лучика солнца», а может быть, и «всей жизни пустяшной, земной». И вид этого «плачущего» не по-мужски Февраля несносен лирической героине, она призывает его: «Ты же сильный и крепкий: / Встряхнись! Заморозь! Закружи!» [6, с. 17]. В этом – ее надежда на то, что так и будет, что высохнут февральские «слезы», а вместе с ними пройдет и эта горестная пора в жизни лирической героини.

В духе народной традиции и пейзаж саратовского поэта *Александра Ерохина*, его описание грозы в стихотворении «Рябью брызнуло по речке...» выдержано в легком ритме и даже узнаваемых фольклорных образах, здесь и упоминание «Илюши» (Ильи Громовержца), и молнии («стрелы каленые»), и радуга «два небесных коромысла»).

Череповецкий поэт *Геннадий Мальцев* убежден, что «щедра природа», *Наталья Мильченко* (п. Стрелка Краснодарского края) не может оторвать взгляда «от милых сердцу нив и тополей» [2, с. 21]. Поэтессе *Наталии Мусиновой* из Костромы мечтается о том времени, когда люди будут жить с согласии со всем миром, так, как живет сама природа, показывая им достойный пример. Ведь все, по ее мнению, в природе степенно и ладно: «На небе – синие озера / И ливнем вымытые вишни, / И пух лебяжий бирюзовый, / И шепот ветра еле слышный...» [7, с. 77]. И эта гармоничная картина побуждает поэтессу к размышлениям: «Вот так бы жил наш век бедовый / Спокойно, тихо и воздушно, / Как капля влаги васильковой, / Как шмель в ромашке простодушной» [7, с. 78].

Для русской поэзии является традиционным выражение *патриотических чувств через картины природы,* с помощью пейзажа поэты передают свою любовь к большой и малой родине. «Зов предков, а может, какая-то сила, / Лишь только заря расплескается в спелую ночь, / Меня переносит в деревню на родине милой...» [4, с. 9], – пишет орловская поэтесса *Татьяна Грибанова*, ибо «томится душа – белокрылая райская птица, / Скучает без наших, оставленных Господом мест». При описании знакомых с детства мест рождаются образы: «вода бирюзовая», «хоромы расписные», «сенный сарай», «заросшая криница», и все это – приметы родины. Вот и вовсе яркая пейзажная картина, по-своему индивидуальная и запоминающаяся: «И бродит, и бродит за мною луна-кобылица, / Осыпаны звездами яркими грива и хвост,

/ И пьет из ладоней моих у заросшей криницы, / Я так же пила из ладоней отца в сенокос» [4, с. 9]. Так пейзаж традиционно воспринимается и отождествляется современными поэтами с родиной – малой и большой. Поднимает эту тему и саратовская поэтесса *Светлана Панкратова* в стихотворении «Била зависть изящным кастетом в висок...», посвященном памяти белогвардейцев, в начале XX века оказавшихся в эмиграции и тяжело переживавших эту оторванность от России. Русский пейзаж у поэтессы так же традиционен: «дубравы, рассветы. луга, берега», «погосты и степи», «снегирь – будто первенца щёчка», «рябины горят у церковных оград» и т. д. В заключительной строфе стихотворения поэтесса восклицает и высказывает свое заветное желание: «Горек хлеб на чужбине... Храни же нас, Бог / От полынной и стылой водицы! / Под оконцем крапива, и осень в висок, / И еще бы разок здесь родиться!» [3, с. 13].

Обратимся к стихотворению *Михаила Анисимова* (г. Чернянка Белгородской области) «Небесный меридиан», где находим описание простого и даже обыденного пейзажа, здесь «поля и рощицы», «в садах скворцы», «в поле ковыли» и «туман клубится над рекой», ничего примечательного и яркого. Здесь, собственно, и пейзажа как такового нет, есть лишь его наметки, некие незначительные обозначения, как символы. «Вблизи околицы – мои столбцы, / Поля и рощицы – мои широты» [6, с. 42]. Но не так прост путь лирического героя, он пролагает его от родной околицы, от малой родины к... нет, не к той, которую мы привычно называем большой Родиной, его путь – от крохотного уголка земли – к осознанию планетарности своего бытия. Обращает на себя внимание название стихотворения – «Небесный меридиан», уже одно это расширяет границы пейзажа. Мы находим здесь земные широты и обнаруживаем стремление к небесной высоте. Несомненно одно: философская составляющая стихотворения была бы более значимой и емкой, если бы автору удалась его форма.

Современной пейзажной лирике, как было отмечено, все более характерно социальное звучание. Стихотворения о природе у российских поэтов начала XXI века часто бывают исполнены горестных размышления о судьбе российского села, нелегкой участи русской деревни, и потому здесь появляются такие образы, как «запустыренные луга», «обездоленные пашни», заброшенные села, оставленные деревни, именно эта нота становится основной при описании сельского пейзажа (Николай Голубош, Татьяна Курзманова, Ирина Мокеева, Елена Трепетова, Елена Солдатова, Иван Бабичев, Олег Рябов, Виктор Дронников и др.). Так *Виктор Дронников* смотрит на ситуацию, сложившуюся с русской деревней, как драматическую: «Вот она, драма земли, / Драма деревни – / В ребра стропил проросли / Ветви деревьев» [1]. Касимовский поэт (Рязанская область) Николай Голубош в стихотворении «Забытая деревня» с грустью пишет: «Давно бурьян не полется, / Беда и есть беда... / За тихою околицей / Ни тропки, ни следа....» [10, с. 78]. Но если это – констатация упадка сельской жизни, то в другом его стихотворении звучит мотив покаяния: «За горькое твое безлюдье / Прости меня, мое село!» [10, с. 79]. Стихотворение так и называется – «Покаяние», в котором и пейзажа как такового нет, есть лишь характерные эпитеты, причем, самые обыкновенные, те, которые мы называем устойчивыми и которые даже не воспринимаются эпитетами: *родные* поля, *ржаной* хлеб, лист *опавший* и, казалось бы, ничем не примечательные и не яркие образы, но поэт делает вывод, который заставляет задуматься о глубине смысла и вновь и вновь перечитывать стихотворение. Он тихо замечает: «Зерно в камнях не проросло», и это звучит символично.

Здесь стоит вспомнить знаменитые строки Анатолия Передреева из стихотворения «Окраина»: «Околица родная, что

случилось, / Окраина, куда нас занесло, / И города из нас не получилось, / И навсегда утрачено село» [12, с. 150]. Тема *села и города*, их противопоставления далеко не нова в отечественной поэзии, она поднималась еще русскими поэтами XIX века, ставилась в начале XX века, основательно разрабатывалась поэтами советской эпохи, но, как оказалось, она не только не утратила своей актуальности, но даже стала еще более острой в связи с демографическим кризисом, а также тенденцией перенаселения городов и опустения сел. Город поэтами часто воспринимается как «каменные джунгли», село же видится им некой идиллией, вот и у Н. Голубоша «камни» становятся символом города, то есть неродных мест, чужого и холодного мира, полного равнодушия и черствости, «зерно» же приобретает значение живой человеческой души, но которая не сумела выстоять среди «камней», она умерла, погибла, сгинула («не проросла»), будучи оторванной от теплой земли, плодородной пашни и хозяйских заботливых рук.

«В городе утро – бешеный ритм, / Не до разговоров с солнцем» [4, с. 24], – говорит другой поэт – *Владимир Бабенко* из Ставрополья. В селе, на природе, за городом современные поэты находит и покой, и благодать, и возможность спокойно подумать о важном, и в этом смысле они ничем не отличаются от поэтов любой другой эпохи. «Я найду вдохновение в тихом осеннем лесу», – признается другой ставропольский поэт Сергей Калашников, тут же добавляя о городе: «Ну а в городе каменном будет все скучно и мрачно, / Будут люди спешить. В серых куртках безлики они» [4, с. 26]. Но в лесу, на природе ничто не видится ему мрачным, напротив, только здесь – «и ветер поет серенады», и даже «звезды сияют с удовольствием», и его лирический герой словно обретает здесь «природное спокойствие».

Политические перемены в стране, крушение Советского Союза и последующие за ними непростые годы реформ породили целое направление в поэзии, связанное с осмыслением этой неоднозначной темы. Здесь можно найти все – острую горечь, гневные ноты, откровенное злопыхательство, пафос обличительности. Но, как оказалось, есть и совсем другое восприятие и отражение этого времени. В стихах *Татьяны Литвиновой*, которой одинаково близки Россия и Украина, появляется ощущение потерянности, обреченности, но более всего – раздвоенности собственной души, не знающей, «на какой из немыслимых родин / Побираться поющей душе» [11, с. 45]. Поэтесса болезненно воспринимает status guo, ищет выход из этого состояния, именно поэтому она ведет речь о «двух родинах», «раздвоенном ветре», «береге двойном».

Не случайно в другом стихотворении появляется образ ветра – неназойливый, но тем не менее сквозной образ. Этот «Обреченный раздвоенный ветер / Жизнь и смерть продувает мою» [11, с. 45], и сама героиня подобна такому продуваемому ветру: «Меж Отчизн, не согретая ими, / Словно ветер степной, обитать» [11, с. 45]. О чем мечтает лирическая героиня, что могло бы успокоить ее душу, «в которой дышат горчичные зерна славянства»? Но есть ли ответ на этот вопрос, кажется, не знает и сама героиня, она лишь высказывает пожелание «славянской единою нотой / Сметь оплакать свой берег двойной» да «молиться небесной весне». Возможно, эта «небесная весна» – для нее символ поэтической свободы и творческого расцвета.

В этой связи вспоминаются строки другой поэтессы – *Анны Гершаник*, тесно связанное с российско-украинской темой и где тоже, кстати, возникает образ ветра: «Ветер, протяжный, как малороссийская речь, / Свищет мне в уши, но я постараюсь сберечь / Русскую речь – из упрямой еврейской гордыни – / Буду хранить до тех пор, пока кровь не остынет» [11, с. 80]. И хотя здесь несколько иной аспект, тем не менее они яркая характеристика схожего восприятия одного и того же времени, в которое пришлось жить этим поэтессам.

И все же город в современной пейзажной лирике традиционно противопоставляется природе, он даже враждебен человеку, он грозен и недобр к нему. Чем становится для городского человека встреча с природой, когда он, вырвавшись из «кирпично-бетонной коробки», оказывается на ее лоне? В стихотворении муромской поэтессы *Елены Трепетовой* «Элегия» такая встреча для ее лирической героини становится неким откровением, отчего появляются и «нежданные слезы», и боль, и радость, и грусть. Но самое главное, она чувствует свое «прозревшее сердце» – там, где ромашковый луг и васильковые ковры, «клеверный пол» и «во ржи засыпающий ветер». Она признается: «И вмиг испаряется бремя забот. / Здесь жизнь – полноценней и проще» [10, с. 131]. Для нижегородского поэта *Александра Тюкаева* встреча с природой тоже дарит радость: «От воды так остро пахнет счастьем» [10, с. 220].

Общение с природой для калужского поэта *Алексея Селичкина* – не только возможность порадоваться красоте мира, но и повод задуматься о ее сути и передать эти чувства другим. В стихотворении «Август» он пишет: «Белый гриб – мне подарок от щедрого лета / И синицы негромкий и сдержанный свист» [5] – таково лирическое впечатление от прогулки по лесу, тихой грибной охоты «за ближайшим болотом». И эта сдержанная красота предосеннего леса волнует и радует душу, рождая строки: «Августовским наполнено сердце сонетом / И однажды на белый опустится лист» [5]. Можно не сомневаться в том, что это так и будет, потому что все в этом пейзаже буквально напоено поэзией позднего лета, и природа – живая, прекрасная, элегически притихшая, словно ждет того, чтобы быть воспетой. Обратим внимание: август – время созревания и сбора урожая, значит, и поэту необходимо собрать свою символическую жатву в виде новых стихов. «Мелкий дождик траве о земном говорит» – роняет поэт строчку, в которой каждое слово уместно и естественно, будто оно и само – часть природного мира.

Пейзаж нижегородского поэта *Владимира Жильцова* – это «золотые полтины листьев», «ветер-сиверко», гулкое и «шальное эхо в соснах», «разумная толпа» муравьев, «стайка идиллических опят». Но главное, как утверждает поэт, природа полна добра – и к человеку, и ко всему живущему: «Все доброе свершается незримо: / Растет трава, пчела сбирает мед, / Летит звезда, свивает кольца дыма / Ночной костер над празеленью вод» [10, с. 212].

Такой же радостью наполнены и строки петрозаводского поэта *Олега Мошникова*, когда он описывает наступление осени и делает это с мастерством, легкостью и даже озорством: «Затевай, хозяюшка, чаи! – /Не простыли угли спозаранку. / Сыплет ветер в бурые ручьи / Щедрую октябрьскую заварку» [2, с. 36].

Поэты чувствуют *первородство природы*, ее целомудренную красоту и чистоту и некую древнюю тайну. Красноярский поэт *Анатолий Третьяков* замечает: «Под вечер выйдешь из вагона... / Мигают маки из оград, / На чисто русском – без жаргона – / С тобой березки говорят...» [9, с. 90]. Московская поэтесса *Ирина Лесная* пишет: «Лесов дремучих я читаю / Серебряные письмена, / И тайну жизни постигаю, / И прохожу сквозь времена [9, с. 90]. Прикосновением к неведомому чуду становится общение с природой для московского поэта *Григория Певцова*, он смотрит на нее восторженно, даже «полоска вспаханной земли» становится для него чудом, и он словно перекидывает мостик от мира земного к миру небесному и видит «потаенный свет зари / Распахнутых полей небесных» [3, с. 20]. В этом видится отголосок мифологизированного сознания, когда для человека глубокой древности небо было неким полем, по котором гуляют небесные стада-тучи.

Восторг и ликование наполняют поэтическую душу *Александра Избенникова* при виде наступившей весны, «сладкая боль»

охватывает его героя, когда он видит «шатер зеленый», «девственный ковер травы», «огонь зеленых трав». Он спешит передать свой восторг: «И я бегу, я спотыкаюсь, / Я обнимаю, слезы лью, / Лицом я в травы зарываюсь, / О, Боже, как я Жизнь люблю!» [4, с. 17]. Видимо, не стоит говорить, что этот восторг наивен, ясно одно – он так же древен, как и сам человек, не случайно слова Весна и Жизнь поэт пишет с прописной буквы, для него они – синонимы. В этой связи можно сказать, что напрасно некоторые критики и сами поэты предрекают гибель и угасание пейзажной лирики, исследование показало, что поэты XXI века не перестали радоваться наступившей весне, с упоением описывать летние пейзажи, предаваться элегической грусти осенней поры, томиться зимними вечерами или, напротив, радоваться белоснежным просторам. И стихотворение московского поэта А. Избенникова «Весна» – яркое доказательство этих слов: «Огонь зеленых трав бушует, / Пожаром ярь его видна, / Я вижу на земле – Весна, / Былинка каждая танцует, / И твари всякой нет числа!» [4, с. 17].

Есть поэты, у которых пейзаж намеренно скуп, это происходит не от бедности воображения, не от неумения выразить мысль, иногда как раз напротив, им есть что сказать, но таково их видение мира и изобразительно-выразительная манера. Творческая манера поэта *Владимира Силкина* именно такова, и поэзия его сдержанна и сурова, отчасти в силу военной тематики (тема Кавказа), отчасти вследствие характера самого автора. Поэт сам признается в этом: «Пытаюсь писать про березы в любимом рязанском краю» [8, с. 84], но больше получается о военных буднях, и только иногда у него вырываются строки о природе: то его герой, оказавшись на рыбалке, слушает до утра «одичавшую природу»; то замечает, как «гуляет шустрый ветерок»; то иронично роняет: «Как много золота в саду! / Как мало золота в кармане!» [8, с. 95]. И даже в любви его лирический герой сдержанно немногословен, он лишь замечает: «Птицы звезды разнесут, / Как заветные подарки, / И в обнимочку уснут / Соловьи в старинном парке» [8, с. 92].

Поэтическое мастерство, как известно, проявляется не только в содержании, но и во владении формой, применением определенных приемов, использовании каких-либо изобразительно-выразительных средств, стилистических приемов, но современные авторы мало акцентируют на этом внимание. И потому, когда встречается, например, яркая звукопись, это обращает на себя внимание. Поэт *Андрей Елисов* из Нижегородской области в пейзажном стихотворении «Ладога» не только любуется родными местами, прибрежными видами и просторами водной глади, он чувствует молитвенную наполненность души («И голубое небо как икона») и передает эти ощущения при помощи аллитерации: «свирская свирель», «ладони Ладоги», «Качает озеро корабль, как колыбель» [2, с. 29]. И удивительным образом природная красота в данном случае смыкается с верой. Человек приходит к пониманию, что Бог («Пороги Божьи») – здесь, рядом, с ним,

Аллитерацию использует и петрозаводский поэт *Олег Мошников* в пейзажном стихотворении «Берег – осень. Небо – молоко»: «Настоялось летнее тепло, / Октябрина вьюшку приоткрыла: / В белом небе – белое крыло: / Стая лебединая парила» [2, с. 36]. Неожиданная звукопись возникает в стихотворении поэтессы *Татьяны Грибановой* из Орла, для нее такой привычный, хрестоматийный образ *березы* перекликается с *бирюзой*, рождая строки: «Ручей под горою водой бирюзовой струится, / А как же иначе? На склоне березовый лес» [4, с. 9].

Однако не только подобными чувствами наполнены души современных российских поэтов, уже было отмечено, что пейзажной лирике все больше свойственна *социальная направленность*, в поэзии о природе все чаще слышатся тревожные ноты. Нижегородский поэт *Александр*

Цирюльников, глядя на мир вокруг себя, на прекрасную планету и чувствуя себя ее сыном, горячо восклицает, обращаясь к ее «враждующими сыновьям» в стихотворении «Земля»: «Как прекрасна она и доверчива, / Матерински тревогу тая! / И беречь ее надо, беречь ее / Нам, враждующие сыновья!» [10, с. 222].

Необходимо отметить, что современная пейзажная лирика пытается как бы заново осмыслить некоторые натурфилософские темы, поэты словно открывают для себя мир, природу, человека. Эпоха удивительных научных прорывов, открытие нанотехнологий, запуск андронного коллайдера приближают человека с постижению вековых природных тайн, позволяют ему прикоснуться к немыслимым ранее природным процессам и явлениям: микромир оказывается более доступным, макромир становится более близким, открываются новые химические элементы и обнаруживаются новые, неизвестные ранее частицы, которые, возможно, существовали в момент зарождения Вселенной. Сегодня ученые задумываются о новой сути времени и пространства, его цикличности и одномоментности; они меняют свои взгляды на законы Вселенной, которые раньше казались нерушимыми, но константы оказываются вдруг непостоянными, а законы требуют поправок и корректировки. Происходящие планетарные процессы заставляют иначе посмотреть человечество на мир и самих себя, высказываются новые гипотезы о происхождении Вселенной и человека, теория Большого взрыва оказывается под прицелом научной критики.

Безусловно, поэты не остаются равнодушными к этим вопросам и творчески осмысливают их, хотя иногда эти размышления не выходят за рамки сложившихся литературных традиций. Отношение к быстротекущему времени по-разному выражается современными поэтами, но чаще всего мы не находим здесь натурфилософской подоплеки, масштаб художественного видения сузился, время воспринимается сквозь призму личного отношения к нему – как уходящая молодость (своя или чужая), воспоминания детства, надвигающаяся старость. При этом есть несомненные творческие удачи, радующие и глубоким содержанием, и ладной четкостью формы. Стихотворение *Натальи Семяковой* из г. Гороховец Владимирской области «Старый альбом» в этом смысле гармонично, об этом говорит уже первая строфа: «Половица скрипит, лепесточек лампадки дрожит, / А в комоде желтеют платки, истлевают наряды. / И на донышке где-то альбом со стихами лежит, / Это дед молодой подарил его бабке когда-то» [10, с. 186]. Обратим внимание на ритмический рисунок стихотворения: длинный стих, пятистопный анапест как нельзя лучше передают характер стихотворения, где отразились и сдержанная грусть, и острая горечь, и даже боль от осознания уходящего времени и тихого угасания этих людей, чья любовь теперь осталась лишь в старом альбоме со стихами на дне семейного комода. Перед читателем разворачивается жизнь людей, как целая эпоха, где была война, дети, внуки и даже же правнук, труд, заботы и эта неумирающая любовь. В самом деле, «Как давно это было, еще до гражданской войны! / На увядшей бумаге едва проступают чернила, / И березовый листик давно прошумевшей весны / Благодарная бабушка между страниц положила" [10, с. 186]. Но жизнь проходит, и вот уже к этой женщине, так любимой в молодые лета, «подбирается осень», «а она и тиха и грустна, как осенняя ветка». И «бессмертия все-таки нет» – грустно замечает поэтесса.

Иное ощущение времени у поэта *Сергея Кувшинова* из г. Дзержинск Нижегородской области. Месяц октябрь, «обнаженный и тихий», помогает лирического герою понять его время, которое видится ему и «живым стеклом», и даже «струится меж деревьев», и он осознает это чудо, потому что чувствует его ход, неустанное

движение и даже «шуршание» его секунд. Он слышит, «Как в роще, покорно-немой, / Не тикали, нет, а шуршали секунды / В листве, у меня под ногой...» [10, с. 193].

По-своему ощущает время киевский поэт *Юрий Каплан*, так в стихотворении «Мост вздохов» герой, оказавшись в Венеции, словно престает замечать «бег времени», оно словно остановилось для него. Пораженный ее вечной красотой, плывя в гондоле, он не может понять, «какая за бортом эпоха». «Венеция, твоя цена: / Забыть о времени текущем» [11, с. 47] – восклицает он и переносится мыслью к поэту Иосифу Бродскому, похороненному в Венеции. Поэт убежден, что тот «выбрал эту землю» именно потому, что человек здесь словно сталкивается с вечностью – таков натурфилософский подтекст этого стихотворения. Он же слышится и в стихотворении Ю. Каплана «Молитва председателя земного шара», где первая строфа буквально – гимн древним стихиям, натурфилософским первоэлементам – воде, огню, воздуху, земле: «Верую / ветру, воде, огню, / Глине и дереву – / Верую!» [11, с. 50].

Но подобные настроения все же не так часты в стихах поэтов XXI века. И потому, когда встречаются сочинения хоть с малой толикой натурфилософского пафоса, они не остаются незамеченными, как, например, строки московского поэта *Александра Прокопенко* из стихотворения «Легко?»: «Легко решить – все в этом мире тленно... / И тихо звезды будут вниз смотреть / На пасынка ничтожного Вселенной» [4, с. 21]. Но поэт не желает быть «ничтожным пасынком» Вселенной, ему по плечу – не быть циником, не сдаваться под ударами судьбы, смело идти в гору, не предавать людей и не оставлять их в беде, быть правдивым и не лгать для собственной выгоды, не стараться «внешне быть добрей, а слабого ударить побольнее». Эти выводы естественно вытекают из его стихов и, по сути, они являются не чем иным, как нравственным законами, моральным кодексом человека-землянина, библейскими заповедями, едиными для всего человечества.

Таким образом, вечная тема природы остается в поле зрения современных поэтов, не переставая волновать их своей красотой, величием и глубинной философской сутью. Как верно выразился современный азербайджанский поэт Годжа Халид (Намизат Закарияев): «Стареет жизнь, но остается свежей / Любовь к деревьям, травам и цветам» [3, с. 42]. Понимая непреходящее значение этой темы, они в соответствии с духом XXI века и соотносят с его проблемами и новыми художественными задачами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дронников Виктор. Стихи. [Электронный ресурс]. – URL: http://allpoet.ru/author/549/19090/index.php (дата обращения: 15.10. 2014).

2. Звезда полей: Альманах, 2009. – М.: НО «Рубцовский творческий союз», 2009. – 140 с.

3. Звезда полей: Альманах, 2010. Вып. 2. – М.: НО «Рубц. творч. союз», 2010. – 144 с.

4. Звезда полей: Альманах, 2012. – М.: НО «Рубцовский творческий союз», 2012. – 144 с.

5. Калужские страницы: Лит.-публ. газета. – 2007. – Январь-февраль. – № 9(417).

6. Клад: Лит.-худ. альманах. Вып. 13. – Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2009. – 252 с.

7. Молодая гвардия. – 2004. – № 4.

8. Московский вестник: Журн. моск. писателей и Литературного ин-та . – 2002. – № 1.

9. Московский Парнас: Независимый альманах. – 2005. – № 7(15).

10. Ока литературная. От истока к устью: стихи участников поэтических фестивалей в Павлове. Сост. В. А. Шамшурин. – Нижний Новгород, 2006. – 256 с.

11. Сетевая поэзия: Журнал современной поэзии (СПб: Скифия). – 2004. – № 1(4).

12. Страницы современной лирики: Сборник стихотворений современных поэтов / Сост. В. Кожинов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Детская литература, 1983. – 254 с.

ЧАНЧУНЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, КНР

УДК 81'255.2
ББК 81.053.6+82.07+83.3(5=711)
Филология

филология

ПЕРЕВОД РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК С СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

У Лижу [Wu Liru]
Ма Лицзе [Ma Lijie]

Русские фразеологизмы отражают культуру русской нации, разнообразные источники придают русским фразеологизмам богатую культурную семантику. Семантика фразеологизмов включают в себя коннотативное прагматическое значение и рациональное значение, которое решают экстралингвистические факторы. Ключевой точкой является подходящая семантическая передача при переводе русских фразеологизмов на китайский язык.

Ключевые слова
Фразеологизмы, перевод, рациональное значение, прагматическое значение

Фразеология является языковой квинтэссенцией и культурным отражением, самой живой, оживлённой и разноцветной языковой частью. Можно сказать, что фразеология – лучший сохранительи концентрированный отражатель национальной культуры. В любом языке множество фразеологизмов богато русских фразеологизмов, являясь одной важной составляющей частью русского языка, как зеркало русской культуры, отражая культурные особенности русской нации, народную психологию, жизненный образ и характерные признаки и т.д. Семантическая структура фразеологизмов сложная, таким образом, является важнейшим и решающим моментом среди учащихся русского языка[1]. Изучение семантической структуры и семантической передачи фразеологизмов не только поможет нам точнее их воспринять, но имеет хорошее руководящее значение на переводческой практике[2].

I. Источники русских фразеологизмов

Чтобы правильно понять и перевести русские фразеологизмы, необходимо исследовать источники русских фразеологизмов.

1. 1. Фразеологизмы, возникшие из народных легенд и художественных произведений

Немало русских фразеологизмов возникло из классических источников, народных легенд и басней. Некоторые из них отражают важные исторические события, а некоторые имеют яркие художественные образы и глубокий смысл – «Наделала славы, а моря не зажгла». 允诺很多，但一事无成; «Лучше меньше, да лучше». 宁缺毋滥.

1. 2. Фразеологизмы, возникшие на основе определённой национальной психологии и эстетической концепции о ценностях

Некоторые русские фразеологизмы

сложились под непосредственным влиянием специальной национальной психологии и эстетической концепции о ценностях. Животные в русских фразеологизмах с различных сторон отражают национальную психологию. Например, русским людям нравится конь, они предпочитают выносливость, трудолюбие и терпеливость – «Старый конь борозды не испортит». 老马不会踩坏犁沟. Русские люди предпочитают нечётные числа, так как на их взгляд нечётные числа предвещают счастье и благополучие. «Семь пятниц на одной неделе».反复无常 «Седьмая вода на киселе».八竿子打不着的亲戚.Русские люди берегут дружбу, они считают, что люди должны помогать друг другу, жить в добром согласии и всем сердцем относиться друг к другу – «Не дорог подарок, дорого внимание». 礼轻情意重; «Друзья познаются в беде». 患难识朋友; «Не знай друга в три дня, узнай в три года». 三天不识友，三年见人心. Русская нация стремится к правоте, доброте и красоте, считает, что внутренняя красота гораздо важнее внешней красоты – «Правда в огне не горит и в воде не тонет». 真理火烧不化，水淹不沉; «После грозы вёдро, после горя радость». 雨后天晴，苦尽甘来.

1. 3. Фразеологизмы из религиозного происхождения

Развитие русской религии, особенно распространение православного исповедания оказали глубокое и широкое влияние на русские фразеологизмы. До сих пор, многие фразеологизмы сохраняют ту или иную религиозную окраску. «Не всё коту масленица, бывает великий пост».

别看现在大吃大喝，总有大斋的一天
（好景不长，盛筵难再）.

1. 4. Фразеологизмы, возникшие в природных условиях

Природные условия, где находится нация, часто выражены в национальной языковой культуте. По причине такого географического положения и климатических условий возникли связанные с этими такие фразеологизмы, как «Кружится как белка в колесе». 忙得不亦乐乎; «Назвался груздем, полезай в кузов». 允诺的事一定要办到. А в китайском языке не найдены фразеологические эквиваленты.

II. Перевод русских фразеологизмов с семантической точки зрения

Большинство фразеологизмов мало по объёму, но богато по содержанию, их слова лаконичны, а полны мысли, выразительны и образны, имеют глубокую национальную окраску, под буквальным значением (языковым поверхностным значением) фразеологизмов содержится богатое внутреннее значение, некоторые фразеологизмы имеют очевидные положительную и отрицательную окраски ,неправильное употребление приведёт к семантической ошибке, так как фразеология возникает не для соответствия референции объективных предметов и выражения абстрактной концепции, а возникает для лучшего выражения свойств и признаков предметов и подчёркивания эмоционального оттенка людей, многие фразеологизмы по поверхности говорят об определённом предмете, свидетельствуясь об абстрактной истине конкретным примером. Всё это принесёт определённые трудности при переводе фразеологизмов[3]. Учёные всегда серьёзно относятся к семантическому исследованию русских фразеологизмов. Разные учёные разделяют семантическую структуру фразеологизмов по-разному. Значение фразеологизмов разделено на понятийное, эмоциональное, стилистическое и ассоциативное значение: некоторые фразеологизмы на трёх уровнях – языковое офомасиологическое, референтное, коннотативное излагают семантическую структуру фразелогизмов. Данная статья посвящена семантической передаче фразеологизмов на переводчес-

кой практике. Лексика включает в себя две части: 1) актуальная часть, т. е., референциальное значение и семантическое значение, которые зависят от экстралингвистических факторов, также называются предметно-понятийным значением; 2) дополнительное эмоциональное, культурное, ассоциативное и другие прагматические значения, также называется коннотативным значением[4].

В русском языке есть некоторые устойчивые обороты, которые употребляются как целое, однако отсутствует смысловая двухслойность, только понятийное значение, т. е., буквальное значение, общепринятый устойчивый выразительный способ. Как правило, немного такого типа фразеологизмво, во время перевода не сможет привести к препятствию, обычно употребляется буквальный перевод, таким образом не в числе обсуждения данной статьи.

2. 1. Фразеологические сращения являются одной целой лексической единицей, лексическое значение и форму их каждой составляющей части обычно трудно понять, с точки зрения современного русского языка невозможно объяснить. Так что при переводе таких фразеологизмов не могут использовать буквальный перевод для передачи их буквального семантического значения, а должны точно передать скрытое реальное значение под буквальным значением. Например, «*во всю ивановскую*» 大声地; «*ломать голову*» 绞尽脑汁; «*съесть собаку*» 行家. Такие словосочетания имеют ситаксическую полно неразделительность, между морфологическими составами отсутствует современная синтаксическая связь.

2. 2. Большинство фразеологизмов имеет смесловую двухслойность, т. е., прагматическое значение и рациональное значение. Эквивалентные случаи этих двух значений обычно проявляются в комплексных и комбинированных фразелогизмах, как пословица, просторечие, афоризм и яркие высказывания. Если даже по поверхности у них есть определённая разница, но проводя анализ не трудно заметить эквивалетное соотношение между ними. Так что путём буквального перевода могут передать референтивное значение таких фразеологизмов и раскрыть их коннотационное значение. Например:

«*Не спеши языком, торопись делом*».

不要耍嘴皮子，要老老实实地工作

«*Правда светлее солнца*».

真理比太阳还要明亮

«*Волк в овечьей шкуре*».

披着羊皮的狼

Референтивное значение некоторых русских фразеологизмов как на ладони, в то же время в китайском языке есть эквивалентные фразеологизмы, их референтивное значение разное, но они передают одинаковое или близкое коннотационное значение, в данном случае переводчики также могут применить замену – доступный читателям китайского языка способ выражения. Например, референтивное значение *рабочая лощадь* – трудолюбивая лощадь, «老黄牛»в китайском языке, оба они выражают значение «трудолюбие 勤劳», так что также переведено как «老黄牛».

Например, референтивное значение *пустить козла в огород* (*оставить козла в огороде*) 把羊放进菜园里, похожее на китайскую пословицу 引狼入室.

1) Фразеологизмы, имеющие полное соответствие в китайском языке и калькируемые целиком при переводе.

гром среди ясного неба – 晴天霹雳

идит в огонь и воду – 赴汤蹈火

черпать решетом воду – 竹篮打水

капля камень точит – 滴水穿石

в мутной воде рыбку ловить – 浑水摸鱼

куй железо пока горячо – 趁热打铁

и стены имеют уши – 隔墙有耳

среди белого дня – 光天化日

беда не приходит одна – 祸不单行

в животе и смерти бог волен –

– 生死由命

Покрылось небо облаками, дождь бесконечный ливмя лил.

天空乌云密布，大雨如注，下个不停。

Коммунисты – это капля в море, капля в народном море. (Ленин)

共产党员不过是沧海一粟，

不过是人民大海中的一滴水而已。

Военное положение не только не устрашило пролетариат, а наоборот, оно подлило масла в огонь и ещё более ухудшило обстановку. (Сталин)

军事戒严不但没有吓倒无产阶级，

反而火上浇油，使局面更加恶化了。

2) Фразеологизмы, частично не совпадающие в образности с русскими:

Не позволял бы никому вставлять себе палки в колеса

不允许任何人暗中捣鬼。

Ничего! До свадьбы заживет.

没关系，很快就会好转的。

По ниточке, бывало, ходила. Что с ней?

她一向很听话，现在怎么啦？

Лучше пропасть, чем ... просто так небо коптить.

宁愿送命，也不能…这样混日子。

От Пугачёва до Уральска ехали целых два дня, а тут и пути-то – рукой подать.

从普加乔夫到乌拉尔斯克坐火车整整走了两天，

其实这段路近得很。

Рабочим удастся взять свое, если они противопоставят вражеским силам свою классовую организованность. (Сталин)

只要工人以自己阶级的组织性来对抗敌人的力量，

他们就能战胜敌人。

3) Фразеологизмы, при переводе которых образ полностью меняется.

в три ручья – 泪如雨下

как две капли воды – 一模一样

вошло в плоть и в кровь – 根深蒂固

напрасно тратить порох – 枉费唇舌

метать бисер перед свиньями - 对牛弹琴

дай палец и локоть откусит – 得寸进尺

одним выстрелом убить двух зайцев – 一箭双雕

Ищет рукавицы, а рукавицы за поясом. – 骑驴找驴

ждать от козла молока – 缘木求鱼

сесть меж двух стульев – 脚踏两只船

нет дыма без огня – 无风不起浪

Старого воробья на мякине не проведешь. – 姜还是老的辣

На всякого Зевса есть свой Зевс-громвержец. – 强中更有强中手

Походим. Людей-людей! И на улице вокруг хаты – негде иголки воткнуть.

我们走近一看，到处是人山人海，

街上和农舍周围都挤得水泄不通。

4) Фразеологизмы, которые переводятся нейтральной лексикой:

Доброе начало – половина дела.

– 好的开始是成功了一半。

Золото не золото, не побывав под молотом. – 千锤百炼出真金

Клади навоз густо – в амбаре не будет пусто. – 勤上粪，粮满囤

Где много говорят, там машинны стоят. – 话多不出活

Как (будто, словно, точно) Мамай прошёл

像玛麦过境一样，遭到洗劫一样乱七八糟

казанская сирота

– 像喀山弃儿一样假装可怜

Заключение

Русская фразеология является квинтэссенцией русской национальной культуры, правильная семантическая передача при переводе русских фразеологизмов и точная передача культурного смысла оригинала не только помогут читателям познакомиться с культурным фоном оригинала, содействуют культурному обмену, а также обогатят лексику переводного тес-

та, способствуют культурному развитию и распространению между обеими сторонами, сыграют активную роль в межкультурном обмене.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ни Бо, Гу Болинь. Русская семантика: [M]. – Шанхайское издательство обучения иностранным языкам, 1995.

2. Чжан Чзяне. Современная русская семантика: [M]. – Коммерческое издательство, 2003.

3. Ван Бинцин, Ли Ся. Русское пособие перевода: [M]. – Тяньцзинь, 1999.

4. У Фан. Смысл и перевод китайских фразеологизмов на русский язык: [J]. // Русский язык в Китае. – 2004. – № 4. – С. 53-58.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ К. А. ТИМИРЯЗЕВА, г. МОСКВА

УДК 004: 001(091)
ББК 65.497.8
Экономические науки

экономика

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НАУКЕ

Кандидат педагогических наук И. Е. Быстренина

В статье развитие информационных технологий в науке рассматривается как необходимое условие роста экономики страны. Представлены существующие на сегодняшний день тенденции развития информационных технологий в науке. Выделены перспективы развития информационных технологий в научной деятельности в целом и возникающие, как следствие, проблемы перед экономикой страны, без решения которых не возможна реализация первых.

Ключевые слова
Информационные технологии, экономика страны, моделирование, единое информационное пространство, технологии и методы автоматизированного проектирования

В настоящее время мы наблюдаем внедрение информационных технологий во все сферы деятельности человека. Данная тенденция характерна и для научной деятельности.

Анализ литературы по проблеме исследования показал, что для информационных технологий нет единого определения. В частности, согласно определению, принятому ЮНЕСКО, информационные технологии – это комплекс взаимосвязанных научных, технологических, инженерных наук, изучающих методы эффективной организации труда людей, занятых обработкой и хранением информации с помощью вычислительной техники и методы организации и взаимодействия с людьми и производственным оборудованием, их практические применения, а также связанные со всем этим социальные, экономические и культурные проблемы. В контексте рассматриваемого вопроса целесообразно дать следующее определение: информационные технологии – это конечная логическая последовательность операций и/или процессов, объектами которых является информация (в широком смысле), с целью удовлетворения информационной потребности либо индивидуума, либо удовлетворенная корпоративной информационной потребности [4, с. 36].

На сегодняшний день в работах многих отечественных исследователей представлены вопросы развития информационных технологий, тенденций и перспектив их развития в различных областях знаний. Например, применение информационных технологий в образовательной системе и тенденции их развития отражены в работах Т. А. Ларионовой, Е. И. Машбиц, И. В. Роберт, Н. В. Софроновой и др. [6, 8, 9 и др.]. Развитие информационных

технологий в агропромышленном комплексе и их перспективы изучены в работах А. А. Землянского, В. И. Меденникова и др. [3, 7 и др.]. Вопросы применения информационных технологий в экономике и изучение проблем их дальнейшего развития рассмотрены в работах И. Р. Гасликовой, Л. М. Гохберг, А. А. Землянского, Г. Г. Ковалевой и др. [2, 4 и др.].

В данной статье изучены основные тенденции и перспективы развития информационных технологий в науке в целом, как обобщение различных областей человеческой деятельности.

Внедрение информационных технологий в научную деятельность выводят последние на качественно новый уровень. Рассмотрим вопросы применения информационных технологий в научной деятельности и перспективы их дальнейшего развития в области науки.

Важно отметить, что в области информационных технологий, применяемых в научной деятельности, существуют два взаимодополняющих друг друга направления развития:

– создание систем, ориентированных на оперативную обработку данных (системы обработки данных);

– создание систем, ориентированных на анализ данных (системы поддержки принятия решений).

Указанные направления развития информационных технологий обусловлены требованием современного общества. Причем первое направление находит свое продолжение во втором, что является необходимым условием для получения комплексного решения научной проблемы на основе нескольких систем обработки данных, не связанных между собой. Системы обработки данных предназначены для учета, оперативного выполнения операций, создания отчетов по запросу и т.д. Они позволяют во многом упростить работу с информацией, объемы которой постоянно растут. Системы поддержки принятия решений на основе автоматизированного анализа данных помогают принять решение по определенной проблеме исследования.

Так широкое распространение в научной работе получили такие системы для анализа данных, как пакеты статистических программ. Международный рынок насчитывает достаточно много пакетов, решающих задачи статистического анализа данных в среде операционных систем Windows, DOS, OS/2. Данные статистические средства позволяют проводить расчеты при больших объемах выборки, что достаточно быстро позволяет обрабатывать экспериментальные данные. Большую популярность получили такие пакеты, как STATISTICA, STATGRAPHICS, STADIA и др. Несмотря на то, что область их функционального пересечения очень широка, и большинство процедур, реализованных в одном пакете, содержится и в другом, однако каждый их этих пакетов имеет особенности, которые делают решение одних задач более удобным с помощью одного пакета, других – с помощью другого.

Программа Microsoft Excel является также мощным средством для работы с таблицами статистических данных. Она позволяет упорядочивать, обрабатывать определенным образом, графически представлять и анализировать различные виды статистической информации [1]. Использование Microsoft Excel позволяет существенно упростить процесс расчета числовых характеристик показателя при обработке экспериментальных данных. На основании рассчитанных числовых характеристик делается предварительное заключение о соответствии эмпирического (выявленного в результате проведения экспериментальной части исследования) распределения показателя теоретическому нормальному распределению. Такое соответствие важно для дальнейшего выбора методов обработки данных, так как отклонение от нормального вида распределения накладывает ограничения на использова-

ние в последующем целого ряда статистических процедур. Для статистического анализа данных используется пакет Анализа данных, который позволяет решать в диалоговом режиме 19 основных задач, наиболее часто встречающихся в классической математической статистике. Окно данного пакета представлено на рис. 1.

Рис. 1. Окно пакета Анализа данных Microsoft Excel

Ценным дополнением к статистическому анализу Microsoft Excel и обобщению является графическое представление данных исследования.

Следующее направление развития информационных технологий в науке, характерное для сегодняшнего времени, – это создание возможности проведения вычислительных экспериментов и компьютерного моделирования. Вычислительные эксперименты позволяют выполнять различные манипуляции с математическими моделями изучаемых процессов, находить оптимальные параметры системы, изучать свойства системы, прогнозировать ее поведение в различных условиях и т. д. Компьютерное моделирование также основано на построении математических моделей для описания изучаемых процессов. Благодаря ему в лабораторных условиях с меньшими материальными затратами можно пронаблюдать различные процессы и явления по интересующему направлению исследования. В частности, природные явления, космические полеты и т. д. Также они позволяют пронаблюдать процесс, результат которого в реальности непредсказуем. В настоящее время существуют различные системы компьютерного моделирования по различным областям знаний. Например, вопросы моделирования медицинского обслуживания решаются в системе Medmodel, в области телекоммуникаций – в системе Comnet и т. д. Потребности в компьютерном моделировании неуклонно растут и требуют все большей компьютерной мощности.

Развитие информационных технологий обозначено в числе главных приоритетов России в краткосрочной и долгосрочной перспективах до 2020 года, что отражено в стратегических документах: «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» (Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. №1162-р), решениях Комиссии при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию экономики России от 18 июня 2009 г., в государственной программе «Информационное общество (2011-2020 годы)».

Происходящее развитие информационных технологий приводит к необходимости решения новых проблем, постановке дальнейших перспектив развития.

Среди ключевых направлений дальнейшего развития информационных технологий в науке необходимо выделить следующие:

– создание единого информационного пространства на территории РФ с высокой надежностью и пропускной способностью каналов связи, удовлетворяющего современным требованиям научной деятельности;

– создание доступных для научного общества компьютерных технологий с высокой производительностью, достаточной для выполнения научной деятельности;

– создание новых технологий и методов автоматизированного проектирования объектов различной природы происхождения, изучаемых в рамках научного исследования и др.

Данные перспективы развития инфор-

мационных технологий выдвигают новые требования к обществу и к экономике страны, в целом:

– развитие промышленной индустрии для создания необходимых программных средств;

– подготовка кадров, готовых выполнять работу с новыми технологиями;

– разработка нормативно-правовых документов, регламентирующих перспективы развития информационных технологий в науке;

– создание и укрепление международного и межрегионального сотрудничества в новой области информационных технологий и т. д.

Таким образом, развитие информационных технологий, в том числе в науке, и развитие экономики страны напрямую связаны между собой. Важнейшим инструментом интенсификации экономического роста страны остается и будет развитие информационных технологий в научной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Быстренина И. Е. Технологии подготовки магистров к научно-исследовательской деятельности в процессе изучения информационных технологий / И. Е. Быстренина // Российский научный журнал. – 2015. – № 1(44). – С. 138-142.

2. Гасликова И. Р., Гохберг Л. М., Ковалева Г. Г. Информационные и коммуникационные технологии в российской экономике: статистический сборник / И. Р. Гасликова, Л. М. Гохберг, Г. Г. Ковалева. – М.: ГУ-ВШЭ, 2005. – 223 с.

3. Землянский А. А. Информационные технологии в АПК: учебное пособие / А. А. Землянский. – М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 2011. – 111с.

4. Землянский А. А. Информационные технологии в экономике: учебное пособие / Землянский А. А. – М.: Изд-во МСХА, 2004. – 50 с.

5. Землянский А. А. Теоретические основы обработки данных: монография / А. А. Землянский. – М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 2012. – 159 с.

6. Машбиц Е. И. Компьютеризация обучения: проблемы и перспективы / Е. И. Машбиц. – М.: Знание, 1986. – 80 с.

7. Меденников В. И. Теоретические основы и методология оценки эффективности использования информационного ресурса в аграрной экономике / Меденников В. И. [и др]. – М: ФГБНУ ВИАПИ им. А. А. Никонова, 2015. – 165 с.

8. Роберт И. В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы; перспективы использования. – М.: ИИО РАО, 2010. – 40 с.

9. Софронова Н. В., Ларионова Т. А. Инновационные технологии управления в системе высшего профессионального образования: монография / Н. В. Софронова, Т. А. Ларионова. – Чебоксары: Изд-во Л. А. Наумова, 2008. – 193 с.

УДК 339.923
ББК 65.5-65
Экономика

экономика

ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА СТРАН БРИКС: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ (2009 - 2015 ГГ.)

Доктор исторических наук В. Ф. Ершов

В статье рассматриваются основные этапы и особенности становления БРИКС как трансконтинентального экономического объединения нового типа, создающего альтернативу доминированию стран Запада в глобальной финансово-экономической и информационной системе. Анализируются важнейшие решения Саммитов БРИКС, отражающие базовые принципы и стратегию развития Содружества. Раскрывается роль БРИКС в расширении глобального экономического и дипломатического влияния России.

Ключевые слова
БРИКС, Азиатско-Тихоокеанский регион, мировая экономика, банковская система, глобализация, внешняя политика России.

В настоящее время происходит успешное формирование нового мирового центра финансово-экономической системы – союза государств БРИКС, которые в перспективе станут могущественной альтернативой валютно-финансовой системе Запада. Президент России В. В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ в декабре 2014 года так определил перспективную стратегию России во взаимоотношениях с мировыми странами: «Мы ни при каких обстоятельствах не собираемся сворачивать наши отношения с Европой, с Америкой. При этом будем расширять свое присутствие в тех регионах, где сейчас набирают силы интеграционные процессы, где не смешивают политику и экономику, а наоборот, снимают барьеры для торговли, для обмена технологиями и инвестициями, для свободного передвижения людей. Мы видим, как стремительно продвигается вперед Азиатско-Тихоокеанский регион. Россия, как тихоокеанская держава, будет всесторонне использовать этот громадный потенциал. Хорошо известны и лидеры, локомотивы глобального экономического развития. Среди них немало наших искренних друзей и стратегических партнеров» [1]. Координатор в МИД России по работе стран БРИКС В.Луков в своем выступлении на учредительном заседании Национального комитета исследований БРИКС подчеркнул, что «участие в БРИКС для России в значительной степени вопрос цивилизационного выбора. Участие в этом объединении с населением в 3 млрд. человек дает нашей стране большие преимущества. Позиционирование альянса в мире еще не

закончено, и Россия как один из его основателей имеет уникальный шанс повлиять на этот процесс».

Государства БРИКС придерживаются одинаковых или сходных позиций по основному комплексу международных вопросов, в том числе и по проблеме формирования более справедливой мировой финансово-экономической архитектуры, что способствует расширению их высокоэффективного диалога и сотрудничества в самых разных сферах – политической, дипломатической, инвестиционной - и на различных уровнях взаимодействия. Такое сотрудничество соответствует главным тенденциям социально-экономического и политического развития современного мира и своей основной задачей имеет сохранение экономической и военно-политической стабильности, формирование инновационной финансовой системы, интенсификацию делового взаимодействия в сфере бизнеса и государственных внешнеторговых взаимоотношений

Председатель правления Фонда «Русский мир», депутат Государственной Думы Вячеслав Никонов отметил, что «сейчас БРИКС – уже не виртуальная реальность. Происходит институционализация этого политического альянса, по темпам роста экономики члены БРИКС опережают остальные страны мира, значительно выросло политическое влияние пятерки. Все более важное место БРИКС занимает и во внешней политике Российской Федерации» [3].

В настоящее время группа государств БРИКС стала значимым долгосрочным фактором развития мировой финансово-экономической и политической архитектуры. Система БРИКС демонстрирует перспективную возможность стать новой силой, способной найти консолидированные инновационные подходы к решению многих важных проблем глобального экономического и политического развития в контексте идеологии многополярного мира.

Группа государств БРИКС определенно заявила, что ставит своей стратегической целью создание нового мирового порядка, основанного на соблюдении принципов международного права и справедливого сотрудничества; при этом было признано, что современный механизм международных отношений не соответствует реалиям XXI века, обладая рядом дискриминационных черт в отношении стран с развивающейся экономикой – как экономического, так и политического характера. Формирование БРИКС – «это выражение общей политической воли различных стран, нацеленной на то, чтобы трансформировать мир, трансформировать не против кого бы то ни было, но в пользу нового – действительно демократического мирового порядка» [3].

Государства БРИКС не поддержали введение антироссийких санкций со стороны США и Европейского Союза, осудили политику военно-политического давления на Россию и использование в международных делах практики «двойных стандартов». Это сделало очевидным тот факт, что в настоящее время строится новый многополярный мир, в котором страны БРИКС станут политическим и финансово-экономическим противовесом западной коалиции, а все спорные вопросы будут решаться в формате дипломатических переговоров под эгидой ООН. Укрепление верховенства международного права, в том числе в области финансово-экономических отношений, утверждение центральной роли ООН в системе мирового взаимодействия, что находит отражение и на состоянии инвестиционного климата в различных экономических регионах планеты, – одна из стратегических, долгосрочных задач БРИКС.

Глава российского государства В. В. Путин, выступая на Шестом Саммите БРИКС, отметил важную роль стран Содружества в деле поддержания мировой стабильности, создания системы справедливых международных финансово-инвестиционных отношений: «Считаю, что

настало время поднять роль БРИКС на новый уровень, сделать наше объединение неотъемлемой частью системы глобального управления в интересах устойчивого развития». В. В. Путин также подчеркнул, что доля стран БРИКС во внешнеторговом обороте страны неукоснительно увеличивается, развивается сотрудничество между финансовыми институтами государств Содружества.

Термин БРИК впервые был использован в научно-аналитическом докладе инвестиционного банка «Goldman Sachs» в 2001 году, посвященном прогнозу перспектив развития мировой экономики в XX1 веке; при этом его непосредственным автором стал американский экономист Дж. О'Нил, который применил его в отношении к группе развивающихся стран – Бразилии, России, Индии и Китая, рассматривая их возможный инвестиционный потенциал [30]. В рамках реализации своих научно-исследовательских программ банк «Goldman Sachs» в 2003 году опубликовал исследование под названием «Мечтая вместе с БРИК: путь к 2050 году», в котором содержалась высокая оценка динамики перспективного развития данной группы государств, и был сделан вывод об их значительных возможностях в системе формирующейся глобальной экономики [31].

В Декларации, принятой по итогам Третьего Саммита БРИКС в г. Санья (о. Хайнань, КНР) 14 апреля 2011 года, государства Содружества заявили, что «твердо намерены добиваться того, чтобы в странах БРИКС продолжался интенсивный и устойчивый экономический рост, поддерживаемый углублением нашего сотрудничества в вопросах экономики, финансов и торговли. Это внесет вклад в долгосрочный, стабильный, здоровый и сбалансированный рост мировой экономики» [4]. Как отметил Д. А. Медведев, «Страны БРИКС объединяют общие взгляды на развитие международной жизни, мировой экономики и политических процессов. По итоговым вопросам наши страны действительно придерживаются общих позиций».

Государства БРИКС являются активными участниками процесса глобализации, динамично развивающимся союзом стран, стремящихся обратить свой неуклонно растущий потенциал в геоэкономике в новый финансово-экономический вес, в политический авторитет, приобрести значимое место и роль в геополитике [29. С. 119]. Вступление в декабре 2010 года Южно-Африканской Республики в коалицию БРИКС расширило географию и сферу влияния данного объединения, усилив его общий социально-экономический и политический потенциал.

Политическая партия «Единая Россия» осуществляет стратегию конструктивного сотрудничества в рамках развития партийного измерения стран БРИКС. В июне 2014 года во Владивостоке состоялось XXП заседание Постоянного Комитета (ПК) Международной конференции азиатских политических партий (МКАПП). Партия «Единая Россия» принята в МКАПП в качестве Постоянного члена, имеет соглашения о сотрудничестве с зарубежными партиями, в частности с правящей партией «Индийский национальный конгресс» (ИНК). В апреле 2014 года «Единая Россия» провела консультации с индийской политической партией «Бхаратия джаната парти», делегацию которой возглавлял Национальный секретарь партии Арти Мехра; «Единую Россию» представлял член Президиума Генерального Совета, член Совета Федерации Андрей Климов, который отметил: «Мы ведем интересный диалог с Индией, которая всегда была близка нашей стране, на всех уровнях взаимодействия. На международных площадках мы сегодня получаем существенную поддержку наших индийских коллег» [14].

Руководством Российской Федерации, представителями бизнес-сообщества и экспертами-экономистами в преддверии саммита БРИКС в Дурбане (ЮАР) в марте 2013 года был разработан концептуаль-

ный документ «Россия и БРИКС. Стратегические цели и средства их достижения», в котором сформулированы основные принципы и задачи участия России в системе государств Содружества. Данный документ составил основу подготовленной Правительством России «Комплексной программы использования участия Российской Федерации в БРИКС в целях ускорения экономического развития и укрепления ее международных политических позиций», в которой сформулированы основные принципы и задачи участия России в системе государств Содружества.

В настоящее время группа государств БРИКС принимает все более активное участие в решении комплекса проблем энергетической безопасности, экологии и демографии, разрабатывает меры по борьбе с международным терроризмом, оказывает влияние на ход международных финансово-экономических процессов. Именно страны БРИКС, прежде всего – Китай, Индия и Бразилия, стали главными двигателями, которые позволили преодолеть последствия мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 годов и создали условия для начала нового экономического роста. Интеграционная политика государств БРИКС отражает объективную тенденцию к усилению финансово-экономической взаимозависимости стран и глобализации мирового финансово-технологического пространства [14].

БРИКС имеет большую историческую перспективу в XX1 веке: по мере институционализации данной политической и финансово-экономической организации и роста ее влияния в мире к Содружеству будет присоединяться все большее число стран, его инвестиционные программы составят серьезную конкуренцию западным финансовым банковским проектам. Таким образом, БРИКС способен составить альтернативу западному финансово-экономическому миру и создать новую реальность в глобальном валютно-финансовом пространстве.

Научный анализ основных макроэкономических показателей степени экономического и технологического развития стран БРИКС за период 2000-2013гг. позволяет охарактеризовать финансово-экономические системы этих стран как конкурентоспособные, обладающие большим промышленным и инвестиционным потенциалом, при этом развивающиеся более динамично, чем современные экономики США, Канады и Европейского Союза [18].

Стратегия экономической модернизации стран БРИКС, прежде всего – России, Китая и Индии, и инновационной институционализации их национальных финансовых систем предполагает максимальное и долговременное использование преимуществ и выгод от глобализации в XX1 веке. Поскольку наиболее развитой частью мировой экономики являются глобальные финансы, то стратегической задачей государств Содружества становится интеграция национальных финансовых рынков в систему глобальных финансов. Повышающаяся конкурентоспособность многих ведущих компаний БРИКС – Essar Steel, Steel Author, Tata (Индия), Газпром, «Северсталь», «Роснефть», ОАО Компания «Сухой» (Россия), Embraer (Бразилия) и др., – способствует их интеграции на международный рынок капитала, дает возможность масштабных синдицированных заимствований и размещения капитала (IPO).

В современных мировых политических и финансово-экономических условиях концептуальное лидерство в БРИКС принадлежит России. В принятой российской стороной «Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС», заложено стратегическое видение будущего этой организации на долгосрочную перспективу: «Становление БРИКС отражает объективную тенденцию мирового развития к формированию полицентричной системы международных отношений и усилению экономической взаимозависимости государств. В та-

кой системе все более широкое применение находят неинституциональные структуры глобального управления и сетевая дипломатия. Основу влиятельности БРИКС на международной арене составляют растущая экономическая мощь государств участников, значимость их деятельности как одной из главных движущих сил развития глобальной экономики, значительная численность населения, наличие богатых природных ресурсов» [19].

Быстро растущий экономический потенциал стран БРИКС соответственно усиливает и политическое влияние этих государств, способствует смещению центра финансово-экономической силы с Запада на Юго-Восток. При этом США развивают с государствами Содружества торгово-экономические связи, допускают их на свой внутренний рынок, что создает перспективную базу политического и экономического взаимодействия (в то же время данный процесс проходит не с одинаковой последовательностью и успехом с различными странами БРИКС) [16. С. 17]. В настоящее время у России, интегрирующейся в глобальное политическое и экономическое пространство, основным направлением влияния является не военно-политическое, как в эпоху СССР, а финансово-экономическое, которое позволяет усиливать ее позиции в системе мировой конкуренции со странами Запада [10].

Вхождение России в БРИКС способствовало укреплению позиций отечественного бизнеса в международном финансово-экономическом пространстве, Российская Федерация обрела «большую устойчивость своего позиционирования на мировой арене, реальный инструмент реализации идеи многополярного мира и принципов многовекторности внешней политики [13]. В условиях глобализации формирование концептуальной основы развития МВКФО России, разработка научно обоснованной, выверенной системы комплексных мер по валютно-финансовому обеспечению отечественных внешнеэкономических интересов, в том числе в сфере финансово-экономического взаимодействия в рамках БРИКС, крайне актуальны как для государства, так и для российского бизнес-сообщества.

Большую роль в деле институционального строительства БРИКС играют регулярно проводящиеся с 2009 года саммиты, в работе которых принимает участие высшее руководство стран данной экономической группы, а также представители бизнес-элиты, банковских кругов, научно-экономического сообщества. На саммитах БРИКС формируется общая позиция по многим вопросам социально-экономического и политического развития Содружества, определяются перспективные направления хозяйственной деятельности, согласовываются шаги по формированию банковской системы, принимаются новые инвестиционные проекты и др. [23. С.11]

С момента создания БРИКС в 2009 году, государства-участники Содружества и их деловые сообщества проявляют высокую политическую и деловую активность: в столицах стран-участниц БРИКС и за их пределами регулярно проходят деловые форумы, встречи экспертных групп, интерактивные встречи, происходит обмен делегациями. Все это создает благоприятные условия для дальнейшего развития финансовой институциональной основы Содружества.

Первый саммит БРИК состоялся в Екатеринбурге в июне 2009 года; в его работе приняли участие высшие государственные руководители стран Содружества – Президент Российской Федерации Д. А. Медведев, Президент Бразилии Луис Лула да Силва, Президент Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао, Премьер-министр Индии Манмохан Сингх. На саммите обсуждались такие сложные вопросы современного политического и социально-экономического развития, как пути преодоления последствий мирового экономического кризиса, глобальная продовольственная безопасность, банковское

строительство, инвестиционная политика, международная торговля, сотрудничество в области науки и образования, борьба с угрозой мирового терроризма [6]. По итогам саммита было принято совместное заявление стран участниц БРИК, а также заключено «Соглашение о глобальной продовольственной безопасности государств Содружества» [7].

Второй саммит БРИК состоялся в Бразилии, в ее столице г. Бразилиа в апреле 2010 года. Его повестка дня включала ряд таких вопросов, как: преодоление последствий мирового финансового кризиса, создание системы нового международного финансового порядка, роль и место государств БРИК в таких крупных международных финансово-экономических организациях, как Всемирный банк и МВФ, перспективы широкого инвестиционного сотрудничества, интеграция финансовых структур БРИК в мировое хозяйство, а также участие стран группы в международной торговле, в борьбе с бедностью и в экономических программах. По результатам работы Саммита был подписан «Меморандум стран-членов БРИК о сотрудничестве между государственными финансовыми институтами развития и поддержки экспорта» [8].

Меморандум о финансовом сотрудничестве был подписан руководителями Внешэкономбанка, Банка развития Китая, Экспортно-импортного банка Индии и Национального банка социально-экономического развития Бразилии. В дальнейшем к Меморандуму присоединился Банк развития Южной Африки. Данное соглашение предусматривает дальнейшее полномасштабное взаимодействие государственных финансовых институтов развития и поддержки экспортных операций стран-членов БРИКС по вопросам финансирования проектов в сфере высоких технологий, энергосбережения, инновационного развития банковской системы и др. Документ ориентирован на создание инновационной эффективной инфраструктуры валютно-финансового обеспечения многостороннего торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества государств Содружества и является "первым практическим шагом в направлении использования национальных валют в экономическом сотрудничестве между этими странами» [8].

Третий саммит БРИКС был проведен в китайском курортном городе Санья, находящемся на острове Хайнань, 13-14 апреля 2011 года и стал очередной значимой вехой на пути строительства институциональной структуры Содружества. Он стал первым саммитом БРИКС после вступления в организацию Южно-Африканской Республики (ЮАР). На саммите было принято решение о реализации комплекса организационных и финансовых мероприятий по стабилизации мировых цен на сырье посредством усиления регулирования рынка деривативов на сырьевые товары, а также достигнута договоренность о дальнейшем экономическом сотрудничестве на основе использования национальных валют. По итогам саммита БРИКС 2011 года была принята совместная Декларация [4]. Президента России на Саммите БРИКС в 2011 году сопровождали глава МИД Сергей Лавров, вице-премьер и министр финансов Алексей Кудрин, помощники А. Дворкович и С. Приходько, советник по вопросам климата А. Бедрицкий, руководитель Федеральной службы по военно-техническому содрудничеству М. Дмитриев, руководители «Рособоронэкспорта» и «Росатома» А. Исайкин и С. Кириенко, губернаторы Приморского края и Иркутской области С. Дарькин и Д. Мезенцев, председатель ВЭБ Владимир Дмитриев. Российский бизнес на переговорах был представлен Главой Торгово-Промышленной палаты С. Катыриным, генеральным директором компании «Русал» О. Дерипаска, председателем Совета директоров ОАО «Мечел» Игорем Зюзиным и др. Соответственно, сфера финансово-экономического влияния груп-

пы стран БРИКС распространилась на 4 континента.

По итогам Третьего саммита БРИКС в Китае 14 апреля 2011 года был принят План действий, закладывающий организационные и идейные основы дальнейшего сотрудничества государств Содружества. План действий предполагал проведение целого комплекса мероприятий, направленных на развитие финансовой системы стран БРИКС, в том числе: проведение встреч министров финансов и управляющих банков в рамках «Группы двадцати» и в ходе ежегодных сессий Всемирного банка и Международного валютного фонда, проведение в преддверии следующего саммита БРИКС очередного бизнес-форума, укрепление финансового сотрудничества между Банками развития БРИКС, проведение совместных исследований по экономическим и торговым вопросам, проведение встречи старших должностных лиц для обсуждения путей развития научно-технического и инновационного сотрудничества в формате БРИКС и др.

Четвертый саммит БРИКС проходил 28-29 марта 2012 года в Индии, в г. Нью-Дели. В ходе саммита особое внимание было уделено проблемам формирующейся глобальной экономики, реализации комплекса антикризисных мер, а также и ряду политических вопросов – урегулированию ситуации вокруг Сирии и Ирана и др. Большое внимание стороны уделили теме финансово-экономического сотрудничества – реализации новых инвестиционных проектов, подготовке специализированных банковских кадров, был также утвержден план создания общего Банка развития стран БРИКС и обсуждены механизмы сближения фондовых площадок государств Содружества. На саммите выступил Д. А. Медведев, который в качестве стратегических задач объединения государств БРИКС назвал «постепенную трансформацию БРИКС в полноформатный механизм взаимодействия по важнейшим вопросам мировой экономики и политики» [2].

По итогам работы IV саммита БРИКС была принята Делийская декларация, в которой были обозначены новые политические и финансово-экономические ориентиры развития БРИКС. На Делийском саммите был также принят ряд значимых документов в сфере развития банковской системы группы государств Содружества: так, в присутствии лидеров государств БРИКС руководителями Банков развития стран БРИКС были подписаны «Генеральное соглашение о предоставлении кредитов в национальных валютах в рамках механизма межбанковского сотрудничества государств-участников БРИКС» и перспективное многостороннее Соглашение о подтверждении аккредитивов [5].

В марте 2013 года в Дурбане (Южно-Африканская Республика) состоялся Пятый саммит БРИКС, на котором был принят ряд ключевых решений: создан Банк развития, сформирован виртуальный секретариат БРИКС, созданы также Банк международных расчетов и специального антикризисного фонда, Деловой Совет БРИКС (Консорциум экспертных центров стран БРИКС) [25].

В Этеквинской Декларации отмечена «целесообразность создания нового Банка развития для мобилизации ресурсов, предназначенных для осуществления проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС и других странах с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся странах» (п. 9) [24].

Главы государств, входящих в группу БРИКС, согласились, что «заключение о создании самоуправляемого валютного резерва будет оказывать позитивный эффект в качестве меры предосторожности, поможет странам БРИКС, предотвратить нехватку краткосрочной ликвидности, оказать взаимную поддержку и укрепит финансовую стабильность. Кроме того, это будет способствовать укреплению глобальной финансовой «страховочной сетки», а также дополнит существующие

международные механизмы в качестве еще одной линии защиты. Мы, считаем, что создание валютного резерва для использования в чрезвычайных обстоятельствах с первоначальным размером в 100 млрд. долл. США является возможным и желательным при условии наличия внутренней правовой основы и соответствующих гарантий» (п. 10) [24].

Шестой саммит БРИКС проходил 15-16 июля 2014 г. в бразильских городах Форталеза и Бразилиа. Главный итог Шестого саммита БРИКС – подписание «Соглашения о создании Нового банка развития стран БРИКС» и принятие решения о формировании Пула валютных резервов. При этом основной задачей Банка развития БРИКС станет обеспечение комфортных условий для финансово-инвестиционного взаимодействия стран-участниц Содружества, поддержка совместным действиям по преодолению глобальных экономических кризисов.

Банк развития БРИКС будет также осуществлять финансирование инфраструктурных проектов, прежде всего – на экономической территории стран Содружества. В то же время Банк развития БРИКС готов к самому широкому финансово-экономическому сотрудничеству со всеми государствами, заинтересованными в развитии конструктивных инвестиционных отношений с блоком БРИКС. Министр финансов России Антон Силуанов, подписавший «Соглашение о создании Банка развития» от Российской Федерации, отметил: «Банк открыт для принятия новых членов, стран, состоящих в ООН». Шестой саммит БРИКС, таким образом, внес значительный вклад в укрепление мировой финансовой стабильности и в усиление позиций динамично развивающихся экономик стран Содружества.

В настоящее время активно развивается научное сотрудничество государств БРИКС в области финансово-экономических исследований. В феврале 2013 года в МГУ им. М.В. Ломоносова состоялся Круглый стол по тематике актуальных инновационных исследований финансового рынка стран БРИКС, организованный российским Национальным Комитетом по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС) по теме: «Концептуальные подходы к участию России в БРИКС: предложения к саммиту БРИКС в Дурбане (ЮАР, 26-27 марта 2013 г.). В качестве модератора Круглого стола выступил Председатель Правления НКИ БРИКС, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по международным делам Вячеслав Никонов, на мероприятии выступили Посол по особым поручениям МИД РФ Вадим Луков, Директор Института Латинской Америки, заместитель председателя Президиума Научного совета НКИ БРИКС Владимир Давыдов, Исполнительный директор НКИ БРИКС Георгий Толорая. В рамках заседания Круглого стола был проанализирован комплекс вопросов, связанных со стратегическими целями России в БРИКС и с перспективами развития финансовых инструментов взаимодействия государств Содружества в контексте формирования его финансово-экономической системы.

В рамках научного семинара были рассмотрены такие темы, как: инфраструктурное развитие и индустриализация в Африке, обзор деятельности ПРООН, вклад Китая в экономическое развитие Африканского континента, проекты в области развития финансовой инфраструктуры и др.

Государства БРИКС, и в том числе Россия, все больше внимания уделяют развитию инвестиционных отношений с Африкой, обладающей большим потенциалом для вложения капитала. В Москве 28 февраля 2013 года состоялся Международный семинар по теме «БРИКС и Африка: новые возможности для сотрудничества», который стал концептуальным научным мероприятием в рамках реализации экспертных консультаций по содержательному наполнению программы финансово-

экономического развития БРИКС. С докладами по теме семинара выступили заместитель министра экономического развития РФ А. Е. Лихачев, региональный директор ПРООН по странам Европы и СНГ Джихан Султаноглу, посол по особым поручениям МИД России В. Б. Луков. представитель Посольства Бразилии в Российской Федерации Тиаго де Фариа Миранда, посол ЮАР в России Мандиси Мпахлуа.

В современной России активно создаются научно-исследовательские структуры, занимающиеся научным изучением финансово-экономических проблем формирующегося Содружества государств БРИКС.

В 2011 году в контексте исполнения плана мероприятий по реализации договоренностей, достигнутых на Саммите БРИКС в г. Санья (КНР), был создан Национальный комитет по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС), основной целью работы которого является организация и проведение научных исследований о экономической и политической роли БРИКС в глобальной экономике и валютно-финансовой системе. НКИ призван способствовать формированию единого информационного пространства в сфере отечественных исследований финансового взаимодействия в рамках БРИКС, продвигать в российский и международный интеллектуальный мир экспертные оценки, научно-аналитические материалы, монографические работы по теме перспектив развития модернизирующихся экономик государств Содружества. Комитет также осуществляет координацию деятельности ведущих российских и международных научно-исследовательских центров и организаций, экспертов по направлению БРИКС.

Председателем правления НКИ БРИКС избран В. А. Никонов, председатель Комитета по образованию Государственной Думы РФ, президент фонда «Политика»; Исполнительным директором – Г. Д. Толорая, заведующий сектором стран Восточной Азии Центра постсоветских исследований Института экономики РАН; председателем Президиума Научного совета НКИ БРИКС - академик РАН, директор Института Дальнего Востока РАН М. А. Титаренко. В 2012 году НКИ БРИКС начал выпуск на регулярной основе Бюллетеня, содержащего новейшую информацию и научно-аналитические данные о наиболее значимых отечественных и зарубежных публикациях по проблематике Содружества; в нем также публикуются текущие новости НКИ БРИКС, содержащие обзор предстоящих мероприятий в плане экономической и коммуникативной политики союзных государств – России, Китая, Индии, Бразилии и ЮАР.

В 2012 году на базе Факультета государственного управления МГУ им. В. М. Ломоносова был создан межфакультетский Координационный совет по исследованию проблем БРИКС, целью которого является просветительская и научно-исследовательская работа по проблематике развития экономик стран Содружества, в том числе – в аспекте изучения перспектив укрепления валютно-финансового союза, активное взаимодействие с университетскими структурами государств БРИКС.

Банковская система стран группы БРИКС состоит из значительного комплекса государственных и коммерческих банков, включающих банки с участием иностранного капитала и оффшорные банки. При этом основная доля в банковском секторе национальных финансовых рынков стран БРИКС принадлежит государственным банкам, которые занимают лидирующие позиции по капитализации активов и пассивов, выраженных в больших размерах кредитования и привлечения денежных средств. Общая проблема банковской системы БРИКС – недостаток ресурсов для кредитования; впрочем данная ситуация существенно варьирует по разным странам.

Важная перспективная задача государств группы БРИКС – формирование и развитие собственной независимой пла-

тежной системы, интегрирующей национальные платежные системы стран Содружества. Именно такая эффективная платежная система позволит обеспечить продвижение национальных валют БРИКС на мировой финансовый рынок, которые станут средством международных платежей и расчетов. Необходимость скорейшего создания общей независимой и стабильной платежной системы БРИКС обусловлена тем обстоятельством, что доля стран Содружества в мировой экономической системе существенно выросла, при этом роль финансовых институтов Содружества в мировой валютной системе в настоящее время не соответствует занимаемому месту в глобальной экономике XXI в. Переход на расчеты в национальных валютах имеет для стран БРИКС ряд существенных преимуществ: взаиморасчеты и кредитные линии в национальных валютах способствуют снижению валютных рисков, сокращению издержек при осуществлении торгово-экономических операций и оказывают благоприятное воздействие на процесс реализации долгосрочных инновационных проектов. В настоящее время началась реализация проекта создания межнациональной единой платежной системы – ЕПС стран БРИКС, которая призвана повысить роль финансовых институтов Содружества на глобальном финансово-экономическом рынке. Формирование ЕПС стран БРИКС осуществляется на базе создания единой Клиринговой системы: с 2008 г. Китай успешно использует Клиринговую систему валютных платежей – China's Domestic Foreign Currency System, а в Российской Федерации успешно функционирует Национальный Клиринговый центр – НКЦ. Государства БРИКС имеют возможность постепенного перехода на расчеты по взаимным платежам в национальных валютах на базе межнациональной системы клиринга.

Укреплению валютно-финансового союза государств БРИКС будет способствовать сфера увеличения их экономического и технологического взаимодействия. Взаимопроникновение экономик, развитие совместных научно-исследовательских проектов является обязательным условием для создания полноценного механизма функционирования валютно-финансового союза; необходимо расширение сотрудничества по многим направлениям – банковскому, промышленному, научному, кадровому, торговому и др.

Современная мировая валютная система организована таким образом, что в первую очередь обеспечивает реализацию интересов группы Западных стран – США, Канады, Австралии, Евросоюза и др. При этом данные ведущие игроки на глобальном финансовом рынке оказывают противодействие странам БРИКС, стремящимся выйти в международное финансово-экономическое пространство со своими национальными валютами. Данная модель мировой финансовой системы не отвечает интересам развивающихся стран Содружества; соответственно государства БРИКС намерены предпринять ряд последовательных шагов по укреплению своих позиций в системе международной валютно-финансовой архитектуры. Первым шагом на пути эффективного решения вопроса валютной интеграции должно стать формирование независимой платежной системы БРИКС, построенной на основе использования национальных валют. Следующий шаг – создание единой валютно-финансовой системы БРИКС, которая была бы защищена от негативного воздействия конкурирующих стран Запада. На встрече представителей стран БРИКС в сентябре 2013 года в Санкт-Петербурге, состоявшейся накануне Саммита G20 было принято принципиальное решение о создании межнациональных валютно-финансовых организаций БРИКС.

Формирование эффективного валютно-финансового интеграционного союза государств БРИКС предполагает масштаб-

ное финансовое участие в нем стран Содружества. В то же время создание и успешное функционирование нового валютно-финансового механизма позволит решить проблемы обслуживания взаимного внешнеторгового оборота в национальных валютах, а также добиться снижения влияния внешних негативных факторов на экономику БРИКС, что естественно создаст объективные условия для усиления роли государств Содружества в глобальной финансово-экономической системе и станет критерием привлечения дополнительных инвестиций. Одной из важнейших задач валютно-финансового союза стран БРИКС является сглаживание наиболее острых экономических проблем и дисбалансов международной финансово-экономической системы. В дальнейшем, по мере успешной реализации данного проекта, страны БРИКС намерены создавать резервы (либо их часть) в национальных валютах, что должно снизить зависимость экономик Содружества от мировой валютной системы, построенной на базе доллара. В настоящее время в сфере бизнес-сообщества государств БРИКС обсуждается вопрос использования российского рубля во взаимных расчетах.

На втором этапе создания валютно-финансового союза стран БРИКС будет сформирована его основная институционально-функциональная структура. Главным органом управления валютно-финансовым союзом стран БРИКС должен стать Управляющий Совет, формируемый из членов правительств Государств Содружества и представителей финансовых регуляторов.

В то же время процесс институционализации валютно-финансового Союза стран БРИКС сталкивается и с проблемными моментами, обусловленными воздействием таких факторов, как существенные различия в построении национальных валютно-финансовых систем. Так финансовые системы Российской Федерации, ЮАР и Бразилии являются более открытыми, чем аналогичные системы Индии и Китая. Кроме того, существуют определенные различия во взглядах представителей бизнес-сообщества и государственных управленцев стран БРИКС на вопросы доминирования отдельных национальных валют во взаимных расчетах [15. С. 71.].

В настоящее время фондовый рынок государств БРИКС имеет достаточно высокий уровень развития, обладает современной инфраструктурой и является привлекательным для глобальных инвесторов. Высокая доходность и ликвидность являются его конкурентными преимуществами. Национальные валютно-финансовые рынки стран БРИКС стали в то же время и глобальными торговыми площадками, на которых размещаются активы таких крупнейших транснациональных банков, как HSBC, Citigroup, UBS и др.

На Третьем саммите стран БРИКС, проходившем в китайском городе Санья на острове Хайнань в апреле 2011 года члены БРИКС отметили в итоговой Декларации, что выступают за последовательное реформирование международной валютной системы, считая, что такая основанная исключительно на долларе система является неадекватной. Члены БРИКС предложили расширить валютную поддержку специальных прав заимствований (SDR) международного валютного фонда (МВФ). В настоящее время единственным реальным кандидатом из всех валют стран БРИКС, который может быть включен в корзину (SDR), является китайский юань, но на данном этапе развития своей финансовой системы Китай не разрешает его свободную конвертацию.

Ряд серьезных шагов по снижению зависимости стран БРИКС от доллара был сделан в период 2009-2010 годов, когда государственные банки стран Содружества – Внешэкономбанк России, Банк развития Бразилии, Банк развития Китая, Экспортно-импортный банк Индии и Банк развития Южной Африки – заключили комплекс рамочных соглашений о

взаимном кредитовании в национальных валютах. Члены БРИКС стремятся уходить от долларовых расчетов во взаимной торговле, а банки развития Содружества подписали «Соглашение о кредитовании перспективных совместных проектов в национальных валютах». Глава ВЭБа В.Дмитриев уточнил при этом, что речь идет о предоставлении взаимных кредитов, гарантиях по кредитам и сотрудничестве в инвестиционных проектах. Государства БРИКС сформировали Фонд финансовой помощи путем объединения золотовалютных резервов на сумму размером в 240 млрд. долларов [27].

Премьер-министр России Д. А. Медведев, говоря о необходимости развивать кредитование совместных проектов в национальных валютах стран БРИКС, в частности отметил: «В этом есть целый набор выгод, всем известных, в том числе и меньшая зависимость от колебаний курсов резервных валют, лучшие возможности адаптации к возможностям национальных экономик, и так далее. Поэтому я считаю, что мы могли бы такую систему продумать для расчетов со всеми государствами-участниками БРИКС». Данное Соглашение дает возможность осуществить постепенный переход торговли между странами БРИКС на национальные валюты, что, исходя из значительного объема их экономик и мощи финансовых систем, будет способствовать решению масштабной политической задачи – повышению статуса рубля, юаня, реала, рупии и ранда, укреплению их позиций в международном финансово-экономическом пространстве. При этом наиболее основательно продвигает подобный стратегический проект Китай, который поставил своей целью значительное укрепление роли юаня в мире.

Китай, обладающий в настоящее время наиболее высокими запасами долларов США и долговых обязательств американского казначейства, предложил странам группы БРИКС расширить проведение расчетов при взаимной торговле в национальных валютах, а также усилить взаимное кредитование и продвижение долгосрочных инвестиционных проектов. В контексте данного предложения был подписан «Меморандум о сотрудничестве государственных финансовых институтов развития стран БРИКС». В настоящее время фундаментальные макроэкономические показатели БРИКС создают объективную возможность перехода к последовательному формированию и успешному функционированию единой валютно-финансовой системы стран Содружества.

Происходит неуклонное увеличение объема внешней торговли стран группы БРИКС: так, за период 2000-2013 гг. доля государств Содружества в общемировом товарообороте повысилась в 2-3 раза и достигла 15,4 %. Постоянно увеличивается динамика роста прямых иностранных инвестиций в экономики стран БРИКС, что является значимым макроэкономическим показателем, характеризующим большую величину потенциала национальных валют стран Содружества для выполнения ими перспективной роли средств международных расчетов и платежей. Государства-члены БРИКС выступают за реформирование международной валютной системы, в том числе за расширение валютной корзины, специальных прав заимствования (SDR) Международного Валютного Фонда.

Банк развития Китая осуществляет активную политику поддержки финансовой системы стран БРИКС. Так, на Третьем саммите государств содружества в апреле 2011 года Глава Банка развития Китая Чэнь Юань заявил, что данный финансовый институт предполагает выделить странам-участникам БРИКС кредитов на общую сумму в 10 млрд. юаней (т. е. более 1,5 млрд.долларов. При этом основным получателем этих кредитов будет Российская Федерация, которая особенно нуждается в долгосрочных инвестициях, необходимых для глубокой модернизации экономики и научно-производственной

сферы: «Нам сейчас больше всего интересны операции рубль-юань, поскольку у нас с Россией общая граница. От перевода торговли на национальную валюту мы можем получить существенную выгоду», – подчеркнул Чэнь Юань. Пекин проводит последовательную политику укрепления присутствия юаня на российском финансовом рынке. В ноябре 2010 года по итогам встречи В. В. Путина и премьер-министра КНР Вэнь Цзябао было внесено изменение в российско-китайское «Соглашение о торговле» 1992 года и сняты законодательные ограничения на торговлю в национальной валюте. В результате 22 ноября 2010 года российский рубль начал торговаться на валютной бирже КНР, став 7-й по счету национальной валютой, допущенной к торгам на платформе China Foreign Exchange Trade System, а с 15 декабря того же года российская биржа ММВБ начала проводить торги валютной парой юань-рубль [28].

Российская Федерация и КНР в настоящее время взяли долгосрочный курс на перевод многих аспектов двусторонней торговли на национальные валюты, что имеет большие финансово-экономические перспективы. В контексте данного подхода находится план торговли российской нефтью за юани, урегулирование возникшего долга китайской CNPC перед «Роснефтью», планы закупки Россией китайских буровых установок и ряд других торгово-экономических проектов. Большой интерес к китайской национальной валюте проявляет ВЭБ, осуществляющий заимствование юаней в Гонконге, где низкая ставка по займам, что дает возможность при помощи Банка развития Китая получить конвертируемую валюту через валютный своп.

В то же время предоставление займов в национальной валюте регулируется отдельными двусторонними кредитными соглашениями, заключенными между банками России и Китая, являющимися участниками данного межбанковского механизма. Современные российские компании интересует возможность выпуска облигаций в юанях, по примеру юаневых облигаций, выпускаемых ВТБ в Гонконге.

Китай проводит политику масштабного кредитования стран БРИКС – по данным Bloomberg им было выдано 38 млрд. долларов государствам Содружества, значительная часть которых предоставлена Российской Федерации. Китай стремится создать альтернативу доллару в целях защиты своих финансовых резервов и диверсификации финансово-экономических рынков.

КНР создает собственный «Азиатский банк инфраструктурных инвестиций» с капиталом в 100 млрд. долларов, который стал существенной частью его современной финансовой инфраструктуры. На многих направлениях инвестиционной деятельности он может работать параллельно с Банком развития БРИКС.

В феврале 2013 года в Москве состоялась встреча Президента России В. В. Путина с Министром иностранных дел КНР Ян Цзечи, на которой было отмечено, что развитие российско-китайского стратегического взаимодействия и партнерского сотрудничества в инвестиционно-финансовой сфере является важным направлением формирования экономического пространства БРИКС. Президент России В. В. Путин и Министр иностранных дел КНР Ян Цзечи высоко оценили достигнутые сторонами позитивные результаты на всех направлениях сотрудничества – в рамках взаимодействия в системе БРИКС, ШОС и «Группы двадцати», в плане формирования институциональной основы финансового рынка БРИКС, в области проведения научно-исследовательских работ в сфере совершенствования деятельности финансовых институтов стран Содружества.

На конец марта 2012 года общий объем накопленных индийских инвестиций в экономику России составил более 2,5 млрд. долларов, в основном – в качестве

прямых финансовых инвестиций. В ноябре 2011 года в Москве прошел Российско-Индийский Форум по торговле и инвестициям, на котором представители бизнес-сообществ двух стран обсудили вопросы дальнейшего развития финансово-экономического сотрудничества, новые перспективные инвестиционные проекты, научно-исследовательские программы в области инновационной модернизации банковской системы и др.

20 февраля 2013 года Премьер-министр России Д. А. Медведев и Вице-президент Бразилии Мишел Темер провели 6-е заседание Российско-Бразильской Комиссии высокого уровня по сотрудничеству, на котором обсуждались вопросы развития двусторонних отношений в области торговли, инвестиций, энергетики, обороны, научно-технического взаимодействия и просвещения. При этом было подписано «Соглашение о торговле сельскохозяйственной продукцией», а также Протокол о приобретении бразильской стороной у Российской Федерации новейших комплексов противоракетной обороны с передачей соответствующих технологий. На состоявшейся в рамках Совещания Российско-Бразильской Комиссии по сотрудничеству встрече Президента Бразилии Дилмы Роусефф и Премьер-министра России Д. А. Медведева было достигнуто взаимопонимание в отношении вопросов дальнейшего развития двусторонних отношений и партнерского взаимодействия в сфере финансово-экономического сотрудничества, формирования институциональной основы банковской системы БРИКС. В настоящее время в регионе Латинской Америки происходит образование нового центра многополярного мира, активно развиваются интеграционные процессы, финансовые системы латиноамериканских государств все более интенсивно участвуют в работе международных финансовых организаций, становятся компонентом глобального инвестиционного рынка.

Банк развития БРИКС будет проводить последовательную политику создания финансовой инфраструктуры Содружества, которая бы соединила страны БРИКС с другими развивающимися рынками и способствовала интеграции «новых экономик» в глобальное финансово-хозяйственное пространство. Создание собственного финансового института переводит БРИКС из категории чисто консультативного органа в разряд действенного объединения ведущих государств мира.

В настоящее время практически все страны БРИКС нуждаются в модернизации инфраструктуры экономики и финансовой системы, в повышении уровня наукоемкости и технологичности банковского сектора. Долгосрочная программа деятельности нового Банка развития БРИКС будет направлена на создание условий для решения именно этой задачи, – идеология Банка развития заключается в существенном переформатировании сложившейся в 1950-1960-е гг. мировой финансовой системы и во многом уже не отвечающей современным финансово-экономическим реалиям, содержащей в своей основе комплекс неоправданных преференций для стремящихся к экономическому и военно-политическому доминированию стран Запада, прежде всего – США и Евросоюза.

В настоящее время происходит формирование многоуровневой мировой финансовой архитектуры, включающей в себя как традиционные глобальные (МВФ и Всемирный банк), так и региональные финансовые институты (Национальные банки развития), а также возникшие на новом межрегиональном уровне банковские структуры – Банк развития БРИКС и Фонд международного резерва БРИКС [9].

Россия проявляет последовательную инициативу по расширению финансово-экономического сотрудничества стран БРИКС, стремится к максимально глубокой интеграции государств Содружества и к созданию высокоэффективной инно-

вационной банковской системы, позволяющей проводить масштабные инфраструктурные изменения, повышать общий уровень технологичности финансовых институтов БРИКС, выступать на международной арене в качестве одного из ведущих центров финансово-экономической силы, преодолевать негативные последствия мировых финансовых кризисов и политически ангажированных санкций стран Запада. Защитным механизмом финансовой системы БРИКС должен стать пул валютных резервов, который предназначен для совместного реагирования на глобальные экономические и политические вызовы. Как отметил заведующий кафедрой мировой экономики РЭА им. Плеханова член-корреспондент РАН Руслан Хасбулатов, в ближайшее время банк БРИКС сможет стать мировым финансовым центром и реальной альтернативой существующим глобальным кредитным организациям. «Банк развития БРИКС нужен миру. Чем больше подобных банков и чем больше стран будут их поддерживать, тем лучше. В БРИКС входят крупнейшие страны, так что специалисты в банке будут очень высокого класса, те, кто хорошо разбирается в джунглях мировых финансов. Мне кажется идея очень здравой. Это будет финансовое подбрюшье соглашений в рамках БРИКС» [17].

Масштабная инвестиционная деятельность нового Банка развития БРИКС способна в значительной степени смягчить негативное воздействие западных санкций на российскую экономику, стать стратегической альтернативой влиянию Европейского Банка реконструкции и развития (ЕБРР), Международного валютного фонда (МВФ) и др., стать действенным международным инструментом, который будет оказывать существенное влияние на мировые финансовые потоки [26].

Перед созданным Банком развития БРИКС сразу же возник целый комплекс серьезных организационных, финансовых и политических проблем: так, в условиях жесткой конкуренции на международном финансовом рынке новый финансовый институт должен будет приложить большие усилия, чтобы добиться признания, продемонстрировать высокий уровень компетенции, обеспечить значительный объем привлекаемого капитала. Без сомнения, на это потребуется немало времени и управленческих усилий со стороны государств БРИКС и их делового сообщества. Во всяком случае, до того момента, когда Банк развития БРИКС станет важным игроком на мировом экономическом рынке, составив конкуренцию западным финансовым институтам (например, Всемирному банку), Банку Содружества предстоит пройти стадию интенсивной структурной и идеологической институционализации, расширить коммуникационное пространство, создать систему научно-исследовательских финансовых центров. В настоящее время руководством финансовых структур Содружества проводятся консультации и переговоры по вопросу дальнейшей финансовой стратегии нового Банка развития БРИКС. Регистрация Банка развития БРИКС как полноценного субьекта международной валютно-финансовой деятельности даст ему возможность выхода на глобальный экономический рынок в качестве равного партнера ведущих западных банков и финансовых институтов.

Создание нового финансового института БРИКС международного масштаба, призванного обеспечить достойное место странам Содружества на глобальном финансово-экономическом рынке, – важный шаг на пути изменения международной финансовой архитектуры в сторону большего плюрализма и справедливости. В то же время, для обеспечения долгосрочного и благотворного функционирования Банка развития БРИКС от руководства государств Содружества и высшего менеджмента данного финансового института, акционеров и представителей научного экспертного сообщества требу-

ется выработка совместной стратегии развития, определение общих целей, конструктивное информационное взаимодействие, учет взаимных интересов в экономической и политической сферах. В ближайших планах институционального строительства валютно-финансовой системы стран БРИКС – создание Банка международных расчетов стран БРИКС (для платежей в национальных валютах) и Специального антикризисного фонда (размером в 240 млрд. долларов).

Создание валютно-финансового союза стран БРИКС должно проводиться в несколько этапов. Первый этап включает в себя подписание в июле 2014 года «Соглашения о создании Нового Банка развития БРИКС – НБР и Валютного фонда Содружества». Новый Банк развития БРИКС должен начать свою работу в период 2015-2016гг.; он будет специализироваться в основном на финансировании инфраструктурных проектов Содружества, направленных на обеспечение стабильного развития национальных экономик России, Индии, Китая, Бразилии и ЮАР.

Капитал Нового банка развития БРИКС будет формироваться из трех основных источников: финансовые средства государств-участников Содружества, средства и проценты, выплаченные по кредитам, иные финансовые поступления, принятие которых будет утверждено управляющим Советом НБР. На первоначальном этапе деятельности НБР его финансирование будет осуществляться за счет средств стран БРИКС; общие взаимные договоренности по данному вопросу уже достигнуты сторонами- учредителями. В процессе расширения деятельности Банка развития большая часть финансовых средств будет направлена в состав капитала кредитно-финансового института за счет погашения кредитов и выплаты по ним процентов. НБР на раннем этапе своей деятельности не будет являться полностью самоокупаемой финансовой структурой; страны-участницы БРИКС сохранят возможность прямого финансирования работы Банка за счет государственных и иных средств.

Валютный фонд БРИКС сформирован с целью регулирования сальдо платежных балансов государств Содружества, поддержания валютной ликвидности и защиты национальных валют от волатильности глобального финансового рынка. Таким образом, создание НБР и Валютного фонда стран БРИКС представляет собой часть первого этапа институционализации валютно-финансового интеграционного союза государств Содружества.

Президент России В. В. Путин на Пленарном заседании Шестого саммита БРИКС призвал страны Содружества продолжать свое взаимодействие в экономике и финансовой сфере. В целях дальнейшей интенсификации финасово-экономического взаимодействия государств БРИКС Россия подготовила перспективный проект «Стратегии многостороннего экономического сотрудничества стран БРИКС». Российской стороной также был подготовлен концептуальный документ, включающий базовые установки стратегии долгосрочного финансово-экономического сотрудничества государств Содружества – «Дорожная карта инвестиционного сотрудничества», включающая в себя свыше 40 проектов в различных областях взаимодействия – от высоких банковских технологий до научно-исследовательских программ в гуманитарной сфере.

В настоящее время странами БРИКС разрабатывается проект «Дорожной карты инвестиционного сотрудничества на перспективу до 2020-2030 гг.», которая должна стимулировать активизацию различных форм экономического и валютно-финансового взаимодействия государств Содружества, прежде всего – в сфере высокотехнологичного производства и инновационной институционализации банковской системы [21. С. 61]. Россия заинтересована в развитии долгосрочных финансово-экономических отношений со странами БРИКС, что имеет большую историческую перспективу: государства

Содружества располагают большим ресурсным и технологическим комплексом, обладают успешно развивающейся финансовой системой. Президент России В.В.Путин, говоря о перспективах развития БРИКС, отметил: «Речь идет о рынке почти с 3 миллиардами потребителей. Страны БРИКС располагают уникальными природосырьевыми ресурсами, весомым технологическим, финансовым и индустриальным потенциалом».

В настоящее время происходит формирование долгосрочного инновационного поведения компаний и промышленных отраслей БРИКС с целью повышения их конкурентоспособности; при этом большую роль играет инвестирование со стороны развивающейся и усиливающейся финансовой системы Содружества [22]. Финансовая инфраструктура БРИКС имеет большой перспективный потенциал развития. Так, по мнению многих российских и зарубежных институтов, суммарный объем экономик государств-участников БРИКС к середине XXI века превысит идентичный показатель «Большой семерки» индустриально развитых стран Запада, а банковская система государств Содружества будет по своим количественным и качественным характеристикам сопоставима с финансовой системой США и Европейского Союза.

В целях привлечения инвестиций в экономику стран БРИКС государства Содружества вводят более либеральное нормативно-правовое регулирование трансграничных финансовых операций и льготы в налоговой сфере, что открывает новые возможности для международных компаний, планирующих инвестиционные проекты в сфере экономик БРИКС. В настоящее время страны БРИКС достигли высокого уровня согласия в отношении финансового стимулирования реального сектора экономики, укрепления внутренних рынков и долгосрочных инвестиций в инфраструктуру, а также торговых и валютно-финансовых отношений как в формате Содружества, так и в отношениях с другими странами – США, Японией, Европейским Союзом [20].

Группа государств БРИКС в настоящее время обладает колоссальными природными ресурсами, значительным промышленным и научно-технологическим потенциалом, большим финансово-экономическим сектором, – на их территории проживает более 40 % населения земного шара, они обладают современными и эффективными государственно-политическими системами, позволяющими им претендовать на роль лидеров как в региональном, так и в мировом масштабе.

По состоянию на 2012 год на долю пяти стран БРИКС приходилось 25 % мирового ВВП (по паритету покупательной способности национальных валют), 30 % территории планеты. Экономики государств Содружества демонстрируют устойчивые темпы развития, происходит снижение темпов инфляции и рост ВВП, что свидетельствует о большом потенциале финансово-экономического развития [28. С. 11]. Группа стран БРИКС аккумулирует 40 % мировых золотовалютных резервов, странами Содружества реализуется 45 % глобальной торговли (по данным МВФ), а также показатели экономики БРИКС превышают аналогичные показатели Европейского Союза [32].

Соответственно, страны БРИКС в настоящий момент обладают значительным финансово-экономическим и военным потенциалом, который дает им возможность быть вполне самодостаточными в политическом, военно-технологическом и финансово-институциональном отношении. При этом они обладают реальной возможностью взаимного компенсирования экономических проблем, создания единого финансового пространства БРИКС.

Экономики государств-членов БРИКС стали значимой силой, противодействующей негативному воздействию мирового финансового кризиса 2008-2009 гг., благодаря конструктивному воздействию кото-

рых на ход процессов на международном финансовом рынке, удалось преодолеть последствия финансового кризиса и добиться роста мировой экономики. Институционализация финансовой системы БРИКС способствует совершенствованию механизмов управления глобальной экономикой, демократизации международного фондового рынка. В современном мире после финансовой депрессии произошло перераспределение экономических сил и политического влияния в пользу государств БРИКС, что привело к новому промышленному подъему и трансформациям глобальной финансовой системы [12. С. 154].

Глобальный финансовый кризис 2008-2009 гг. стал определенной проверкой на прочность финансово-экономической системы стран БРИКС, которая подтвердила обоснованность монетарной политики России и КНР, которая в качестве меры защиты от деструктивных внешних воздействий продемонстрировала создание крупных золото-валютных резервов. Таким образом мировой финансовый кризис стал своеобразным подтверждением органичной интеграции финансовой системы БРИКС в глобальную валютно-финансовую систему. Россия получает наиболее ощутимую выгоду от создания валютно-финансовых институтов БРИКС, поскольку это дает возможность укрепить партнерские отношения с государствами Содружества, получить существенный объем стабилизационных кредитов, осуществить диверсификацию своих рынков, продолжить модернизацию реального сектора экономики, поддержать высокотехнологичные отрасли промышленности.

Российская сторона в своей деятельности в системе государств БРИКС уделяет особое внимание развитию энергетического взаимодействия стран Содружества. Так, Россия предлагает в ближайшее время учредить Энергетическую Ассоциацию БРИКС, под эгидой которой должен действовать Резервный банк топлива, а также должен быть создан Институт энергетической политики БРИКС. Данные институциональные структуры финансово-экономической системы БРИКС призваны осуществлять скоординированное взаимовыгодное сотрудничество на сырьевых рынках, в том числе осуществлять выход и на мировой рынок сырья. Соответственно, государствами БРИКС запланировано дальнейшее расширение взаимодействия в горнодобывающей отрасли и в сфере переработки сырья.

В настоящее время происходит интенсивное и масштабное развитие взаимодействия государств БРИКС в сфере информационных технологий и телекоммуникаций. Перспективным проектом БРИКС является план совместного использования российской навигационной системы ГЛОНАСС. Эффективное и долгосрочное сотрудничество России и стран БРИКС в информационной сфере является одним из существенных системообразующих факторов финансово-экономического комплекса Содружества. Развитие современных банковских технологий в рамках финансовой системы БРИКС опирается на новейшие инновационные научные разработки межбанковского информационного взаимодействия, внедрение телекоммуникационного банковского сервиса.

В феврале 2013 года министр финансов ЮАР Правин Гордхан представил Парламенту страны Национальный план развития до 2030 года, положенный в основу государственного бюджета. В нем предполагается, в том числе, в рамках развития финансово-экономических отношений в системе БРИКС, максимальное использование экономического и социального потенциала страны, развитие инклюзивной экономики, расширение государственно-частного партнерства в финансово-инвестиционном секторе, совершенствование банковской инфраструктуры, повышение эффективности государственного управления и др. При этом правительством ЮАР запланирован комплекс реформ в области внешнеэкономической

деятельности, основной целью которых является задача способствовать южноафриканским банкам и другим финансовым структурам инвестировать в долгосрочные зарубежные проекты экономического и социального развития.

ЮАР, являющаяся страной-членом БРИКС, осуществляет комплекс мер направленных на реформирование системы регулирования инвестиций южно-африканских компаний за границей в рамках проекта интенсификации финансово-инвестиционного сотрудничества «Ворота Африки», целью которой определено создание более комфортных условий для банков и других финансовых институтов ЮАР, осуществляющих хозяйственную и инвестиционную деятельность на мировом экономическом рынке.

В настоящее время наблюдается последовательное увеличение финансово-экономического потенциала стран группы БРИКС, что создает долговременные условия для формирования прочного валютно-финансового и платежного союза государств Содружества, а также для продвижения их национальных валют на международный финансовый рынок. Новые валютно-финансовые институты, созданные странами БРИКС в 2009-2015гг. представляют собой значимый противовес современной глобальной долларoцентричной валютно-финансовой системе.

Таким образом, можно сделать вывод, что одним из факторов формирования БРИКС как мощной мировой финансово-экономической системы, является стремление государств Содружества найти собственное решение проблемы преодоления влияния негативных последствий нестабильности мировой системы управления глобальной экономикой, суть которого заключается в создании локализованного комплекса взаимозависимых стран, защищенного от внешних угроз в военно-политической и экономической сферах.

В настоящее время происходит последовательное усиление позиций России в БРИКС, что в определенной степени обусловлено развитием процесса финансово-экономической консолидации государств Содружества. Развернутая США и Евросоюзом санкционная кампания также является одним из факторов консолидации БРИКС – союзные государства стремятся к созданию собственной независимой от внешних угроз финансовой системы, способной обеспечить им «сейсмоустойчивость» в случае массированной экономической и информационной атаки со стороны Запада.

Таким образом, можно сделать вывод что возникновение БРИКС стало одним из важнейших геополитических событий начала XXI века, интенсифицировав процесс формирования новой глобальной социально-экономической и политической архитектуры в контексте утверждения идей многополярного мира.

В настоящее время происходит неуклонное и последовательное повышение роли стран БРИКС в системе международных финансово-экономических отношений, что, соответственно, оказывает существенное влияние и на мировую политику как в экономическом, так и в военном и научно-технологическом аспектах. Основная цель БРИКС – создание твердой политической и финансово-экономической основы для дальнейшего расширения сотрудничества и институционального роста, в том числе и банковской системы Содружества, в настоящее время достигнута.

В современных условиях последовательно развивается процесс усиления финансово-экономической и военно-политической консолидации стран группы БРИКС, при этом достаточно ярко проявляется своеобразный «эффект масштаба», когда объединение позиций по многим вопросам интеграции в глобальное финансовое и политическое пространство приносит реальную пользу не только отдельным участникам, но и всему содружеству БРИКС.

Использование национальных валют стран БРИКС при взаимных расчетах и

кредитовании инфраструктурных проектов будет способствовать увеличению инвестиционных потоков и снизит зависимость экономик Содружества от влияния глобального финансового рынка, постепенно полностью исключив применение доллара и евро во внутренних сделках БРИКС.

Важная перспективная задача, стоящая перед финансовой системой БРИКС в XXI веке – обеспечение высокого уровня надежности и стабильности банковского сектора, что позволит значительно укрепить позиции Содружества в глобальной экономике и политике.

Таким образом, создание совместных эффективных финансовых институтов в рамках БРИКС дает мощный импульс конструктивному экономическому и политическому сотрудничеству между странами Содружества. Успешное финансово-экономическое, институциональное и научно-техническое развитие стран БРИКС в XXI веке создает реальную основу будущего многополярного мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 4 декабря 2014 г. // Президент России. Официальный сайт. – http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443/page/3

2. Медведев Д. А.: Реформа мировой финансовой системы не учитывает роли БРИКС // РБК. 29.03.2012. – http://top.rbc.ru/economics/29/03/2012/643966.shtml

3. Никонов В. А. Пробуждение БРИК. 01.10.2009. – URL: mid.ru/bdomp/brics.nsf/nikonov.doc

4. Декларация, принятая по итогам Саммита БРИКС (г. Санья, о Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 года) // Информационный портал МИД РФ «Россия в БРИКС». – http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBsamBric/9AF718AA83D590FAC32578720022EB1A

5. Делийская декларация (принята по итогам 1У саммита БРИКС) // Информационный портал МИД РФ «Россия в БРИКС». – http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/1DB82FF3745BA8FE442579D5004778E6

6. Совместное заявление глав государств и правительств стран-участниц Второго саммита БРИК (г. Бразилиа, 15 апреля 2010 года) // Информационный портал МИД РФ «Россия в БРИКС». – http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBsamBric/8B8AE397B54634E7C325780900468661

7. Совместное заявление стран БРИК по глобальной продовольственной безопасности. Екатеринбург, 16 июня 2009 г. // Президент России. Официальный сайт. – http://special.kremlin.ru/supplement/61

8. Меморандум о сотрудничестве фининститутов БРИК подписан в Бразилии // РИА Новости. – http//ria.ru/economy/20100416/222881639. html#i[zz3SOEzftc

9. Арапова Е. Итоги саммита БРИКС: новый уровень мировой финансовой системы // Портал МГИМО. 17.07.14. – http://www.mgimo.ru/news/experts/document 258340.phtml

10. Баранчик Ю.В. БРИКС: на пороге создания альтернативной мировой финансовой системы // Materik.ru. Информационно-аналитический портал постсоветского пространства. 17.07. 2014. – http://www.materik.ru/pda/rubric/detail.php?ID=18132

11. Бухарин В. В. О БРИКС: Электронная публикация // Факультет государственного управления. – http://www.spa.msu.ru/page_303.html.

12. Вергун А. Н. Сотрудничество стран БРИКС как новый формат интеграционного процесса // Вестник МГИМО. – 2013. – № 5(32). – С. 153-161.

13. Давыдов В.М. Особенности сотрудничества в формате БРИК и роль России //

Информационный портал МИД РФ «Россия в БРИКС». – http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/CF0C12E70D1063B6C3257859005A829C

14. «Единая Россия» создает единое партийное измерение БРИКС // Официальный сайт партии «Единая Россия». Пермский край. Региональное отделение. – http://permkrai.er.ru/news/2014/4/28/edinaya-rossia-sozdaet-edinoe-partijnoe-izmerenie-briks/

15. Звонова Е. А. Возможности формирования механизмов перехода к валютно-финансовому союзу стран БРИКС // Вестник финансового университета. – 2014. – № 5. – С. 63-72.

16. Зименков Р. И. США – страны БРИКС: торгово-экономические отношения // Российский внешнеэкономический Вестник. – 2012. – № 12. – С.

17. Иванов А. Доллар обходят с флангов. Страны БРИКС предлагают миру альтернативную финансовую систему // Свободная пресса. 03.07.2014. – http://svpressa.ru/economy/article/91573/

18. Комплексный системный анализ, математическое моделирование стран БРИКС: предварительные результаты. – М., 2014.

19. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 9 февраля 2013 года // МИД РФ. – http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/D23D45D62C00F78E44257B35002ACD50

20. Либич Михаэль Страны БРИК: на пути новой экономической модели // Перспективы: Сетевое издание Центра исследований и аналитики «Фонд исторической перспективы», 2009. – http://www.perspektivy.info/book/

21. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики - взаимодействие в БРИКС / Отв. ред. С. П. Глинкина; колл. авторов; Институт экономики РАН. – М., 2014.

22. Петененко И. А. Инновационное поведение корпораций стран БРИКС: необходимость и возможность формирования // Вестник Томского государственного университета. Серия: Экономика. – 2012. – № 4(20). – С. 7-17.

23. Прексин О. М. Финансово-банковская повестка глобальных лидеров с позиции бизнеса стран развивающихся экономик // Деньги и кредит. – 2014. – № 10. – С.11-17.

24. Саммит БРИКС в ЮАР (27 марта 2013 года, Дурбан), Этеквинская Декларация и Этеквинский План действий // РФГС.РУ. Регулирование финансовой и банковской систем. – http://rfbs.ru/view/756/1/

25. Саммит БРИКС в ЮАР // РИА Новости. 27.03.2013

26. Стариков Н. БРИКС наносит удар по валютно-финансовой системе США. – akvaland.ru

27. Страны БРИКС формируют Фонд финансовой помощи // БРИКС станет новым мировым банкиром. 16.12.2012. – http://thediplomat.com/indian-decade/2012/11/27/brics-the-worlds-new-banker/

28. Фомин А. Н. Итоги саммита БРИКС. Аналитический доклад. – М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2011. – С. 11. – www.csef.ru

29. Шавшуков В. М. Развивающиеся рынки стран БРИКС в системе глобальных финансов // Вестник СПбГУ. Сер. 5. – 2012. – Вып. 1. – С. 119-135.

30. Goldman Sashs. Global Economics Paper. – № 66 / Jim O'Neill. Building Better Global Economic BRICs.

31. Goldman Sashs.Global Economics Paper. – № 99 / Dominic Wilson, Roopa Purushothaman.Dreaming With BRICs: The Path to 2050.

32. Coldman Sachs. Dominic Wilson, Contantin Burgi, Stacy Carlson. A Progress Report on the Building of the BRICs. – July 22, 2011.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ФСИН РОССИИ
г. МОСКВА

УДК 334.012
ББК 65.432
Экономические науки:
Экономика и управление народным хозяйством

экономика

УПРАВЛЕНИЕ ГОСТИНИЧНЫМ ПРОДУКТОМ

Кандидат экономических наук А. В. Моргунов

В статье рассматривается вопрос управления гостиничным продуктом на основе потребностей клиентов. Кроме того освещается позиция гостиничного продукта на основе его качественных, ценовых и других преимуществ и особенностей перед аналогичными характеристиками продуктов конкурентов. В статье раскрывается понятие позиционирования, а также отражаются его этапы для решения соответствующих задач.

Ключевые слова
Менеджер, маркетинг, гостиничный продукт, конкурентное преимущество, позиционирование, этапы позиционирования, гостиничный менеджмент, инфраструктура, карта позиционирования, отель

Решая задачу выбора своего целевого рынка, менеджеры и маркетологи гостиницы, как правило, изучают аналогичные продукты отелей-конкурентов, что помогает лучше оценить возможности проникновения на рынок данных продуктовых рядов и сформировать мероприятия успешного их освоения. Определение потребностей клиентов и места конкретных гостиничных продуктов на рынке по отношению к уже существующим продуктам называется операцией позиционирования. Ключевая задача гостиничного менеджмента – максимальное приближение характеристик продуктов к требованиям клиентов. Для этого необходимо осуществить выбор таких параметров продукта и соответствующих элементов комплекса маркетинга, которые могут обеспечить ему конкурентные преимущества [1].

Позиция гостиничного продукта на рынке определяется на основе выявления его качественных, ценовых и других преимуществ и особенностей перед аналогичными характеристиками продуктов конкурентов [2]. В качестве параметров, описывающих позиционирование, выбирают те, которые имеют наибольшую важность для потребителя. В результате последующего ранжирования и оптимизации продуктовых рядов будут сформированы конкурентные преимущества. Чем большим весом обладает заданное конкурентное преимущество с точки зрения потребителя, тем более эффективным может оказаться позиционирование. Например, в гостиничном бизнесе основными конкурентными преимуществами отеля могут являться его местоположение, историческая ценность здания, отличное или близкое к идеальному состо-

яние материально-технической базы, высокий уровень качества обслуживания, широкий спектр предоставляемых услуг, относительно низкий уровень цен и т. д. Так, например, констатируется, что данный отель имеет преимущество по местоположению по сравнению с отелями-конкурентами, если он расположен в центре города, или находится вблизи делового центра с хорошо развитой инфраструктурой, рядом с выставочным комплексом и т. д. Отель, предлагающий свои услуги по ценам ниже, чем у конкурентов, имеет ценовое конкурентное преимущество, которое гостиничный менеджмент определил на основе сравнения качества своих услуг с аналогичными показателями отелей-конкурентов, определил модель ценообразования предоставляемых услуг и постоянного совершенствования принятия тактических ценовых решений с учетом анализа имитационных данных моделирования и реализуемых стратегий. Основным же источником различий в позиционировании отеля на рынке, как показывает практика, является соотношение между ценой и качеством предоставляемых услуг. Это два ключевых параметра, влияющих на принятие решений потребителем относительно выбора отеля. Их же можно использовать при построении карт позиционирования продуктов различных отелей на рынке.

Позиционирование обычно проводится в четыре этапа:

• определение возможных конкурентных преимуществ, на которых можно основывать позицию продукта своего отеля, проведение их ранжирования с целью определения приоритетности;

• составление перечня конкурирующих гостиничных продуктов, обладающих аналогичными конкурентными преимуществами;

• выбор оптимального набора конкурентных преимуществ, а также эффективных инструментов информирования о них рынка;

• продвижение выбранной позиции продукта (набора конкурентных преимуществ) на целевой рынок.

Для достижения целей правильного позиционирования и завоевания прочных позиций в конкурентной борьбе гостиничному менеджменту необходимо уметь проводить дифференциацию своих продуктов и услуг для выявления характеристик, способных отличить их от конкурирующих.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кабушкин Н. И., Бондаренко Г. А. Менеджмент гостиниц и ресторанов: Учеб. пособие. – 2-е изд. – Мн.: Новое знание, 2001. – 216 с.

2. Саак А. Э., Якименко М. В. Менеджмент в индустрии гостеприимства (гостиницы и рестораны). – СПБ.: Экономика, 2012. – С. 211.

УДК 343.235.9
ББК 67.518.8
Уголовное право

криминология

юриспруденция

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРЕВЕНЦИЯ ГРУППОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПОДРОСТКАМИ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Г. Ю. Аликумова

В представленной статье рассматриваются криминологические особенности и превенция групповых преступлений, совершаемых подростками в состоянии опьянения, рассмотрены основные тенденции преступности несовершеннолетних, совершаемой в состоянии опьянения.

Ключевые слова
Причины и условия преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, криминологическая характеристика, личность несовершеннолетнего преступника, превенция преступлений

Проблема предупреждения преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, всегда была актуальной для российского общества. Но в последнее время в связи с возросшим уровнем алкоголизации и наркотизации населения и качественной трансформацией криминального насилия она приобрела настолько выраженный и острый характер, что может рассматриваться как одно из важнейших направлений обеспечения национальной безопасности страны.

Вызывает особую тревогу повышение уровня наркотизации несовершеннолетних и молодежи. Эксперты отмечают прогрессирующую тенденцию «омоложения» наркомании[1].

Прослеживающаяся тенденция увеличения количества лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ, является порождающим фактором, оказывающим непосредственное воздействие как на наркопреступность, так и на количество преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения[2]. Кроме того, незаконный оборот наркотиков является одним из наиболее опасных видов организованной преступности, тесно связанной с коррупцией. Он обеспечивает криминальное накопление капитала, легализация которого может привести к криминализации экономики и власти[3].

Подчеркивая решающую роль потребления алкоголя и наркотиков в механизме совершения подросткового преступления, Т. М. Судакова выделяет два его типа: преступление, совершаемое потребителями психоактивных веществ с целью приобретения средств на них (деяние корыстной или корыстно-насильственной направленности); преступление, совершаемое под воздействием особого состояния,

вызванного фактом употребления наркотика или алкоголя. Это, как правило, насильственное преступление, обусловленное особым состоянием психики потребителя[4].

В рамках поиска эффективных мер уголовно-правовой превенции преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, теоретически и практически значимым является изучение групповых преступлений, совершаемых подростками в состоянии опьянения, а не в целях получения средств на их приобретение. Ибо именно опьянение несовершеннолетнего является фактором, переводящим подростковое преступление на более высокий уровень общественной опасности.

В механизме групповой подростковой преступности употребление психоактивных веществ является одним из ее определяющих детерминационных факторов.

По экспертным оценкам, более 25 % деяний, совершаемых в состоянии опьянения, приходится на долю лиц, не достигших 18 лет. При этом 75 % таких преступлений имеют групповой характер[5].

Криминогенные качества алкогольной и наркотической интоксикации многократно увеличиваются при совершении группового преступления.

Их повышенная общественная опасность объясняется «расплывчатостью» мотивации действий.

Групповой способ предполагает разнообразие применяемых методов и соответственно легкость достижения криминальной цели. С психологической точки зрения групповая «пьяная» преступность несовершеннолетних имеет высокий уровень «криминальной зараженности». Как ни в одном другом сегменте ювенальной юстиции, здесь срабатывает механизм «подражания»: в отсутствие необходимого социального контроля и воспитательного воздействия преступление нетрезвых подростков воспринимается как образец поведения, «крутой» и смелый поступок.

Важно подчеркнуть, что употребление алкоголя, наркотических средств и других одурманивающих веществ в генезисе группового поведения подростков играет определяющую роль.

Негативное действие психоактивных веществ на поведение несовершеннолетнего объясняется особенностями его возрастной психологии и физиологии. Употребление алкоголя, наркотиков и одурманивающих веществ в раннем возрасте приводит к заметному снижению интеллектуального и волевого развития, застреванию переживаний на какой-либо стадии, быстрой физической и психической утомляемости, отсутствии осмысленности в действиях, невозможности сосредоточиться на чем-либо и др.[6]

Несовершеннолетние, как правило, действуют под влиянием ситуационно обусловленных импульсов, сиюминутного настроения или настроя окружения. Этим объясняется тот факт, при групповом совершении насильственных и корыстно-насильственных преступлений пьяные подростки в полной мере не осознают общественная опасность деяния, действуют под влиянием группы либо слепо следуют указаниям лидера.

Анализируя причины противоправного поведения подростков, специалисты нередко преувеличивают криминогенное значение группы. Как справедливо отмечает А. Н. Ильяшенко, «не среда ищет контакта с подростком, а подросток со средой. В общении с неблагополучными компаниями реализуются его собственные привычки и потребности, сложившееся ранее. Поэтому появление несовершеннолетнего в группе делинквентно ведущих себя подростков даже при отсутствии с его стороны поползновений на противоправный поступок следует расценивать как признак, указывающий на необходимость применения профилактических мер»[7].

Социальная опасность употребления психоактивных веществ состоит в том,

что оно получает наибольшее распространение или «моду» в группах трудновоспитуемых подростков и несовершеннолетних, склонных к делинквентному поведению, и может длиться довольно продолжительное время.

П. И. Сидоров и А. В. Митюхляев предложили систематизировать механизм алкоголизации и наркотизации подростков на основе следующей схемы: влияние группы сверстников ? жажда ощущения подъема, бодрости ? деформация, возникающая вследствие несформировавшихся жизненных установок ? срыв реактивности (падение сопротивления организма действию алкоголя и наркотиков)[8].

Вследствие деформации процесса социализации подростки начинают вести неконтролируемый и обособленный образ жизни. Это толкает их к вступлению в неформальные молодежные группы антисоциальной направленности. Даже не имея предварительного криминального опыта, такие подростки рано или поздно совершают преступления.

Как отмечает А. Н. Ильяшенко, «вхождение взрослых ранее судимых лиц в неформальную группу «трудных» подростков усиливает антиобщественную направленность группы в целом. Так, в досуге этих групп в 9 раз чаще встречается расправа над противниками, в 4,8 раз – совершение правонарушений и в 2,2 раза чаще – занятие сексом. … По утверждению каждого десятого несовершеннолетнего преступника, ранее судимый участник группы повышал решимость членов группы совершить преступление (11,6 %) и внушал уверенность членам группы в безнаказанности за совершенное преступление. 11,4 % указали, что в группе чаще всего прислушивались к мнению ранее судимых лиц, 43,6 % подростков совершили преступление совместно с судимыми лицами»[9].

Более того, 45 % подростков привлекаются к уголовной ответственности за совершение преступлений, аналогичных совершенным ранее судимыми лицами из их окружения[10].

Выявленные выше качества смешанных преступных групп подтверждают результаты опроса несовершеннолетних осужденных. 82 % опрошенных заявили, что совершали преступление совместно с взрослыми преступниками, с которыми их связывало неформальное общение. До совершения преступления 98% подростков употребляли с ними спиртные напитки и (или) наркотики: один раз – 10 %, систематически – 88 %. При этом при совершении преступления в состоянии опьянения находилось более 95% подростков-участников смешанных групп асоциальной направленности.

Полученные данные свидетельствуют об активной роли совершеннолетних в криминализации подростков. Она выражается не только в прививании навыков и приобщении к криминальной субкультуре, но в склонении несовершеннолетних к систематическому потреблению психоактивных веществ. Характерно, что в неформальных подростковых группах в систематическое употребление спиртных напитков вовлекается не один, а несколько подростков (в среднем 4-5 человек). Это обстоятельство лишний раз подтверждает общественную опасность смешанных групп и нуждается в тщательном анализе при разработке специальных мер превенции подростковой преступности.

Чтобы остановить деградацию подрастающего поколения необходимо в первую очередь реформировать и реализовать комплексную программу профилактики алкоголизма и наркотизации несовершеннолетних. К основным направлениям данной профилактики следует отнести: формирование в обществе негативного отношения к алкоголизму и наркомании и связанным с ней правонарушениям; организация и реализация мероприятий антинаркотической пропаганды; формирование у молодёжи знаний и навыков отказа от потребления спиртных напитков, нарко-

тиков, популяризация массовых видов спорта и вовлечение детей и подростков в систематические занятия физической культурой и спортом; формирование волонтёрского молодёжного антинаркотического движения[11].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Зелик В. А. Наркотизация несовершеннолетних – угроза национальной безопасности // Современные проблемы уголовной политики. Материалы V международной научно-практической конференции / Под ред А. Н. Ильяшенко. – Краснодар, 2014.

[2] Зелик В. А. Основные тенденции влияния незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ на преступность // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 104.

[3] Чапурко Т. М., Зелик В. А. О современных политико-правовых направлениях трансформации антикоррупционных действий в России // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. Российская криминологическая ассоциация. – Москва, 2015.

[4] Судакова Т. М. Криминологическая характеристика преступного поведения несовершеннолетних, употребляющих отдельные виды психоактивных веществ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 15.

[5] Сидоренко Э. Л. Некоторые проблемы уголовно-правовой оценки состояния опьянения виновного в теории и правоприменительной деятельности // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 61-64.

[6] Зелик В. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противостояния наркотизму в России: Дис. ... канд. юридич. наук. – Краснодар, 2001.

[7] Ильяшенко А. Н. Социальная среда в генезисе преступного поведения (особенности криминализации несовершеннолетних под влиянием социальной микросреды). – М., 2001. – С. 66.

[8] Сидоров П. И., Митюхляев А. В. Ранний алкоголизм / П. И. Сидоров, А. В. Митюхляев. – Архангельск: Изд. АГМД, 1999. – С. 306.

[9] Ильяшенко А. Н. Социальная среда в генезисе преступного поведения (особенности криминализации несовершеннолетних под влиянием социальной микросреды). – М., 2001. – С. 66.

[10] Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М., 1990. – С. 226.

[11] Зелик В. А. Наркотизация несовершеннолетних – угроза национальной безопасности // Современные проблемы уголовной политики. Материалы V международной научно-практической конференции / Под ред А. Н. Ильяшенко. – Краснодар, 2014.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ ИМЕНИ В. Я. КИКОТЯ
РЯЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

УДК 343.102
ББК 67.410.212
Право

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДГОТАВЛИВАЕМОМ, СОВЕРШАЕМОМ ЛИБО СОВЕРШЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Кандидат юридических наук Л. М. Бабкин
Кандидат юридических наук Н. Н. Лыткин
Кандидат юридических наук Г. С. Шкабин

В статье рассмотрены некоторые вопросы использования информации о преступлении для организации проведения оперативно-розыскных мероприятий и использования в доказывании по уголовному делу полученных результатов, при строгом соблюдении в этой деятельности прав и свобод граждан, организации взаимодействия по обнаружению и раскрытию преступлений, указана необходимость соблюдения определенных требований к материалам оперативно-розыскных мероприятий как к доказательствам, а именно: законные основания их получения, относимость этих сведений к конкретно рассматриваемому делу, допустимость их получения и правильность представления органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность в орган дознания, следователю или в суд.

Ключевые слова
Информация, закон, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, преступление, права и свободы граждан, уголовное судопроизводство

Проводимые в нашем государстве политические, социальные и экономические реформы сопровождаются усилением дестабилизирующего их фактора – увеличением количества совершаемых преступлений, иначе говоря, ростом преступности, в том числе организованной, проникающей в самые разнообразные области экономики, стремящейся повлиять на политическую обстановку как отдельных регионов, так и страны в целом, сращивающейся с коррупционированным чиновничьим аппаратом, что в итоге приводит к возникновению реальной угрозы для нашего общества, которое ожидает от своего государства и в первую очередь от его правоохранительных органов целенаправленного, оперативного и кардинального совершенствования и усиления борьбы с деяниями преступной направленности.

Существует несколько вариантов обнаружения признаков преступления, одним из которых являются материалы, собран-

ные по результатам служебной работы органов государства, имеющей своей направленностью обнаружение преступлений. И, прежде всего, данными материалами являются результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Согласно п. 36.1 ст. 5 УПК РФ результаты ОРД – это сведения, которые получены в строгом соответствии с Законом об ОРД, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда. Так, О. А. Косимов [1] абсолютно правильно указывает на то, что грамотно спланированное, организованное и осуществленное взаимодействие оперативно-розыскных подразделений и следователя дает возможность своевременно выявить и закрепить признаки деятельности преступной направленности, дать определенным проявлениям подобной деятельности точную и объективную правовую оценку, определить направления и необходимые мероприятия по закреплению доказательств, выбрать наиболее лучшую форму и момент использования результатов ОРД и тем самым создать основу для успешного и эффективного расследования уголовного дела. Согласно мнению Г. П. Химичевой включение в ч. 1 ст. 144 УПК РФ полномочий дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа по даче органам дознания обязательных для исполнения письменных поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) дает возможность, к примеру, легализовать получение объяснений, которые служат наиболее распространенным способом проверки сообщения о преступлении, хотя и не предусмотренных в УПК РФ [2].

Необходимо отметить, как правильно замечают Е. С. Дубоносов и А. Ю. Шумилов, проблемы, касающиеся использования результатов ОРД в процессе проверки заявлений и сообщений о преступлении своей актуальности не теряют на протяжении продолжительного времени [3]. При этом, как и в теории, так и на практике не имеется единообразного подхода к решению указанной проблематики. Объем решений, которые были предложены, является достаточно широким: от самых распространенных предложений, в соответствии с которыми необходимо использовать данные результаты сразу напрямую в качестве доказательств, как и с определенными оговорками либо так и без таковых до возможности их преобразования и формирования на их основе доказательственной базы [4].

Уголовное судопроизводство и ОРД представляют собой некое единство непроцессуального и процессуального проявлений. Это единство состоит не только в осуществлении следственных действий либо оперативно-розыскных мероприятий, то есть подразумевает не только процедурные вопросы, но и включает наряду с добычей информации ее применение, принятие решений как процессуального, так и оперативно-розыскного характера.

В ОРД при осуществлении даже одного ОРМ может быть достигнуто решение определенной оперативно-розыскной задачи, к примеру, выявление признаков преступления. При этом результатом будет служить полученная конкретная и достоверная информация о преступлении, достаточная для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, однако не обязательно, что подобная информация должна быть использована в уголовно-процессуальном порядке немедленно и в полном объеме, часть ее может быть перепроверена и предоставлена в последующем.

Результаты, полученные в ходе ОРД, имеют не просто процессуальное, но и свое самостоятельное оперативно-розыскное значение, о чем законодатель прямо указывает в ст. 11 Закона об ОРД. Так, в ч. 1 данной статьи говорится, что использование результатов ОРД возможно в целях

осуществления ОРМ по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступных деяний, выявлению и определению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Необходимо отметить, что в данном случае о процессуальном значении результатов ОРД говорится как о перспективе.

Надо иметь в виду, что «результаты ОРД в силу ее специфики не всегда могут иметь процессуальное значение и официально использоваться в уголовном судопроизводстве. Чаще, наоборот, они выступают лишь в качестве информации, которая может быть легализована в официальных следственных действиях и представлена как их результат. Это может быть вызвано причинами, связанными с реализацией оперативно-розыскного принципа конспирации, преимущественно негласных начал этой деятельности [5].

Межведомственная инструкция [6] дает определение результатам ОРД немного иначе, чем указывается в УПК РФ: фактические данные, полученные оперативными подразделениями в установленном законом об ОРД порядке, о признаках подготавливаемого, совершаемого либо совершенного преступления, о лицах, его подготавливающих, совершающих либо совершивших, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, а также о событиях или действиях, которые создают угрозу государственной, экономической, военной или экологической безопасности государства. В свете сказанного следует согласиться с В. И. Зажицким в том, что «если речь идет о фактических данных, то они должны соответствовать объективной действительности и не могут вызывать сомнения с точки зрения их достоверности. Однако не все результаты ОРД и не всегда можно признавать в качестве достоверных, поскольку их необходимо проверять при помощи других данных, и только по их совокупности можно с достаточной долей вероятности утверждать, что эти данные являются объективными и достоверными» [7].

Данные о подготавливаемом или совершаемом преступлении, как основании проведения ОРМ, следует рассматривать с учетом учения о неоконченном преступлении. Однако необходимо иметь ввиду, что эти данные могут быть неполными, предположительными, ориентирующими, неконкрет-ными, а порой и непроверяемыми, содержать относительную часть субъективизма, который исходит от предоставившего их источника. В определении Конституционного Суда РФ, как и в УПК РФ, отмечается, что результаты ОРД являются лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона об ОРД, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона. Оперативно-розыскные средства используются для проверки заявлений и сообщений о преступлении в тех случаях, когда это обусловлено целесообразностью скрыть факт начавшейся проверки, либо, когда другими способами осуществить ее, не представляется возможным.

Оперативно-розыскные мероприятия, не имея непосредственного доказательственного значения (пока не вовлечены в процесс способами, предусмотренными уголовно-процессуальным законом), содействуют доказыванию, помогая в обнаружении источников необходимой информации, в определении характера и тактики проведения процессуальных действий, в построении версий, определении направления проверки заявлений и сообщений о преступлении и расследования в целом.

Необходимо соблюсти следующие требования, предъявляемые к материалам оперативно-розыскных мероприятий как к доказательствам: наличие законных

оснований их получения (ст.ст. 6, 7, 8 Закона об ОРД); относимость сведений, зафиксированных на технических носителях информации; допустимость материалов, т. е. официальное представление материалов органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность в установленной форме; полное представление о том, как результаты оперативно-розыскного мероприятия введены в уголовное производство (постановление о приобщении и т. п.). В этой связи поддержки заслуживает позиция С. В. Воронцовой, по мнению которая такие требования «должны быть зафиксированы в уголовно-процессуальном законодательстве, что значительно расширило бы возможности реализации оперативной информации и возможности создания доказательственной базы дела» [8]. Безусловно, построение модели правового института использования результатов ОРД в уголовном процессе во многом зависит от истолкования понятия результатов ОРД. Последнее сегодня можно назвать уголовно-процессуальным, поскольку его истолкование находит отражение в тексте УПК РФ. Этот момент имеет важнейшее методологическое значение. Во-первых, самим фактом вкрапления «результатов ОРД» в нормативную уголовно-процессуальную терминологию заявляется важнейшее их (результатов) значение. Во-вторых, что результаты ОРД производятся «в соответствии с Законом об ОРД», то есть по оперативно-розыскной технологии. В-третьих, законодатель использует унифицированную терминологию «сведения», подчеркивая тем самым единую информационную природу результатов ОРД и доказательств.

Учитывая, что задачи оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности сами по себе достаточно схожи. Указанное сходство находит свое объяснение в едином информационном источнике данных видов информации (следами преступления). Помимо прочего, как обосновывает В. Ю. Мельников, если рассматривать содержание уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной информации относительно субъектов, от которых она исходит, то есть являющихся ее источником (в их усредненном состоянии), то содержательная разница вообще потеряет границы различия, отделения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной. Уголовное судопроизводство и оперативно-розыскная деятельность в доказательственной сущности не редко делают упор не на личность (индивидуальность), а на субъекта (усредненность), тем самым, достигая вытеснение человеческих нюансов (гениальность, талант, харизма и т. п.) за пределы процедуры и, тем самым уравнивая (выравнивая) познавательные возможности. При таком положении достигается балансировка познавательных возможностей субъектов и процедур, и сам собой возникает знак равенства между содержанием оперативно-розыскной информации и уголовно-процессуальными доказательствами в случае, если предмет исследования (предполагаемый факт) совпадает [9].

Как констатирует С. А. Шейфер, убедительность результата должна быть основана не только на методологии познания (процедуре), но и на определенном уровне информационного статуса субъекта, то есть на таком положении, в соответствии с которым данный субъект занимает в познавательной иерархии. С другой стороны, познавательный статус субъекта задается, в том числе, а может быть и в первую очередь, тем методом, которым субъект достигает поставленные перед ним цели [10].

Согласно нормы ст. 11 Закона об ОРД, результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, а в ст. 140 УПК РФ, прямо не предусмотрено, что оперативные сведения являются поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, однако, это подразумевается. Как в этой связи отме-

чает Ю. А. Аверина [11], подобными источниками являются сообщения конфидентов, выявление признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления при осуществлении ОРМ, результаты сопоставления (анализа) данных, которые указывают на признаки уголовно наказуемого деяния. В свете сказанного, документальным поводом (наряду с явкой с повинной и заявлением о преступлении) для возбуждения уголовного дела будет являться надлежаще оформленный рапорт об обнаружении признаков преступления, составленный должностным лицом, которое соответствующую информацию получило (ст. 143 УПК РФ).

Данные о преступлении, которые оформлены в соответствии с требованиями законодательства, могут быть самыми различными, при этом необходимо чтобы они были конкретизированными, то есть в своем основании имели точно определённый конкретный источник. В таком случае результаты ОРД, смогут обоснованно подтверждать наличие признаков уголовно-наказуемого деяния и быть оформлены рапортом, направленным конкретным должностным лицом, и выступать в качестве законного повода к возбуждению уголовного дела.

В соответствии с вышеуказанным, основой для формирования всех без исключения видов доказательств могут послужить грамотно, собранные в соответствии со всеми условиями закона результаты ОРД, а также послужить для создания предпосылок и условий для их установления. Основываясь на этом, данные, которые собрали в ходе производства ОРМ, сами по себе доказательствами не являются. Закон об ОРД в ст. 11 предусматривает возможность применения результатов ОРД при доказывании по уголовным делам согласно положениям УПК РФ, которые регулируют оценку, проверку и сам сбор доказательств, а ст. 89 УПК РФ указывает, что при доказывании строго запрещено использование результатов ОРД, в случае если они по каким-либо причинам не соответствуют требованиям, которые предъявляются к доказательствам согласно нормам уголовно-процессуального законодательства [12].

Исходя от особенностей закрепления в результатах оперативно-технического мероприятия полученных фактических данных, которые имеют значение для уголовного дела, они могут входить в уголовный процесс и применяться при доказывании в соответствии с различными процессуальными режимами.

Можно сделать вывод, согласно которому разграничение между доказательственной и непроцессуальной информацией происходит по двум основным критериям: соблюдение установленной процессуальной формы; соответствие источника информации требованиям, предъявляемым законом. Если информация не соответствует этим требованиям, она не может быть реализована в качестве доказательства по уголовному делу.

Необходимо отметить, что при нужных условиях интерпретация результатов ОРД может применяться в доказывании после их правомерного, с соблюдением всех условий закона, ввода в уголовное судопроизводство, отсюда следует, что требования, предъявляемые к материалам ОРМ как к доказательствам целесообразно зафиксировать в уголовно-процессуальном законодательстве. Это значительно расширит возможности использования результатов ОРД в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлении. Рапорт об обнаружении признаков преступления, составленный лицом, получившим соответствующую информацию, безусловно может служить документальным поводом для возбуждения уголовного дела. Результаты ОРД имеют не только процессуальное, но и самостоятельное оперативно-розыскное значение. Результаты ОРД могут быть использованы для проведения ОРМ, в ходе проведения которых осуществления происходит выявление, предуп-

реждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Косимов, О. А. Проблемы взаимодействия следователя с органами дознания на стадии возбуждения уголовного дела по материалам оперативно-розыскной деятельности // Российский следователь. – 2011. – № 12. – С. 35.

2. Химичева, Г. П. Уточнить процедуру доследственной проверки // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1. – С. 25.

3. Дубоносов, Е. С. Предоставление материалов оперативно-розыскной деятельности в суд. – М., 2012; Шумилов А. Ю. Предоставление материалов оперативно-розыскной деятельности в суд. – М., 2012.

4. Доля, Е. А. Правовое значение результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы уголовного процесса // Законность. – 2011. – № 4. – С. 16; Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография. – М.: Проспект, 2009. – С. 36.

5. Анисимов, О. Е. Теоретические аспекты правового регулирования легализации результатов ОРД для их использования в уголовном процессе // Российский следователь. – 2007. – № 2. – С. 38.

6. Приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

7. Зажицкий, В. И. Трудности представления результатов оперативно-розыскной деятельности властным участникам уголовного судопроизводства остаются // Российская юстиция. – 2008. – № 2. – С. 48.

8. Воронцова, С. В. Роль результатов оперативно-розыскной деятельности в формировании доказательств по уголовному делу // Российский следователь. – 2010. – № 3. – С. 24.

9. Мельников, В. Ю. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности как основания для задержания заподозренного лица // Российский следователь. – 2005. – № 11. – С. 7.

10. Шейфер, С.А. Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу // Гос. и право. – 1997. – № 9. – С. 58.

11. Аверина, Ю.А. Теория формальных доказательств и судебное правоприменение // Правоведение. – 2006. – № 5. – С. 235-236.

12. Фролова, Т. А. Закрепление результатов ОРД и передача их следственным органам и суду // Уголовный процесс. – 2008. – № 3. – С. 30.

УДК 342.731
ББК 67.400.4
Право: История государства и права

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ МОНАСТЫРЕЙ И МОНАШЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА

Кандидат исторических наук Ф. С. Кандыба

В работе исследуются особенности правового статуса монастырей и монашества как одного из важных институтов Православной Церкви, анализируется государственная политика в конфессиональной сфере, прослеживаются ее связи с внутриполитической ситуацией в стане и потребностями законодательного регулирования церковной деятельности.

Ключевые слова
Русская Православная Церковь, Святейший Правительствующий Синод, духовная консистория, духовенство, монастыри, монашество, монашеский подстриг, послушники, каноны, ставропигиальный монастырь, настоятель, наместник, лавра, церковная иерархия, архиерей, архимандрит, игумен, благочинный

В условиях активных преобразований в Российском государстве, при реализации задач создания правового государства и гражданского общества на новый виток развития выходят отношения церкви и государства. Особую актуальность приобретают вопросы правового регулирования церковно-государственных взаимоотношений. История этих взаимоотношений в России насчитывает уже более тысячи лет. Многовековая история России знает как периоды гармоничного взаимодействия светской власти с церковью, так и периоды кризисных состояний. Новые правовые нормы, регулирующие различные аспекты взаимоотношений церковных и государственных институтов, в том числе и правового статуса монастырей и монашества, вырабатывались зачастую как результат преодоления как внутригосударственных и внутрицерковных кризисов, как итог диалога, компромисса между светской и духовной властями. На нынешнем этапе развития общества юридическое наследие государственно-церковных отношений необходимо для интерпретации исторического развития права, а так же для осмысления и оценки его с современных позиций.

Вопросы правового регулирования отношений церкви и государства в нашей стране до сих пор привлекают внимание многих исследователей. В современной России наблюдается повышенный интерес к православию и другим традиционным конфессиям, увеличивается число верующих, возрождаются и открываются новые монастыри, Русская Православная Церковь претендует на особую роль и

место в обществе. С увеличением числа верующих, разрастанием церковных институтов, увеличивается и влияние церковного права на жизнь значительной части общества. Современные российские юристы, историки, политики при создании и реформировании законодательства в отношении государственного регулирования религиозной жизни не могут не учитывать многовекового опыта прошлых поколений. Для получения этих знаний, безусловно, следует обращаться к опыту законодательной деятельности Российской империи, особенно времени ее расцвета, приходящегося на XIX век, когда ее правовая система достигла определенного уровня зрелости и высокой юридической техники.

Особый интерес представляет изучение истории правового регулирования монашества как одного из важнейших институтов православной церкви. По определению известного дореволюционного знатока церковного права А. С. Павлова: «Оно есть продукт нравственного духа христианской религии, возбуждающего в некоторых случаях и в отдельных личностях стремление к высшему, идеально-нравственному совершенству, состоящему, по учению Христа, в полном отречении от благ мира и в самоотверженной преданности Богу» [4. С. 155]. Роль и значение этого института в церковной жизни, особенности развития его правого статуса, активное возрождение монашества в современной России, побуждают обратиться к историческому опыту его функционирования в дореволюционной России.

В соответствии с нормами церковного права монашество является особым церковным сословием, которое занимает промежуточное положение между мирянами и клириками. Монашество зарождается в Египте в IV веке, там же появляется и первый монастырь – киновия Св. Пахомия. В Восточной церкви монашеская жизнь была впервые урегулирована уставом св. Василия Великого, епископа города Кесарии в Малой Азии, правила установленные им для монастырей своей епархии и по сей день имеют важное значение для всего православного монашества. Устав Василия Великого суть монашеской жизни сводит к соблюдению трех религиозных обетов, приносимых при поступлении в монашество: 1) обет послушания духовному наставнику при полном отречении от собственной воли; 2) обет безбрачия; 3) обет нестяжательства, т. е. полного отказа от владения каким-либо имуществом. По степени выполнения этих обетов монахов разделяют на рясофорных, которые получают черные монашеские одежды как «залог будущих обетов монашества», и действительных монахов, которые приносят три вышеуказанных обета, принимают монашеский постриг и получают право ношения длинной черной мантии [5. С. 11].

Монахи делятся на манатейных и схимников обязанных более строгими обетами. Низшее положение в монастыре занимают послушники – лица, готовящиеся к принятию монашества. Традиционно срок такой подготовки был не менее трех лет. Каноны Византийской церкви не причисляют монахов к духовенству и во многих отношениях ставят в одно положение с мирянами [4. С. 157]. На Руси в условиях сословного феодального общества монахи и послушники традиционно рассматривались как часть духовного сословия. Законодательно этот подход закрепляется со времен Петра I.

В 1808 году в Российской империи насчитывалось 443 православных монастыря – 349 мужских и 94 женских. Численность монашествующих составляла 3118 человек, послушников – 1148. В течение XIX века количество монастырей увеличилось на 86,9 %. Быстрый рост числа монастырей начался при Николае I. Затем в 60 – 70-е годы, темпы снизились, а с 80-х годов число обителей, прежде всего женских, вновь стало увеличиваться. Наи-

больший рост пришелся на женские общины. В 1900 году в стране было 503 мужских и 325 женских обителей. Общая численность всех монашествующих и послушников составляла 58283 человека [7. С. 279].

Монастыри в Российской империи XIX века были одним из институтов православной Российской церкви и подчинялись верховной власти всероссийского императора и Святейшего Правительствующего Синода. Некоторые древние и особо почитаемые обители имели статус ставропигиальных, непосредственно подчиняясь Св. Синоду. В начале XIX века к этой группе относились восемь мужских монастырей. Донской, Заиконоспасский, Симонов, Новоспасский и Новоиерусалимский в Москве, Спасо-Преображенский на Соловецких островах, Ростовский Спасо-Яковлевский в Ярославской губернии и Крестовоздвиженский Бизюков в Смоленской, недалеко от города Дорогобужа. Настоятель Заиконоспасского монастыря одновременно являлся и ректором Московской духовной академии. С переносом в 1814 году духовной академии в Троице-Сергиеву лавру, это совмещение прекратилось [3. С. 13].

Крестовоздвиженский Бизюков монастырь в 1803 году упразднили, а насельников его перевели в Новогригорьевскую пустынь Екатеринославской губернии. Затем пустынь преобразовали в Бизюков Григорьевский монастырь, подчиненный местному епископу. Ростовский Спасо-Яковлевский монастырь в 1888 г. перевели в разряд епархиальных. Всего, таким образом, к концу века осталось шесть ставропигиальных монастырей. Управляла ими осуществляла Московская синодальная контора [6. С. 161].

Епархиальные монастыри управлялись местными архиереями. Для наблюдения за подведомственными ими обителями и разрешения различных спорных вопросов ими назначались благочинные из числа пользующихся их доверием настоятелей. «Благочинному над монастырями, – гласил закон, – поручается столько монастырей, сколько он может с удобностию иметь под своим надзором» [6. С. 162]. Например, архимандрит Новгородского Юрьева монастыря Фотий, живший в первой половине XIX века, наблюдал за несколькими ближайшими новгородскими монастырями – Старорусским Спасо-Преображенским, Сковородским, Клопским, Кирилловским, Отенским, Перекомским и Савво-Вишерским.

Если по способу подчинения высшей церковной иерархии монастыри делились на ставропигиальные и епархиальные, то по способу финансирования их затрат монастыри можно разделить на штатные и заштатные. Штатные получали пособия из государственной казны, заштатные жили исключительно за счет доходов от имущества, различных промыслов и добровольных пожертвований верующих. Обители первой группы разделялись на три класса, соответственно объемам получаемого из казны финансирования. Постепенно классность монастыря стала прежде всего показателем его знатности, так как многие монастыри стали получать финансирование по особым штатам, а некоторые возводились классом выше без добавления оклада.

Настоятели первоклассных и второклассных монастырей носили сан архимандрита, третьеклассных – игумена. Иногда законом разрешалось возводить в сан архимандрита настоятелей третьеклассных монастырей, но с оставлением на окладе игумена [2. С. 281]. В некоторых обителях настоятель носил звание строителя. Как правило, строители возглавляли маленькие заштатные обители. Настоятельницы женских монастырей имели сан игуменьи.

Среди первоклассных монастырей особое место занимали лавры. Киево-Печерский монастырь был удостоен этого наименования в конце XVI века. В XVIII веке статус лавр получили крупнейшие обите-

ли двух столичных епархий – Свято-Троицкий Сергиев под Москвой и Александро-Невский в Петербурге. Настоятелями трех лавр по традиции считались митрополиты – киевский, московский и петербургский. Для текущего управления лаврами ими назначались наместники, находившиеся в сане архимандрита.

В 1831 году после подавления польского восстания по указу Николая I в число православных монастырей был возвращен Почаевский монастырь, находившейся с 1713 года под управлением греко-католиков. В 1833 году обитель получила статус лавры, она стала четвертой православной лаврой в России. Должность настоятеля была закреплена за волынским архиереем.

В XIX веке широко распространяются женские общины. Только их начальницы носили монашеский сан, все иные сестры были на положении послушниц. В некоторых молодых общинах и начальница не имела монашеского сана. Общины были своеобразным преддверием монастыря, где новоначальные готовились к принятию монашества.

Первая женская община была основана в в 1813 году на месте упраздненного в 1764 году Арзамасского Новодевичьего Алексия человека Божия монастыря. С 1842 года Алексеевской общине начали покровительствовать светские и духовные власти. В это время в ней насчитывалось до 500 сестер. Все хозяйственные работы, не исключая и возведение каменных стен выполнялись сестрами общины. Особое развитие получило среди сестер золотошвейное мастерство. В оставшейся от монастыря церкви сохранялись особо чтимые иконы, которые привлекали многих паломников. Для богомольцев на средства общины был создан страннопримный дом. В 1897 году общину преобразовали в монастырь, который воспринял свое старое название [1. С. 194]. Становились монастырями и некоторые другие женские общины.

Правовой статус православного монашества и монастырей определялся Сводом законов Российской империи. Монастыри могли пользоваться земельными наделами, выделяемыми им из казны, но не имели права их продавать, а только сдать в аренду. Владеть населенными имениями монастырям запрещалось.

До крестьянской реформы 1861 года государство компенсировало штатным монастырям отсутствие у них крепостных крестьян, изъятых у церкви при секуляризации времен Екатерины II. В монастыри направлялась казенная прислуга, которая набиралась из государственных крестьян и обязанная служить 25 лет. Такие служители и их семьи проживали, как правило, на территории монастыря. После отмены крепостного права эту крестьянскую повинность отменили и государство стало выплачивать за потерю бесплатной прислуги денежную компенсацию [3. С. 15].

С высочайшего разрешения монастыри могли покупать или получать в дар ненаселенные имения и другое недвижимое имущество. Новые монастыри и общины также могли открываться только с разрешения императорской власти. Данный порядок был изменен 9 мая 1881 года. В этот день Александр III, по докладу обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, изменил этот порядок, и определения Синода об учреждении новых монастырей и общин (без назначения окладов от казны) перестали восходить на высочайшее утверждение [6. С. 168]. Эта мера способствовала быстрому увеличению количества монастырей и общин в конце XIX – начале XX века.

Законодательством Российской империи устанавливались возрастные ограничения для желающих принять монашеский постриг. Мужчины могли принимать монашество только по достижение возраста 30 лет, а женщины 40 лет. Исключения из этого правила делались для выпускников духовных семинарий и академий.

По синодальному указу от 29 мая 1832 года им было дано право вступать в монашество с 25 лет. Их пребывание в стенах духовных школ законодательно приравнивалось к послушничеству. Кандидат к пострижению не должен был иметь супружеских уз, малолетних детей и неоплаченных долгов. Нахождение под судом или следствием тоже являлось препятствием к принятию монашества. Крестьяне и мещане, как представители податных сословий, могли поступить в монастырь только после представления увольнительных документов от своих сословных обществ и получения согласия казенной палаты. После этого вопрос о разрешении им вступить в монашество рассматривался губернатором [6. С. 160].

Еще в XVIII веке устанавливается правило, запрещающее постригать в монашество без разрешения Св. Синода. Это правило было официально подтверждено в 1804 году Александром I определившим, что «постригать в монашество без дозволения Св. Синода, именными высочайшими указами строжайше запрещено» [3. С. 16]. При Николае I, в 1832 году, было решено принять меры к сокращению делопроизводства по синодальным конторам и консисториям. С этой целью Московской и Грузино-Имеретинской синодальным конторам было предоставлено право разрешать пострижения без специального всякий раз запроса в Синод, сообщая ему в конце каждого года общее число постриженных. И, наконец, по указу 29 сентября 1865 года такое право было предоставлено и всем епархиальным архиереям. При этом кандидат к пострижению должен был иметь на руках все требующиеся по закону документы [6. С. 159].

Российское законодательство не признавала монашества за русскими подданными, постриженными за границей, в том числе и на Афоне. Согласно императорскому указу от 11 июля 1816 года такие лица могли быть зачислены в число братии российских монастырей только после прохождения трехлетнего в них испытания.

Монашествующие не имели права владеть недвижимым имуществом. Перед пострижением его следовало передать наследникам. При выходе из монашества оно не возвращалось. Монахи могли держать в банках денежные вклады, но после их смерти эти средства переходили в собственность монастыря. Он же наследовал и другое движимое имущество монаха. Только архиереи и архимандриты, как представители духовной власти, пользовались привилегией свободно завещать свое движимое имущество [2. С. 289].

При Екатерине II монахи, имеющие священнический и дьяконский сан, были освобождены от телесных наказаний. При Александре I в 1811 году эта привилегия распространилась и на простых монахов.

Серьезные проступки и преступления лиц, носящих монашеский сан, а также систематическое нарушение монашеских обетов влекли за собой лишение монашества и исключение из духовного сословия. Дело разбиралось в духовной консистории. Но если подсудимый заявлял апелляцию, окончательное решение принимал Синод.

До начала XIX века законом признавался только один, указанный выше, путь выхода из монашества, – по решению духовного суда. Со времен Александра I получает признание и добровольный отказ от монашеского звания. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 10 апреля 1823 года было устанавливалось, что лица, отказавшиеся от монашеского сана, обращаются в свое «первобытное состояние гражданское» и пользуются всеми связанными с ним правами, но им не могут быть возвращены имения, чины и знаки отличия. Эта норма прочно вошла в последующее законодательство. В дальнейшем, однако, добровольный выход из монашества был затруднен требованием обязательного «уве-

щания» в течение шести месяцев. Только в случае его безрезультатности местные духовные власти должны были отослать дело в Синод для окончательного решения [3. С. 17].

Люди, добровольно вышедшие из монашества и лишенные его, не принимались на государственную службу. Им было запрещено проживать в столицах и в тех губерниях, где они проходили монашеское служение (для добровольно вышедших – в течение семи лет, для лишенных – навсегда). По закону 11 апреля 1866 года подобные ограничения были распространены и бывших послушников, исключенных из духовного звания за дурное поведение. Им было запрещено проживать вблизи того монастыря, из которого их изгнали.

Серьезные социально-экономические изменения в Российском государстве, начало которым положили буржуазные реформы 60 – 70-х годов XIX века, сказывались и на церковных институтах, в том числе и на монашестве. Появлялись и укреплялись в обществе новые явления и процессы, происходила секуляризация сознания большинства населения, изменялись условия хозяйства и быта. Церковная жизнь конца XIX века нуждалась в серьезных преобразованиях. Необходимы были и изменения в церковно-государственных отношениях и в церковном и светском праве. К сожалению, эти преобразования были медленными и непоследовательными, что во многом предопределило трагедию церкви и монашества как важной ее части в XX веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Емченко Е. Б. Государственное законодательство и женские монастыри в XVIII – начале XX в. // Церковь в истории России. – Сб. 5. – М., 2003.

2. Заикина И. В. Концепция юридического положения монастырей и монашества в России 19 в. // Циклы природы и общества. Материалы X Международной конференции 23-26 сентября 2002 г. – Т. 2. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского института им В. Д. Чурсина, 2002.

3. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX века. – М.: Вербум-М, 2002.

4. Павлов А. С. Курс церковного права. – СПб.: Лань, 2002.

5. Прошин Г. Г. Черное воинство: Русский православный монастырь. Легенда и быль. – М.: Политиздат, 1988.

6. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Сост. Т. Барсов. – Т. 1.– СПб., 1885.

7. Цыпин В. А. История Русской православной церкви. Синодальный период. – М.: Изд-во Учебного комитета РПЦ, 2004.

УДК 343.6
ББК 67.408.11
Уголовное право

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СПОСОБА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ, СОВЕРШЕННЫХ ПО МОТИВУ НАЦИОНАЛЬНОЙ, РАСОВОЙ, РЕЛИГИОЗНОЙ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ

Кандидат юридических наук В. С. Капица

В представленной статье рассматривается сущность способа преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, его понятие а так же рассматриваются все элементы способа совершения преступлений данной категории.

Ключевые слова
Способ, преступление, жизнь, здоровье, расовая, религиозная, вражда

Уголовно-правовая доктрина называет преступлением виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Подобное уголовно-наказуемое деяние может быть совершено путем действия либо путем бездействия субъекта, которые и являются составляющими понятия «способ преступления».

Как таковой способ преступления отражается в следах, является источником информации о преступном поведении правонарушителей и обусловлен комплексом действий (бездействия) субъекта по планированию, подготовке, совершению и сокрытию преступного деяния. Отсюда и дифференциация способов преступлений на полноструктурные и неполноструктурные. Полноструктурный способ преступления включает в себя все вышеперечисленные элементы: приготовление, совершение и сокрытие. Напротив, при «выпадении» какой-либо из указанных составляющих следует говорить о неполноструктурном способе преступления.

Для преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, на первый взгляд, характерен неполноструктурный способ. Казалось бы, такие преступления совершаются спонтанно, не планируются заранее и носят публичный характер. Тем не менее, более подробный анализ признаков состава подобных преступных посягательств позволяет сделать и противоположный вывод.

Что же касается убийств, совершенных по указанным мотивам, здесь также присутствует неполноструктурный способ, когда отсутствует один из элементов, как правило, это способ сокрытия убийства. Такой способ преступления характерен для преступников, действующих по одиночке. Если же способ преступления осложнен соучастием, налицо полноструктурный способ, включающий в себя и

приготовление, и совершение, и сокрытие преступления.

Так, в апреле 2006 года в Санкт-Петербурге застрелен африканский студент Ламзар Самба. Выстрел был произведен из помпового ружья, обнаруженного сотрудниками милиции в 70 м от места преступления. По некоторым данным, на оружии нацарапана свастика[1]. Учитывая, что преступник с оружием оказался в нужном месте и в нужное время, можно обоснованно утверждать, что преступление было заранее спланировано. На планируемый характер рассматриваемой группы преступлений указывают и встречающиеся в сети Internet своего рода инструкции по подготовке и проведению тех или иных насильственных акций[2], где приводятся рекомендации по подготовке к предстоящей «кампании», выбору соучастников, объекта посягательства, определяются возможные варианты развития событий и предлагаются пути решения потенциальных проблем.

Источником информации о поведении преступника является способ совершения преступления[3]. Для рассматриваемой категории преступлений характерно, прежде всего:

– нанесение нескольких повреждений (ранений, ударов);

– локализация повреждений (ранений, ударов) в областях тела, где расположены жизненно важные органы и кровеносные сосуды;

– сопровождение нанесения повреждений репликами, свидетельствующими о национальной, расовой, религиозной нетерпимости;

– орудие преступления предназначено для проникновения в ткани потерпевшего, нанесения обширных телесных повреждений.

Вместе с тем, формы осуществляемого в отношении потерпевших насилия весьма разнообразны. Хотя наиболее распространенными средствами и орудиями совершения рассматриваемых преступлений являются, как правило, самые доступные и внешне безопасные, как то: веревка, проволока, бутылка и т. д., нередко используется и колюще-режущее оружие, как, например, бытовые ножи и т.п. Кроме того, в последнее время известны и случаи применения огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, используемых, как правило, неформальными молодежными формированиями, религиозными и националистическими организациями. Так, в Новосибирской области в помещении одной из таких организаций, члены которой были заподозрены в подготовке террористического акта, было изъято 39 килограммов взрывчатых веществ[4]. В августе 2006 года при взрыве на Черкизовском рынке пострадало 66 человек, в этот же году произошли взрывы железнодорожного полотна перед поездом Грозный – Москва и православной часовни в Смоленской области[5].

Типичными действиями по сокрытию следов преступления являются уничтожение либо сокрытие трупа или его частей[6]; сокрытие орудий или средств совершения преступлений, одежды и обуви преступника, вещей, принадлежащих потерпевшему, следов на месте происшествия и т.п.

Для рассматриваемой категории преступлений характерны также такие способы сокрытия, как предпринимаемые преступником чистка, стирка, ремонт одежды, ее замена, замывание следов крови, наложение повязок на телесные повреждения, полученные в ходе борьбы с жертвой; склонение родственников и знакомых к даче выгодных преступнику показаний, дача ложных показаний, определенное воздействие на потерпевших и свидетелей и т. п.[7]

Как видим, способ преступления представляет собой своего рода сложное образование, включающее ряд элементов, отражающих, как справедливо отмечает М. В. Шкеле, «последовательность взаимосвязанных поведенческих актов»[8] пре-

ступника.

Подобная последовательность, осложненная мотивом национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды и определяет повышенную степень общественной опасности рассматриваемых преступлений, что, по-нашему мнению, требует усиления уголовной ответственности за их совершение.

Таким образом, детальное изучение способов рассматриваемых преступлений способствует выявлению особенностей совершенных преступлений, круга потенциальных преступников, эффективному расследованию и раскрытию преступления[9].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Интернационал» осудил фашизм // Взгляд. – 2006. – 7 апр.

[2] Чапурко Т. М. Преступность несовершеннолетних // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – С. 898.

[3] Помазан С. В. Уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью/ // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2010. – № 1-3(41-43). – С. 142-145.

[4] Из выступления Министра внутренних дел Российской Федерации Р. Г. Нургалиева // Стенограмма заседания Государственной Думы от 15 ноября 2006 года. База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы». [Электронный ресурс]. Заголовок с экрана. – http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2006/11/s15-11_u.htm.

[5] Кожевникова Г. «Антиэкстремистское» лето: скинхеды бьют, Госдума пишет / Под ред. А. Верховского // Серия сезонных докладов центра «СОВА», 2006. [Электронный ресурс]. Заголовок с экрана. – http://xeno.sova-centre.ru/29481C8/.

[6] Капица Т. А. Способ преступления как элемент криминалистической характеристики убийства матерью новорожденного ребенка // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2014. – № 3(25). – С. 66-68.

[7] Шурухнов Н. Г. Криминалистика: Учебное пособие. – М.: Юристъ, 2005. – С. 517.

[8] Шкеле М. В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001.

[9] Зелик В. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противостояния наркотизму в России: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2001.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ ИМЕНИ В. Я. КИКОТЯ
РЯЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

УДК 343.9.018
ББК 67.521.5
Право

криминология
юриспруденция

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОГРАФОЛОГИИ В ДИАГНОСТИКЕ СВОЙСТВ И СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

А. Н. Куфтерин
Доктор медицинских наук С. В. Булатецкий
Кандидат психологических наук И. В. Хамидова
Кандидат педагогических наук Е. А. Лопатин

В статье рассматриваются вопросы использования возможностей психографологии как альтернативного традиционным методикам направления в современной отечественной психодиагностике. Применение психодиагностических методик в криминалистике и деятельности сотрудников правоохранительных органов подтверждает существование зависимости между психологическими особенностями личности человека и его почерком как письменно-двигательным навыком.

Ключевые слова
Психографология, психодиагностика, личность, свойства и состояния личности, почерк

Актуальность темы обусловлена существующей в отечественной юридической науке тенденцией к детальному, подробному исследованию как личности преступника, так и личности сотрудника правоохранительных органов.

В настоящее время проводится всё больше исследований, направленных на поиск новых и альтернативных традиционным психодиагностическим методикам, в частности, связанных с изучением влияния свойств и состояний личности на почерк человека и, напротив, выявление свойств и состояний личности, исходя из анализа особенностей почерка конкретного испытуемого. Вопросам, связанным с особенностями психографологического исследования личности, посвящено значительное количество работ [1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10].

На основании анализа образцов почерка и ответов на вопросы, представленных испытуемым психологических тестов, отдельными авторами были предприняты попытки статистически выявить общие закономерности относительно психологических свойств личности респондентов и их эмоцио-нального состояния в зависимости от наличия в образцах их почерка тех или иных его признаков. Труды отечественных ученых насчитывают множество мнений о взаимосвязи свойств, состояний личности и почерка, высказанных представителями различных отрас-

лей науки [4, 6, 7, 8, 9, 10].

В отечественной юридической и психологической литературе проблеме личности, а также отражению в почерке ее психологических особенностей уделяло внимание достаточно значительное число авторов. Проблематикой взаимосвязи свойств, состояний личности и индивидуальных особенностей почерка в разной мере посвящены работы Р. С. Белкина, Н. А. Бернштейна, Е. Ф. Буринского, Н. Т. Ведерникова, Ю. Б. Гиппенрейтера, А. В. Запорожца, Д. М. Зуева-Инсарова, В. Е. Корноухова, А. Ф. Лазурского, М. А. Логвина, А. Р. Лурии, А. И. Манцветовой, И. Ф. Моргенштерна, В. Ф. Орловой, И. П. Павлова, С. Л. Рубинштейна, И. М. Сеченова, З. М. Соколовского, Н. И. Шахтариной, А. А. Ухтомского, А. М. Черенкова и других авторов, в которых дается свое осмысление возможности связи психологических процессов, происходящих в личности человека, с его физиологическими процессами, и, как результат – проявление личностных характеристик в процессе выполнения рукописей.

Письмо как один из видов деятельности человека обеспечивается определенной системой навыков. Физиологической основой навыков являются сложные условные рефлексы, образующие в коре больших полушарий головного мозга прочно сложившуюся систему временных нервных связей, названных И. П. Павловым динамическим стереотипом.

С точки зрения теории функциональных систем П. К. Анохина процесс письма организуется в рамках формирования в организме человека письменно-двигательной функциональной системы, то есть динамического подбора необходимых рабочих органов и регулирующих их деятельность нервных центров, установления взаимосвязей между ними. Слаженная работа всех частей письменно-двигательной функциональной системы, объединенных прямыми и обратными связями в кибернетическую систему и приводит к запрограммированному результату деятельности – рукописи.

Письменная речь и почерк каждого пишущего обладают такими важными с графологической точки зрения свойствами, как индивидуальность и относительная устойчивость. Причем выраженность индивидуальности и степень устойчивости почерка позволяют использовать его особенности в целях идентификации пишущего, а также для установления свойств и состояний его личности.

Индивидуальность почерка – присущий только данному пишущему человеку комплекс особенностей письменно-двигательного навыка, зафиксированный в рукописи. Своеобразие письменно-двигательного навыка, проявляющегося в почерке, вызвано сочетанием различных факторов, которые влияют на формирование почерка (анатомические и психические особенности человека, подражание, методика обучения письму, условия обучения и т. п.). Индивидуальность почерка выражается в степени и характере его отклонений от стандартных прописей, а также в степени сохранения соответст-вия последним.

В криминалистике для идентификации человека по почерку достаточно иногда лишь одной его подписи или пары строчек рукописного текста. Это показывает насколько высока индивидуальность почерка человека – практически нет людей, у которых бы совпадал почерк, как нет людей с одинаковыми отпечатками пальцев. Поэтому анализ почерка в рамках психографологии был бы оправдан с точки зрения такой официальной науки как дифференциальная психология, изучающей индивидуальные различия людей, и для которой исследование почерка может выступить в качестве одного из общепринятых методов – анализа продуктов деятельности.

Психографология сравнительно молодая наука, один из ее основоположников И.Ф. Моргенштерн понимал под словом

«графология» [7] отрасль психологии, которая занимается изучением соотношений между почерком человека и его индивидуальными личностными особенностями, называемыми характером, науку об определении внутреннего мира человека по его почерку.

В нашей стране после социально-экономических изменений 1917 г. графология была объявлена лженаукой и дальнейшие исследования, посвященные данной проблематике, проводились лишь отдельными графологами, в рамках официальной юридической науки они не проводились вообще. Однако уже в период становления СССР о своевременности и насущности потребности в научном изучении графологии высказалась Государственная Психоневрологическая Академия (протокол от 05.11.1923 г.), указав на возможность применения данных анализа почерка в областях государственной юрисдикции, экспериментальной психологии (характерологии), педологии, психиатрии, криминологии и ряде других научных дисциплин.

Графология в настоящее время тесно связана с медициной, в частности с диагностикой. Так, еще в 1935 году эксперт-почерковед Альфред Кафнер, работающий в министерстве юстиции Австрии, после ряда наблюдений пришел к выводу, что между раковым заболеванием и почерком есть прямая связь. Кафнер изучил более 35000 подписей и на основании их анализа утверждал, что может предсказать раковое заболевание о почерку с точностью до 97 процентов (на основании микроисследования штрихов). В 30-х годах венгерские графологи изучили почерки более 2000 детей с ненормальной психикой в возрасте от 0 до 18 лет. В процессе анализа рукописей были установлены закономерности в отклонении почерка в зависимости от состояния психики. Исследователи предложили лечить детей (изменять психику ребенка) посредством определенных изменений почерка (так называемая графотерапия).

По данным американских графологов несколько сотен фирм США используют анализ почерка для определения профессиональных свойств человека, вновь принятого на работу или продвигаемого по службе. Европейские фирмы начали использовать графологию с начала XX века. В ФРГ, Дании, Франции многие фирмы используют графологию для определения профессиональной пригодности. В настоящее время графологию преподают в ФРГ, в университетах Гамбурга, Мюнхена и др. Новейшие курсы читаются в Сорбонне (Франция), в университетах Берна, Цюриха (Швейцария) и ряде других стран Европы. В США курс графологии читается в Нью-Йоркском университете, в Социальной школе исследований. В некоторых университетах графологию изучают после завершения курса психологии; в других – ее читают как часть медицинского курса.

В нашей стране изучением индивидуальных особенностей почерка и влияния на него психофизиологического состояния пишущего занимались криминалисты [2, 3, 4]. Ими была проведена большая исследовательская работа по формированию научных основ судебного почерковедения. В основном это касалось вопросов идентификации личности по выполненной рукописи. Однако необходимо подчеркнуть, что проблема установления взаимо-связи психологических свойств личности человека при выполнении им рукописного материала, их обусловленности друг другом и взаимовлиянии всегда интересовали отечественных криминалистов. В связи с этим мы имеем вполне определенные достижения касающиеся психографологии, в частности в разработке криминалистических методик выявления по признакам почерка особых психологических состояний пишущего при выполнении рукописи.

Идентификационные исследования посвящены проблеме отождествления

личности по написанной ею рукописи и являются основным предметом традиционной криминалистики. Графология же является составляющей неидентификационных исследований почерка наряду с выявлением условий написания текста и определения состояния пишущего, как-то: нервного напряжения, психического расстройства, травмы, алкогольного опьянения и т. д. Предмет графологии, на наш взгляд, выражается во взаимозависимости признаков почерка и психологических свойств личности человека. Графологию, можно назвать самостоятельным структурным разделом неидентификационных исследований почерка.

Неидентификационные исследования почерка:

Установление физических состояний (определение пола, возраста)	Установление физиологических состояний личности (определение алкогольного опьянения по почерку)	Установление патологических состояний личности (определение психических расстройств)	Установление психологических свойств и состояний личности (графология)

Так уже официально разработана криминалистическая методика установления пола человека по признакам письма. Ведутся исследования по установлению возраста исполнителя рукописи, его профессиональной принадлежности, состояния здоровья, наличия травм и психических расстройств; психологического состояния человека (например стресса), состояния алкогольного или наркотического опьянения в момент написания документа и т. п.

Авторы считают, что изучение свойств личности по почерку существенно в тех случаях, когда возможности непосредственного изучения личности ограничены или невозможны; когда некоторые психологические параметры личности с большей надежностью могут быть определены именно по почерку и дают возможность судить о проявлении их, например, в момент совершения сотрудником правоохранительных органов проступка, если, например, выполнение рукописи конкретным лицом связано с изучаемым событием.

Профессия сотрудника правоохранительных органов предъявляет к определенным свойствам личности, характера, темперамента высокие требования (исполнительность, дисциплинированность, эмоциональная устойчивость, работоспособность, честность, сила воли, требования к выдержке, самообладанию, к быстроте реакций и т. п.). При этом необходимым условием успешной работы правоохранительной системы становится качественный отбор кандидатов на службу, пригодных для данной профессии (профессиональный отбор), обладающих определенными психологическими качествами. Этот отбор и осуществляется психологической службой посредством применения разнообразных психодиагностических методик. Таким образом психографология могла бы стать одной из альтернативных методик в деятельности психологической службы правоохранительных органов, а именно в психодиагностическом ее направлении, как один из немногих методов, дающих информацию о человеке в его отсутствие, или при нем самом, когда он не подозревает о том, что производится психодиагностическая процедура исследования его личности (например, по рукописному тексту заявления о приеме на работу). Тем самым

устраняется субъективное влияние человека на результаты его психологического тестирования и повышается объективность оценки.

Все вышеизложенное, безусловно, свидетельствует о перспективности разработки и применения психографологии, как диагностического метода в психологии. Актуальность данной темы обусловлена также существующей в отечественной юридической науке тенденцией к детальному, подробному исследованию как личности преступника, так и личности сотрудника правоохранительных органов.

Авторы статьи считают, что:

1) Имеется необходимость в поиске, разработке и внедрения в практику психодиагностики методик исследования свойств личности, позволяющих проводить исследования дистанционно, без его ведома и без вызова испытуемого на процедуру тестирования. Особенно такая возможность может быть актуальна при изучении свойств личности сотрудников правоохранительных органов;

2) Традиционные психологические методики тестирования нередко теряют свою актуальность, так как легко доступны для ознакомления из открытых источников, а также из свободно распространяемых в сети «интернет» компьютерных тестов с автоматизированной обработкой результатов, что позволяет испытуемым подготовиться к процедуре психологического тестирования и скрыть некоторые особенности свойств и состояний своей личности;

3) Одним из актуальных направлений в современной прикладной психологии может стать использование психографологии – в целях проведения негласной психодиагностики личности, позволяющей устранить влияние обследуемого на процедуру тестирования. В случае отказа испытуемого от процедуры тестирования психографологическая методика исследования личности является единственно возможным вариантом проведения процедуры психодиагностики;

4) Использование психографологических методик дает статистически достоверную диагностическую информацию о наиболее важных свойствах личности (особенностях характера, темперамента) испытуемого.

Подводя итог вышеизложенному, можно заметить, что данные эмпирических исследований закономерностей соответствия графологических признаков почерка психологическим качествам человека с помощью психодиагностических методик в целом подтверждают гипотезу о том, что существует зависимость между психологическими особенностями личности человека и его почерком как письменно-двигательном навыке [4, 5, 6, 10]. Поэтому в принципе возможно применение психографологических методик для диагностики свойств и состояний личности сотрудников правоохранительных органов в деятельности психологической службы. Однако применение этого метода на практике станет возможным лишь тогда, когда учеными будет разработана официальная методика, проверены достоверность, надежность, валидность и другие критерии психографологии как психодиагностической методики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ахшарумов, Д. Н. Графология [Текст] / Д. Н. Ахшарумов, Ф. Ф. Тишков. – Рига, 1894. – 139 с.

2. Берзин, В. Ф. О методике решения судебно-почерковедческих идентификационных задач [Текст] / В. Ф. Берзин, З. А. Ковальчук, З. С. Меленевская // Криминалистика и судебная экспертиза (Киев). – 1987. – № 34. – С. 56-59.

3. Бродская, А. Б. Особенности методики исследования рукописных текстов с боль-

шой вариационностью признаков почерка [Текст] / А. Б. Бродская // Криминалистика и судебная экспертиза (Киев). – 1968. – № 5. – С. 176-179.

4. Вул, С. М. О возможности установления факта выполнения рукописи в состоянии физической усталости [Текст] / С. М. Вул // Криминалистика и судебная экспертиза (Киев). – 1970. – № 7. – С. 155-163.

5. Зуев-Инсаров, Д. М. Почерк и личность [Текст] /Д. М. Зуев-Инсаров. – Москва: СТ, 1993. – 112 с.

6. Куфтерин, А. Н. Психографология в диагностике личностных особенностей сотрудников правоохранительных органов и правонарушителей [Текст] / А. Н. Куфтерин // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. – Рязань, 2007. – № 2. – С. 251-254.

7. Моргенштерн, И. Ф. Психографология [Текст] / И. Ф. Моргенштерн. – СПб.: Питер, 1994. – 218 с.

8. Моргенштерн, И. Ф. Внутренний мир в почерке псевдогероев и псевдогениев [Текст] / И. Ф. Моргенштерн. – СПб.: Рассвет, 1908. – 56 с.

9. Попялковский, М. И. Графопсихологический анализ преступления А. Гилевича [Текст] / М. И. Попяловский // Вестник полиции (СПб.). – 1916. – № 25. – С. 678-679.

10. Симакова, Е. С. Отражение в почерке психологических свойств и состояний личности [Текст]: Дис. … канд. юридич. наук / Симакова Елизавета Сергеевна. – Томск, 2003. – 204 с.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ ИМЕНИ В. Я. КИКОТЯ
РЯЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

УДК 343.352
ББК 67.408.142+67.515
Право

криминология
юриспруденция

СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ

И. А. Никулина

В статье автор затрагивает специально-криминологические и индивидуально-профилактические меры предупреждения коррупционных преступлений в сфере медицины.

Ключевые слова
Коррупция, медицина, профилактика, предупреждение, преступление

Специально-криминологическое предупреждение преступлений – это социальный процесс, основой которого является применение отвечающих требованиям общественной морали и законности специальных методов, приемов, знаний и умений регулирования социальных отношений в целях недопущения либо устранения негативных последствий, которые могут вызвать совершение преступлений.

Целесообразно классифицировать специальные профилактические меры предупреждения коррупционных преступлений в сфере медицины на два вида, в зависимости от уровня воздействия на соответствующие причины и условия:

1) осуществление организационных мероприятий с участием представителей органов власти и управления на федеральном и региональном уровне;

2) предупредительные меры, которые необходимо расположить на уровне «пациент-врач». Данные меры напрямую связаны с оказанием медицинских услуг, при которых коррупционная составляющая может быть, как у обеих сторон этих отношений, так и у одной из них.

Специально-криминологические меры по предупреждению коррупционных преступлений в здравоохранении, осуществляемые с обязательным участием представителей органов государственной или муниципальной власти, а также руководителей разного уровня в системе здравоохранения, в свою очередь, подразделяются:

– разработка и реализация на федеральном, региональном и местном уровнях мероприятий по увеличению финансирования системы здравоохранения за счет ассигнований из федерального бюджета;

– совершенствование контроля над эффективностью использования бюджетных средств, выделяемых на здравоохранение [1].

Вариантом усиления таких контрольных мер может стать публикация в

средствах массовой информации органами государственного управления и руководящими органами здравоохранения ежеквартальных, ежегодных подробных отчетов о расходовании бюджетных средств лечебными учреждениями, с указанием сумм, поступивших в медицинские учреждения денежных средств и денежных средств, потраченных за отчетный период.

В систему действий по снижению коррупционных факторов должны быть включены меры по обеспечению открытости информации и предоставлению доступа к вакансиям в органах управления системой здравоохранения. К числу таких мер следует отнести гласность условий конкурса, ротации кадров медицинских работников не только в зависимости от их предпочтений, а в первую очередь исходя от условий, сложившихся в том, либо ином лечебном учреждении.

Индивидуальное предупреждение – это, прежде всего воздействие на тех лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, и их социальную среду. Данный вид деятельности представляет собой целенаправленную работу с конкретным человеком и его ближайшим окружением [2].

Необходимо кардинальное изменение правовой культуры населения страны в области пользования медицинскими услугами в государственных, частных и иных медицинских учреждениях, с изменением коррупционных мотивов в поведении, что отождествляется с необходимыми мерами виктимологической профилактики.

В отечественной криминологической теории только в начале наступившего XXI века было обращено внимание на разработку виктимологических аспектов коррупции как одного из научных направлений российской криминальной виктимологии [3].

Используя средства массовой информации, агитационные (разъяснительные) материалы в форме буклетов, брошюр, плакатов, другой наглядной агитации, используя средства телевещания – социальные ролики и просветительские программы необходимо довести до сознания населения пагубность коррупционного поведения в общении с сотрудниками медицинских учреждений. К числу основных целей информационно-пропагандистского обеспечения можно отнести создание у населения страны максимально положительного имиджа российской системы здравоохранения.

Пациенты должны быть информированы об их правах и обязанностях, закрепленных в Федеральном законе Российской Федерации от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (редакция от 13.07. 2015с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015). Знание нормативно-правовой базы способствует активизации усилий граждан, работников органов и учреждений здравоохранения, врачей, их профессиональных объединений и общественных организаций по реализации прав и обязанностей медицинских работников и пациентов.

При осуществлении прав пациента на наш взгляд имеются некоторые проблемы. Каждый пациент медицинского учреждения, пострадавший от действий врача, попадает в сложную ситуацию в области права. В п. 3 ч. 4 ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации прописано о том, что подозреваемый вправе пользоваться помощью защитника [4].

Статья 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, содержащая права потерпевшего, не предусматривает такого блага для потерпевшего [5]. То есть пострадавший пациент оказывается один на один со своей бедой. Конечно, должностное лицо, в производстве которого находится материал доследственной проверки, либо которое приняло решение о возбуждении уголовного

дела обязано провести расследование, либо проверку объективно, полно и достоверно, но достаточно ли такого подхода для обеспечения прав пострадавшего? Практика показывает, что при доказывании факта некачественного оказания медицинских услуг, потерпевший сталкивается с отсутствием у него специальных познаний в области медицины. В данной ситуации самыми не защищенными слоями населения оказываются люди с низким уровнем дохода. Учитывая финансовое положение, они не могут обратиться к специалистам на договорной, то есть платной основе для консультации и представления их интересов в правоохранительных органах, и на судебных стадиях рассмотрения материалов либо уголовных дел.

Нельзя оставлять без внимания правовую культуру медицинских работников. Целесообразно внедрение системы мониторинга уровня правовых знаний, связанных с ответственностью за коррупционные преступления, совершенные по неосторожности и умышленно в рамках осуществления врачебной деятельности и злоупотребления полномочиями. Создание образовательных компетенций и методик, с целью повышения уровня правовой культуры молодых специалистов, и медицинских сотрудников с опытом работы. Включая внедрение во всех высших медицинских учебных учреждениях, курсах повышения квалификации курса правовых дисциплин, с целью информирования о правовом статусе врача и пациента, организационной структуре системы здравоохранения.

Однако недостаточно только виктимологических мер. В современных условиях необходимо развитие культуры соблюдения этических принципов медицинским персоналом не зависимо от должности и положения. Зарождение древней науки – медицины, было направлено на сохранение жизни человека, заботу о его здоровье, облегчение и избавление от страданий. В IV веке до н. э. в клятве Гиппократа содержалось обещание врача: «….буду оберегать больных от всего вредного и непригодного для них».

Этический кодекс российского врача, утвержден конференцией Ассоциации врачей России в ноябре 1994 года. В соответствии со ст. 20 данный кодекс действует на всей территории России для всех врачей, являющихся членами врачебных объединений, входящих в Ассоциацию врачей России. Этический кодекс не обладает нормативным характером, однако в статье 21 указано, что ответственность за нарушение профессиональной этики определяется уставами территориальных и профессиональных ассоциаций врачей. Первая судья врача – собственная совесть. Вторая – медицинское сообщество, которое в лице врачебной ассоциации имеет право наложить на нарушителя взыскание в соответствии со своим уставом и иными документами. Если нарушение этических норм одновременно затрагивает и положения действующего законодательства Российской Федерации, врач несет ответственность по закону [6]. На наш взгляд действие данного кодекса необходимо распространить на весь медицинский персонал, а не только на медицинских работников, входящих в Ассоциацию врачей России. К сожалению, в современных условиях, когда сотрудники медицинских учреждений не обеспечены достойным материальным содержанием на должном уровне, трудно говорить о соблюдении этических норм. Однако нельзя забывать о том, что медицинскому персоналу доверено самое ценное, что есть в нашем обществе – это жизнь и здоровье граждан. Важная роль в профилактике преступлений отводится мерам по повышению антикоррупционной устойчивости коллектива. В настоящее время стало закономерностью такие формы служебных отношений, как покровительство, круговая порука. Данные негативные проявления существуют не только в медицин-

ских учреждениях, но и в других сферах нашего общества. В медицинских учреждениях необходимо формирование обстановки нетерпимости, общественного осуждения коррупции.

Важным условием недопущения коррупционных проявлений в сфере здравоохранения является криминологическая экспертиза. А. В. Плешаков считает, что криминологическая экспертиза представляет собой изучение, анализ, оценку экономических, социальных, культурно-воспитательных и иных мероприятий, включаемых в решения, с целью определения их возможного влияния на преступность, ее причинный комплекс, социальные последствия и другие криминологически значимые факторы [7]. Обеспечение неукоснительного соблюдения экспертного мнения врачебного сообщества при разработке и принятии законодательных актов в сфере здравоохранения является немаловажным условием профилактических мер предупреждения коррупционных преступлений. Знание специфики работы, способов и методов совершения преступлений медицинскими работниками обеспечит при соблюдении экспертного мнения врачебного сообщества недопущение пробелов в праве.

Коррупционные преступления в области медицины носят латентный характер. Латентная криминогенность свидетельствует о негативных аспектах правотворческой деятельности, открывает новые возможности для совершения преступлений, известных уголовному закону, повышает уровень существующей преступности [8]. Без создания специальных подразделений сложно говорить о предупреждении и профилактике преступлений.

Необходима специализация деятельности правоохранительных органов, в частности, создание в рамках территориальных органов внутренних дел, и ориентирование подразделений органов внутренних дел, в непосредственную задачу которых не входит данное направление деятельности на выявление коррупционных преступлений, совершаемых медицинскими работниками, и на выявление лиц, которых сотрудники медицинских учреждений склоняют к совершению коррупционных действий.

Данное направление деятельности имеет особую сложность, так как здесь прослеживается коррупционная цепочка врач-пациент, либо пациент-врач. В любом случае в цепочку попадает человек, которому необходима медицинская помощь. В этой ситуации необходимо принимать индивидуально-профилактические меры и создавать условия для отказа как врача, так и пациента от их коррупционного замысла.

Немаловажная роль в специально-криминологических мерах профилактики коррупции должна отводиться рассмотрению жалоб на факты коррупционного поведения медицинских сотрудников. Поступившая информация должна подвергаться анализу с целью корректировки поведения медицинского персонала в том учреждении, на которое поступила жалоба.

При исследовании специально-криминологических мер по предупреждению коррупционных преступлений в здравоохранении на уровне «врач-пациент» возникает сложность их разработки, поскольку законодателю необходимо принимать и реализовывать антикоррупционные программы, направленные на регулирование деятельности, осуществляемой на уровне, самом близком к пациенту.

Необходимо совершенствование механизмов оказания как платных, так и бесплатных медицинских услуг непосредственно медицинскими работниками. Прежде всего, речь идет об организационном контроле над осуществляемой медицинской деятельностью. Контроль должен осуществляться на государственном, ведомственном и внутреннем уровнях. При этом предполагается, что меры контроля над посещаемостью и приемом

пациентов должны разрабатываться и внедряться абсолютно в каждом учреждении здравоохранения, чтобы тем самым избежать приема пациентов на платной и бесплатной основе с целью недопущения организации незаконных платных консультаций.

Создание единой открытой информационной системы, используя новейшие достижения в сфере информационных технологий, может послужить специально-криминологической мерой предупреждения коррупционных преступлений в сфере медицины. На наш взгляд возможна разработка программы, по примеру иностранных специалистов, системы софт Police Tape, для фиксации правонарушений сотрудников полиции. Подобную систему необходимо разработать в системе здравоохранения, в которой осуществлялись бы сбор, хранение, обработка и предоставление информации об органах и организациях государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения, а также об осуществляемой ими медицинской деятельности. Отдельно должна быть собрана подробная информация о качестве работы того или иного медицинского учреждения, с указанием перечня предоставляемых услуг.

В этой же информационной системе должны накапливаться негативные данные обо всех случаях злоупотреблений со стороны медицинских работников, не качественного оказания медицинской помощи. В открытом доступе должна храниться информация о привлечении медицинских работников к уголовной ответственности и результаты рассмотрения уголовных дел и материалов доследственных проверок.

Возможно создание и совершенствование системы работы с официальными документами, исключающей возможность фальсификации официальных документов. Например, независимо от того, где произошла смерть человека, дома или в медицинском учреждении, где он наблюдался, заполняется медицинское свидетельство о смерти по форме № 013/у, утвержденное приказом Минздрава Российской Федерации от 06.06.2013 г. № 354н. В этом свидетельстве указывается причина смерти, окончательный диагноз, установленный врачом и окончательное заключение патологоанатома. Согласно приказу Минздрава РФ от 06.09.2013 г. № 354н «О порядке проведения патологоанатомических вскрытий», вскрытие трупов больных производится только при представлении в морг одновременно с трупом истории болезни или родов, оформленных в установленном порядке. Указанные документы должны содержать заключительный клинический диагноз с датой его установления, посмертный эпикриз, подлинники материалов проведенных исследований (рентгенограммы, ЭКГ, лабораторные анализы, карты анестезиологических и реанимационных пособий и другие имевшие место исследования), визу главного врача или его заместителя с указанием цели направления на патологоанатомическое вскрытие, судебно-медицинское исследование, сохранение и др. И, несмотря на то, что в большинстве случаев вскрытие производится в отделениях лечебно-профилактических учреждений и патологоанатомы являются коллегами врачей данного учреждения, иногда их заключения не совпадают.

Сведения о расхождении заключительного клинического диагноза и патологоанатомического диагноза, а также о выявленных дефектах оказания медицинской помощи вносятся врачом-патологоанатомом в протокол патологоанатомического вскрытия и направляются в медицинскую организацию, врач (фельдшер) которой выдал направление на патологоанатомическое вскрытие [9]. Обсуждение наступившей смерти пациента не выносится для обсуждения за пределы того лечебного учреждения, где получал лечение пациент. Приведенный пример говорит о несовершенстве работы проводимой с

официальными документами в медицинских учреждениях.

Таким образом, борьба с коррупцией в медицине не возможна без совершенствования специально-криминологических и индивидуально-профилактических мер предупреждения и снижения коррупционных преступлений в сфере медицины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Балебаева, Т. А. Современное состояние коррупции в здравоохранении России и меры ее предупреждения: криминологическое исследование. [Текст]: Автореф. дис. ... канд. юридич. наук / Балебаева Татьяна Александровна. – Москва, 2013. – 31 с.

2. Криминология. Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 183 с.

3. Шикула И. Р. Виктимологический аспект противодействия коррупции // Преступность, организованная преступность и проблемы безопасности / Под ред. проф. А. И. Долговой. – М., 2010. – С. 52-55.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». – Электрон. дан. [М.]. – URL: http://www.consultant.ru.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». – Электрон. дан. [М.]. – URL: http://www.consultant.ru.

6. Этический кодекс Российского врача. Утвержден 4-ой Конференцией Ассоциации врачей России, Москва, Россия, ноябрь 1994. – Электрон. дан. [М.]. – URL: http://mathura.narod.ru/kodex.html.

7. Криминология. Учебник под ред. В. Д. Малкова. – М.: Юстицинформ, 2004. – С. 160. – (Автор главы – В. Е. Плешаков).

8. Криминология. Учебник под ред. В. Д. Малкова. – М.: Юстицинформ, 2004. – С. 160. – (Автор главы – В. Е. Плешаков).

9. Приказ Минздрава Российской Федерации от 06.06.2013 г. № 354н «О порядке проведения патологоанатомических вскрытий» [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». – Электрон. дан. [М.]. – URL: http://www.consultant.ru.

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
г. КРАСНОДАР

УДК 342.731
ББК 67.400.4
Право

криминология
юриспруденция

ПРАВОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В ПЕРИОД АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ

А. В. Полянцева

В статье говорится о взаимном влиянии религиозного и светского начал на формирование норм права в России в период абсолютизма. Указывается на то, что государство уже со времени принятия Русью христианства защищало интересы Церкви. В период абсолютной монархии прослеживается взаимопроникновение светского и церковного законодательства. Государство берет на себя некоторые функции, ранее принадлежащие Церкви, а на последнюю возлагает роль в укреплении абсолютизма. Автор указывает, что правовое взаимодействие Российского государства и Русской православной Церкви удовлетворяло интересы обоих институтов.

Ключевые слова
Российское государство, Русская Православная Церковь, правовые нормы, каноническое право, абсолютная монархия

Взаимодействие светского и религиозного начал в Российском государстве является одним из интереснейших вопросов теории и истории государства и права. Соотношение государственно установленных и канонических норм в российском законодательстве, их взаимопроникновение существовало на разных этапах развития России, но особенно четко оно прослеживается в нормативных актах эпохи абсолютизма.

Свой авторитет на территории России православные нормы стали приобретать издавна. Русская Православная Церковь является одним из старейших институтов, чья деятельность оказывала огромное влияние на формирование российского права. Представляется, что такое положение дел стало реальностью по следующим причинам:

1) в основе как канонического, так и государственно-установленного права лежат нормы морали и нравственности. Возможно, некоторые нормы, исходящие от государственно-властных структур, иногда представляются безнравственными, но такое восприятие субъективно, поскольку, с точки зрения законодателя его действия всегда направлены на установления блага. Вопрос в том, что иногда то, что представляется благом для одного, является абсолютным вредом для другого;

2) нормы, принимаемые государством, равно как и правила поведения, устанавливаемые Церковью, направлены на регулирование общественных отношений, на их упорядочивание. И те, и другие обеспечиваются силой принуждения; только государственное принуждение имеет фи-

зический или имущественный характер, а церковное обеспечивается силой морального воздействия. В тех сферах человеческой деятельности, где бессильно государство, Церковь часто показывает способность оказать моральное воздействие на личность, что приводит к ее правомерному поведению не в силу государственного принуждения, а в силу активизации нравственных качеств личности вследствие воздействия на нее религиозных представлений о добре и зле;

3) часто церковные нормы совпадают с государственными, это говорит об общности целей Церкви и государства и, следовательно, об обоюдной заинтересованности в делах друг друга, о единстве взглядов на регулирование общественных отношений.

Взаимодействие Русской Православной Церкви в сфере регулирования общественных отношений и формировании правовых норм возникло очень давно. Государственно установленные нормы, касающиеся церкви, сразу же приобрели церковный авторитет и постепенно вливались во внешнее церковное право.

Первым русским церковным уставом традиционно считается «Устав князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных» [1, 22], в котором князь устанавливает церковную десятину, подтверждает отказ от вмешательства в дела, переданные церкви (ст. 4-7 Устава), разделив, таким образом, церковную и светскую судебную компетенцию.- Таким образом, с принятием Русью христианства церковная юрисдикция была отграничена от государственной, и это говорит о некоторой самостоятельности в формировании канонического права.

Но становление канонических норм, укрепляющих нравственные качества личности и способствующих ее правомерному поведению, осуществлялось также и в государственных интересах. Так, церковь способствовала прекращению тех поступков, которые на сегодняшний день представляются, мягко говоря, негуманными (необходимость прекращения женой жизненного пути со смертью мужа, похищения и/или изнасилования девушки с целью вступления в брак и др.), упорядочению взаимоотношений между супругами и иными членами семьи (запрет на избиение родителей детьми, запрет двоеженства и др.), расширению личных и имущественных прав женщин (под влиянием канонического права женщины постепенно перестают нести ответственность за долги мужа, приобретают самостоятельность в распоряжении приданым и т. д.).

Логическим продолжением характеризуемого Устава считается Устав князя Ярослава [2, 110], который также рассматривает взаимоотношения полов и брачно-семейные отношения, но уже подходит к этим вопросам с уголовно-правовых позиций.

Влияние вышеуказанных уставов на развитие права было велико, их положения действовали вплоть до эпохи Петра I. Юридическая сила данных актов признавалась государством. Нормы, установленные Церковью, способствовали упорядочению и формированию личных взаимоотношений с точки зрения нравственных аспектов, сформированных в Византии. Кроме этого, косвенным образом Церковь воздействовала и на государственных лиц,приводяпримеры, достойные подражания – законы благочестивых царей, помещавшиеся в кодексе церковных законов – в Кормчей книге [3].

Исходя из обоюдного признания государством и Церковью юридической силы издаваемых ими норм, можно говорить о тесном взаимодействии канонического и государственно установленного права.

Но в период правления Петра I, по мнению большинства исследователей, происходят активные попытки подчинения Церкви государству. Упраздняется должность Патриарха, на смену которой приходит должность Местоблюстителя Патриаршего Престола, а непосредственным главой Русской Православной Церкви объявляется монарх. Высшим органом централь-

ной власти становится Святейший Синод. Среди материальных источников канонического права российского абсолютизма выделяются

1) государство в лице его органов: Императора, Сената, Государственного Совета, Кабинета министров;

2) Русскую Православную Церковь, представленную Синодом, акты которого обретали юридическую силу после утверждения государем [4, 14].

Подобный подход действительно навевает впечатление о подчиненном положении Русской Православной Церкви по отношению к государству. Действительно, светские источники начитают регулировать сферы, исконно считавшиеся церковными, правовые акты органа церковного управления – Святейшего Синода – не могут действовать без утверждения светской властью, уменьшается сфера церковной юрисдикции. Казалось бы, признаки ущемления правотворческих и судебных функций церкви налицо.

В отечественной литературе распространена точка зрения о том, что «симфония церковной и государственной власти подвергается деформации, смещается в сторону протестантского принципа главенства светского государя над всеми религиозными общинами» [4, 111]. Включение в сферу светского законодательства вопросов, принадлежавших ранее исключительному ведению Церкви, также рассматривается как ограничение ее полномочий.

Этот процесс можно расценивать двояко и, как нам представляется, оценка описываемых фактов должна быть не столь категоричной. В первую очередь отметим, что в отечественной науке еще существует точка зрения, согласно которой одной из причин учреждения Святейшего Синода (а равно и коллегиального управления Церковью) является фактический развал церковного управления к началу XVII в. Такая политика была призвана оградить Русскую Православную Церковь от развала и хаоса [5]. Отметим, что в современный период данная позиция подвергается опровержению, но достаточных фактов, позволяющих судить о ее ошибочности, до настоящего времени так и не предоставлено.

Но действительно, ряд церковных вопросов в период абсолютной монархии в России получает регламентацию в светском законодательстве. Так, в Артикуле воинском 1715 г. государство берет на себя функции наказания за преступления против религии (идолопоклонство, чародейство – ст. 1 Артикула), равно как и за обращение за помощью к данным лицам (ст. 2), богохуление (ст. 3-6), упоминание имени Божьего всуе (ст. 7). Главой 2 Артикула воинского осуществлялся запрет на нарушение регламентированного порядка несения службы Божьей и устанавливались наказания за нарушение указанных правил [1, 78].

Однако светская регламентация данных правоотношений в эпоху правления Петра I не была в новинку для российского законодательства: подобное уже встречалось ранее, в Соборном уложении 1649 г. Глава 1 Уложения предусматривала ответственность за богохуление (ст. 1), воспрепятствование проведению литургии (ст. 2, 3) [1, 53].

При этом следует отметить, что наказание преступников, совершивших указанные деяния, государство брало на себя. Исключением являются лишь предусмотренные Артикулом воинским случаи отсылки к духовному суду священников, ведущих «нечестивый и беззаконный» образ жизни (ст. 14), а также священнослужителей, без уважительной причины не отправляющих службу Божию (ст. 15) [1, 77]. Таким образом, считаем, что следует говорить не столько об ограничении церковной юрисдикции, сколько о дополнительной защите Русской Православной веры и Церкви со стороны государства. Если учесть высказывание о том, что Церкви не пристало применять насилие, можно предположить принятие во внимание

такого положения государством, для которого принуждение является нормой и которое вознамерилось взять функции по его осуществлению на себя, избавив от этого Церковь – мирную организацию, призванную не погубить, а спасти человеческие души.

Это предположение также может быть подтверждено иными нормами законодательства периода абсолютной монархии, и в частности, правления Петра I. Так, преступления против религии и Русской Православной Церкви неизменно стояли на первом месте в источниках светского права: Артикуле воинском, Своде законов Российской империи, Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., а до этого – и в Соборном уложении, что свидетельствует о том, что интересы Русской православной Церкви имели для нашего государства первостепенную важность. Положения Духовного регламента 1721 г. повелевающие всем верноподданным всякого чина – «...Духовным и мирским иметь сие за важное и сильное Правительство, и у него крайния дел Духовным управы, решения и вершения просить. И судом его определенным довольствоватися, и указом его слушать во всем, под великим за противление и ослушание наказанием, против прочих Коллегий», то есть «... всякие распоряжения, действия, мероприятия церковного правительства имеют в государстве для подданных его кроме церковноюридической обязательности, как церковные, и обязательность государственно-юридическую, так как бы они исходили от других правительственных установлений» [6, 129], также свидетельствовали о признании государством интересов Церкви и о готовности принимать меры по их обеспечению.

При этом можно сказать, что государственная власть с уважением относилась к древним православным традициям, предписывая их чтить исоблюдать. Об этом свидетельствуют положения «Справки по вопросу об отношении церковного законодательства государственному» [7, 148], которые подтверждают, что «всякая вновь предпринимаемая законодательная мера, к какому бы предмету духовного управления и суда она не относилась, должна быть согласна по духу и сущности с древними вселенскими постановлениями, всегда долженствующими сохранять свою обязательную силу». Фактически та же самая норма содержится в Духовной Регламенте, называющем в числе оснований церковного управления «уставы гражданские слову Божию согласные» [8].

Такое уважение к Церкви было просто необходимо для того, чтобы светская власть могла опереться на церковную и подкрепить свои повеления указанием на соответствие их воле Божьей. Так, ст. 4 ч. 1 Т. 1 Свода законов Российской империи требовала от росийских подданных повиноваться императорской власти «не только за страх, но и за совесть», как того «сам Бог повелевает». Присяга на верность Императору содержала следующие слова: «... клянусь Всевышним Богом... что хочу и должен... верно и нелицемерно служить... и как я перед Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, так суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет» [9].

Ряд норм права, которые должны были способствовать укреплению церковного влияния на массы, служили также государственным интересам. К таким следует отнести установление Указом Петра I «О хождении на исповедь повсегодно, о штрафе за неисполнение сего правила, и о положении на раскольников двойного оклада» 1716 г. обязательной исповеди прихожан. Данное требование было подтверждено указом Синода в 1722 г., обязавшего быть на исповеди ежегодно всех прихожан, достигших 7-летнего возраста. Учет лиц, приходящих на исповедь, должен был фиксироваться в Исповедной росписи – ежегодном отчётном документе, который составлялся в каждом приходе Русской православной Церкви Российской Империи в XVIII – начале XX вв.

Он представлял собой посемейный список всех проживающих на территории прихода лиц с указанием факта исповеди и причастия во время Великого поста или во время других трёх постов. В случае отсутствия прихожанина на исповеди и причастии в конкретном году указывалась причина такого отсутствия [10].

С одной стороны, такие действия направлены на обращение масс в лоно Церкви и активное приобщение их к христианству и его законам. Но в таком подходе, как мы уже упоминали, был и государственный интерес: одновременно насвященниковвозлагалась обязанность строгого учета прихожан, не являвшихся наежегодную исповедь, и дошения о них не только церковным, но и светским властям, что требовало от священника нарушения основного канонического правила по сохранению тайны исповеди.Таким образом государство стремилось выявить «раскольщиков», уклонявшихся от исповеди. Обозначенный выше указ предусматривал, чтобы все секретные дела, которые священнику будут поручены от властей, «содержать в совершенной тайне и никому не объявлять» [11, 152].

Таким образом, в ряде случаев интересы Русской Православной Церкви и абсолютистского государства совпадали. Поэтому русское каноническое право и российское светское законодательство периода абсолютной монархии следует считать составными частями одновременно и политической, и религиозной сфер: четкое разграничение сфер влияния между ними все уменьшалось, границы церковных и государственных интересов часто совпадали, а поэтому были гибкими и легко проницаемыми. Отчасти это объяснялось особенностями эпохи, где религиозное массовое сознание было очень развитым вследствие влияния канонических норм практически на все сферы жизнедеятельности рядового прихожанина. Это обстоятельство позволяло государству пользоваться сложившимся положением в собственных интересах, что оно и делало, с одной стороны взяв на себя защиту церковных и религиозных норм, а с другой – апеллируя к ним с целью теологического обоснования сложившихся властно-политических порядков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Устав князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных» // *Верхотуров Ю. И., Харьковская Г. З.* История отечественного государства и права: Учебное пособие. – Краснодар, 2010.

2. *Павлов А. С.* Курс церковного права. – СПб. 2002.

3. *Бердников И. С.* Церковное право как особая, самостоятельная область и его отношение к общей системе права. – Казань, 1885.

4. *Цыпин В. А.* Церковное право. – М., 1994.

5. Церковное право и государственное законодательство в истории России: Материалы научной конференции 12-14 мая 2003 г., Институт Российской истории РАН // Церковный вестник. – 2003. – № 910 (262-263).

6. *Заозерский Н.* Право православной грековосточной русской церкви как предмет специальной юридической науки. – М., 1888.

7. Справка по вопросу об отношении церковного законодательства государственному. – СПб., 1914.

8. Духовный регламент 1721 г. – http://www.krotov.info/acts/18/1/1721regl.html

9. Свод Законов Российской империи. – Т. 1. Ч. 1. Ст. 34. – СПб., 1906.

10. Исповедная роспись. – http://ru.wikipedia.org/wiki/

11. *Федоров В. А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700-1917. – М., 2003.

УДК 343.234
ББК 67.408.016
Уголовное право

ОСОБЕННОСТИ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ПОДСТРЕКАТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Кандидат юридических наук В. Г. Саркисян

В представленной статье рассматривается особенности добровольного отказа, его понятие, а также рассматриваются особенности добровольного отказа подстрекателя преступления.

Ключевые слова
Подстрекатель, преступление, особенности, добровольный, отказ

Говоря об основании ответственности за подстрекательство к преступлению, нельзя обойти вниманием особенности добровольного отказа подстрекателя. Институт добровольного отказа соучастников получил обстоятельную разработку в научных трудах отечественных криминалистов в XIX – начале XX вв. Большое внимание ему уделялось и в науке советского уголовного права. Данная проблема не утратила своей актуальности и в настоящее время.

Институт добровольного отказа закреплен в ст. 31 УК РФ, согласно которой добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца (ч. 1). В теории уголовного права общепризнано, что основанием освобождения от уголовной ответственности при добровольном отказе является отсутствие основания уголовной ответственности – общественно-опасного деяния, содержащего признаки состава преступления.

Прежде всего, хочется выделить некоторые особенности добровольного отказа при подстрекательстве, отличающие его от добровольного отказа других соучастников.

Первой такой особенностью является характер поведения подстрекателя при добровольный отказе от преступления. Многие ученые отмечают, что добровольный отказ организатора и подстрекателя возможен только путем активных действий, в отличие от добровольного отказа исполнителя, который, как правило, выражается в прекращении посягательства, то есть и в бездействии[1-2]. Об этом говорится в ч. 4 ст. 31 УК РФ. Добровольный отказ пособника также выражается преимущественно в действии, поскольку в законе указано, что он должен предпринять все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления. Хотя из положений закона вытекает и дру-

гая форма добровольного отказа пособника – бездействие (например, отказ предоставить орудие преступления).

На наш взгляд, добровольный отказ подстрекателя в некоторых случаях возможен путем несовершения определенных действий, которые необходимы для реализации умысла исполнителя, без которых исполнитель не может приступить к осуществлению задуманного преступления (например, непредоставление информации о месте преступления, личности потерпевшего и т. п.).

Вторая особенность добровольного отказа при подстрекательстве состоит в том, что добровольный отказ подстрекателя в некоторых формах возможен только на стадии приготовления, тогда как добровольный отказ от преступления исполнителя возможен как на стадии приготовления, так и покушения. Речь идет о такой форме поведения подстрекателя, как своевременное сообщение органам власти, направленное на предотвращение доведение преступления исполнителем до конца. Представляется, что своевременным может быть лишь сообщение о подготовке к совершению преступления.

Уголовный кодекс РФ предусматривает общие и специальные условия добровольного отказа подстрекателя. К общим условиям относятся к добровольному отказу любого субъекта преступления:

– недоведение исполнителем преступления до конца.

– добровольность отказа от подстрекательства к преступлению, которая характеризуется тем, что лицо добровольно отказывается от склонения другого лица к совершению преступления (в указанной в законе форме) при сознании возможности доведения его до конца.

– окончательность отказа от подстрекательства к совершению преступления, состоящая в том, что лицо окончательно прекращает склонение другого лица к совершению преступления, не намереваясь возобновить его в дальнейшем.

К специальным условиям добровольного отказа подстрекателя следует отнести требование *предотвращения* доведения преступления исполнителем до конца следующими методами: а) своевременным сообщением органам власти; б) иными предпринятыми мерами (ч. 4 ст. 31 УК РФ).

Главным условием добровольного отказа подстрекателя уголовный закон называет *предотвращение* доведения преступления исполнителем до конца. В литературе оценка данного условия добровольного отказа является дискуссионной. Некоторые ученые связывают добровольный отказ подстрекателя и его правовые последствия не с фактом предотвращения преступления, а с воздействием на исполнителя до начала посягательства.

Так, З. А. Абакаров, считает, что добровольный отказ от подстрекательства возможен только тогда, когда подстрекаемое лицо еще не приступило к совершению преступления. В противном случае, «действия подстрекателя, в результате которых исполнитель отказался от продолжения преступной деятельности и ее завершения, следует считать уже деятельным раскаянием». В связи с этим он предлагает разграничить в законе условие непривлечения к уголовной ответственности подстрекателя в связи с добровольным отказом и освобождением от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием[3].

А. П. Козлов полагает, что подстрекатель выполняет две функции в одной: превращает прежде законопослушного человека в преступника и его руками совершает то или иное преступление, причиняя вред общественным отношениям. Исходя из этого, он считает, что «полный добровольный отказ подстрекателя должен заключать в себе ликвидацию и того и другого результатов в совокупности. Поэтому добровольным отказом следует признавать только те действия подстрекателя, в результате которых исполнитель (в

случае подстрекательства исполнителя) откажется от начала совершения преступления или хотя бы от продолжения преступной деятельности и ее завершения». Отсюда он делает вывод: «Предупреждение только причинения вреда следует признавать лишь частичным добровольным отказом с соответствующими правовыми последствиями его – влиянием на назначенное наказание»[4].

Представляется, что такой подход не согласуется с самой природой подстрекательства, общественно опасным результатом, которого является совершение исполнителем преступления, а не формирование его преступного намерения.

Говоря о первой форме добровольного отказа подстрекателя (своевременном сообщении органам власти), необходимо указать, что данная мера должна быть своевременной. Своевременное сообщение органам власти будет иметь место лишь в случае, если подстрекаемое лицо дало согласие на совершение преступления, но еще не приступило к его осуществлению, либо совершило приготовительные действия. В остальных случаях такое сообщение является несвоевременным, и поэтому должно считаться деятельным раскаянием.

К «иным мерам» могут быть отнесены любые предпринятые подстрекателем либо иными лицами (по его просьбе) действия, непосредственно направленные на предотвращение совершения преступления, в том числе меры уголовно-правового характера. Если действия подстрекателя по предотвращению совершения преступления содержат самостоятельный состав преступления, вопрос о его добровольном отказе должен решаться по правилам о крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). К этому случаю общее условие добровольного отказа, указанное в ч. 3 ст. 31 УК РФ, по нашему мнению, не применимо. Согласно данной норме, лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления. В данном случае причинение вреда общественным отношениям при указанных обстоятельствах исключает преступность деяния.

Из ч. 4 ст. 31 УК следует, что обязательным условием добровольного отказа подстрекателя является предотвращение доведения преступления исполнителем до конца, тогда как пособнику достаточно предпринять все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления. По нашему мнению, такой подход законодателя ставит добровольный отказ подстрекателя в полную зависимость от способности органов власти принять меры по предотвращению ставших им известными преступлений, лишает его инициативы способствовать данному процессу.

На данное обстоятельство уже обращалось внимание в литературе. Так, М. И. Ковалев считает, что когда подстрекатель принял все возможные меры, чтобы предотвратить последствия своего подстрекательства «рушится та причинная связь, которая является необходимым элементом соучастия, исполнитель превращается в лицо, действующее в одиночку, субъекта, противопоставляющего свою волю воле других соучастников, и это обстоятельство должно служить достаточным основанием для освобождения от ответственности»[5].

По мнению Н. Ф. Кузнецовой, сообщение подстрекателем органам власти о готовящимся преступлении, сделанное до того, как исполнитель начнет совершать преступление, следует признавать добровольным отказом, даже если исполнитель совершит преступление[6]. Похожей позиции придерживается А. А. Клюев: «Организатор и подстрекатель должны освобождаться от ответственности только в случаях, когда они своими действиями не смогли разрушить решимость у исполнителя совершить преступление и обраща-

ются к органам власти, заявляя о готовящемся преступлении, при этом имеется период во времени, позволяющий предотвратить преступление»[7].

Поддерживая в целом указанные мнения, полагаем более правильным связывать добровольный отказ подстрекателя с его решимостью предотвратить преступление своевременным сообщением органам власти о готовящимся преступлении, при сознании им реальной возможности его предотвращения, что следует предусмотреть в УК РФ. Кроме того, нужно обратить внимание, что действующая редакция ч. 4 ст. 31 УК РФ перегружена специальными предписаниями, имеющими к тому же различное содержание. В связи с этим предлагается ч. 4 статьи 31 УК изложить в следующей редакции: «Организатор и подстрекатель преступления не подлежат уголовной ответственности, если эти лица своевременно сообщили органам власти о готовящемся преступлении при сознании ими возможности предотвращения преступления, или иными мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца». Соответственно положения о добровольном отказе пособника необходимо закрепить в ч. 5 ст. 31 УК РФ.

Кроме этого, положения ч. 5 ст. 31 УК РФ в действующей редакции целесообразно закрепить в пункте «л» ч. 1 ст. 61 УК РФ, выделив неудавшийся добровольный отказ подстрекателя и организатора преступления как самостоятельное смягчающее наказание обстоятельство. Предлагается изложить данный пункт в следующей редакции: «л) Предпринятые организатором или подстрекателем иные меры, предусмотренные частью четвертой статьи 31 настоящего Кодекса, если они не привели к предотвращению совершенного исполнителем преступления». В связи с этим ч. 5 ст. 31 УК РФ в действующей редакции следует исключить.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть: Учебник. – Краснодар, 2005. – С. 254.

[2] Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: Юринфор, 2001.– С. 231.

[3] Абакаров З. А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: Дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – С. 162-164; С. 169-170.

[4] Козлов А. П. Соучастие: Традиция и реальность. – СПб.: Юридический центр пресс. С. 305-306.

[5] Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Часть вторая. – С. 191.

[6] Кузнецова Н. Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. – М., 1958. – С. 214.

[7] Клюев А. А. Добровольный отказ от совершения преступления. – Краснодар, 2005. – С. 129.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА МИНЗДРАВА РОССИИ[1]
КОЛОМЕНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЙОННАЯ БОЛЬНИЦА[2]
ЛИПЕЦКАЯ ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ[3] №1

УДК 61
ББК 53.0,2
Медицина

медицина

ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РАССТРОЙСТВ

Кандидат медицинских наук С. Н. Котляров[1]
И. А. Федотов[1]
А. Н. Шоластер[2]
А. В. Любавин[3]

В статье рассматриваются различные теории возникновения функциональных заболеваний. Представлен анализ двух ключевых концептуальных направлений: соматоцентрические, т. е. теории, учитывающие первичность соматических процессов и психоцентрические, в которых ведущее значение отводится факторам психологической природы.

Ключевые слова
Функциональные расстройства, синдром Da Costa, «органный невроз»

Функциональные расстройства внутренних органов (т. н. «органные неврозы») широко распространены среди населения и являются частой причиной обращения за медицинской помощью. В соответствии с МКБ-10 большинство функциональных расстройств (такие как гипервентиляционный синдром, нейро-циркуляторная астения, синдром Da Costa, гастроневроз и др.) относятся к группе соматоформных расстройств, т. е. находятся в разделе «F», что в соответствии с классификацией относятся к компетенции психиатров. На практике же, большинство таких пациентов обращается за помощью к терапевтам и неврологам, в большинстве своем из первичной медицинской сети. В самом названии «психосоматические» заложено современное понимание этиологии и патогенеза данных заболеваний, как сложного сочетания телесных и психических патологических процессов. В настоящее время между ними нельзя провести тонкую разделительную грань, потому дискуссия между специалистами этих двух направлений медицины постоянно продолжается.

Проблема функциональных расстройств внутренних органов имеет давнюю историю изучения, уходящую корнями еще в античные времена. В работах Гиппократа и Галена (IV в. до н. э.), представлена концепция сродства темпераментов с определенными заболеваниями. Считалось, что для сангвиников характерны нарушения кровообращения, для меланхоликов и холериков – болезни печени, для флегматиков – желудочно-кишечные расстройства. В дальнейшем, чем больше углублялось понимание биологических основ заболеваний, тем меньше внимания уделяли нематериальным теориям. Пока в конце XIX века медицинская наука не исчерпала свои материалистические возможности и опять не подошла к

необходимости актуализации психологического направления (в это время появился психоанализ, медицинская гипнотерапия и началось активное развитие практической психологии). К этому времени относится и деление теорий психосоматических расстройств на «соматоцентрические», предполагающие ключевую роль органических субстратов, и «психоцентрические», в которых ведущее значение отводится факторам психологической природы. Во второй половине XX века, в связи с экзистенциально-гуманистическим направлением развития общества, на проблему посмотрели и с третьей стороны, появились «социоцентрические» теории, объясняющие расстройство как результат воздействия социальных факторов.

Соматоцентрические теории (теории, учитывающие первичность соматических процессов)

Теории функциональных расстройств внутренних органов, объясняющие лишь следствием психических процессов не находят полного понимания среди клиницистов, которые воспринимают их с определенной долей сомнения, надеясь получить морфологические подтверждения.

Одни из первых научных описаний функциональных расстройств относятся к области военной медицины. Принято считать, что пионером в изучении функциональных расстройств, является американский ученый Jacob Da Costa, описавший в 1871 году необычное заболевание у солдат-участников гражданской войны в США, которое было названо автором «раздраженное сердце». Заболевание включало жалобы на одышку, сердцебиение, боли в грудной клетке, слабость, диарею, головную боль, головокружение и нарушения сна [9]. Впоследствии, данное расстройство стало известно как «синдром Da Costa».

Однако, еще до Da Costa функциональные расстройства были описаны американскими врачами H.Hartshorne, Alfed Stille,объяснявшими их как проявление «межреберной невралгии» и хронического переутомления [4, 12, 16]. Определенной популярностью пользовалась гипотеза, представленная в 1864-1868 гг. Earlde Grey о сдавлении ремнями рюкзаков грудной клетки, что, по мнению автора, приводило к нарушению экскурсии грудной клетки и ограничению деятельности сердца [4].

Схожим образом объяснял возникновение симптомов профессор военной медицины Британской армейской медицинской школы W. C. Maclean, отмечавший также в качестве причины заболевания у военнослужащих физическое утомление и нарушение гемодинамики от сдавления грудной клетки лямками тяжелых рюкзаков с амуницией [13].

Arthur Bowen Myers, в своей работе «On the etiology and prevalence of diseases of the heart among soldiers» опубликованной в 1870 году, также рассматривал тяжелые снаряжения солдат, как причину развития расстройства, названного им «кардиоваскулярный невроз» [14].

В качестве причины функциональных расстройств рассматривались также воздействие инфекционных агентов. При анализе функционального расстройства у ветеранов «синдрома войны в Персидском заливе» были выделены следующие инфекции в качестве возможной причины «необъяснимых симптомов»: лейшманиоз, лихорадка Ку, бруцеллез, микоплазмоз (Mycoplasmafermetans и Mycoplasmapenetrans)и вирусные инфекции. Однако до настоящего времени не было получено убедительных доказательств о ключевой роли инфекционных факторов в возникновении военных синдромов, хотя и полностью исключить эту версию не представляется возможным [4].

Наиболее известными соматическими теориями функциональных расстройств, являются теории, базирующиеся на нейрогенных концепциях. Так, известный исследователь функциональных расстройств в клинике внутренних болезней, основоположник нейрогенной теории происхождения язвенной болезни желудка, G. Bergman,

в 1913 году связал язвообразование с хроническим психоэмоциональным неврозом, функциональным нарушением вегетативной нервной системы с преобладанием ваготонии. Однако в своей монографии, опубликованной через 14 лет, в 1927 году автор в некоторой степени пересмотрел свои прежние взгляды на проблему, рекомендовав ограничить использование «вынужденных диагнозов», таких как «чистые формы неврозов органов». Он выразил веру в то, что в большинстве подобных случаев дальнейшие исследования обнаружат причины органического характера [1].

Одним из ключевых направлений в изучении функциональных расстройств является идея «нервизма», основоположником которой был академик И. П. Павлов. Ученик И. П. Павлова, академик К. М. Быков опубликовал в 1942 году монографию «Кора головного мозга и внутренние органы», в которой представилисследование механизмов двусторонних связей коры головного мозга с органами и тканями [3]. За этот научный труд, К. М. Быковым в 1946 году была получена Сталинская премия первой степени. Академик К. М. Быков в своих исследованиях экспериментально подтвердил связь коры головного мозга с внутренними органами. Продолжив исследования по проблеме в 1960 г. К. М. Быков и И. Т. Курцин опубликовали монографию «Кортико-висцеральная патология», в которой объясняли возникновение ряда болезней нарушением корково-подкорковых взаимоотношений и нейрогуморальной регуляции функций внутренних органов.

Психоцентрические теории

Одним из основоположников изучения психосоматических расстройствсчитается австрийский ученый Зигмунд Фрейд. В своих работах по изучению истерии он описал бессознательный механизм конверсии, как «загадочный скачок из душевного в соматическое» [6]. Данный феномен был описан Фрейдом при истерическом расстройстве, его смысл он видел в символическом выражении вытесняемых (запретных, табуированных) желаний. Появление конверсионного симптома давало больному истерией «выгоды»: первичную, заключающуюся в том, что человек больше не чувствовал постоянного внутреннего напряжения от скрытого конфликта (симптом давал разрядку), и вторичную, которая давала ярлык «больного, страдающего», что имело благоприятные социальные последствия: много внимания, забота, возможность долго пребывать в пассивной детской позиции и манипулировать другими – все то, чем «живет» истерическая личность. Для избавления от конверсионных симптомов успешно использовался гипноз (школа Шарко), который давал случаи «драматического выздоровления» после первого сеанса, но не обеспечивал, зачастую, стойкость результатов. З. Фрейд в своей теории лечения неврозов отошел от классической гипнотической парадигмы, где лечение проводилось без сознательного участия пациента, и разработал свою концепцию, смысл которой сводился к анализу симптомов, поиску бессознательного конфликта и возвращению его в область осознаваемого, чтобы решить его «здесь и сейчас», а не прятать «скелет в шкафу».

Данная концепция нашла широкое применение уже во время первой мировой войны, когда для описания «военных неврозов» также использовалось понятие конверсии. Психическим конфликтом в основе болезни при этом являлся «конфликт долга и страха». Таким образом, невроз, становился способом «сбежать» с войны, не соприкасаясь с чувствами критикующей совести. Например, известен факт конверсионной слепоты у ефрейтора Баварской армии Адольфа Гитлера, что позволило ему уйти из рядов отступающей армии и встретить капитуляцию кайзеровской Германии в военном госпитале.

С именем Georg Walter Groddeck связано распространение применения конверсионногомеханизма с истерии на понимание функциональных заболеваний

внутренних органов. Dunbar (1938) ввела понятие личностного профиля, то есть определенной констелляции личностных характеристик, свойственных человеку и предопределяющих развитие психосоматических заболеваний. Было описано 8 профилей для следующих заболеваний: ревматоидный артрит, острая ревматическая лихорадка, хроническая ревматическая болезнь сердца, сахарный диабет, гипертоническая болезнь, аритмии, травматизм, ишемическая болезнь сердца [10].

Ключевой фигурой в развитии психосоматической медицины явился Франц Александер, который сформулировал принципы, получившие название «гипотеза специфичности». Вот ее основные положения:

1. Психологические факторы, ведущие к соматической болезни, имеют специфическую природу. Они могут быть определены как установки больного по отношению к окружающей среде или к себе самому. Адекватное познание этих факторов возможно только в ходе лечения больного.

2. Сознательные психические процессы играют подчиненную роль в возникновении соматических симптомов, так как они могут быть свободно выражены и реализованы через произвольную систему. Подавленные тенденции вызывают хроническую дисфункцию внутренних органов.

3. Актуальная жизненная ситуация имеет только ускоряющее влияние на болезнь. Понимание причинных факторов должно быть основано на знании развития личности больного.

Ф. Александер полагал, что выбор органа обусловлен характером подавляемых или вытесненных стремлений или переживаний вследствие специфических интрапсихических конфликтов. Этот выбор опосредован реакцией вегетативной нервной системы: при хроническом подавлении определенных эмоций происходит активация симпатической или парасимпатической нервной системы, что повышает вероятность развития соматических заболеваний. Так, например, к расстройствам сердечно-сосудистой системы предрасполагает хроническое подавление гнева, а тревога, вызванная фрустрированной потребностью в любви повышает вероятность развития бронхиальной астмы и расстройств желудочно-кишечного тракта. В отличие от Georg Walter Groddeck, Александер делал различия между конверсионной истерией и т. н. «неврозами органов», так как внутренние органы иннервируются вегетативной нервной системой, где подсознательные процессы играют меньшую роль. Однако при этом он предполагал, что бессознательное может запускать цепочки физиологических процессов, в конечном итоге приводящих к заболеванию [8].

Теория Vaillant G. (1977) предлагает рассматривать появление психосоматических симптомов, как незрелые защитные эго-механизмы, наряду с появлением неврозов и психозов [17]. Появление теории привязанности английского психиатра Джона Боулби [2], также породило свои концепции в рассматриваемом направлении [5]. Так в работах G. Engel, F. Reichsman (1956) было показано, что появлению соматизированных расстройств часто предшествует разрыв отношений привязанности, что приводит к появлению сепарационной тревоги и депрессии заброшенности, которые в дальнейшем соматизируются.

Причины возникновения психосоматозов обнаружены также и в ранних детско-родительских отношениях. Так в работах Sperling M. (1955) описана «типичная психосоматическая мать»: авторитарная, сверхвключенная, доминирующая, открыто тревожная, латентно враждебная, требовательная и очень навязчивая. Такая мать отвергает детские попытки демонстрации отличия, самостоятельности, автономности. Патологичность подобных отношений закрепляется специфическим местом отца в семейной структуре, когда он в силу собственной слабости не может противостоять доминирующей и авторитарной матери и находится в отдалении

от материнско-детской диады [11].

Во многих работах актуализируется роль аффективных нарушений в происхождении соматоформных расстройств. В последнее десятилетие появилась концепция «маскированных» депрессий, при которых у пациентов есть множество соматических жалоб, типичных для депрессии, но отсутствует депрессивный аффект, т. к. больной не может его понять или вербализовать вследствие алексетимии (невозможности описывать свое эмоциональное состояние). Данные расстройства поддаются лечению антидепрессантами, но зачастую трудно диагностируются [7].

Таким образом, в непростой истории изучения функциональных расстройств, предложены множество различных теорий, однако ни одна из них в настоящее время не рассматривается в качестве единственной и ключевой, что определяет необходимость проведения дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бергман Г. Функциональная патология /Г. Бергман // Клинический сборник итогов и воззрений врачебной школы. – М.; Л.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936. – 400 с.

2. Боулби Д. Создание и разрушение эмоциональных связей / Д. Боулби. – М.: Академический проспект, 2004.

3. Быков К. М. Кора головного мозга и внутренние органы / К. М. Быков; Медико-санитарное управление ВМФ. – Киров: Изд. военно-морской мед. акад., 1942. – 382 с.

4. Котляров С. Н. Соматические гипотезы военных синдромов / С. Н. Котляров // «Наука молодых» (Eruditio Juvenium). – 2013. – № 3. – С. 122-129.

5. Федотов И. А., Шустов Д. И. Роль феномена привязанности к родителям в генезе алкогольной зависимости // Российский научный журнал. – 2014. – № 3. – С. 316-322.

6. Фрейд З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. – М.: Наука, 1990. – С. 145.

7. Шустов Д. И. Классические концепции психосоматической медицины / Д. И. Шустов, С. А. Шустова // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. – 2006. – № 3. – С. 91-95.

8. Alexander F. Psychosomatic medicine / F. Alexander, B. Therese. – New York: Norton, 1987. – 300 p.

9. Da Costa J. M. On irritable heart: a clinical study of a form of functional cardiac disorder and its consequences / J. M. Da Costa // Am. J. M. Sc. – 1871. – P. 61-117.

10. Dunbar H. F. Mind and body: psychosomatic medicine / H. F. Dunbar. – New York: Random House, 1947. – 386 p.

11. Engel G. Spontaneous and experimentally induced depressions in an infant with a gastric fistula / G. Engel, F. Reichsman // Journal of the American Psychoanalytic Association. – 1956. – N. 4. – P. 428-452.

12. Hartshorne H. On heart disease in the army / H. Hartshorne // Am. J. M. Sc. – 1864. – P. 48-89.

13. Maclean W. C. Diseases of the heart in the British Army: the cause and the remedy /W. C. Maclean // Br. Med. J. – 1867. – P. 161-164.

14. Myers A. B. R. On the etiology and prevalence of disease of the heart among soldiers / A. B. R. Myers. – London: Churchill, 1870.

15. Sperling M. Psychosis and psychosomatic illness / M. Sperling // International Journal of Psychoanalysis. – 1955. – N. 36. – P. 320-327.

16. Stille A. Address before the Philadelphia County Medical Society / A. Stille. – Philadelphia: Collins Printer, 1863. – P. 18-19.

17.Vaillant G. E. Adaptation to life / G. E. Vaillant. – Boston: Lippincott Williams & Wilkins, 1977. – 396 p.

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Н. БУРДЕНКО[1]
РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА[2]

УДК 616.314-08
ББК 56.6+56.145.45
Медицина: Стоматология

медицина

ИЗМЕНЕНИЯ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СТАТУСА В ПЕРИОД ПОСТОПЕРАЦИОННОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ У СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ В АСПЕКТАХ ДВИГАТЕЛЬНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИХ И ВЕГЕТАТИВНЫХ РЕАКЦИЙ

Доктор медицинских наук Д. Ю. Харитонов[1]
Кандидат медицинских наук Н. Е. Митин[2]
М. И. Гришин[2]

В данной статье приведены результаты исследования изменения психоэмоционального статуса стоматологических больных в период послеоперационной реабилитации в аспектах двигательно-поведенческих и вегетативных реакций. Сравнительно исследованы перечисленные показатели от исходных до показателей в девяностодневной перспективе. Представленные данные позволяют констатировать положительное и значимое влияние модифицированных зубочелюстных протезов на психоэмоциональное состояние пациентов, несколько менее выраженное при наличии онкологических заболеваний, которые обуславливают определённую задержку обратного развития нежелательных вегетативных реакций в период послеоперационной реабилитации.

Ключевые слова
Психоэмоциональный статус, постоперационная реабилитация стоматологических больных, вегетативные реакции

Психоэмоциональное состояние стоматологических пациентов, отражая, с одной стороны, наличие того или иного вида и объема патологии, а с другой – способствуя или препятствуя быстрейшей и полноценной реабилитации в послеоперационном периоде, необходимо требует своего адекватного и объективного определения – как перед оперативным вмешательством, так и после него, по ходу постоперационной реабилитации. Данная проблема является весьма актуальной, поскольку исследования на данную тему в области стоматологии достаточно скудны [1, 3, 4] .

Целью настоящего исследования являлось сравнительное изучение динамики психоэмоционального статуса в послеоперационном периоде у стоматологических больных с учетом изменений их двигательно-поведенческих и вегетативных реакций применительно к разным способам зубочелюстного протезирования.

Материал исследования представлен результатами исследования двигательно-поведенческих и вегетативных реакций, полученных при определениях психоэмоционального статуса 458 пациентов сто-

матологического профиля в возрасте от 21 до 80 лет в постоперационном периоде реабилитации. При этом выделены три группы. Контрольная группа (I) включала 60 пациентов, которым в послеоперационном периоде оказывался традиционный комплекс реабилитационных пособий (М:Ж=1,1:1). Среди них 42 (70 %) с дефектами зубного ряда, 18 (30 %) – с дефектами челюстей. Группа из 292 пациентов с дефектами зубного ряда (II), требующими непосредственного съемного зубопротезирования (М:Ж=1,1:1). Из них причиной образования дефекта в 212 (72,6 %) случаях являлись кариес и воспалительные заболевания пародонта, а в 80 (27,4 %) – переломы челюстей. И – группа из 106 больных с дефектами челюстей, требующих зубочелюстного протезирования (III) (М:Ж=1,2:1). Причиной дефектов во всех случаях являлись злокачественные опухоли челюстей.

В основных группах (II-III) традиционные методы протезирования дополнялись использованием зубных и челюстных протезов с насечками, в виде точечных углублений нанесенных шаровидными борами диаметром 1-3 мм с интервалом 5 мм в виде вариабельного числа рядов, определяемого размерами протеза. Насечки наносились на поверхность протеза, прилегающую к раневой и покрывались слоем мази «Виспосил» [2].

Во всех выделенных группах после объявления диагноза и плана лечения, включавшего в себя предстоящее оперативное вмешательство с разъяснением его возможных дальнейших последствий и плана постоперационной реабилитации проводилось определение двигательно-поведенческих и вегетативных реакций. В дальнейшем подобное определение повторялось в сроки 10, 30 и 90 дней после оперативного вмешательства и протезирования.

Спектр определения двигательно-поведенческих реакций включал в себя комплекс симптомов, отражающих уровень внутренней напряженности (ВН): сжатие губ, отсутствие улыбки, страдальческое выражение лица, напряжение жевательных мышц, изменение выражения глаз, пассивность позы, длительность сохранения ее, а также признаки, отражающие уровень нервной возбудимости (НВ): частое моргание, а также двигательное беспокойство, хаотичность движений, частая смена поз в стоматологическом кресле, или, напротив, вялость движений.

Среди вегетативных реакций фиксировались: частота сердечных сокращений, гиперемия или бледность кожных покровов лица и шеи, гипергидроз лица и ладоней, расширение зрачков, гипер- или гипофункция слюнных желез.

Частота обнаружения той или иной реакции в % преобразовывалась в условные баллы (УБ): до 10 % – 1; 11-20 % – 2%; 21-30 % – 3 и т. д. В дальнейшем, в каждом временном определении УБ суммировались, отдельно для показателей ВН (максим. – 50 УБ) и НВ (макс. – 30 УБ). Полученные результаты рассматривались как характеризующие, в целом, соответствующий комплекс реакций для данной группы в каждом определении, – совокупная суммарная характеристика группы (ССХГ) в том или ином апекте.

Полученные данные анализировались и сопоставлялись с использованием компьютерной программы Statistica 7.0.

Как следует из данных, представленных в Табл. 1 наиболее выраженный и быстрый эффект по сравнению с контролем констатирован во II группе, где ССХГ по ВН имела наибольший, по сравнению с контролем, уровень снижения в отношении к исходному показателю уже на 10-й день после операции (61,7 % к исходному), а в конечном определении на 90-й день достигала минимального значения - 4,3 %. Аналогичная, менее выраженная по сравнению со II группой, динамика зафиксирована в III группе (10-й день – 72,9 %, 90-й – 8,3 %).

В строках ВН и НВ дополнительный ряд чисел жирным шрифтом – % отноше-

Таблица 1

Изменения двигательно-поведенческих реакций пациентов (в условных баллах) в период реабилитации после стоматологических операций

Вид реакции	I группа	II группа	III группа									
	Исходно	10 дн	30 дн	90 дн	Исходно	10 дн	30 дн	90 дн	Исходно	10 дн	30 дн	90 дн
Сжатие губ, отсутствие улыбки	10	9	2	1	10	6	2	-	10	8	2	1
Страдальческое выражение лица	10	7	2	-	10	5	1	-	10	7	-	1
Напряжение жевательных мышц	10	6	1	1	10	9	1	-	10	8	1	-
Изменение выражения глаз	10	9	1	-	9	4	1	1	10	6	3	1
Пассивность позы и ее длительное сохранение	7	5	2	2	8	5	1	1	8	6	2	1
ССХГ по ВН	47	36 **76,6**	8 **17,0**	4 **8,5**	47	29 **61,7**	6 **12,8**	2 **4,3**	48	35 **72,9**	8 **16,7**	4 **8,3**
Частое моргание	9	8	4	2	9	5	1	-	8	7	2	1
Хаотичность движений	4	3	2	1	3	3	1	1	4	2	1	1
Частая смена поз в стоматологическом кресле	4	3	1	1	4	4	2	1	4	4	2	1
ССХГ по НВ	17	14 **82,4**	7 **41,2**	4 **23,5**	16	12 **75,0**	4 **25,0**	2 **12,5**	16	13 **81,3**	5 **31,3**	3 **18,8**

ние ССХГ в данном столбце к исходному значению.

Сходным образом изменялись и показатели ССХГ по НВ с тем отличием, что если во II-ой группе заметно более выраженное ее снижение к исходному значению по сравнению с контролем зафиксировано уже на 10-ый день после операции (75 %), то в III-ей – лишь на 30-й (31,3 %). Конечное определение, в сравнении с контролем, также демонстрировало более значимое снижение ССХГ по НВ относительно исходного – во II-ой группе (12,5 %) по сравнению с III-ей (18,8 %).

Показатели ССХГ вегетативных составляющих психоэмоционального статуса (ССХГв), приведенные в Табл. 2, в постоперационном периоде реабилитации по сравнению с аналогичными изменениями ССХГ по ВН и НВ уменьшались менее быстро относительно своего исходного уровня, сохраняя при этом сравнительно более высокие значения. Наилучшие результаты при этом достигались во II-ой группе, где снижение ССХГв заметно большее, нежели в контрольной группе имело место уже на 10 день (76,2 %) и достигало минимального значения (16,7

Таблица 2

Изменения вегетативных реакций пациентов (в условных баллах) в период реабилитации после стоматологических операций

Вид реакции	I группа				II группа				III группа			
	Исходно	10 дн	30 дн	90 дн	Исходно	10 дн	30 дн	90 дн	Исходно	10 дн	30 дн	90 дн
Тахикардия	10	8	4	1	10	8	2	1	10	9	3	1
Гиперемия кожных покровов	4	4	2	1	5	3	1	1	4	4	3	1
Бледность кожных покровов	5	4	3	1	4	3	1	1	4	4	2	1
Гипергидроз лица и ладоней	4	4	3	3	4	4	2	1	5	5	3	2
Расширение зрачков	8	6	4	2	7	5	3	1	8	6	3	2
Гиперсаливация	7	6	3	1	7	5	2	1	7	6	5	2
Сухость во рту	4	4	3	2	5	4	2	1	5	4	3	1
ССХГв	42	36 **85,7**	22 **52,4**	11 **26,2**	42	32 **76,2**	13 **31,0**	7 **16,7**	43	38 **88,4**	22 **51,2**	10 **23,3**

%) на 90 день. На этом фоне в III группе динамика снижения ССХГ, относительно исходного уровня в постоперационном периоде реабилитации, не имела существенных отличий от соответствующих изменений в контрольной группе.

Сравнительно меньшая лабильность ССХГ по ВН и НВ, а также ССХГ в III-ей группе находит свое объяснение, как в большей травматичности оперативных вмешательств, выполненных в этой группе, так и в наличии онкологической патологии, самой по себе оказывавшей негативное влияние на психоэмоциональный статус пациентов.

Таким образом, представленные данные позволяют констатировать положительное и значимое влияние модифицированных зубочелюстных протезов на психоэмоциональное состояние пациентов, несколько менее выраженное при наличии онкологических заболеваний, которое обуславливает определенную задержку обратного развития нежелательных вегетативных реакций в период послеоперационной реабилитации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Курляндский В. Ю. Психологические исследования в стоматологии / В. Ю. Курляндский // Стоматология. – 1989. – № 5. – С. 67-71.

2. Митин Н. Е. Варианты реабилитации пациентов после хирургической санации полости рта: Дис. ... канд. мед. наук / Н. Е. Митин. – Рязань, 2012. – 56 с.

3. Семенова Н. Д. Психологические исследования в стоматологии / Н. Д. Семенова // Стоматология. – 1999. – № 6. – С. 57-64.

4. Синичкин В. В. Анализ психоэмоционального напряжения больных перед стоматологической операцией в зависимости от психологических особенностей личности / В. В. Синичкин, Н. Н. Бажанов // Стоматология. – 1989. – № 3. – С. 28-29.

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Н. БУРДЕНКО[1]
РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ[2]

УДК: 616.315+616.317]-007.254-089
ББК 56.145.45+56.613
Медицина

медицина

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ПАЦИЕНТОВ ПОСЛЕ ХИРУРГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ В ЗУБОЧЕЛЮСТНОЙ СИСТЕМЕ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)

Доктор медицинских наук Д. Ю. Харитонов[1]
Кандидат медицинских наук Н. Е. Митин[2]
Т. В. Царькова[2]

В представленном обзоре литературы рассматривается вопрос социально-психологической реабилитации стоматологических больных в постоперационный период. Статья основана на клинических исследованиях российских и зарубежных авторов, представляет ценность как источник основной информации по существующим видами способам психологической реабилитации после операций в зубочелюстной системе.

Ключевые слова
Стоматология, адаптация, качество жизни, социально-психологическая реабилитация, психологическая помощь в стоматологии.

Большое количество пациентов после проведенного лечения могут испытывать проблемы с адаптацией в социальной среде, а так же нуждаются в улучшении качества жизни. Реабилитация (от лат. *re* вновь + *habilis* приспособленный) – комплекс медицинских, психологических, педагогических, профессиональных и юридических мер, целью которых является достижение полного восстановления функций, нарушенных вследствие заболевания или травмы (ВОЗ, 1980 г.) [9].

Комплекс хирурургических мероприятий в стоматологии многообразен и обширен. Существуют основные виды стоматологических операций в зубочелюстной системе: пластические операции на челюстях, лечение опухолей полости рта, операции на тканях пародонта, имплантация,зубосохраняющие процедуры, лечение воспалительных процессов, удаление зубов [5, 3].

Сегодня реабилитация является одной из самых быстро развивающихся областей медицины. В стоматологии выделяют следующие этапы реабилитации [1]: этап восстановления медицинского статуса, включающий в себя восстановление утраченных функций (например, протезирование), физиотерапию и дополнительные медицинские вмешательства; восстановление психологического статуса с целью сформировать культурно-продуктивную личность; восстановление прав в обществе и социального положения, обучение навыкам персонального ухода, профессиональная реабилитация [9].

В стоматологии, как и в других облас-

тях медицины, способы социально-психологической реабилитации наиболее действенны при тесном взаимодействии врача и пациента. Психологическая реабилитация должна применять методы психотерапии, психофизиологии, психогигиены, аутогенной тренировки, социальной педагогики. Нередко социально-психологическая реабилитация включает в себя помощь клинических психологов или психотерапевтов. Совместно с ними используются следующие виды психотерапии, позволяющие воздействовать на психику больного и на весь организм: психоанализ Зигмунда Фрейда – метод лечения психических расстройств путем выяснения взаимодействия сознательных и бессознательных элементов психики и переведения вытесненных чувств и конфликтов в сознание; игровая психотерапия – направлена на облегчение эмоционального напряжения у юных пациентов с помощью разнообразных игровых материалов; обучение приемам и формулам самовнушения (аутогенные тренировки), ежедневное убеждение пациентом самого себя с помощью жизнеутверждающих фраз (например: «Я преодолею!»; музыкотерапия, цветотерапия, увеличение двигательной, дельфинотерапия, канистерапия и иппотерапия являются эффективными методами психологии. По некоторым данным, не менее 25 % взрослых пациентов боятся посещать стоматолога. Поэтому важно грамотно и аккуратно провести процедуры и последующую реабилитацию, чтобы свести к минимуму стресс при повторных посещениях [11, 10, 7].

Операция удаление зуба очень распространена в стоматологической хирургической практике. Возможные послеоперационные осложнения являются схожими как при удалении зуба, так и при зубосохраняющих и пародонтологических операциях. Дефект зубного ряда на месте удаленного зуба является функциональным и эстетическим нарушением, которое может отразиться на психологическом состоянии пациента, а сложные удаления, пародонтологические и зубосохраняющие операции сочетаются с повышенным травматизмом в процессе проведения манипуляции [3]. На сегодняшний день имплантация является самым эффективным и инновационным способом протезирования потерянных или отсутствующих зубов. Психологическая коррекция предусматривает оценку положительных сторон проведенного лечения, делают упор на красоте и функциональности новой улыбки. Стоматофобия – психологическое нарушение, приобретенное в следствии негативного опыта посещения стоматолога [11]. Беседа перед проведением операции – главный фактор успешного предупреждения возможных проблем. Прежде всего, необходимо внимательно выслушать пациента, внушить оптимизм, уверенность в излечении заболевания, избежав необоснованных обещаний [9].

На сегодняшний день не уменьшается количество больных, нуждающихся в устранении дефектов челюстей от огнестрельного ранения, вмешательств по поводу новообразований [2]. Главными задачами психолога являются купирование синдрома паники и тревожного состояния, коррекция болевого синдрома и психологическое консультирование родственников пострадавшего [7, 8]. Реабилитационные мероприятия после ортогнатической хирургии во многом схожи с реабилитацией в пластической хирургии, а отличительной особенностью является речевая реабилитация, связанная с ношением ортодонтической аппаратуры [8]. Для предотвращения расстройств у больного нужно объяснить, что боль и неудобства – это временно, а так же использовать классические методы борьбы с депрессией: общение с близкими людьми, пешие прогулки, разнообразные водные процедуры, занятия спортом, йогой и медитацией, ароматерапия, вязание или другое хобби, рассуждения на тему перспектив выздоровления и изменения качества жиз-

ни [9]. При конструктивном проведении социально-психологической реабилитации выявляется посттравматический рост у личности, как положительное последствие психологической травмы [1, 4].

Заключение: Социально-психологическая реабилитация стоматологических больных – обязательный и важный этап единого комплексного лечения пациентов. Стоит отметить, что при всем многообразии методик, тема является недостаточно изученной и требует более тщательного внимания со стороны практикующих специалистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абрамова Г. С. Практическая психология. – М.: Академический Проект, 2003. – 496 с.

2. Арутюнов А. С., Кицул И. С., Лебеденко И. Ю. Комплексный подход к реабилитации пациентов с челюстно-лицевыми дефектами // Стоматолог. – 2008. – № 8. – С. 2-4.

3. Афанасьев В. В. Хирургическая стоматология. – М.: Гэотар-Медиа, 2011. – 376 с.

4. Горбатова М. М. Ценностные ориентации личности как динамическая система / Горбатова М. М., Серый А. В., Яницкий М. С. // Сибирская психология сегодня: Сб. научн. трудов. – К.: Кузбассвузиздат, 2004. – 90 с.

5. Евдокимов А. И. Хирургическая стоматология: Учебник для медицинских стоматологических институтов / Евдокимов А. И., Лукомский И. Г., Старобинский И. М. – М.: Медгиз, 1950. – 216 с.

6. Епифанов В. А. Медицинская реабилитация. Руководство для врачей. – М.: МЕДпресс-информ, 2005. – 328 с.

7. Курякина Н. В., Митин Н. Е. Тревожность и депрессивность на стоматологическом ортопедическом приеме // Рос. медико-биол. вестник им. акад. И. П. Павлова. – 2008. – № 2. – С. 143-146.

8. Речевая реабилитация пациентов после хирургических стоматологических операций / Митин Н. Е., Мишин Д. Н., Коротких Н. Г., Пономарёв Е. О. // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1.

9. Морозов П. Ю. Реабилитация и её основные направления. – М.: Медицинский колледж РАМН, 2000. – 105 с.

10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – М.: МЕДпресс-информ, 1989. – 288 с.

18. Методы оценки и коррекции стоматофобии: Учебно-методическое пособие для студентов стоматологических факультетов медицинских ВУЗов / Севбитов А. В., Макеева И. М., Тюктеева Э. М., Брызгалов А. С. – М.: МЕДпрессинформ, 2009. – 32 с.

**ВЛАДИМИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. Г. И Н. Г. СТОЛЕТОВЫХ
МУРОМСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
КАФЕДРА ТЕХНОСФЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

УДК 614.449: 615.37: 636.03
ББК 28.081.8+48.725+48.73
Биология

биология

ИММУННЫЕ РАССТРОЙСТВА В ОРГАНИЗМЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖИВОТНЫХ И ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ ЕГО ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ТЕХНОГЕННЫХ ПАТОЛОГИЯХ ПАРАЗИТАРНОЙ ЭТИОЛОГИИ

Доктор ветеринарных наук Н. Г. Гусейнов

Работа посвящена изучению иммунологических показателей и развития патологических процессов, именуемых техногенными патологиями при паразитарных болезнях животных; возможных рисков для здоровья человека в сфере его деятельности.

Ключевые слова
Биогеоценоз, биологические аспекты, диктиокаулез, животные, гематология, иммунология, эритроциты, лейкоциты, токсикоз, патология

Введение. Одной из главных задач современности, направленных на сохранение здоровья и генофонда населения, является его обеспечение в достаточном количестве безопасным высококачественным продовольственным сырьем и продуктами питания. Решение этой задачи в современных условиях глобальной урбанизации, многопланового техногенного и антропогенного влияния на состояние биоценозов, повсеместного усложнения экологической обстановки, представляется сложной и, подчас, трудно разрешимым процессом [2].

Достижения научно-технического прогресса неуклонно сопровождаются, существенными изменениями соотношений между макро- и микробиотическими компонентами биогеоценозов [1]. Реальным проявлением этих нарушений в организме сельскохозяйственных животных и птиц является снижение адаптационных свойств, нарушения иммунологических показателей и развитие патологических процессов, именуемых техногенными патологиями.

По сообщениям из печати, на долю таких патологий у новорожденных, маточного поголовья и молодняка приходятся основные потери в животноводстве, составляющие в отдельных хозяйствах до 94-96 % всех случаев заболеваний (А. В. Жаров, 2000) [3].

Цель исследований – пообсуждать вслух о такого рода патологиях паразитарной этиологии, изучить биологические аспекты проблемы и риски для здоровья человека в сфере его деятельности.

Материалы и методы. Для оценки состояния иммунной системы животных, больных паразитозами исследовали ряд гемотологических показателей, характеризующих напряженность клеточных и

гуморальных факторов иммунитета. Исследования проводили на 230 гол. телятах с выраженными клиническими признаками характерными для диктиокаулеза кр. р. ск. в хозяйствах нашего региона (СПК «Илькино», СПК «Арбадьево») Меленковского района. Возраст животных 150-180 дней. Полученные данные сравнивали с результатами здоровых животных контрольной группы аналагичного возраста, такими же условиями кормления и содержания [2].

Для подтверждения поставленного диагноза проводили гельминтокопрологические исследования (гельминтолярвоскопия – метод Вайда и Бермана-Орлова) обнаружение личинок длитиокаулюсов.

Результаты исследований. Исследованиями гемотологических и иммунологических показателей выявлена существенная разница в морфологических и иммунологических показателях крови здоровых и больных телят. Анализ данных приведенных в таблице 1 показывает, что количество лейкоцитов, эфитроцитов и гемоглобина у больных выше, чем у здоровых, но при этом насыщенность эритроцитов гемоглобином низкая, что видимо связано с токсикозом, (вызванным токсинами и продуктами жизнедеятельности гельминтов). В сыворотке крови больных телят отмечено значительное снижение общего белка. При расчете коэффициента корреляции изменений показателей здоровых и больных животных выявлена высокая связь с патологическим состоянием у животных с уровнем содержании общего белка в сыворотке крови.

Таблица 1

Средние показатели основных параметров в периферической крови здоровых и больных диктиокаулезом

№	Показатели	Здоровые	Больные	Корреляционные отношения, %
1	Гемоглобин, г/мкл	10,87 ± 1,8	11,29 ± 0,8	6,0
2	Эритроциты, млн/мкл	8,1 ± 0,3	9,3 ± 0,4	15,57
3	Содержание гемоглобина в эритроцитах, ПГ	15,2 ± 0,09	13,9 ± 0,04	7,40
4	Лейкоциты, тыс/мкл	8,23 ± 0,064	10,27 ± 1,39	18,0
5	Общий белок, г/л	67,7 ± 8,9	53,8 ± 9,9	417,4

Изучение факторов неспецифической резистенции телят показал, что при диктиокаулезе фагоцитарная активность нейтрофилов достоверно снижается, а активность моноцитов существенно не изменяется. При исследовании больных и клинически здоровых животных выявлено, что у первых наблюдается недостаточность как Т-клеточной популяции лимфоцитов, так и В- клеточном. (Табл. 2)

Опытной группе относительное содержание Т-клеток в среднем на 9%, а В-клеток на 8% меньше по сравнению с клинически здоровыми животными. Такая же картина складывается при сопоставлении их абсолютных показателей.

Оценка гуморальных факторов иммунной системы позволила установить, что бактерицидная активность сыворотки крови больных диктиокаулезом телят меньше на 15,5 % и концентрация лизоцима также ниже у больных животных по сравнению с клинически здоровыми телятами. Уровень иммуноглобулинов класса M и G в сыворотке крови больных телят имел меньшее значение, чем у конт-

Таблица 2

Содержание Т- и В- клеточных популяций лимфоцитов

Популяция клеток	Единица измерения	Больные	Здоровые	Р
Т - лимфоциты	%	20,7 ± 0,87	29,8 ± 1,7	P<0,05
	× 10/л	1,343 ± 0,06	1,893 ± 0,07	P<0,05
В - лимфоциты	%	11,82 ± 1,01	20,4 ± 0,9	P<0,05
	×10/л	0,692 ± 0,04	2,14 ± 0,08	P<0,05

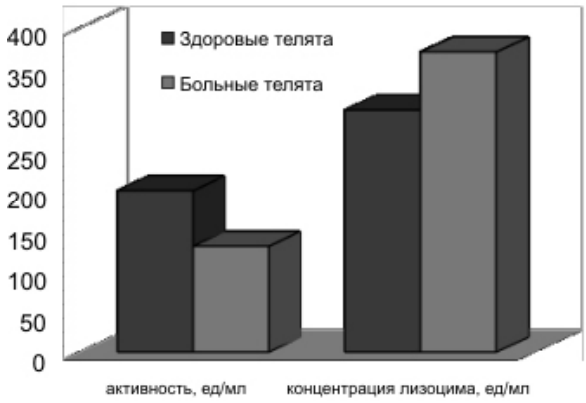
рольных животных. Результаты полученные при исследовании клинического и иммунного статуса телят, свидетельствует о наличии иммунодефицитного состояния у больных диктиокаулязом телят, а именно уменьшение уровня иммуноглобулинов, понижение количества Т- и В-лимфоцитов крови.

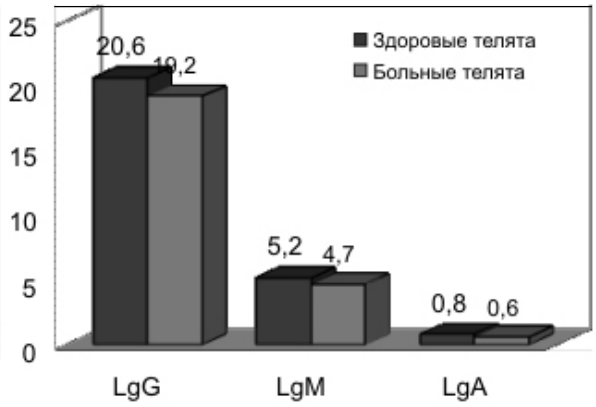
При интерпретации результатов иммунограммы важное значение имеет определение степени иммунных расстройств (СИР) по методу предложенному Земсковым А. М., (1995) в модификации Девришова Д. А. определяется по формуле: [М(б)/М(зд)]х100, где М(б) – средняя арифметическая величина больных животных; М(зд) – средняя арифметическая величина здоровых животных. Если рассчитанная величина составляет 1-29 %, это соответствует первой СИР; Если 30-60 % – второй СИР; более 60 % – третьей СИР. Наряду с определением СИР считается целесообразным для правильной оценки полученных данных определение лейко- Т-клеточного (отношения лейкоцитов к количеству Т-лимфоцитов) (норма 4-7) и лейко- В-клеточного (отношение лейкоцитов к количеству В-лимфоцитов) (норма до 30) индексов характеризующие степень нарушения Т- и В-системы иммунитета.

У больных диктиокаулязом животных СИР Lg находится в пределах 25-50 %; В-лимфоцитов 60 %; лейкоцитов 30,6 %; комплемента и лизоцима 93 и 33,6 % соответственно; фагоцитарная активность нейтрофилов 44 %.

При диктиокаулезе у телят наблюдается выраженный вторичный иммунодифецит Т-системы иммунитета. В крови наблюдается Т-лимфоцитопения – снижение комплементарной активности сыворотки крови и индукции иммуноглобулинов всех классов.

Обсуждение результатов. В результате проведенных нами исследований ус-





тановлено, что диктиокаулез в нашем регионе регистрируется в начале июля, заболевание приобретает энзоотическое течение, достигает максимума развития в августе. Проявляется приступами болезненного кашля с характерными симптомами катаральной брохопневмонии. Нарушается нормальный газовый и общий обмен. Наступает кислородное голодание клеток всех органов и тканей. Наличие воспалительной слизи в пораженных бронхах обычно является благоприятной средой для вторичного развития патогенной микрофлоры. Поэтому диктиокаулез нередко осложняется пневмонией инфекционного происхождения с подъемом температуры тела до 42°. Секреты и экскреты, выделяемые диктиокаулюсами, обладают выраженными антигенными свойствами. Поступая в кровь, они сенсибилизируют организм животных, вызывая развитие во многих органах и тканях воспалительных процессов аллергического характера. Больные телята имеют недостаточность иммунной системы, характеризующаяся уменьшением Т- и В- клеточной популяции лимфоцитов, угнетением бактерицидной активности сыворотки крови и фагоцитарной активности нейтрофилов, а также невысоким содержанием иммуноглобулинов G- и M- класса и концентрации лизоцима в сыворотке крови. Что касается реальности существования рисков для здоровья человека в сфере его деятельности однозначно утверждать или категорически отрицать нельзя, исторически сложилось так, что человек в результате эволюционного развития очень тесно контактируется с животными. Среда обитания животных является сферой жизнедеятельности человека. Конечно, непосредственно больные диктиокаулезом не представляют опасности для здоровья человека, но косвенно риски всегда есть – вторичное развитие патогенной микрофлоры вирусной или бактериальной экологии; употребление продуктов питания и сырья животного происхождения полученные от больных животных. Сам факт деятельности человека в сфере обитания больных животных и т. д. и т. п.

Заключение. Результаты наших исследований обосновывают необходимость постоянного мониторинга подобных ситуаций нарушения иммунологических показателей и развитие патологических процессов, именуемых техногенными патологиями паразитной этиологии, и применение адекватных мер профилактических и лечебных мероприятий, т. к. они представляют реальную опасность для здоровья и жизнедеятельности человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ощенков В. Г. Эпизоотологическое благополучие ферм по зооаптропонозах // Веткорм. – 2009. – № 4. – С. 23.

2. Гусейнов Н. Г. Эпизоотология экономически значимых наиболее распространенных паразитов // Веткорм. – 2009. – № 5. – С. 28-29.

3. Девришов Д. А., Печников Г.Н., Жарова Т. П., Ковалев А. А. Изменение показателей иммунного статуса молодника крупного рогатого скота при введении препарата, выделенного из бурсы птиц // Материалы методической и научной конференции: Сб. науч. тр. – М.: МГАВМиБ им. К. И.Скрябина, 2001. – С. 124-125.

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ[1], г. РЯЗАНЬ
РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА[2]

УДК 598.8: 591.5
ББК 28.081
Биология: экология

биология

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СЛУЧАЙНОЙ И ЗАВИСЯЩЕЙ ОТ ЗНАЧИМЫХ ФАКТОРОВ ВАРИАБЕЛЬНОСТИ ГНЕЗДОВОЙ БИОЛОГИИ ПТИЦ

Кандидат биологических наук А. В. Барановский[1]
Доктор сельскохозяйственных наук Е. С. Иванов[2]
Кандидат технических наук М. В. Ленков[2]

В статье рассматривается методологический вопрос применения математической статистики в изучении репродуктивной биологии птиц. Показано, что выраженная дисперсия показателей не может считаться основанием для отношения к межстациальным отличиям как к недостоверным, поскольку причиной такой дисперсии обычно служат не случайные причины, а поведенческий полиморфизм популяции по реакции на целый ряд факторов, выявляемый только статистическими методами.

Ключевые слова
Репродуктивная биология птиц, математическая статистика

Введение

Одной из наиболее важных проблем при анализе массового материала по различным аспектам биологии птиц является оценка достоверности полученных результатов. Как правило, при изучении одного и того же показателя на разных территориях удается обнаружить определенные отличия. Логично предположить, что они являются следствием специфики набора и интенсивности воздействия значимых для птиц факторов на каждом из модельных участков. Однако правомерно и предположение о случайном характере наблюдаемых отличий. Для решения указанного противоречия существует три основных пути:

1. Сравнительный анализ материала по значительному числу видов. Если тенденции у них оказываются сходными, это свидетельствует о достоверности обнаруженных закономерностей.

2. Традиционная оценка достоверности с помощью методического аппарата статистики.

3. Сопоставление пределов изменчивости показателей в пределах одной модельной территории и на территориально разобщенных участках.

Каждый из них имеет свои недостатки. В первом случае необходимо собирать материал не только по интересующим исследователя видам, но и по другим, причем в не менее массовом количестве. Статистический анализ как правило оказывается недостаточно чутким. Нередко он вынуждает считать наблюдаемые отличия недостоверными, в то время как наблюдаемые тенденции очевидны. Третий путь привлекал мало внимания исследовате-

лей, обычно ограничивавшихся изучением средних величин, в редких случаях лимитов выборки генеральной совокупности данных.

Целью нашей работы было проанализировать различные способы математической обработки данных по репродуктивной биологии птиц, оценить сравнительную значимость случайной изменчивости и поведенческого полиморфизма особей в популяции. Задачи включали проведение статистического анализа выборки разных размеров, сделанной из одной и той же генеральной совокупности случайным образом и в зависимости от разного количества учтенных факторов.

Материал и методы

В 2008-2014 гг. мы провели специальное исследование для изучения особенностей статистического распределения данных по репродуктивной биологии птиц. Модельный объект для подобных исследований должен быть многочисленным, что позволяет собрать массовый материал. В то же время изменчивость изучаемого показателя и других, связанных с ним, также должна быть значительной. Поэтому мы выбрали для анализа дрозда-рябинника. В качестве основного показателя рассматривали высоту расположения гнезд. Оценивали среднее значение и величину стандартного отклонения в выборках, сформированных различными способами – по году исследования, модельным стациям, используемым для закрепления гнезд древесным породам, типу прикрепления гнезда к субстрату, степени замаскированности (способ обнаружения). Количество элементов в выборках было различным и составляло в разных случаях от 9 до 158 гнезд. В качестве контроля использовались выборки аналогичного объема, сформированные из той же самой совокупности данных случайным образом (номер гнезда выбирался при помощи генератора случайных чисел). Максимальная выборка составила 329 гнезд (весь имеющийся объем данных), минимальная – 25 гнезд.

Результаты и обсуждение

Дрозд-рябинник в отношении высоты гнездования является очень пластичным видом. При анализе распределения гнезд по высотам очевидно, что чаще рябинники гнездятся на средних высотах, максимальные и минимальные используются реже. Вместе с тем, проверка распределения на нормальность показывает его явно выраженную асимметрию. Асимметрия характеризует степень несимметричности распределения относительно его среднего. Положительная асимметрия указывает на отклонение распределения в сторону положительных значений, отрицательная – в сторону отрицательных значений. Расчет асимметрии по формуле

$$\frac{n}{(n-1)(n-2)}\sum\left(\frac{x_i-\bar{x}}{s}\right)^3$$

дал результат – 0,85, т. е. очевиден сдвиг частот к началу выборки. Построение графика дает возможность установить, что этот сдвиг вызван увеличением доли гнезд в интервале 2,1-3,0 м. Все остальные интервалы характеризуются приблизительной частотой совпадения реального распределения частот и теоретического, для нормального распределения (рис. 1).

Возможных гипотез для объяснения данного феномена две. Согласно первой, мы имеем дело со случайным отклонением полученного распределения от математического ожидания, в связи с недостаточным объемом выборки. Вторая гипотеза привлекает для объяснения асимметрии один или несколько значимых для птиц факторов.

Для проверки этих гипотез исследуем выборки разного размера из всего имеющегося у нас массива данных, сделанные на основании разных предположительно важных для птиц факторов и случайным образом (с помощью генератора случайных чисел).

Анализ независимых экспериментов по формированию случайной выборки (табл. 1) показывает, что при увеличении

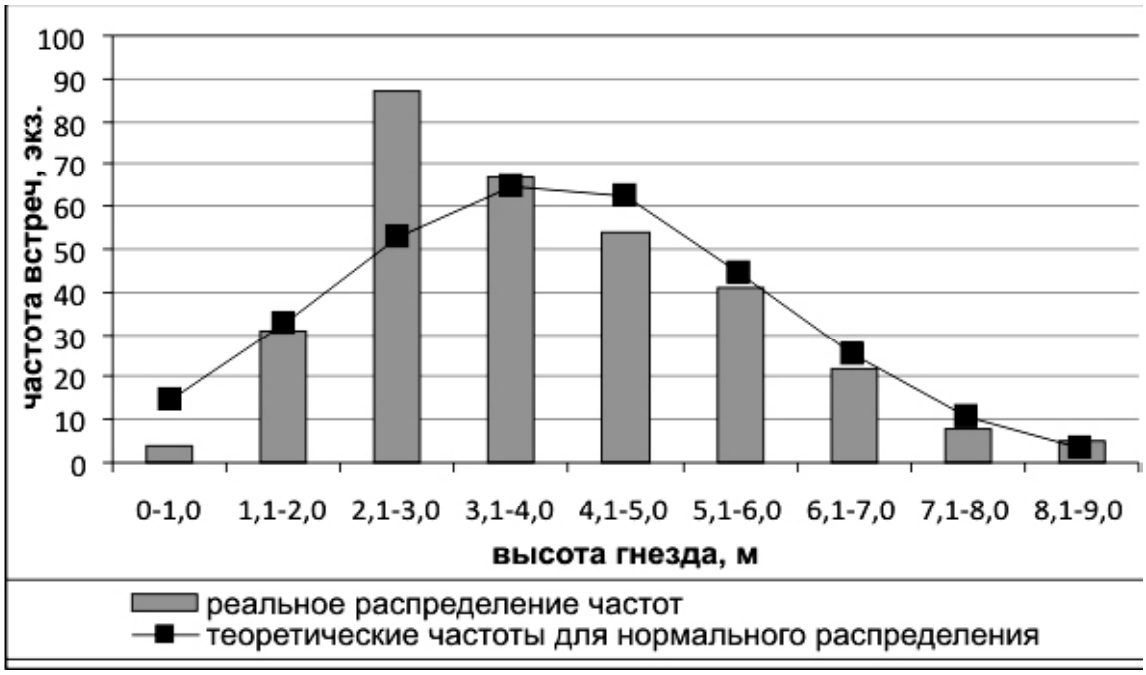


Рис. 1. Иллюстрация асимметрии распределения гнезд по высоте (n = 329)

размера выборки средние значения показателя остаются в пределах, близких к таковым даже для самых небольших выборок, тогда как стандартное отклонение закономерно уменьшается, линия тренда в этом случае представляет собой практически прямую, наклоненную под небольшим углом.

Продолжив линию тренда до пересечения с осью абсцисс, получаем, что для этого необходим объем данных в пределах 970-1100 регистраций. Согласно правилу трёх сигм, практически все значения нормально распределённой случайной величины лежат в интервале, не превышающем разности среднего арифметического и троекратной величины стандартного отклонения. Таким образом, для всего имеющегося у нас массива данных доверительный интервал находится в интервале от 3,97 - 1,88 X 3 до 3,97 + 1,88 X 3, т.е. от - 1,67 до 9,61. Таким образом, реальная применимость данной операции фактически нулевая, поскольку очевидно,

Таблица 1

Динамика среднего арифметического и стандартного отклонения по высоте расположения гнезда дроздов-рябинников в случайных выборках разного размера

Объем выборки	25	50	100	200	329
Эксперимент 1					
Среднее значение	4,092	4,042	4,194	4,207	3,978
Стандартное отклонение	2,56	2,39	2,25	1,98	1,88
Эксперимент 2					
Среднее значение	4,252	3,826	4,015	3,8545	3,978
Стандартное отклонение	2,72	2,26	2,14	1,90	1,88

что гнезда не могут располагаться ниже уровня почвы на 1,5 метра, в то же время реально имеющиеся факты гнездования на высоте 10 и более метров следует не объяснять, а удалять из выборки. Таких гнезд в выборке оказывается 5 (1,52 %).

Увеличив гипотетически объем данных до 600 гнезд (стандартное отклонение в обоих экспериментах около единицы), мы получаем доверительный интервал 3,97 - 1,00 X 3 до 3,97 + 1,00 X 3, т. е. от - 0,97 до 6,97. Количество выходящих за его пределы гнезд в нашей имеющейся выборке составляет уже 28, т. е. 8,51 %. Дальнейшее увеличение выборки приведет к необходимости исключения все большего объема данных, вплоть до почти всех имеющихся при выборке более 1000 гнезд.

В том случае, если требуется установить разницу в высоте гнездования рябинника в разных стациях, то уже по каждой из них необходим объем более 500 гнезд, а если рассматриваются дополнительно еще какие-то факторы, то этот объем возрастает в соотношении, близком к геометрической прогрессии. Очевидно, что собрать требуемое количество материала в этом случае невозможно, поскольку на любой доступной исследователю территории просто не может быть такой численности особей.

Подтвердим вышеуказанный тезис анализом выборок, сформированных по разным основаниям. Исследование выборки по годам (табл. 2) показывает, что в этом случае стандартное отклонение от объема выборки уже не зависит (r = - 0,01), но обнаруживает значительную связь с динамикой среднего арифметического (r = 0,616).

Таблица 2

Динамика среднего арифметического и стандартного отклонения по высоте расположения гнезда дроздов-рябинников в зависимости от года исследования

Год исследования	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Объем выборки	17	41	59	70	55	34	18
Среднее значение	3,712	4,122	3,860	4,514	3,798	2,985	3,272
Стандартное отклонение	2,19	1,99	1,65	1,93	1,33	1,37	1,34

Это свидетельствует о том, что наблюдаемые отличия высоты расположения гнезд по годам связаны не с размером выборки (который имеет лишь слабое отношение к количеству гнездившихся на модельной территории птиц и в основном зависит от человеческого фактора), а с какими-то реальными особенностями года. Анализ связи статистических показателей с исследуемой стацией (табл. 3) показывает, насколько легко можно ошибиться в интерпретации данных.

Таблица 3

Динамика среднего арифметического и стандартного отклонения по высоте расположения гнезда дроздов-рябинников в зависимости от стации

Стации	Естественный широколиственный лес	Населенные пункты	Лесопарк
Объем выборки	64	76	158
Среднее значение	4,370	3,896	2,310
Стандартное отклонение	2,14	2,05	0,99

Легко можно наблюдать, как по мере роста выборки снижается средняя высота расположения гнезд и стандартное отклонение. Однако это обусловлено совсем другими причинами, а именно, особенностями стации. В естественных биотопах высота расположения гнезд максимальна вследствие попытки дроздов защититься от наземных древеснолазающих хищников (защита от хищных птиц обеспечивается коллективной атакой на них колонии дроздов и высокоэффективна). В лесопарке таких хищников практически нет, поэтому гнезда в целом располагаются ниже. Здесь выше численность врановых, и даже несмотря на эффективную коллективную защиту дроздов, снижение заметности гнезд вследствие уменьшения высоты гнездования оказывается адаптивным. В населенных пунктах интенсивное передвижение людей вынуждает птиц вновь увеличивать высоту гнездования. Данная закономерность давно известна и подтверждается результатами предыдущих исследований биологии гнездования рябинника, а также нашими данными [1, 2, 8-11]. Формальный анализ показывает существование тесной связи всех трех показателей – среднего значения, стандартного отклонения и объема выборки (|r| в пределах 0,98-1,0). Тип стации относится не к количественным, а к качественным показателям, и потому не подлежит статистическому анализу. Однако в реальности именно он и является фактором, влияющим на высоту гнездования, а корреляция с размером выборки оказалась случайной.

Сходные закономерности можно выявить и при анализе данных по используемым дроздами древесным породам (табл. 4).

Таблица 4

Динамика среднего арифметического и стандартного отклонения по высоте расположения гнезда дроздов-рябинников в зависимости от используемой древесной породы

Древесная порода	яблоня	береза	дуб	липа
Объем выборки	9	22	30	99
Среднее значение	2,800	4,709	4,663	3,909
Стандартное отклонение	1,54	1,55	2,23	1,60

Несмотря на десятикратную разницу в объеме выборки стандартное отклонение для всех используемых дроздами деревьев менялось в очень узких пределах. Связь отклонения и размером выборки не обнаруживается (r = - 0,08). Единственная заметная корреляция среди числовых показателей отмечена между средней высотой гнездования и стандартным отклонением (r = - 0,50). Это неудивительно, поскольку при прочих равных условиях значения стандартного отклонения должны быть тем больше, чем больше само число, от которого и рассчитывается отклонение. В реальности высота гнездования на разных деревьях определяется особенностями архитектоники их крон, т. е. является функцией самого дерева и в какой-то степени функцией поведения вида (насколько актуальной птица оценивает необходимость укрытости гнезда или его доступности с земли). При этом единственным показателем, который может быть выражен численно, является высота самого дерева. В частности, высота яблонь как правило существенно меньше, чем у дикорастущих деревьев, а лип – меньше чем дубов и берез. Соответственно изменяется и высота гнездования дроздов на этих деревьях, даже притом, что птицы размещают гнезда отнюдь не на их вершинах.

Анализ взаимозависимости высоты поселения птиц и способа закрепления гнезда на растительном субстрате показал от-

сутствие заметной связи. Средние значения высоты для всех способов размещения гнезд (по которым имеется хотя бы более десятка регистраций) оказались очень близкими. Стандартное отклонение также оказалось сходным во всех случаях, независимо (r = 0,55) от размера выборки (отличающегося более чем в три раза), при этом оно оказалось максимальным не в какой-либо из меньших выборок, а как раз в самой большой. Минимальные значения показателя характерны для выборки гнезд, расположенных на пнях, видимо, в связи с четким ограничением верхнего высотного порога самих пней (деревья редко ломаются на значительной высоте).

Таблица 5

Динамика среднего арифметического и стандартного отклонения по высоте расположения гнезда дроздов-рябинников в зависимости от типа закрепления гнезда на субстрате

Тип закрепления гнезда	на горизонтальных стволах и ветках	на пнях	в развилке ствола и 2-4 тонких веток	в развилке 2 стволов
Объем выборки	14	20	32	58
Среднее значение	3,871	3,770	3,956	3,992
Стандартное отклонение	2,05	1,14	1,76	2,28

Средние значения высоты гнезд с различным качеством маскировки оказались весьма различными (табл. 6). Наиболее близки к средним по всей выборке вообще высоты легкозаметных гнезд, т. е. таких, которые мы обнаруживали, не применяя никаких специальных методов поиска. Более тщательно укрытые гнезда нередко демаскируются самим фактом своего расположения в специфичных местах – густые кусты, пни с углублениями в верхней части, «ведьмины метлы», полудупла и т. д. Их легко обнаружить, целенаправленно обследуя именно такие объекты, которые сами по себе обычно хорошо заметны, к тому же неоднократно используются птицами повторно. Гнезда данной категории отличаются самыми низкими средними высотами. Самыми хорошо замаскированными мы считали те гнезда, которые удавалось найти только методом слежения за поведением взрослых птиц. Средняя высота гнезд этой группы оказалась максимальной и существенно превышающей результат по выборке в целом. Значения стандартного отклонения в выборке по степени замаскированности гнезд оказались связаны лишь со средней высотой их расположения (r = 0,95). Корреляция обоих названных показателей с объемом выборки оказалась незначительной.

Сравнительный анализ данных по выборкам, сделанным случайным образом и по пяти биологически значимым показателям позволила установить, что в первом случае наблюдается ожидаемый результат – снижение стандартного отклонения с ростом выборки, тогда как во всех остальных случаях этого не происходит. Распределение данных в выборках, сделанных по существенным для птиц показателям, не случайно. Такой вывод следует как из проведенных нами расчетов, так и из целого ряда специальных исследований, вскрывающих механизм взаимосвязи изучаемых показателей. Ряд закономерностей прослеживается на обширных территориях [1-5, 7, 8, 10, 11]. Однако формально все они проявляются лишь на уровне тен-

Таблица 6

Динамика среднего арифметического и стандартного отклонения по высоте расположения гнезда дроздов-рябинников в зависимости от степени замаскированности гнезда

Способ поиска гнезда	Специальный осмотр наиболее благоприятных мест	Наблюдение за взрослыми птицами	Легко заметные гнезда
Объем выборки	33	49	148
Среднее значение	3,391	5,059	3,873
Стандартное отклонение	1,72	2,35	1,70

денций, в связи с широкими пределами лимитов выборок. Сама по себе столь значительная дисперсия данных требует научного объяснения. Логически, возможных причин может быть две: широкая норма реакции у большинства особей; разнокачественность особей, обладающих сравнительно узкой нормой реакции.

В научной литературе факты нетипичного гнездования птиц или изменения каких-то аспектов их гнездовой биологии по градиенту трансформации среды обычно объясняют первым способом. Как следствие, приходится признать отсутствие процесса приспособления к антропогенному ландшафту как таковому в пользу преадаптации [6]. Однако все больше детальных исследований, в которых изучаются индивидуальные особенности отдельных особей, показывают высокую степень гнездового консерватизма, в частности у дроздов [1, 4]. Мы также наблюдали немало подобных фактов, в том числе гнездование в прошлогодних постройках того же вида до четырех раз подряд (или строительство новых на том же самом месте, в случае разрушения прошлогодней постройки). В одном из случаев мы наблюдали за гнездом в развилке четырех стволов (такая архитектоника встречается крайне редко). После вылета птенцов всего в 15 метрах от старого гнезда появилось новое, также в развилке четырех стволов. Изучение древостоя показало, что эти два дерева были единственными с подобной архитектоникой на площади по крайней мере в 2 гектара. Поскольку птицы не были нами индивидуально помечены, сложно утверждать, что это были те же самые особи, однако мы считаем именно такое предположение наиболее верным.

Явление гнездового консерватизма позволяет нам считать более верной вторую причину значительной дисперсии данных. По нашему мнению, мы в любом случае имеем дело не с одной выборкой, а с несколькими, различить которые не можем, поскольку не всегда можем предположить, какие факторы являются для них ключевыми. Анализ данных по срокам начала и окончания репродуктивного периода также подтверждает существование нескольких групп особей с взаимно независимым или очень слабо зависимым персональным составом.

Выводы

1. Анализ распределения гнезд рябинника по высоте показал заметную асимметрию, которая теоретически может быть связана как с недостаточным размером выборки, так и с действием значимых для птиц факторов.

2. Проверка первой гипотезы показала, что имеющийся у нас объем выборки (329 гнезд) более чем достаточен для статистического анализа и адекватно отображает генеральную совокупность. В случайных выборках с их увеличением средние значения существенно не изменяются, а стандартное отклонение закономер-

но уменьшается.

3. В выборках по тем или иным важным для птиц факторам этого не происходит, поскольку распределение данных в них не случайно.

4. Значительная дисперсия данных может быть объяснена широкой нормой реакции у большинства особей или разнокачественностью особей, обладающих сравнительно узкой нормой реакции. Косвенные данные подтверждают второй вариант. Поэтому можно утверждать, что общая выборка, как и генеральная совокупность, представляет собой механическую сумму отдельных выборок, каждая из которых подчиняется закону нормального распределения.

5. Для исследований биологии птиц на одной модельной территории даже в случае широкой пластичности вида по изучаемому показателю объем выборки в пределах 100-200 гнезд представляется вполне достаточным. В случае анализа действия различных факторов на нескольких модельных участках объем данных должен быть увеличен как минимум вдвое.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барановский А. В. Сравнительная биология птиц семейств дроздовых и мухоловковых (на примере города Рязани): Монография. – Lap Lambert Academic Publishing 2013. – 185 с.

2. Барановский А. В., Иванов Е. С. Механизмы экологической сегрегации птиц в антропогенных ландшафтах // Российский научный журнал. – 2013. – № 7(38). – С. 294-305.

3. Барановский А. В., Иванов Е. С. Сравнительная характеристика птенцовой трофики дроздов в условиях симпатричного обитания в антропогенном ландшафте // Вестник КрасГАУ. – 2013. – Вып. 6. – С. 150-155.

4. Барановский А. В., Хлебосолов Е. И., Марочкина Е. А., Чельцов Н. В., Лобов И. В., Бабушкин Г. М., Ананьева С. И. Механизмы экологической сегрегации четырех совместно обитающих видов дроздов – рябинника (Turdus pilaris), белобровика (T. iliacus), певчего дрозда (T. philomelos) и черного дрозда (T. merula) // Русский орнитологический журнал (СПб.). – 2007. – С. 1219-1230.

5. Гришанов Г. В. Особенности биологии гнездования черного дрозда (Turdus merula) в ландшафтах с различной степенью окультуривания на территории Калининградской области // X прибалтийская орнитологическая конференция. Тезисы докладов. Ч. 2. – Рига, 1981. – С. 47-48.

6. Корбут В. В. Преадаптивность, стратегии существования птиц в нестабильной среде и механизмы урбанизации // Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии. Мат-лы междунар. конф. (XI Орнитол. конф.). – Казань, 2001. – С. 313-314.

7. Лыков Е. Л. Экология гнездования черного дрозда в условиях Калининграда // Орнитология (МГУ). – 2011. – Вып. 36. – С. 114-130.

8. Птицы севера Нижнего Поволжья: В 5 кн. – Кн. IV. Состав орнитофауны / Е. В. Завьялов, В. Г. Табачишин, Н. Н. Якушев и др.; Под ред. д-ра биол. наук Е. В. Завьялова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. – 268 с.

9. Смирнов С. В., Венгеров П. Д. Особенности экологии размножения и стабильности развития сороки в городе Воронеже // Экология врановых птиц в антропогенных ландшафтах: Мат-лы междунар. конф. – Саранск, 2002. – С. 113-115.

10. Сотников В. Н. Птицы Кировской области и сопредельных территорий. – Том 2. Воробьинообразные. Ч. 2. – Киров: ООО «Триада плюс», 2008. – (432 с.). – С. 145-146.

11. Luniak M., Mulsow R. Ecological parameters in urbanization of the European Blackbird. // Acta XIX Congressus Internationalis Ornithologici, Ottawa, 22-29.VI. 1988. – Vol. 2 (H. Onellet, ed.). – Univ. of Ottawa Press, Ottawa. – P. 1787-1793.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА

УДК 616-001: 613.81
ББК 56.145.11
Медицина

медицина

ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА В ДЕТСТВЕ ПОДРОСТКОВ, ЗЛОУПОТРЕБЛЯЮЩИХ АЛКОГОЛЕМ

Кандидат медицинских наук Е. А. Шитов
Кандидат медицинских наук А. П. Филимонов

Психическая травма в детстве больных алкоголизмом играет большую роль на формирование в будущем зависимости. Диссоциация – это защитный механизм, с помощью которого человек справляется с последствиями психической травмы. Исследование, проведенное авторами статьи, оценивает влияние детской психической травмы и диссоциативных психических процессов на развитие алкогольной зависимости и злоупотребления спиртным у лиц подросткового возраста.

Ключевые слова
Подростковый алкоголизм, детская психическая травма, диссоциация, защитные механизмы психики

В последние годы все более актуальным становится злоупотребление алкоголем и развитие алкогольной зависимости несовершеннолетними лицами [4]. Также Надеждин А. В. считает, что самым важным фактором развития алкогольной зависимости является дисфункция родительской семьи. Психотравматические для ребенка (высокий уровень семейного стресса, семейная нестабильность, отсутствие семейной сплоченности, теплых и близких отношений в семье), являются факторами риска злоупотребления психоактивными веществами и пути коррекции их является целью первичной профилактики болезней зависимости.

Для взрослых больных алкоголизмом большое значение в формировании зависимости от алкоголя имеют переживания психотравматического характера в детстве пациента [1, 4, 8]. Причем это могут быть как объективно тяжелые, безусловно патогенные внешние ситуации (утрата родителей, воспитание ребенка в интернате, сексуальное или физическое насилие и т. п.), так и «условно патогенные» факторы – неспособность ближайшего окружения обеспечить ребенку атмосферу доверия, защищенности, взаимопонимания [2, 3, 7].

Зарубежные исследователи также признают роль психотравмирующих событий в детстве пациента в патогнезе алкогольной зависимости. Также зарубежные авторы исследуют защитные механизмы психики и способы адаптации пациента к психической травме [10, 11, 12]. Считается, что индивид справляется с последствиями травмы с помощью диссоциации. Диссоциация – разделение, разобщение связей; бессознательный процесс, разделяющий мышление (или психические

процессы в целом) на отдельные составляющие, что ведет к нарушению обычно интегрированных функций сознания, памяти, идентичности и восприятия окружающего. Диссоциация защищает индивида от осознавания того, что произошло во время травматического события. При этом избегается переживание болезненных аффектов, связанных с травмой, и воспоминаний о ней [5].

Несмотря на защитный характер диссоциативных процессов, исследования показали, что при длительном существовании диссоциативного процесса защитный характер его превращается в основу для искаженного восприятия действительности, неблагоприятно сказываясь на адаптации [5, 12].

Нами были получены убедительные доказательства роли травматических переживаний и диссоциативных защитных процессов у взрослых лиц, зависимых от алкоголя [9]. Текущая работа посвящена исследованию роли травматических переживаний раннего детского возраста и диссоциативных психических процессов в формировании злоупотребления и зависимости от спиртного у лиц подросткового возраста.

Материалы и методы исследования

Мы обследовали две группы испытуемых.

1. 30 подростков, злоупотребляющих алкоголем (группа ПЗА), проходивших реабилитацию Рязанском областном клиническом наркологическом диспансере. Возраст испытуемых варьировал от 15 до 17 лет, средний возраст подростков составил 15,8±0,2 года.

2. Также было обследовано 30 здоровых подростков, не употребляющих спиртные напитки и другие ПАВ (возраст – в пределах от 15 до 16 лет, средний возраст составил 15,6±0,1 года).

Комплекс исследований включал клиническое обследование подростков злоупотребляющих алкоголем, клинико-анамнестическую оценку детского психотравматического опыта и оценку выраженности диссоциативных процессов с помощью Шкалы диссоциации.

Оценивая детскую психическую травму мы, учитывая данные научных исследований [6, 8, 10], выделили 3 группы факторов. 1) родительская дисфункция (как следствие алкоголизации родителей, агрессии с их стороны по отношению к ребенку, холодность воспитания, импульсивность родителей, отсутствие чувства желанности у ребенка, чувство заброшенности в детстве); 2) раннее и травматическое отделение от родителей в результате их смерти, тяжелой и продолжительной разлуки, отказа от ребенка и воспитания его в интернате (болезненная сепарация); 3) насилие (физическое, сексуальное, эмоциональное).

Оценка выраженности диссоциативных процессов проводилась с помощью Шкалы диссоциации (ШД). ШД (Dissociative Experiences Scale – DES) – инструмент для оценки диссоциативных процессов [5, 6, 9].

Результаты исследования

При сравнении частоты детских психотравматических переживаний у ПЗА и подростков контрольной группы выявлены следующие результаты (см. таблицу 1).

Как видно из таблицы, выявлено преобладание отдельных событий травматического характера у подростков, злоупотребляющих алкоголем. Под термином алкоголизация родителей понималось наличие субъективно неприятных воспоминаний в связи с систематическим употреблением спиртного кем-то из родителей. Причем подростки, злоупотребляющие алкоголем, отмечали в основном алкоголизацию обоих родителей или алкоголизацию матери, воспитывающей ребенка без мужа. Подростки же контрольной группы отмечали, прежде всего, злоупотребление спиртным отца. Это перекликается с данными относительно большего значения алкоголизации матери по сравнения с алкоголизацией отца для формирования диссоциативной и психической патологии у взрослых лиц [9].

Таблица 1

Сравнение частоты детской психической травмы в группе ПЗА и в контрольной группе подростков

Психотравматические события в детстве (%)	ПЗА n=30	Контроль – подростки n=30
Родительская дисфункция		
Алкоголизация родителей	92,3	6,7
Агрессия родителей	80,8	20,0
Холодность воспитания	50,0	10,0
Импульсивность родителей	61,2	13,3
Отсутствие чувства желанности	65,4	0
Чувство заброшенности в детстве	57,7	3,3
Отсутствие счастливых воспоминаний из детства	46,2	6,7
Сепарация		
Отказ от ребенка	34,6	0
Смерть (тяжелая разлука)	46,2	23,3
Смерть одного из родителей	46,2	3,3
Насилие		
Физическое насилие	61,5	3,3
Сексуальное насилие	3,8	0
Эмоциональное насилие	65,4	26,7

Анализ уровня показателей диссоциации, измеренные с помощью ШД, у ПЗА представлены на таблице 2. Там же представлены значения диссоциации у подростков контрольной группы. Средний уровень выраженности диссоциативных процессов (ДП) в группе ПЗА был равен 18,23±2,9 балла. В контрольной группе уровень ДП составил 5,21±0,7 балла, что статистически достоверно ($p<0,001$) ниже уровня ДП в группе ПЗА.

Заключение

Исследуя лиц подросткового возраста, злоупотребляющих алкоголем, мы выявили, что эти лица чаще, чем здоровые испытуемые отмечают переживания травматического характера в детстве. У лиц ПЗА отмечается более высокий уровнь диссоциативных процессов, оценных с помощью Шкалы диссоцации. Эти данные позволяют говорить о влиянии событий психотравматического характера пережитых в детстве на формирование алкогольной зависимости у этой категории лиц.

Таблица 2

Уровни показателей диссоциации в группе ПЗА и в контрольной группе здоровых подростков

Показатели диссоциации	ПЗА n=30		Подростки - контроль n=30		P<
	M	м	M	м	
ДП	18,23	2.9	5,21	0,7	0,001

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белокрылов И. В. Личностные и средовые факторы развития зависимости от психоактивных веществ / И. В Белокрылов, И. Д. Даренский // Руководство по наркологии / под ред. Н. Н. Иванца. – М.: Медпрактика, 2002. – Т. 1. – С. 64-87.

2. Меринов А. В. Современные взгляды на феномен созависимого поведения при алкогольной зависимости (обзор литературных данных) / Меринов А. В., Шустов Д. И., Федотов И. А. // Российский медико-биологический вестник им. академика И. П. Павлова. – 2011. – № 3. – С. 136-141.

3. Меринов А. В. Суицидологические, наркологические и личностно-психологические особенност мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, женатых на женщинах, имеющих суицидальную / Меринов А. В., Шустов Д. И. // Российский медико-биологический вестник им. академика И. П. Павлова. – 2011. – № 2. – С. 17.

4. Надеждин А. В. Возрастные особенности наркологических заболеваний / А. В. Надеждин // Руководство по наркологии / под ред. Н. Н. Иванца. – М.: Медпрактика, 2002. – Т. 1. – С. 408-422.

5. Патнем Ф. Диагностика и лечение расстройства множественной личности: пер. с англ. / Ф. Патнем. – М.: Когито-Центр, 2004. – 440 с.

6. Тарбрина Н. В. Практикум по псхологии посттравматичекого стресса / Н. В. Тарбрина. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.

7. Федотов И. А. Роль феномена привязанности к родителям в генезе алкогольной зависимости / Федотов И. А., Шустов Д. И. // Российский научный журнал. – 2014. – № 3(41). – С. 316-322.

8. Шустов Д. И. Аутоагрессивное поведение и алкоголизм (клинико-терапевтическое исследование): Автореф. дис. … д-ра. мед. наук / Д. И. Шустов. – М., 2000. – 48 с.

9. Шитов Е. А. Взаимосвязь детской психической травмы и диссоциативных процессов психики у больных алкоголизмом / Шитов Е. А., Шустов Д. И. // Российский медко-биологический вестник имени академика И. П. Павлова, Москва - 2007

10. Draijer N. Childhood Trauma and Perceived Parental Dysfunction in the Etiology of Dissociative Symptoms in Psychiatric Inpatients / N. Draijer, W Langeland // Am. J. Psychiatry. – 1999. – V. 156. – P. 379-385.

11. Langeland W. Trauma and dissociation in treatment-seeking alcoholics: towards a resolution of inconsistent findings / W. Langeland, N. Draijer, W. van den Brink // Compr. Psychiatry. – 2002. – V. 43. – № 3. – P. 195-203.

12. Gershuny B. S. Relations among psychological trauma, dissociative phenomena, and trauma-related distress: a reviewand integration / B. S. Gershuny, J. F. Thayer // Clin. Psychol. Rev. – 1999. – Vol. 19. – P. 631- 657.

К 60-ЛЕТИЮ ВИДНОГО РОССИЙСКОГО УЧЁНОГО-ИСТОРИКА ЮРИЯ АРСЕНОВИЧА РЕЕНТА

5 августа 2015 года доктору исторических наук, профессору Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний РФ Юрию Арсеновичу РЕЕНТУ исполнилось 60 лет

Юрий Арсенович РЕЕНТ родился 5 августа 1955 года в г. Рязани. В 1972 г. окончил Рязанскую школу-интернат № 1. Еще со школьной скамьи он проявлял интерес к творческой деятельности, показывая высокие результаты. Так, например, за разработку информационно-контролирующего комплекса в декабре 1970 г был награжден медалью ВДНХ. В 1977 г. окончил Волгоградский инженерно-строительный институт по специальности «городское строительство». Однако по специальности поработал недолго, – был призван для прохождения срочной воинской службы. В 1979 г. остался на сверхсрочную службу. Работал в должностях командира взвода, секретаря комитета ВЛКСМ войсковой части, дислоцированных на территории Украины, Казахстана, ЧССР. 1983 году окончил экстернат Свердловского высшего военно-политического танко-артиллерийского училища.

С 1984 г. продолжил службу в подразделениях УВД Рязанского облисполкома в должностях заместителя начальника военизированной пожарной части № 12, старшего инспектора Рязанского РОВД. Без отрыва от основной работы Ю. А. Реент в 1992 г. окончил аспирантуру при Рязанском государственном педагогическом институте им. С. А. Есенина. В 1993 г. диссертационным советом Московского государственного открытого педагогического института ему была присвоена ученая степень кандидата исторических наук за диссертационное исследование на тему «Развитие сельскохозяйственной кооперации в общественно-политических условиях нэпа. 1921-1927 гг. (На материалах Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний)».

С 1994 г. работает в Рязанской высшей школе МВД СССР (ныне – Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России) сначала в должности преподавателя, старшего преподавателя, доцента, а с 2002 года – профессора кафедры. Диссертация на соискание степени доктора исторических наук по теме «Полицейская система Российской Империи начала XX века (1900-1917 гг.)» защищена в диссертационном совете исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в 2002 году. Решением ВАК Российской Федерации Ю.А. Реенту в 2005 г. присвоено научное звание «профессор» по кафедре философии и истории.

Общий трудовой стаж юбиляра превысил 40 лет, а в льготном исчислении – более 47 лет. Стаж научно-педагогической

работы в Академии ФСИН России свыше 21 года. Проводит все виды учебных занятий с курсантами юридического и психологического факультетов, студентами Института подготовки государственных и муниципальных служащих по дисциплинам «История», «Логика»; «История государственного управления в России». Является основателем учебного курса «История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России». Продолжительное время по совместительству заведовал кафедрой социально-гуманитарных дисциплин в Рязанском филиале Академии права и управления Совета ветеранов ОВД и ВВ МВД. Вел там курсы «Логика»; «История государственного управления в России», «Социология», «Этика».

Принимает активное участие в научной жизни. Только за 2013 г. им были опубликованы двенадцать научных работ, а в 2014 г. – пятнадцать. Среди них: учебник – Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России / под общ. ред. Г. А. Корниенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013. – 428 с. (26,75 п. л.); 3 монографии (в соавторстве); 6 статей в рецензируемых изданиях по списку ВАК; 1 статья – в зарубежном издательстве. За 2 предшествующих года принял участие в работе 8 научно-практических конференций.

Всего имеет 258 публикаций. Является главным редактором научно-публицистического альманаха «Гуманитарно-пенитенциарный вестник», членом редакционных советов «Российского научного журнала» и «Уголовно-исполнительного права», включенных в перечень рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России. Поступило предложение о введении в состав редколлегии журнала «Юрист Юга России и Закавказья». Под его общей редакцией выпущено около 30 монографий и сборников.

За истекший перед юбилеем год Ю. А. Реент руководил авторскими коллективами монографии о 80-летии образования Академии ФСИН России и Исторического формуляра вуза. Руководил разработкой научного обеспечения и подготовкой фондов музея Академии. Избран заместителем председателя Научно-экспертного совета ФСИН России по созданию Центральной постоянно действующей музейной экспозиции по истории УИС (г. Москва). Член диссертационных советов Д 229.003.01 (юридические науки) и Д 229.003.02 (психолого-педагогические науки) при Академии ФСИН России. Регулярно выступает в качестве рецензента по диссертациям. Дано рецензий и отзывов более чем на 30 монографий, диссертаций и авторефератов.

За отличную службу и добросовестное отношение к обязанностям Ю. А. Реент награжден медалями «За безупречную службу» 2 и 3 степени, «За службу» 1 степени, «Ветеран уголовно-исполнительной системы», «В память 125-летия уголовно-исполнительной системы», «За усердие в службе» 1 и 2 степени, серебряной медалью «За вклад в развитие уголовно-исполнительной системы России», медалью «70 лет Рязанской области»; медалями общественных формирований: «90 лет ВЛКСМ», «М. Т. Калашников», «80 лет Академии ФСИН России»; нагрудными знаками «За укрепление боевого содружества» (Министерство обороны ЧССР), «За усердие» (Губернатор Рязанской области), «25 лет ВАК Академии Минюста России» и др.; почетными грамотами Министерства образования и науки России, Пенитенциарной службы Министерства юстиции Азербайджанской Республики и др.; неоднократно поощрялся руководством академии, Правительства и Думы Рязанской области, МВД и Минюста России.

По итогам 2012 г. стал победителем конкурса «Лучший ученый Академии», в 2013 г. удостоен звания «Почетный профессор Академии ФСИН России». В 2014 г. занесен на Доску почета Академии ФСИН России. Пользуется заслуженным уважением в академии и научном сообществе.

СПИСОК ТРУДОВ
профессора кафедры философии и истории Академии ФСИН России
доктора исторических наук, профессора Юрия Арсеновича РЕЕНТА

(Начало списка опубликовано в «Российском научном журнале». – 2010. – № 17. – С.275-289)

Диссертации и авторефераты:

1. Развитие сельскохозяйственной кооперации в общественно-политических условиях нэпа. 1921-1927 гг. (На материалах Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губ.): Дис. ... канд. историч. наук. – Рязань: Рязанский гос. пед. ин-т. им. С. А. Есенина, 1993. – 232 л. – [9 п. л.].

2. Развитие сельскохозяйственной кооперации в общественно-политических условиях нэпа. 1921-1927 гг. (На м-лах Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губ.): Автореф. ... канд. историч. наук. – Рязань: РГПИ, 1993. – 22 с. – [1 п. л.].

3. Полицейская система Российской Империи начала XX века (1900-1917 гг.): Дис. … д-ра истор. наук. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2002. – 521 л. – [22 п. л.].

4. Полицейская система Российской Империи начала XX века (1900-1917 гг.): Автореф. дис. … д-ра истор. наук. – Рязань: АПУ Минюста РФ, 2002. – 48 с. – [2 п. л.].

Научные статьи, тезисы выступлений и другие труды

2010 г.

207. О вкладе исправительно-трудовой системы СССР в Великую Победу // СССР во Второй мировой войне: III Всероссийские историко-краеведческие чтения памяти П. М. Матвиевского. – Оренбург: ОГПУ, 2010. – С. 204-208. – (0,5 п.л.).

208. Забыть такое не дано // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2010. – № 5. – С. 2-8. (0,8 п.л.).

209. Педагогика политико-воспитательной и культурно-массовой работы с заключенными в 20-е годы прошлого века // Прикладная юридическая психология. – 2010. – № 2. – С. 107-123. – (1,2 п.л. В соавт. с А. В. Жигалевым, авторский вклад – 0,7 п. л.).

210. О некоторых задачах реформирования пенитенциарной политики России в связи с молодежной преступностью (социально-психологический аспект) // Обеспечение процесса реформирования исполнения наказаний в Российской Федерации: Матер. Международн. науч.-практ. конф. 20-30 окт. 2009 г. – Изд. 2, доп. – Рязань: Академия ФСИН России, 2010. – С. 304-308. – (0,3 п.л.)..

211. Память о подвиге народа не сотрется в веках // Гуманитарно-пенитенциарный вестник. – Вып. 5. – Рязань: Академия ФСИН России, 2010. – С. 3-6. – (0,2 п.л.).

212. Униформа сотрудников, слушателей и курсантов // Гуманитарно-пенитенциарный вестник. – Вып. 5. – Рязань: Академия ФСИН России, 2010. – С. 94-104. – (0,5 п.л.).

2011 г.

213. Российская юстиция и пенитенциарная система в эпоху революций (1905-1917 гг.): Фондовая лекция по истории уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России для курсантов и слушателей по специальностям «психология» и «социальная работа». – Рязань: Академия ФСИН России, 2010. – 18 с. – (1,2 п.л.).

214. От тюремной к исправительно-трудовой системе и обратно: изменение вектора пенитенциарной стратегии // Право и политика: история и современность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, 14-15 апреля 2011 г. – Омск: Омская академия МВД России, 2011. – С. 135-140. – (0,3 п.л.).

215. Организационно-правовое регулирование деятельности мест лишения свободы СССР в период НЭП // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения: Сб. науч. тр. – Вып. 6. – Рязань: Академия ФСИН России, 2011. – С. 417-425. – (0,4 п.л.).

216. День завтрашний рождается сегодня // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2011. – № 10. – С. 2-11. – (1,1 п. л.).

2012 г.

217. Об альманахе «Гуманитарно-пенитенциарный вестник» // Российский научный журнал. – 2011. – № 5(24). – С. 296-297. (0,2 п. л.).

218. Из опыта привлечения сотрудников УИС к выполнению заданий по поддержанию правопорядка в конце XX века // Гуманитарно-пенитенциарный вестник. – Вып. 6. – Рязань: Академия ФСИН России, 2012. – С. 102-112. – (0,65 п.л.).

219. Концептуальные подходы к реформированию уголовно-исполнительной системы России на рубеже XX - XXI веков // Гуманитарно-пенитенциарный вестник. – Вып. 6. – Рязань: Академия ФСИН России, 2012. – С. 163-178. – (1,1 п. л.).

220. Цикличность в развитии отечественной УИС: историография проблемы // Организационно-правовое, психолого-педагогическое и социально-экономическое обеспечение Концепции развития УИС РФ до 2020 г.: современное состояние и перспективы: Матер. Международн. науч.-практ. конф. 27-28 окт. 2011 г. – Т. 2. – Ч. I. - Рязань: Академия ФСИН России, 2011. – С. 130-134. – (0,28 п. л.).

221. Методологические особенности преподавания исторических дисциплин в системе высшего ведомственного образования ФСИН России // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 2. – С. 119-124. – (0,8 п.л.). (Рецензированное издание по списку ВАК).

222. О проблеме междисциплинарных подходов в преподавании исторических дисциплин в системе высшего профессионального образования // Российский научный журнал. – 2012. – № 3(28). – С. 100-108. – (0,85 п. л.). (Рецензированное издание по списку ВАК).

223. От Киевской Руси до современной России // Виват, Академия: Информационно-аналитический ежемесячник (Рязань: Академия ФСИН России). – Вып 9. – 2012. – С. 2-3. – (0,35 п. л.).

224. На страже закона и справедливости: (к 210-летию Министерства юстиции России) // Виват, Академия (Рязань: Академия ФСИН России). – 2012. – № 12(17). – С. 3. – (0,4 п. л.).

225. Новый профессиональный праздник и история становления воспитательного аппарата уголовно-исполнительной системы России // Приклад. юридическая психология. – 2012. – № 3. – С. 129-133. (0,35 п. л.). (Рецензированное издание по списку ВАК).

226. Уездная полицейская стража как местный административно-правоохранительный орган (к 110-летию учреждения) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Региональное управление и проблемы эффективности власти в России (XVIII - начало XXI вв.)». – Оренбург: ОФ РАНХиГС при Президенте РФ, ОГПУ, 2012. – С. 253-256. – (0,65 п. л.).

227. Из истории формирования тыловых служб уголовно-исполнительной системы России // Правовые и психолого-педагогические аспекты деятельности сотрудников правоохранительных органов: Матер. науч.-практ. конф. – Томск: РГ Графика, 2012. – С. 191-194. – (0,25 п. л.).

228 . Проблемы реформирования отечественной УИС на рубеже XX – XXI веков // «Пенитенциарная система России: история, современность и перспективы развития в

гражданском обществе» М-лы Всероссийской н.-п. конференции Ставропольский гос. университет (25-26 октября 2012 г.). – Ставрополь: СТГУ, 2012. – С. 310-315. – (0, 3 п. л.).

2013

229. Становление воспитательного аппарата пенитенциарной системы России: противоречия в оценке событий // Уголовно-исполн. система РФ в условиях модернизациии: современное состояние и перспективы: сб. докл. Межд. науч.-практ. конф. 22-23.11.2012 г.: в 4 т. – Т. 2. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013. – С. 231-235. – (0,38 п. л.).

230. На страже закона и справедливости: (к 210-летию Министерства юстиции России) // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 4 (49). – С. 17-20. – (0,45 п.л.). (Рецензированное издание по списку ВАК).

231. Особенности уголовно-исполнительной политики Российской империи в период революции 1905-1907 гг. // Державна пенітенціарна служба України: історія, сьогодення та перспективи розвитку у світлі міжнародних пенітенціарних стандартів та Концепції державноі політики у сфері реформування Державноі кримінально-виконавчоі служби України: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Київ, 28-29 берез. 2013 р.). – Київ: Державна пенітенціарна служба України; ВД «Дакор», 2013. – С. 152-155. – (0,25 п.л.).

232. Реформирование уголовно-исполнительной системы России: сопоставление концепций // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы X Международной научно-практической конференции (г. Тольятти, 18-21 апреля 2013 г.). – Ч. 1. – Тольятти: Волжский ун-т им. В.И. Татищева, 2013. – С. 137-143. – (0,35 п. л.).

233. История: Методические рекомендации по изучению дисциплины для подготовки сотрудников УИС по направлению подготовки 040400 Социальная работа. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013. – 44 с. – (2,75 п. л.).

234. История: Методические рекомендации по изучению дисциплины для подготовки сотрудников УИС по направлению подготовки 030300 Психология. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013. – 45 с. – (2,75 п. л.).

235. К реформированию тюремной системы России на рубеже XIX и XX вв. // Виттевские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции «С. Ю. Витте и социально-экономические реформы России: история и современность». 25 апреля 2012 г. – Рязань: Филиал НОУ ВПО «МУ-нт им. С.Ю. Витте», 2012. – С. 72-76. (0,3 п. л.).

236. К вопросу о деятельности российской полиции в социально-политических условиях начала XX века // 210 лет МВД России: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции: 21 сентября 2012 г. В 4 ч. – Ч. 3. – СПб.: СПбУ МВД России, 2013. – С. 103-108. – (0,3 п. л.).

237. Новый шаг в разработке истории уголовно-исполнительной системы Сибири // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 5 (133). – С. 219-222. – (0,45 п. л.). (Рецензированное издание по списку ВАК).

238. К проблеме освещения опыта организации и деятельности уголовно-исполнительной системы Томского региона // Уголовно-исполнительное право (Рязань). – 2013. – № 1(15). – С. 11-14. – (0,46 п. л.). (Рецензированное издание по списку ВАК).

239. Система уголовных наказаний Китая в начале XXI века: взгляд со стороны // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 3. – С. 175-179. – (0,95 п. л.). (Рецензированное издание по списку ВАК).

240. Пенитенциарная система в составе Министерства юстиции России // Уголовно-исполнительное право (Рязань). – 2013. – № 2(16). – С. 65-69. – (0,65 п.л.).

2014

241. Зарождение и развитие пенитенциарной системы монархической России // Гуманитарно-пенитенциарный вестник. – Вып. 7. – Рязань: Академия ФСИН России, 2014. – С. 5-18. – (0,74 п. л.).

242. К вопросу о формах и методах деятельности советского репрессивного аппарата в довоенный период // Гуманитарно-пенитенциарный вестник. – Вып. 7. – Рязань: Академия ФСИН России, 2014. – С. 205-209. – (0,25 п.л.).

243. Реент Ю. А. Предисловие // Исторический формуляр Академии ФСИН России / авт.-сост. Ю. А. Реент [и др.]; под общ. ред. А. А. Крымова. – Рязань: Академия ФСИН России, 2014. – (196 с.) – С. 5. (0,05 п.л.).

244. Реент Ю. А. Милицейские курсы // Исторический формуляр Академии ФСИН России / авт.-сост. Ю. А. Реент [и др.]; под общ. ред. А. А. Крымова. – Рязань: Академия ФСИН России, 2014. – (196 с.) – С. 7-10. (0,3 п.л.).

245. Реент Ю. А. Зарождение системы подготовки кадров для правоохранительных учреждений на земле Рязанской // Академия ФСИН России: история и современность / под общ. ред. А. А. Крымова. – Рязань: Академия ФСИН России, 2014. – (460 с.). – С. 19-28. (0,9 п.л.).

246. Реент Ю. А. Подготовка специалистов правоохранительной системы для дальнего и ближнего зарубежья // Академия ФСИН России: история и современность. – Рязань: Академия ФСИН России, 2014. – (460 с.). – С. 56- 62. (0,9 п.л.).

247. Реент Ю. А., Чернов С. К. Выполнение государственных заданий и участие в миротворческих операциях личного состава академии // Академия ФСИН России: история и современность. – Рязань: Академия ФСИН России, 2014. – (460 с.). – С. 63-84. (1,1 п.л., авторский вклад – 0,9 п. л.).

248. Реент Ю.А. Начальники учебного заведения// Академия ФСИН России: история и современность. – Рязань: Академия ФСИН России, 2014. – (460 с.). – С. 400-409. (1 п.л.).

249. Реент Ю. А. Филиалы Академии ФСИН России // Академия ФСИН России: история и современность. – Рязань: Академия ФСИН России, 2014. – (460 с.). – С. 439-449. – (1,45 п.л.).

250. Реент Ю. А. Академия ФСИН России: страницы прошлого и настоящего // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 3. – С. 25-32. – (0,85 п. л.). (Рецензированное издание по списку ВАК).

251. Реент Ю. А. Нелегкий, славный путь длиной в десятилетья (К 80-летию Академии ФСИН России) // Преступление и наказание. – 2014. – № 11. – С. 5-8. – (0,6 п.л.).

252. Реент Ю. А. История пенитенциарной системы в составе Минюста России // Очерки истории Министерства Юстиции России: Сборник. – М.: Научный центр правовой информации Минюста России, 2014. – С. 6-49. – (2,4 п. л.).

253. Реент Ю. А. Кузница кадров // Очерки истории Министерства юстиции России: Сборник. – М.: НЦПИ Минюста РФ, 2014. – С. 149-157. (0,65 п. л.).

2015

254. Реент Ю. А. К вопросу об исторических основах националистических воззрений в Украине // Матер. Всеросс. науч.-практ. конф. «Фашизм: вчера, сегодня, что будет завтра». 24 сент. 2014 г. – Рязань: Рязанский филиал Московского ун-та МВД России, 2014. – (0,4 п. л.). – в печати.

255. Рязань – кузница правоохранительных вузов (К 80-летию Академии ФСИН России) // Государственная служба и кадры. – 2014. – № 3. – (М.: Изд-во «ЮНИТИ-ДАНА»).

– (0,7 п. л.).

256. Социально-экономические условия деятельности мест лишения свободы СССР в годы Великой Отечественной войны // ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 19-20 марта 2015 г. – Пермь: Пермский ин-т ФСИН, 2015. – С. 58-61. – (0,6 п. л.).

257. Реент Ю. А. Политические партии и общественные движения Российской империи в годы Первой русской революции // Российский научный журнал. – 2015. – № 2(45.) – С. 22-31. – (0, 8 п. л.). (Рецензированное издание по списку ВАК).

258. Особенности организации деятельности лагерных учреждений ГУЛАГа в первые годы Великой Отечественной войны // «Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне: 1941-1945». Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Победе советского народа в Великой Отечественной войне: 16-18 апреля 2015 г. – Оренбург: ОГАУ, 2015. – С. 335-338. – (0,55 п. л.).

Желаем Юрию Арсеновичу крепкого здоровья, творческого долголетия, успешных исторических исследований, новых научных статей и монографий, благополучия и удачи!

Редакция «Российского научного журнала»

SUMMARY

Markov A. S., Nagornov V. P. A Prominent Military Scientist-Educator Oleg Yuryevich Efremov: Stages of Life and Career // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 6 – 8. [0,2 p. s.]

Key words

Efremov Oleg Yuryevich, military pedagogy, Military Academy of Telecommunications named by S. M. Budennyi

Summary

The article summarizes the stages of the life and career of a prominent military scientist-teacher O. Yu. Efremov

Ershov V. F., Nagornov V. P. The Production Personnel of Ironworks of the Ryazan Province in XVIII – the First Half of the XIX Centuries. Mechanisms of Formation and Social and Professional Characteristics // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 9 – 14. [0,5 p. s.]

Key words

Ryazan province, XVIII century, metallurgical industry, serf manufactory, regular labor force

Summary

In article specifics of formation of regular labor force of ironworks of the Ryazan region in XVIII – the first half of the XIX centuries in the conditions of serf system are considered, dynamics of quantitative and quality indicators, working conditions and lives of various groups of the production personnel of the Ryazan ironworks during the prereform period is covered.

Barmin A. V. Development of Industrial Production in the Urals in the 80-90s of the XIX Century (Historiographical Aspect) // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 15 – 23. [0,7 p. s.]

Key words

Archival materials, mining industry, mining engineers, developing-County system, industrialization, industrial production, engineering and technical activities, historiography, mass sources, metallurgy, modernization, the post-reform period, industrial revolution

Summary

This paper examines the historiographical aspect of the process of the formation of industrial production in the Urals in the 80-ies of XIX - early XX centuries the article examines and describes different perspectives and approaches in the study of the history of the Ural mining industry. Analysis of various sources on the subject in question helped to identify the main directions of technical and technological transformation of the Ural factories that became the beginning of the industrialization of the region in the retrospective period.

Suslo E. A. Peculiarities of Crime Investigation Conducted by the Ryazan Provincial Revolutionary Tribunal during the Early Years of Soviet Government // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 24 – 29. [0,5 p. s.]

Key words

Formation of the Soviet judicial and law enforcement system, the Ryazan provincial Revolutionary Tribunal, the investigation of the counter-revolutionary crimes

Summary

The article deals with the formation and structure of the Ryazan provincial Revolutionary Tribunal and analyzes the methods and features of counter-revolutionary crimes investigation process in the early years of Soviet government in the province of Ryazan.

Grosheva O. A. Alexander Evgenievich Fersman: Pages of Scientific Activity and Creativity // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 30 – 34. [0,4 p. s.]

Key words

Researcher of the Urals, geologist, founder of Geochemistry, Mineralogy

Summary

The article is devoted to research activities known geologist, traveler and writer, one of the founders of Geochemistry – Alexander Fersman. Under his leadership, there were major comprehensive study of the Urals. Fersman was actively involved in the organization in the Urals Ilmen mineralogical reserve. The scientist was one of the founders of Geochemistry, writing the fundamental work in this area four-volume «Geochemistry».

Oskolok K. V. Formation of New Chemical Schools at the Soviet Universities (the 1950th - the 1980th years) // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 35 – 43. [0,7 p. s.]

Key words

University chemical education and science, chemical schools of sciences, leading Soviet scientists-chemists, international backgrounds of chemists

Summary

The paper is devoted to problems of formation of university schools in the field of chemical science. The process of formation of new chemical schools of sciences at the Soviet universities in the 1950th -1980th years is considered. The special attention is paid to the best practices of work of chemical faculty of Lomonosov Moscow State University. The personal contribution of the leading Soviet scientists and the faculty to development of a number of university chemical schools is shown. The role of international backgrounds of the Soviet universities in formation of new chemical schools is shown. The author of paper draws a conclusion about continuity in scientific and pedagogical activities of the Soviet and modern Russian scientists-chemists for formation of new university schools of sciences.

Abdurazakov R. A. Pan-Ideas in Russian Geopolitics in the First Third of the XX Century // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 44 – 48. [0,4 p. s.]

Key words

Geopolitics, pan-regions, pan-ideas,Taube, Dusinsky, Chkheidze

Summary

The article is devoted to the concept of a pan-Russian ideas in the early XX century in the works of Russian scientists such as von Taube, Dusinsky, Chkheidzein the first third of the XX century. The author believes that the study of the works of these authors allows to cast doubt on the view that the German scientist K. Hauskhofer is the first author of the XX century, formulated the concept of pan-ideas.

The article provides acomparative analysis of the works of Russian scientists discovered similarities and differences in their approaches to geopolitics pan-ideas in the period under review.

Kutenkov P. I. The Symbolic Meaning of Cragy the Bride and the Young Women in the Russian Folk Culture // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 49 – 51.

Key words **[0,2 p. s.]**

The bride, the symbolism, the law of the Russian spirit, moloduha, ceremony, sash, folk clothing, povivaye, the approach, the skirts, the Backstrap, belt, shirt, wedding sadness, srada, sushka

Summary

The article presents numerous wedding brides crady/ moloduhi and shown approaches for substantiation of their significance based on the concept of a landmark study of the Russian folk clothing.

Kutenkov P. I. The Origins of the Significance of the Sad Srad Participants of the Slavonic-Russian Wedding // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 52 – 55. [0,3 p. s.]

Key words

Widow, wainiha, designations, mother of the bride, mother of the groom, clothing,

father,skirts, belt, sad solemnity, sorrow mother of the bride, shirt, srada

Summary

In the paper an attempt is made to show the difference between the origins of the significance of childbearing and not sad srad of numerous members of the Slavic-Russian people's weddings based on the concept of a landmark study of the Russian folk clothing.

Popov E. G. [Hieromonk Maxim]. Transhumanism is a Philosophical-Religious Problem of the Present // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 56 – 62.

Key words **[0,6 p. s.]**

Transhumanism, religion, spirituality, philosophy, science

Summary

The article is devoted to the problem of formation and development of a new direction of modern science – transhumanism, which began to form during the second half of the twentieth century. The article discusses the characteristics and the particularities of this area from the standpoint of philosophy of science and spirituality. Special attention is paid to investigation of the effects of transhumanism on human consciousness.

Matraeva A. D. Aspects of Formation of the Creative Competence of Students // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 63 – 67. [0,4 p. s.]

Key words

Creativity, creative competence, general cultural competence, students

Summary

The article discusses the aspects of the formation of a creative competence of students. The role of the creative competence in a variety of human activities is discussed in the article. The author believes it is necessary to form the creative competence in the learning process at the university, as it is an integral characteristic of the person.

Rybakova M. V., Kuznetsova N. V. Expected Models in the Context of Globalization of Modern Environmental Challenges // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 68 – 72. [0,4 p. s.]

Key words

Globalization of environmental problems, expected models, ecological sphere, Russian ecological practicians, ecological conflicts, environmental risk

Summary

In article the forecasting models in the ecological sphere developed by domestic and foreign researchers in the conditions of globalization of modern environmental problems are analyzed; the attention is focused on a problem of forecasting of environmental risks in solutions of the ecological conflicts.

Gomanova S. O. Possibility of Translation of Ecological Lifestyle by Ecovillages in Russia // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 73 – 77. [0,4 p. s.]

Key words

Ecovillages, ecological lifestyle, ecological culture, the structure of ecological way of life, broadcast ecological lifestyle

Summary

This article discusses the main opportunities and analyzes the problems of translation of ecological lifestyle of ecovillages in Russia into the external environment. Based on the analysis the author offers recommendations for improving internal and external channels of communication of ecovillages.

Maslova S. Y. Professional Career as a Structural Dynamic Phenomenon // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 78 – 81. [0,3 p. s.]

Key words

Career, scientific research, career success, promotion in organizations, integrative career

approaches to career, career processes, formal hierarchical organization, the success of the individual, the realization of a career, the basic approaches and directions of theoretical and empirical study of the career factors career development, career models, career in different aspects

Summary

Organizations in modern society are among the key economic actors, consequently, the study of the social aspects and mechanisms of their functioning allows for a fresh look at the causes of the problems of economic development of companies and society as a whole. From this point of view, the study of careers at Russian business organizations as a social phenomenon is an important topic for economic sociology.

Chernyshev I. I. In Particular, Urban Planning and Municipal Development of Russia // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 82 – 87. [0,5 p. s.]

Key words

Urban development, urbanism, urbanist, city

Summary

The article is devoted to the understanding of urbanism, as a transdisciplinary science about the city, where sociology is a basis . The necessity for highly qualified specialists – urbanists is dictated by modern realities : the growth of cities and urban populations, and also problems of backlog of the Russian school of urban studies and planning.

Belyaeva V. A. The Problem of Professional Formation and Self-Development of Future Teachers in the Master Program «Pedagogical Science of Higher School» // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 88 – 92. [0,4 p. s.]

Key words

Master's degree, professional competence, readiness to self-development, innovative technology, self-activity, value-meaning ways of education, pedagogical and personal values, stages of development and self-development of undergraduates

Summary

This article deals with the problems of formation of professional competence of higher educational graduates; the way of formation and development of their readiness to professional self-education and self-development; innovative educational technology of organization of undergraduates` self-work as the means and factors of self-education and self-development.

Efremov O. Yu., Zverev S. E. Psychological and Pedagogical Aspects of Training Members of the Armed Forces of the United States: Parenting Preparedness for War and Killing in American Military Subculture of the 20th Century // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 93 – 102. [0,8 p. s.]

Key words

United States armed forces training, parenting, readiness for war, the ability to kill

Summary

Article is devoted to analysis of the views of the American military commanders and military psychologists on the problem of the willingness and ability of the soldier to the killing of the enemy. Discusses the transformation of attitudes to the war and killing in American military culture in the twentieth century. It concludes that the psychological and pedagogical aspects of formation of the American military preparedness for war and killing ability should be taken into account in the preparation and education of Russian troops.

Kazarenkov V. I., Dolinina I. G., Zernina E. V. «Civic Consciousness» and «Civil Competence» in the Context of Civil and Information Paradigm of Education // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 103 – 108. [0,5 p. s.]

Key words

Civic consciousness, civil competence, universal and civil values, the higher school

Summary

In article prospects of formation of civil competence as result of training at the higher school reveal, its compound components are the moral, tolerance, orientation to social justice and observance of the rights. The research of an assessment of universal and civil values conducted by authors on the basis of questioning of teachers of technical college confirms that their position is capable to enrich civil consciousness trained and to promote their personal and professional development.

Kazarenkov V. I., Kazarenkova T. B. Training of the Expert at the Higher School: Integration of Education and Self-Education // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 109 – 114. [0,6 p. s.]

Key words

Training of the expert, integration, university education, self-education of students

Summary

The material characterizing the importance of integration of university education and self-education in training of specialists is presented in article. Distinctions of self-education and independent work of students are marked out; the interrelation of university education and self-education in system of training of the expert is defined; reserves of author's courses for effective realization of process of self-education in university system of training of the expert are revealed; the reasons reducing a self-education level of development as a component of complete university training of the expert are defined; the directions of integration of university education and self-education of students are presented.

Markov A. S., Bulatetsky S. V. Features of Haemo Dynamics at Cadets of Educational Institution of the Ministry of Defence of the Russian Federation at the Mental Stress in the Course of the Vocational Education // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 115 – 121. [0,6 p. s.]

Key words

Adaptation, adaptation capacity of cardiovascular system, haemo loudspeaker, mental stress, vocational education

Summary

In article the data obtained at an assessment of change of indicators of haemo dynamics of cadets of the MO Russian Federation educational institution at a mental stress in the course of a vocational education are analyzed.

Shirokikh O. B., Marchuk O. A. Formation of Professional and Personal Readiness of Correctional Staff to Interact with Prisoners as an Aspect of Penal Practice // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 122 – 128. [0,6 p. s.]

Key words

Professional and personal readiness, employees, convicts, the process of correction, experiment, formation, training

Summary

The article discusses the concept of professional and personal readiness of employees, the formation of the readiness of correctional staff to interact with prisoners in the framework of the process of correction and re-socialization of convicts, and identifying the conditions under which it is possible to form the willingness of employees.

Tarasov Y. Y., Serdyuk N. V. Professional Interaction of Staff of Internal Affairs Agencies on the Basis of Competence Approach // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 129 – 131. [0,2 p. s.]

Key words

Professional interaction, competence approach, personnel of bodies of internal Affairs

Summary

The article is dedicated to the professional interaction of staff of bodies of internal Affairs based on the competence approach.

Arkharova L. I., Egorova O. L., Plaksina O. A. The Problem of Development of Creative Potential of Pupils in the School Pedagogical Systems // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 132 – 137. [0,5 p. s.]

Key words

Creativity, development, talent, potential, pupils, teaching system, creative activity

Summary

The article is devoted to the problems of development of creative potential of pupils. The experience of the school for the development of creativity of pupils in extracurricular activities is considered.

Belozor L. I., Belgisova K. V., Shulga A. V. To the Question about the Requirements to the Content of the Concepts «Competence» and about the Complexities of Meeting These Requirements in the System of Modern Vocational Education // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 138 – 143. [0,5 p. s.]

Key words

Competence, professional education, specialist

Summary

The question on necessity of modification of existing approaches to the definition of «competence» and to order the formation of its content in the process of preparation of specialists of educational institutions of higher education are analyzed in this article.

Lukashenya Z. V. (*Belarus*) Contextual Approach as Methodological Basis of Realization of Consulting Procedures // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 144 – 149. [0,5 p. s.]

Key words

Consulting of professional activity, contextual approach, subject context, social context

Summary

Consulting as form of implementation of continuous education of the expert of a higher educational institution, realizes function of collecting problem situations which are caused by need of modernization of its professional activity. At realization of consulting procedures as categories for the analysis the concrete situation and its results, the available resources for correction which represent a context of professional activity of the expert act. Contextual approach at realization of consulting procedures promotes formation of competences and the identity of the specialist in type, optimum for this sociocultural community.

Fomashina N. V. Pedagogical Interaction between Teachers and Cadets in the Process of the Cadets Self-Instruction // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 150 – 155. [0,5 p. s.]

Key words

Cadet, pedagogical conditions, self-instruction, off-duty classes

Summary

This article discusses the problems of pedagogical interaction in the process of the cadets self-instruction. It contains analyses of this process and shows the role of self-instruction in life of military specialists.

Guseva E. O. The Definition of «Social Competence» as One of the Base Categories of Competence-Based Education // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 156 – 161. [0,5 p. s.]

Key words

Competence, competence-based education, key competencies, social competencies, components of social competence, self-realization of personality

Summary

The article is described the main stages of the formation of the concept of «social competencies» as one of the base categories of competence-based education; is devoted

to analyze the theoretical aspects of the essence of the concepts of «social competencies», is given its definition and listed its components.

Privalov N. I. Increase of the Role Leading and the Faculty in Education of Moral Values at Cadets of Military Higher Education Institutions // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 162 – 167. [0,5 p. s.]

Key words

Professional competence, moral values, qualities of the identity of the teacher

Summary

In article the role leading and the faculty in education of moral values at cadets of military higher education institutions is considered.

Endebery I. V. (*Ukraine*) Theoretical and Methodological Analysis of Problem of Professional Becoming of Future Practical Psychologists // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 168 – 173. [0,5 p. s.]

Key words

Professional personality, professional training, the future practical psychologist

Summary

The article analyzes the conceptual theoretical approaches to studying the problem of professional personality, made an attempt to discover the specifics of productive training of future specialists in the field of psychology in the modern system of higher education.

Shan Yu (*China*). On Cultural Introduction in College English Teaching // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 174 – 180. [0,6 p. s.]

Key words

College English teaching, culture input, teaching methods

Summary

At present, English has become an important tool for international communication. It is not only in line with the requirements of the times, but also the development of society. In recent years, with the continuous development of social linguistics and teaching research, the relationship between language research and cultural studies, language teaching and culture teaching is becoming more and more important. The ultimate goal of English teaching is to enable learners to use the language to communicate. In order to have the successful communication, the cultural factors and the background knowledge cannot be ignored except for the good knowledge of the structure of the language. Because of the natural relationship between language and culture, they are closely related to college English teaching. The connotation of cultural awareness in college English teaching plays a very important role.College English teaching should pay attention to the input of culture while teaching students language and put the integration of language teaching and culture teaching into a complete teaching category.

Shan Yu (*China*). On the Reform of College English Teaching // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 181 – 186. [0,5 p. s.]

Key words

College English, teaching reform, curriculum reform, multimedia teaching

Summary

College English should not be an ordinary public basic course. Its teaching objectives should be set up for professional international training services. Regardless of liberal arts or science and engineering, international vision and knowledge must be integrated into every major training program. In addition, the university English curriculum should consider the different major training plans, according to the specific characteristics of the various majors, to implement different training programs. For the same major students at different stages, they should be provided different types of College English courses. Teaching and learning supported by modern information technology, especially the network technologyshould play

a very important role in the development of students' autonomous learning ability and the formation of personalized learning method.

Dontsov D. A., Polyakov E. A. The Dimension of Interpersonal Relations Importance in a Variety of Education and Other Children's, Teenage and Youth Groups and Teams // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 187 – 203. [1,4 p. s.]

Key words

Methodology, social psychology, training group, group, group, sociometry, referendaire, pupils, students, children, teenagers, adolescence

Summary

In this work, the subject examines the basic social-psychological methods and techniques of research and diagnostics of children's, teenage and youth teams and groups. As part of the detailed consideration of scientific principles and modern developments in the field of diagnostics of interpersonal relations of the significance, we analyzed the sociometry, referentially and a number of socio-psychological techniques of «measuring» interaction and communication in the field of intra-group relations in real contact educational and other groups and collectives.

Gordova Yu. Yu. Areal Aspect of Substrate Toponymy of Middle Oka (Ryazan) Region Types with *-га, -ель, -ля, -лей, -ляй, -ра (-ара) (-ga, -el, -lya, -lej, -laj, -ra (-ara))* // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 204 – 213. [0,8 p. s.]

Key words

Toponymy, toponymic areal, substrate toponymy, geographical names origin, comparison of the toponymic and archaeological data.

Summary

The author of this article considers six types of substrate toponyms with formants *-га, -ель, -ля, -лей, -ляй, -ра (-ара) (-ga, -el, -lya, -lej, -laj, -ra (-ara))* of Middle Oka (Ryazan) region. The goal of the research is to describe each type by revelation and characterization of its areals, linguistic interpretation of data and combination of discovered toponymic areals with archeological culture areals.

It has been found out that the areas of toponyms with formants *-га, -ля, -лей, -ляй* are coincided with eastern part of Ryazan Oka region. Toponyms *-ель, -ра (-ара)* do not form areals. Linguistic data confirm belonging of types with *-га, -лей, -ляй* to peoples of Finno-Ugrian language family. Some Baltic elements were found in several names of types with *-ель, -ля, -ра (-ара)*, but the etymology of the names is not installed.

Gorchkhanova T. Kh. Ali Khashagulgov. Unresearched Prose // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 214 – 217. [0,3 p. s.]

Key words

Ingush literature, small prose, short story, psychological story, philosophical story, internal monologue, dialogue

Summary

The article for the first time discusses the Ingush poet, writer and painter A. Khashagulgov's prose presented in the genre of short story. The works are of great scientific interest not only in connection with not being researched, but also by the originality of the artistic solution of many problems of national life. Khashagulgov with psychological and philosophical stories in his prose made a significant contribution to the development of the genre of the story in the Ingush literature.

Dolgieva M. B. Colour Multiculture Presentation in «Beloved» by T. Morrison // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 218 – 222. [0,4 p. s.]

Key words

Colour, culture, multiculture, patchwork quilt, rainbow, carnival

Summary

The article is dedicated to the colour analysis in the fiction «Beloved» by T. Morrison in

the context of multicultural perspective based on matching of different ethnic groups' concepts about colour. T. Morrison's idea of one whole multiculture to which all the ethnic groups should tend reaching peaceful coexistence is confirmed in the article. In the fiction under analysis the parallel with multiculture and existing political regime of modern USA and its influence on the life of all the ethnic groups inhabiting it is drawn. According to T. Morrison the multiculture becomes the epitome of rainbow dye, patchwork quilt and carnival. The rainbow represents the unitary, harmonious, natural ethnic groups' coexistence. The patchwork quilt becomes manmade unity. The carnival is identified as the sweets of life where all the ethnic groups are equal. On basis of colour combination of rainbow dye, patchwork quilt and carnival the conclusion that T. Morrison represents the idea of cultural unity arises.

Ryzhkova-Grishina L. V. Start of Natural Philosophy: Origin, Association with Other Forms of Knowledge // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 223 – 228.

Key words **[0,5 p. s.]**

Natural philosophy, the definition of natural philosophy, the origins, the relationship with other forms of knowledge, a cosmogony, mythology, religion and folklore, ancestors of natural philosophy

Summary

The occurrence of natural philosophy had its beginning and certain preconditions, as was always the man to want to understand the world, yourself and your place in the world of this world. The search for truth led him, on the one hand, to the great discoveries, giving impetus to the development of human civilization, on the other hand, the most tragic errors, stops him. However, the understanding of the world of nature, cosmic matters contributed to the emergence of more and more teachings and directions of social thought.

Initial mythologized consciousness, built on semi-religious performances, eventually gave way to another – scientific knowledge of the world, the accumulation of facts, systematization of knowledge, but the history and culture preserved the eternal search for truth in a variety of exercises and movements, or simply – some echoes which are found until now. One of these exercises, raises fundamental, basic issues of nature and being a natural philosophy.

Ryzhkova-Grishina L. V. The Development of Natural-Philosophical Ideas in the Works of Poets of the Early XXI Century // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 229 – 236. **[0,6 p. s.]**

Key words

Natural philosophy and literature, Russian poetry of the XXI century, pastoral poetry, the birthright of nature, social and journalistic feature of the landscape, the theme of villages and cities

Summary

Poets of the XXI century have not lost interest in natural philosophy and pastoral poetry, but the landscape in contemporary poetry gets in tune with its time features: on the one hand, it is less and less self-sufficient, and his figurative-narrative, artistic and aesthetic functions become less important; On the other hand, it acquires a pronounced social significance and becomes the subject of heated polemic discussions. In lyrical landscape appears a pronounced social and journalistic function.

Wu Liru, Ma Lijie (*China*).. The Chinese Translation of Russian Idioms from the Semantic Point of View // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 237 – 241.

Key words **[0,5 p. s.]**

Idiom, translation, practical meaning, pragmatic meaning

Summary

Russian idioms reflect the Russian national culture, and different sources of which endow idioms the rich cultural semantics. The idiom semantics include the conceptual pragmatic meaning and practical meaning determined by cross-language facts. The key lies in the accurate expression during being translated into Chinese ones.

Bystrenina I. E. Tendencies and Prospects of Development of Information Technologies in Science // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 242 – 245.

Key words **[0,3 p. s.]**

Information technologies, national economy, modeling, a common information space, technologies and methods of the automated design

Summary

In article development of information technologies in science is considered as a necessary condition of growth of national economy. The tendencies of development of information technologies existing today in science are presented. Prospects of development of information technologies in scientific activity in general and the problems arising, as a result, before national economy without which decision realization of the first isn't possible are allocated.

Ershov V. F. Financial System of the Countries of BRICS: Institutionalization and Integration into World Economy (2009 - 2015) // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 246 – 266. [1,7 p. s.]

Key words

BRICS, Pacific Rim, world economy, banking system, globalization, foreign policy of Russia

Summary

In article the main stages and features of formation of BRICS as transcontinental economic association of the new type creating alternative to domination of the countries of the West in global financial and economic and information system are considered. The most important decisions of the BRICS Summits reflecting the basic principles and strategy of development of the Commonwealth are analyzed. The role of BRICS in expansion of global economic and diplomatic influence of Russia reveals.

Morgunov A. V. The Hotel Management Product // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 267 – 268. [0,2 p. s.]

Key words

Manager, marketing, hotel product, competitive advantage, positioning, positioning stages, hotel management, infrastructure, map positioning, the hotel

Summary

The article discusses the management of the hotel product based on customer needs. Also highlights the position of the hotel product based on its quality, price and other advantages and features over the similar characteristics of competitors' products. In the article the concept of positioning, and is also reflected its stages to solve the appropriate problems.

Alikumova G. Yu. Criminological Characteristics and Prevention of Collective Crimes Committed by Teenagers in a Drunken State // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 269 – 272. [0,3 p. s.]

Key words

Reasons and terms of the crimes accomplished in a state of alcoholic or narcotic intoxication, criminology description, personality of minor criminal, prevention of crimes

Summary

Criminology features and prevention of group crimes, accomplished teenagers in a state of intoxication are examined in the presented article, the basic tendencies of criminality are considered minor, accomplished in a state of intoxication.

Babkin L. M., Lytkin N. N., Shkabin G. S. Information on the Prepared, Committed or Committed Crime as the Basis for Carrying out Operational Search Actions and Use of the Received Results in Proving of Criminal Case // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 273 – 278. [0,5 p. s.]

Key words

Information, the law, operational search activity, operational search actions, a crime, the rights and freedoms of citizens, criminal legal proceedings

Summary

In article some questions of use of information on a crime for the organization of carrying out operational search actions and use in proof on criminal case of the received results are considered, at strict observance in this activity of the rights and freedoms of citizens, the organization of interaction for detection and disclosure of crimes, need of observance of certain requirements to materials of operational search actions as to proofs is specified, namely: legal basis of their receiving, relevancy of these data to specifically considered case, an admissibility of their receiving and correctness of representation by the body which is carrying out operational search activity in body of inquiry, to the investigator or in court.

Kandyba F. S. Features of Legal Statute of Monasteries and Monkhood Are in Russian Empire of XIX Century // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 279 – 284.

Key words **[0,5 p. s.]**

Russian Orthodoxy Church, Saint Synod, spiritual consistory, a clergy, monasteries, monkhood, the monastic cut, novices, canons, stavropegial monastery, abbot, deputy, lavra, church hierarchy, bishop, archimandrite, father superior, rural dean

Summary

The features of legal status of monasteries and monkhood are in-process investigated as one of important institutes of Orthodoxy Church, a public policy is analysed in a confessional sphere, her connections are traced with an of home policy situation in a figure and necessities of the legislative adjusting of church activity.

Kapitsa V. S. The Concept and Essence of the Way Crimes against Life and Health, Committed by Reason of National, Racial or Religious Hatred or Hostility // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 285 – 287. [0,2 p. s.]

Key words

Fashion, crime, life, health, racial or religious enmity

Summary

In the present article deals with the essence of the way crimes against life and health, committed by reason of national, racial or religious hatred or enmity, its concept as well as address all elements of the method of committing crimes in this category.

Kufterin A. N., Bulatetskiy S. V., Hamidova I. V., Lopatin E. A. Potential for Use of Psychographology in Diagnosis of Personality Traits and States of Law Enforcement Officials // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 288 – 293. [0,5 p. s.]

Key words

Psychographology, psychodiagnostics, personality, personality traits and states, handwriting

Summary

The article is devoted to the opportunities of psychographology as an alternative method in contemporary domestic psychodiagnostics. The use of psychognosis techniques in criminal investigation and law enforcement confirms the correlation between psychological characteristics and handwriting as a motor skill.

Nikulina I. A. Special-Criminological and Individual-Preventive Measures of the Prevention of Corruption Crimes in the Sphere of Medicine // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 294 – 299. [0,5 p. s.]

Key words

Corruption, medicine, prevention, crime

Summary

In article the author mentions special-criminological and individual-preventive measures of the prevention of corruption crimes in the sphere of medicine.

Polyanceva A. V. Legal Interaction between the State and the Church in the Period

of Absolute Monarchy in Russia // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 300 – 304. [0,4 p. s.]

Key words

Russian State, Russian Orthodox Church, the legal norms, Canon law, absolute monarchy

Summary

The article describes the mutual influence of religious and secular sources on the development of legal norms in Russia in the period of absolutism. Indicates that the state already since the adoption of Christianity in Russia defended the interests of the Church. In the period of absolute monarchy traced the interpenetration of the secular and ecclesiastical legislation. The state assumes some of the functions formerly belonging to the Church, and at the Church was entrusted with the functions in the strengthening of absolutism. The author indicates that the legal interaction of the Russian state and the Russian Orthodox Church satisfied the interests of both institutions.

Sarkisyan V. G. Features Voluntary Relinquishment Inciter of Crime // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 305 – 308. [0,3 p. s.]

Key words

Instigator, crime, features, voluntary, refusal

Summary

In the presented article the essence of voluntary refusal, his concept are considered, and also features of voluntary refusal of the instigator are considered.

Kotlyarov S.N., Fedotov I. A., Sholaster A. N., Lyubavin A. V. Theory of functional disorders // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 309 – 313. [0,4 p. s.]

Key words

Functional disorders, syndrome Da Costa, «organneurosis»

Summary

The article discusses the various theories of functional disorders. The analysis of two key conceptual directions: focused on somatic factors, i. e. theory, taking into account the primacy of the physical processes, and focuced on psychic factors in which the leading role given to the factors of a psychological nature.

Kharitonov D. Yu., Mitin N. E., Grishin M. I. Changes during the Emotional Status Postoperative Recovery Have Dental Patients in the Aspect of Motor-Behavioral and Autonomic Responses // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 314 – 317.

Key words **[0,3 p. s.]**

Psycho-emotional status, postoperative rehabilitation of dental patients, vegetative reactions

Summary

This article presents the results of a study of mental and emotional changes in the status of dental patients during the postoperative rehabilitation aspects of motor-behavioral and autonomic responses. Comparatively studied records from the source listed to the indicators in the ninety-day term. These data allow us to state a positive and significant effect of modified dentition dentures on psycho-emotional state of patients, a somewhat less pronounced in the presence of cancer, which cause a certain delay in the return of unwanted vegetative reactions during the post-operative rehabilitation.

Kharitonov D. U., Mitin N. E., Tsar`kova T. V. Socio-Psychological Rehabilitation of Patients after Surgery in Maxillofacial Area (Review) // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 318 – 320.

Key words **[0,2 p. s.]**

Dentistry, adaptation, quality of life, social and psychological rehabilitation, psychological

care in dentistry

Summary

In the present review of the literature deals with the social and psychological rehabilitation of dental patients in the postoperative period. The article is based on clinical studies of Russian and foreign authors, is valuable as a source of basic information of social and psychological care for patients, existing types and methods of psychological rehabilitation after operations in the dentition.

Guseynov N. G. Immune Disorders in Farm Animals and the Possible Risks to Human Health in His Life when Man-Made Pathologies Parasitic Etiology // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 321 – 324. [0,3 p. s.]

Key words

Biogeocoenosis, biological aspects, dictyocauliasis, animals, hematology, immunology, erythrocytes, leukocytes, morning sickness, a pathology

Summary

The work is devoted to studying – immunological parameters and the development of pathological processes, referred to as anthropogenic abnormalities in parasitic diseases of animals; possible risks to human health in the area of its activities.

Baranowski A. V., Ivanov E. S., Lenkov M. V. The Mathematical Estimate of the Random and Independent of the Significant Factors of Variability of Nesting Biology of Birds // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 325 – 332. [0,6 p. s.]

Key words

Reproductive biology of birds, mathematical statistics

Summary

The article discusses the methodological problem of application of mathematical statistics to study the reproductive biology of birds. It has been shown that the expression of the variance parameters cannot be considered the basis for the relationship to differences between habitats as misleading since the reason for this variance are not usually accidental causes, and behavioral polymorphism of the population by the reaction to a number of factors, detectable only by statistical methods.

Shitov E. A., Filimonov A. P. Psychological Trauma among Adolescence with Alcohol Addiction // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 5(48). – PP. 333 – 336. [0,3 p. s.]

Key words

Alcohol-addicted adolescence, dissociation, early psychological trauma

Summary

Dissociation is commonly conceptualized as a psychological defense mechanism that develops as a reaction to overwhelming traumatic experiences, especially childhood trauma. The article presents the results of our own research on the interrelation between early traumatic experiences and dissociation in alcohol-addicted adolescence. The results of the research prove the interdependence of dissociation process and early traumatic experiences.

АВТОРЫ
(AUTHORS)

АБДУРАЗАКОВ Руслан Абдуразакович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Дагестанского государственного университета (г. Махачкала)
Контактная информация: E-mail: Ruslan18081972@mail.ru; тел. 8-8722-674273

ABDURAZAKOV Ruslan Abdurazakovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of World History of Dagestan State University (Russia, Dagestan, Makhachkala, 8-8722-674273, e-mail: Ruslan18081972@mail.ru)

АЛИКУМОВА Галина Юрьевна – заместитель начальника научно-исследовательского отдела Краснодарского университета МВД России
Контактная информация: E-mail: Vzelik@mail.ru; тел. +7 918 317-79-79

ALIKUMOVA Galina Yurievna – Depchief of Research Department of Krasnodar University of MVD of Russia (Russia, Krasnodar, +7 918 317-79-79, e-mail: Vzelik@mail.ru)

АРХАРОВА Людмила Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и педагогического образования РГУ имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: l.arkharova@rsu.edu.ru; тел. 89156190130

ARKHAROVA Lyudmila Ivanovna – Ph.D., Associate Professor, assistant Professor of Pedagogy and Teacher Education of the Ryazan State University named after SA Yesenin (Russia, Ryazan, 89156190130, e-mail: l.arkharova@rsu.edu.ru)

БАБКИН Леонид Михайлович – кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского ун-та МВД РФ имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: babkin1949@yandeh.ru; тел. 89065436914

BABKIN Leonid Mikhaylovich – Candidate of Law Sciences, associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Ryazan branch of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia named for V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, 89065436914, e-mail: babkin1949 @yandeh.ru)

БАРАНОВСКИЙ Антон Валерьевич – доцент кафедры естественнонаучных и общетехнических дисциплин НОУ ВПО «Современный технический институт» (г. Рязань)
Контактная информация: E-mail: oldvulpes@yandex.ru; тел. 89106289599

BARANOVSKY Anton Valerievich – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor the Chair of Natural Sciences and Technical Disciplines of NOU STI (Russia, Ryazan, 89106289599, e-mail: oldvulpes@yandex.ru)

БАРМИН Александр Вячеславович – доцент, ученый секретарь кафедры истории науки и техники Уральского федерального университета
Контактная информация: E-mail: allo-barmin@mail.ru; тел. 89122060762

BARMIN Aleksander Vyacheslavovich – Associate Professor, Scientific Secretary of the Department of History of Science and Technology Ural Federal University (Russia, Yekaterinburg, 89122060762, e-mail: allo-barmin@mail.ru)

БЕЛЬГИСОВА Кристина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент Южного института менеджмента (г. Краснодар)
Контактная информация: E-mail: belgisova_k@mail.ru; тел. 8-960-490-76-00

BELGISOVA Kristina Victorovna – Candidate of Economic Sciences, associate Professor, Southern Institute of Management (Russia, Krasnodar, 8-960-490-76-00, e-mail: belgisova_k@mail.ru)

БЕЛОЗОР Людмила Ивановна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Южного института менеджмента (г. Краснодар)
Контактная информация: E-mail: belozor_l@mail.ru; тел. 8-9181376020

BELOZOR Lyudmila Ivanovna – associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of Southern Institute of Management (Russia, Krasnodar, 8-9181376020, e-mail: belozor_l@mail.ru)

БЕЛЯЕВА Валентина Александровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и менеджмента в образовании РГУ имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: valentina4162@mail.ru; тел. 89605684575

BELYAEVA Valentina Aleksandrovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Departament of Pedagogics and Management of Education, Ryazan State University named for S. A. Yesenin (Russia, Ryazan, 89605684575, e-mail: valentina4162@mail.ru)

БУЛАТЕЦКИЙ Сергей Владиславович – доктор медицинских наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: dr_bsv@mail.ru; тел. 89209766876

BULATETSKIY Sergey Vladislavovich – Doctor of Medical Science, a Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Chair of the Ryazan branch of the Federal State Public Educational Establishment of Higher Professional Training «Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. Y. Kikot» (Russia, Ryazan, 89209766876, e-mail: dr_bsv@mail.ru)

БЫСТРЕНИНА Ирина Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева
Контактная информация: E-mail: iesh@rambler.ru; тел. 89057146125

BYSTRENINA Irina Evgenyevna – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev (Russia, Moscow, 89057146125, e-mail: iesh@rambler.ru)

ГОМАНОВА Сильвия Олеговна – аспирант МГУ имени М. В. Ломоносова
Контактная информация: E-mail: silvia_gomanova@mail.ru; тел. +7 (985) 128 81 29

GOMANOVA Silvia Olegovna – Postgraduate of the Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow, +7 (985) 128 81 29, e-mail: silvia_gomanova@mail.ru)

ГОРДОВА Юлиана Юрьевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук (г. Москва)
Контактная информация: e-mail: onyma-ryazan@yandex.ru; тел. +7-920-973-10-07

GORDOVA Juliana Yurievna – Ph.D. in Philology, Linguistic Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow) (Russia, Moscow, +7-920-973-10-07, e-mail: onyma-ryazan@yandex.ru)

ГОРЧХАНОВА Танзила Хасултановна – старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы Ингушского государственного университета (г. Магас)
Контактная информация: E-mail: gtanzila@yandex.ru; тел. 89287925346

GORCHRHANOVA Tanzila Khasultanovna – Senior Lecturer of Department of Russian and Foreign Literature of the Ingush State University (Russia, Ingushetya, Magas, 89287925346, e-mail: gtanzila @yandex.ru)

ГРИШИН Максим Игоревич – стоматолог общей практики, интерн Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова
Контактная информация: E-mail: malvinkaa92@yandex.ru; тел. 89209920714

GRISHIN Maksim Igorevich – intern Ryazan State Medical University Acad. I. P. Pavlov, general dentist (Russia, Ryazan, 89209920714, e-mail: malvinkaa92@yandex.ru)

ГРОШЕВА Ольга Алексеевна – кандидат географических наук, ст. научный сотрудник лаборатории исторического степеведения Института степи УрО РАН (г. Оренбург)
Контактная информация: E-mail: steppeforum06@mail.ru; тел. 8-(3532)-77-44-32

GROSHEVA Olga Alekseevna – Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher of the Laboratory of Histotical Steppe Science Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Orenburg) (Russia, Orenburg, 8-(3532)-77-44-32, e-mail: steppeforum06@mail.ru)

ГУСЕВА Евгения Олеговна – аспирант МГППУ (Москва); педагог-психолог ГБОУ Гимназия №1552 (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: guseva_eo@mail.ru; тел. 8 965 336 96 38

GUSEVA Evgeniya Olegovna – graduate student of the Moscow City Psychological-Pedagogical University; educational psychologist gymnasium No 1552 (Russia, Moscow, 8 965 336 96 38, e-mail: guseva_eo@mail.ru)

ГУСЕЙНОВ Нашмутдин Гусейнович – доктор ветеринарных наук, профессор кафедры техносферной безопасности Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых (Муромский институт (филиал))
Контактная информация: E-mail: kofefm@outlook.com; тел. 8 960 572 40 33

GUSEYNOV Nashmutdin Guseynovich – Doctor of Veterinary Science, Professor of Department of Technosphere Safety of the Vladimir State University AG and NG Stoletovs (Murom Institute (branch)) (Russia, Vladimir bregion, Murom, 8 960 572 40 33, e-mail: kofefm@outlook.com)

ДОЛГИЕВА Мадина Борисовна – ассистент кафедры русской и зарубежной литературы Ингушского государственного университета (г. Магас)
Контактная информация: E-mail: nonstop_life80@mail.ru; тел. 8-938-006-29-29

DOLGIEVA Madina Borisovna – Lecturer Assistant at the Russian and Foreign Literature Department, Ingush State University (Russia, Ingushetya, Magas, 8-938-006-29-29, e-mail: nonstop_life80@mail.ru)

ДОЛИНИНА Ирина Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского национального исследовательского политехнического университета
Контактная информация: E-mail: irina_edu@mail.ru; тел. +7-342-215-28-50

DOLININA Irina Gennadyevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Chair of Humanitarian and Social and Economic Disciplines of the Perm National Research Polytechnical University (Russia, Perm, +7-342-215-28-50, e-mail: irina_edu@mail.ru)

ДОНЦОВ Дмитрий Александрович – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии труда и служебной деятельности факультета психологии, социальной медицины и адаптационно-реабилитационных технологий РГСУ (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: dontsov-junior@bk.ru; тел. 8-964-727-03-43

DONTSOV Dmitry Aleksandrovich – PhD (Psychology), assistant Professor, associate Professor of Chair Psychology of Work and Office Activity of Faculty of Psychology, Social Medicine and Adaptation and Rehabilitation Technologies of the Russian State Social University (Moscow) (Russia, Moscow, 8-964-727-03-43, e-mail: dontsov-junior@bk.ru)

ЕГОРОВА Ольга Леонидовна – преподаватель кафедры педагогики и педагогического образования РГУ имени С. А. Есенина
Контактная информация: e-mail: o.egorova@rsu.edu.ru; тел. 89156190130

EGOROVA Olga Leonidovna – Lecturer, Department of pedagogy and teacher education of the Ryazan State University named after SA Yesenin (Russia, Ryazan, 89156190130, e-mail: o.egorova@rsu.edu.ru)

ЕРШОВ Виталий Федорович – доктор исторических наук, профессор, директор Центра стратегии и развития Московского государственного областного университета
Контактная информация: e-mail: ershov_vf@mail.ru; тел. +7(985)410-15-23

ERSHOV Vitaly Fedorovich – Doctor of History, Professor, Director of the Center for Strategy and Development of Moscow State Regional University, Member of the Board of Russian Society of Historian-Archivists (Russia, Moscow, +7 (985)410-15-23, e-mail: ershov_vf@mail.ru)

ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных и соц.-эконом. дисциплин Военной академии связи имени С. М. Будённого
Контактная информация: e-mail: oe64@rambler.ru; тел. (921)7967264

EFREMOV Oleg Yurievich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, the Military Academy of communications (Russia, Saint-Petersburg, (921) 7967264, e-mail: oe64@rambler.ru)

ЗВЕРЕВ Сергей Эдуардович – кандидат педагогических наук, доцент к-ры гуманит. и социально-экономических дисциплин Военной академии связи им. С. М. Будённого
Контактная информация: E-mail: ser86979392@yandex.ru; тел. (812) 2479308

ZVEREV Sergey Eduardovich – Candidate of Pedagogical Sciences, the Senior Lecturer, Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Military Academy of communications (Russia, Saint-Petersburg, (812) 2479308, e-mail: ser86979392@yandex.ru)

ЗЕРНИНА Елена Владимировна – ст. преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского нац. исследовательского политехн. ун-та
Контактная информация: e-mail: zernina@lf.pstu.ru; тел. (342) 492-04-92

ZERNINA Elena Vladimirovna – Senior Teacher of Chair of Humanitarian and Social and Economic Disciplines of the Perm National Research Polytechnical University (Russia, Perm region, Lysva, (342) 492-04-92, e-mail: zernina @lf.pstu.ru)

ИВАНОВ Евгений Сергеевич – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заведующий кафедрой экологии и природопользования РГУ имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: o.hodosevich@rsu.edu.ru; тел. 89511022393

IVANOV Eugene Sergeevich – Dr. Agricultural Sciences, Professor, Head of the Chair Ecology and Nature Management VPO RSU named after S. A. Esenin (Russia, Ryazan, 89511022393, e-mail: o.hodosevich@rsu.edu.ru)

КАЗАРЕНКОВ Вячеслав Ильич – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной и дифференциальной психологии РУДН (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: vikprof2003@yandex.ru; тел. 8-903-565-65-91

KAZARENKOV Vyacheslav Ilyich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Differential Psychology of the Russian University of Friendship of Peoples (Russia, Moscow, 8-903-565-65-91, e-mail: vikprof2003@yandex.ru)

КАЗАРЕНКОВА Татьяна Борисовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной образовательной политики РУДН (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: tatyanabk@yandex.ru; тел. 8-903-132-95-76

KAZARENKOVA Tatyana Borisovna – Candidate of Sociological Sciences, associate Professor, Department of Comparative Educational Policy of the Russian University of Friendship of Peoples (Russia, Moscow, 8-903-132-95-76, e-mail: tatyanabk@yandex.ru)

КАНДЫБА Федор Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Южного института менеджмента (г. Краснодар)
Контактная информация: E-mail: Karasun05@mail.ru; тел. 8-918-2947518

KANDYBA Fedor Sergeevich – PhD in History, Assistant Professor of a Chair of Theori and History of State and law of South Institute of Management (Krasnodar) (Russia, Krasnodar, 8-918-2947518, e-mail: Karasun05@mail.ru)

КАПИЦА Вячеслав Станиславович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Южного института менеджмента (г. Краснодар)
Контактная информация: E-mail: capica@yandex.ru; тел. +7 918 255 50 11

KAPITSA Vyacheslav Stanislavovich – Candidate of Law, assistant Professor of Criminal- Legal Disciplines PI of the Southern Management Institute (Russia, Krasnodar, +7 918 255 50 11, e-mail: capica@yandex.ru)

КОТЛЯРОВ Станислав Николаевич – кандидат медицинских наук, заведующий кафедрой сестринского дела ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России
Контактная информация: E-mail: 79065410775@yandex.ru; тел. 8-906-541-07-75

KOTLYAROV Stanislav Nikolaevich – Candidate of Medical Sciences, Head of the Department of Nursing of Ryazan State Medical University (Russia, Ryazan, 8-906-541-07-75, e-mail: 79065410775 @yandex.ru)

КУЗНЕЦОВА Наталья Викторовна – кандидат философских наук, доцент Российского государственного социального университета (ф-л в г. Люберцы, Московская область)
Контактная информация: E-mail: Natalya@ mail. ru

KUZNETSOVA Natalya Victorovna – Candidate of Science, assistant Professor of the Russian State Social University (branch in Lyubertsy) (Russia, Moscow Region, Lyubertsye-mail: Natalya@ mail. ru)

КУТЕНКОВ Павел Иванович – кандидат культурологии, доцент Смольного института Российской академии образования (СПб.)
Контактная информация: E-mail: yarga.spb@mail.ru; тел. 8-906-228-89-98

KUTENKOV Pavel Ivanovich – PhD Cultural Studies, Associate Professor, Smolny Institute of the Russian Academy of Education (Russia, Saint Petersburg, 8-906-228-89-98, e-mail: yarga.spb@mail.ru)

КУФТЕРИН Андрей Николаевич – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского ун-та МВД России имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: qqqwerty33@mail.ru; тел. 89209721874

KUFTERIN Andrey Nikolaevich – Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named for V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, 89209721874, e-mail: qqqwerty33@mail.ru)

ЛЕНКОВ Михаил Владимирович – кандидат технических наук, проректор по учебно-методической и воспитательной работе РГУ имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: m.lenkov@rsu.edu.ru; тел. 8-(4912)-25-53-90

LENKOV Mikhail Vladimirovich – Candidate of Technical Sciences, Vice-Rector of Ryazan State University named after S. A. Esenina (Russia, Ryazan, 8-(4912)-25-53-90, e-mail: m.lenkov@rsu.edu.ru)

ЛОПАТИН Егор Александрович – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского ун-та МВД РФ имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: egor.lo@rambler.ru; тел. 89038380752

LOPATIN Egor Aleksandrovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named for V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, 89038380752, e-mail: egor.lo@rambler.ru)

ЛУКАШЕНЯ Зоя Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры технологии и изобразительного искусства Барановичского гос. ун-та (Беларусь)
Контактная информация: E-mail: zvluk@mail.ru; тел. +375 163 406200

LUKASHENYA Zoya Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor, associate Professor of Technology and Fine Arts of Baranovichsky State University; the Doctoral Candidate of the Baltic Federal University of Immanuil Kant (Republic of Belarus, Brest Region, Baranovichi, +375 163 406200, e-mail: zvluk@mail.ru)

ЛЫТКИН Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент к-ры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского ун-та МВД России имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: lytkin@yandeh.ru; тел. 89109495519

LYTKIN Nikolay Nikolaevich – Candidate of Law Sciences, associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Ryazan branch of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia named for V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, 89109495519, e-mail: lytkin@yandeh.ru)

ЛЮБАВИН Александр Владимирович – заведующий кардиологическим отделением ГУЗ Липецкая городская больница скорой медицинской помощи №1
Контактная информация: тел. 8-915-857-88-65

LYUBAVIN Aleksander Vladimirovich – Head of the Cardiology Department of the Lipetsk City Emergency Hospital No 1 (Russia, Lipetsk, 8-915-857-88-65)

Ма Лицзе – магистр, старший преподаватель Чанчуньского университета (КНР)
Контактная информация: E-mail: lijiema@foxmail.com

Ma Lijie – Master of Management, Lecturer of International Education College of Changchun University, Major Research Direction (China, Jilin Province, Changchun, e-mail: lijiema@foxmail.com)

МАРКОВ Алексей Сергеевич – кандидат психологических наук, доцент, член-корр. АПСН, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища им. генерала армии В. Ф. Маргелова
Контактная информация: E-mail: markoff.ac-50@mail.ru; тел. 8-925-045-74-62

MARKOV Alexey Sergeevich – Candidate of Psychological Sciences, associate Professor, Member-Correspondent APSN, associate Professor, Department of Humanities and Natural Sciences of the Ryazan Higher Airborne Command School named after Army General V. F. Margelov (Russia, Ryazan, 8-925-045-74-62, e-mail: markoff.ac-50@mail.ru)

МАРЧУК Ольга Анатольевна – преподаватель цикла общеправовых и социальных дисциплин МУЦ УФСИН России по Московской области (Московская область, Ногинский район, п. Новые дома)
Контактная информация: E-mail: marchuk_o@bk.ru; тел. 8-910-500-94-23

MARCHUK Olga Anatolievna – Lecturer Series General and Social Disciplines MUC UFSIN of Russia in the Moscow Region (Russia, Moscow region, Noginsk district, p. New homes, 8-910-500-94-23, e-mail: marchuk_o@bk.ru)

МАСЛОВА Светлана Юрьевна – магистр психологических наук, преподаватель, аспирант по направлению «Социология управления» ДВФУ, Кампус ДВФУ о. Русский
Контактная информация: E-mail: maslova. svetlanamu@yandex.ru; тел. 89242386435

MASLOVA Svetlana Yuryevna – Master of Psychology, Teacher, a Graduate Student in Sociology Management of the Far Eastern Federal University, Campus FEFU, Russian Island (Russia, Vladivostok, 8-924-238-64-35, e-mail: maslova. svetlanamu@yandex.ru)

МАТРАЕВА Алена Денисовна – аспирант МГУ имени М. В. Ломоносова
Контактная информация: E-mail: alenamatraeva@yandex.ru; тел. +7 (495) 375 77 23

MATRAEVA Alyona Denisovna – postgraduate Student at Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow, +7 (495) 375 77 23, e-mail: alenamatraeva@yandex.ru)

МИТИН Николай Евгеньевич – кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры ортопедической стоматологии и ортодонтии РязГМУ имени академика И. П. Павлова
Контактная информация: E-mail: nimitin@yandex.ru; тел. 89206305050

MITIN Nikolai Evgenievich – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Prosthodontics and Orthodontics of Ryazan State Medical University (Russia, Ryazan, 89206305050, e-mail: nimitin@yandex.ru)

МОРГУНОВ Антон Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела координации, организации и планирования научно-исследовательской работы Научно-исследовательского института ФСИН России (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: liber-84@mail.ru; тел. 8-903-770-56-21

MORGUNOV Anton Vladimirovich – PhD, a Leading Researcher at the Department of coordination, organization and planning of the research work of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow) (Russia, Moscow, 8-903-770-56-21, e-mail: liber-84@mail.ru)

НАГОРНОВ Валентин Павлович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета
Контактная информация: E-mail: rosnauka@mail.ru; тел. 8-910-505-45-43

NAGORNOV Valentin Pavlovich – Graduate Assistant of the Department of Russian History of Middle Ages and Modern Age MSRU (Russia, Moscow, 8-910-505-45-43, e-mail: rosnauka@mail.ru)

НИКУЛИНА Ирина Анатольевна – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского ун-та МВД РФ имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: 89537471711@yandex.ru; тел. 89109096303

NIKULINA Irina Anatolyevna – Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named for V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, 89109096303, e-mail: 89537471711@yandex.ru)

ОСКОЛОК Кирилл Владимирович – кандидат химических наук, доцент кафедры аналитической химии химического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.
Контактная информация: E-mail: k_oskolok@mail.ru; тел. 8-916-186-58-67

OSKOLOK Kirill Vladimirovich – PhD in Chemistry, Associate Professor of Analytical Chemistry, Faculty of Chemistry, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow, 8-916-186-58-67, e-mail: k_oskolok@mail.ru)

ПЛАКСИНА Ольга Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания РГУ имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: plaksina@rsu.edu.ru; тел. 8-(4912)-28-04-23

PLAKSINA Olga Aleksandrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Ryazan State University S. A. Yesenin (Russia, Ryazan, 8-(4912)-28-04-23, e-mail: o.plaksina@rsu.edu.ru)

ПОЛЯКОВ Евгений Анатольевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и служебной деятельности факультета психологии, социальной медицины и адаптационно-реабилитационных технологий РГСУ (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: eu555@mail.ru; тел. 8-(906)-075-17-16

POLYAKOV Evgeniy Anatolievich – PhD (Psychology), associate Professor of Chair Psychology of Work and Office Activity of Faculty of Psychology, Social Medicine and Adaptation and Rehabilitation Technologies of the Russian State Social University (Russia, Moscow, 8-(906)-075-17-16, e-mail: eu555@mail.ru)

ПОЛЯНЦЕВА Ангелина Васильевна – аспирант кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета (г. Краснодар)
Контактная информация: E-mail: angelina_polyanceva@mail.ru

POLYANCEVA AngelinaVasil'evna – Postgraduate of the Chair of State History and Law of Kuban State Agrarian University (Russia, Krasnodar, e-mail: angelina_polyanceva@mail.ru)

ПОПОВ Эдуард Георгиевич (Иеромонах Максим) – кандидат богословия, Св. Иоанно-Богословский Макаровский мужской монастырь, г. Саранск (Саранская митрополия)
Контактная информация: E-mail: mess-2005@mail.ru; тел. 8917 9904744

POPOV Eduard Georgievich (Hieromonk Maxim) – Candidate of Theology, the Cleric. Makarov monastery of St. John the Theologian. Saransk (Saransk archdiocese) (Russia, Mordovia, Saransk, 89179904744, e-mail: mess-2005@mail.ru)

ПРИВАЛОВ Николай Иванович – преподаватель кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В. Ф. Маргелова
Контактная информация: E-mail: strelka-rzn@mail.ru; тел. 8-910-643-78-43

PRIVALOV Nikolay Ivanovich – the teacher of chair of humanitarian and natural-science disciplines of the Ryazan highest airborne command school of the general V. F. Margelov (Russia, Ryazan, 8-910-643-78-43, e-mail: strelka-rzn@mail.ru)

РЫБАКОВА Марина Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва
Контактная информация: E-mail: rybakovamv2005@yandex.ru; тел. 8- 9166716383

RYBAKOVA Marina Vladimirovna – Ph.D., professor of Management Sociology Department of School of Public Administration of Moscow State University, Moscow (Russia, Moscow, 8-9166716383, e-mail: rybakovamv2005@yandex.ru)

РЫЖКОВА-ГРИШИНА Любовь Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и общенаучных дисциплин Московского психолого-социального университета, филиал в г. Рязани
Контактная информация: E-mail: rapsod@list.ru; тел. +7-910-908-01-01

RYZHKOVA-GRISHINA Ljubov Vladimirovna – Ph. D., assistant Professor of psychology and scientific disciplines Moscow Psychology and Sociology of the University, a branch in the city of Ryazan (Russia, Ryazan, +7-910-908-01-01, e-mail: rapsod@list.ru)

САРКИСЯН Валентина Георгиевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Южного института менеджмента
Контактная информация: E-mail: vgm_2008@mail.ru; тел. +7 918 398 30 16

SARKISYAN Valentina Georgievna – Candidate of Law, Senior Lecturer of Criminal-Legal Disciplines of Southern Institute of Management (Russia, Krasnodar, +7 918 398 30 16, e-mail: vgm_2008@mail.ru)

СЕРДЮК Наталья Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД РФ (г. Москва), полковник полиции
Контактная информация: E-mail: serdyuk@mail.ru; тел. 8-916-030-47-57

SERDYUK Nataly Vladimirovna – Grand PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with the Personnel the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, Colonel of Police (Russia, Moscow, 8-916-030-47-57, e-mail: serdyuk@mail.ru)

СУСЛО Евгений Александрович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД РФ имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: 89209700080@ya.ru; тел. 89209700080

SUSLO Evgeniy Alexandrovich – Senior Lecturer of Criminal Procedure and Criminalistics Department of the Ryazan branch of the Federal State Public Educational Establishment of Higher Training «Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot» (Russia, Ryazan, 89209700080, e-mail: 89209700080@ya.ru)

ТАРАСОВ Юлий Юльевич – начальник кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД РФ (г. Москва), полковник полиции
Контактная информация: E-mail: tarasov@mail.ru; тел. 8-499-150-22-59

TARASOV Yuly Yulyevich – Head of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with the Personnel the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, Colonel of Police (Russia, Moscow, 8-499-150-22-59, e-mail: tarasov@mail.ru)

У Лижу – магистр, старший преподаватель Чанчуньского университета (КНР)
Контактная информация: E-mail: deartiger567@163.com;

Wu Liru – Master of Linguistic and Literature, Lecturer of Foreign Language College of Changchun University, Major Research Direction (China, Jilin Province, Changchun, e-mail: deartiger567@163.com)

ФЕДОТОВ Илья Андреевич – ассистент кафедры психиатрии ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России (г. Рязань) 8-920-950-98-69

FEDOTOV Ilya Andreevich – Assistant of the Department of Psychiatry of the Ryazan State Medical University (Russia, Ryazan, 8-920-950-98-69)

ХАМИДОВА Ирина Васильевна – кандидат психологических наук, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского ун-та МВД России имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: i.v.hamidova@yandex.ru; тел. 89056920887

HAMIDOVA Irina Vasilyevna – Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named for V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, 89056920887, e-mail: i.v.hamidova@yandex.ru)

ХАРИТОНОВ Дмитрий Юрьевич – доктор медицинских наук, заведующий кафедрой челюстно-лицевой хирургии, декан стоматологического факультета Воронежской государственной медицинской академии имени Н. Н. Бурденко Минздрава России
Контактная информация: E-mail: -duhdoct@mail.ru; тел. 89518694090

KHARITONOV Dmitriy Yur'evich – Doctor of Medical Sciences, Head of the Department of Maxillofacial Surgery, Dean of the Faculty of Dentistry of the Medical University Voronezh State Medical Academy by NN Burdenko (Russia, Voronezh, 89518694090, e-mail: -duhdoct@ mail.ru)

ЦАРЬКОВА Татьяна Валерьевна – ординатор кафедры ортопедической стоматологии и ортодонтии ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России
Контактная информация: E-mail: Tatiana.ortho@gmail.com; тел. 8(920)9909774

TSARKOVA Tatyana Valeryevna – Ordinator of the Department of Prosthetic Dentistry and Orthodontics of the Ryazan State Medical University (Russia, Ryazan, 8(920)9909774)

ЧЕРНЫШЕВ Илья Игоревич – аспирант МГУ имени М. В. Ломоносова
Контактная информация: E-mail: 7994114@gmail.com; тел. +7 (903) 799 41 14

CHERNYSHEV Ilya Igorevich – Postgraduate of the Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow, +7 (903) 799 41 14, e-mail: 7994114@gmail.com)

ШАНЬ Юй [Shan Yu] – Master, Lecturer, Public English Teaching and Research Department, Changchun University, China
Контактная информация: E-mail: 458253049@qq.com; тел. +8618686548800

ШИРОКИХ Оксана Богдановна – доктор педагогических наук, профессор, декан педагогического факультета Государственного социально-гуманитарного ун-та (г. Коломна)
Контактная информация: E-mail: shirokikhok@mail.ru; тел. 8-903-728-33-83

Shirokikh Oksana Bogdanovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of Pedagogical Faculty of the State Social-Humanitarian University (Russia, Moscow region, Kolomna, 8-903-728-33-83, e-mail: shirokikhok@mail.ru)

ШИТОВ Евгений Александрович – кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии РязГМУ имени акад. И. П. Павлова
Контактная информация: E-mail: evgendoktor@yandex.ru; тел. 8-920-637-38-40

SHITOV Evgeniy Aleksandrovich – Candidate of Medical Sciences, assistant professor of psychiatryof the Ryazan State Medical University (Russia, Ryazan, 8-920-637-38-40, e-mail: evgendoktor @yandex.ru)

ШКАБИН Геннадий Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент к-ры уголовного права и криминологии Рязанского ф-ла Московского ун-та МВД РФ имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: uprzn@ya.ru; тел. 89109068617

SHKABIN Gennadiy Sergeevich – Candidate of Law Sciences, associate Professor of the Department

of Criminal Law and Criminology of the Ryazan branch of the Federal State Public Educational Establishment of Higher Professional Training «Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. Y. Kikot» (Russia, Ryazan, 89109068617, e-mail: uprzn@ya.ru)

ШОЛАСТЕР Алексей Николаевич – врач СМП ГУЗ Коломенская ЦРБ
Контактная информация: тел. 8-917-595-85-46

SHOLASTER Aleksey Nikolaevich – Doctor of Kolomna Central District Hospital (Russia, Moscow region, Kolomna, 8-917-595-85-46)

ШУЛЬГА Андрей Витальевич – заместитель начальника отдела информационных технологий Аппарата Общественной палаты Российской Федерации
Контактная информация: E-mail: a.shulga@oprf.ru; тел. 8-905-774-18-36

SHULGA Andrey Vitalevich – Deputy Head of Information Technology Department, the Apparatus of the Public Chamber of the Russian Federation (Russia, Moscow, 8-905-774-18-36, e-mail: a.shulga @oprf.ru)

ФИЛИМОНОВ Александр Павлович – кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии и психотерапии ФДПО РязГМУ имени акад. И. П. Павлова
Контактная информация: E-mail: evgendoktor@yandex.ru; тел. 8-910-643-00-92

FILIMONOV Aleksander Pavlovich – Candidate of Medical Sciences, assistant professor of psychiatry of the Ryazan State Medical University (Russia, Ryazan, 8-910-643-00-92, e-mail: evgendoktor @yandex.ru)

ФОМАШИНА Наталья Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков РВВДКУ им. генерала армии В. Ф. Маргелова (г. Рязань)
Контактная информация: E-mail: nafoma2@yandex.ru; тел. 8-915-596-98-23

PHOMASHINA Natalia Vasilevna – Candidate of Pedagogic Science, Docent of the Foreign and Russian Language Department of the Ryazan Airborne Command School named after General of the Army V. Ph. Margelov (Russia, Ryazan, 8 915 596 98 23, e-mail: nafoma2@yandex.ru)

ЭНДЕБЕРЯ Ирина Владимировна – ассистент кафедры практической психологии Донбасского государственного педагогического университета (Украина, г. Славянск)
Контактная информация: E-mail: irinaendebery@mail.ru

ENDEBERY Irina Vladimirovna – Assistant of the Department of Practical Psychology of the Donbass State Pedagogical University (Ukraine, Slavyansk, e-mail: irinaendebery@mail.ru)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В «РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ»

1. Правила оформления научных статей: набор текста в формате Word, шрифт Times New Roman; размер шрифта - 14; междустрочный интервал -1,5; формат бумаги - А4; отступ - 5 мм, поля - 20 мм. Объём статьи - не менее 10 стандартных машинописных листов. Сноски и примечания, список литературы формировать единым списком под названием **Примечания** - в конце статьи. Ссылки в тексте - в квадратных скобках, первая цифра - номер ссылки в концевом списке Примечаний, вторая цифра - номер страницы, например: [3. С. 15].

2. На первой странице статьи указываются:

2.1. Название научного или учебного заведения, той организации, в которой выполнена научная работа, либо учреждение, где работает автор статьи.

Указывается также местонахождение указанной организации: страна, регион, населённый пункт.

2.2. УДК и ББК, в случае, если автор не может провести классификацию по данным классификаторам, то классификацию проводит редакция журнала.

2.3. Название разделов науки, к которым, по мнению автора, принадлежит его статья.

2.4. Название статьи - прописными буквами жирным шрифтом.

В следующей строке располагаются научная степень автора, его инициалы и фамилия.

2.5. Далее следует аннотация статьи или сообщения.

2.6. После аннотации помещаются ключевые слова, отражающие основное содержание статьи.

2.7. После ключевых слов размещается основной текст статьи.

2.8. Статья завершается примечаниями.

2.9. Дополнительно к материалам статьи прилагаются на английском языке - фамилия автора, название статьи, аннотация (summary), ключевые слова (key words), разделы науки.

3. Публикации в журнале платные. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Предварительно подаётся заявка на публикацию статьи по электроннному адресу: rosnauka@mail.ru

4. Стоимость пересылки одного экземпляра журнала: по России -100 руб.; по странам СНГ - 250 руб.; стран дальнего зарубежья - определяется расчётным путём.

5. К материалам статьи отдельным файлом прилагается авторская справка, содержащая основные сведения об авторе:

Ф.И.О. автора, учёное звание, учёная степень, место работы, должность, почтовый адрес (с индексом), электронный адрес (e-mail), номера контактных телефонов для открытой печати.

6. Для аспирантов и соискателей обязательно предоставление в редакцию рецензии от научного руководителя или известного специалиста. Рецензия должна быть заверена надлежащим образом.

7. Стоимость одного экземпляра журнала 500 рублей.

8. Наш почтовый адрес:

390039, г. Рязань, ул. Интернациональная, д. 13, кв. 208, Нагорнов Валентин Павлович.

9. Наши банковские реквизиты:

Наименование получателя платежа:
АНО «РИЭПСИ»
ИНН/КПП 6234037737/623401001
Р/счет № 40703810101060000126
в Филиале «Московский»
ООО «Промрегионбанк», г. Москва
БИК 044583224,
к/с 30101810100000000224
в Отделении 1 Москва
Назначение платежа - целевые взносы

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
– ПИ №ФС77–35383 от 19 февраля 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ: В. П. НАГОРНОВ

ИЗДАТЕЛЬ: АНО «РИЭПСИ»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
390039, Рязань, ул. Интернациональная, д. 13, кв. 208

Тел. моб. 8-910-505-45-43
E-mail: rosnauka@mail.ru
http: // www.rnjournal.narod.ru

Дата выхода выпуска в свет – 15.10.2015
Тираж 1 000 экз.
Каталожная цена за 6 месяцев – 1200 руб.
Заказ № 843.
Отпечатано в ООО «Полиграфия».
390000, Рязань, ул. Почтовая, 61, стр. 9а.